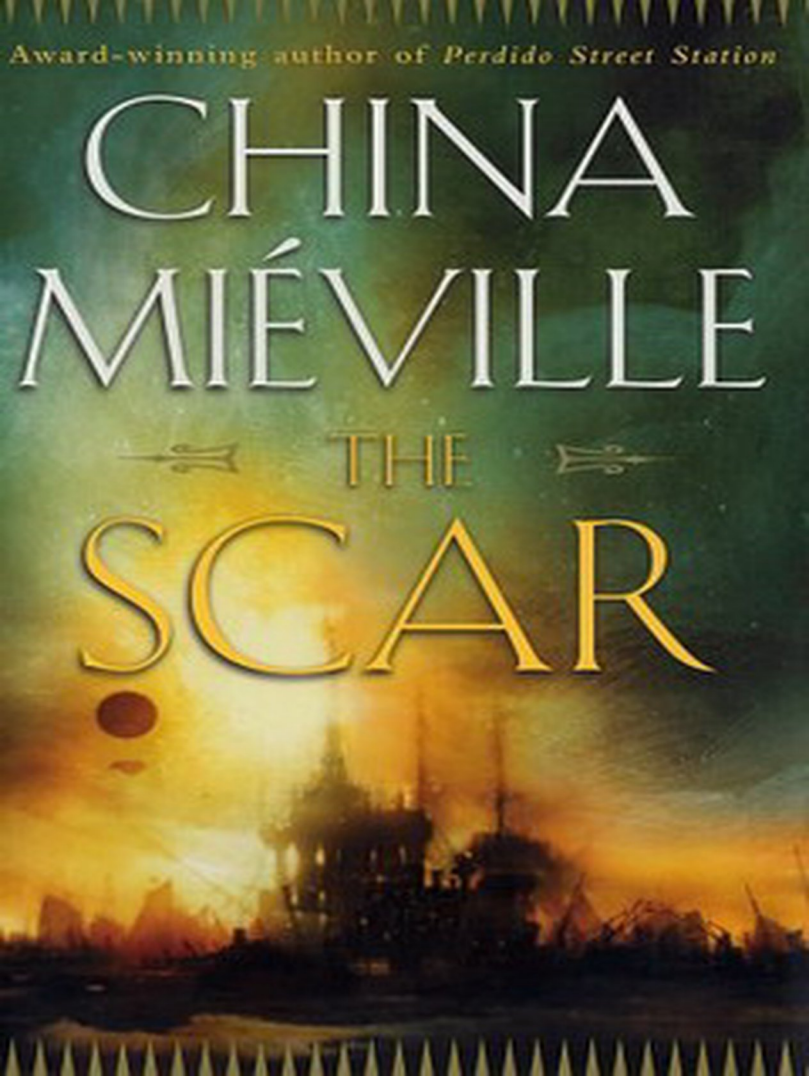
Award-winning author of *Perdido Street Station*
CHINA MIÉVILLE
THE SCAR

Шрам
Чайна Мьевиль

Аннотация
Чайна Мьевиль. «Шрам»
Благодарности
Шрам
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАНАЛЫ
  ГЛАВА 1
  ГЛАВА 2
  ГЛАВА 3
  ГЛАВА 4
  ГЛАВА 5
Интерлюдия I. В ДРУГОМ МЕСТЕ
Интерлюдия II. БЕЛЛИС ХЛАДОВИН
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СОЛЬ
  ГЛАВА 6
  ГЛАВА 7
  ГЛАВА 8
  ГЛАВА 9
  ГЛАВА 10
  ГЛАВА 11
  ГЛАВА 12
  ГЛАВА 13
  ГЛАВА 14

Интерлюдия III. В ДРУГОМ МЕСТЕ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ФАБРИКА КОМПАСОВ
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ГЛАВА 19
ГЛАВА 20
Интерлюдия IV. В ДРУГОМ МЕСТЕ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КРОВЬ
ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
ГЛАВА 23
ГЛАВА 24
ГЛАВА 25
ГЛАВА 26
Интерлюдия V. ФЛОРИН САК
Интерлюдия VI. В ДРУГОМ МЕСТЕ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ШТОРМА
ГЛАВА 27
ГЛАВА 28
ГЛАВА 29
ГЛАВА 30
ГЛАВА 31
ГЛАВА 32
Интерлюдия VII. КАНАЛ ВАСИЛИСКА

Интерлюдия VIII. В ДРУГОМ МЕСТЕ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. УТРЕННИЙ СКОРОХОД
ГЛАВА 33
ГЛАВА 34
ГЛАВА 35
ГЛАВА 36
ГЛАВА 37
ГЛАВА 38
ГЛАВА 39
ГЛАВА 40
Интерлюдия IX. БРУКОЛАК
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ
ГЛАВА 41
ГЛАВА 42
ГЛАВА 43
ГЛАВА 44
ГЛАВА 45
ГЛАВА 46
ГЛАВА 47
КОДА
ФЛОРИН САК
БЕЛЛИС ХЛАДОВИН

Аннотация

Впервые на русском — роман, действие которого происходит в том же мире, что и у «Вокзала потерянных снов» — признанного фантасмагорического шедевра, самого восхитительного и увлекательного, на взгляд коллег по цеху, романа наших дней, лучшего, по мнению критиков, произведения в жанре стимпанк со времен «Машины различий» Гибсона и Стерлинга. Беллис Хладовин бежит из гигантского мегаполиса Нью-Кробюзон; опытный лингвист, она устраивается переводчиком на корабль, идущий в Нова-Эсперіум. Но корабль захватывают пираты, и новая жизнь Беллис начинается не в далекой кробюзонской колонии, а на Армаде — составленном из тысяч и тысяч судов плавучем пиратском городе, не одно столетие бороздящем Вздувшийся океан и управляемом парой садомазохистов, известной как Любовники. Подобно Нью-Кробюзону, Армаду населяют люди и жукоголовые хепри, русалки и водяные, рукотворные мутанты — переделанные и люди-кактусы, а также струподелы и вам-

пиры. Отказываясь примириться с тем, что никогда больше не увидит свой родной город, Беллис готова на все, лишь бы выяснить природу глубоко засекреченного проекта, над которым работают доктор биологии Иоганнес Тиарфлай, лучший охотник во всем Бас-Лаге Тинтиннабулум, Любовники и их телохранитель Утер Доул…

Чайна Мьевиль
«Шрам»

Благодарности

С глубокой любовью и признательностью Эмме Берчам, снова и всегда.

Огромная благодарность всем в «Макмиллане» и «Дель Рее», в особенности моим редакторам, Питеру Лейвери и Крису Шлупу. И, как и всегда, моя признательность, которую невозможно выразить словами, Мик Читэм.

Я в долгу перед всеми, кто читал черновики и давал мне советы: моей матерью Клодией Лайтфут, моей сестрой Джемаймой Мьевиль, Максом Шейфером, Фарой Мендельсон, Марком Булдом, Оливером Читэмом, Эндрю Батлером, Мэри Сандис, Николасом Блейком, Дианой Хоук, Джонатаном Огрейаном, Коллин Линдсей, Катлин О'Ши и Саймоном Кавана. Без них эта книга была бы гораздо хуже.

Шрам

Но память не заходит в заходящее солнце, в этот зеленый и замерзший взгляд в бескрайнее синее море, где разбитые сердца выкорчевываются из их ран. Слепое небо выбелило интеллект человеческой кости, обдирая кожу эмоций с трещины и обнажая боль под ней. А это зеркало обнажает меня, голый и уязвимый факт.

Дамбудзо Маречера, «Черный солнечный свет»

В миле под самыми низкими облаками скала вспарывает воду, и начинается море.

Ему давали самые разные имена. Каждый залив, каждая бухта и поток обозначались так, будто они сами по себе. Но они — одно целое, и говорить о каких-то границах нелепо. Это целое заполняет пространства между камнями и песком, омывает береговую линию, заполняет впадины между континентами.

По краям мира соленая вода так холодна, что обжигает. Огромные плиты замерзшего моря притворяются сушей, они ломаются, рушат-

ся, видоизменяются, когда их вдоль и поперек рассекают туннели, обиталища ледяных крабов, философов в панцире живого льда. В южных мелководьях есть леса трубчатых червей, бурых водорослей и хищных кораллов. С идиотской грацией проплывет медуза. Трилобиты гнездятся в костях и растворяющемся железе.

Море переполнено.

На поверхности свободно парят существа, которые живут и умирают, так и не увидев под собой дна. Сложные экосистемы процветают в неритовых водах и на равнинах, соскальзывая по органическим осыпям к кромкам скалистых шельфов и дальше — туда, куда не достигает свет.

Есть тут и ущелья. То ли моллюски, то ли божества терпеливо выжидают под столбом воды высотой в восемь миль. В этом лишенном света холоде царствует эволюция с ее жестокостью. Примитивные существа испускают слизь и свечение и двигаются, мельтеша неясными конечностями. Логика их форм порождена ночными кошмарами.

Здесь существуют бездонные столбы воды. Здесь есть места, где гранитная и илистая основа моря распадается на вертикальные туннели:

они уходят вниз на многие мили и разбегаются в другие планы под таким огромным давлением, что вода становится густой и вязкой. Она проникает сквозь поры реальности, просачивается назад, угрожая размывами, оставляет трещины, через которые могут выйти наружу смещенные силы.

В прохладных промежуточных глубинах сквозь породу прорываются гидротермические струи, образуя облака перегретой воды. Здесь нежатся всю свою недолгую жизнь замысловатые существа, которые не удаляются от теплой, богатой минералами воды дальше чем на несколько футов, потому что холод сразу же убивает их.

Ландшафт под поверхностью воды образован горами, каньонами, лесами, ползучими дюнами, ледяными кавернами и кладбищами. Вода насыщена материей. Острова невозможным образом плавают в глубинах, уловленные зачарованными приливами. Некоторые размером не больше гроба — малые, не желающие тонуть осколки кремня и гранита. Другие — это изъеденные куски породы в полмили длиной: они висят в нескольких тысячах футов под поверхностью и двигаются в медленных загадочных потоках. Существуют сообщества этих нетонущих островов; существу-

ют тайные королевства.

На океанском дне есть свои герои, здесь происходят жестокие сражения, незаметные для обитателей суши. Здесь есть свои боги и свои катастрофы.

Между водой и воздухом проходят корабли, являясь без приглашения. Их тени скользят по дну, там, где оно достаточно высоко и свет достигает его. Над сгнившими остовами судов проплывают торговые корабли, рыбацкие лодки, китобои. Тела моряков удобряют воду. Рыбы-падальщики выедают глаза и губы. В коралловых сооружениях видны пустоты — когда-то тут были якоря и мачты. Затонувшие корабли оплаканы или забыты, и живое дно океана принимает их, укрывает ракушками, делает логовом мурен, крысорыб, креев-отшельников и других, куда как более хищных тварей.

На самой глубине, где физические законы сокрушены непомерным давлением воды, мертвые тела продолжают медленно падать в темноте — много дней спустя после того, как затонули их суда.

На своем долгом пути вниз они разлагаются. Мирового дна достигнут лишь их кости, окутанные слизью водорослей.

На краях каменных террас, где легкая вода уступает место наползающей на нее темноте, притаился крей-самец. Он видит жертву, в горле у него раздаются щелчки и треск, он стягивает капюшон со своего охотничьего кальмара и отпускает его.

Кальмар устремляется прочь, ныряет в косяк мельтешащей жирной макрели, который, как облако, меняет свою форму в двадцати футах над ним. Футовые щупальца действуют как лассо. Кальмар возвращается к своему хозяину, таща умирающую рыбину, а косяк снова смыкается за ним.

Крей откусывает у макрели хвост и голову, а туловище засовывает в сетку, висящую у него на поясе. Окровавленную голову он отдает кальмару — пусть погрызет.

Верхняя часть тела крея, мягкая, не защищенная панцирем, чувствительна к течениям воды и перемене температуры. Когда сложные течения встречаются и взаимодействуют, ему кажется, будто кто-то щекочет его желтоватую шею. Макрелевое облако судорожно сжимается, а потом вдруг резко исчезает за покрытым коркой рифом.

Крей поднимает руку, подзывает кальмара по-

ближе, легонько поглаживает его. Поглаживает пальцами свой гарпун.

Он стоит на гранитном выступе, где полощутся водоросли и папоротники, лаская его длинное подбрюшье. Справа над ним возвышается пористый холм. Слева склон резко уходит на глубину, куда не проникает свет. Крей чувствует, что снизу веет холодком. Он смотрит в эту крутую смену синевы. Далеко наверху, на поверхности, видна световая рябь. Внизу лучи света резко сходят на нет. Он стоит лишь чуть-чуть выше зоны вечной тьмы.

Он осторожно переступает ногами по кромке плато. Он частенько приходит поохотиться сюда, подальше от более светлых и теплых течений, где добыча не так осторожна. Иногда любопытство выгоняет из тьмы крупную дичь, незнакомую с его хитроумной тактикой и колючими пиками. Крей нервно топчется в водном потоке и смотрит в открытое море. Иногда из темноты появляется не жертва, а хищник.

На него набегают холодные волны. Галька вокруг его ног шевелится, скатывается с обрыва вниз и исчезает из виду. Крей цепляется за скользкие камни.

Где-то внизу под ним чувствуется легкое

столкновение пород. Крея продирает мороз, и причиной тому — не холодные волны. Камни меняют взаимное расположение, и через вновь возникшие трещины устремляются потоки магических струй.

В холодной воде на границе тьмы возникает нечто зловещее. Охотничий кальмар впадает в панику и, когда крей снова отпускает его, сразу же устремляется наверх по склону, к свету. Крей вглядывается назад, в мглу, в поисках источника звука.

Что-то сильно и зловеще дрожит. Крей пытается разглядеть, что там такое, сквозь воду, заполненную взвесью и планктоном, и замечает какое-то движение. Далеко внизу дрожит часть скалы размером с человека. Крей кусает губы, видя, как большой камень неправильной формы отрывается и летит вниз.

Грохот падения слышен еще долго после того, как камень пропадает из виду.

Теперь в склоне есть выщербина, которая наполняет море темнотой. Какое-то время все вокруг тихо, и крей в тревоге ощупывает свою пику. Он сжимает ее в руке, взвешивает и чувствует дрожь в своем теле.

И тут из дыры бесшумно выскальзывает что-

то бесцветное и холодное.

Оно обманывает глаз, порхая с невероятной врожденной обманчивой живостью; кажется, будто струпья отпадают от раны. Крей-самец замирает. Его одолевает страх.

Появляется еще чей-то силуэт. И опять крей не может разобрать, что это такое, — очертания ускользают от него. Это новое существо похоже на воспоминание или впечатление, оно не поддается классификации. Оно быстрое, плотное и навевает холодный ужас.

Потом появляется еще одно, потом еще и еще, и вот из темноты струится непрерывный поток. Существа смещаются, будучи отчасти видимыми, соединяются, распространяются вширь, их движения неясны.

Крей-самец неподвижен. Он слышит в шуме прилива странный шепоток, какие-то беседы.

Глаза его расширяются, когда он видит огромные, загнутые назад зубы и складчатые тела. Зловещие сильные твари мельтешат в ледяной воде.

Крей-самец приходит в движение, пятится, его ноги едва касаются наклонной поверхности. Он пытается успокоить себя, но поздно — у него вырываются тихие крики ужаса.

Одним ленивым хищным броском темные существа, сгрудившиеся под ним для совета, начинают движение. Крей-самец видит темные пятна — десятки глаз — и с тошнотворным страхом понимает, что они наблюдают за ним.

А потом с чудовищной грацией существа поднимаются и набрасываются на него.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КАНАЛЫ

ГЛАВА 1

Лишь в десяти милях за городом река теряет свою инерцию и неторопливо вливается в излучину устья, питающего Железный залив.

Суда, плывущие на восток из Нью-Кробюзона, попадают в низовье. На юге видны хижины и полусгнившие пристани, с которых, пытаясь разнообразить свою пищу, забрасывают удочки местные работяги. Их дети робко машут путешественникам. Изредка попадается утес, скала или худосочная рощица — места, бросающие вызов фермерам; но по большей части земля свободна от камней.

С палуб матросы видят линии живых изгородей и деревьев, уходящие в поля. Это оконечность Зерновой спирали — длинной дуги фермерских хозяйств, которые кормят город. Местные жители в зависимости от времени года собирают урожай, пашут черную землю или сжигают жнивье. Между полей медленно движутся лодочки — по каналам, невидимым за насыпями и растительностью. Они совершают бесконечные рейсы между метрополией и фермами. Они привозят удобрения и топливо, камень, цемент и предме-

ты роскоши за город. Они возвращаются в город мимо участков обихоженной земли, застроенной деревушками, большими домами и мельницами; они несут на себе горы мешков с зерном и мясом.

Этот поток никогда не иссякает. Нью-Кробюзон ненасытен.

Северный берег Большого Вара не столь обжит. Это обширное пространство, на котором кустарники перемежаются с болотами. Оно протянулось на восемьдесят с лишним миль до самого подножия невысоких гор, которые наползают на него с запада и плотно закрывают с этой стороны. Ограниченное рекой, горами и морем, это лесистое пространство по большей части необитаемо. Если там и есть какая-то живность, кроме птиц, то она предпочитает не попадаться на глаза.

Беллис Хладовин села на судно, направляющееся на восток, в последней четверти года, в сезон непрерывных дождей. Поля, которые она видела вокруг, стали сплошной холодной топью. С полуголых деревьев капала вода. Казалось, что кто-то окунул их в облака.

Позже, мысленно возвращаясь в это несчастное время, Беллис поражалась четкости своих воспоминаний. Она помнила, как, гогоча, постро-

илась клином гусиная стая, пролетевшая над их судном, помнила запах живицы и земли, сине-серый оттенок неба. Она помнила, как выискивала взглядом полезащитные полосы, но так и не нашла ни одной. Только нити дыма в промозглом воздухе и низкие домики с закрытыми из-за погоды ставнями.

Еле заметное шевеление растительности на ветру.

Беллис стояла на палубе, закутавшись в шаль, смотрела и слушала — не появятся ли играющие дети или рыболовы, не выйдет ли кто-нибудь поработать в свой жалкий огород. Но раздавались только крики диких птиц. Единственными человеческими фигурами были равнодушные пугала с едва намеченными чертами.

Путешествие Беллис пока что было недолгим, но воспоминания о нем уже стали назойливыми, как болезнь. Она словно была привязана к оставшемуся позади городу, отчего минуты по мере ее движения растягивались, как резина, и чем дальше она уходила, тем больше они замедлялись, удлиняя ее короткое путешествие.

А потом эти минуты сорвались, как тетива, и Беллис забросило сюда: она оказалась одна, вдали от дома.

Гораздо позже, когда от всего, что было знакомо Беллис, ее отделили многие и многие мили, она порой просыпалась в удивлении оттого, что снился ей вовсе не город, который сорок лет был ее домом. Ей снился этот короткий отрезок реки, эта исхлестанная дождем полоска земли, тянувшаяся по обеим сторонам от нее меньше половины дня.

На водной глади, в нескольких сотнях футов от скалистого берега Железного залива, стояли на рейде три потрепанных корабля. Их якоря глубоко ушли в донный ил, цепи за долгие годы поросли ракушками.

Корабли, уже не годившиеся для плавания, были все в черном битуме, на носу и на корме у них громоздились какие-то шаткие деревянные надстройки. От мачт остались одни обрубки. Трубы давно уже не дымили и покрылись слоем птичьего помета.

Корабли стояли близко друг к другу и были окружены буями, связанными между собой колючей цепью, которая местами уходила под воду. Три старых судна приросли к своему собственному клочку моря, и никакие течения не тревожили их.

Они притягивали глаз. Они были объектом

наблюдения.

На своем корабле, чуть поодаль, Беллис подошла к иллюминатору и посмотрела на эту троицу, — за прошедший час она делала это не раз и не два. Она обхватила себя руками ниже груди и наклонилась к стеклу.

Каюта ее казалась неподвижной. Волны под кораблем были медленными и невысокими — почти незаметными.

Свинцово-серое небо набухло от влаги. Береговая полоса и каменистые холмы, очерчивающие Железный залив, выглядели потертыми и очень неуютными. Местами они поросли сорняком и бледным, пропитанным солью папоротником.

Ничего темнее трех деревянных корпусов вокруг не было.

Беллис медленно опустилась на свою койку и взялась за письмо. Оно напоминало дневник: строки и абзацы разделялись датами. Перечитывая последние записи, Беллис открыла тонкую коробочку с сигариллами и спичками, зажгла одну, глубоко затянулась, потом, вытащив авторучку из кармана, добавила несколько слов убористым почерком и только после этого выпустила дым.

Суккота, 26 обдира 1779 года. На борту

«Терпсихории».

Прошла почти неделя с того дня, как мы оставили рейд Устья Вара, и я рада, что это случилось наконец. Это жуткий городишко, где процветает насилие.

Ночи, как мне и советовали, я проводила в своем жилище, но дни принадлежали мне. Я видела, что это за место: довольно узкая полоса земли, где суетятся люди. Она простирается приблизительно на милю к югу и к северу от устья и разделена надвое водой. Каждый день к нескольким тысячам здешних обитателей присоединяется огромное число тех, кто прибывает на рассвете из города, — они приезжают из Нью-Кробюзона на лодках или телегах, работать. Каждую ночь бары и бордели заполняются иностранными моряками, ненадолго отпущенными на берег.

Говорят, что корабли посолиднее проходят еще несколько миль до самого Нью-Кробюзона и разгружаются на причалах Келлтри. Городские причалы вот уже два столетия заняты лишь наполовину. Там разгружаются только суда,

которые фрахтуют на раз, да пираты. Их груз тоже окажется в городе, но у них нет ни времени, ни денег, чтобы пройти еще несколько миль и заплатить дополнительные пошлины, налагаемые властями.

Там всегда есть корабли. Железный залив набит кораблями, отдыхающими после долгих переходов, укрывающимися от превратностей открытого моря. Торговые суда из Гнурр-Кетта, Хадоха и Шанкелла, прибывающие в Нью-Кробюзон или отплывающие из него, стоят на якоре около Устья Вара, чтобы экипаж мог отдохнуть. Иногда вдалеке, в центре залива, я видела морских змеев — они играли и охотились, спущенные с кораблей-колесниц, свободные от уздечек.

Городская экономика основана не только на проституции и пиратстве. В городе полно всевозможных мастерских и железнодорожных тупичков. Он уже много столетий живет кораблестроительством. Там и сям виднеются верфи со стапелями — причудливыми лесами из вертикальных балок. Кое-где видны призрачные

очертания недостроенных судов. Эта тяжелая, грязная и шумная работа продолжается непрерывно.

Улицы пересечены маленькими частными рельсовыми ветками, по которым из одного конца Устья Вара в другой доставляют лес, топливо, что угодно. Каждая компания соорудила собственную линию, связывающую разные предприятия, и каждая такая линия ревностно охраняется. Городок представляет собой идиотское переплетение дублирующих друг друга путей.

Не знаю, известно ли это тебе. Не знаю, бывал ли ты когда-нибудь в этом городишке.

У местных двойственное отношение к Нью-Кробюзону. Устье Вара и дня бы не прожило без покровительства столицы. Они это знают, и это вызывает их негодование. Их угрюмая независимость — всего лишь притворство.

Мне пришлось пробыть там почти три недели. Капитан «Терпсихории» был потрясен, когда я сказала ему, что найду его в самом Устье Вара, а не поплыву с

ними из Нью-Кробюзона. Но я настояла, — ничего другого мне не оставалось. Мое положение на корабле обусловлено мнимым знакомством с языком креев Салкрикалтора. У меня было меньше месяца до отплытия, чтобы превратить ложь в правду.

Я подготовилась. Я проводила дни в Устье Вара в компании с неким Марикатчем, пожилым креем-самцом, который согласился быть моим наставником. Каждый день я приходила на соленые каналы крейского квартала. Я сидела на низком балконе, опоясывающем его комнату, а он пристраивал свою закованную в панцирь нижнюю часть тела на какую-нибудь погруженную в воду мебель, почесывал и поглаживал свою тощую человеческую грудь, обращаясь ко мне из воды с речами.

Это было непросто. Он не умеет читать. Он не профессиональный учитель. Он живет здесь только потому, что из-за несчастного случая или нападения хищника остался калекой — лишился с одной стороны почти всех ног, так что теперь не

может охотиться даже на ленивую рыбу Железного залива. Красиво бы выглядело, напиши я, что привязалась к нему, что он весьма милый, придирчивый пожилой господин, но он настоящее дерьмо и зануда. Однако жаловаться не приходилось. Выбора у меня не было — нужно было сосредоточиться, вспомнить всякие штучки-дрючки, погрузить себя в языковой транс (ох, как же это было трудно! Я так давно этим не занималась, что мой ум разжирел и омерзел) и впитывать каждое его слово.

Все это делалось в спешке, без всякой системы (кошмар, жутчайший кошмар), но, когда «Терпсихория» пришвартовалась в гавани, я уже довольно сносно понимала этот щелкающий язык.

Я оставила ожесточенного старого ублюдка в его застойной воде, покинула мое жилье в городишке и переместилась в каюту — ту самую, из которой пишу.

Утром в пыледельник мы не спеша вышли из Устья Вара и взяли курс к пустынным южным берегам Железного залива — в двадцати милях от Устья. В

стратегических точках по берегу залива, в потаенных местечках недалеко от всхолмлений и сосновых лесов я видела корабли, построенные в боевом порядке. О них никто не говорил. Я знаю, это корабли, принадлежащие правительству Нью-Кробюзона. Каперы и прочие.

Сегодня суккота.

В пяльницу я уговорила-таки капитана позволить мне сойти на берег, где и провела утро. Железный залив глаз не радует, но хуже этого треклятого корабля вообще ничего нет. Я начинаю даже сомневаться, что он лучше Устья Вара. Голова идет кругом от непрестанного тупого плеска волн о борт.

На берег меня доставили два неразговорчивых матроса, которые без всякого сочувствия смотрели, как я перешагнула через борт лодчонки и прошла последние несколько футов по ледяной пенящейся воде. Ботинки у меня и сейчас жесткие и в солевых разводах.

Я сидела на камнях и кидала гальку в воду. Я читала дрянной толстенный роман, найденный мною на борту, и

смотрела на корабль. Он стоит на якоре недалеко от тюрем, так что наш капитан легко может разговаривать с тюремщиками и приглашать их в гости. Я смотрела и на сами корабли-тюрьмы. Ни на палубах, ни за иллюминаторами никто не двигался. Там никогда никто не двигается.

Клянусь, я не знаю, по силам ли мне все это. Я скучаю по тебе и по Нью-Кробюзону.

Я помню свое путешествие.

Трудно поверить, что от города до забытого богами моря всего десять миль.

В дверь крохотной каюты кто-то постучал. Беллис сложила губы трубочкой и помахала листом бумаги, чтобы высохли чернила. Она неспешно сложила его и сунула в сундук со своими вещами, потом подняла колени чуть повыше и, глядя, как открывается дверь, принялась играть ручкой.

На пороге, упираясь вытянутыми в стороны руками о дверной косяк, стояла монахиня.

— Мисс Хладовин, — неуверенно сказала она. — Позвольте войти?

— Это ведь и ваша каюта, сестра, — тихо сказала Беллис, вращая ручку вокруг большого пальца.

Этот жест, сродни нервному тику, она довела до совершенства еще в университете.

Сестра Мериопа сделала несколько шажков внутрь и села на единственный стул, затем разгладила на себе темное монашеское одеяние из грубой ткани и поправила апостольник.

— Мы с вами вот уже несколько дней делим каюту, мисс Хладовин, — начала сестра Мериопа, — а у меня такое чувство, будто я вас совсем не знаю. А мне бы хотелось, чтобы все стало иначе. Поскольку наше путешествие продлится много недель и мы все это время будем жить вместе… общение, некоторая доверительность могли бы скрасить эти дни… — Голос ее умолк, она переплела пальцы.

Беллис, замерев, смотрела на нее. Против воли она испытывала к сестре Мериопе некоторую презрительную жалость. Она могла представить себе, как видит ее монахиня: неуживчивая, резкая, костлявая. Бледная. Фиолетовые синяки под глазами, оттененные волосами и губами. Высокая и неумолимая.

«*У тебя такое чувство, будто ты меня не знаешь, потому что за неделю я не сказала тебе и двадцати слов и не смотрю на тебя, пока ты не заговоришь, а заговоришь — начинаю сверлить*

взглядом». Она вздохнула. Мериопу искалечило ее призвание. Беллис легко представляла, как та записывает в своем дневнике: «Мисс Хладовин неразговорчива, но я знаю, что со временем полюблю ее, как сестру». «*Нет уж,* — подумала Беллис, — *не буду с тобой связываться. Я не стану твоим попугаем. Я не собираюсь стать искуплением той безвкусной трагедии, что привела тебя сюда*».

Беллис вперилась в сестру Мериопу взглядом, но не произнесла ни слова.

Представившись Беллис несколькими днями ранее, Мериопа сказала ей, что направляется в колонии, надеясь основать там церковь и распространять веру во славу Дариоха и Джаббера. При этом она чуть шмыгнула носом и воровато стрельнула глазами, отчего ее слова прозвучали по-идиотски неубедительно. Беллис не знала, почему Мериопу отправили в Нова-Эсперіум, — вероятно, причиной стали несчастье или позор, нарушение какого-нибудь дурацкого монашеского обета.

Она оценивающе взглянула на талию Мериопы — не скрывают ли мешковатые одеяния растущего животика. Это было бы самым правдоподобным объяснением. Дочерям Дариоха

вменялся в обязанность отказ от чувственных наслаждений.

«*Не стану я заменять тебе исповедника,* — подумала Беллис. — *У меня с этим треклятым изгнанием своих проблем по горло*».

— Сестра, — сказала она, — боюсь, что вы оторвали меня от работы. К сожалению, у меня нет времени на обмен любезностями. Может быть, в другой раз.

Она была недовольна собой за эту маленькую уступку, которая, впрочем, осталась без последствий. Мериопа была обескуражена.

— Вас хочет видеть капитан, — сказала монахиня сдавленным и расстроенным голосом. — В своей каюте в шесть часов. — Она вышла, как побитая собака.

Беллис вздохнула и тихонько выругалась. Она достала еще одну сигариллу и выкурила ее в один присест, изо всех сил морща при этом лоб, а потом снова достала письмо.

«Я просто рехнусь, — быстро написала она, — если эта треклятая монахиня не прекратит подлизываться и не оставит меня в покое. Да помогут мне боги. Да сгноят боги этот треклятый корабль».

Когда Беллис отправилась к капитану, было

уже темно. Каюта служила ему и кабинетом — маленькая, изысканно отделанная темным деревом и медью. На стенах висели картины и гравюры, но Беллис, взглянув на них, поняла, что они раньше не принадлежали капитану и достались ему вместе с кораблем.

Капитан Мизович показал ей на стул.

— Мисс Хладовин, — сказал он, когда она села. — Надеюсь, ваша каюта вполне приемлема. Еда? Команда? Хорошо, прекрасно. — Он скользнул взглядом по бумагам на столе. — Я хотел обсудить с вами пару вопросов, — сказал он и откинулся к спинке стула.

Беллис ждала, глядя на него, — красивый мужчина лет пятидесяти с небольшим, суровое лицо. Мундир на нем был чистый, отутюженный, что отличало далеко не всех капитанов. Беллис не знала, как будет лучше — спокойно смотреть ему в глаза или застенчиво отвести взор.

— Мисс Хладовин, мы не обсуждали в подробностях ваши обязанности, — тихо сказал он. — Я, конечно же, буду обходиться с вами учтиво, как и подобает при обращении с дамой. Но должен вам сказать, что никогда не нанимал представительниц вашего пола, и если бы ваша биография и рекомендации не произвели впечатления

на власти Эспериума, то, уверяю вас… — Он не закончил предложения. — Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя ущемленной. Вы получили место в пассажирском отделении. Вы питаетесь в столовой для пассажиров. Но, как вам известно, вы пассажир безбилетный. Вы наемный работник. Вы приняты на службу агентами колонии Нова-Эспериум, а я на время плавания являюсь их представителем. И хотя для сестры Мериопы, доктора Тиарфлая и других это практически не имеет значения, но я… ваш наниматель. Вы, конечно же, не член экипажа, — продолжил он. — Я не буду отдавать вам приказаний, как отдаю им. Если вас так больше устроит, я буду только *просить* вас об услугах. Но я настаиваю на том, чтобы эти просьбы исполнялись как приказы.

Они изучали друг друга.

— Я не думаю, что мои требования обременительны, — сказал Мизович, смягчая тон. — Большая часть команды из Нью-Кробюзона или Зерновой спирали, а есть и такие, кто не очень хорошо владеет рагамолем. Понадобитесь вы мне только в Салкрикалторе, а до него еще неделя хода, так что времени отдохнуть и познакомиться с пассажирами у вас предостаточно. Мы отплываем завтра рано утром. Не сомневаюсь, вы будете

еще спать.

— Завтра? — переспросила Беллис.

Это было первое слово, произнесенное ею после того, как она перешагнула порог каюты.

Капитан пристально посмотрел на нее.

— Да. Вас что-то не устраивает?

— Но вы сначала сказали мне, что мы отплываем в пыледельник, капитан, — проговорила она ровным голосом.

— Это так, мисс Хладовин, но я изменил свое решение. Я закончил всю бумажную работу немного раньше, чем думал, а мои коллеги-офицеры готовы перевести своих подопечных сегодня ночью. Мы отходим завтра.

— Я рассчитывала вернуться в город и отправить письмо, — сказала Беллис, стараясь, чтобы голос ее звучал ровно. — Важное письмо другу в Нью-Кробюзоне.

— Об этом не может быть и речи, — отрезал капитан. — Это невозможно. Я не собираюсь больше задерживаться здесь ни на один день.

Беллис сидела неподвижно. Она не боялась этого человека, вот только повлиять на него никак не могла. Ни в малейшей мере. Она пыталась сообразить, что могло бы пробудить в нем сочувствие, смягчить его.

— Мисс Хладовин, — внезапно сказал он, и его голос, к ее удивлению, прозвучал чуть снисходительнее. — Боюсь, что изменить уже ничего нельзя. Если хотите, я могу передать ваше письмо лейтенанту тюремной службы Катаррсу, но не могу поручиться за абсолютную его надежность. У вас будет возможность отправить ваше послание в Салкрикалторе. Даже если там не окажется кораблей из Нью-Кробюзона, там есть хранилище для корреспонденции и грузов — ключи от него имеются у всех капитанов. Оставьте ваше письмо там. Его возьмет первый же корабль, идущий домой. Задержка выйдет не такая уж большая… Пусть это для вас будет уроком, мисс Хладовин, — добавил он. — В море нельзя терять время. Запомните: не ждать.

Беллис задержалась еще немного, но изменить уже ничего не могла, а потому поджала губы и удалилась.

Долгое время она стояла под холодным небом Железного залива. Звезд не было видно. Луна и две ее дочери, два ее малых спутника, проливали тусклый свет. Беллис, сжавшись от холода, поднялась по короткому трапу на приподнятый нос корабля, направляясь к бушприту.

Держась за металлические поручни, она встала

на цыпочки. Она могла лишь бросить последний взгляд на берег над темным морем.

За ее спиной затихли крики и возня команды. Вдалеке Беллис различила две нечеткие точки красноватого света: фонарь на мостике корабля-тюрьмы и другой такой же среди черного прибоя.

Из «вороньего гнезда» или с какого-то невидимого поста на мачте, в сотне или больше футов над собой, Беллис услышала чье-то пение. Напев — медленный и сложный — был ничуть не похож на простенькие песни, которые она слышала в Устье Вара.

«*Тебе придется подождать моего письма,* — беззвучно произнесла Беллис над водным простором. — *Придется тебе подождать весточки от меня. Придется тебе подождать немного, пока я не доберусь до страны креев*».

Она вглядывалась в ночь, пока границы между берегом, морем и небом не стерлись совсем. И тогда, ласкаемая темнотой, она медленно пошла в сторону кормы, где низкие коридоры и узкие двери вели к ее кающе — ничтожной толике пространства, вроде изъяна в конструкции корабля.

(Позже, в самое холодное время, корабль беспокойно дернулся, и Беллис, зашевелившись на

своей койке, натянула одеяло по самый подбородок, подспудно, за границей сна, отдавая себе отчет в том, что на палубу поднимается живой груз.)

Я устал быть здесь в темноте, я полон гноя.

Моя кожа натянулась из-за него, набухла, вздулась, и каждое прикосновение — мучительная боль. Я заражен. Куда бы я ни прикасался, всюду боль, а я прикасаюсь всюду, чтобы убедиться, что тело еще не онемело.

Но все же слава богам вены мои полны крови. Я трогаю мои струпья и они кровоточат я полон ею до краев. А это немного утешает если забыть боль.

Они приходят за нами, когда воздух так спокоен и черен, без единого птичьего крика. Они открывают наши двери и, слепя светом, находят нас. Мне почти стыдно видеть, как мы сдались, мы сдались с потрохами.

Я не вижу ничего за их огнями.

Мы лежим здесь, и они расталкивают нас и гонят прочь, и я обхватил себя руками и чувствую, как под ними агонизирует плоть, а они начинают выгонять нас.

Мы идем по просмоленным коридорам и ма-

шинным отделениям, и я коченею, зная, для чего все это. А ведь я еще живее, резвее некоторых, тех, кто постарше, согнувшись пополам от кашля, они блюют и боятся пошевелиться.

А потом — раз и меня заглотило, поедает холод, пожирает темнота, и, о боги, долбись оно все, мы снаружи.

Снаружи.

Я оцепенел от этого. Я оцепенел от удивления.

Сколько времени прошло.

Мы жмемся друг к другу, один человек к другому как троглодиты как близорукая придонная тварь. Они запуганы ею, особенно старики, отсутствие стен и краев и движение холода в воде и воздухе.

Я мог бы воскликнуть: боги спасите и помилуйте. Мог бы.

Чернота на черноту, но все же я вижу горы и воду и вижу облака. Я вижу тюрьмы вокруг слегка покачиваются как рыбацкие лодки. Джаббер забери нас всех, я вижу облака.

Чтоб мне пропасть я напеваю словно баюкаю ребенка. Этот непрерывный шум он по мне.

И потом они заталкивают нас как скот. Едва передвигая ноги позваниваем цепями, сочимся, пердим, бормочем в удивлении по палубе под

грузом тел и кандалов к раскачивающемуся перекидному трапу. И они торопят нас, гонят по нему всех нас и каждый останавливается в середине провисшего перехода между судами, их мысли и видимы и ярки, как химическая вспышка.

Они думают не прыгнуть ли.

В воду залива.

Но канатные перила вокруг трапа высоки и колючая проволока не пускает нас, а наши бедные тела измучены и слабы, и каждый помедлив идет дальше и переходит над водой на другой корабль.

Я, в свой черед, останавливаюсь как и другие. Как им мне слишком страшно.

А потом под ногами новая палуба, вылизанная, гладкая как металл и чистая вибрирует от работы двигателей, и опять коридоры и бряцание ключей, и в конце еще одно длинное неосвещенное помещение где мы валимся с ног изнеможенные и перепутавшиеся… Медленно поднимаемся чтобы увидеть своих новых соседей. Потом мы шепотком начинаем спорить, ссориться, мы деремся, соблазняем, насилуем. Такова наша суть. Возникают новые союзы. Новые иерархии.

Я сижу какое-то время в отдалении в тени.

Я все еще переживаю то мгновение когда я вошел в ночь. Она как янтарь. Я личинка в янтаре.

Она набрасывает на меня сеть и, будь я проклят, но она же превращает, делает меня красивым.

Теперь у меня новый дом. Я буду жить в этом мгновении столько сколько смогу, пока воспоминания не сгниют, и тогда я выйду. Я приду в это новое место где мы сидим.

Где-то гремят трубы как огромные молотки.

ГЛАВА 2

За пределами Железного залива море было неспокойным. Беллис проснулась от ударов волн о борт. Она вышла из каюты, пробравшись мимо сестры Мериопы, которую рвало — якобы от морской болезни, хотя Беллис в это и не верила.

Беллис вышла на ветер под оглушающие хлопки парусов, бившихся, как звери в силках. Из огромной дымовой трубы вылетала струйка сажи, и весь корабль гудел от мощи парового двигателя в его чреве.

Беллис уселась на контейнер. «*Значит, отбыли,* — нервно подумала она. — *Уходим. Удаляемся*».

Пока они стояли на якоре, жизнь на «Терпсихории» не умирала — кто-нибудь непременно надраивал что-то, или устанавливал какой-нибудь механизм, или бежал с одного конца корабля на другой. Но теперь активность многократно возросла.

Беллис, прищурившись, смотрела на главную палубу, еще не готовая взглянуть на море.

На мачтах кипела жизнь. Большинство моряков были людьми, но время от времени по канату

в «воронье гнездо» проползал шипастый хотчи. Люди волокли по палубе контейнеры, наматывали тросы на огромные лебедки, выкрикивали команды на неразборчивом жаргоне, наматывали цепи на внушительные маховики. Здесь были высокие какты, слишком тяжелые и неповоротливые, чтобы лазать по канатам, но для них находилась работа внизу, благо силы им было не занимать — их волокнистые растительные бицепсы так и играли под кожей, когда какты тащили или вязали что-нибудь.

Среди них расхаживали офицеры в синей форме.

Ветер обдувал корабль, и перископические колпаки над дымовыми трубами пели, как печальные флейты.

Беллис докурила свою сигариллу, затем медленно, опустив глаза, пошла к борту. Дойдя до поручня, она подняла взгляд и посмотрела в море.

Земли нигде не было видно.

«*О боги, вы только взгляните на все это*», — подумала она, ошеломленная.

Впервые в жизни Беллис не видела перед собой ничего, кроме воды.

В одиночестве под бескрайним нависающим

небом в ней, словно желчь, поднималась тревога. Ей так хотелось снова оказаться среди городских переулков.

Клочья пены неслись мимо бортов, то возникая, то исчезая. Вода покрывалась замысловатыми мраморными вздутиями. Она играла с кораблем, как играла бы с китом, каноэ или опавшим листом — безответное сооружение, которое она может перевернуть любой неожиданной волной.

Она была огромным слабоумным ребенком. Могучим, глупым и капризным.

Беллис нервно поглядывала вокруг в поисках хоть какого-нибудь островка, хоть одного берегового мыска. Ничего подобного сейчас не было.

Следом за ними, усеивая пометом палубу и пену, тучей летели птицы, надеясь поживиться отбросами в кильватерной струе.

Они шли без остановки два дня. Негодуя на то, что ее путешествие началось, Беллис почти что впала в прострацию. Она вышагивала по коридорам и палубам, запиралась в своей каюте, тупо смотрела на проплывающие вдалеке скалы и небольшие острова, смутно видневшиеся в сером дневном или лунном свете.

Моряки посматривали на горизонт и смазыва-

ли крупнокалиберные пушки. Канал Василиска с его сотнями островков, едва намеченных на карте, с его торговыми городами и бесчисленным множеством кораблей, доставляющих грузы в ненасытную коммерческую дыру Нью-Кробюзона, кишел пиратами.

Беллис знала, что корабль такого размера, с бронированным корпусом и под флагом Нью-Кробюзона почти наверняка не подвергнется нападению. Но бдительность экипажа слегка обескураживала ее.

«Терпсихория» была торговым судном. Она не предназначалась для пассажиров. Здесь не было ни библиотеки, ни кают-компании, ни развлечений. На столовую для пассажиров тоже не очень потратились. Стены там были голые, если не считать нескольких дешевых литографий.

Беллис поглощала пищу, сидя одна за столиком и односложно отвечая на все любезности. Другие пассажиры в это время сидели под грязными окнами и играли в карты. Беллис исподтишка внимательно поглядывала на них.

Возвращаясь к себе в каюту, Беллис погружалась в бесконечные размышления о своих пожитках.

Город она оставила неожиданно и в спешке.

Одежды при ней было всего ничего, и всё в любимом ее аскетическом стиле — строгое, черное, серое. У нее было семь книг — два тома по лингвистике, начальный курс салкрикалтора, антология рассказов на разных языках, толстая чистая записная книжка и две ее монографии — «Грамматология верхнекеттайского» и «Свитки пустоши Глаз Дракона». Еще было несколько ювелирных изделий из гагата, граната и платины, небольшая косметичка, чернила и ручки.

Она целыми часами добавляла все новые и новые подробности к своему письму: сообщала о том, как уродливо открытое море, писала об острых опасных скалах, торчавших из воды, оставляла длинные пародийные описания офицеров и пассажиров, наслаждаясь собственными карикатурами. Сестра Мериопа; купец Бартол Джимджери; похожий на труп доктор Моллификат; вдова и мисс Кардомиум — тихая мать и ее дочь, ставшие под пером Беллис парой коварных хищниц, охотниц за мужьями. Иоганнес Тиарфлай превратился в напыщенного шута, балаганное посмешище. Размышляя над тем, что заставило их предпринять это путешествие через полсвета, Беллис для каждого придумала легенду.

Шел второй день. Беллис стояла на корме корабля, пытаясь отыскать взглядом островки, но видела только волны, а вокруг по-прежнему стоял птичий гвалт — чайки и скопы спорили за корабельные отбросы.

Она чувствовала себя обманутой. Оглядывая в очередной раз горизонт, она услышала шум.

Неподалеку от нее стоял доктор Тиарфлай, натуралист, наблюдавший за птицами. На лице Беллис появилось строгое выражение. Она приготовилась уйти, как только доктор заговорит с ней.

Увидев, что Беллис неприветливо наблюдает за ним, Тиарфлай отсутствующе улыбнулся, вытащил записную книжку и тут же словно забыл о ней. Беллис увидела, как доктор делает зарисовки чаек в своем блокноте. На нее он не обращал ни малейшего внимания.

По ее оценке, ему было далеко за пятьдесят. Редкие волосы он зачесывал назад, носил маленькие очки с прямоугольными стеклами и твидовый камзол. Но несмотря на эти профессорские причиндалы, выглядел он отнюдь не слабосильным и на книжного червя похож не был. Он был высокого роста, держался как надо.

Быстрыми точными штрихами он наметил

сложенные птичьи когти и тупые жадные глаза. На душе у Беллис немного потеплело.

Немного спустя она заговорила с ним.

Она потом призналась себе, что это скрасило для нее путешествие. Иоганнес Тиарфлай был очарователен. Беллис подозревала, что так же по-дружески он вел бы себя с любым человеком на борту.

Они вместе позавтракали, и ей без труда удалось увести его от других пассажиров, внимательно за ними наблюдавших. Тиарфлай оказался на удивление чужд всякого интриганства. Возможно, ему и пришло в голову, что, проводя время в компании с грубоватой и нелюдимой Беллис Хладовин, он дает повод для слухов, но ему это было совершенно безразлично.

Тиарфлай с радостью говорил о своей работе. Мысль о неизученной фауне Нова-Эспериума приводила его в восторг. Он поделился с Беллис своим планом опубликовать монографию по возвращении в Нью-Кробюзон. Он сообщил, что сейчас занят сверкой рисунков, гелиотипов и наблюдений.

Беллис описала ему темный гористый остров, который видела на севере ранним утром предыдущего дня.

— Это был Северный Морин, — сказал Тиарфлай. — А сейчас где-то к северо-востоку от нас должен быть Кансир. Когда стемнеет, мы пришвартуемся к причалу острова Танцующей птицы.

Местонахождение и продвижение корабля было предметом постоянных разговоров между другими пассажирами, и Тиарфлай с любопытством посмотрел на Беллис, изумленный ее невежеством. Ее это мало трогало. Для нее было важно то, откуда она бежала, а не то, где она находилась или куда направлялась.

Остров Танцующей птицы появился на горизонте с заходом солнца. Его вулканические породы отливали кирпично-красным цветом и поднимались невысокими утесами, по форме напоминающими лопаточные кости. Захудалый рыбацкий порт Ке-Бансса приютился на склонах вокруг бухты. Беллис брала смертная тоска при мысли о сходе на берег — еще один отвратительный городишко, ставший заложником морской экономики.

Моряки, не получившие увольнительную, мрачно посматривали на пассажиров, спускающихся по трапу. Других кораблей из Нью-Кробюзона на пристани не было — Беллис некому было

передать свое письмо. «И зачем мы зашли в эту дыру?» — спрашивала она себя.

Если не считать давней изнурительной экспедиции на пустошь Глаз Дракона, то дальше, чем сегодня, Беллис от Нью-Кробюзона никогда не удалялась. Она смотрела на маленькую толпу на пристани. Люди выглядели немолодыми и взволнованными. Ветер доносил слова на разных наречиях. В основном это были выкрики на соли, морском жаргоне — искусственном языке, составленном из тысяч диалектов канала Василиска, рагамоля и перрикиша.

Беллис увидела капитана Мизовича — он направлялся по крутым улочкам к зубчатому зданию нью-кробюзонского посольства.

— Вы не хотите в город? — спросил Иоганнес.

— Не испытываю никакой потребности в жирной пище и дешевых сувенирах, — ответила она. — Эти острова нагоняют на меня тоску.

По лицу Иоганнеса расползлась улыбка, словно он остался доволен ее словами. Он пожал плечами и поднял взгляд к небу.

— Дождик собирается, — сказал он, словно она задала ему его же вопрос, — а у меня много дел на борту.

— А зачем мы вообще зашли сюда? — спросила

Беллис.

— Думаю, это какое-то правительственное поручение, — осторожно сказал Иоганнес. — Это наш последний крупный форпост. Дальше влияние Нью-Кробюзона становится… гораздо менее заметным. Вероятно, здесь приходится выполнять массу всевозможных формальностей. — Помолчав немного, он добавил: — К счастью, нас это не касается.

Они смотрели на неподвижный, темный океан.

— Вы видели кого-нибудь из заключенных? — внезапно спросил Иоганнес.

Беллис удивленно посмотрела на него.

— Нет. А вы?

Она насторожилась. Напоминание о мыслящем грузе на корабле выбило ее из колеи.

Когда время пришло и Беллис поняла, что ей придется оставить Нью-Кробюзон, ее охватили отчаяние и испуг. Она составляла планы, пребывая в тихой панике. Ей необходимо было уехать как можно дальше, и поскорее. Толстое море и Миршок располагались слишком близко. Она лихорадочно стала перебирать другие места — Шенкелл, Йоракетч, Неовадан, Теш. Но все они были либо слишком опасными, либо слишком

далекими, либо слишком чужими, труднодостижимыми, пугающими. Ничто в них не заставило бы почувствовать Беллис, что она дома. И Беллис в ужасе поняла, что для нее слишком тяжело начать все заново, что она цепляется за Нью-Кробюзон, за то, что сделало ее такой, какова она есть.

Потом в голову пришла мысль о Нова-Эспериуме. Острая нехватка жителей. Вопросов никто задавать не будет. На полпути к краю света, маленький нарост цивилизации на неизвестной земле. Дом вдали от дома, колония Нью-Кробюзона. Куда более грубый, жесткий и отнюдь не изнеженный дом (колония была еще слишком молода и избытком добродушия не страдала), — но все же поселение, скопированное с ее родного города.

Беллис поняла, что если выберет этот пункт назначения, то Нью-Кробюзон, хотя она и спасается из него бегством, оплатит ее путешествие. К тому же для нее останется открыт канал связи — постоянные, пусть и нечастые, контакты с кораблями из дома. И тогда, вполне вероятно, в один прекрасный день она узнает, что риска больше нет и можно вернуться.

Но суда, отправлявшиеся в долгое и опасное

путешествие из Железного залива по Вздувшемуся океану, непременно везли в Нова-Эспериум рабочую силу. А это означало, что в трюмы набивали заключенных — батраков, закабаленных, переделанных.

Беллис становилось нехорошо при одной мысли об этих мужчинах и женщинах, запертых внизу без света, а потому она о них не думала. Будь у нее возможность выбора, она бы держалась как можно дальше и от таких путешествий, и от таких грузов.

Беллис посмотрела на Иоганнеса, пытаясь прочесть его мысли.

— Должен признаться, — неуверенно сказал он, — меня удивляет, что я не слышал *ни слова* от них. Я полагал, что их будут выводить гораздо чаще.

Беллис ничего не сказала. Она ждала, когда Иоганнес сменит предмет разговора, чтобы она по-прежнему могла пытаться не думать о грузе внизу.

До нее доносился назойливый гвалт из портовых таверн Ке-Бансса.

Под смолой и металлом в сырых трюмах. Жрать и драться из-за еды. Запах дерьма, малафьи и крови. Визги и мордобой. И цепи, как камень, и

повсюду шепоток.

— Вот беда, парень. — Голос был чуть хриплым от недосыпа, но сочувствие — искренним. — Как бы тебя за это не выпороли.

Перед решетками трюмной тюрьмы стоял юнга, скорбно глядя на черепки посуды и разлитую похлебку. Он накладывал поварешкой еду для заключенных, и его пальцы не удержали миску.

— Эти глиняные штуки вроде как железо, пока их не уронишь.

Человек за решеткой был таким же грязным и усталым, как и все остальные заключенные. На груди под его разорванной рубашкой виднелось вздутие — огромная опухоль, из которой торчали два длинных зловонных щупальца. Они безжизненно покачивались — два бесполезных жирных отростка. Как и большинство сосланных, он был переделанным, которому в наказание за что-то с помощью науки и магии придали новую форму.

— Это напоминает мне историю о том, как Раконог отправился на войну, — сказал человек. — Ты ее знаешь?

Юнга подобрал с пола грязные куски мяса и морковки и бросил их в бадью, потом посмотрел на говорившего. Заключенный отошел назад, прислонился к стене.

— Как-то раз в начале времен Дариох выглядывает из своего шалаша и видит, что к лесу приближается армия. И чтоб мне сдохнуть, если это не рать Нетопырья пришла за своими метелками. Ты ведь знаешь, как Раконог отобрал у них метелки, а?

Юнге было лет пятнадцать — многовато для такой работы. Одежда на нем была не чище, чем на заключенных. Он смерил рассказчика с ног до головы взглядом и улыбнулся — *да,* он знает эту историю. Эта неожиданная перемена в нем была такой заметной и необычной, что создалось впечатление, будто он на несколько мгновений обрел новое тело. Теперь он казался сильным и самоуверенным, и, когда улыбка сошла с его лица и он вернулся к своей похлебке и мискам, что-то от этой развязности осталось.

— Ну так вот, — продолжал заключенный, — Дариох тогда вызывает к себе Раконога и показывает, что вот, мол, Нетопырье наступает, и говорит ему: «Это ты, Раконог, накосячил. Ты прихватил их вещички. Солтер сейчас на краю света, так что сражаться с ними придется тебе». Ну, тут Раконог с проклятиями и стонами, со всякими словечками… — Человек сложил пальцы в подобие двигающихся челюстей.

Он хотел было продолжить, но юнга оборвал его.

— Я знаю эту историю, — сказал он. — Уже слышал.

Наступило молчание.

— Жаль-жаль, — сказал человек, удивляясь собственному разочарованию. — Но знаешь, сынок, я сам ее давненько не слышал, так что я, пожалуй, расскажу до конца.

Мальчишка недоуменно посмотрел на него, словно пытаясь понять, шутит тот или нет.

— Рассказывай. Мне-то что. Мне все равно.

И заключенный рассказал до конца, останавливаясь, когда его начинал душить кашель или нужно было набрать в грудь побольше воздуха. Юнга двигался в темноте за решеткой, убирая грязь, накладывая добавки. Он вернулся к концу истории, когда керамо-фарфоровый панцирь Раконога треснул, поранив его, и рана оказалась глубже, чем если бы панциря вообще не было.

Мальчишка посмотрел на уставшего рассказчика, закончившего историю, и снова улыбнулся.

— И что, ты мне не скажешь, какой тут урок? — спросил он.

Человек улыбнулся едва заметной улыбкой.

— Думаю, ты его уже знаешь.

Мальчишка кивнул и задумался на мгновение, сосредоточиваясь.

— «Если сталкиваешься с чем-то, что не очень хорошо, то лучше уж вообще ничего, чем это», — процитировал он. — Мне всегда больше нравились истории без морали, — добавил он и присел на корточки у решетки.

— Ебись оно конем, я с тобой согласен, парень, — сказал человек. Он помедлил, потом протянул руку сквозь решетку. — Меня зовут Флорин Сак.

Юнга колебался. Он не боялся, просто взвешивал все «за» и «против». И наконец пожал Флорину руку.

— Спасибо за историю. Меня зовут Шекель.

Они продолжили разговор.

ГЛАВА 3

Беллис проснулась, когда корабль снова тронулся. Залив все еще был погружен в темноту. «Терпсихория» содрогалась и сотрясалась, как закоченевшее животное, и Беллис, подойдя к иллюминатору, увидела, как мимо движутся редкие огни Ке-Бансса.

В это утро ей не разрешили пройти на основную палубу.

— Извините, мадам, — сказал матрос. Он был молод и отчаянно смущался, стоя на ее пути. — Приказ капитана: пассажиров на главную палубу до десяти не пускать.

— Почему?

Он вздрогнул, словно женщина ударила его.

— Заключенные на прогулке, — сказал он; глаза Беллис немного расширились. — Капитан дает им возможность немного подышать воздухом. А после них нужно будет отдраить палубу — они ужасно грязные. Почему бы вам пока не позавтракать, мадам? Мы тут вмиг закончим.

Беллис отошла в сторону, остановилась и задумалась. Ей это совпадение ой как не понравилось — сразу же после ее разговора с Иоганнесом.

Она хотела увидеть мужчин и женщин, перевозимых в трюме, и не знала, что ею движет — любопытство или какое-то более благородное чувство.

Вместо того чтобы отправиться в столовую на корме, она спустилась в мрачные боковые коридоры с узенькими дверями. Сквозь стены прорывались низкие звуки — человеческие голоса звучали как собачий лай. Беллис открыла последнюю дверь, за которой находился стенной шкаф с полками, оглянулась — кроме нее, здесь никого не было. Она докурила и вошла внутрь.

Отодвинув в сторону опорожненные бутылки, Беллис увидела, что древнее окошко заблокировано полками. Она очистила их от мусора и потерла стекло — без особого результата.

Она уставилась на кого-то, проходившего мимо — не дальше чем в трех футах от нее. Затем нагнулась и прищурилась, желая получше разглядеть, что происходит на палубе. Перед ней была огромная бизань-мачта, за которой угадывались очертания грот- и фок-мачт. Внизу была главная палуба.

Матросы двигались, забирались на мачты, чистили палубы, ставили паруса — занимались своей работой.

Была здесь и масса других людей — они сбились в группки и если двигались, то медленно. Рот у Беллис скривился. Здесь были в основном люди и в основном мужчины, но все разные. Они видела мужчину с гибкой трехфутовой шеей, женщину с клубком подрагивающих рук, кого-то с гусеницами вместо нижней половины тела, и другого — у него из костей торчали провода. Единственное, что у них было общего, — это грязная одежда.

Беллис никогда еще не доводилось видеть столько переделанных одновременно, столько людей, подвергшихся изменениям на пенитенциарных фабриках. Некоторые, по замыслу их создателей, должны были работать в промышленности, другие, казалось, воплощали чьи-то абсурдные фантазии, и ничего больше. У них были изуродованы рты, глаза — что угодно.

Несколько заключенных были Ксениями: перекособоченные какты, хотчи с переломанными шипами, горстка хепри, чьи скарабеевидные головотела подергивались, отражая лучи блеклого солнца. Ни одного водяного Беллис, конечно, не видела — им для жизни требовалось много пресной воды, слишком ценной в таких дальних плаваниях.

Она услышала крики тюремщиков. Между

переделанных, размахивая бичами, вышагивали люди и какты. По двое, по трое, по десятеро заключенные поплелись, описывая неровные круги по палубе.

Некоторые лежали без движения, за что подвергались наказанию.

Беллис отвернулась.

Вот, значит, какие у нее невидимые попутчики. Возможность подышать свежим воздухом, кажется, не очень-то их воодушевляет, спокойно подумала она. Похоже, эта прогулка не очень их радовала.

Флорин Сак двигался ровно столько, сколько было нужно, чтобы не получать ударов бича. Он ритмично шевелил глазами. Три широких шага — глаза опущены, чтобы не привлекать внимания, потом один шаг — глаза подняты, чтобы видеть небо и воду.

Корабль слабо подрагивал — внизу работал паровой двигатель, паруса были подняты. Мимо них проплыли скалы острова Танцующей птицы. Флорин неторопливо двигался к левому борту.

Вокруг него были люди, делившие с ним трюм. Заключенные-женщины, сбившись в группку размером поменьше, стояли чуть в стороне. У

всех них, как и у самого Флорина, лица были грязными, а их выражение — безразличным. Он не приближался к ним. ....

Вдруг Флорин услышал свисток — его резкий двухтоновый звук отличался от криков чаек. Он поднял глаза и увидел Шекеля: тот смотрел на него, драя какой-то массивный металлический выступ. Их взгляды встретились, на лице мальчишки мелькнула улыбка, и он подмигнул Флорину. Флорин улыбнулся в ответ, но тот уже смотрел в другую сторону.

Офицер и матрос — их можно было различить по эполетам — совещались на носу корабля, стоя у какого-то медного механизма. Флорин прищурился, пытаясь разглядеть, что они делают, и тут же ощутил удар по спине — не сильный, но ясно давший понять, что следующий будет больнее. Охранник-кактр крикнул, чтобы Флорин пошевеливался, и он побрел дальше. Чужеродная ткань, привитая к груди, досаждала ему. Щупальца вызывали зуд и раздражение кожи, словно солнечные ожоги. Он поплевал на них и втер в кожу слюну, словно мазь.

Ровно в десять Беллис выпила чай и вышла из столовой. Палуба была отдраена. Ничто не говорило об ушедших заключенных.

— Странно, — сказала Беллис немного спустя, когда они с Иоганнесом вместе смотрели на воду, — в Нова-Эспериуме нам, возможно, придется командовать мужчинами и женщинами, которые находятся с нами на этом самом корабле, но мы их никогда не узнаем.

— С вами такого никогда не случится, — сказал он. — Зачем лингвисту меченые помощники?

— А натуралисту?

— Не совсем так, — тихо ответил Иоганнес. — Нужно будет носить грузы через джунгли, ставить силки, перетаскивать животных — мертвых и обездвиженных, укрощать опасных зверей… Это, знаете ли, не акварельки рисовать. Когда-нибудь я покажу вам свои шрамы.

— Вы серьезно?

— Да, — задумчиво ответил он. — Как-то раз сардул взбесился и оставил на мне отметину длиной в целый фут… укус новорожденного чалкидри…

— Правда? Сардул? Можно посмотреть?

Иоганнес покачал головой.

— Он меня… задел довольно близко к интимному месту, — сказал он.

Он не смотрел на Беллис, но, похоже, чрезмерной стыдливости не проявлял.

Иоганнес делил каюту с Джимджери — обанк-

ротившимся купцом, которого одолевали мысли о собственной никчемности; он поглядывал на Беллис с жалким вожделением. Иоганнес ничего такого себе не позволял. Казалось, он просто не успевал заметить прелестей Беллис, потому что его все время занимали новые проблемы.

Дело не в том, что Беллис хотелось стать объектом его внимания: напротив, она быстро отбрила бы его, попытайся он делать авансы. Но она привыкла к тому, что мужчины пытаются флиртовать с ней, пусть и недолго, пока не начинают понимать, что этот лед им не растопить. Тиарфлай вел себя с ней откровенно и без всякого намека на секс, и ее это беспокоило. Ей даже пришла было в голову мысль: может быть, он извращенец, как выражался ее отец? Впрочем, похоже, Иоганнес интересовался мужчинами не больше, чем ею. И тогда Беллис решила, что размышлять на эту тему бесполезно.

Ей показалось, что, когда между ними возникло недоразумение, в его глазах мелькнуло что-то вроде страха. «*Может,* — подумала она, — *его такие вещи не интересуют. А может, он просто трус*».

Шекель и Флорин обменивались историями. Шекель знал многие из Хроник Раконога, но

Флорин знал их все. К тому же Флорин знал разные варианты историй, незнакомые Шекелю, и умел их прекрасно рассказывать. Шекель, в свою очередь, рассказывал Флорину об офицерах и пассажирах. Он презирал Джимджери, — сквозь дверь туалета было слышно, как тот с остервенением мастурбирует. Он считал рассеянного, пожилого Тиарфлая невыносимо скучным и побаивался капитана Мизовича, но был не прочь приврать на его счет и рассказывал, как капитан, напившись, бродит по палубам.

Он испытывал вожделение к мисс Кардомиум. Ему нравилась Беллис Хладовин.

— Какого хера, эта черно-голубая штучка совсем не холодная.

Флорин выслушивал эти характеристики и измышления, посмеиваясь или выражая неодобрение там, где надо. Шекель передавал ему слухи и басни, ходившие между матросами, — о пиасах, женщинах-корсарах, марихонианцах и пиратах-струподелах, о существах, обитающих под водой.

За спиной Флорина терялось во мраке длинное чрево трюма.

Там шла постоянная омерзительная схватка за еду и топливо. Заключенным нужны были не только остатки мяса и хлеба — многие из них бы-

ли переделанными с металлическими членами и паровыми двигателями. Если котлы остывали, то они теряли способность двигаться, а потому припрятывалось все, что могло гореть. В дальнем углу помещения стоял старик; оловянный треножник, служивший ему ногами, вот уже несколько дней был неподвижен. Котел его давно погас. Ел он, только если кто-нибудь ему давал, и всем было понятно, что долго он не протянет.

Шекель был загипнотизирован жестокостью этого маленького мирка. Он смотрел на старика жадными глазами. Он видел раны заключенных. Он выхватывал взглядом человеческие фигуры, совершавшие характерные движения, не понимая, что это — насилие или соревнование.

В Нью-Кробюзоне он возглавлял банду квартала Вороновых ворот и теперь беспокоился за своих дружков. Первая кража, совершенная в шесть лет, принесла ему монетку достоинством в один шекель, и с тех пор эта кличка прилипла к нему. Он клялся, что не помнит другого своего имени. Он нанялся на корабль, когда милиция стала проявлять интерес к деятельности его банды, не брезговавшей и разбоем.

— Еще месяц, и я бы плыл там вместе с тобой, Флорин, — сказал он. — Вполне возможно.

Расположенный вблизи бушприта метеомантийный исчислитель, над которым колдовали корабельные маги и чудоморы, вытеснял воздух перед носом корабля. Корабельные паруса прогибались, стремясь заполнить образовавшуюся пустоту, и давление толкало их вперед, что позволяло кораблю развивать хорошую скорость.

Эта машина напомнила Беллис кробюзонские облачные башни. Она подумала о загадочных и сломанных исполинских двигателях, нависающих над крышами Барской поймы. Ей так недоставало улиц и каналов, просторов города.

Что касается машин, то в Нью-Кробюзоне Беллис была окружена ими. Здесь же был только метеомантийный моторчик и конструкт в помещении столовой. Благодаря паровому двигателю в трюме «Терпсихория» была одной большой машиной, но двигатель этот оставался невидимым. Беллис бродила по кораблю как потерянная. Ей не хватало того городского хаоса, который она вынуждена была оставить.

Эта часть моря отнюдь не пустовала — по пути встречались другие суда. За два дня после отплытия из Ке-Бансса Беллис видела целых три. Два первых остались небольшими вытянутыми контурами на горизонте, третий — низко сидящая

каравелла — прошел поблизости.

Судя по воздушным змеям, привязанным к парусам, судно принадлежало Одралину. На море штормило, и каравеллу сильно болтало.

Беллис видела матросов на борту — они раскачивались вместе со сложным такелажем, поправляли треугольные паруса.

«Терпсихория» миновала острова, казавшиеся безлюдными, — Каданн, Рин, Лор, Эйдолон. О каждом существовали легенды, и Иоганнес знал их все.

Беллис часами наблюдала за морем. Вода здесь, на востоке, была значительно чище, чем вблизи Железного залива, — Беллис видела пятна, которые на самом деле были огромными косяками рыб. Моряки, отстоявшие свою вахту, сидели, свесив ноги за борт, с самодельными удочками или вырезали ножом безделушки из костей и клыков нарвала, а потом покрывали их черной краской.

Вдалеке из воды порой выпрыгивали огромные хищники вроде касаток. Как-то раз после захода солнца «Терпсихория» прошла рядом с небольшим лесистым островком длиной в одну-две мили — деревья, выступавшие над океаном. Неподалеку от берега из воды торчали несколько ровных скал, и сердце у Беллис екнуло, когда за

одним из этих камней из воды возникла массивная, похожая на лебединую шея. Беллис увидела, как плезиавр тряхнул плосковатой головой, медленно поплыл прочь от мелководья и скоро исчез из виду.

Подводные хищники на короткое время очаровали Беллис. Иоганнес пригласил ее в свою каюту, и они принялись вдвоем перебирать его книги. Беллис обнаружила несколько с его фамилией на корешке: «Анатомия сардула», «Хищники Железного залива», «Теории мегафауны». Когда нашлась монография, которую он искал, он показал ей поразительные изображения — тупоголовые рыбы длиной тридцать футов, акулы-гоблины с неровными рядами зубов и высокими лбами и другие.

Вечером второго дня после выхода из Ке-Бансса она увидела землю, опоясывавшую Салкрикалтор, — неровную серую береговую линию. Шел десятый час, но небо на сей раз было совершенно ясным, и луна со своими дочерьми светила очень ярко.

Этот горный ландшафт, насквозь продуваемый ветрами, привел ее в трепет. Вдалеке от берега, насколько она смогла разглядеть, чернел лес на обрывах ливневых стоков. Ближе были видны

отравленные солью деревья — голые, мертвые стволы.

Иоганнес возбужденно выругался.

— Это же Бартолл, — сказал он. — В ста милях к северу отсюда расположен Сирхуссинский мост длиной в двадцать пять миль, холера его раздери. Я надеялся его увидеть, но, пожалуй, не стоит напрашиваться на неприятности.

Корабль удалялся от острова. Было холодно, и Беллис нетерпеливо запахнула на себе пальто.

— Пойду внутрь, — сказала она, но Иоганнес не услышал ее.

Он смотрел назад — туда, откуда они плыли, на исчезающие берега Бартолла.

— Что происходит? — пробормотал он. Беллис резко повернулась. В его голосе явно слышалось недовольство. — Куда это мы плывем? — Иоганнес взмахнул руками. — Смотрите, мы уходим от Бартолла. — Остров теперь представлял собой всего лишь неясные очертания на краю моря. — Салкрикалтор расположен *там* — на востоке. Мы могли бы через пару часов плыть над креями, но направляемся на юг… Мы уходим в сторону от содружества.

— Может, им не нравится, когда над ними проходят суда, — сказала Беллис, но Иоганнес

покачал головой.

— Это обычный маршрут, — сказал он. — Если идти на восток от Бартолла, попадешь в Салкрикалтор-сити. Так туда и добираются. Но мы направляемся в какое-то другое место. — Он нарисовал в воздухе карту. — Вот Бартол, а вот Гномон-Тор, а между ними, в море… Салкрикалтор. А там, куда мы направляемся теперь, ничего нет. Гряда маленьких скалистых островков. Мы огибаем Салкрикалтор-сити по очень большой дуге. Хотел бы я знать почему.

Следующим утром еще несколько пассажиров обратили внимание на необычный маршрут. Прошло еще несколько часов, и новость расползлась по узким, тесным коридорам. В столовой к пассажирам обратился капитан Мизович. Всего на судне их было около сорока, и все присутствовали. Даже бледная, жалкая сестра Мериопа и другие, подверженные таким же недугам.

— Для беспокойства нет причин, — заверил их капитан, явно раздраженный тем, что пришлось говорить.

Беллис не смотрела на него — поглядывала в иллюминаторы. «*Зачем я здесь торчу?* — думала она. — *Мне все равно. Мне все равно, куда мы плывем и как мы туда, к чертям свинячьим,*

доберемся». Но ей не удалось убедить себя, и она осталась сидеть на своем месте.

— Но *почему* мы отклонились от обычного курса, капитан? — раздался чей-то голос.

Капитан рассерженно выдохнул:

— Ладно. Слушайте. Я обхожу Плавники — острова на южной оконечности Салкрикалтора. Я не обязан объяснять вам это. Но тем не менее… — Он выдержал паузу, чтобы пассажиры в полной мере оценили, какое им делается снисхождение. — При сложившихся обстоятельствах я попросил бы всех вас соблюдать определенную конфиденциальность в отношении этой информации. Перед заходом в Салкрикалтор-сити мы обойдем Плавники, чтобы заглянуть в кое-какие владения Нью-Кробюзона. Моредобывающие предприятия. Широкой публике о них не известно. Я мог бы попросить вас не выходить из кают, но вы так или иначе сумеете кое-что разглядеть через иллюминаторы, а мне бы не хотелось, чтобы потом по кораблю пошли всякие слухи. Так что можете подниматься наверх, но только на полуют. Но! Но я обращаюсь к вам как к патриотам и законопослушным гражданам: отнеситесь к тому, что вы увидите сегодня вечером, со всем возможным благоразумием. Ясно?

Наступила почтительная тишина, вызвавшая у Беллис приступ отвращения. «*Он морочит им голову этим своим словоблудием*», — подумала она и презрительно отвернулась.

Время от времени показывалась торчащая из воды скала, о которую разбивались волны, — но ничего более тревожного. Большинство пассажиров собрались на корме корабля, откуда они внимательно смотрели вдаль.

Беллис не отрывала глаз от горизонта, раздраженная тем, что она не в одиночестве.

— Как вы думаете, мы поймем, что это оно и есть, когда его увидим? — спросила сопевшая рядом с ней женщина.

Беллис ее не знала и сделала вид, что не слышит вопроса.

Стемнело и сильно похолодало. Гористые Плавники то появлялись, то исчезали на горизонте. Беллис, чтобы согреться, пригубила подогретого вина. Ей стало скучно, и она теперь смотрела не на море, а на моряков.

И вдруг часа в два ночи, когда на палубе осталась едва половина пассажиров, что-то показалось на востоке.

— О боги, — прошептал Иоганнес.

Довольно долгое время то были непонятные,

угрожающие очертания. По мере приближения к ним Беллис увидела, что это огромная черная башня, торчащая из моря. Наверху горел слабый огонек — блеклые разводы пламени.

Они направлялись прямо на башню, до которой оставалось чуть больше мили. Беллис открыла рот от изумления.

Она видела платформу, подвешенную над морем. Бетонная громада длиной более двухсот футов с каждой стороны держалась на трех массивных металлических опорах. Беллис слышала глухие удары, исходившие от платформы.

Волны разбивались об опоры. Верхняя часть башни своими прихотливыми очертаниями напоминала абрис городских крыш. Над тремя ногами-опорами виднелись на первый взгляд хаотически расположенные шпили. Наподобие клешней двигались краны. А над всем этим парил, извергая пламя, огромный купол, составленный из балок. Магическая рябь искривляла пространство над пламенем. В тени под платформой виднелся массивный металлический ствол, уходящий глубоко в воду. Разные его уровни светились огнями.

— Это что еще такое, Джаббер нас сохрани? — выдохнула Беллис.

Они видели перед собой нечто необычное и внушающее страх. Пассажиры стояли, по-идиотски разинув рты.

Горы самого южного из Плавников смутно темнели вдалеке. У основания платформы несли вахту бронированные корабли. На палубе одного из них замелькали сигнальные огни. «Терпсихория» ответила вспышкой с капитанского мостика.

С громадной платформы раздался звук клаксона.

Теперь они удалялись от нее. Беллис смотрела, как извергающая пламя платформа уменьшается в размерах.

Иоганнес застыл от удивления.

— Понятия не имею, — медленно произнес он.

Беллис не сразу поняла, что он отвечает на ее вопрос. Они не сводили глаз с огромного сооружения, пока оно не исчезло из виду, и тогда молча пошли к себе. Но не успели они дойти до дверей коридора, как сзади раздался крик:

— Еще одна!

И точно: вдали показалась вторая гигантская платформа.

Она была еще больше первой и стояла на четырех обшарпанных бетонных опорах. Здесь было

больше пустого пространства. На каждом углу стояло по приземистой, широкой башне, а в дальнем конце возвышалась колоссальная вышка. Сооружение ворчало, словно живое.

И опять один из кораблей охраны разразился световой вспышкой, и «Терпсихория» ответила ему.

Дул ветер, небо выглядело холодно-металлическим. «Терпсихория» скользнула в темноту. За ней, на мрачном мелководье, рычала огромная конструкция.

Беллис и Иоганнес прождали еще час, руки у них онемели от холода, дыхание клубилось, но больше они ничего не увидели. Вокруг была только вода да время от времени появлялись Плавники — зубчатые и темные.

Пяльница, 5-го арора 1779 года. На борту «Терпсихории».

Не успела я тем утром войти в каюту капитана, как поняла, что он чем-то разозлен. Он скрежетал зубами, на лице застыло кровожадное выражение.

— Мисс Хладовин, — сказал он, — через несколько часов мы прибываем в Салкрикалтор-сити. Остальным пасса-

жирам и команде будет предоставлена возможность сойти на берег, но боюсь, эта роскошь не для вас.

Говорил он ровно, но в голосе слышалось раздражение. Стол его был чист как доска, и это обеспокоило меня, хотя и не могу сказать почему. Обычно нас разделяла стена всякого мусора, но сейчас ничего такого не было.

— Я встречаюсь с представителями содружества Салкрикатор, а вы будете переводить. Вы работали с торговыми делегациями, так что порядок вам известен. Вы будете переводить на салкрикатор для их представителей, а их переводчик будет переводить для меня на рагамоль. Вы должны внимательно слушать, чтобы он ничего не наврал, а он будет слушать вас. Это гарантия честности с обеих сторон. Но вы — не участник переговоров. На этот счет у вас не должно быть никаких заблуждений. Вам все ясно? — Он, как учитель, заострил на этом мое внимание. — Вы не услышите ни слова из сказанного. Вы — только инструмент и ничего более. Вы ничего не должны слы-

шать.

Я выдержала взгляд этого сукина сына.

— Будут обсуждаться вопросы чрезвычайной важности. На борту корабля очень мало секретов, мисс Хладовин, помяните мои слова. — Он подался ко мне. — Если вы обмолвитесь о предмете переговоров кому-нибудь — моим офицерам, этой заблеванной монахине или вашему близкому приятелю доктору Тиарфлаю, — то я непременно узнаю.

Нет нужды говорить, как меня потрясли его слова.

До того дня мне удавалось избегать ссор с капитаном, но как это сделать теперь, когда он, разозлившись, стал капризен? Слабости он во мне не увидит. Лучше уж месяцами ходить с дурным настроением, чем каждый раз при его приближении съеживаться от страха.

И потом, я была в бешенстве.

Я заговорила ледяным тоном:

— Капитан, мы обсуждали эти вопросы, когда вы предложили мне работу. Моя репутация и мои рекомендации безупречны. Сомневаться во мне теперь

было бы ниже вашего достоинства. — Я говорила королевским тоном. — Я вам не какая-нибудь семнадцатилетняя девчонка, которой силой навязали эту работу, так что не пытайтесь меня запугать, сэр. Я буду исполнять свои обязанности согласно контракту, и у вас нет никаких оснований сомневаться в моих профессиональных качествах.

Я понятия не имею, почему он в тот день был такой злой, и мне до этого нет дела. Пусть боги живьем сдерут с него шкуру.

И вот я сижу здесь с «заблеванной монахиней» (хотя, по правде говоря, ей, кажется, стало немного лучше, она даже что-то тут проблеяла насчет службы в вошкрешенье) и заканчиваю это письмо. Мы приближаемся к Салкрикалтору, где я смогу запечатать его и оставить для передачи на ближайший корабль, следующий в Нью-Кробюзон. Оно, это затянувшееся «прости», доберется до тебя всего через несколько недель. А это не так уж плохо. Надеюсь, оно найдет тебя в добром здравии.

Я надеюсь, ты скучаешь без меня, как я скучаю без тебя. Не знаю, что я буду делать без этого письма, связующего меня с тобой. Следующее ты получишь от меня не раньше чем через год, когда какой-нибудь корабль войдет в гавань Нова-Эспериума. Вспомни тогда обо мне! Волосы у меня отрастут и станут сальными от грязи, одежду я носить перестану, а тело будет покрыто татуировками, как у дикарского шамана. Если не разучусь писать, то напишу тебе о том, как провожу время, и спрошу, как дела в моем городе. А может, ты напишешь мне, сообщишь, что все в порядке, опасности нет и я могу вернуться домой.

Пассажиры возбужденно обсуждали увиденное ночью. Беллис их презирала. «Терпсихория» миновала пролив Кэндлмоу и вошла в более спокойные воды Салкрикалтора. Первым на горизонте показался остров Гномон Тор, поросший буйной растительностью, а в пятом часу дня пассажиры увидели Салкрикалтор-сити.

Солнце уже заходило, и над морем стоял туман. В нескольких милях к северу от них проплы-

вал массивный, покрытый зеленью Гномон Тор. Горизонтальный лес удлиняющихся теней, отбрасываемых башнями и крышами Салкрикалтор-сити, вспарывал волны.

Эти сооружения были изготовлены из бетона, камня и стекла, а также из прочных кораллов, обитающих в холодных водах. Колонны, опоясанные ступеньками лестниц, связанных тонкими мостиками. Замысловатые конические шпили высотой в сотню футов, темные квадратные башни. Невероятное смешение стилей.

Очертания города напоминали рисунок рифа, порожденный необузданным детским воображением. Органические башни возносились к небесам, как экскременты трубчатого червя. Были тут и подобия кружевных кораллов (высокие сооружения с ветками, в которых располагались десятки тесных комнаток), и приземистые многооконные цитадели, похожие на огромные цилиндрические губки. Гофрированные отростки сооружений, похожие на огненные кораллы.

Башни погруженного в воду города поднимались на сотню футов над волнами, не изменяя своей формы. На уровне моря зияли громадные открытые двери. По зеленым грязноватым полосам можно было определить максимальную

высоту приливов.

Были и здания поновее. Яйцевидные особняки, вырезанные из камня и укрепленные металлом, высились над водой на опорах, вделанных в подводные крыши. На платформах, которые, вопреки всем законам физики, плавали по морю, возвышались террасы домов из квадратного кирпича — совсем как в Нью-Кробюзоне.

Тут были тысячи креев и немало людей — на переходах и мостках в уровень с водой и выше. Между башен дефилировали плоскодонные баржи и лодки.

Корабли дальнего плавания были причалены к торчащим из воды столбам на окраинах города — рыбацкие лодки, джонки, клиперы, изредка пароходы. «Терпсихория» подходила все ближе и ближе.

— Посмотрите-ка, — сказал кто-то Беллис, указывая вниз — вода там была совершенно прозрачной.

Даже в сумерках Беллис разглядела широкие улицы окраин Салкрикалтора глубоко под водой. Фонари заливали улицы холодным светом. Здания заканчивались, не доходя до поверхности футов пятьдесят, чтобы суда могли свободно проходить.

На мостках, связывающих подводные шпили, Беллис видела других граждан, других креев. Они быстро плавали и бегали, двигаясь гораздо резвее своих родичей на поверхности.

Место было совершенно необычным. «Терпсихория» причалила, и Беллис с завистью проводила глазами спускаемые на воду лодки. Большая часть команды и пассажиры нетерпеливо ждали перед трапами. Они ухмылялись и возбужденно спорили о чем-то, бросая взгляды на город.

Стемнело. От башен Салкрикалтора остались одни силуэты; освещенные окна отражались в черной воде. До Беллис доносились слабые звуки — музыка, крики, дробилки, волны.

— Всем вернуться на борт до двух ночи, — выкрикнул младший лейтенант. — Держитесь кварталов, где обитают люди, и всего, что над водой. Найдете себе массу развлечений, не рискуя своими легкими.

— Мисс Хладовин?

Беллис повернулась к лейтенанту Камбершаму.

— Прошу вас, мисс, ступайте за мной. Подлодка готова.

ГЛАВА 4

В тесной подлодке среди циферблатов и переплетений медных трубок Беллис вытягивала голову, чтобы Камбершам, капитан Мизович и мичман у руля не загораживали ей обзор.

Волны ударяли по толстому иллюминатору впереди, но судно внезапно нырнуло вниз, небо исчезло из виду, и луковица стекла погрузилась в воду. Звуки плещущих волн и далекие крики чаек тут же исчезли. Осталось только урчание начавшего вращаться винта.

Беллис сгорала от любопытства.

Подлодка наклонилась и грациозно двинулась к невидимому дну. Под ее обрубленным носом вспыхнул мощный свет дуговой лампы, выхватывая из темноты водяной конус.

Приблизившись ко дну, лодка чуть задрала нос. Вечерний свет едва доходил сюда — ему мешали массивные черные тени кораблей.

Беллис бросила взгляд через плечо капитана на темную воду. На ее лице застыло безразличное выражение, но руки взволнованно двигались независимо от нее. Рыбы накатывались волнами на массивного металлического пришельца. Бел-

лис слышала собственное дыхание — быстрое и неестественно громкое.

Подлодка осторожно лавировала между цепей, которые, словно лианы, тянулись к кораблям наверху. Рулевой с профессиональным изяществом передвинул рычаги управления, лодка перевалила через невысокий порожек обветренной породы, и перед ними предстала столица Салкрикалтора.

У Беллис отвисла челюсть.

Повсюду висели фонари. Эти шары, от которых исходил холодный свет, напоминали замерзшие луны и не имели того светло-коричневого оттенка, что был присущ газовым лампам Нью-Кробюзона. Город мерцал в темноватой воде, словно сеть, наполненная призрачными огнями.

На границах города располагались низкие здания из пористого камня и кораллов. Между башнями и над крышами ровно двигались другие подлодки. Дорожки в глубине под ними поднимались к бастионам и соборам в центре города, до которых оставалось около мили; сквозь водную толщу видны были только их смутные очертания. Там, в самом сердце столицы Салкрикалтора, стояли удивительные здания, высоко поднимавшиеся над водной поверхностью; под

водой они выглядели не менее причудливо. Все в городе было переплетено и взаимосвязано.

Креи были повсюду. Они лениво поглядывали на подлодку, проплывавшую над ними. Они торговались перед лавчонками, украшенными колеблющимися цветными тканями, они спорили на маленьких площадях, усаженных фигурно подстриженными водорослями, они бродили по извилистым улочкам. Они управляли повозками, в которые были впряжены необычные тягловые животные — морские улитки высотой в шесть футов. Тут же играли их дети — погоняли посаженных в клетки окуней и морских собачек.

Увидела Беллис и трущобы. Водные потоки подбирали органические отходы, накапливающиеся в коралловых двориках, и уносили их подальше от главных улиц.

Казалось, что вода удлиняет любое движение. Креи плыли над крышами, некрасиво маша хвостами. Они спрыгивали с высоких карнизов и медленно погружались, перед приземлением подгибая ноги.

Из подлодки казалось, что город погружен в тишину.

Они медленно приближались к застроенному монументальными зданиями центру, распугивая

рыбу, приводя в движение плавучий мусор. Беллис с удивлением отмечала про себя, что перед ней настоящий город. В нем кипела жизнь. Все как в Нью-Кробюзоне, только город выглядел более расслабленным и был наполовину скрыт водой.

— Это жилые дома для официальных лиц, — сообщил ей Камбершам. — А это банк. Здесь размешается фабрика. Поэтому-то креи и развивают отношения с Нью-Кробюзоном — мы поставляем им паровые технологии. Сделать двигатели, работающие под водой, очень непросто. А это центральный совет Крейского содружества Салкрикалтора.

Беллис увидела замысловатое здание. Закругленное и луковицеобразное, похожее на невероятно большой мозговой коралл, покрытый резными складками. Башни вздымались вверх, торча над водой. В большей части их крыльев, украшенных резьбой в виде свернувшихся змей и иероглифическими надписями, имелись открытые окна и двери в традиционном салкрикалторском стиле, так что мелкие рыбешки могли свободно попадать внутрь или наружу. Но одна секция была герметизирована — небольшие иллюминаторы, плотные металлические двери.

Из вентиляционных отверстий на ней шли струи пузырьков.

— Вот тут они и принимают надводников, — сказал лейтенант. — Сюда-то нам и нужно.

— В верхней части Салкрикалтора обитает человеческое меньшинство, — медленно произнесла Беллис — Над водой хватает комнат, а крей может несколько часов находиться на воздухе без всякого вреда для себя. Почему же они принимают нас здесь?

— По той же причине, по которой мы принимаем посла Салкрикалтора в приемной парламента, мисс Хладовин, — сказал капитан, — не считаясь с тем, что это для него подчас затруднительно и неудобно. Это их город, а мы — только гости. Я говорю *мы*, — он повернулся к ней и сделал движение рукой, указывая на себя и лейтенанта Камбершама, — имея в виду только нас. Это *мы* — гости. — Он неторопливо отвернулся.

«*Сукин ты сын*», — с ненавистью подумала Беллис. На лице ее застыло презрительное выражение.

Рулевой сбросил скорость почти до нуля и через большое темное отверстие завел лодку внутрь крыла здания. Они проплывали над креями, которые движениями рук показывали нужное

направление, и наконец оказались в конце бетонного коридора. За ними с глухим ударом захлопнулась огромная дверь.

Толстые, вделанные в стены патрубки взорвались непрерывным потоком пузырей. Море выдавливалось через клапаны и затворы. Уровень воды стал падать, и подлодка постепенно опустилась на бетонный пол, где завалилась на один бок. Вода опустилась ниже иллюминатора, омыв его своими потоками, и теперь уже за стеклом был воздух. Когда вода ушла из помещения, оно показалось Беллис довольно убогим.

Рулевой отпустил болты, и крышка люка открылась. Внутрь хлынула благодатная прохлада. На бетонном полу пенилась морская вода, здесь пахло рыбой и водорослями. Беллис вышла из подлодки. Офицеры, уже стоявшие на полу, поправляли на себе форму.

За ними стояла самка крея. Она держала пику, которая показалась Беллис слишком вычурной и хрупкой — очевидно, церемониальное оружие. На стражнице был нагрудник, явно не металлический — слишком уж ярко-зеленого оттенка. Она приветственно кивнула.

— Поблагодарите ее за приветствие, — обратился капитан к Беллис. — Пусть сообщит

руководителю совета, что мы прибыли.

Беллис выдохнула и попыталась успокоиться. Она собралась, припоминая словарь, грамматику, синтаксис, произношение и душу языка креев Салкрикалтора — все, чему она научилась за несколько недель упорной работы с Марик-катчем. Она произнесла про себя коротенькую циничную молитву.

Потом она представила себе вибрато, клацающий лай креев, слышимый как в воде, так и в воздухе, и заговорила.

К ее глубокому облегчению, крей кивнула и ответила.

— *О вашем прибытии будет доложено,* — сказала она, поправляя Беллис, неверно употребившую временную форму. — *Ваш рулевой останется здесь. А вы ступайте за мной.*

Большие герметичные иллюминаторы выходили в сад с яркими морскими растениями. На стенах висели гобелены, запечатлевшие важнейшие события истории Салкрикалтора. Пол был устлан каменными плитами (совершенно сухими) и подогревался невидимым огнем. Стены были украшены темными накладками из гагата, черного коралла и черного жемчуга.

Три крея-самца, кивая, приветствовали людей.

Один, гораздо моложе двух других, стоял, как и Беллис, чуть в стороне.

Они были бледны. В отличие от креев Устья Вара, эти куда больше времени проводили под водой, и солнце не оставляло на них следа. Верхнюю часть тела крея от человеческого отличали только маленькие жаберные складки на шее, но в их подводной бледности было что-то враждебное.

Ниже пояса креи представляли собой гигантских скальных омаров — шишковатый сегментированный панцирь. Человеческое брюшко выступало из-под панциря в том месте, где у омара были бы глаза и усики. Даже на воздухе — в чуждой для них среде — их многочисленные ноги двигались с замысловатым изяществом. Движения сопровождались негромкими звуками — легкие удары хитина о хитин.

Свои рачьи задницы креи украшали чем-то вроде татуировок — вырезали на поверхности панциря рисунки и заливали их различными экстрактами. У двух креев постарше набор символов был впечатляющим.

Один из них вышел вперед и очень быстро заговорил на салкрикалторе. Затем последовала короткая пауза, и наконец молодой крей, который стоял за говорившим, произнес:

— Добро пожаловать. — Он говорил на рагамоле с сильным акцентом. — Мы рады вы приехать и говорить с нами.

Разговор начинался неторопливо. Руководитель совета, король Скаракатчи, и член совета, король Друд'аджи, дипломатически вежливо выразили свое удовлетворение, которое могло сравниться разве что с таковым Мизовича и Камбершама. Все сошлись на том, что встреча необыкновенно важна и замечательно, что два таких великих города пребывают в добром согласии, что торговля — великолепный способ доказательства доброй воли и все в таком роде.

Потом тема разговора быстро переменилась. Беллис, сама тому удивляясь, довольно бегло переводила всякие специальные вещи. Разговор зашел о том, сколько яблок и слив оставит «Терпсихория» в Салкрикалторе и сколько бутылей мазей и жидкостей получит в обмен.

Вскоре после этого они перешли к обсуждению государственных вопросов, информации из кулуаров нью-кробюзонского парламента: когда будут (если будут) заменены послы, каковы возможности для торговых соглашений с другими державами, как они отразятся на отношениях с Салкрикалтором.

Беллис без всякого труда научилась не обращать внимания на то, что говорит, — просто пропускала через себя информацию. Делала она это не из патриотизма или преданности правительству Нью-Кробюзона (ничего подобного она не испытывала), а только из скуки. Предмет тайных переговоров был ей непонятен, те обрывки информации, что выходили из ее уст, наводили на нее тоску. Она думала о тоннах воды над ними и удивлялась тому, что не чувствует страха.

Некоторое время она работала автоматически, почти немедленно забывая, что говорит. Но вдруг она почувствовала, как голос капитана изменился, и обнаружила, что прислушивается.

— У меня есть еще один вопрос, ваше превосходительство, — сказал капитан Мизович, пригубив поданное ему питье. — В Ке-Бансса мне велели проверить странный слух, переданный представителем Нью-Кробюзона. Сведения эти были такими нелепыми, что мне показалось, я ослышался. Тем не менее я обогнул Плавники. Вот почему мы опоздали с прибытием. Делая этот круг, я, к своему разочарованию и тревоге, обнаружил, что слухи эти верны. Я поднимаю этот вопрос, потому что это касается нашей дружбы с Салкрикалтором. — Голос капитана стал жест-

че. — Речь идет о наших предприятиях в водах Салкрикалтора. На южной границе Плавников, как известно советникам, расположены жизненно важные для нас сооружения, за размещение которых с нас берут немалую арендную плату. Я, конечно же, веду речь о наших платформах. О наших буровых установках.

Беллис до этого никогда не слышала сочетания *буровая установка* и потому произнесла его на рагамоле. Креи, похоже, поняли. Беллис переводила автоматически и гладко, но при этом с тревогой прислушивалась к каждому слову капитана.

— Мы проходили мимо них после полуночи. Сначала мимо одной, потом — мимо другой. На «Маникине» и на «Траштаре» все было в полном порядке. Но, господа советники… — Он выпрямился на своем стуле, поставил стакан и злобно уставился на них. — *Куда девалась третья платформа?*

Официальные представители креев смотрели на капитана. Они переглянулись с неторопливой, комической синхронностью, потом снова обратили взгляды к капитану.

— Мы просить прощения… не понимать, капитан, — медленно проговорил за свое начальство переводчик.

Говорил он все тем же ровным тоном, но Беллис на долю секунды поймала его взгляд. Между ними пробежала какая-то искра, какое-то общее недоумение, чувство товарищества.

«*И во что мы с тобой вляпались, брат?*» — подумала Беллис. Она была напряжена и ужасно хотела курить.

— Мы не знаем, о чем вы говорить, — продолжал ее коллега. — Нас не интересовать платформы, пока мы получаем арендную плату. Что случилось, капитан?

— *Случилось* то, что «Сорго», — сказал капитан Мазович, повысив голос, — наша плавучая платформа исчезла. — Он дождался, когда Беллис переведет его слова, а потом подождал еще немного, удлиняя молчание. — Добавлю, что исчезла она с командами пяти броненосцев, своими офицерами, обслуживающим персоналом, учеными и геоэмпатами. Первое известие о том, что «Сорго» исчезло со своей стоянки, дошло до острова Танцующей птицы три недели назад. Команды других платформ стали интересоваться, почему им не сообщили о приказе «Сорго» передислоцироваться. Но такого приказа не отдавалось. — Капитан поставил стакан и посмотрел на двух креев. — «Сорго» должно было оставаться

на своем месте еще как минимум шесть месяцев. Платформа должна была находиться там, где мы ее оставили. Господин первый советник, господин советник… *что случилось с нашей буровой установкой?*

Заговорил Скаракатчи, и переводчик попытался воспроизвести его увещевательный тон:

— Нам ничего не известно.

Капитан Мизович хрустнул пальцами.

— Это произошло всего в сотне миль отсюда, в водах Салкрикалтора, в районе, патрулируемом вашим флотом и охотниками. А вам, значит, ничего не известно? — Говорил он сдержанным, но угрожающим тоном. — Господа советники, это выходит за все рамки. Вы понятия не имеете о том, что случилось? То ли платформу опрокинул шквальный ветер, то ли на нее напали и уничтожили? Вы что, хотите мне сказать, что ни о чем таком *не слышали?* Что кто-то может так поступить с нами в ваших водах, а вы будете оставаться в неведении?

Последовало долгое молчание. Два крея наклонились друг к другу и прошептали друг другу несколько фраз.

— До нас доходит много всяких слухов, — сказал через переводчика король Скаракатчи; Друд'аджи

внимательно смотрел на них обоих. — Но об этом мы ничего не слышали. Мы можем предложить наши соболезнования и помощь нашим друзьям из Нью-Кробюзона, но, к сожалению, никакой информации.

— Должен сообщить вам, — сказал капитан Мизович, шепотом посовещавшись с Камбершамом, — что я в высшей степени огорчен. Нью-Кробюзон больше не сможет платить арендную плату за пользование установкой, которой нет. Наша арендная плата, таким образом, сокращается на одну треть. И я пошлю назад в город сообщение о том, что вы не смогли предоставить нам никакой помощи. И у наших властей, не исключено, возникнут сомнения насчет того, может ли Салкрикалтор охранять наши интересы. Мое правительство пожелает продолжить эту дискуссию. Возможно, придется заключить новые соглашения. Благодарю вас за гостеприимство, — сказал он, допив свой стакан. — Мы пробудем в гавани Салкрикалтора одну ночь. С якоря снимемся завтра утром.

— Одну минуту, капитан. — Глава совета поднял руку и что-то быстро пробормотал Друд'аджи, который кивнул и торопливо и грациозно засеменил из комнаты. — Нам нужно обсудить еще

один вопрос.

Когда Друд'аджи вернулся, глаза у Беллис расширились. За ним шел человек с открытым, улыбчивым лицом. Он был немного моложе ее. В руках он нес большой пакет, а одет был в чистую, хотя и поношенную одежду. Он обезоруживающе улыбнулся Беллис. Она чуть нахмурилась и отвела глаза.

— Капитан Мизович? — Человек говорил на рагамоле с нью-кробюзонским акцентом. — Лейтенант Камбершам? — Он пожал им руки. — Боюсь, с вами, мадам, я не знаком, — сказал он, протягивая руку.

— Мисс Хладовин — наш переводчик, сэр, — сказал капитан, прежде чем Беллис успела раскрыть рот. — Вы должны иметь дело со мной. Кто вы?

Человек вытащил из кармана какую-то бумагу с печатями.

— Прочтите, и вам все станет ясно, капитан, — сказал он.

Капитан внимательно просмотрел бумагу. Полминуты спустя он поднял пронзительный взгляд на человека, помахивая листом бумаги.

— Это что еще за идиотизм? — неожиданно прошипел он.

Беллис, услышав его голос, вздрогнула. Он су-

нул бумагу Камбершаму.

— Я думаю, там все ясно написано, капитан, — сказал человек. — У меня есть другие экземпляры на тот случай, если вы не сможете сдержать гнев и уничтожите этот. Боюсь, мне придется, э-э, реквизировать ваш корабль.

Капитан рассмеялся резким, похожим на лай смехом.

— Неужели? — В его голосе послышались угрожающие интонации. — Разве так делаются дела, мистер… — он наклонился и пробежал глазами по бумаге в руке лейтенанта, — мистер Фенек. *Разве так*?

Бросив взгляд на Камбершама, Беллис поняла, что тот с удивлением и тревогой смотрит на незнакомца. Он прервал капитана.

— Сэр, — сказал он взволнованным голосом, — может быть, мы поблагодарим наших хозяев — у них наверняка много важных дел, требующих их участия.

Он многозначительно посмотрел на креев. Переводчик внимательно слушал.

Капитан, поколебавшись, коротко кивнул.

— Прошу вас, передайте нашим хозяевам, что их гостеприимство выше всех похвал, — грубым тоном приказал он Беллис. — Поблагодарите их

за то, что они уделили нам внимание. Дорогу назад мы найдем сами.

Беллис перевела, креи величественно откланялись. Два советника подошли к гостям и, к плохо скрываемой ярости капитана, снова обменялись с ними рукопожатиями, а потом удалились через ту дверь, из которой появился Фенек.

— Мисс Хладовин. — Капитан указал на дверь, ведущую к подлодке. — Прошу вас, подождите нас там. Это государственное дело.

Беллис, остановившись в коридоре, безмолвно чертыхалась. Она услышала озлобленный голос капитана за дверью, но, как ни напрягалась, разобрать, о чем идет речь, не смогла.

«*Проклятье*!» — пробормотала она себе под нос и вернулась в безликое помещение, где, словно свинья в грязи, лежала подлодка. Служитель-крей бездельничал в ожидании, слегка посапывая.

Рулевой подлодки ковырял в зубах. Изо рта у него пахло рыбой.

Беллис прислонилась спиной к стене и стала ждать.

Минут через двадцать дверь распахнулась и появился капитан. За ним шел Камбершам, отчаянно пытаясь успокоить его.

— Да заткните вы пасть, Камбершам, — ска-

зал капитан; Беллис удивленно уставилась на него. — Лучше позаботьтесь о том, чтобы этот *мистер сраный Фенек* не попадался мне на глаза, или я за себя *не отвечаю*, предъяви он мне хоть сто этих говенных писем.

За Камбершамом из дверей выглядывал Фенек.

Камбершам показал знаками Беллис и Фенеку, чтобы они побыстрее садились в лодку. Вид у него был испуганный. Когда он сел перед Беллис рядом с капитаном, она увидела, что помощник старается держаться подальше от Мизовича.

Море снова стало заполнять помещение через трубки в бетонной стене. Раздался звук невидимых двигателей, лодка завибрировала. Человек в потертом кожаном пальто повернулся к Беллис и улыбнулся.

— Сайлас Фенек, — прошептал он и протянул руку. Беллис не сразу, но протянула свою.

— Беллис, — пробормотала она. — Хладовин.

По пути на поверхность никто не произнес ни слова. Когда они снова оказались на палубе «Терпсихории», капитан опрометью помчался в свою каюту, бросив на ходу:

— Мистер Камбершам, приведите ко мне мистера Фенека.

Сайлас Фенек увидел, что Беллис наблюдает

за ним. Он повел головой в направлении исчезнувшего капитана и на кратчайшее мгновение закатил глаза, потом кивнул на прощание и рысью припустил следом за Мизовичем.

Иоганнеса на борту не было — гулял где-то в Салкрикалторе. Беллис бросила негодующий взгляд на огни, высвечивавшие башни. У борта «Терпсихории» не было ни одной лодки, и никто не мог доставить Беллис в город. Она кипела от негодования. Даже эта нюня — сестра Мериопа и та сподобилась оставить «Терпсихорию».

Беллис нашла Камбершама — он смотрел, как его люди латают поврежденный парус.

— Мисс Хладовин? — Он равнодушно посмотрел на нее.

— Лейтенант, — сказала она, — я хотела узнать, как мне оставить письмо для отправки в Нью-Кробюзон — мне капитан говорил, тут есть какая-то специальная кладовая. У меня срочное сообщение…

Ее голос смолк. Он в ответ только покачал головой.

— Это невозможно, мисс Хладовин. Не могу никого отправить с вами туда, ключей у меня нет, а просить об этом капитана сейчас я и не подумаю… Мне продолжить?

Беллис редко чувствовала себя такой несчастной, но не подала и виду.

— Лейтенант, — медленно проговорила она, стараясь говорить ровным голосом, — лейтенант, капитан сам мне сказал, что я смогу оставить здесь письмо. Это чрезвычайно важно.

— Мисс Хладовин, — сказал он, — если бы я мог, то лично проводил бы вас, но я *не могу,* и боюсь, на этом вопрос исчерпан. К тому же… — Он воровато оглянулся, потом прошептал: — К тому же — прошу вас, никому об этом ни слова, — но… вам не понадобится эта кладовая. Больше я сказать ничего не могу. Через несколько часов сами все поймете. Капитан завтра утром устраивает собрание. Он объяснит. Поверьте мне, мисс Хладовин. Вам нет нужды оставлять здесь ваше письмо. Даю вам слово.

«*Что он имеет в виду?* — подумала Беллис, охваченная паникой. — *Что, черт его побери, он имеет в виду?*»

Как и большинство заключенных, Флорин Сак никогда не отходил далеко от места, которое занял. Оно располагалось вблизи от не часто проникавшего сверху света и места раздачи пищи, так что охотников на него было немало. Дважды кто-то пытался занять его — укладывался на

Флоринов клочок пола, пока он ходил поссать или посрать. В обоих случаях Флорин без драки убедил пришельцев уйти подобру-поздорову.

Он часами сидел в углу клетки, прижавшись спиной к стене. Шекелю никогда не приходилось его искать.

— Эй, Сак!

Флорин вздремнул, и туман в его голове рассеялся далеко не сразу.

Шекель ухмылялся ему из-за решетки.

— Проснись, Флорин. Хочу сказать тебе кое-что про Салкрикалтор.

— Заткнись, парень, — проворчал человек рядом с Флорином. — Мы пытаемся поспать.

— А ну, закрой хлебало, звездюк, — отрезал Шекель. — А то не получишь жратвы, когда я опять приду.

Флорин умиротворяюще шевельнул рукой.

— Успокойся, парень, успокойся, — сказал он, пытаясь прогнать остатки сна. — Давай, рассказывай, что там у тебя, только потише.

Шекель усмехнулся. Он был пьян и взволнован.

— Флорин, ты когда-нибудь видел Салкрикалтор-сити?

— Нет, приятель, я никогда не выезжал из Нью-

Кробюзона, — тихо ответил Флорин. Говорил он вполголоса, надеясь, что Шекель поступит так же.

Мальчишка закатил глаза и сел.

— Садишься в лодку и гребешь мимо таких здоровенных домов, которые торчат прямо из моря. Кое-где они стоят так близко друг к другу, как деревья в лесу. А наверху между ними мосты, а иногда… иногда видишь, как оттуда прыгает кто-нибудь — человек или крей. Если человек — он ныряет, а если крей, то поджимает все свои ноги и ударяется об воду, потом плывет или исчезает внизу. Я, понимаешь, был в одном баре Наземного квартала. Там был… — Он жестикулировал, создавая руками иллюстрации к своему рассказу. — Вот ты выходишь из лодки, там такая здоровенная дверь, а за ней — здоровенная комната с танцовщицами… — Он по-мальчишески ухмыльнулся. — А потом — бар, пола ни хера нет… один только пандус такой уходит в море далеко-далеко. И все подсвечено снизу. И крей мельтешат туда-сюда, уходят и приходят по этому мосту, то в бар, то снова к себе домой, то в воду, то из воды.

Шекель все время ухмылялся и качал головой.

— Один из наших так напился, что обоссал-

ся. — Шекель рассмеялся. — Пришлось тащить его оттуда мокрого. Никогда в жизни ничего подобного не видел, Флорин. Они тут повсюду, они и сейчас тут под нами копошатся. Вот прямо *сейчас*. Это как сон. Вот этот город торчит тут в море — и снизу его больше, чем сверху. Словно отражается в воде… Но они-то ходят по этому отражению. Флорин, я хочу это увидеть, — взволнованно сказал он. — На корабле есть костюмы, шлемы и всякая такая фигня. Знаешь, я бы туда хотел. Увидеть все это так, как видят они…

Флорин пытался придумать, что бы такого сказать, но усталость все еще одолевала его. Он потряс головой, пытаясь вспомнить какую-нибудь из хроник Раконога о жизни в море. Но он не успел заговорить — Шекель вскочил на ноги.

— Пожалуй, я пойду, Флорин, — сказал он. — Капитан повсюду развешал объявления — утром собрание, важные сообщения, хуе-мое. Пойду морду помну.

Когда Флорин вспомнил историю про Раконога и раковин-убийц, Шекель уже исчез.

ГЛАВА 5

Когда на следующее утро Беллис встала с койки, «Терпсихория» была уже в открытом море.

По мере продвижения на восток становилось теплее, и пассажиры, собравшиеся по призыву капитана, оделись полегче. Команда стояла под бизань-мачтой, офицеры столпились у трапа, ведущего на капитанский мостик.

Новенький, Сайлас Фенек, стоял в одиночестве. Увидев, что Беллис смотрит на него, он улыбнулся ей.

— Вы с ним знакомы? — спросил Иоганнес Тиарфлай, стоявший у нее за спиной. Он потирал подбородок и с любопытством поглядывал на Фенека. — Вы ведь вместе с капитаном были там, внизу, когда появился мистер Фенек?

Беллис пожала плечами и отвернулась.

— Мы с ним не разговаривали, — сказала она.

— Вы не знаете, почему мы отклонились от курса? — спросил Иоганнес.

Беллис нахмурилась в знак непонимания. Тиарфлай раздраженно посмотрел на нее.

— Солнце, — медленно сказал он, — оно у нас слева. Мы идем на юг. Не в ту сторону.

Когда капитан появился над ними на трапе, шепоток на палубе смолк. Капитан поднес ко рту медный рупор.

— Спасибо, что так быстро собрались! — Ветер разнес над собравшимися его высокий голос с металлической ноткой. — У меня неприятная новость. — Он на мгновение опустил рупор, словно бы размышляя, что сказать дальше. Когда он снова заговорил, голос его звучал непримиримо. — Хочу вам сообщить, что я не потерплю никаких споров или возражений. То, что я говорю, — не предмет для обсуждения. Я реагирую на непредвиденные обстоятельства и не позволю оспаривать мои решения. Мы не идем в Нова-Эсперіум. Мы возвращаемся в Железный залив.

Над палубой разнесся взрыв возмущения пассажиров, команда же недоуменно вздохнула. «*Он не имеет права это делать!*» — подумала Беллис, чувствуя, как ее захлестывает паника — но не удивление. Она поняла, что именно такого сообщения и ожидала после полунамеков Камбершама. Поняла она и то, что где-то в глубине души мысль о возвращении вызвала у нее ликование. Она изо всех сил попыталась подавить в себе это чувство. «*Для меня это вовсе не возвращение домой,* — горько подумала она. — *Мне нужно*

бежать. Что теперь делать?»

— Хватит! — прокричал капитан. — Я уже *сказал*, мне это решение далось нелегко. — Он повысил голос, чтобы перекричать вопли протеста. — Через неделю мы будем в Железном заливе, откуда пассажиры, купившие билет, смогут добраться до места назначения другим способом. Вам будет предоставлена возможность сесть на другой корабль. Я понимаю, вы доберетесь до места на месяц позже, и могу только принести вам свои извинения.

Его мрачное багровое лицо не говорило ни о каких извинениях.

— Придется Нова-Эспериуму прожить без вас еще несколько недель. Пассажирам не выходить за пределы полуюта до трех часов дня. Команда получит новые приказы. — Он опустил рупор и сбежал по трапу на палубу. Несколько мгновений он один двигался среди оцепеневших людей. Потом толпа зашевелилась, несколько пассажиров, нарушив распоряжение капитана, шагнули ему навстречу, требуя, чтобы он переменил решение. Когда эти люди подошли к Мизовичу, раздались его разгневанные крики.

Беллис не сводила взгляда с Сайласа Фенека, пытаясь собрать воедино всю полученную ин-

формацию.

Он смотрел на волнующихся людей, но лицо его оставалось бесстрастным. Заметив, что Беллис наблюдает за ним, он задержал на ней взгляд, а потом медленно пошел прочь.

Иоганнес Тиарфлай, сраженный новостью, стоял, разинув рот от недоумения, с довольно комическим видом.

— Что это он *делает?* — заволновался натуралист. — О чем это он *говорит*? Я не могу ждать еще две недели под дождями Железного залива! Боги милостивые! И почему мы направляемся на юг? Он что, опять обходит Плавники кружным путем?.. Что *вообще* происходит?

— Он что-то ищет, — сказала Беллис так, чтобы ее слышал только Иоганнес. Она взяла его под руку и повела из толпы. — И я бы не стала понапрасну тратить слова на капитана. Он, конечно, в этом не признается, но я думаю, у него просто нет ни малейшего выбора.

Капитан шагал по палубе от борта к борту, наводя на горизонт подзорную трубу. Офицеры выкрикивали команды матросам в «вороньих гнездах». Беллис посматривала на недоумевающих пассажиров — те обменивались предположениями.

— Этот тип просто черт знает что, — донеслось до нее. — Какое он имеет право так кричать на пассажиров, заплативших деньги?!

— Я стояла у двери капитанской каюты и слышала, как кто-то обвинял его в том, что он попусту теряет время, не подчиняясь приказу, — в недоумении сообщила мисс Кардомиум. — Как такое может быть?

«*Это Фенек,* — подумала Беллис — *Он сердится, потому что мы возвращаемся кружным, а не прямым путем. Мизович… а что Мизович? Ищет следы „Сорго“*».

Море за Плавниками было темнее, неспокойнее и холоднее — скалы из него не торчали. Небо побледнело. Они находились за каналом Василиска, на краю Вздувшегося океана. Беллис с отвращением смотрела на зеленые волны. У нее кружилась голова. Она представила себе три, четыре, пять тысяч миль соленых вод, протянувшихся отсюда на восток, и закрыла глаза. Сильный ветер трепал на ней одежду.

Беллис поняла, что снова думает о реке, о том медленном протоке, что, словно пуповина, соединяет Нью-Кробюзон с морем.

Когда Фенек появился снова — он быстро шел по полуюту, — Беллис остановила его:

— Мистер Фенек?

При виде Беллис на его лице появилось дружелюбное выражение.

— Беллис Хладовин, — сказал он. — Надеюсь, этот обходной маневр не очень вас расстроил.

Она жестом попросила его отойти в сторонку, чтобы их не слышали остальные пассажиры и команда, и остановилась в тени огромной трубы.

— Боюсь, что очень, мистер Фенек, — сказала она. — У меня есть совершенно определенные планы, которые теперь рушатся. Я понятия не имею, когда мне удастся найти другое судно, на котором понадобятся мои услуги.

Сайлас Фенек сочувственно склонил голову и выглядел явно расстроенным. Беллис продолжила:

— Не могли бы вы пролить свет на это вынужденное изменение маршрута, так рассердившее нашего капитана? — Она помедлила. — Пожалуйста, скажите мне, что происходит.

Фенек поднял брови.

— Не могу, мисс Хладовин, — тихо произнес он.

— Мистер Фенек, — холодно сказала она, — вы видели, как отнеслись к этому пассажиры, вы знаете, как их огорчил такой поворот событий.

Неужели вы считаете, что я — все мы, но я в первую очередь — не заслуживаю объяснения всему этому? Представьте, что могло бы произойти, сообщи я пассажирам о моих подозрениях… что причиной всему — появление таинственного незнакомца…

Беллис говорила быстро, пытаясь спровоцировать или пристыдить Сайласа, чтобы он сказал ей правду, но голос ее замер, когда она увидела выражение его лица. Оно мгновенно и резко изменилось. Из дружеского, кроткого оно сделалось жестким. Фенек поднял палец, призывая Беллис замолчать, потом, оглянувшись, заговорил — быстро, искренне и очень взволнованно.

— Мисс Хладовин, я понимаю ваши чувства, но вы должны выслушать меня.

Она распрямилась, встретив его взгляд.

— Вы не должны прибегать к такой угрозе. Я не взываю к вашей профессиональной этике или вашей чести, черт бы ее драл, — прошептал он. — Возможно, вы относитесь к подобным вещам с не меньшим цинизмом, чем я. Но я взываю к *вам.* Я понятия не имею, что вы себе навоображали или о чем догадались, но я вам говорю, мне жизненно необходимо — вы понимаете: жизненно? — быстро, без промедления и лишнего шума вернуться

в Нью-Кробюзон. — Последовала длительная пауза. — На карту поставлено слишком многое, мисс Хладовин. Вы не должны никому вредить. Прошу вас держать ваши соображения при себе. Я полагаюсь на ваше благоразумие.

Фенек не угрожал ей. Его лицо и тон были строгими, но не агрессивными. Он действительно обращался к ней с просьбой, не пытаясь запугать, заткнуть рот. Он разговаривал с ней как с партнером, с человеком, которому доверяют.

Потрясенная и обескураженная его волнением, Беллис поняла, что *будет* держать язык за зубами.

Фенек понял по ее лицу, какое решение она приняла, и, благодарно кивнув, пошел прочь.

Вернувшись в свою каюту, Беллис попыталась составить план дальнейших действий. Задерживаться в Устье Вара надолго для нее было небезопасно. Нужно было как можно скорее сесть на какой-нибудь корабль. Она всей душой надеялась, что ей удастся добраться до Нова-Эспериума, но теперь ее одолевало тяжелое предчувствие, что в ее положении выбора больше нет.

Она не испытала потрясения — просто медленно, логическим путем пришла к выводу, что ей придется бежать, куда получится. Задержка

недопустима.

Одна в своей каюте, в стороне от злости и смятения, охвативших всех, Беллис почувствовала, как все ее надежды тают. Она ощущала себя высохшим листом бумаги: сейчас ее подхватит и унесет ветер, гуляющий по палубе.

Ее ничуть не утешала причастность к тайнам капитана. Она никогда еще не чувствовала себя такой неприкаянной.

Беллис сломала печать на своем письме, вздохнула и принялась дописывать последнюю страницу.

«*Суккота, 6–го Арора, 1779 года. Вечер,* — написала она. — *Кто же мог такое предвидеть, мой дорогой? Вот и появилась возможность добавить еще немного*».

Это утешило ее. Хотя взятый в письме игривый тон и был напускным, Беллис нашла в нем успокоение и не прекратила писать, когда вернулась сестра Мериопа и улеглась в постель. Она продолжила сочинять письмо при тусклом свете масляной лампы, рассуждая о заговоре и тайнах, а в металлический борт «Терпсихории» монотонно бились волны Вздувшегося океана.

В семь утра Беллис разбудили удивленные крики. Она выскочила из каюты в незашнурованных

ботинках и столкнулась с другими сонными пассажирами, устремившимися наверх, как и она. Беллис зажмурилась от яркого света.

Матросы, обмениваясь жестами и крича, стояли у фальшборта. Беллис окинула взглядом пространство до самого горизонта, но в конце концов поняла, что они смотрят *вверх.*

В небесах, в двух сотнях футов над морем, неподвижно висел человек.

У Беллис, как у слабоумной, отвисла челюсть.

Человек сучил ногами, как ребенок, и смотрел на корабль внизу. Он словно стоял в воздухе и весь был опутан ремнями, прикрепленными к тугому воздушному шару над ним.

Он отстегнул что-то от своего ремня, и оно — видимо, балласт, — крутясь, неторопливо полетело в воду. Человек дернулся и поднялся футов на сорок. Раздался слабый шум вращающегося винта, и человек поплыл в воздухе, описывая неторопливую кривую. Медленно, зигзагами, он начал облетать «Терпсихорию».

— *Все по местам, черт вас дери*!

Команда поспешно разбежалась при звуках капитанского голоса. Мизович вышел на главную палубу и принялся разглядывать неторопливо двигающуюся фигуру в подзорную трубу. Человек

парил недалеко от верхушек мачт, слегка напоминая хищника, высматривающего добычу.

Капитан закричал в мегафон, обращаясь к летуну:

— Эй, вы… — Голос его разносился далеко; даже море, услышав его, казалось, угомонилось. — Говорит капитан «Терпсихории» Мизович, мой пароход принадлежит к торговому флоту Нью-Кробюзона. Прошу вас сесть на палубу и представиться. Если вы не подчинитесь, ваши действия будут рассматриваться как враждебные. Вам дается одна минута на спуск, если вы не подчинитесь, мы начнем защищаться.

— О Джаббер! — прошептала Беллис. — Я не видела ничего подобного. Он не мог прилететь с земли — берег слишком далеко. Он, наверное, разведчик с другого корабля. Тот притаился где-то за горизонтом.

Человек продолжал свой облет корабля. Несколько секунд был слышен только звук его работающего двигателя.

Наконец Беллис спросила шепотом:

— Пираты?

— Возможно, — пожал плечами Иоганнес — Но морским разбойникам не захватить корабль такого размера, к тому же вооруженный. Они

охотятся за купцами помельче — на деревянных судах. А если это каперы… — Он сложил губы трубочкой. — Если у них патент от Фай-Вадисо или кого другого, то у них, возможно, достаточно огневой мощи для схватки с нами, но рисковать войной с Нью-Кробюзоном будет для них чистым безумием. Пиратские войны давно закончились, Джаббер их побери.

— Последнее предупреждение! — прокричал капитан. У борта расположились четыре матроса с мушкетами и прицелились в летуна.

Звук мотора мгновенно переменился. Человек дернулся и зигзагообразными движениями стал удаляться от корабля.

— Огонь, будь он проклят! — закричал капитан. Раздались звуки выстрелов, но человек уже был вне пределов досягаемости. Еще долго было видно, как он медленно удаляется от корабля. В том направлении, куда он улетел, не заметно было ничего.

— Его корабль милях в двадцати отсюда, а то и больше — сказал Иоганнес. — Будет добираться не меньше часа.

Капитан выкрикивал команды. Он разделил экипаж на боевые единицы, вооружил их, расставил по постам. Моряки нервно теребили

выданное им оружие, глядя в медленно плещущее море.

К пассажирам, сбившимся в группу, подбежал Камбершам и приказал — резко и грубо — отправляться по каютам или в столовую.

— «Терпсихория» может дать отпор любому пирату, и разведчик наверняка убедился в этом, — сказал он. — Но пока мы не минуем Плавники, капитан требует, чтобы вы не мешали действиям команды. *Прошу* вас.

Беллис долго сидела в полупустой столовой с письмом в кармане, курила, пила воду и чай. Поначалу в воздухе висела напряженность, но прошел час, и страх рассеялся. Беллис начала читать.

Послышались приглушенные крики и стук бегущих ног. Беллис расплескала остатки чая и вместе с другими пассажирами бросилась к иллюминатору.

К «Терпсихории» мчались какие-то темные предметы.

Небольшие, кургузые бронированные разведкатера.

— Они с ума сошли, — прошептал доктор Моллификат. — Сколько их там — пятеро? Что они могут против нас?

На палубе «Терпсихории» раздался громкий звук выстрела, и море взорвалось столбом воды и брызг в нескольких ярдах от носа передового разведкатера.

— Предупредительный выстрел, — заметил кто-то. — Но они не сворачивают.

Суденышко, пролетев через поднятый выстрелом столб воды, самоубийственным ходом приближалось к большому металлическому кораблю. Наверху снова послышался топот бегущих ног, снова прозвучали команды.

— Ну, сейчас начнется, — скривился Моллификат, и в это мгновение «Терпсихория» резко дернулась. Раздался скрежет металла о металл.

В трюме Флорина Сака швырнуло на соседа. Раздался всеобщий вопль ужаса. Переделанные ударялись друг о дружку, покрытая струпьями кожа разрывалась, обнажая зараженную плоть. Слышались крики боли.

Заточенным в темноте пленникам показалось, что корабль внезапно выбросило из воды.

— *Что случилось?* — кричали они, обращаясь к задраенным люкам. — *Что там такое? Помогите!*

Падая, пинаясь, отталкивая и царапая соседей до крови, они бросились к решетке, придавливая

друг друга к прутьям. Крики звучали все громче, паника нарастала.

Флорин Сак кричал вместе со своими товарищами.

Никто не пришел к ним.

Корабль крутануло, словно от удара. Беллис прижало к иллюминатору. Пассажиров разметало по столовой, и теперь они с воплями и криками поднимались на ноги, отшвыривая в сторону разбросанные на их пути стулья. В их глазах застыл ужас.

— Что это было, *Джаббер нас защити?* — прокричал Иоганнес.

Кто-то рядом с ним молился.

Беллис, спотыкаясь, выбралась на палубу вместе с другими. Маленькие бронированные суда продолжали мчаться к «Терпсихории» с левого борта, но с *правого*, где никто ее не видел, словно из ниоткуда, вынырнула и подошла вплотную к кораблю массивная черная подлодка.

Длиной больше сотни футов, она вся была покрыта трубками и короткими металлическими стабилизаторами. С нее еще стекала вода — из швов под заклепками и складок под иллюминаторами.

Беллис в изумлении уставилась на зловещий

корпус подлодки. Матросы и офицеры с криками бестолково бегали от борта к борту, пытаясь перегруппироваться.

На верху подлодки начали открываться два люка.

— *Эй, вы!* — крикнул Камбершам с палубы пассажирам. — *Все внутрь!*

Беллис отступила в коридор.

«*Джаббер помоги мне. О, боги милостивые, блевотина и говно*», — беспорядочно проносилось в ее голове. Она тупо смотрела перед собой, слыша, как пассажиры бессмысленно бегают туда-сюда.

Потом она вдруг вспомнила о стенном шкафчике, из которого была видна палуба.

Снаружи за тонкой стенкой раздавались крики и выстрелы. Беллис лихорадочно очистила полку перед собой и прижалась к грязному стеклу.

Воздух побелел от клубов дыма. Люди в панике носились перед окном. Внизу чуть поодаль маленькие группки сошлись в уродливой и беспорядочной схватке.

Нападавшие в основном были людьми и кактами, среди них мелькали несколько женщин крепкого вида и переделанных. Одеты они были кричаще и необычно: длинные цветастые плащи и панталоны, высокие сапоги, ремни, утыканные

заклепками. Но ничего общего с пиратами из пантомим или из дешевых книжонок: одежда поношенная и грязная, на лице — отчаянная решимость, действия умелые и эффективные.

Беллис видела все в немыслимых подробностях. Она воспринимала происходящее как ряд картинок, гелиотипов, вспыхивающих одна за другой в темноте. Звуки словно не были связаны с тем, что она видела, — просто металлическое гудение под черепной коробкой.

Она видела капитана и Камбершама — те выкрикивали слова команды с полубака, стреляли из пистолетов, спешно перезаряжали их. Моряки в синей форме дрались с неумелым отчаянием. Мичман-кадет бросил свой сломанный клинок и свалил одного из пиратов сокрушительным ударом кулака, но сам закричал от боли, когда товарищ упавшего вонзил клинок ему в руку и из раны хлынула живица. Группа перепуганных матросов, вооруженных мушкетами со штыками, атаковала пиратов, но замешкалась, и этим воспользовались два переделанных с коротким стволом ружьями. Два молодых матроса с воплями повалились на палубу, рядом падали окровавленные куски мяса и шрапнель.

Беллис увидела между мачтами издававшие

мерное жужжание три или четыре фигуры, привязанные к воздушным шарам, как и первый разведчик. Мерно жужжа, они пролетали низко над толпой и стреляли в нее из кремневых пистолетов.

Лужи крови растекались по палубе.

Все чаще и чаще раздавались крики. Беллис дрожала, кусая губы. В этой сцене было что-то нереальное. Насилие было ужасным и отвратительным, но в широко раскрытых глазах матросов читалось недоумение — они не могли поверить, что все это происходит на самом деле.

Пираты размахивали тяжелыми ятаганами, стреляли из коротких пистолетов. В своей цветастой одежде они походили на уличный сброд, но действовали споро и дисциплинированно, дрались как настоящие солдаты.

— Проклятие! — прокричал капитан Мизович, затем поднял голову и выстрелил.

Один из летунов дернулся, голова его откинулась назад, фонтаном хлынула кровь. Он судорожно вцепился в ремень, освобождая балласт, который полетел вниз, словно большие куски помета. Тело стало подниматься и, вращаясь, легко понеслось в облака.

Капитан отчаянно жестикулировал.

— Перегруппироваться *к херам!* — кричал он. — Убейте этого ублюдка на полуюте!

Беллис повернула голову, но не увидела названную капитаном цель. Однако слышала, как он рядом с ней отдает короткие команды. В ответ налетчики прекратили отдельные схватки и образовали плотный строй. Они целились в офицеров, пытаясь прорваться сквозь ряды матросов, блокирующих подходы к мостику.

— Сдавайтесь! — раздался голос совсем рядом с ее окном. — Сдавайтесь, и все это закончится.

— Прикончите этого сукина сына! — крикнул капитан команде.

Пять или шесть матросов пробежали мимо окна Беллис с саблями и пистолетами наготове. На несколько мгновений наступила тишина, потом раздался глухой звук и слабое потрескивание.

— *О, Джаббер*!.. — послышался истерический крик, внезапно прервавшийся рвотными спазмами. Раздались новые вопли.

Двое из матросов, бросившихся исполнять приказ капитана, снова оказались в поле зрения Беллис, и при виде их она вскрикнула. Сделав несколько нетвердых шагов, они свалились на палубу, истекая кровью, и через несколько мгновений умерли. На одежде и телах было

немыслимое количество ран, словно противник превосходил их числом в сто раз. На них не осталось живого места — нельзя было отыскать и пяти-шести дюймов неповрежденной кожи. Головы превратились в сплошное кровавое месиво.

Беллис в ужасе дрожала, прикрывая пальцами рот. В этих ранах было что-то совершенно неестественное. Они словно переходили из одного состояния в другое — глубокие порезы внезапно становились мелкими, незначительными. Но кровь, лившаяся из них, была самая настоящая, и люди были мертвее мертвого.

Капитан потрясенно смотрел на них. Беллис слышала в воздухе какой-то шелест. Потом раздались два жалобных вскрика и удары тел о палубу.

Последний из матросов метнулся мимо Беллис — он мчался назад, вопя от ужаса. По его затылку с тупым звуком ударил приклад кремневого ружья. Матрос упал на колени.

— *Ах ты, недорезанная свинья!* — вскрикнул капитан Мизович. Голос его был полон ненависти и страха. — *Ах ты, колдун проклятый!*

И тут в поле зрения Беллис появился человек в сером, который медленно шел, не обращая внимания на капитана. Он был невысок и двигался с

заученной легкостью, неся свое мускулистое тело так, словно он был значительно стройнее, чем на самом деле. На нем были кожаные доспехи и темная одежда со множеством карманов, ремешков и кобур; она насквозь пропиталась красным. Лица его Беллис не видела.

Он подошел к упавшему, держа в руке прямой меч, с которого капала кровь.

— *Сдавайся,* — тихо сказал он человеку перед ним. Тот поднял на него полный ужаса взгляд и, не отдавая отчета в том, что делает, потянулся к своему ножу.

Человек в сером мгновенно подпрыгнул с разворотом, согнув при этом ноги и руки. Вращаясь, словно в танце, он стремительно выкинул вперед ногу и пяткой ударил в лицо упавшего матроса, отчего тот опрокинулся на спину. Матрос распростерся на палубе, истекая кровью, — то ли мертвый, то ли без сознания. Приземлившись на палубу, человек в сером замер, словно и не двигался.

— Сдавайтесь, — громко закричал он, и экипаж «Терпсихории» дрогнул.

Они проигрывали сражение.

Тела лежали на палубе, как мусор, умирающие взывали о помощи. На большинстве мертвецов

была синяя форма торгового флота Нью-Кробюзона. Ежесекундно с подлодки и разведкатеров прибывали все новые и новые пираты. Они окружили матросов «Терпсихории» на главной палубе.

— Сдавайтесь! — снова крикнул серый. Говорил он с акцентом, незнакомым Беллис. — Бросайте оружие, и останетесь живы. А попробуете поднять на нас руку, будем уничтожать вас, пока не поумнеете.

— *Боги тебе в печень…* — закричал было капитан Мизович, но командир пиратов прервал его.

— Сколько еще своих людей вы хотите погубить, капитан? — театральным голосом произнес он. — Прикажите им бросить оружие, и они не будут чувствовать себя предателями. В противном случае вы приказываете им умереть. — Он вытащил из кармана кусок фетра и начал протирать свой клинок. — Решайте, капитан.

На палубе воцарилась тишина, нарушаемая только звуком двигателей аэронавтов.

Мизович и Камбершам обменялись несколькими фразами, потом капитан окинул взглядом ошеломленную, испуганную команду и выбросил вверх руки.

— Бросайте оружие, — прокричал он. Последо-

вала короткая пауза, потом люди подчинились приказу. Мушкеты, пистолеты, короткие сабли падали на палубу с глухим стуком.

— У вас преимущество, сэр, — выкрикнул он.

— Оставайтесь на месте, капитан, — сказал человек в сером. — Я подойду к вам.

Он обратился на соли к пиратам, стоящим рядом с ним, перед окном Беллис. До нее донеслось что-то вроде «пассажиры», и голова закружилась от притока адреналина.

Беллис вся сжалась и замерла — из коридоров слышались крики пассажиров, которых пираты выводили наверх.

Она услышала голос Иоганнеса Тиарфлая, жалобные рыдания Мериопы, испуг в словах обычно высокопарного доктора Моллификата. Раздался выстрел, а за ним — надрывный вопль.

Беллис слышала протестующие, с нотками ужаса голоса пассажиров, которых выгоняли на главную палубу.

Пираты действовали методично. Беллис замерла в своем шкафу, но ей было слышно, как хлопают двери — пираты обыскивали помещения. Она в отчаянии попыталась забаррикадировать дверь шкафа, но человек в коридоре легко распахнул ее. Беллис увидела его лицо — мрачное,

забрызганное кровью, — увидела мачете в его руке, и всякое желание сопротивляться оставило ее. Она уронила бутыль, которой было вооружилась, и человек выволок Беллис наружу.

Команда «Терпсихории» числом около сотни выстроилась в конце палубы; вид у моряков был несчастный и побитый. Убитых сбросили за борт. Пассажиры сбились в тесную группу чуть в стороне от команды. Кое у кого виднелись ссадины или были разбиты носы — например, у Иоганнеса.

В толпе пассажиров, неприметный в своем коричневом одеянии, униженный и жалкий, наравне с остальными, с опущенной головой стоял Сайлас Фенек. Он отвел взгляд, когда Беллис украдкой посмотрела на него.

В центре «Терпсихории» стоял ее дурно пахнущий груз — десятки переделанных, выгнанных из трюмов. Они были абсолютно сбиты с толку происходящим и жмурились на ярком свету, недоуменно поглядывая на пиратов.

Пираты в цветастых одеждах забрались на мачты; некоторые сбрасывали мусор с палубы за борт. Они окружили палубу и навели ружья и луки на пленников.

Чтобы вывести наверх всех перепуганных и

недоумевающих переделанных, потребовалось немало времени. Когда проверили зловонные трюмы, обнаружилось несколько трупов. Их сбросили в море, где металлические конечности и вставки быстро утащили тела на дно.

Огромная подлодка, причаленная к «Терпсихории», вальяжно покачивалась на волнах. Оба судна синхронно подрагивали.

Одетый в серое вожак пиратов медленно повернулся к пленникам. И тут Беллис впервые увидела его лицо.

Ему было, как ей показалось, под сорок. Коротко стриженные седеющие волосы, волевое лицо, грустные, глубоко посаженные глаза, печальные очертания плотно сжатых губ.

Беллис стояла рядом с Иоганнесом, поблизости от безмолвных офицеров. Человек в кожаных доспехах подошел к капитану. Проходя мимо пассажиров, он задержал свой взгляд на Иоганнесе, потом неторопливо отвернулся.

— Ну что ж, — сказал капитан Мизович голосом достаточно громким, чтобы его услышали многие, — «Терпсихория» в ваших руках. Я так понимаю, вы хотите получить выкуп? Но должен предупредить, что, какая бы держава ни стояла за вами, вы совершили непоправимую ошибку.

Нью-Кробюзон вам это не спустит с рук.

Вожак пиратов, выдержав паузу, сказал:

— Нет, капитан. — Теперь, когда ему не нужно было перекрикивать шум схватки, голос его звучал мягко, почти по-женски. — Нам не нужен выкуп. Державу, которую я представляю, ничуть не интересует Нью-Кробюзон. — Он встретился взглядом с Мизовичем и медленно, торжественно покачал головой. — Совершенно не интересует.

Он, не глядя, протянул руку за спину, и один из его людей вложил в нее кремневый пистолет. Человек со знанием дела осмотрел оружие, проверил полку.

— Ваши люди храбры, но не умеют сражаться, — сказал он, взвешивая пистолет в руке. — Вы отвернетесь, капитан?

На несколько мгновений над палубой повисла тишина. Когда Беллис поняла, что имел в виду вожак, у нее словно что-то оборвалось внутри, а ноги чуть не подогнулись.

Капитан и остальные одновременно поняли смысл сказанного. Послышались тихие вскрики. Глаза Мизовича расширились, лицо исказилось ужасом и ненавистью. Эмоции на нем в уродливой борьбе вытесняли друг друга. Рот его скривился, открылся, затем закрылся.

— Нет, сэр, я *не буду* отворачиваться, — закричал он наконец, и у Беллис перехватило дыхание при звуках его голоса, истерически надтреснутого, сломленного ужасом. — *Не буду*, чтоб вам сдохнуть, сэр, сучий вы *трус*, сэр, говно собачье…

Человек в сером кивнул.

— Как угодно, — сказал он, поднял пистолет и выстрелил капитану Мизовичу в глаз.

Череп капитана взорвался осколками кости и кровью, а сам Мизович рухнул на палубу со злобным и глуповатым выражением на изуродованном лице.

Раздался хор вскриков и недоуменных возгласов. Стоявшего рядом с Беллис Иоганнеса шатнуло, он издал какой-то утробный звук. Тошнота подступила к горлу Беллис, но она подавила рвоту. Дыхание ее участилось, она глядела во все глаза, как на палубе в луже крови дергается мертвец. Беллис наклонилась, опасаясь, что ее все же вырвет.

Где-то у себя за спиной она услышала голос сестры Мериопы, которая начала читать молитву «Плач Дариоха».

Убийца взял другой пистолет — заряженный и взведенный — и повернулся к офицерам.

— О Джаббер, — вырвалось у Камбершама. Голос его дрожал, он оторвал взгляд от мертвого тела Мизовича и посмотрел на пирата. — О Джаббер милостивый, — прошептал он и закрыл глаза.

Человек в сером выстрелил ему в висок.

— *О, боги!* — раздался чей-то истерический вопль.

Офицеры закричали; отчаянно вертя головами, они пытались отодвинуться подальше. Грохот двух выстрелов продолжал отдаваться над палубой, словно призрачное эхо.

Люди орали. Некоторые офицеры попадали на колени, умоляя о пощаде. Кровь стучала у Беллис в висках.

Человек в сером быстро взобрался по трапу на полубак и оттуда окинул взглядом палубу.

— *Убийств больше не будет!* — прокричал он, сложив руки рупором.

Он дождался, когда стихнут вопли ужаса.

— Убийств больше не будет, — повторил он. — Нам были нужны только двое. Вы меня слышите? С этим покончено.

Он поднял руки, когда шум на палубе снова стал усиливаться — на сей раз шум недоумения и неуверенного облегчения.

— Слушайте меня, — прокричал человек. — Я хочу вам кое-что сообщить. Вы, те, кто в синем, моряки торгового флота Ньо-Кробюзона! Ваша морская служба закончилась. Вы, младшие лейтенанты и мичманы, должны пересмотреть свое положение. Там, куда мы направляемся, нет места для тех, кто верен Нью-Кробюзону.

Беллис, перепуганная и отчаявшаяся, бросила испытующий взгляд на Фенека — тот свирепо разглядывал свои узловатые руки.

— Вы… — продолжал человек, обращаясь к мужчинам и женщинам из трюма. — Вы больше не переделанные и не рабы. Вы… — Он посмотрел на пассажиров. — Вы должны пересмотреть свои планы насчет новой жизни.

Он обвел взглядом недоумевающих пленников. К ним неторопливо текли струйки крови от трупов капитана и старшего офицера.

— Вы должны отправиться со мной, — сказал человек, повышая голос, чтобы услышали все, — в новый город.

Интерлюдия I
В ДРУГОМ МЕСТЕ

Непонятные существа скользят и цепляются за скалы, прокладывая себе путь сквозь толщу воды.

Они двигаются ночью по морю, мутному от темноты, по ухоженным полям водорослей к огням крейских поселений, виднеющимся на мелководье. Они безмолвно заползают в краали.

Тюлени в загонах бросают на них мимолетный взгляд и пробуют на вкус вихрящуюся воду, что существа оставляют после себя, а потом в страхе бьются о стены и крыши клеток. Пришельцы, как любопытные гоблины, заглядывают в хижины сквозь выдолбленные окна, пугая обитателей, которые бросаются прочь на своих членистых ногах, размахивая вилами и пиками, опасливо тыча ими в налетчиков.

Победа над фермерами-креями дается легко и быстро.

Их хватают, берут в плен, начинают допрашивать. Усыпленные с помощью магии, убежденные путем насилия, креи лепечут что-то в ответ на

шипение вопрошающих.

По этим обрывкам информации злобные охотники узнают то, что им нужно.

Они узнают о подлодках-раковинах из Салкрикалтора, курсирующих вдоль поселений на канале Василиска. Эти суда несут свою сторожевую вахту, охраняя тысячи миль водной территории, те нечеткие границы, внутри которых распространяется влияние крейского содружества. Они следят — не появился ли незваный гость.

Охотники пререкаются, размышляют, совещаются.

Мы знаем, откуда он явился.

Но, возможно, он не возвращается.

Тут есть некоторая неопределенность. К себе домой или на восток?

След раздваивается, и остается только одно. Охотники разделяются на две группы. Одна направляется на мелководье юго-запада, к Железному заливу, к Устью Вара и слабосоленым водам в устье Большого Вара. Они будут наблюдать, слушать, ждать информации, следить, и скрываться, и искать.

Взбаламутив воду, они исчезают.

Вторая группа, перед которой стоит менее определенная задача, направляется в другую сторону

и вниз.

Они плывут медленно, держа курс на всесокрушающие глубины.

Интерлюдия II
БЕЛЛИС ХЛАДОВИН

И куда же мы движемся?

Нас заперли по каютам, а потом пришли и опрашивали с непроницаемыми лицами, словно эти убийцы, эти пираты, какие-нибудь переписчики, чиновники или… «Имя?» — спрашивают они, и: «Профессия?» Потом, видите ли, вот что им нужно знать: «Причина переезда в Нова-Эспериум?» — а я боюсь, как бы не рассмеяться им в лицо.

Куда мы, на хрен, движемся?

Они долго что-то записывали с моих слов, заносили сведения в свои бланки, потом перешли к сестре Мериопе и задали ей те же вопросы. Они не делают различий между лингвистом и монахиней, кивают, уточняют.

Почему они не отобрали у нас наши вещи? Почему они не сорвали с меня драгоценности, не изнасиловали, не зарезали? Они говорят, что нам запрещено иметь при себе оружие, книги и деньги, — все остальное можно оставить при себе, — они обыскивают наши сундуки (не очень тщательно), достают оттуда кинжалы, банк-

ноты, книги, пачкают мою одежду, но больше ничего не забирают.

Они оставляют письма, сапоги, картинки и всякое барахло.

Я прошу оставить мне книги. Я не могу отдать их вам, не забирайте их у меня, они мои, некоторые из них я сама и написала, и они оставляют мне блокнот, но все печатное — рассказы, учебники, роман — забирают. Без всяких разговоров. На них не производит никакого впечатления, когда я говорю, что Б. Хладовин — это я. Они забирают мои сочинения.

И я понятия не имею зачем. Никак не могу понять, какова их цель.

Сестра Мериопа сидит и молится, бормочет свои священные суры, а я удивляюсь и радуюсь тому, что она не плачет.

Они держат нас взаперти, приходят время от времени с чаем и едой. Ни грубые, ни любезные — безразличные, как служители в зоопарке. Мне приспичило, сообщаю я им. Я сильно стучу в дверь, докладываю, что мне нужно в туалет, и выглядываю из дверей, но охранник в моем коридоре кричит, чтобы я убиралась назад в каюту, и приносит мне ведро, на которое с ужасом смотрит сестра Мериопа. Но мне все равно, я ему соврала,

я хотела найти Иоганнеса или Фенека. Я хочу знать, что происходит в других местах.

Повсюду слышны шаги и ленивые разговоры на языке, который я почти понимаю. «Северо-северо-восток», «Другая сторона палубы», «Правда? Я не знал», «Куда девался Его Заступничество?», а потом еще какие-то совсем малопонятные слова.

В иллюминаторе над моей головой не видно ничего, кроме срываемых ветром брызг, мрака над нами и под нами. Я курю одну сигариллу за другой.

Когда у меня кончаются сигариллы, я ложусь на спину и понимаю, что вовсе не жду смерти, что я не верю в свою скорую смерть, я жду чего-то другого.

Прибыть на место. Понять. Оказаться в пункте моего назначения.

Глядя на ярко раскрашенный закат, я с удивлением понимаю, что закрываю глаза, что я неимоверно устала и, боги милосердные, неужели? Неужели это правда. Неужели я и в самом деле сейчас усну, я сплю неспокойный, но долгий, спящие глаза моргают под религиозные причитания Мериопы, иногда открываются, но все же я сплю, пока вдруг, охваченная паникой, я не вскакиваю и не выглядываю в иллюминатор и не

вижу начинающее светлеть море.

Приближается утро. Я пропустила ночь, прячась в своей спящей голове.

Я тщательно одеваюсь, чищу свои высокие ботинки, как всегда, крашусь и подвязываю сзади волосы.

В половину седьмого в нашу дверь стучит кактт — принес какую-то кашу. Мы начинаем есть, а он говорит нам, что будет. «Мы почти прибыли на место, — говорит он. — Когда мы причалим, следуйте за другими пассажирами, ждите, когда назовут ваше имя, и ступайте, куда скажут, и тогда вы...» Но тут я теряю нить, я теряю нить. Что — мы? Тогда мы поймем? Тогда мы узнаем, что происходит?

Куда мы движемся?

Я собираю свои вещи и готовлюсь сойти неизвестно где, неизвестно где. Я думаю о Фенеке. Что он делает и где он? Как он был спокоен, когда убили капитана и брызнула кровь. Он не хотел, чтобы те узнали о его важной миссии, о том, что он может отдавать команды кораблям, менять график движения океанских судов.

(Он у меня в руках.)

Наружу. На резвый яркий ветер. Он настойчиво впивается в меня.

Глаза у меня как пещеры. Я научилась видеть в тусклом коричневатом свете моей каюты, и утренний свет пугает меня. Глаза слезятся, и я моргаю, моргаю, а морские облака набегают сверху. Отовсюду раздаются мягкие хлопки волн. В воздухе я чувствую вкус соли.

Вокруг меня другие — Моллификат и Кардомиумы, первая и вторая. Мурриган, Эттерни, Кол, Джимджери, Йорлин, Тиарфлай мой Иоганнес. Скользнул по мне взглядом, неожиданно улыбнувшись, и исчез в толпе. И где-то Фенек со все еще опущенной головой. У всех у нас на этом свету вид как у оберточной бумаги. Мы сделаны из материи куда как более грубой, чем остальной день. И этот день не замечает нас с высокомерием ребенка, чтоб ему.

Я хочу окликнуть Иоганнеса, но его уносит поток тел, а я смотрю и смотрю вновь прояснившимися глазами.

Я с трудом тащу свой сундук, спотыкаюсь, ковыляю по палубе, от начала до конца. Свет и воздух для меня как удар мешком по голове, и я поднимаю голову и вижу парящих птиц. Я тащусь вперед, не выпуская их из виду, а они кружат над нами, перемещаются к правому борту, а потом беспорядочной стаей направляются к горизонту,

и я вижу там, куда они летят, мачты. Я избегала этого. Я до сих пор так и не взглянула, что делается за бортом, я не видела, где мы находимся. Я даже мельком не видела еще пункта моего назначения, но теперь, когда я смотрю на чаек, он попадает в поле моего зрения.

Он повсюду. Как я могла не заметить его?

Мы плетемся понемногу, и кто-то выкрикивает имена, разбивает нас на группы, дает инструкции, сложные указания, но я не слушаю, потому что смотрю за борт.

Джаббер милостивый выкрикивают мое имя, и я рядом с Иоганнесом, но не смотрю на него, потому что наблюдаю:

мачта на мачте паруса и вышки и еще и больше.

Мы здесь,

рядом с этим лесом дерьмо небесное. О, Джаббер. Мать-мать-мать обман, обман зрения город который постоянно движется и рябит и плещется из конца в конец.

«Мисс Хладовин» сухим голосом говорит кто-то, но я не могу, не теперь, пока я смотрю, и я поставила свой сундук и смотрю и кто-то трясет руку Иоганнеса и он смотрит на них ошеломленно. А они говорят «Доктор Тиарфлай

мы вам очень рады, это большая честь». Но я не слушаю потому что мы здесь, мы прибыли. И я смотрю на все это. Смотрю на все это.

Ах, я буду, буду, я могла бы рассмеяться или блевануть. Мой желудок шевелится. Смотрите, мы здесь. Мы здесь.

Мы здесь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СОЛЬ

ГЛАВА 6

Под водой были лампы. Зеленые, серые, холодно-белые и янтарные шары крейского образца очерчивали город снизу.

Свет отражался от взвешенных частиц. Его источником были не только группы светильников, но и коридоры утреннего солнечного света, преломляющиеся, высвечивающие переходы от волн к глубинным водам. Рыбы и кри кружились в них, безмолвно двигались по ним.

Снизу город казался архипелагом теней.

Он имел неправильную форму, был беспорядочно застроен и необыкновенно сложен. Он отклонял морские течения. Острия килей торчали в разных направлениях. Якорные цепи ниспадали, как волосы, порванные и забытые. Из отверстий струились отходы — фекалии, твердые частицы и масла образовывали беспокойные вихри и поднимались тонкой пленкой. Непрерывный поток мусора загрязнял воду и поглощался ею.

Под городом было всего несколько сотен ярдов быстро затухающего света, а потом — мили темной воды.

Под Армадой кишела жизнь.

Вокруг ее сооружений носились рыбы. Между отверстиями в корпусах осмысленно и целеустремленно двигались тритонообразные фигуры. Проволочные клетки, втиснутые в пустоты и подвешенные на цепях, были набиты жирной треской и тунцом. Обиталища креев напоминали коралловые опухоли.

За пределами города и под ним, в местах, куда еще доходил свет, лежали, свернувшись кольцами, и кормились морские змеи, гигантские и полуручные. Гудели подлодки, отбрасывая четкие тени. Плавая кругами, нес свою вахту дельфин. Пространство под днищем города, поросшим ракушечником, жило своей жизнью.

Море вокруг города резонировало, издавая доступные уху шумы — отрывистое клацание и вибрации металлических ударов, приглушенный звук трения водных потоков, лай, стихающий над морем, на открытом воздухе.

Среди всего того, что держалось и висело под городом, были десятки мужчин и женщин. Время для них тянулось бесконечно долго; они неловко двигались рядом с изящными водорослями и губками.

Вода была холодной, и надводники, опускаясь

вниз, надевали одежду из прорезиненной кожи и шлемы из меди и закаленного стекла, от которых к поверхности отходили воздуховодные трубки. Люди висели на лестницах и канатах, рискованно раскачиваясь над немыслимой бездной.

Втиснутые в шлемы, они не слышали никаких звуков, и каждый из них сам по себе неуклюже двигался рядом с такими же, как он. Словно вши, ползали они по арматуре, воткнутой в сумеречное море, как перевернутая печная труба. Мозаика водорослей и раковин на ней поражала необычностью оттенков. Сорняки и жалящие сети плющом опутывали ее, раскачиваясь туда-сюда и касаясь планктона.

У одного из пловцов была голая грудь, и из нее торчали два длинных щупальца, подергиваясь от тока воды и от внутренних слабых импульсов.

Это был Флорин Сак.

Размахивая хвостом, вдоль границ города проплыл дельфин, то выныривая из темноты, то погружаясь в нее. Он прорвался сквозь верхнюю часть водной толщи и, распрямившись, выпрыгнул на поверхность. Замерев среди брызг, он обвел город хитрым взглядом.

Снова погрузившись в воду, он ударил хвостом, устремляясь по невидимым водным тропинкам.

В стороне виднелись очертания каких-то огромных предметов, плохо видные в мутной воде и испускающие магическое свечение. Они охранялись цепными акулами, а потому осмотреть их вблизи было невозможно. Глаз не мог сфокусироваться на них.

Ныряльщиков рядом с ними не было видно.

Беллис проснулась и услышала звуки голосов.

Она уже несколько недель находилась в Армаде.

Одно утро ничем не отличалось от другого. Она просыпалась, садилась, ждала, оглядывала свою маленькую комнату, не веря своим глазам, содрогаясь и пребывая в непреходящем недоумении. И это чувство было даже сильнее, чем ее ностальгия по Нью-Кробюзону.

«*Как я здесь оказалась?*» Этот вопрос не переставал ее мучить.

Беллис отдернула занавески, ухватилась за подоконник и замерла, разглядывая город.

В день прибытия они стояли со своими пожитками, сгрудившись на палубе «Терпсихории». Их окружали охранники, а также люди со списками и другими бумагами в руках. Лица пиратов были суровыми и обветренными. Охваченная страхом

Беллис внимательно смотрела и никак не могла их понять. Это были сорвиголовы, смесь культур и племен, разных по цвету кожи. На одних — причудливые татуировки, на других — расписанные вручную одеяния. Казалось, кроме мрачного вида, между ними нет ничего общего.

Когда они замерли в некоем подобии стойки «смирно», Беллис поняла, что прибыло начальство. У фальшборта стояли двое мужчин и женщина. Убийца — облаченный в серое вожак — присоединился к ним. Его меч и одежда теперь были чистыми.

Мужчина — помоложе того, что в сером, — и женщина сделали несколько шагов навстречу воину. Беллис не могла оторвать от них взгляда.

Мужчина, одетый в темно-серый костюм, и женщина — в простое синее платье, были высокими и держали себя с непререкаемой властностью. У мужчины были ухоженные усики и непринужденно-высокомерный взгляд. Черты женщины были тяжелыми и неправильными, но очертания губ говорили о чувственности; жестокий взгляд приковывал.

Но Беллис притягивало нечто другое, что завораживало и отталкивало ее. Это были шрамы.

Один шел по лицу женщины, от левого глаза

до угла рта, — тонкий и плавный. Другой, толще, короче и более ломанный, шел от правой ноздри по щеке, а потом загибался, обводя глаз снизу. Шрамы рассекали ее бледно-желтую кожу с такой точностью, что становились произведениями искусства.

Переведя взгляд с женщины на мужчину, Беллис почувствовала, как к горлу подступает тошнота. «*Что это за мерзость такая?*» — с беспокойством подумала она.

Мужчина был украшен такими же отметинами, но расположенными зеркально: длинный кривой рубец на правой стороне лица и надрез покороче под левым глазом. Так, словно он был искаженным отражением женщины.

Беллис в ужасе разглядывала искалеченную пару, и тут женщина начала говорить.

— Теперь вы уже поняли, — сказала она на хорошем рагамоле, произнося слова так, чтобы было слышно всем, — что Армада не похожа на другие города.

«*Это что — приветствие?*» — подумала Беллис. Неужели у них не нашлось больше ничего для переживших потрясение и недоумевающих пассажиров «Терпсихории»?

Женщина продолжила.

Она стала рассказывать о городе.

Иногда она замолкала, и тут же вступал мужчина. Они были словно близнецы, заканчивающие друг за друга предложения.

Слушать то, что они говорили, было трудно, и Беллис с лихорадочным возбуждением отмечала то, что пробегало между двоими в шрамах каждый раз, когда они смотрели друг на друга. Прежде всего — вожделение. Беллис в это время была сама не своя, словно прибытие снилось ей.

Позднее она поняла, что восприняла многое из сказанного, что оно проникло в нее и было осмыслено на подсознательном уровне. Это выяснилось, когда она против своей воли начала жить в Армаде.

Но в то время она осознавала только накал, исходивший от этой пары, и недоуменное возбуждение, с каким были встречены последние слова женщины.

Смысл их дошел до Беллис лишь несколько секунд спустя, словно ее череп был некоей плотной средой, замедлявшей звук.

Все разом выдохнули, раздался всеобщий вскрик, а за ним вспышка недоверчивых одобрительных восклицаний, огромная всесокрушаю-

щая волна радости, шедшая от сотен изможденных переделанных, зловонных и дрожащих. Эта волна поднималась и поднималась, поначалу нерешительно, а потом резко перешла в безумное, исступленное ликование.

— Люди, какты, хотчи, креи… *переделанные,* — сказала женщина. — В Армаде вы все моряки и граждане. В Армаде нет привилегированных. Здесь вы все свободны. И равны.

Вот оно наконец, приветствие. И переделанные ответили на него слезами и громкими благодарностями.

Беллис вместе с ее случайными попутчиками повели в город, где их ждали представители ремесленных корпораций с контрактами в руках и внимательными, нетерпеливыми взглядами. Беллис, выходя из комнаты, оглянулась на двоих вождей и изумленно заметила, что к ним кое-кто присоединился.

Иоганнес Тиарфлай в полном недоумении смотрел на руку, протянутую ему мужчиной со шрамами, смотрел не пренебрежительно, а так, словно не понимал, что ему с нею делать. Пожилой человек, стоявший рядом с убийцей и украшенной шрамами парой, сделал шаг вперед, поглаживая свою яркую седую бороду, и громко

приветствовал Иоганнеса, назвав его по имени.

Больше Беллис ничего не успела увидеть — ее увели. Увели с корабля в Армаду, в ее новый город.

Скопище плавучих жилищ. Город, построенный на костях старых судов.

Повсюду на непрестанном ветру полоскалась и сохла потрепанная одежда. Она шелестела в переулках Армады, на высоких кирпичных сооружениях, на колокольнях, на мачтах, печных трубах и древнем рангоуте. Беллис, глядя из своего окна, видела множество переделанных мачт и бушпритов, корабельных носов и полубаков, из которых слагался городской ландшафт. Многие сотни связанных вместе кораблей, занимавших почти квадратную милю морской поверхности, и построенный на них город.

Морская архитектура была представлена во всем своем многообразии: раздетые лонгшипы, галеры, люггеры и бригантины, массивные пароходы длиной в сотни футов и каноэ не больше человеческого роста. Были здесь и редкостные суда: ур-кетчи, барк из окостеневшей китовой туши. Соединенные канатами и подвижными деревянными трапами, сотни судов, смотрящих во все стороны, покачивались на волнах.

Город был шумен. Лай цепных псов, крики уличных торговцев, жужжание двигателей, стук молотков и станков, треск раскалываемых камней. Гудки, доносящиеся из мастерских. Смех и крики на соли, языке моряков всех племен, на котором говорили в Армаде. Ниже всех этих городских звуков было хрипловатое урчание катеров. Стоны дерева, хлопки кожи и канатов, удары корабля о корабль.

Армада постоянно двигалась, ее мостки раскачивались из стороны в сторону, ее башни кренились.

Корабли переделывались изнутри. То, что было каютами и переборками, превращалось в квартиры. На прежних батарейных палубах оборудовались мастерские. Но город не ограничивал себя изначальными очертаниями судов. Он изменял их. Корпуса надстраивались, на них появлялись новые сооружения; здесь можно было видеть стили и материалы сотен народов и культур, соединившихся в эклектическую архитектуру.

Многовековые пагоды балансировали на палубах древних гребных судов; цементные монолиты высились, как дополнительные дымовые трубы, на колесных пароходах, угнанных из

южных морей. Между зданиями пролегали узкие улицы. Они тянулись через переделанные суда по мосткам, проходили между лабиринтами и площадями и какими-то зданиями — возможно, особняками. На засыпанных землей палубах клиперов, над оружейными погребами, раскинулись скверы. Дома на верхних палубах были покрыты трещинами из-за непрестанного движения судов.

Беллис были видны навесы Сенного рынка: сотни яликов и речных плоскодонок, длиной не более двадцати футов, заполняли пространства между крупными судами. Маленькие лодки, связанные цепями и покрытыми слизью канатами, постоянно стукались друг об друга. Владельцы лавчонок-лодок открывали свои заведения, украшенные лентами и вывесками, увешанные товарами. Ранние покупатели спускались на рынок с окружающих кораблей по крутым канатным мосткам, ловко перепрыгивая с лодки на лодку.

Рядом с рынком располагалась корбита, заросшая плющом и ползучими цветами. На ней размещались украшенные красивой резьбой низкие жилища. Мачты ее не были убраны: увитые зелеными растениями, они напоминали

собой старые деревья. Стояла тут и подлодка, не погружавшаяся уже несколько десятилетий. От ее перископа, словно спинной плавник, тянулась гряда узких домов. Два этих судна были соединены шаткими деревянными мостками, проходившими над рынком.

Один пароход был превращен в многоквартирный дом: в корпусе прорезали новые окна, на палубе устроили детскую площадку. На невысоком колесном судне разместилась грибная ферма. На корабле-колеснице с отполированным до блеска хомутом расположились кирпичные домики, вписавшиеся в изгибы своего плавучего фундамента. Из их труб поднимались клубы дыма.

Здания, отделанные костью, раскрашенные в самые разные цвета — от серого и ржавого до ярких геральдических; город эзотерических форм. Его разнородность была кричащей и отталкивающей, и повсюду — граффити, повсюду — печать упадка. Сооружения то опускались, то поднимались, то снова поднимались вместе с водой, и в этом было что-то смутно угрожающее.

На корпусах вольных купеческих судов возвышались развалюхи и особняки, шлюпы превратились в трущобы. Тут были церкви, санатории и заброшенные дома, все непременно покрытые

влагой, пропитанные солью, окутанные плеском волн и запахом морской гнили.

Корабли были соединены переплетающимися цепями и балками на петлях. Каждое судно представляло собой понтон в сети канатных мостиков. Лодки жались друг к дружке за волноломами вросших в море судов, окружающих свободно плавающую громаду из кораблей. Гавань Базилио, где могли пришвартовываться военные суда Армады и гости — для ремонта или разгрузки, — была защищена от штормов.

Самые крупные корабли дефилировали вокруг границ города, очерченных буксирами и пароходами, причаленными к внешним городским обводам. В открытом море плавало множество рыбацких лодок, военных судов, кораблей-колесниц, буксируемых траулеров и тому подобное. То был пиратский флот Армады, бороздивший океанские просторы и приходивший к причалам с грузом, похищенным у врагов или у моря.

А за всем этим, за городскими небесами, кишащими птицами и другой летучей живностью, за всеми этими судами простиралось море.

Открытое море. Волны — как насекомые, в непрестанном движении.

Ошеломляющее и пустое.

Беллис дали понять, что она находится под защитой тех, кто взял ее в плен. Она стала жителем квартала Сарганова воды, где правили мужчина и женщина со шрамами. Они обещали работу и жилье всем, кого взяли с собой, и пассажиры «Терпсихории» быстро получили и то и другое. Охваченных ужасом и ничего не понимающих новичков встретили агенты, которые выкликали по спискам людей, проверяли, правильно ли указаны профессия и другие данные, в общих чертах объяснили на пиджин-соли, какую работу они предлагают.

Беллис потребовалось несколько минут, чтобы сообразить, и еще больше, чтобы поверить — ей предлагают работу в библиотеке.

Она подписала бумаги. Моряков и офицеров с «Терпсихории» увели на «проверку» и «переквалификацию», и Беллис не испытывала ни малейшего желания упорствовать. Кипя от негодования, она поставила свою подпись. Ей хотелось закричать: «*Это что, называется у вас контрактом, чтоб вам сгнить?!*» Но она только вздохнула: «*Выбора никакого нет, и все это прекрасно понимают*».

Ее сбила с толку вся эта организация, видимость законности.

Это были пираты. Это был пиратский город, где правила жестокая целесообразность, на которой и держится мир, город, пополнявший свое население пленниками с захваченных кораблей, плавучая ярмарка для купли-продажи награбленного, где прав тот, кто силен. Свидетельства этому были повсюду — суровость обитателей, оружие, которое носилось открыто, колодки и козлы для порки, которые Беллис видела на административном судне квартала Сарганових вод. В Армаде поддерживается флотская дисциплина, здесь правит бич, подумала она.

Но плавучий город оказался совсем не бездушной бюрократической машиной, как поначалу думала Беллис. Здесь действовала другая логика. Здесь были отпечатанные на бланках контракты, учреждения, которые занимались новоприбывшими. Были здесь и своего рода управленцы — чиновники, административная каста, как и в Нью-Кробюзоне.

Параллельно закону кнута, а возможно, служа ему подпоркой или оболочкой, существовало бюрократическое управление. Армада была не кораблем, а городом. Беллис оказалась в другой стране, не менее сложно организованной, чем Нью-Кробюзон.

Чиновники отвели ее на «Хромолит», потрепанный от времени колесный пароход, и поселили в двух маленьких круглых комнатах, примыкавших к винтовой лестнице, встроенной в то, что раньше было огромной трубой. Где-то далеко внизу, в чреве «Хромолита», размещался двигатель, сажа от которого когда-то оседала там, где теперь обитала Беллис. Этот двигатель остыл задолго до того, как она появилась на свет.

Ей сказали, что эти комнаты принадлежат ей, но она должна еженедельно платить за них в Жилищный отдел квартала Саргановых вод. Ей дали аванс в счет будущего жалованья — пачку банкнот и мелочь: «десять глаз — флаг, десять флагов — флерон». Банкноты имели грубоватый вид, цвет бумажек одного достоинства разнился.

Потом ей на примитивном рагамоле объяснили, что она никогда не покинет Армаду, и оставили ее одну.

Она ждала еще чего-нибудь, но больше ничего не случилось. Она была одна в этом городе, а город был тюрьмой.

Наконец голод выгнал ее прочь, и она купила какую-то жирную уличную еду у лоточника, который что-то наговорил ей на соли так быстро, что Беллис почти ничего не поняла. Она брела по

улицам, удивляясь, что на нее никто не обращает внимания. Она чувствовала себя здесь совсем чужой; цивилизационный шок, убийственный, как головная боль, согнул ее. Ее окружали мужчины и женщины в пышных истрепавшихся одеяниях, уличные дети, какты и хепри, хотчи, ллоргиссы, крупные гессины и ву-мерты и всякие другие. Под водой жили креи, при свете дня выходившие на поверхность и неторопливо переставляющие свои хитиновые ноги.

Улицы представляли собой узкие, маленькие мостки между домами, заполнявшими палубы. Беллис привыкла к городской качке, к тому, что линия горизонта постоянно смещается и подергивается. Вокруг слышался свист и разговоры на соли.

Научиться этому языку для нее не составляло труда: словарь был прозрачным, составленным из слов других языков, а синтаксис — простым. Она была вынуждена пользоваться этим языком: покупать еду, задавать вопросы, просить разъяснений, разговаривать с другими армадцами, и, когда она делала это, акцент сразу же выдавал ее как новоприбывшую, рожденную не в городе.

Те, с кем она заговаривала, по большей части относились к ней терпеливо, даже с каким-то гру-

боватым юмором, прощая ее неприветливость. Возможно, они думали, что, привыкнув к Армаде, Беллис изменится.

Она не изменилась.

Тем утром, выйдя из трубы «Хромолита», она снова задалась вопросом: «*Как я здесь оказалась?*»

Она находилась на улице этого города из кораблей, под солнцем, в толпе ее похитителей. Вокруг были суроволицые люди и представители других рас, даже несколько конструктов. Они торговались, работали, болтали на соли. Беллис шла по Армаде — пленница.

Она направлялась в граничивший с Сарганом водами квартал Зубца часовой башни, более известный как Книжный город или квартал хепри.

От «Хромолита» до библиотеки «Большие шестерни» было не больше тысячи футов, и, чтобы попасть туда, нужно было перебраться через шесть кораблей.

Небо кишело летательными аппаратами. Под дирижаблями раскачивались гондолы, в которых перевозили пассажиров, опуская их в тесные пространства между домами на веревочных тра-

пах. Более крупные воздушные суда перевозили товары и оборудование и выглядели довольно странно. Их баллоны были как лоскутные одеяла, из которых как попало торчали кабины и двигатели. Мачты служили для причаливания, и над ними, образуя подобие кроны, плавали аэростаты разной формы, похожие на налитые плоды-мутанты.

С «Хромолита» Беллис по крутому узкому мостику перешла на шхуну «Джарви», заполненную маленькими лавками, торгующими табаком и конфетами. Оттуда она перешла на баркентину «Сидящая рысь», на палубе которой толпились торговцы шелком, предлагающие пиратскую добычу Армады. Потом, минуя ллоргисскую морскую колонну, покачивающуюся на воде, словно какая-нибудь зловещая приманка для рыб, Беллис прошла по Тафтяному мосту.

Теперь она оказалась на «Строгом» — крупном клипере, границе Книжного города. Худосочные — следствие инбридинга — армадские быки и лошади тащили телеги, и Беллис вместе с ними миновала пост, охраняемый нарядом из трех сестер-хепри.

Такие же трио охраняли Кинкен и Прибрежье, гетто нью-кробюзонских хепри. Увидев их там

в первый раз, Беллис удивилась. Хепри в Армаде, как и в Нью-Кробюзоне, вероятно, были потомками беглецов с Кораблей милосердия, поклонявшихся тому, что осталось, что сохранилось в памяти от пантеона Бередж-Кай-Нев. Они сохранили свое традиционное оружие. Их гибкие человекоподобные женственные тела были закалены непогодой; головы, напоминающие гигантских скарабеев, сверкали на холодном солнце.

При таком большом числе хепри, от природы лишенных дара речи, на улицах Книжного города было тише, чем в Саргановых водах. Но зато воздух здесь был насыщен пряным запахом — осадком того хемического тумана, с помощью которого общались хепри. Этот туман был их эквивалентом уличного гвалта.

На улицах и площадях здесь стояли выполненные в хеприйском стиле скульптуры, наподобие тех, что украшали Площадь статуй в Нью-Кробюзоне. Мифологические герои, абстрактные формы, морские твари, вылепленные из переливчатого материала, который являлся продуктом жизнедеятельности хепри и вырабатывался в их головах. Цвета были приглушенными, словно цветоносные ягоды здесь были редкостью или

имели низкое качество.

На авеню, идущей по «Смешанной пыли» (самодвижущемуся кораблю хепри — Кораблю милосердия, спасшемуся от уничтожения), Беллис замедлила шаг, очарованная выступами судна, его очертаниями. Порывы ветра бросали ей в лицо насекомых и шелуху, приносимых с кухонной полупалубы на корме фермерского судна, откуда сквозь щели в настилах нижних палуб доносилось блеяние скота.

Потом она перешла на пузатый корабль-фабрику «Аронакс-Лаб», где разместились литейные и аффинажные мастерские, и двинулась по Кроум-Плаза, с которой была перекинута огромная подвесная платформа на палубу «Пинчермарна», последнего из судов, в которых размещалась библиотека «Большие шестерни».

— Успокойся ты… никого не волнует, опоздала ты или нет, — сказала, увидев спешащую Беллис, Каррианна, одна из работниц человеческой расы. — Ты новенькая, ты принудительно завербованная, так что пользуйся этим.

Беллис услышала смех Каррианны, но никак не прореагировала.

Коридоры и бывшие столовые были забиты стеллажами и уставлены чадящими масляными

лампами. Ученые всех рас сидели, поджав губы (если у них были губы), и задумчиво смотрели вслед Беллис. В просторных читальных залах стояла тишина. На оконных стеклах образовалась пленка из пыли и засохших насекомых, которая словно приглушала свет, падающий на общие столы и самые разноязычные фолианты. Беллис вошла в отдел комплектования и услышала приглушенный кашель, звучавший как извинения. Книги стояли кипами на полу, на шкафах и тележках, грозя обрушиться.

Беллис проводила здесь долгие часы, методически составляя картотеку, укладывая книги, написанные на неизвестных ей языках, занося на карточки сведения о других книгах, укладывая их в алфавитном порядке (алфавит соли незначительно расходился с рагамольским) по авторам, названиям, языкам, темам и предметам.

Незадолго до ланча Беллис услышала шаги. Наверно, это Шекель, подумала она. Больше ни с кем из пассажиров «Терпсихории» она не виделась и не говорила. Беллис улыбнулась при этой мысли: надо же, связалась с корабельным юнгой. Он с важным видом заявился к ней недели две назад; захват их в плен и новая жизнь волновали его воображение — совсем мальчишка. (Он

объяснил: кто-то сказал ему, что в библиотеке работает «здоровенная страшная тетка в черном и с синими губами». Он усмехался при этих словах, и Беллис пришлось отвернуться, чтобы не улыбнуться в ответ.)

На жизнь он себе зарабатывал разнообразными и туманными способами, а жилье делил с одним переделанным с «Терпсихории». Беллис предложила Шекелю медный флаг за помощь в разборке книг. Тот принял деньги. После этого он приходил несколько раз, помогал ей немного, говорил об Армаде, о разбросанных по городу пассажирах с «Терпсихории».

Беллис многое узнала от него.

Но сейчас по узкому коридору к ней приближался вовсе не Шекель, а возбужденный, загадочно улыбающийся Иоганнес Тиарфлай.

Потом она не без смущения вспоминала, как поднялась, увидев его (*вскрикнув от радости, точно восторженный ребенок, боги ее раздери*), как обняла его.

Он явно тоже был рад и улыбался ей с застенчивой теплотой. Этот момент тесного приветствия длился довольно долго, потом они разъединились и посмотрели друг на друга.

Он сказал ей, что до этого дня его никуда не

выпускали, а она спросила, чем он занимается. Оказывается, его отправили в библиотеку, и он воспользовался случаем, чтобы найти ее, и Беллис опять спросила, чем же он, боги милостивые, *занимается.* Когда Иоганнес сказал, что не может ей ответить и должен идти, она чуть ногой не топнула от разочарования, но он уже говорил ей «*подождите, подождите*», у него теперь будет больше свободного времени, пусть она *послушает* его одну минуту.

— Если вы свободны завтра вечером, — сказал он, — то я бы хотел пригласить вас на ужин. Тут есть одно местечко на правой стороне Сарганових вод, на «Красноязыком». Называется «Нереализованное время». Вы его знаете?

— Найду, — ответила она.

— Я мог бы зайти за вами, — начал было он, но Беллис оборвала его:

— Ничего, я найду.

Он улыбнулся ей с неожиданной, как она потом вспоминала, радостью. «*Если только ты и в самом деле свободен,* — язвительно подумала она. — *Неужели он и в самом деле думает… Неужели это возможно?* — Она внезапно испытала неуверенность, даже испуг. — *Неужели другие выходят куда-то каждый вечер? Неужели я одна*

такая затворница? Неужели пассажиры „Терпсихории“ каждый вечер напиваются в своем новом доме?»

В тот вечер, когда она вышла из библиотеки, теснота Армады, ее узкие улочки произвели на Беллис удручающее впечатление. Но когда она подняла взор и взглянула вдаль, вздувшийся океан придавил ее, как гранитная глыба, — так, что перехватило дыхание. Она не могла поверить, что вся эта огромная масса воды и воздуха не поглотит Армаду через мгновение, не утопит ее. Она пересчитала монетки в кошельке и подошла к воздушному извозчику, который заполнял свой дирижабль газом на «Аронакс Лаб».

Беллис покачивалась в люльке дирижабля, который неторопливо плыл, даже над самой высокой палубой не опускаясь ниже чем на сотню футов. Беллис видела, как колеблются на капризных волнах границы города, который медленно двигается в случайно подхвативших его потоках. А вон там вдалеке — роща мачт Заколдованного квартала. Арена. Цитадель Бруколака.

А вот тут, в центре Саргановых вод — нечто совершенно необычное, к чему Беллис так и не привыкла: источник силы этого квартала. Нечто громадное, возвышающееся над окружающими

его судами, — самый большой корабль города, самый большой корабль из всех, виденных Беллис.

Почти девятьсот футов черного железа. Пять колоссальных труб и шесть мачт без парусов высотой более двухсот футов, а еще выше — причаленный к одной из них громадный поврежденный дирижабль. С каждого борта — по гигантскому колесу, напоминающему образец промышленной скульптуры. Палубы казались почти пустыми и не были изуродованы хаотичными сооружениями, которые обезображивали другие суда. Цитадель Любовников, напоминающая выброшенного на берег титана, «Гранд-Ост» вальяжно разлегся среди барочной пестроты Армады.

— Я передумала, — сказала вдруг Беллис — Мне больше не нужно на «Хромолит».

Она задала пилоту курс корма-корма-правый борт — все направления в городе отсчитывались от громады «Гранд-Оста». Пилот мягко повернул руль; Беллис поглядела на толпы внизу. Летчик лавировал между мачт и такелажа, исчертивших небо над Армадой, и вокруг дирижабля вихрился воздух. Беллис видела городских птиц, кружащихся над башнями, — чаек, голубей и попугаев. Они вместе с прочей летучей живностью гнезди-

лись на крышах и палубных надстройках.

Солнце уже зашло, и город мерцал огнями. Пролетая над освещенной мачтой так близко, что можно было достать ее рукой, Беллис испытала приступ тоски. Она уже видела конечный пункт своего путешествия: бульвар Сент-Карчери на пароходе «Сердце Гломара» — променад, вся уродливая роскошь которого состояла в тускловатых цветных уличных фонарях, узловатых, ржавого цвета деревьях и оштукатуренных фасадах. Когда гондола начала снижаться, Беллис уставилась на нечто еще более уродливое — темное сооружение за парком.

Четыре сотни футов воды, поблескивающей всевозможными нечистотами, а за ними — башня из сочлененных ферм. Она достигала высоты полета дирижаблей, а над ее вершиной трепетало пламя. Массивное бетонное тело на опорах — словно расщепленная на четыре части колонна, вырастающая из загрязненного моря. Темные краны двигались без всякой видимой цели.

Это было чудовищное, безобразное сооружение, внушавшее трепет и дурные предчувствия. Беллис откинулась к спинке сиденья снижающегося дирижабля, не сводя глаз с «Сорго» — недавно похищенной у Нью-Кробюзона буровой установки.

ГЛАВА 7

Весь следующий день лило как из ведра. Тяжелые серые капли падали, словно осколки кремня.

Уличные торговцы притихли — покупателей не было видно. Мостки Армады стали скользкими. Произошло несколько несчастных случаев — пьяные или нерасторопные срывались в воду.

Городские обезьяны невесело сидели под навесами и ссорились. Они были бичом Армады, диким племенем; они носились по плавучему городу, дрались, соперничали за отбросы и территорию, висели под мостами, взбирались на мачты. Они были не единственными дикими животными, обитавшими в городе, но из всех падальщиков — самыми успешными. Они сбились в кучу в промозглой сырости и вяло вылавливали друг у друга блох.

В сумеречном свете библиотеки вывешенные на стенах призывы к тишине потеряли всякий смысл — дождь лупил вовсю.

Сторожевые псы в квартале Шаддлер скорбно выли, как и обычно во время ливня, когда, по выражению струподелов, небеса начинали

кровоточить. Вода устало колотила по бокам «Юрока» — флагмана квартала Сухая осень. Темная гниющая масса Заколдованного квартала была поражена грибком и выглядела мрачно. Жители соседнего квартала, называвшегося Ты-и-твой, указывали на очертания обветшалого и опустелого необитаемого квартала и предупреждали (впрочем, они делали это всегда), что где-то там, в глубине, обитает бледный упырь.

В первый час после захода в сумеречном Курганном доме на палубе «Териантропа» — в центре квартала Шаддлер — подходила к концу шумная встреча. Стражники-струподелы слышали, как расходятся делегации. Они вертели в руках оружие и терли ладонями корку на своих органических латах.

Среди них был и один человек — до шести футов ему не хватало пары дюймов. Он был атлетически сложен, одет в сероватую кожу, на боку у него висел прямой меч. Говорил и двигался он со спокойной грацией.

Он рассуждал со струподелами об оружии, потом попросил их показать ему приемы «морту крутт» — их боевого искусства. Он позволил им потрогать вязь проводов вокруг его правого предплечья, шедших затем поверх его доспехов к

батарейке на поясе.

Человек сравнивал пинок под названием «упрямый гвоздь» из ножного единоборства и удар «садр» из «морту крутт». Он и его спарринг-партнер разводили руками, медленно показывая движения, когда над ними открылась дверь на лестницу. Стражники мигом замерли. Человек в сером неторопливо выпрямился и направился в угол.

К ним спускался человек, одержимый холодной яростью. Он был высок, молод на вид, сложен как танцор. Кожу цвета бледного пепла покрывали пятна, а волосы, казалось, принадлежали кому-то другому — темные, длинные, в мелких кудряшках, они непокорными прядями ниспадали ему на плечи, напоминая свалявшуюся шерсть. Грива человека сотрясалась на ходу.

Проходя мимо струподелов, он приветствовал их едва заметным надменным кивком — те отвечали более церемонно — и остановился перед человеком в сером. Они изучали друг друга с непроницаемым выражением на лице.

— Живец Доул, — сказал наконец новоприбывший голосом, близким к шепоту.

— Мертвец Бруколак, — последовал ответ. Утер Доул смотрел на широкое красивое лицо

Бруколака.

— Похоже, твои наниматели, Утер, продолжают воплощать в жизнь свой идиотский план, — пробормотал Бруколак. — Я все никак не могу поверить, Утер, — добавил он, — что ты одобряешь это безумие.

Утер Доул не шелохнулся, продолжая сверлить его взглядом.

Бруколак распрямил спину и усмехнулся; эта усмешка могла выражать и презрение, и самоуверенность, и множество других чувств.

— Этого не будет, — сказал он. — Город не допустит. Город существует не для *этого.*

Он лениво приоткрыл рот, откуда высунулся длинный раздвоенный язык, пробуя на вкус воздух и запах пота Утера Доула.

Были кое-какие вещи, которых Флорин Сак категорически не понимал.

Он не понимал, как он выносит холод морской воды. Из-за неуклюжих щупальцев ему пришлось погружаться с обнаженной грудью, и при первом соприкосновении с водой у него перехватило дыхание. Флорин даже решил было плюнуть, потом натерся густой мазью. Как бы там ни было, но он так быстро привык к холоду, что объяснить это было просто невозможно. Холод он по-преж-

нему ощущал, но ощущение это было каким-то отвлеченным. Холод не убивал его.

Он не понимал, почему морская вода лечит его щупальца.

Со времени их имплантации по прихоти судьи из Нью-Кробюзона (это наказание, согласно какой-то снисходительно-аллегорической логике, предположительно соответствовало тяжести его преступления, но осталось для него непроницаемой тайной) они висели как омертвелые зловонные конечности. Флорин поставил эксперимент, попытавшись надрезать их, но имплантированные нервы откликнулись обжигающей болью, и он чуть не потерял сознание. Но кроме боли, в щупальцах не было ничего живого, а потому он обмотал их вокруг туловища, как двух разлагающихся питонов, и постарался о них забыть.

Однако, погрузившись в соленую воду, они начали двигаться.

Различные мелкие инфекции прошли, и теперь щупальца были прохладны на ощупь. После трех погружений, к полному недоумению Флорина, щупальца начали двигаться и вне воды.

Он выздоравливал.

После нескольких недель погружений щупальца дали знать о себе по-новому, а их присоски

теперь могли прикрепляться к ближайшим поверхностям. Флорин учился двигать ими по своей воле.

В сумятице первых дней после прибытия Флорин бродил по кварталам, не веря своим ушам и глазам, — торговцы и бригадиры предлагали ему работу, говоря на языке, который он очень быстро начал понимать.

Когда он подтвердил, что по профессии механик, чиновник администрации порта Сарганових вод смерил его жадным взглядом и на простейшей соли, помогая себе жестами, спросил, не хочет ли он сделаться ныряльщиком. Научить механика нырять было легче, чем научить ныряльщика тому, что знал Флорин.

Научиться дышать нагнетаемым сверху воздухом и не поддаваться страху в маленьком душном шлеме было нелегко, как не сразу далось умение двигаться не слишком резко, чтобы тебя по инерции не отбрасывало назад. Но Флорин научился наслаждаться этой замедленной жизнью, вихревой прозрачностью воды, видимой через стекло. Теперь у него была работа, похожая на прежнюю, — накладывать заплаты, ремонтировать, перестраивать, ковыряться в мощных механизмах. С той лишь разницей, что теперь,

вдали от грузчиков и кранов, ему приходилось работать под толщей воды, а наблюдали за ним угри да рыбы, которые трепыхались в потоках, рожденных за много миль оттуда.

— Я ведь тебе говорил, что эта, как ее там, Хладовин работает в библиотеке?

— Говорил, — ответил Флорин.

Они с Шекелем ели под навесом на причалах, а потоп вокруг них продолжался.

Шекель пришел на причал вместе с группкой оборванцев от двенадцати до шестнадцати лет. Все остальные, насколько мог судить Флорин, были местными уроженцами, и тот факт, что они приняли в свою компанию чужака, привезенного сюда насильно, да к тому же с трудом изъясняющегося на соли, говорил об умении Шекеля приспосабливаться к окружающей среде.

Мальчишки оставили Шекеля одного, чтобы он разделил трапезу с Флорином.

— Мне нравится эта библиотека, — сказал он. — Мне нравится туда ходить, и вовсе не потому, что там работает эта тетка.

— Есть много чего, гораздо хуже, чем чтение, во что бы ты мог вляпаться, — сказал Флорин. — Мы закончили хроники Раконога, теперь ты бы мог найти другие истории. Почитал бы их мне,

для разнообразия. Как у тебя дела — уже одолел алфавит?

— Ну да, буквы разбираю, — неопределенно ответил Шекель.

— Ну, тогда тебе и карты в руки — иди, поговори с этой холодной дамочкой, пусть посоветует, что читать.

Некоторое время они ели молча, наблюдая за группой местных креев, поднявшихся из своих подводных сот.

— А как там — внизу? — спросил наконец Шекель.

— Холодно, — ответил Флорин. — И темно. Темно, но… вокруг все светится. И все такое большое. Вокруг тебя все такое огромное — видишь только громадные неотчетливые формы. Подводные и всякие такие, а иногда, кажется, видишь и другое что-то. Разглядеть их толком не можешь, и потом, они под охраной, так что близко не подойти… Я видел креев под их трущобами. Морских змеев, которых иногда впрягают в корабли-колесницы. Рыболюдей вроде тритонов из квартала Баск. Ты их толком и не разглядишь — так они двигаются. Сукин Джон — дельфин. Он шеф подводной службы безопасности у Любовников. Тот еще тип — такой злобный, что и представить трудно…

А потом, там еще есть несколько… переделанных. — Он умолк.

— Чудно это, да? — сказал Шекель, внимательно наблюдая за Флорином. — Я никак не могу привыкнуть… — Больше он ничего не сказал.

Флорин тоже не мог привыкнуть. Место, где переделанные были равны другим. Где переделанный мог стать бригадиром, управляющим, а не оставаться всю жизнь чернорабочим.

Шекель увидел, что Флорин потирает свои щупальца.

— Как они у тебя? — спросил Шекель.

Флорин в ответ улыбнулся и сосредоточился; один из эластичных отростков чуть сжался и потянулся — словно умирающая змея — к хлебу в руке Шекеля. Мальчишка одобрительно захлопал.

На краю пристани, где выходил на поверхность крей, стоял высокий какт; его голая грудь была испещрена волокнистыми растительными шрамами. На его спине висел массивный дискомет.

— Ты его знаешь? — спросил Флорин. — Его зовут Хедригалл.

— Что-то не похоже на кактское имя, — сказал Шекель, а Флорин в ответ покачал головой.

— Он не из Нью-Кробюзона, — объяснил Фло-

рин. — И даже не из Шанкелла. Он, как и мы, попал сюда не по своей воле. Оказался в городе больше двадцати лет назад. Он из Дрир-Самхера. А это почти две тысячи миль от Нью-Кробюзона… И знаешь, что я тебе скажу? Он просто ходячее собрание всяких историй. С ним не нужны никакие книги… Он пиратствовал на торговом судне, а потом его захватили и привезли в город. Он видел, наверное, всех, кто живет в море. А из этого дискомета он тебе волос может перерубить — классный стрелок. Он видел керагори, и людей-комаров, и неразмещенных, — да кого ни спроси. И, о боги, он умеет о них рассказать. Они в Дрир-Самхере такие рассказчики — это там настоящая профессия. Хед — один из них. Он, если захочет, может гипнотизировать голосом, ты от него будешь как пьяный и будешь слушать его истории.

Какт стоял совершенно неподвижно, дождь хлестал по его коже.

— А теперь он — аэронавт, — добавил Флорин. — Он много лет пилотировал летательные аппараты «Гранд-Оста» — разведчики и боевые суда. Он один из самых важных людей у Любовников и вообще хороший мужик. Теперь он проводит время по большей части наверху — на

«Высокомерии».

Флорин и Шекель оглянулись и подняли головы. На высоте более тысячи футов над палубой «Гранд-Оста» парило в воздухе привязанное «Высокомерие» — большой искалеченный аэростат с искривленными хвостовыми стабилизаторами и двигателем, который не работал уже несколько лет. Аэростат держался на просмоленном канате, закрепленном на огромном корабле внизу, и служил для города «вороньим гнездом».

— Этому Хедригаллу нравится там, — сказал Флорин. — Он мне сказал, что в последнее время все больше любит тишину.

— Флорин, — медленно произнес Шекель, — как тебе Любовники? Я хочу сказать — ты ведь на них работаешь, слышишь, как они говорят, знаешь, кто они такие. Что ты о них думаешь? Почему ты делаешь то, что им нужно?

Флорин попытался объяснить, хотя и знал, что Шекель до конца не поймет его. Но вопрос был таким важным, что он повернулся и внимательно посмотрел на парня, с которым делил комнату (на левом борту старого железного корабля). Этот парень раньше был его тюремщиком, слушателем и другом, а теперь становился кем-то другим — вроде члена семьи.

— Я должен был стать рабом в колониях, — тихо сказал Флорин. — Любовники с «Гранд-Оста» приняли меня к себе, дали работу, платят деньги и сказали: им плевать, что я — переделанный. Любовники дали мне жизнь, Шекель, они дали мне город и дом. И я тебе скажу: *что* бы они мне ни поручили, у меня к ним *не будет* претензий. А Нью-Кробюзон пусть поцелует меня в жопу. Я гражданин Армады, житель Саргановых вод. Я учу Соль. Я подчиняюсь их законам.

Шекель недоуменно смотрел на него. Флорин был человеком медлительным, спокойным, и Шекель прежде ни разу не видел его таким возбужденным.

На Шекеля это произвело сильное впечатление.

Дождь продолжался. Пассажиры «Терпсихории» по всей Армаде — те, которые не были задержаны, — пытались наладить новую жизнь.

Они спорили на цветастых яликах и баркентинах, покупали и продавали, учили Соль, кое-кто плакал, кое-кто изучал городские карты, прикидывая расстояние до Нью-Кробюзона или Нова-Эспериума. Они скорбели о своей прошлой жизни, разглядывали гелиотипы друзей и любимых.

В перевоспитательной тюрьме между Саргановыми водами и Шаддлером находились несколько десятков моряков с «Терпсихории». Некоторые кричали на своих охранников-воспитателей, пытавшихся утихомирить их, все время прикидывали, может ли тот или иной охранник помочь им бежать, размышляли, ослабнет ли их тяга к Нью-Кробюзону, привыкнут ли они к Армаде.

«А если нет, то что с нами сделают?» — спрашивали они себя.

Когда Беллис прибыла в «Нереализованное время», ее прическа и макияж были сильно попорчены дождем. Она стояла, мокрая, в дверях, слушая приветствия официанта, и смотрела на него, удивленная таким приемом. Она поймала себя на такой мысли: «*Словно он настоящий официант, в настоящем ресторане, в настоящем городе*».

«Красноязыкий» был большим и старинным кораблем. Он был до такой степени застроен зданиями, переоборудован и переделан, что определить его тип было невозможно. Уже несколько веков он был частью Армады. На полубаке корабля остались одни руины — старые храмы белого камня, почти целиком превратившегося в прах.

Они поросли плющом и крапивой, которая ничуть не отпугивала городских детей.

На улицах «Красноязыкого» можно было увидеть всякие странности — там и сям лежали горы каких-то отбросов, извлеченных из моря и словно забытых.

Ресторан был небольшим, теплым и полупустым; на стенах — панели темного дерева. Окна выходили на ряд кетчей и каноэ у пристаней Морского ежа — второй гавани Армады.

У Беллис потеплело на сердце, когда она увидела, что с потолка на шнурках свешиваются бумажные фонарики. В последний раз она видела такие в «Часах и петухе», что на Салакусских полях в Нью-Кробюзоне.

Тряхнув головой, она попыталась прогнать горькую тоску. Иоганнес поднимался из-за столика в углу, делая ей знаки рукой.

Какое-то время они сидели, не говоря ни слова, — Иоганнес, похоже, робел, а Беллис поняла, что негодует на него — почему он так долго не давал о себе знать. Однако, подозревая, что она несправедлива к нему, Беллис погрузилась в молчание.

Она с удивлением обнаружила, что красное вино на столе — галаджи, торгового дома Предикус,

урожая 1768 года. Она посмотрела на Иоганнеса широко распахнутыми глазами. Губы у нее были плотно сжаты, а потому казалось, что смотрит она неодобрительно.

— Я подумал, почему бы нам не отпраздновать, — сказал Иоганнес. — Я имею в виду, отпраздновать нашу встречу.

Вино было превосходным.

— Ну почему они предоставили меня… нас… самим себе? Выживи или сдохни? — спросила Беллис. Она без энтузиазма клевала поданное ей рыбное блюдо и горькую зелень, выращенную на палубах. — Я думала… я бы сказала, что это против здравого смысла — выхватить несколько сотен людей из привычной им жизни и бросить вот так на произвол судьбы…

— Нет, они не так сделали, — сказал Иоганнес — Сколько пассажиров с «Терпсихории» вы видели? Сколько членов экипажа? Вы что, забыли все эти собеседования, все вопросы, что нам задавали по прибытии? Это были тесты, — тихо сказал он. — Они выясняли, от кого можно ждать неприятностей, от кого — нет. Если они обнаруживают, что от вас одни беспокойства или вы слишком привязаны к Нью-Кробюзону… — Он оборвал предложение.

— Что тогда? — спросила Беллис. — Поступают с тобой, как с капитаном?..

— Нет-нет, — тут же сказал Иоганнес. — Я думаю, они… работают с вами, пытаются переубедить. Ну вот, вы, скажем, знаете о насильной вербовке. Во флоте Нью-Кробюзона много моряков, чей морской опыт ограничивается тем, что в ночь «вербовки» они пьянствовали в прибрежной таверне. Но тем не менее, оказавшись на корабле, они становятся моряками.

— На какое-то время, — сказала Беллис.

— Верно. Я же не говорю, что это в точности то же самое. Разница огромная: попав в Армаду, вы остаетесь здесь навсегда.

— Я это слышала уже тысячу раз, — медленно проговорила Беллис. — Но что вы скажете о флоте Армады? О креях внизу? Вы думаете, они тоже обречены оставаться здесь навсегда? Если бы так оно и было на самом деле, если бы никто отсюда не мог вырваться, то жить здесь могли бы только местные.

— По всей видимости, да, — сказал Иоганнес. — Городские пираты уходят в плавание на несколько месяцев, может, даже на год. Во время своих путешествий они заходят в другие порты, и наверняка кто-нибудь пользуется этим, чтобы

сбежать. Уверен, в мире можно встретить немало бывших обитателей Армады… Но дело в том, что в команды набирают частично людей преданных, а частично — тех, кого будет не жалко, если они убегут. Они почти все уроженцы Армады, и редко кому из насильно завербованных удается получить разрешение. Нам с вами и надеяться нечего попасть на такое судно. Таким, как мы, суждено всю жизнь провести в городе… Но черт бы их драл, Беллис, вы только посмотрите, кого они набирают! Ну да, моряков, конечно, пиратов-«конкурентов», порой торговцев. Но вы что думаете, Армада захватывает все суда, с которыми сталкивается? На большинстве захваченных ими судов, как на «Терпсихории», *перевозили рабов*. Или же это были корабли с переделанными, которых везли в колонии. Или корабли-тюрьмы. Или корабли с военнопленными… Большинство переделанных с «Терпсихории» давно поняли, что они никогда не вернутся домой. Двадцать лет… боги милосердные, да это же пожизненный приговор, и им это известно. А тут им, пожалуйста, и работа, и деньги, и *уважение*… Неудивительно, что они соглашаются на это. Насколько мне известно, только семь переделанных с «Терпсихории» подвергаются обработке в связи с отказом, причем

двое уже давно страдают слабоумием.

«*А с каких это херов,* — подумала Беллис, — *ты вдруг стал так осведомлен, Джаббер тебя забери?*»

— Что же касается таких, как мы с вами, — продолжал Иоганнес, — то все мы уже знали, что уезжаем из дома, из Нью-Кробюзона, никак не меньше, чем на пять лет, а то и больше. Вы посмотрите, что за разнородная компания была у нас на корабле. Думаю, лишь немногие пассажиры были неразрывно связаны с городом. Конечно, прибывая сюда, люди чувствуют неустроенность, удивление, замешательство, испуг. Но они понимают, что это не конец. Разве это не «новая жизнь», которую обещают колонистам Нова-Эсперіума? Разве не этого искало большинство из нас?

«*Может быть, и большинство,* — подумала Беллис, — *но не все. И если, прежде чем дать нам здесь полную свободу, местные власти захотят убедиться, что мы тут пообвыклись и смирились, то, боги знают — я знаю, — они ведь могут ошибиться в своих оценках*».

— Вряд ли они настолько наивны, что оставят нас тут без присмотра. Я удивлюсь, если они не ведут за нами пристального наблюдения и не

отмечают все наши действия. Но что мы можем поделать? Это целый *город*, а мы в нем никто… Серьезной проблемой для них может стать только команда. Многих ждут семьи. Есть такие, кто, скорее всего, никогда не согласится признать Армаду своим новым домом.

«*Только команда?*» — подумала Беллис, ощущая горечь в горле.

— И что же с ними будет? То же, что и с капитаном? — сказала она глухим голосом. — Или с Камбершамом?

Иоганнес вздрогнул.

— Мне… мне сказали, что это только капитан и его первые помощники на всех кораблях, что им попадаются… Потому что этим приходится терять слишком многое и они особенно привязаны к своему родному порту…

В выражении его лица было что-то заискивающее и извиняющееся. Беллис с нарастающим раздражением осознавала, что она одна.

Она пришла сегодня сюда, рассчитывая, что ей удастся поговорить с Иоганнесом о Нью-Кробюзоне, что он разделит с ней ее тоску, что она сможет дотронуться до своих кровоточащих ран и поговорить о людях и улицах, которых ей так не хватает. А может быть, думала она, они смогут

коснуться того, что все эти недели не давало ей покоя: побега.

Но Иоганнес понемногу привыкал к новым обстоятельствам. Говорил он совершенно ровным голосом, словно сообщал о вещах, которые его не касаются. Он старался прийти к соглашению с городскими властями. Он что-то нашел для себя в Армаде и даже был готов признать ее своим домом.

«*Как у них это получилось?* — подумала Беллис — *Чем он занимается?*»

Последовало холодное молчание, потом она спросила:

— А как другие — вы что-нибудь о них знаете?

— Печальное известие — одним из тех, кто не выдержал испытания в первые дни, был Моллификат, — сказал Иоганнес, и на его лице появилась искренняя печаль.

Население в Армаде смешанное, постоянно меняется, поэтому город превратился в источник множества болезней. Местные уроженцы были народом выносливым, но в каждой партии захваченных оказывались заболевшие, и сколько-то человек непременно умирало.

— До меня дошли слухи, — продолжал Иоганнес, — что наш новенький, мистер Фенек,

работает где-то в Сарганових водах или в Ты-итвой. Сестра Мериопа… — Глаза его вдруг широко раскрылись, он покачал головой. — Сестра Мериопа… Ее держат где-то ради ее же безопасности. Она постоянно угрожает самоубийством. Беллис, — прошептал он, — *она беременна.*

Беллис закатила глаза.

«*Я не могу это слушать*», — подумала Беллис. Она говорила ровно столько, чтобы создавать видимость разговора. Ей было одиноко. «*Претенциозные тайны и клише. Что дальше?* — презрительно подумала она, слушая, как Иоганнес перебирает имена пассажиров и офицеров „Терпсихории“. — *Вызывавший полное доверие моряк оказался переодетой женщиной, желавшей отправиться в море? Любовь и содомия среди рядовых?*»

В тот вечер в Иоганнесе было что-то жалкое — прежде Беллис в нем ничего такого не замечала.

— Откуда вы знаете все это, Иоганнес? — осторожно спросила наконец она. — Где вы были все это время? И чем занимаетесь?

Иоганнес откашлялся и надолго уставился в свой стакан.

— Беллис… — начал он. Тихие ресторанные звуки вокруг него казались очень громки-

ми. — Беллис, я вам могу доверять? — Иоганнес вздохнул и поднял на нее глаза. — Я работаю на Любовников, — сказал он. — Я не хочу сказать, что работаю в квартале Саргановы воды. Я работаю *непосредственно* на них. У них есть группа исследователей, работающих над весьма… — Он покачал головой, и на лице его появилась довольная улыбка. — Над весьма *неординарным* проектом. Неординарная возможность. И они пригласили меня, потому что им известны мои прежние работы… Они читали некоторые мои труды и решили, что я мог бы… что они хотят работать со мной.

Беллис поняла, что его переполняет радость. Он был похож на ребенка — ну вылитый ребенок.

— У них есть маги, океанологи, морские биологи. Тот человек — я говорю о том, кто командовал захватом «Терпсихории», об Утере Доуле — тоже в этой команде. Он там центральная фигура. Он философ. Там сейчас работают над несколькими проектами. Это исследования в области криптогеографии и теории вероятностей, а еще… исследование, которое провожу я. Тот, кто руководит этим, обаятельнейший человек. Когда мы тут появились, он был с Любовниками — высокий старик с бородой.

— Я его помню, — сказала Беллис. — Он поздоровался с вами.

На лице Иоганнеса отразилось что-то среднее между раскаянием и удовольствием.

— Верно, — сказал он. — Это Тинтиннабулум. Охотник. Он не местный — город нанимает его. Живет он на «Касторе» с семью другими людьми. Это на границе Сарганових вод, Шаддлера и Книжного города… Мы занимаемся просто *восхитительной* работой, — сказал он, и, видя искреннее блаженство Иоганнеса, Беллис поняла, как Армада завоевала его. — Оборудование старое и ненадежно, аналитические машины — сплошная древность, но тем поразительнее работа. Мне еще несколько месяцев придется догонять их — они ушли далеко вперед, и я учу Соль. Эта работа… она подразумевает чтение самых разных вещей.

Он улыбнулся ей с плохо скрываемой гордостью.

— Мой проект опирается на несколько ключевых научных трудов. Один из них — мой собственный. Можете поверить? Разве это не поразительно? Они собрались со всех уголков света. Из Нью-Кробюзона, из Хадоха. Есть несколько таинственных книг, которых мы не можем най-

ти. Они написаны на рагамоле, соли и луннике… Говорят, что одна из самых важных — на верхнекеттайском. Мы составили список этих книг по ссылкам, найденным в тех публикациях, которые у нас есть. Не могу понять, как им удалось собрать *здесь* такую фантастическую библиотеку. Половины из этих книг я не мог найти дома…

— Они их воруют, Иоганнес, — сказала Беллис, и он замолчал. — Вот так они и собирают эту библиотеку. Каждый том в ней украденный. С кораблей, из прибрежных городов во время набегов, у людей вроде меня. Мои книги, те, что написала *я,* у меня украдены. Вот откуда все эти книги.

Беллис чувствовала, как в ней зреет ненависть.

— Скажите мне, — начала было она, но остановилась, затем отпила немного вина, глубоко вздохнула и продолжила: — Скажите мне, Иоганнес, это все очень интересно, разве нет? Во всем этом огромном океане — *во всем этом необозримом вонючем океане,* — из всего этого огромного числа кораблей они находят один — именно тот, на котором плывет их высокоинтеллектуальный герой…

И снова она увидела в его глазах виноватое выражение вперемешку с восторгом.

— Да, — сказал Иоганнес, тщательно подбирая слова. — Именно так, Беллис. Именно об этом я и хотел с вами поговорить.

Ей вдруг стало ясно, что он сейчас скажет, и от этой уверенности тошнота и отвращение подступили к ее горлу, и тем не менее она все еще симпатизировала ему, искренно симпатизировала и так хотела ошибиться, что не встала и не ушла. Она ждала: вот сейчас он развеет ее опасения, но в то же время была уверена, что этого не случится.

— Это не было совпадением, Беллис, — услышала она. — Не было. У них есть агент в Салкрикалторе. Они получают список пассажиров, едущих в колонии. Они знали о нас. Они знали обо мне.

Дверь открылась и закрылась, закачались бумажные фонарики. С соседнего столика послышался переливчатый смех. Запах тушеного мяса был восхитителен.

— Поэтому-то они и захватили наш корабль. Им нужен был я, — тихо сказал Иоганнес, и Беллис закрыла глаза в знак поражения.

— Ах, Иоганнес, — сказала она срывающимся голосом.

— Беллис… — Он встревоженно протянул к ней руку, но она резким движением пресекла этот

порыв.

«*Ты что, думаешь, я расплачусь?*» — сердито подумала она.

— Позвольте мне сказать вам, Иоганнес, что есть огромная разница между пятилетним, десятилетним и *пожизненным* сроком. — Она не могла заставить себя посмотреть на него. — Вполне возможно, для Мериопы, для Кардомиумов, еще для кого-нибудь Нова-Эспериум означал новую жизнь. *Но не для меня…* Не для меня. Для меня это было бегство, вынужденное и *временное.* Я родилась в Хнуме, Иоганнес. Образование получила в Мафатоне. Предложение мне сделали в Эховой трясине. А развелась я на Салакусских полях. Нью-Кробюзон — мой Дом, и он всегда будет моим домом.

Иоганнес поглядывал на нее с нарастающим беспокойством.

— Меня не интересуют никакие колонии. Никакой этот ваш долбаный Нова-Эспериум. *Никакой.* Я не хочу жить среди продажных недоумков, неудавшихся спекулянтов, обесчещенных монахинь, чиновников, чья некомпетентность или слабость закрывает им дорогу домой, негодующих запуганных аборигенов… Дерьмо небесное, Иоганнес, меня абсолютно не интересует *море.*

Холодное, мерзкое, грязное, однообразное, вонючее… Меня совершенно не интересует этот город. Я не хочу жить в *лавке диковинок.* Это какая-то глупая постановка, страшилка для детей. «Плавучий пиратский город»! Мне этого не надо! Я не хочу жить на этом огромном, вечно бултыхающемся в воде паразите, на этом водяном жуке, высасывающем соки из своей жертвы. Это не город, Иоганнес. Это глухая деревушка меньше мили в поперечнике, и мне она не нужна… Я всегда собиралась вернуться в Нью-Кробюзон. Я не могу себе представить жизни вне него. Он грязный, жестокий, суровый, опасный (в особенности для меня и в особенности теперь), но он — мой дом. Нигде в мире нет того, что есть там: культура, промышленность, население, магия, языки, искусство, книги, политика, история… Нью-Кробюзон, — медленно произнесла она, — величайший город в Бас-Лаге.

Этот панегирик из ее уст, из уст человека, который отдавал себе отчет во всей жестокости Нью-Кробюзона, в его убожестве, в его насилии, звучал намного убедительнее, чем если бы его произнес краснобай из парламента.

— И вы хотите мне сказать, — завершила Беллис свою речь, — что я *навсегда* лишилась моего

города из-за *вас*?

Иоганнес смотрел на нее как побитый.

— Беллис, — медленно проговорил он. — Я не знаю, что вам ответить. Могу только сказать, что… мне очень жаль. Это был не мой выбор. Любовники знали, что я среди пассажиров, и… Это не единственная причина. Им нужны пушки, так что, возможно, они все равно захватили бы «Терпсихорию», но… — Голос его сорвался. — Хотя, возможно, это не так. Прежде всего им нужен был я. Но, Беллис, послушайте меня. — Он взволнованно наклонился к ней. — Это был не мой выбор. Не я все это устроил. Я понятия ни о чем не имел.

— Но вы согласились с этим, Иоганнес, — сказала Беллис. Наконец она встала. — Согласились. Вам повезло, вы здесь нашли себя, Иоганнес. Я понимаю, это был не ваш выбор, но, надеюсь, вы *понимаете*, что я не могу сидеть здесь и делать вид, будто все в порядке, вести с вами светскую беседу, когда по вашей вине я лишилась дома… И не называйте этих двух, будь они прокляты, *Любовниками,* словно это какой-то титул или, там, небесное созвездие. Вы просто в восторге от них. А они ничем не отличаются от нас, у них есть имена. Вы могли сказать «нет», Иоганнес. Вы могли отказаться.

Беллис повернулась, чтобы идти, но он ее окликнул. Она и не подозревала, что его голос может быть таким — холодным, яростным. Это потрясло ее.

Иоганнес поднял на нее взгляд, руки его вцепились в столешницу.

— Беллис, — повторил он тем же голосом. — Мне жаль, очень жаль, что вы чувствуете себя похищенной. Я понятия не имел. Но против чего вы возражаете? Против того, чтобы жить в городе-паразите? Сомневаюсь. Может быть, Нью-Кробюзон и утонченнее Армады, но попробуйте-ка сказать жителям разрушенного Суроша, что Нью-Кробюзон — не пиратское государство… Культура? Наука? Искусство? Беллис, вы даже не понимаете, *где* вы оказались. Этот город — сумма *сотен* культур. Любой народ, живущий на берегах моря, терял корабли — они терпели поражения в боях, их захватывали пираты, угоняли дезертиры. И вот теперь они *здесь.* Они — то, из чего состоит Армада. Этот город — сумма потерянных за всю историю мира кораблей. Они бродяги и парии, а их потомки принадлежат к цивилизациям, о которых Нью-Кробюзон даже не слышал. Вы это понимаете? Вы понимаете, что это означает? Те, кто отринул свое прошлое, встречаются здесь,

они переплавляются, как в котле, образуя нечто новое. Армада бороздит воды Вздувшегося океана практически с незапамятных времен, она *отовсюду* подбирает изгнанников и беженцев. Беллис, дерьмо небесное, да вы хоть *что-нибудь* о них знаете?.. История? Об этом народе мореплавателей многие века ходят легенды. Вы об этом знали? Вы знаете, о чем рассказывают моряки? Самому старому из судов Армады больше *тысячи лет.* Корабли могут меняться, но Армада ведет свою историю по меньшей мере от Людоедских войн, а некоторые говорят, что и от империи Призрачников, черт бы ее драл… Вы говорите — деревня? Никто не подсчитывал населения Армады, но это несколько сотен тысяч, никак не меньше. Пересчитайте все эти бесчисленные палубы. Длина улиц в общей сложности здесь ничуть не меньше, чем в Нью-Кробюзоне… Нет, Беллис, я вам не верю. Я не думаю, что у вас есть объективные причины не желать оставаться здесь и предпочитать Армаде Нью-Кробюзон. Я думаю, вы просто скучаете по дому. Поймите меня правильно. Я не прошу от вас объяснений. Ваша любовь к Нью-Кробюзону вполне понятна. Но вот что вы сейчас говорите: *«Мне* здесь не нравится. *Я* хочу домой».

Впервые он посмотрел на нее с чувством, похожим на неприязнь:

— А если положить на одну чашу весов ваше желание вернуться, а на другую — желания нескольких сотен переделанных с «Терпсихории», которым теперь позволено жить не как животным, то, думаю, ваши затруднения покажутся не такими уж существенными.

Беллис не сводила с него глаз:

— Если бы кому-нибудь пришло в голову сообщить властям, что я — подходящая кандидатура для заключения и перевоспитания, то, клянусь вам, я покончила бы с собой.

Эта угроза была глупой и не имела под собой почвы, и Беллис не сомневалась — Иоганнес чувствует это, но опуститься до прямой просьбы к нему она не могла. Она знала, что в его силах устроить ей крупные неприятности.

Он был коллаборационистом.

Она повернулась и вышла в дождь, который все еще хлестал Армаду. Она столько всего хотела сказать ему, о стольком попросить. Она хотела поговорить с ним о платформе «Сорго», об этой огромной огнедышащей загадке, оказавшейся теперь в небольшой бухте, образованной кораблями. Она хотела знать, зачем Любовники

похитили эту установку, для чего она предназначена и что они собираются с ней делать. Где теперь команда с установки? Где геоэмпат, которого никто не видел? Беллис была уверена, что у Иоганнеса есть ответы на все эти вопросы. Но теперь она ни за что не стала бы с ним говорить.

Она не могла отделаться от его слов и только надеялась, что и ее слова все еще не дают ему покоя.

ГЛАВА 8

Когда Беллис на следующее утро выглянула в свое окно, она по крышам и трубам увидела, что город движется.

Ночью сотни буксиров, которые постоянно мельтешили вокруг Армады, как пчелы вокруг улья, впряглись в город. К бортам судов, образующих внешний периметр города, были прикреплены толстые цепи. Выбрав их, буксиры начали свою работу.

Беллис уже привыкла к переменчивости города. Сегодня солнце всходило слева от ее трубы, а завтра — справа. Это означало, что Армада за ночь развернулась. Такие штуки сбивали с толку. В отсутствие видимой земли определять местонахождение можно было только по звездам, а глазеть на небеса — нет, это занятие было не для Беллис. Она не принадлежала к тем, кто в мгновение ока мог узнать Треуголку, Детку или другие созвездия. Ночное небо ничего ей не говорило.

Сегодня солнце встало почти прямо над ее окном. Корабли, тащившие Армаду за натянутые цепи, были на одной линии с солнцем, и Беллис, подумав немного, решила, что они направляются

на юг.

Такая чудовищная затея внушала ей благоговейный трепет. Множество судов, тащивших город, казались рядом с ним карликами. Оценить скорость хода Армады было нелегко, но по воде, перемещавшейся между судами, и по волнам, ударявшим в кромки города, Беллис сделала вывод, что движутся они удручающе медленно.

«*Куда это мы направляемся?*» — беспомощно спрашивала она себя.

Странным образом она чувствовала что-то вроде стыда. Прошло уже несколько недель после ее прибытия в Армаду, а она только теперь поняла, что ни разу не задавалась вопросом о движении города, о его переходах по морю, его маршруте, о том, как его пиратские суда, бороздящие морские просторы, находят путь к дому, если дом не стоит на месте. Она с неожиданным содроганием вспомнила разнос, который учинил ей Иоганнес предыдущим вечером.

Отчасти он был прав.

Но конечно же, во многом была права и Беллис, и она до сих пор злилась на него. Она не хотела жить в Армаде, и при мысли о том, что ей придется прожить всю жизнь на этих гниющих лоханках, губы кривились от гнева такого неисто-

вого, что она сама чуть не пугалась. И все же…

И все же она и в самом деле замкнулась в своем несчастье. Она не хотела знать ничего — ни своего положения, ни истории Армады, ни ее политики, понимая при этом, что такое неведение опасно. Она не понимала экономики города, не знала, откуда приходят корабли в гавани Базилио и Ежовый хребет. Она не знала, где был город вчера и куда направляется сегодня.

Стоя в ночной рубашке и глядя на солнце перед корабельными носами — перед медленно двигающимся городом, — Беллис задумалась о происходящем вокруг. Она чувствовала, как в ней просыпается любопытство.

«*Любовники,* — с отвращением подумала она. — *Начнем отсюда. Дерьмо господне эти Любовники. Кто они есть, Джаббер милостивый?*»

Беллис и Шекель пили кофе на верхней палубе библиотеки.

Он был все время чем-то увлечен. Он сказал Беллис, что занят одним делом с одним человеком, а кое-чем еще — с другим, что подрался с третьим, что такой-то — четвертый — живет в квартале Сухая осень, и ей оставалось только удивляться его знанию города. Беллис снова испытала стыд за свое невежество и внимательно слушала его

болтовню.

Шекель рассказал ей о Хедригалле — летчике-какте, поведал о его пиратском прошлом на службе Дрир-Самхера, описал путешествия Хедригалла на жуткий остров к югу от Гнурр-Кетта и его торговые сделки с анофелесами.

Беллис расспрашивала Шекеля о частях города, о Заколдованном квартале, о маршруте, по которому движется Армада, о платформе «Сорго», о Тинтиннабулуме. Она переворачивала свои вопросы, как карты.

— Да, — неторопливо отвечал он. — Я знаю Тиннабола. И его дружков тоже. Странные ребята. Маклер, Мецгер, Промус, Тиннабол. Одного из ихних зовут Аргентариус. Он совсем дурной, его никто никогда не видит. Других мне что-то не вспомнить. А внутри «Кастора» полным-полно всяких трофеев. Жуткое дело. Морские трофеи. На всех стенах. Набитые паклей головы молотрыб и касаток, всякая живность с клешнями и щупальцами. Черепа. И гарпуны. И гелиотипы — команды стоят на телах таких тварей, каких я в жизни не хотел бы увидеть… Они охотники. Они подолгу не бывают в городе. И вообще они не местные. Чем они занимаются, зачем они здесь, — об этом ходит много всяких рассказов и

слухов. Вроде как они ждут чего-то.

Беллис понять не могла, откуда Шекелю столько известно о Тинтиннабулуме. Парень ухмыльнулся и продолжил:

— У Тинтиннабулума есть… помощница, — сказал он. — Ее зовут Анжевина. Такая интересная дама.

Он снова усмехнулся, и Беллис отвернулась, смущенная его неловким энтузиазмом.

В Армаде была своя типография, свои авторы, редакторы и переводчики, выпускались новые книги и переводы классических текстов на Соль. Вот только бумага была редкостью, и тиражи получались крошечными, а книги — дорогими. Все кварталы зависели от библиотеки «Большие шестерни» Книжного города и платили деньги за доступ к фондам.

Библиотека пополнялась главным образом за счет пиратов Саргановых вод. Уже много веков самый могущественный квартал Армады дарил все добытые ими книги Зубцу часовой башни. Кто бы ни стоял во главе книжного города, эти дары обеспечивали Саргановым водам дружбу с Зубцом. Другие кварталы пытались подражать, хотя, вероятно, действовали не так систематично. Они иногда оставляли своим пленникам том-другой,

а могли и выменять захваченную инкунабулу на что-нибудь ценное. Но в Сарганових водах дела обстояли иначе — махинации с книгами там рассматривались как серьезное преступление.

Иногда корабли Сарганових вод нападали на прибрежные поселения Бас-Лага и устраивали охоту за словами. Пираты обыскивали дом за домом и уносили все найденные книги и рукописи. Все для книжного города, для Зубца часовой башни.

Поток добычи не ослабевал, и у Беллис с коллегами хватало работы.

Новички-хепри, которых раньше вместе с их Кораблями Милосердия захватывала Армада, больше века назад совершили тихий переворот и захватили власть в Книжном городе. У них хватило ума понять, что, несмотря на врожденное отсутствие у хепри интереса к книгам (их фасеточные глаза мало годились для чтения), главное в их квартале — это библиотека. И они продолжили заботиться об этом заведении.

Беллис не могла определить количество книг. На библиотечных кораблях было столько маленьких закоулков, столько переоборудованных труб и кают, столько снятых перегородок, столько всевозможных переходов — и все они были

набиты книгами. Многие принадлежали седой древности, бессчетное множество давно лежало без движения. Армада вот уже много столетий подряд похищала книги.

Каталоги были далеко не полными. За последние века образовалась своего рода бюрократия, ответственная за проверку библиотечных фондов, но при одних правителях она подходила к своим обязанностям тщательно, при других — не очень. Ошибки случались постоянно. Новоприобретенные тома стояли на полках как придется, не проверенные. Оплошности вкрадывались в систему учета и порождали новые оплошности. В недрах библиотеки накопились многолетние поступления — их так никто и не просмотрел. Ходило множество слухов и легенд о содержании тех или иных книг — могущественном, утраченном, скрытом или запретном.

Впервые попав в темные коридоры, Беллис, читая на ходу названия, пошла вдоль полок, растянувшихся на много миль. Она остановилась, вытащила книгу, открыла ее и замерла, увидев имя, написанное от руки на первой странице выцветшими от времени чернилами. Взяла другой том — в нем было другое имя, написанное каллиграфическим почерком: чернила выглядели

чуть посвежее. Третья книга была без подписи, а в четвертой опять стояло имя давно умершего владельца.

Беллис стояла, читая все новые и новые имена, и вдруг ею овладел приступ клаустрофобии. Она была окружена украденными книгами, похоронена среди них, словно в куче отбросов. При мысли о бесчисленном множестве окружающих ее имен, тщеславно вычерченных в правом верхнем углу страницы, — о грузе никому не нужных чернил, о бесконечном изъявлении прав собственности *(мое, мое),* коротком, высокомерном, — у Беллис перехватило дыхание. С какой же легкостью были нарушены эти права!

Ей вдруг показалось, что вокруг нее толпятся мрачные призраки и никак не могут согласиться с тем, что книги больше им не принадлежат.

В тот день, перебирая новые поступления, Беллис нашла одну из собственных книг.

Она долго сидела на полу, раскинув ноги, прислонившись спиной к стеллажу, и разглядывала экземпляр «Свитков пустоши Глаз Дракона». Она трогала знакомый потертый корешок, рельефные буквы: «Б. Хладовин». Это был ее собственный экземпляр, судя по потертостям. Беллис внимательно рассматривала его, словно готовилась к

экзамену, который могла провалить.

В тележке не оказалось другой ее работы — «Грамматология верхнекеттайского», но учебник салкрикалтора, который был с ней на «Терпсихории», она тоже нашла.

«*Так, значит, уже и наши вещички прибывают*», — подумала Беллис.

Это подействовало на нее как удар.

«*Это принадлежало мне,* — подумала она. — *Это у меня отняли*».

Что еще тут было с «Терпсихории»? Вот этот экземпляр «Будущих времен» — уж не доктора ли Моллификата? А эта «Орфография и иероглифы» — уж не вдовы ли Кардомиум?

Она не могла успокоиться. Она поднялась и побрела по библиотеке — взбудораженная, недоумевающая, с расстроенными мыслями. Прижимая к себе свою книгу, Беллис выбралась на воздух, прошлась по мосткам, связывавшим библиотечные суда, а потом вернулась в темноту, к полкам.

— Беллис?

Вздрогнув, она подняла глаза. Перед ней стояла Каррианна со слегка поджатыми — то ли недоуменно, то ли озабоченно — губами. Она была смертельно бледна, но говорила громко,

как всегда.

Книга чуть не выпала у Беллис из рук, дыхание ее замедлилось. Не зная, что сказать, она постаралась прогнать испуг со своего лица, снова придать ему нормальное выражение. Каррианна взяла ее под руку и отвела в сторону.

— Беллис, — повторила она, и, хотя на ее лице играла хитрая улыбка, голос звучал по-доброму. — Пора нам познакомиться поближе. Ты уже завтракала?

Каррианна повлекла ее за собой по коридорам «Танцующей твари», потом наверх, по полузатопленным мосткам, на «Пинчермарн». «*На меня это не похоже,* — думала Беллис, следуя за Каррианной. — *Чтобы я позволила кому-то себя тащить? Нет, это совсем на меня не похоже*». Но она пребывала в каком-то ступоре и поэтому сдалась, покорно поплетясь за Каррианной.

У выхода Беллис с удивлением осознала, что все еще держит в руке свой экземпляр «Свитков пустоши Глаз Дракона». Она вцепилась в книгу так, что пальцы побелели.

Сердце ее забилось сильнее, когда она поняла, что под защитой Каррианны может пройти мимо охранника, надежно спрятав книгу, может уйти из библиотеки с контрабандным товаром.

Но чем ближе она подходила к двери, тем меньше понимала свои мотивы, тем сильнее становились ее сомнения и страх быть пойманной. Наконец с неожиданным протяжным вздохом она положила свой труд в ячейку рядом со столом. Каррианна с непроницаемым лицом смотрела на нее. Оказавшись за дверью, на свету, Беллис оглянулась на оставленную книгу и почувствовала прилив каких-то щемящих чувств.

Она так и не поняла, что это было — торжество или поражение.

«Псайр» был крупнейшим кораблем Зубца часовой башни — большим пароходом давно устаревшей конструкции, переоснащенным под всевозможные мастерские и дешевое жилье. На задней палубе громоздились небольшие бетонные блоки — все в птичьем клее. Веревки с бельем были протянуты между окнами, высунувшись из которых люди и хепри общались между собой. Беллис спустилась по канатному трапу следом за Каррианной к морю, где царили запахи соли и влаги, а оттуда — на галеру, прилепившуюся к борту «Псайра».

Под палубой галеры размещался ресторан, битком набитый шумными посетителями, которых обслуживали официанты — люди, хепри и даже

пара заржавелых конструктов. Беллис и Каррианна прошли по узкому проходу между двумя рядами столов, на которых стояли миски с кашей, тарелки с хлебом, салатом, сыром.

Каррианна сделала заказ, потом повернулась к Беллис с искренней озабоченностью на лице.

— Ну, — сказала она, — так что с тобой такое?

Беллис подняла на нее глаза, и на протяжении невыносимо долгого мгновения ей казалось, что она сейчас расплачется. Это ощущение быстро прошло, и она взяла себя в руки. Беллис отвернулась от Каррианны, скользнула взглядом по другим посетителям — людям, хепри, кактам. Через два столика от нее сидели два ллоргисса: их тройные тела, казалось, были обращены сразу во все стороны. Сзади расположилось какое-то поблескивающее земноводное из квартала Баск — Беллис понятия не имела, к какому роду оно принадлежит.

Она чувствовала, слышала, как снаружи по ресторану хлещут волны, чувствовала, как он движется.

— Я прекрасно понимаю, что у тебя на душе, — сказала Каррианна. — Я ведь тоже из насильно завербованных.

Беллис внимательно взглянула на нее.

— Когда?

— Почти двадцать лет назад, — ответила Каррианна, глядя в окно на гавань Базилио и трудолюбивые буксиры, продолжающие тащить город. Затем медленно, с расстановкой произнесла что-то на языке, показавшемся Беллис знакомым. Ее аналитический мозг лингвиста начал работу, классифицируя отрывистые фрикативные звуки, но Каррианна опередила ее. — Так у меня на родине говорили тем, кто чувствовал себя несчастным. Что-то избитое, глупое, вроде как «Могло быть и хуже». Буквально это значит: «У тебя остались твои глаза, и очки целы». — Она наклонилась и улыбнулась. — Но если это тебя не утешит, я не обижусь. Я куда как дальше от моего первого дома, чем ты, кробюзонка. Больше чем на две тысячи миль. Я с пролива Огненная вода.

Она рассмеялась, увидев приподнятые брови и недоуменный взгляд Беллис.

— С острова Гешен, где правит ведьмократия. — Она положила в рот кусочек карликового армадского цыпленка. — Эта ведьмократия больше известна под названием Шуд-зар-Мирион-зар-Кони. — Каррианна насмешливо-таинственно махнула рукой. — Город Ратджинн, Рой Черной Печали и так далее. Я знаю, что вы в Нью-Кро-

бюзоне думаете обо всем этом. Но все, что вы думаете, ерунда.

— Тебя захватили? — спросила Беллис.

— Меня захватывали дважды, — сказала Каррианна. — Я была похищена, потом похищена еще раз. Мы шли на нашем траулере в Кохнид, что в Гнурр-Кетте. Долгое, нелегкое путешествие. Мне было семнадцать. Мне достался выигрыш в лотерею — я стала ростральным украшением и наложницей. Целыми днями я оставалась привязанной к бушприту и разбрасывала перед кораблем лепестки орхидеи, а ночи проводила, гадая мужчинам по картам и лежа в их постелях. Ночами была скука смертная, но днем мне нравилось. Я раскачивалась там, пела, спала, смотрела на море… Но нас захватил военный корабль из Дрир-Самхера. Самхерийцы были недовольны, что мы ведем торговлю с Кохнидом. У них была монополия… Она еще сохранилась? — вдруг спросила она, но Беллис в ответ могла только неуверенно покачать головой — *не знаю, мол.* — Так вот, вместо меня они привязали к бушприту нашего капитана и затопили корабль. Большинство мужчин и женщин пересадили на спасательные лодки, дали кое-какие припасы и показали, где берег. До него было далеко, и не

думаю, что они добрались… Некоторых из нас взяли на борт. Обращались с нами, в общем-то, неплохо, если не считать наручников и грубых слов. Я изводила себя глупым вопросом: что собираются делать со мной, но тут случился второй захват. Кварталу Сухая осень понадобились корабли, и они послали в рейд своих пиратов. Тогда Армада располагалась гораздо южнее, и корабли Дрир-Самхера были идеальной жертвой.

— И… и как же ты?.. Тяжело тебе было, когда ты попала сюда? — спросила Беллис.

Каррианна некоторое время молча смотрела на нее.

— Некоторые какты так и не смогли приспособиться, — сказала она. — Отказывались, пытались бежать, нападали на стражников. Наверно, их убили. Ну а что до меня и моих товарищей… — Она пожала плечами. — Нас ведь спасли, так что с нами все обстояло иначе… Но все-таки и в самом деле было тяжело, и я чувствовала себя несчастной, тосковала по своему брату. Но, понимаешь, я сделала выбор. Я выбрала жизнь… Прошло какое-то время, и некоторые из моих попутчиков переехали из Сухой осени. Один теперь живет в Шаддлере, другой — в Ты-и-твой. Но по большей части мы остались в квартале, который нас при-

нял первым. — Каррианна занялась едой, потом снова подняла глаза. — Знаешь, это вполне возможно. И для тебя это место тоже *станет* домом.

Она хотела приободрить Беллис. Она старалась быть доброй. Но для Беллис ее слова прозвучали как угроза.

Каррианна рассказывала ей о кварталах.

— Ну, Сарганновы воды тебе знакомы, — сказала Каррианна бесстрастным голосом. — Любовники. Любовники в шрамах. Сукины дети. Зубец часовой башни — о нем тебе тоже известно.

«*Кварталы интеллектуалов,* — подумала Беллис. — *Как Барсучья топь в Нью-Кробюзоне*».

— Шаддлер — тут обитают струподелы. Баск. Ты-и-твой. — Каррианна пересчитывала кварталы по пальцам. — Джхур. Дворняжник с его Демократическим советом. Этот отважный оплот. И Сухая осень, где живу я, — заключила она.

— Почему ты уехала из Нью-Кробюзона, Беллис? — неожиданно спросила она. — Что-то ты не похожа на колонизатора.

Беллис опустила глаза.

— Я была *вынуждена* уехать, — сказала она. — Неприятности.

— С законом?

— Так, случилось кое-что… — Она вздохнула. — Но я ничего не совершила. Совсем ничего. — Против воли она сказала это с горечью. — Несколько месяцев назад в городе началась эпидемия. И… пошли слухи, что к этому причастен один человек, которого я знала. Милиция начала интересоваться всеми его связями, всеми знакомыми. Конечно, они добрались бы и до меня. Я не хотела уезжать. — Она осторожно выбирала слова. — У меня не было выбора.

Завтрак, компания Каррианны, даже пустой разговор, обычно вызывавший у Беллис презрение, успокоили ее. Когда они поднялись, Беллис спросила Каррианну, как та себя чувствует.

— Я еще в библиотеке обратила внимание… — сказала она. — Надеюсь, ты на меня не в обиде, но мне показалось, что ты слишком бледная.

Каррианна лукаво улыбнулась.

— Ты в первый раз задала мне личный вопрос, — сказала она. — Значит, ты хочешь знать. Я могу подумать, что у тебя ко мне особый интерес. — За дружеским тоном скрывалась язвительность. — Я в порядке. Просто вчера ночью была сдача налога.

Беллис ждала, анализируя уже впитанную ею информацию, — может быть, все как-то прояс-

нится само собой. Не прояснилось.

— Не понимаю, — сказала она, утомленная поисками смысла.

— Беллис, я живу в квартале Сухая осень, — сказала Каррианна. — Время от времени мы должны сдавать налог. Понятно? Беллис, ты же знаешь, что наш правитель — Бруколак? Знаешь его?

— Я знаю о нем…

— Бруколак. Он — аупир. Лоанго. Каталкана. — Карриана одно за другим произносила эзотерические слова, глядя в глаза Беллис, но понимания в них не видела. — Он гемофаг, Беллис. Немертвый…

Вампир.

Беллис, которая несколько недель жила среди слухов и намеков, назойливых, как комариная туча, уже знала кое-что о городских кварталах, обо всех этих странных микрогосударствах, соединенных в нездоровый союз, ненавидящих друг друга, плетущих друг против друга интриги.

Но она каким-то невообразимым образом упустила самое поразительное, или невероятное, или ужасающее.

В конце дня она задумалась о том мгновении, когда ей дали понять, насколько она невежественна: когда Каррианна объяснила ей причину

своей бледности, Беллис стало понятно, как же далека она от дома.

Она осталась довольна тем, что, выслушав объяснения Каррианны, почти ничем не выдала своих чувств — только кровь отлила от лица. Она почувствовала какое-то ожесточение при слове *вампир* — одинаково звучавшем что на рагамоле, что на соли. В то мгновение, слушая Каррианну, она поняла, что нельзя быть дальше, чем сейчас, от своего дома.

Обитатели Армады говорили на понятном ей языке. Беллис узнавала корабли, хотя они и были переоборудованы и перестроены. Здесь были деньги и правительство. Что касается нового календаря и терминологии, это она могла выучить. Новообретенная, паразитическая архитектура была странноватой, но понятной. Но в этом городе вампирам не было нужды прятаться и кормиться тайно — они могли свободно выходить по ночам, могли властвовать.

Беллис осознала, что ее культурные ориентиры здесь неприменимы, и не уставала корить себя за собственное невежество.

В каталоге научных трудов Беллис принялась быстро перебирать расставленные в алфавитном порядке карточки и наконец нашла имя Иоган-

неса Тиарфлая. Некоторые его книги имелись в нескольких экземплярах.

«*Если Любовникам, в чьей власти я нахожусь, так уж понадобился Иоганнес,* — думала она, переписывая шифры его книг, — *то я должна проникнуть в их мысли. Постараемся понять, что же их так взволновало*».

Одна из книг была выдана, зато другие имелись в наличии. Будучи работником библиотеки, Беллис имела право брать книги на дом. …

Было холодно, и она направилась прямиком домой, минуя людские толпы, под скоплениями шумливых армадских обезьян на мачтах, по раскачивающимся мосткам и палубам, по приподнятым улицам города, над волнами, что полоскались внизу, между судами. Было очень холодно, и небеса осипли от свиста. В сумочке Беллис лежали «Хищничество в прибрежных водах Железного залива», «Анатомия сардула», «Записки о животных», «Теории мегафауны» и «Транспланная жизнь — проблема для натуралиста» — творения Иоганнеса Тиарфлая.

Она допоздна просидела у печки, свернувшись калачиком, а за окном холодные облака гасили лунный свет. Беллис читала при свете лампады, переходя от книги к книге.

В час ночи она посмотрела в окно, на темное скопление кораблей.

Кольцо буксиров вокруг города продолжало свой труд.

Беллис думала обо всех кораблях Армады, находящихся в море, об ее посланцах, пиратах, облагавших данью встреченные по пути корабли и земли. Они проходили по морям тысячи миль и наконец возвращались, нагруженные трофеями: несмотря на перемещение города, они какими-то загадочными способами находили его.

Наускописты Армады следили за небом и по незначительным переменам в нем получали данные о приближении кораблей, так что буксиры могли оттащить город в сторону, чтобы его не увидели. Случалось, этот метод не срабатывал, тогда иностранные корабли перехватывались. Затем их либо приглашали совершить торговый обмен, либо уничтожали. Правители владели некой тайной наукой, которая позволяла им всегда знать, чьи корабли приближаются, и приветствовать своих.

Несмотря на позднее время, из некоторых кварталов еще доносились звуки работающих мастерских, заглушающие биение волн и ночной зов животных. Сквозь переплетение канатов,

сквозь деревянные планки, мешавшие видеть (словно царапины на гелиотипе), Беллис все же различала очертания судов в кормовой части Армады, где покачивалась платформа «Сорго». На протяжении нескольких недель из ее вершины вырывались пламя и облака магических выбросов. Каждую ночь звезды вокруг нее меркли на своих местах в лучах сероватого, тусклого света.

Теперь это закончилось. Облака над «Сорго» были темны. Пламя погасло.

Впервые со дня прибытия в Армаду Беллис перебрала свои вещи и вытащила забытое письмо. Она уселась у печки и на какое-то время замерла в нерешительности с авторучкой перед сложенным листом бумаги. А потом, рассердившись на собственную неуверенность, начала писать.

Хотя Армада двигалась, пусть и медленно, на юг, в теплые воды, несколько дней стоял лютый холод. С севера задували ледяные ветра. Деревья и плющ, миниатюрные сады, украшавшие корабельные палубы, стали хрупкими и почернели.

Перед самым началом холодов Беллис увидела, как на границе акватории порта резвятся киты. Прошло несколько минут, и они внезапно приблизились к Армаде, потом ударили по воде огромными хвостами и исчезли. Почти сразу же

после этого стало холодно.

В городе не было ни зимы, ни лета, ни весны — вообще никаких сезонов, одна только погода. В Армаде погода зависела не от времени года, а от местоположения города. Если Нью-Кробюзон в конце года бывал засыпан снегом, то армадцы в это время могли наслаждаться теплом в Жарком море или же спать, закутавшись в одеяло, пока моряки в теплых куртках медленно буксировали их к Немому океану, где температуры кробюзонцам показались бы мягкими.

Маршруты Армады определялись соображениями пиратства, торговли, сельского хозяйства, безопасности и другими, более туманными. Город не выбирал погоду.

Постоянные перемены климата плохо сказывались на растительности. Флора Армады выживала благодаря магии, удаче, случаю, а также породе. Многовековая селекция позволила вывести быстрорастущие и погодоустойчивые сорта, способные выживать в широком диапазоне температур. Урожаи собирались нерегулярно.

Посевные площади на палубах укрывались от непогоды и искусственно освещались. В старых влажных трюмах располагались плантации грибов и шумные вонючие стойла, набитые поко-

лениями выносливых животных — порождений инбридинга. Под городом были подвешены проволочные клетки, наполненные ракообразными и рыбами, а также плоты — на них выращивались всевозможные водоросли, в том числе целебные.

С каждым днем Флорин все лучше и лучше говорил на соли и вскоре стал проводить больше времени с коллегами. Они заходили в таверны, игровые залы в глубине гавани Базилио. Иногда к ним присоединялся Шекель, который был рад разделить компанию со взрослыми, но чаще он в одиночестве отправлялся на «Кастор».

Флорин знал, что Шекель ходит к женщине по имени Анжевина. Она была служанкой или телохранителем капитана Тинтиннабулума, и Флорин еще ни разу не видел ее. Шекель, по-мальчишески запинаясь, рассказал о ней Флорину; тот слушал увлеченно и снисходительно, с грустью вспоминая собственную юность.

Шекель все больше и больше времени проводил со странными, увлеченными чем-то охотниками, которые жили на «Касторе». Как-то раз Флорин решил проведать его там.

Спустившись под палубу, Флорин оказался в чистом темном коридоре, куда выходили двери кают — на каждой имелась табличка с именем

обитателя. Флорин принялся читать: МОДИСТ, ФАБЕР, АРГЕНТАРИУС. Жилища товарищей Тинтиннабулума.

Шекеля он увидел в столовой вместе с Анжевиной.

Флорин был потрясен.

По его прикидке, Анжевине перевалило за тридцать, и, кроме того, она оказалась переделанной.

Шекель не говорил ему об этом.

Ноги Анжевины кончались бедрами. Она возвышалась, наподобие удивительной ростральной фигуры, над тележкой на паровой тяге. То был тяжелый гусеничный возок, наполненный углем и дровами.

Флорин сразу же понял, что она — не уроженка Армады. Переделки такого рода были слишком грубыми, причудливыми, неэффективными и жестокими, а потому осуществлялись только в виде наказания.

Он почувствовал расположение к Анжевине за то, что она мирится с капризами парнишки. Потом он увидел, с какой любовью она разговаривает с Шекелем, как наклоняется к нему (под странным — из-за повозки — углом), как заглядывает ему в глаза. И Флорин, потрясенный вновь, замер.

Флорин оставил Шекеля его Анжевине. Он не спрашивал, что происходит. Шекель, попавший в водоворот новых для него чувств, вел себя как мальчик и мужчина одновременно — то становился хвастливым и самодовольным, то, охваченный сильными чувствами, был тише воды, ниже травы. Из немногословных рассказов Шекеля Флорину стало известно, что Анжевина попала в плен около десяти лет назад. Корабль, на котором она находилась, как и «Терпсихория», держал путь в Нова-Эсперіум, и Анжевина тоже была кробюзонкой.

Когда Шекель возвращался домой в маленькие комнатки на левом борту старого судна, превращенного в мастерские, Флорин поначалу испытывал уколы ревности, а потом — раскаяние. Он исполнился решимости, насколько возможно, держаться за Шекеля, но не ограничивать его свободу.

Образовавшуюся пустоту он пытался заполнить, находя новых друзей. Он стал больше времени проводить с коллегами. Среди портовиков царил дух товарищества. Флорин участвовал в их непристойных шутках и играх.

Они открылись ему, приняли его в свой круг, рассказывая самые разные истории.

Он был новеньким, что давало им повод вернуться к старым историям и слухам, которые они слышали уже тысячу раз. Кто-нибудь упоминал про мертвые моря, кипящие приливы или короля мурен и обращался к Флорину. «*А ведь ты, наверно, не слышал еще про мертвые моря, Флорин,* — говорил он (или она). — *Так вот, я сейчас тебе расскажу…*»

Флорин Сак выслушивал самые необыкновенные истории морей Бас-Лага, легенды пиратского города и Саргановых вод. Он узнал о чудовищных штормах, пережитых Армадой, узнал, откуда взялись шрамы на лицах Любовников, как Утер Доул расшифровал код вероятности и нашел свой непобедимый меч.

Он был рядом с ними, когда случались счастливые события — свадьбы, рождения, карточные выигрыши. И когда беды — тоже. Однажды после несчастного случая у женщины-кактa отрезало полруки куском стекла: все сбросились, и Флорин отдал, сколько мог, флагов и глаз. В другой раз весь квартал погрузился в скорбь, узнав, что один из кораблей Саргановых вод, «Угроза Магды», затонул около пролива Огненная вода. Флорин горевал вместе со всеми, и его печаль не была притворной.

И хотя ему нравились новые товарищи, а таверны и дружеские застолья были приятным времяпрепровождением (и к тому же позволяли совершенствоваться в языке), его донимала постоянная атмосфера полупризнанной секретности. Он никак не мог понять — для чего все это.

Работе подводных механиков сопутствовали определенные тайны. Что это были, например, за очертания, время от времени видневшиеся позади рядов цепных акул, — очертания, неясные из-за магических (судя по всему) завес? Какова была цель тех ремонтных работ, что он ежедневно выполнял вместе со своими товарищами? Что за субстанцию выкачивала из морского дна на глубине в несколько тысяч футов похищенная установка «Сорго», которую так тщательно стерегли? Флорин не раз устремлял взгляд на ее толстые сегментированные трубы, и от той безмерной глубины, на которую они уходили, начинала кружиться голова.

Что это был за проект, о котором говорили полунамеками и загадочными замечаниями? План, который определял всю их деятельность? О нем никто не говорил открыто, но многие, видимо, что-то знали, а кое-кто — при помощи недомол-

вок или намеков — давал знать, что понимает его суть.

За всей этой деятельностью Саргановых вод скрывалось что-то крупное и важное, но Флорин все еще не знал, что же это такое. Он подозревал, что не знает об этом и никто из его товарищей, но все равно чувствовал себя не допущенным в некое сообщество, основанное на лжи, лицемерии и обмане.

Время от времени до него доходили слухи о пассажирах, членах команды или других заключенных «Терпсихории».

Шекель рассказал ему о Хладовин, которая работала в библиотеке. Иоганнеса Тиарфлая он видел собственными глазами — тот приходил в гавань с какой-то таинственной группкой. Все делали записи в блокнотиках, вполголоса о чем-то переговаривались. Какая-то часть Флорина с горечью думала, что всякий чиновный люд довольно быстро нашел себя, и, пока он, Флорин, надрывался на тяжелой работе внизу, этот джентльмен тут посматривал, рисовал что-то в блокнотике, шарил у себя в карманах жилетки.

Хедригалл, бесстрастный какт с «Высокомерия», рассказал Флорину о некоем Фенче, тоже с «Терпсихории», который довольно часто при-

ходил к причалам («*Ты его знаешь?*» — спросил Хедригалл, но Флорин только покачал головой — объяснять, что он знал только узников трюма и тюремщиков, было довольно неблагодарным занятием). Хедригалл сказал, что Фенч — хороший парень, с которым можно поболтать: он, кажется, уже знаком со всеми в городе и со знанием дела рассуждает и о короле Фридрихе, и о Бруколаке.

Говоря о таких вещах, Хедригалл напускал на лицо этакое небрежное выражение, чем напоминал Флорину Тинтиннабулума. Хедригалл был из тех, кто всегда делает вид, будто знает кое-что о том или об этом, но предпочитает помалкивать. Флорину казалось, что их только начавшейся дружбе придет конец, если он задаст Хедригаллу прямой вопрос.

Флорин пристрастился к вечерним прогулкам по городу.

Он бродил, слыша вокруг звуки воды и кораблей, вдыхая запах моря. В свете луны и ее мерцающих дочерей, свет которых растворялся в тонких облаках, Флорин шел по краю бухты, в которой находилось бездействующее теперь «Сорго». Он шел мимо жилища креев — полузатопленного клипера, бушприт и нос которого, точно айсберг, торчали над водой. Он шел по кры-

тому мостику на корму гигантского «Гранд-Оста» и опускал голову, видя других жертв бессонницы и работающих в ночную смену.

По канатному мостику он перебрался на правый борт Саргановых вод. Над его головой медленно плыл освещенный дирижабль, где-то неподалеку свистел гудок, стучал паровой молот (*ночные работы*), и этот звук на мгновение так отчетливо напомнил Флорину Нью-Кробюзон, что от невыразимого чувства у него перехватило дыхание.

Флорин потерялся в лабиринте старых судов и строений.

Ему казалось, что внизу, под водой, он видит движение и неясные пятна света — встревоженный биолюминесцентный планктон. Казалось, что на звуки города вдалеке иногда откликается эхом что-то огромное и живое.

Он повернул в сторону Дворняжника и гавани Ежовый хребет. Внизу под ним волны с обеих сторон накатывались на полуразрушенную кирпичную стену, разъедаемую солью и плесенью. Высокие фасады и окна — многие с разбитыми стеклами, — переулки между главными улицами, петляющими между старыми переборками и кожухами. Мусор на заброшенных дау. Перила и

гакаборты, на которые холодный ветер намотал старые драные плакаты. Сделанные украденными чернилами или яркими красками из кальмара и моллюска надписи извещали о политических событиях и развлечениях.

Мимо неслышно пробегали кошки.

Город двигался, уточнял свое направление; неутомимый флот пароходов перед Армадой, натянув цепи, тащил свою базу.

Флорин постоял в тишине, глядя на старые башни, силуэты коньков, дымоходов, фабричных крыш и деревьев. За узкой полоской воды, в которой разместилось несколько десятков джонок, горел свет в каютах кораблей, построенных на берегах, о которых Флорину Саку ничего не было ведомо. Другие тоже вглядывались в ночь.

(«А ты уже трахался?» — спросила она, и Шекель помимо своего желания вспомнил о том, о чем хотел бы забыть. За пару лишних ломтей хлеба женщины-переделанные в зловонной тьме «Терпсихории» принимали в себя его неловкий член. Вспомнил он и тех, которых держали матросы, не спрашивая об их желаниях (все мужчины свистели ему — мол, присоединяйся); дважды он поучаствовал (правда, однажды только сделал вид, что кончил, и почти сразу же вскочил — уж

больно она визжала), и один раз даже вошел и пролился, хотя женщина плакала и сопротивлялась. А до них — девчонки на задворках Дымной излучины и мальчишки (вроде него), выставляющие напоказ срам, — их совокупление было чем-то средним между меновой торговлей, сексом, дракой и игрой. Шекель открыл было рот, чтобы ответить, но слова правды застряли у него в горле, и она увидела это и остановила его (и это было милосердием с ее стороны) и сказала: «Нет, я не о том, когда это было игрой, или за деньги, или когда ты брал или тебя брали силой, я о том, когда ты трахал того, кто хотел тебя и кого хотел ты, когда вы были на равных, как люди». И конечно же, после того как она сказала это, ответ, конечно же, был «нет», и он ответил, благодарный ей за то, что вот теперь у него будет этот первый раз (незаслуженный дар, который он принял смиренно и страстно).

Он смотрел, как она снимает свою блузку, и дыхание у него участилось при виде женского тела и ответной страсти в ее глазах. Он ощутил тепло ее котла (она сказала ему, что должна постоянно поддерживать в нем огонь, что он, старый, поломанный и страшно ненасытный, все время требует топлива) и увидел темную оловянную

подставку под ней, как прилив, наплывавшую на одутловатую плоть бедер. Он легко скинул с себя одежду и стоял, дрожа, худой и костлявый, со вздернутым, покачивающимся членом подростка. Желание и страсть переполняли его так, что он еле сдерживался.

Она была переделанной, и ничем другим (отбросом из переделанных), он знал это, видел это и тем не менее ощущал в себе жар страсти; и он вдруг почувствовал, как покинул его весь этот налет привычек и предрассудков, как вышло через его поры все то наносное, кробюзонское, чем он был пропитан до самого мозга костей.

«Исцели меня», — подумал он, не отдавая себе отчета в своих мыслях, надеясь на обновление. Он испытал жгучую боль, когда сорвал с себя коросту прежней жизни, предстал открытым и неуверенным в себе перед этой женщиной, перед волной нового. Дыхание снова участилось. Чувства выплеснулись наружу, смешались (прекратили гноиться) и начали рассасываться, залечиваться, обретая новую форму — форму шрама.

«Моя переделанная девчонка», — недоуменно сказал он, но она тут же простила ему это, потому что знала: больше он так уже не подумает.

Это оказалось непросто, ведь ее ножные обрубки были вделаны в металл V-образно, под острым углом, раздвигались едва-едва, и бедра ее с внутренней стороны лишь на несколько дюймов были из плоти. Она не могла развести ноги для него или лечь на спину, и все оказалось ох как непросто.

Но они проявили настойчивость, и их труды увенчались успехом.)

ГЛАВА 9

Шекель пришел к Беллис и попросил научить его читать.

Он сказал ей, что знает, как выглядят рагамольские буквы, и примерно представляет себе, какой звук стоит за какой буквой, но что буквы все же остаются для него загадкой. Он никогда не пытался соединить их, чтобы составить слова.

Шекель выглядел подавленным, словно его мысли гуляли за пределами коридоров библиотеки. Улыбка появлялась на его лице реже обычного. Он не рассказывал ни о Флорине Саке, ни об Анжевине, чье имя не сходило в последнее время с его языка. Он хотел знать одно — поможет ли Беллис ему.

Она осталась на два часа после работы и начала учить с ним алфавит. Шекель знал, как называются буквы, но имел о них лишь отвлеченное представление. Беллис попросила его написать свое имя, и он написал — неумело, каракулями, начертал вторую букву до половины, потом перешел к четвертой, потом вернулся к пропущенным.

Он знал, как выглядит его имя на письме, но

видел в буквах только отдельные росчерки пера.

Беллис сказала ему, что буквы — это инструкции, приказы воспроизвести звук, с которого обычно начинается их название. Она написала свое собственное имя, отделив каждую букву от соседней пространством в дюйм или больше. Потом она заставила его выполнить содержащиеся в буквах приказы.

Она ждала, пока он с трудом продирался через *ба эх ла ла их са.* Потом она свела буквы вместе и заставила Шекеля им подчиниться — все еще медленно — еще раз. А потом еще раз.

Наконец она свела знаки в слово и сказала, что теперь он должен повторить упражнение быстро, сделать то, что говорят ему буквы («Посмотри, как близко друг к дружке они стоят»), в один присест.

ба эх ла ла их са

(Как она и предполагала, двойной альвеолярный сбил его с толку.)

Он попытался еще раз и, дойдя до половины, остановился и начал улыбаться этому слову. Он посмотрел на Беллис таким довольным взглядом, что она резко вскочила на ноги. Он произнес ее имя.

Беллис объяснила Шекелю основы пунктуа-

ции, и тут ей в голову пришла одна мысль. Она прошла с ним по коридорам и комнатам, мимо разделов, отданных точным и гуманитарным наукам, где ученые читали, притулившись поближе к лампам и маленьким окошкам, потом они вышли на улицу, под моросящий дождь, и по мостику перешли на «Губительную память» — галеон на границе библиотеки. Здесь находились детские книги.

На детской палубе было совсем немного читателей. Окружавшие их полки были выкрашены в яркие цвета. Беллис на ходу вела пальцем по корешкам; Шекель смотрел на них с нескрываемым любопытством. Они остановились на самой корме судна, стены которой были сплошь усеяны иллюминаторами, а пол резко уходил вниз.

— Смотри, — сказала Беллис. — Видишь? — Она указала на медную табличку. — Раг. А. Моль. Рагамоль. Эти книги на нашем языке. Большинство — из Нью-Кробюзона.

Она сняла с полки две книги, раскрыла их. На долю мгновения — слишком короткую, чтобы мог заметить Шекель, — она замерла. С первой страницы на нее смотрели написанные от руки имена, только теперь это были детские каракули цветным карандашом.

Беллис быстро перелистала страницы. Первая книга была для самых маленьких, большая, тщательно раскрашенная от руки, с множеством картинок в примитивистском стиле, модном лет так шестьдесят назад. Это была история о яйце, которое поссорилось с человеком, сделанным из ложек. Одержав победу, яйцо стало мэром мира.

Вторая книга была для детей постарше — история Нью-Кробюзона. Беллис резко остановилась, увидев травленые картинки Ребер, Штыря и вокзала на Затерянной улице. Она быстро пролистала книгу, и на ее лице появилась удивленно-презрительная гримаса — история была сильно переврана. Из написанных на фальшиво-детском языке рассказов о Денежном круге, Неделе пыли и, — самый постыдный эпизод — о Пиратских войнах выходило, что Нью-Кробюзон — цитадель свободы, сумевшая выстоять, несмотря на почти непреодолимые и несправедливые обстоятельства.

Шекель зачарованно смотрел на нее.

— Попробуй-ка вот эту, — сказала она ему, протягивая «Отважное яйцо»; он почтительно взял книгу. — Она детская, — сказала Беллис — Саму историю можешь не брать в голову — она тебе покажется глупой и к тому же ничего не значит.

Но я хочу знать, сможешь ли ты сообразить, о чем идет речь, если будешь разбирать слова, как я тебе показала. Подчиняйся приказам букв, произноси слова. Тут наверняка встретятся те, которых ты не сможешь понять. Когда встретишь их — запиши, а список принесешь мне.

Шекель недоуменно посмотрел на нее.

— Записать? — спросил он.

Беллис поняла, что творится с ним. Шекель все еще считал, что слова существуют сами по себе — некие неясные символы, смысл которых только-только начал до него доходить. Он пока не представлял себе, что может сам их создавать, вкладывать в них смысл. Он еще не осознал, что, научившись читать, научился и писать.

Беллис нашла у себя в кармане карандаш и наполовину исписанный листок и протянула ему.

— Скопируй слова, которых не понимаешь, чтобы буквы стояли точно в том порядке, в каком они стоят в книге. И принеси мне, — сказала она.

Шекель посмотрел на нее, и на его лице снова мелькнула блаженная улыбка.

— Завтра, — сказала она, — приходи ко мне в пять часов, и я буду спрашивать тебя, что написано в этой книге. А потом будешь читать мне отрывки.

Шекель взял книгу, не сводя глаз с Беллис, и понятливо кивнул, словно они достигли делового соглашения где-то посреди Собачьего болота.

Когда они вышли из галеона, манеры Шекеля переменились — он снова напустил на себя нагловатый, чуть высокомерный вид и даже начал рассказывать Беллис о своей портовой шайке. Но при этом он крепко держал «Отважное яйцо». Беллис записала книгу на себя, даже не задумавшись, но Шекеля такое доверие глубоко тронуло.

Тем вечером снова было холодно, и Беллис уселась поближе к печке.

Неумолимая необходимость готовить пищу и есть стала вызывать у нее раздражение. Она сделала и то и другое без всякого удовольствия и как можно скорее, а потом села за книги Тиарфлая и принялась читать, делая заметки. В девять она оставила это занятие и, вытащив свое письмо, начала писать.

> Синьдень, 27–го пыля, 1779 (хотя здесь это и лишено всякого смысла. Здесь сегодня 4–е седьменя, кварто Морской черепахи, 6/317), Труба «Хромолита».
>
> Я буду продолжать поиски разгадки.

Поначалу, читая книги Иоганнеса, я открывала их наугад и наугад листала страницы, собирала воедино те разрозненные сведения, что находила, и ждала вдохновения. Но теперь я поняла, что толку от этого мало.

Иоганнес сказал мне, что его работа — это одна из движущих сил города. По его книгам наверняка можно определить сущность того замысла, частью которого он является и о котором не желает распространяться; но замысла настолько важного, что Армада пошла на акт неприкрытого пиратства в отношении самой мощной державы Бас-Лага. Ведь в конечном счете Любовники возжелали заполучить к себе Иоганнеса, познакомившись с одной из его книг. Но я никак не могу сообразить, какая из его книг — то самое «нужное чтение», которое может вывести на его секретный проект.

И потому теперь я читаю их все по очереди, внимательно, начиная с предисловия и заканчивая указателем. Собираю информацию по крупицам. Пытаюсь уловить, какие замыслы могут стоять за его

работами.

Конечно же, я — не ученый. Книг такого рода я прежде не читала. Большая часть написанного для меня — тайна за семью печатями.

«Вертлюжная впадина — это углубление на внешней стороне тазовой кости в том месте, где сходятся подвздошная и седалищная кости».

Это читается как описание фантастического существа: подвздошная, седалищная, тазовая, клиновидная и большая берцовая кости, тромбоциты и тромбины, келоид, рубец. Меньше всего мне пока понравилась книга «Анатомия сардул». Как-то раз молодой сардул боднул Иоганнеса; наверно, в то время он и работал над этой книгой. Могу себе представить, как эта зверюга носилась туда-сюда по клетке, чувствуя воздействие паров усыпляющего средства, и как она взбрыкнула в последний момент. А потом сдохла и была перенесена на страницы мертвой книги, которая лишает Иоганнеса страстей, а сардула — шкуры. Скучное перечисление костей, вен и сухожилий.

Совершенно неожиданно у меня среди его книг появилась одна любимая. И это не «Теории мегафауны», и не «Трансплантная жизнь», и не философия зоологии, которая прежде представлялась мне ближе, чем другие. Содержащиеся в этих томах невразумительные размышления кажутся мне любопытными, но туманными.

Нет, внимательнее всего я читаю опус, который кажется мне понятным и зачаровывает меня. Это «Хищничество в прибрежных водах Железного залива».

Хитроумное переплетение сюжетов. Взаимосвязи жестокости и метаморфоза. Мне все это понятно. Крабы-дьяволы и известняковые черви. Устрица-бур, прогрызающая смертельный глазок в панцире своей жертвы. Длительное, замедленное вскрытие гребешка голодной звездой. Морской анемон, резким движением заглатывающий молодого бычка.

Подаренная мне Иоганнесом яркая картинка подводной жизни, в которой есть и пылераковины, и морские ежи, и безжалостные приливы.

Но о планах города я из этой книги так ничего и не узнала. Не знаю, что там на уме у правителей Армады, но придется продолжить поиски. Буду и дальше читать его книги. Других подсказок у меня нет. Но мои поиски ключа к Армаде ведутся вовсе не ради счастливой жизни в этой ржавеющей трубе. Найдя то, что мне нужно, я буду знать, куда мы направляемся и зачем, и таким образом смогу подготовиться к побегу.

В дверь Беллис неожиданно постучали. Она встревоженно подняла голову. Было почти одиннадцать часов.

Беллис встала и спустилась по крутой винтовой лестнице в центре ее круглой комнаты. Кроме Иоганнеса, в Армаде никто не знал, где она живет, а с ним она после той ссоры в ресторане ни разу не говорила.

Беллис медленно дошлепала до двери, подождала. Настойчивый стук раздался снова. Может, он пришел извиниться? Или снова накричать на нее? А хочет ли она его видеть, заново открывать двери для их дружбы?

Она поняла, что все еще сердится на него и в то

же время немного стыдится.

Стук повторился, и Беллис сделала шаг вперед, напустив строгое выражение на лицо, готовая выслушать и выпроводить его. Но, распахнув дверь, она остановилась как вкопанная, челюсть у нее удивленно отвисла, подготовленная холодная отповедь замерла на ее губах.

На пороге, съежившись от холода и настороженно глядя на нее, стоял Сайлас Фенек.

Некоторое время они просидели в молчании, попивая принесенное Фенекем вино.

— Вам повезло, мисс Хладовин, — сказал он наконец, оглядывая убогий металлический цилиндр, ставший для нее домом. — Многие из нас, новеньких, обитают в гораздо худших условиях.

Она удивленно подняла брови, глядя на него, но он кивнул еще раз:

— Клянусь вам, так оно и есть. Разве вы не видели?

Конечно же, она ничего не видела.

— А где живете вы? — спросила она.

— Вблизи квартала Ты-и-твой, — сказал он. — В трюме клипера. Без окон. — Фенек пожал плечами. — Это ваши? — Он показал на книги, лежащие на кровати.

— Нет, — ответила Беллис и поспешила убрать

их, чтобы не лежали на виду. — Мне оставили только мой блокнот. Забрали даже те книги, что я сама когда-то *написала*, и написала неплохо.

— У меня такая же история, — сказал он. — Оставили только мои записки — вахтенный журнал за долгие годы странствий. Очень не хотелось бы его потерять. — Он улыбнулся.

— И чем вы у них занимаетесь? — спросила Беллис.

Фенек в ответ снова пожал плечами.

— Мне удалось избежать всего этого, — сказал он. — Делаю то, что мне нравится. А вы работаете в библиотеке?

— Как? — резко спросила она. — Как вам удалось от них отделаться? И на что вы живете?

Некоторое время он молча смотрел на нее.

— Я получил три или четыре предложения… как и вы, вероятно. На первое я сказал, что принял второе, на второе — что уже согласился на третье, и так далее. Им все равно. На что я живу?.. Понимаете, сделать себя незаменимым гораздо проще, чем вы думаете, мисс Хладовин. Предоставлять услуги, предлагать людям то, за что они готовы платить. Главным образом, информацию… — Голос его стих.

Беллис, которая постоянно опасалась всяких за-

говоров и козней, была поражена его прямотой.

— Знаете, — сказал вдруг Фенек, — я вам благодарен, мисс Хладовин. Искренне благодарен.

Беллис ждала.

— Вы были в столице Салкрикалтора, мисс Хладовин. Вы слышали разговор между мной и капитаном Мизовичем. Вы, видимо, задавались вопросом: что же было в том письме, что так вывело капитана из себя и заставило его повернуть корабль? Но вы помалкивали. Уверен, вы понимали, что, когда Армада нас захватила, дело для меня могло обернуться крупными неприятностями. Но вы ничего не сказали. И я благодарен вам.

— Ведь вы ничего не сказали им, да? — добавил он с нескрываемой тревогой. — Как я уже сказал, я вам благодарен.

— Когда мы в последний раз говорили на «Терпсихории», — сказала Беллис, — вы мне сообщили, что для вас жизненно необходимо срочно вернуться в Нью-Кробюзон. И что же теперь?

Он неловко покачал головой.

— Преувеличение и… дерьмо собачье, — сказал он, подняв на нее взгляд, но грубое слово не вызвало у нее неодобрительной реакции. — У меня такая привычка — все утрировать.

Он махнул рукой, закрывая эту тему. Последо-

вала неловкая пауза.

— Вы можете говорить на соли? — спросила Белис. — Я так думаю, что для вашей работы это необходимо, мистер Фенек.

— У меня была возможность в течение нескольких лет совершенствовать свои познания в соли, — сказал он на этом языке. Говорил он легко и быстро, с непритворной улыбкой. Потом продолжил на рагамоле: — Да, кстати, у меня здесь другое имя. Вы меня очень обяжете, если будете величать Саймоном Фенчем — под таким именем меня здесь и знают.

— И где же вы выучили Соль, мистер Фенч? — спросила она. — Вы говорили о своих путешествиях…

— Проклятье! — Вид у него был веселый и смущенный. — В ваших устах это имя звучит как ругательство. В этих комнатах называйте меня как хотите, мисс Хладовин, но снаружи прошу вас постараться. Рин-Лор. Я научился соли в Рин-Лоре и на границе Пиратских островов.

— И что же вы там делали?

— То же самое, что и везде, — сказал он. — Покупал и продавал. Я торгую.

— Мне тридцать восемь лет, — сказал он, когда они выпили еще немного, а Беллис подбросила

топлива в печь. — Торговцем я стал, когда мне не было еще и двадцати. Я, чтобы вам было известно, уроженец Нью-Кробюзона. Родился и рос под сенью Ребер. Но за последние двадцать лет и пятисот дней не провел в этом городе.

— И чем вы торгуете?

— Чем угодно. — Он пожал плечами. — Мехами, вином, машинами, скотом, книгами, рабочей силой. Чем угодно. Меняю спиртное на шкурки в тундре к северу от Джангсаха, шкурки на секреты в Хинтере, секреты и предметы искусства — на рабочую силу и специи в Великом Кромлехе…

Голос Фенека смолк, когда Беллис поймала его взгляд.

— Никто не знает, где находится Великий Кромлех, — сказала она, но он покачал головой.

— Кое-кто из нас знает, — спокойно ответил он. — Я хочу сказать — сейчас. Некоторые из нас сейчас знают. И добраться туда, конечно, ох как нелегко. На север через руины Суроша пути нет, а пойдешь на юг, добавится несколько сотен лишних миль через Вадонк или Какотопическое пятно. Поэтому приходится идти через перевал Кающихся на пустошь Глаз Дракона в обход Дыбящихся вод, огибая королевство Кар-Торрер, затем через море Холодный Коготь… — Голос его замер,

но Беллис не шелохнулась, желая услышать, куда лежит путь дальше.

— А потом — Шаттерджекс, — тихо сказал он. — А после уже Великий Кромлех.

Он приложился к стакану с вином.

— Они не любят чужаков. Тех, что живые. Но, боги, вид у нас был довольно жалкий. Мы провели в пути несколько месяцев и потеряли четырнадцать человек. Мы добирались туда на дирижабле, на барже, на вьючных животных, на птераптицах, многие мили шли пешком. Я провел там несколько месяцев и привез в Нью-Кробюзон много всяких… диковинок. Вы уж мне поверьте, я повидал кое-что еще удивительнее этого города.

Беллис нечего было сказать. Она пыталась переварить то, что сказал Фенек. Некоторые из упомянутых им мест на самом деле были мифологией чистой воды. Мысль о том, что он побывал там (жил там, Джаббер его раздери), была сама по себе из ряда вон выходящей, но ей не показалось, что он лжет.

— Большинство из тех, кто пытается добраться туда, погибают, — сказал он обыденным тоном. — Но если вам это удастся, если вы доберетесь до Холодного Когтя, особенно дальних его берегов…

считайте, что вам уже повезло. Вы попадаете к копям Шаттерджекс, на пастбищные угодья к северу от Хинтера, на остров Янни-Секкили в море Холодный Коготь… а они так и рвутся торговать, уж вы мне поверьте. Я там провел сорок дней. Единственные, с кем они торгуют, это дикари с севера, которые раз в год приходят на рыбацких лодках и везут вяленое мясо, которого тоже далеко не на всех хватает. — Он ухмыльнулся. — Но главная их проблема в том, что Дженгрис отрезает их от юга, а потому там не бывает никого из внешнего мира. Любого, кому удается пройти этим путем с юга, они принимают, как потерянного брата… Если вы доберетесь туда, то получите доступ к самой разнообразной информации, местам, товарам и услугам, которых больше ни у кого нет. Вот почему я заключил соглашение… с парламентом. Вот откуда этот документ, который позволяет мне при некоторых обстоятельствах реквизировать суда, дает мне определенные права. Я имею возможность обеспечивать город информацией, которую он ниоткуда больше не получит.

Итак, он был шпионом.

— Когда Симли пересек Вздувшийся океан и обнаружил Бередж-Кай-Нев шесть с половиной веков

назад, что, по-вашему, он вез в трюме? — спросил он. — «Страстный богомол» был большим кораблем, Беллис… — Фенек помолчал — она не приглашала его называть ее по имени, однако недовольства своего никак не проявила, и он продолжил: — Там были спирт и шелка, мечи и золото. Симли хотел торговать. Именно торговля и была ключом, который открыл восточный континент. Все известные вам землепроходцы: Симли, Донлеон, Брубенн, возможно, Либинтос вместе с этим чертовым Джаббером — все они были купцами. — Говорил он по-детски, со смаком. — Карты и информацию привозят домой люди вроде меня. Мы, как никто другой, можем давать необходимые советы. Можем продавать их правительству — в этом и состоит мое задание. Ни исследований, ни науки не существует — есть только торговля. Именно *торговцы* добрались до Суроша, именно они привезли карты, которыми пользовался в Пиратских войнах Дагман Бейн.

Он увидел выражение лица Беллис и понял, что в свете этой истории он со своими товарищами выглядит далеко не лучшим образом.

— Плохой пример, — пробормотал он, и Беллис не смогла сдержать смеха, видя его искреннее раскаяние.

— Я здесь жить не буду, — сказала Беллис.

Было уже почти два часа ночи, и она смотрела в окно на звезды. Буксиры тащили Армаду, и звезды мучительно медленно двигались за стеклом.

— Мне здесь не нравится. Ненавижу, когда меня похищают. Я могу понять, почему не возражают некоторые другие похищенные пассажиры «Терпсихории»… — Эти слова были скупой подачкой тому чувству вины, которое внушил ей Иоганнес, но Беллис встревожила мысль о том, что этого было слишком мало, что это принижало свободу, дарованную человеческому грузу «Терпсихории». — Но я не собираюсь жить здесь. Я вернусь в Нью-Кробюзон.

Говорила она с твердой уверенностью, которой вовсе не чувствовала.

— А я нет, — сказал Сайлас. — То есть я хочу сказать, что хотел бы вернуться и пожить в свое удовольствие после очередного путешествия — обеды в Хнуме и все такое, — но *осесть* там я бы не смог. Хотя я и понимаю, почему вам там нравится. Я видел много городов, но ни один из них не может сравниться с Нью-Кробюзоном. Но стоит мне провести в нем больше двух недель, как меня одолевает клаустрофобия. Этому способствуют грязь, попрошайничество, люди и… тот

жаргон, на котором говорят в парламенте… Даже когда я в центре города. На площади Биль-Сантум, или на Плитняковом Холме, или в Хнуме, я все равно чувствую себя так, словно оказался в Собачьем болоте или на Худой стороне. Я не могу их не замечать. Я рвусь прочь оттуда. А что до негодяев, которые там верховодят…

Беллис с интересом наблюдала за этим проявлением открытой неприязни к властям. Ведь он же получал деньги от этого треклятого кробюзонского правительства, и даже сквозь легкий винный хмель Беллис ясно отдавала себе отчет в том, что именно они, его хозяева, были причиной ее бегства.

Но Фенек не демонстрировал к ним ни малейшей преданности. Он ругал кробюзонские власти с бесшабашным добродушием.

— Они настоящие змеи, — продолжал он. — Рудгуттер и все остальные. Да я им ни на йоту не верю, в гробу я всех их видел. Ну да, деньги я у них буду брать. Если они хотят платить мне за информацию, я буду рад сообщать им то, что знаю. Зачем мне отказываться? Но дружить с ними не собираюсь. Не могу я торчать в их городе.

— Так, значит, для вас все это… — Беллис тщательно подбирала слова, пытаясь понять, что же

он собой представляет. — Значит, у вас пребывание здесь не вызывает никаких неприятных эмоций? Вы не питаете особой любви к Нью-Кробюзону…

— Нет, — грубовато прервал он ее, что резко контрастировало с его прежней обходительностью. — Я этого не говорил. Я — кробюзонец, Беллис. Я хочу, чтобы мне было куда возвращаться домой… если в очередной раз отправлюсь странствовать по свету. У меня есть корни. Я не какой-нибудь бродяга. Я предприниматель, торговец, у которого есть штаб-квартира и дом в Восточном Гидде, друзья, связи, и я всегда возвращаюсь в Нью-Кробюзон. А здесь… здесь я пленник… Вовсе не такие странствия были у меня на уме. Будь я *проклят,* если я здесь останусь.

Услышав это, Беллис откупорила еще одну бутылку вина и налила ему.

— А что вы делали в Салкрикалторе? — спросила она. — Тоже занимались *предпринимательством?*

Фенек покачал головой.

— Меня подобрали, — сказал он. — Салкрикалторцы иногда патрулируют воды за сотни миль от острова. Проверяют краали. Один из их кораблей подобрал меня вблизи канала Василиска.

Я шел курсом на юг в разбитой подлодке-раковине — она дала течь и двигалась еле-еле. Креи с мелководья к востоку от Солса сообщили им об этом сомнительного вида корыте, которое едва не затонуло у их деревушки. — Он пожал плечами. — Я был зол, как сто чертей, когда они меня подобрали, но все же, думаю, они оказали мне большую услугу. Вряд ли я сам добрался бы до дома. Когда я встретил креев, которые могли меня понимать, мы были уже в Салкрикалторе.

— И откуда вы шли? — спросила Беллис. — С островов Джессхул?

Фенек покачал головой, глядя на нее. Несколько секунд он молчал.

— Ничего похожего, — сказал он. — Я пересек горы. Я был в море Холодный Коготь. В Дженгрисе.

Беллис резко подняла на него взгляд, готовая рассмеяться или недоверчиво фыркнуть, но тут она увидела лицо Фенека. Он неторопливо кивнул.

— Да-да, в Дженгрисе, — повторил он.

Более чем в тысяче миль от Нью-Кробюзона располагается огромное озеро шириной в четыре сотни миль — Холодный Коготь. На северной его оконечности находится пролив Холодный

Коготь — коридор пресной воды шириной в сотню миль и длиной в восемь сотен. На севере пролив неожиданно и сильно разливается, уходя на восток почти на глубину континента, а потом сужается, образуя море Холодный Коготь с кривыми, изрезанными берегами.

Вот что такое Холодные Когти: водное пространство, такое громадное, что иначе как океаном его не назвать. Огромное пресное внутреннее море, окруженное горами, пустынями, болотами и немногими суровыми народами, знакомыми Фенеку — по его словам.

На восточной своей конечности море Холодный Коготь отделяется от Вздувшегося океана узкой полоской земли — горным хребтом не более чем тридцатимильной ширины. Отросток на юге моря — острие когтя — расположен почти точно к северу от Нью-Кробюзона и более чем в семистах милях от него. Но те немногие путники, что шли из города этим маршрутом, всегда забирали слегка на запад, чтобы добраться до моря Холодный Коготь сотнях в двух миль от его южной верхушки, потому что в этом остром выступе моря, словно какое-то постороннее тело, присутствовало нечто необычное и опасное — среднее между островом, полузатопленным

городом и мифом. Пользующаяся дурной славой земля амфибий, о которой цивилизованному миру не было известно почти ничего, кроме того, что она существует и представляет опасность.

Место это называлось Дженгрис.

Говорили, что там обитают гриндилоу — водные демоны, или монстры, или выродившиеся люди, в зависимости от того, в какую историю вы предпочитали верить. Говорили также, что место это заколдовано.

Гриндилоу, или Дженгрис (различие между местом и обитателями оставалось неясным), с избирательным изоляционизмом, властно и безжалостно правили на юге моря Холодный Коготь. Воды эти были смертельно опасными и неисследованными.

И вот перед ней сидел Фенек, заявлявший — что? — что он жил там?

— Неправда, что там нет чужих, — говорил он; Беллис уже сумела успокоиться настолько, что могла его слушать. — Там даже есть некоторое количество людей, которые вывелись на Дженгрисе… — Губы его скривились. — *Вывелись* — именно то слово, а вот насчет *людей* я уже не уверен. Их вполне устраивает, что все считают, будто те воды — как частичка преисподней, край

света. Но, будь я проклят, они, как и все, принимают торговцев. Там есть несколько водяных, пара людей… и другие. Я провел там больше полугода. Поймите меня правильно: там опаснее, чем во всех других местах, где я побывал. Если торгуешь на Дженгрисе, то правила… правила там ни на что не похожи. Вы их никогда не выучите и никогда не поймете. Я был там шесть недель, когда мой лучший тамошний друг, водяной из Джангсаха, который торговал там уже семь *лет*, был арестован. Я так никогда и не узнал, что с ним случилось и почему, — ровным голосом сказал Фенек. — Может быть, он оскорбил одного из богов гриндилоу, а может быть, ткань, что он привез, оказалась недостаточно прочной.

— Так почему же вы там оставались?

— Потому что если вы сможете там продержаться, — с неожиданным возбуждением сказал он, — то оно того стоит. Их торговля необъяснима, навязывать им обмен или пытаться переубедить их бессмысленно. Они просят доставить им бушель соли или стеклянные бусы равными частями — пожалуйста. Никаких вопросов, никаких уточнений. Вам надо — я поставляю. Фруктовое ассорти? Получите. Треска, опилки, смола, грибок — мне все равно. Потому что, клянусь Джаббером,

когда они платили, когда они были довольны… Оно того стоило.

— И все же вы оттуда уехали.

— Да. — Фенек вздохнул, встал и заглянул в буфет. Беллис промолчала.

— Я несколько месяцев провел там — покупал, продавал, исследовал Дженгрис и его окрестности — подводные, вы понимаете, — и вел свой журнал. — Он говорил, стоя к ней спиной, — возился с чайником. — Потом до меня дошли слухи, что я… что я согрешил. Что гриндилоу сердиты на меня и если я не уберусь поскорее, то мне конец.

— И что же вы такого сделали? — неторопливо спросила Беллис.

— Понятия не имею, — ответил Фенек. — Совершенно не представляю. Может, те подшипники, что я поставил, оказались не из того металла, а может, луна была не в том доме, или умер кто-то из их магов, и они сочли, что по моей вине. Не знаю. Мне только и было известно, что я должен торопиться… Я оставил кое-что, чтобы они взяли ложный след. Понимаете, я неплохо изучил южный зубец Холодного Когтя. Они окутали все это тайной, но я там ориентировался гораздо лучше, чем положено чужим. Там есть туннели. Трещины в горах, которые лежат между морем

Холодный Коготь и Вздувшимся океаном. Вот по этим норам я и добрался до побережья.

Он замолчал и поднял взгляд в небо. Шел пятый час.

— Добравшись до океана, я пытался держаться южного направления, но меня снесло к краю пролива. Там-то меня и нашли креи.

— И вы ждали корабля из Нью-Кробюзона, чтобы попасть домой? — спросила Беллис; он кивнул в ответ. — Наш корабль шел не в том направлении, и вы решили — властью, данной вам согласно той бумаге, — реквизировать его.

Фенек лгал или недоговаривал чего-то важного. Это было совершенно очевидно, но Беллис ничего не сказала на этот счет. Если он захочет восполнить пробелы в этой истории, то сделает это. Она не собиралась на него давить. Она сидела на стуле, поставив на неровный пол недопитую чашку чая, и вдруг почувствовала такую усталость, что даже слова стали даваться ей с огромным трудом. Увидев первые проблески восхода, она поняла, что ложиться в постель уже поздно.

Фенек наблюдал за ней, чувствуя себя бодрее, чем Беллис, от изнеможения едва владевшая собой. Он приготовил себе еще чашку чая, а Беллис не противилась дремоте, волнами накатывавшей

на нее. Она заигрывала со сновидениями.

Фенек начал рассказывать о своем пребывании в Великом Кромлехе.

Он поведал о запахах города, о кремниевой пыли, гнили, озоне, мирре и бальзамирующих специях. Он рассказал о всепроникающей тишине, дуэлях, людях высшей расы с зашитыми губами. Он описал спуск Бонештрассе, великолепные дома, высящиеся по обеим сторонам разукрашенных катафалков и тянущиеся на много миль, Шаттерджекс, видимый в конце проезда. Фенек говорил еще почти час.

Беллис сидела с открытыми глазами и даже смотрела время от времени, когда вспоминала, что не спит. А когда истории Фенека пересекли пространство в полтысячи миль, направившись на восток, и он начал рассказывать ей о малахитовых часовнях Дженгриса, она услышала, как внизу все чаще и громче раздаются крики и стуки, как Армада просыпается. Она встала, разгладила на себе одежду и волосы и сказала, что ему пора уходить.

— Беллис, — сказал он с лестницы.

До этого он обращался к ней по имени лишь в обманчивой интимности ночи. Теперь, когда солнце встало и проснулись люди вокруг, это

обращение прозвучало для нее по-иному. Но она ничего не сказала, как бы поощряя его продолжать.

— Беллис, спасибо вам еще раз. За… за то, что вы защитили меня, когда ничего не сказали о том документе. — (Она сурово и молча смотрела на него.) — Я скоро увижусь с вами еще. Надеюсь, вы не против.

И снова она промолчала, осознавая, что при дневном свете между ними возникло отчуждение, что Фенек много недосказывает. И все же Беллис была не против — пусть приходит. Давно она уже не общалась так, как нынешней ночью.

ГЛАВА 10

В то утро небо было почти безоблачным, суровым и пустым.

Флорин Сак не пошел в порт. Минуя окружавшие его дом промышленные корпуса, он направился к небольшому скоплению припортовых судов, облепленных тавернами и пересеченных множеством улочек. Его ноги моряка независимо от сознания выравнивали туловище при каждом качке мостовой.

Вокруг были кирпичные сооружения и просмоленные брусья. Чем дальше Флорин шел, тем слабее становились звуки с производственных судов и платформы «Сорго». Щупальца его легонько покачивались и шевелились. Они были обмотаны бинтами, пропитанными благотворной морской водой.

Прошлой ночью — уже в третий раз подряд — Шекель не пришел домой.

Он снова был с Анжевиной.

Флорин думал о Шекеле и об этой женщине, немного стыдясь собственной ревности. Ревности к Шекелю или Анжевине — то был узел обид, который ему никак не удавалось развязать. Он

старался не чувствовать себя брошенным, хотя и понимал, что брошен. Он решил во что бы то ни стало разыскать парнишку, решил, что двери дома будут открыты, когда бы тот ни вернулся, что он, Флорин, отпустит Шекеля со всем благородством, на какое способен.

Он просто был расстроен тем, что это произошло так скоро.

Уже виднелись мачты «Гранд-Оста», возвышающиеся чуть ли не до самого неба. Аэростаты плыли, как подводные лодки, лавируя между рангоутами города. Он спустился на Сенной рынок и прошел по его малым судам. Его окликали лавочники, толкали ранние торговцы.

Здесь вода была совсем рядом, прямо у него под ногами. Вместе со всевозможным мусором она, издавая сильные запахи и звуки, плескалась в промежутках между судами.

Он на мгновение закрыл глаза и представил, что парит в прохладной соленой воде. Спускаясь, он чувствует, как растет давление, как море ласкает его. Его щупальца хватают проплывающих рыб. Он проникает в тайны подводного города: неотчетливые темные формы вдалеке, сады пульпы, фукуса, водорослей.

Флорин почувствовал, как решимость его сла-

беет, и пошел быстрее.

Оказавшись в незнакомом ему квартале Зубца часовой башни, он чуть не заблудился. Сверившись с нацарапанной на клочке бумаги картой, он направился по петляющим мосткам, перекинутым над судами внизу, затем через пышно перестроенную каравеллу к «Дюнроллеру» — округлому старому военному судну. На корме корабля покачивалась неустойчивая с виду башня, прикрученная канатами к мачтам.

Местечко было тихое. Даже вода, колыхавшаяся между судов, казалась какой-то сонной. Это были задворки, населенные магами и аптекарями, учеными Книжного города.

Оказавшись в кабинете на самом верху башни, Флорин выглянул в неровно прорезанное окно. Он увидел беспокойное море до самого горизонта, которое мерно наклонялось из стороны в сторону в оконной раме «Дюнроллера», покачивающегося на волнах.

На соли не было слова для обозначения переделки. Серьезные приращения или изменения были редкостью. Все существенные работы (улучшение сделанного на кробюзонских пенитенциарных фабриках, редко что-то совсем новое) проводились горсткой практикующих

врачей: магами-самоучками, врачами-специалистами, хирургами и — по слухам — несколькими беглецами из Нью-Кробюзона, чье мастерство было отшлифовано за многие годы, проведенные на государственной пенитенциарной службе.

Чтобы обозначить серьезную операцию, слово позаимствовали из рагамоля. Именно это рагамольское слово и вертелось на языке у Флорина.

Он снова перевел глаза на терпеливо ждущего человека за столом.

— Мне нужна ваша помощь, — нерешительно сказал Флорин. — Я хочу подвергнуться переделке.

Флорин давно уже думал об этом.

Его привыкание к морю воспринималось им как долгое, затянувшееся рождение. Каждый день он все больше времени проводил внизу, и вода относилась к нему все лучше. Его новые конечности полностью адаптировались, стали такими же сильными и почти такими же цепкими, как руки.

Он с завистью смотрел, как дельфин Сукин Джон надзирает за работой его вахты, совершая необыкновенно изящные движения в морской воде (как-то раз он подплыл, чтобы наказать какого-то ленивого работягу, и больно боднул

того), он наблюдал, как креи из своих полузатопленных кораблей, рискованно висящих в воде, засоленных во времени, или странные рыболюди из квартала Баск свободно, без всякой оснастки бросаются в воду.

Выйдя из воды, Флорин ощущал, как тяжелеют и неловко повисают щупальца. Но, находясь внизу в водолазной оснастке, одетый в кожу и медь, он чувствовал, что ограничен в своих движениях. Он хотел плыть свободно — горизонтально, вверх — к свету, и даже… о да, даже вниз, в холодную и безмолвную темноту.

Оставалось только одно. Он думал попросить портовое начальство субсидировать его, и они наверняка согласились бы, поскольку были заинтересованы в повышении его эффективности как работника. Со временем решимость Флорина только возрастала, но он отказался от этого плана и начал копить глаза и флаги.

В то утро, когда Шекеля не было дома, а ясное небо исходило соленым ветром, Флорин вдруг понял, что хочет сделать именно это, и ничто другое. Он исполнился великого счастья, осознав: дело вовсе не в его гордыне и не в том, что ему стыдно просить деньги, а всего лишь в том, что процесс и решение целиком, полностью, без ма-

лейших сомнений зависят только от него.

Когда Шекель не был с Анжевиной (эти часы оставались в его памяти как сновидения), он проводил время в библиотеке, бродя среди кип детских книг.

Он одолел «Отважное яйцо». В первый раз для этого понадобилось несколько часов. Он снова и снова возвращался к началу, увеличивая, насколько мог, скорость чтения, переписывал слова, которые сперва не мог прочесть, и медленно, по порядку произносил звуки, пока за отдельными формами не начинал брезжить смысл.

Поначалу шло трудно и неестественно, но понемногу становилось легче. Шекель постоянно перечитывал книгу, с каждым разом все быстрее, не интересуясь рассказанной историей, он лишь жаждал этого необыкновенного ощущения, возникавшего, когда буквы на странице начинали наливаться смыслом и ему удавалось поймать беглеца — слово. Ощущение это было таким сильным, таким обескураживающим, что тошнота подступала к горлу, возникали рвотные спазмы. Шекель применял этот метод и к другим словам.

Они окружали его повсюду — знаки за стеклами витрин, знаки в библиотеке, знаки повсюду в городе и на медных табличках в его родном Нью-

Кробюзоне, безмолвный крик, который теперь будет звучать для него всегда.

Закончив «Отважное яйцо», Шекель исполнился гнева.

«*Как это мне до сих пор ничего не сказали?* — со злостью думал он. — *Что за хер скрывал от меня все это?*»

Беллис поразилась манерам Шекеля, когда он нашел ее в маленьком кабинете рядом с читальным залом.

После вчерашнего визита Фенека ее одолевала усталость, но она заставила себя сосредоточиться и спросила Шекеля, как продвигается чтение. К ее удивлению, он вложил в ответ немало чувства.

— Как поживает Анжевина? — спросила она, и Шекель попытался заговорить, но не смог.

Беллис внимательно смотрела на него. Она ждала мальчишеского хвастовства и преувеличений, но непривычные для Шекеля эмоции явно ошеломили его. Внезапно она прониклась к нему теплым чувством.

— Меня немного беспокоит Флорин, — неторопливо сказал он. — Он мой лучший друг, и мне кажется, что ему теперь немного… одиноко. Не хочу, чтобы он думал, будто я от него отделался. Он мой лучший друг.

И он стал рассказывать о своем приятеле Флорине и между делом, стесняясь, сообщил, как у него идут дела с Анжевиной.

Беллис внутренне улыбнулась — взрослый прием, который хорошо ему удался.

Он рассказал ей об их с Флорином доме на корабле-фабрике. Он рассказал об очертаниях каких-то больших предметов, которые Флорин видел под водой. Он начал зачитывать слова, написанные на коробках и книгах, лежавших в комнате. Он громко произносил их и записывал на клочке бумаги, разбивая на слоги, подходя к каждому слову с одинаковым аналитическим безразличием, будь то причастие, глагол, существительное или имя собственное.

Когда они принялись передвигать коробку с трудами по ботанике, дверь кабинета открылась и вошел пожилой человек с женщиной-переделанным.

— Анжи… — начал было Шекель, но женщина, катившаяся на неустойчивом металлическом приспособлении, начинавшемся там, где должны были быть ее ноги, поспешно покачала головой и сложила руки на груди.

Седой человек дождался, когда безмолвная сцена между Шекелем и Анжевиной закончится.

Беллис, настороженно поглядывавшая на него, вдруг поняла, что именно он и приветствовал Иоганнеса, когда они прибыли в Армаду. Тинтиннабулум.

Он был мускулист и, несмотря на возраст, держался прямо. Казалось, что его старое бородатое лицо и ниспадающие на плечи седые волокнообразные волосы пересажены на более молодое тело. Он повернулся к Беллис.

— Шекель, будь добр, оставь нас на пару минут, — тихо сказала Беллис, но тут вмешался Тинтиннабулум.

— В этом нет нужды, — сказал он. Говорил он словно бы издалека — с чувством собственного достоинства, печально. Он перешел на хороший, хотя и с акцентом, рагамоль. — Ведь вы кробюзонка, да? — Беллис промолчала, но он легонько кивнул, словно бы услышав ее ответ. — Я говорю со всеми библиотекарями, в особенности с теми, кто, подобно вам, каталогизирует новые поступления.

«*Что тебе известно обо мне?* — пыталась понять она. — *Что тебе наговорил Иоганнес? Или он, несмотря на нашу размолвку, оберегает меня?*»

— У меня здесь… — Тинтиннабулум вытащил

лист бумаги. — У меня здесь список авторов, чьи книги для нас особенно важны. Эти авторы очень полезны в нашей работе. Мы просим вас о помощи. Отдельные работы некоторых авторов у нас есть, но мы хотели бы найти еще. О других нам известно, что они написали труды, которые важны для нас. О третьих у нас нет достоверных сведений — только слухи. Как вы увидите, трое из них присутствуют в каталоге, и об этих книгах нам уже известно, но мы заинтересованы и в любых других… Возможно, какое-нибудь из этих имен всплывет в следующей партии книг. А может быть, их работы уже не один век хранятся в библиотеке, но затерялись на стеллажах. Мы тщательно проверили соответствующие разделы — биология, философия, магия, океанология, — но ничего не нашли. Но мы могли что-то пропустить. Каждый раз, когда вы заносите в каталог книги, будь то новые или старые, завалявшиеся за стеллажами, мы просим вас быть начеку. Две из них — те, что не из Нью-Кробюзона, — старые.

Беллис взяла список, полагая, что он длинный, и просмотрела его. Но в центре листа были аккуратно напечатаны лишь четыре имени, и ни одно ничего не говорило Беллис.

— Это самые главные, — сказал Тинтинна-

булум. — Есть и другие. Вы получите более обширный список. Но этих четырех мы просим вас запомнить и искать их книги с особым усердием.

Маркус Халприн. Кробюзонское имя. Анжевина, неторопливо направившись к выходу вслед за Тинтиннабулумом, делала Шекелю тайные знаки.

Ул-Хагд-Шаджер (транслитерация), прочла Беллис. Рядом стояло оригинальное начертание имени — рукописные пиктограммы, в которых Беллис узнала лунную каллиграфию хадоха.

Ниже стояло третье имя — *А. М. Фетчпоу.* Опять кробюзонец.

— Халприн и Фетчпоу — относительно недавние авторы, — сказал Тинтиннабулум от дверей. — Два других постарше. Мы полагаем, что они жили лет сто назад. Не будем больше вам мешать, мисс Хладовин. Если вы найдете что-нибудь из этого списка, любую работу этих авторов, отсутствующую в каталоге, прошу вас явиться ко мне на корабль. Он в носовой части Сарганових вод, называется «Кастор». Заверяю вас: если вы поможете нам, то получите вознаграждение.

«*Что тебе известно обо мне?*» — с тревогой подумала Беллис, когда дверь закрылась.

Она вздохнула и снова взглянула на бумагу. Шекель заглянул в список через ее плечо и начал неуверенно читать вслух имена.

Круах Аум, произнесла наконец Беллис, не обращая внимания на Шекеля, который с трудом продирался от одного слога к другому. «*Ну и экзотика,* — иронически подумала она, глядя на это имя, записанное архаичной разновидностью рагамоля. — *Иоганнес упоминал тебя. Это кеттайское имя*».

Книги Халприна и Фетчпоу наличествовали в каталоге. Перу Фетчпоу принадлежал двухтомный труд «Анти-Бенчамбург: Радикальная теория воды». Книги Халприна назывались «Морская экология» и «Биопсия морской воды».

На имя Ул-Хагд-Шаджера в каталоге отыскалось довольно большое число книг на хадохе, каждая объемом не больше сорока страниц. Беллис была достаточно знакома с лунным алфавитом, чтобы разобрать, как произносятся названия, но понятия не имела, что они означают.

Книг Круаха Аума не обнаружилось. Ни одной.

Беллис наблюдала за Шекелем — он учился читать, пробегая глазами по листам бумаги, на которых записывал трудные слова, произносил

их, делал дополнительные пометы, копировал слова с бумаг, лежащих вокруг, с папок, из списка, врученного ей Тинтиннабулумом. Возникало впечатление, будто парнишка когда-то умел читать, потом растерял навыки, а теперь восстанавливал их.

В пять часов он сел рядом с Беллис, и они прочли «Отважное яйцо». Шекель отвечал на вопросы о приключениях яйца с таким старанием, что ее едва не разобрал смех. Беллис читала вслух, по слогам, незнакомые ему слова, помогая справляться с немыми или неправильными буквами. Шекель сказал, что приготовил для нее еще одну книгу, которую успел прочесть в тот день в библиотеке.

Тем вечером Беллис впервые назвала в своем письме имя Сайласа Фенека. Она посмеялась над его псевдонимом, но признала, что его компания, его самоуверенность принесли ей облегчение после долгих дней одиночества. Она продолжила чтение иоганнесовских «Эссе о животных», спрашивая себя — появится ли Фенек сегодня, а когда поняла, что нет, ее охватил приступ скуки и раздражения, и она отправилась спать.

Ей уже не в первый раз приснилось, как она плывет по реке к Железному заливу.

Флорину снилось, что он подвергается переделке. Он снова был на пенитенциарной фабрике в Нью-Кробюзоне, где ему привили дополнительные конечности и где он пережил мучительные смутные минуты боли и унижения. Воздух вокруг снова был полон фабричного шума и криков, а он лежал, привязанный к влажной грязной доске, только на сей раз над ним склонялся не биомаг в маске, а армадский хирург.

Снова, точно так же, как днем, хирург показывал Флорину схему его тела с красными метками в местах, где будет проводиться коррекция, а предполагаемые улучшения были показаны наподобие поправок в ученической тетради.

— Будет больно? — спросил Флорин, и тут пенитенциарная фабрика рассеялась, и рассеялся сон, но вопрос остался.

«*Больно будет?*» — думал он, лежа в своей недавно опустевшей комнате.

Но после спуска под воду желание снова одолело его, и он понял, что меньше боится боли, чем такого вот томления — изо дня в день.

Анжевина объяснила Шекелю — строгим голосом, — как он должен себя вести, когда она исполняет служебные обязанности.

— Ты не должен вот так болтать со мной, — ска-

зала она ему. — Я много лет работаю с Тинтин-набулумом. Саргановы воды платят мне за то, что я опекаю его с самого того дня, как он здесь появился. Он хорошо меня обучил, и я предана ему. Не суйся ко мне, когда я на работе. Понял?

Теперь Анжевина почти все время говорила с ним на соли, чтобы он осваивал язык; она не давала ему спуску, желая, чтобы Шекель поскорее сделался своим в ее городе. Она уже повернулась, чтобы идти, но Шекель остановил ее и, запинаясь, сказал, что, видимо, не придет в ее каюту сегодня. Он чувствует, что должен провести ночь с Флорином, который, наверно, здорово расстраивается.

— Это хорошо, что ты думаешь о нем, — сказала Анжевина.

Мальчик так быстро взрослел, с какой стороны ни посмотри. Преданности, желания и любви для нее было недостаточно. Он сбрасывал с себя детство, как старую кожу, и благодаря таким вот, довольно уже нередким, проявлениям мужского характера Анжевина воспламенялась к нему истинной страстью, а к ее смутному родительскому чувству примешивалось что-то более жесткое и низменное, отчего перехватывало дыхание.

— Проведи с ним вечерок, — сказала она. — А завтра приходи к девяти, любовник.

Последнее слово она произнесла мягко. Он научился принимать такие подарки должным образом.

Шекель проводил долгие часы в библиотеке, среди деревянных стеллажей, пергамента, слегка подпорченной кожи и бумажной пыли. Он держался рагамольской секции: осторожно снимал с полок книги, открывал и раскладывал их вокруг себя. Текст и картинки, как бутоны, расцветали на полу. Он медленно впитывал в себя рассказы про уток и бедных мальчиков, которые становились королями, про битвы против плоскодонок, впитывал историю Нью-Кробюзона.

Он записывал все непонятные слова, которые не удавалось произнести: *человек, лестница, солнце, Джессхул, Круах*. Он постоянно повторял их.

Бродя от полки к полке, он переносил с собой и отобранные книги, а в конце дня возвращал их на место — но не согласно шифру хранения, который был ему непонятен, а благодаря изобретенному им мнемоническому методу. Шекель запоминал: вот эта книга стоит между большой красной и маленькой синей, а эта — в конце полки, рядом с той, на которой нарисован воздушный корабль.

Как-то раз он страшно запаниковал: снял с пол-

ки книгу — картинки внутри и все буквы были хорошо знакомы ему, но когда он принялся их произносить, полагая, что сейчас в голове начнут складываться слова, получалась сплошная тарабарщина. Шекель жутко испугался, решив, что забыл все, чему успел научиться.

Но потом он понял, что взял книгу из соседней секции, что хотя она и написана рагамольскими буквами, но совсем на другом языке. Шекель был поражен, поняв, что значки, которыми он овладел, могут выполнять одну и ту же работу для разных людей, не умеющих объясняться друг с другом. Он усмехнулся, подумав об этом и радуясь такой многозначности.

Он стал открывать другие иностранные тома, производя или пытаясь воспроизвести звуки, обозначаемые буквами, смеялся над выходившей бессмыслицей. Он внимательно разглядывал картинки и сверял их с тем, что написано. Методом проб он приходил к выводу, что на данном языке эта вот группа букв означает «лодка», а эта — «луна».

Шекель медленно удалялся от рагамольской секции, беря наугад тома и пытаясь понять их непостижимый смысл. Он шел по длинным коридорам, полным детскими книгами, наконец

оказался перед новыми стеллажами и снял с полки книгу, алфавит которой был не похож ни на что известное ему. Он рассмеялся, глядя на странные кривые.

Он пошел еще дальше и обнаружил еще один алфавит. А чуть подальше — еще один.

Несколько часов он с удивлением и любопытством исследовал нерагамольские книги. Бессмысленные слова и непонятные алфавиты вызывали у него не только трепет перед миром, но и некое подобие прежнего фетишизма, когда все книги для него были вот такими — всего лишь немыми предметами, имеющими вес, размер и цвет, но лишенными содержания.

Правда, разница все же была. Теперь Шекель, глядя на эти непонятные страницы, знал, что они исполнены смысла для какого-нибудь иностранного ребенка, как открыли свой смысл ему «Отважное яйцо», «История Нью-Кробюзона» и «Оса в парике».

Он разглядывал книги на основном и верхнекеттайском, на сунглари, луббоке, хадохи, с завороженной грустью вспоминая свою прежнюю безграмотность, но ни на долю секунды не желая вернуться к ней.

ГЛАВА 11

Сайлас ждал Беллис, которая появилась из «Пинчермарна», когда солнце уже склонялось к горизонту. Она увидела его — он стоял, в ожидании прислонившись к перилам.

Увидев ее, он улыбнулся.

Они вместе поели, беседуя, уклончиво отвечая на вопросы друг друга. Беллис не могла понять, рада ли она видеть именно его или просто устала от одиночества, но, так или иначе, она была совсем не против его компании.

Он выступил с предложением. Был четвертый книжди морской черепахи — кроведень струподелов, и в квартале Ты-и-твой проводились крупные бойцовские соревнования. Продемонстрировать свое мастерство собирались несколько лучших бойцов из квартала Шаддлер. Она видела когда-нибудь «морту крутт» или бой ногами?

Сайласу пришлось уговаривать Беллис. В Нью-Кробюзоне она ни разу не посещала ни цирк гладиаторов Каднебара, ни заведения помельче. Мысль посмотреть такой бой вовсе не привлекала ее, а скорее наводила скуку, но Сайлас настаивал.

Поглядывая на него, она поняла, что его желание увидеть эти бои обусловлено не садизмом или вуайеризмом. Беллис не знала причин, но они были не столь низменными. Или, может быть, низменными, но на свой манер.

И еще она знала: он хочет, чтобы она пошла с ним.

Чтобы попасть в Ты-и-твой, они прошли через Шаддлер, обиталище струподелов. Взятое ими воздушное такси проплыло над балками, торчавшими на корме огромного металлического «Териантропа», а потом направилось к правому борту.

Беллис еще ни разу не была в Ты-и-твой. «*Пора уже*», — сказала она себе, испытывая стыд. Она вознамерилась понять этот город, но ее решимость грозила увянуть и снова превратиться в смутное беспокойство.

Площадка для боев располагалась ближе к носу от флагмана Ты-и-твой — большого клипера с парусами, превращенными в декоративные ленты, — на самых задворках торгового квартала. Арена представляла собой круг из небольших судов со скамейками, расставленными амфитеатром на палубах — так, что зрители были обращены лицом к водному кольцу. По краям

арены с дирижаблей свисали роскошные гондолы — частные ложи для богатых.

В центре была закреплена сама арена — деревянная площадка, по краям которой стояли деревянные газовые лампы и были привязаны бочки, держащие ее на плаву. Так был устроен цирк гладиаторов: стянутые в круг переоснащенные суденышки и воздушные шары, а в центре — плавучая платформа.

Раскошелившись и шепнув словечко-другое, Сайлас освободил два места в первом ряду. Он не переставая говорил вполголоса — рассказывал о политике города и людях, сидящих поблизости.

— Это визирь Ты-и-твой, — рассказывал он. — Пришел вернуть денежки, что потерял в начале кварто. А эта женщина в вуали никогда не показывает своего лица. Говорят, что она член совета Дворняжника. — Глаза его не переставали рыскать по толпе.

Уличные торговцы продавали еду и ароматные вина, букмекеры выкрикивали ставки. Зрелище это, как и большинство из того, что происходило в Ты-и-твой, было невзыскательным и вульгарным.

В толпе были не только люди.

— А где струподелы? — спросила Беллис, и

Сайлас начал, как ей показалось, наугад тыкать пальцем в разных направлениях.

Беллис попыталась увидеть то, что было видно ему. Судя по всему, он указывал на людей с землисто-белым цветом кожи, коренастых и сильных на вид. Их лица были изуродованы шрамами.

Зазвучали трубы, и благодаря какому-то химическому трюку огни вокруг арены внезапно вспыхнули красным светом. Толпа восторженно заревела. Через два места от себя Беллис увидела женщину, по лицу которой можно было догадаться, что она — струподел. Та никак не выражала своего энтузиазма — сидела тихо среди бушующих зрителей. Беллис видела и других струподелов — они вели себя так же, флегматично ожидая боев в свой святой день.

По крайней мере, презрительно подумала Беллис, всеобщая жажда крови здесь откровенная. А букмекеров-струподелов столько, что совершенно ясно — что бы там ни говорили старейшины Шаддлера, здесь это целая отрасль.

Беллис недовольно подумала, что она напряженно ждет начала зрелища. Возбужденно.

Когда на арену доставили трех первых бойцов, толпа замолкла. На мужчинах-струподелах, поднявшихся на платформу, не было ничего, кроме

набедренных повязок. Они встали в центре, прижавшись друг к другу спинами.

Они держались спокойно, были хорошо сложены, их сероватая кожа в свете газовых ламп отливала мертвенной белизной.

Один из них, казалось, смотрел прямо в глаза Беллис. Видимо, его ослепил свет, но она все же тешила себя мыслью, что он выступает только для нее.

Бойцы встали на колени и ополоснулись из чанов с разогретой жидкостью цвета зеленого чая. Беллис видела в жидкости листья и почки.

Потом она вздрогнула. Каждый достал из своего чана по ножу и замер — с лезвий капала жидкость. Ножи были изогнутыми, их режущая кромка имела вид крюка или когтя. Ножи для свежевания. Для того, чтобы вспарывать, разрезать плоть.

— Они что — дерутся этими штуками? — спросила Беллис, повернувшись к Сайласу, но неожиданный всеобщий вскрик снова заставил ее обратить взор на платформу. Ее крик последовал с запозданием на мгновение.

Струподелы сами вспарывали себе кожу.

Боец, стоявший лицом к Беллис, рваными движениями ножа очерчивал свою мускулатуру. Он

всунул нож под кожу на плече, потом с хирургической точностью провел красную кривую линию, связав ею дельтовидную мышцу и бицепс.

Кровь, казалось, сначала помедлила мгновение, а потом хлынула из раны, как кипящая вода, принялась бить фонтаном из разреза, словно давление в его жилах было неизмеримо больше, чем у Беллис. Кровь заливала его кожу, образуя на ней жуткую пленку, а он деловито поворачивал руку из стороны в сторону, направляя поток по непонятной для Беллис схеме. Она смотрела, полагая, что фонтаны крови зальют площадку, но *этого не случилось*, и дыхание ее замерло, когда она увидела, что кровь свертывается.

Жидкость обильно сочилась из ран, материя крови наползала сама на себя, утолщалась. Беллис видела, как края раны зарубцовываются, зарастают свернувшейся кровью, как образуются большие ее скопления, как красное быстро коричневеет, потом переходит в синее и черное и затвердевает, образуя кристаллическую корку в несколько дюймов поверх кожи.

Кровь, сочившаяся по руке, тоже свертывалась, вырастая в объеме с невероятной скоростью и изменяя цвет, так что становилась похожей на яркую плесень. Куски струпьев врастали в кожу,

образуя вкрапления, похожие на кристаллы льда или соли.

Боец снова погрузил свой нож в зеленую жидкость и продолжил делать надрез. Тем же самым занимались и другие у него за спиной. Лицо его искажала гримаса боли. Из надреза вырывалась кровь, текла по выемкам на его мускулатуре и затвердевала, как некое подобие панциря.

— Эта жидкость замедляет коагуляцию и позволяет им соорудить что-то вроде доспехов, — прошептал Сайлас на ухо Беллис. — Каждый из бойцов выбирает форму надрезов по своему усмотрению. Это часть их искусства. Легкие и подвижные так направляют кровь из порезов, чтобы она не сковывала суставы, им не нужен слишком тяжелый панцирь. Неторопливые, мощные бойцы наращивают струпья до такой степени, что покрываются броней, как конструкты.

Беллис не хотелось говорить.

На эти жуткие, тщательные приготовления у бойцов ушло довольно много времени. Каждый из них по очереди вспарывал себе лицо, грудь, бедра, наращивая покров из засохшей крови, которая образовывала кирасы, наголенники, наручни и шлемы с неровными кромками и

окраской. Произвольные надрезы вели к образованию потоков, напоминающих вулканическую лаву — органическую и минеральную одновременно.

Беллис смотрела на это деловитое полосование, и ее желудок грозил вывернуться наизнанку. Вид этих панцирей, столь усердно взращенных через боль, потряс ее.

После жестокой и красивой подготовки сама схватка, как и предполагала Беллис, оказалась скучной и неприятной.

Три струподела двигались вокруг друг друга, вооружившись каждый двумя здоровенными кривыми саблями. В своих странных доспехах они были похожи на животных в каком-то нездешнем оперении. Но их панцирь был тверже вываренной в воске кожи и неплохо отражал удары тяжелых сабель. После долгой изнурительной борьбы корка отвалилась с предплечья одного из бойцов, и самый юркий из троих нанес ему удар в незащищенное место.

Однако кровь струподелов давала им еще одну защиту. Как только плоть оказалась рассеченной, из раны хлынула кровь, которая обволокла оружие врага. В отсутствие антикоагулянтов она свернулась на воздухе почти мгновенно, обра-

зовав уродливый, бесформенный узел, который вязко ухватил металл сабли. Раненый закричал и сделал разворот на месте — оружие оказалось выдернутым из руки противника. Оно несуразно подергивалось в ране.

Тут в дело вмешался третий — он резанул раненого по горлу. Двигался он с такой скоростью и удар нанес под таким углом, что хотя и на его оружие попала быстро затвердевающая кровь из рваной раны, обволочь саблю она не успела.

Обескураженная Беллис затаила дыхание, но побежденный не умирал. Он упал на колени, явно мучаясь от боли, но застывшая кровь запечатала его рану и спасла его.

— Видите, как нелегко им умереть на этой арене? — пробормотал Сайлас. — Если хотите убить струподела, возьмите дубинку или булаву. Только не нож. — Он оглянулся, а потом заговорил взволнованно, но тихо, голос его заглушался криками зрителей. — Вам нужно многому *научиться*, Беллис. Ведь вы хотите победить Армаду, да? Хотите вырваться отсюда? Тогда вы должны понять, где оказались. Вы накапливаете знания? Боги милостивые, верьте мне, Беллис, — именно этим я и занят. Теперь вы знаете, как не нужно пытаться убить струподела, верно?

Она смотрела на него расширившимися от удивления глазами, но в его грубой логике был смысл. Он ничем не утруждал себя — он лишь во все вникал. Она подумала, что тем же самым он занимался и в Великом Кромлехе, и в Дженгрисе, и в Йоракетче: собирал деньги и информацию, идею и контакты — сырой материал, который мог стать оружием или товаром.

Она с горечью подумала, что Сайлас серьезнее, гораздо серьезнее, чем она. Он постоянно готовился и строил планы.

— Вы должны знать, — сказал он. Впереди много чего еще. Вы должны познакомиться с кое-какими людьми.

Состоялись и другие схватки струподелов — все они проходили с той же странно-показной дикостью: самые разные конфигурации панцирей-струпьев, всевозможные боевые стили, исполняемые в манере «морту крутт».

Проводились и другие состязания — между людьми и кактами и всеми неводными обитателями города; то были как демонстрационные, так и настоящие бои.

Участники наносили друг другу удары торцами своих кулаков, словно ударяли по столешнице. Этот удар назывался «молот». Если они и били

ногой, то не носком, а пяткой. Они прыгали, тащили, делали ложные выпады, наносили удары, совершая быстрые, резкие и сложные движения.

Беллис долгие минуты смотрела на сломанные носы, царапины, синяки. Все схватки для нее смешались в одну. Она пыталась во всем увидеть свой шанс, пыталась накапливать знания — она чувствовала, что это же делает и Сайлас.

Невысокие волны набегали на края платформы. Беллис хотела, чтобы все это поскорей закончилось.

Она услышала ритмические хлопки в толпе. Поначалу это было биение, синхронное биение, различимое за шелестом, висящим над зрителями, и похожее на удары сердца. Постепенно оно набирало силу, становилось громче, настойчивей, люди начали оглядываться и улыбаться, присоединять к этому звуку свои голоса. Возбуждение зрителей росло.

— Да… — сказал Сайлас, с удовольствием растягивая это короткое слово. — Наконец-то. Именно это я и хотел увидеть.

Поначалу Беллис казалось, что этот звук похож на барабанный бой, производимый сотнями ртов. Потом внезапно — восклицания: *Ва! Ва! Ва!* — произносимые синхронно и сопровождаемые

хлопками ладоней и стуком подошв об пол.

И только когда безумие докатилось до суденышка, на котором сидели они, Беллис разобрала слово.

«*Доул!*, — раздавалось отовсюду. — *Доул! Доул! Доул!*»

Имя.

— Что они кричат? — шепотом спросила она у Сайласа.

— Зовут кое-кого, — сказал он, шаря по толпе взглядом. — Они хотят увидеть главный бой. Хотят увидеть Утера Доула. — Он улыбнулся ей холодной, мимолетной улыбкой. — Вы его узнаете, — сказал он. — Как только увидите, сразу узнаете.

А потом детонация от этого имени рассыпалась на радостные вскрики и аплодисменты, слившиеся в восторженную волну, которая все нарастала, по мере того как один маленький дирижабль, отцепившись от корабельной мачты, начал приближаться к платформе. На его гребне красовался пароход на фоне красной луны — символ Саргановых вод. Гондола внизу была из полированного дерева.

— Это дирижабль Любовников, — сказал Сайлас — Они ненадолго расстаются со своим помощни-

ком — сейчас будет еще одна «импровизированная» схватка. Я знал, что он не удержится.

Дирижабль остановился в шестидесяти футах над платформой, и вниз полетела веревка. Зрители разразились безумными вскриками. С удивительной ловкостью и быстротой из гондолы выбрался человек и, перебирая веревку руками, спустился на забрызганную кровью площадку.

Он стоял босой, с обнаженной грудью, в одних только кожаных штанах. Руки его свободно висели по бокам, а он медленно поворачивался, чтобы обозреть всю толпу, которая теперь, когда он спустился, замерла в ужасе. Когда наконец его лицо повернулось к Беллис, она ухватилась за перила перед собой, а дыхание ее тут же перехватило: она узнала его — тот самый коротко стриженный человек веером, убийца, захвативший «Терпсихорию».

Непонятно каким образом, но нескольких бойцов уговорили сражаться против него.

Доул (печальнолицый убийца капитана Мизовича) стоял не шевелясь, он не потянулся, не расправил мышцы. Он просто стоял и ждал.

Четыре его противника на краю платформы заметно волновались. Их воодушевлял энтузиазм толпы, которая кричала и бесилась, подбадривая

бойцов, а они, переминаясь с ноги на ногу, договаривались о тактике боя.

Лицо Доула было абсолютно непроницаемым. Когда его соперники выстроились против него полукругом, он неторопливо принял бойцовскую стойку: чуть приподнял руки, подогнул колени — вид совершенно расслабленный.

В течение первых жестоких, удивительных секунд Беллис даже не дышала — одна рука прижата ко рту, губы стиснуты. Потом она изумленно вздохнула вместе с остальной толпой.

Казалось, что Утер Доул, по сравнению с остальными, живет в другом времени. Он был словно гость в этом мире, гораздо более грубом и медлительном, чем его собственный. Несмотря на свое массивное тело, двигался он с такой скоростью, что возникало впечатление, будто сила тяжести действует на него не так, как на других.

В его движениях не было ничего лишнего. Он наносил удары то ногой, то рукой, осуществлял блокировку, его конечности меняли положение крайне плавно и экономно, словно действовала машина.

Доул нанес удар открытой рукой, и один из его противников свалился без чувств. Доул сделал шаг в сторону, замер на одной ноге, а другой

два раза ударил в солнечное сплетение второго, потом той же ногой отразил нападение третьего. Он делал развороты и бил без замаха, жестоко и точно, с поразительной легкостью побивая противников.

Последнего он уложил броском — схватил за руку, потащил ее на себя, а вместе с рукой и самого бойца. Казалось, что Доул переворачивается в воздухе, готовя свое тело к приземлению, и наконец он оказался на спине поверженного противника, которого обездвижил, вывернув ему руку.

Зрители сначала погрузились в долгое молчание, а потом из толпы, словно кровь из струподелов, хлынули аплодисменты и одобрительные выкрики.

Беллис смотрела. Внутри нее все похолодело, дыхание перехватило.

Сбитые с ног поднялись сами или их унесли с арены, а Утер Доул стоял, дыша тяжело, но ритмично. Руки его свободно свисали вниз, на мускулах сверкали капельки пота и крови побежденных.

— Телохранитель Любовников, — сказал Сайлас; публика вокруг безумствовала. — Утер Доул. Ученый, беглец, солдат. Специалист по теории

вероятностей, истории Призрачников и боевым искусствам. Телохранитель Любовников, их помощник, убийца и пират у них на службе, отважный воин. Вот это-то вы и должны были увидеть, Беллис. Вот это-то и станет препятствием для нашего бегства.

Они направились в ночи по извилистым закоулкам квартала Ты-и-твой через Шаддлер в Сарганновы воды, на «Хромолит».

Шли они молча.

Когда бой Доула подходил к концу, Беллис увидела кое-что, поразившее и напугавшее ее. Когда он повернулся — пальцы растопырены, грудь напряжена и дыбится — она увидела его лицо.

Все его мускулы были напряжены, натянуты, отчего на лице появилось выражение дикой жестокости — ничего подобного ей еще не доводилось видеть.

Потом, мгновение спустя, когда Доул, одержав победу, раскланивался с толпой, он снова стал похож на задумчивого священника.

Беллис могла представить себе некий непостижимый и мистический свод бойцовских правил, который позволял драться без ожесточения — так, словно ты святой. Равным образом могла она вообразить, как человек впадает в дикость, как

в нем с первобытной яростью берут верх атавистические инстинкты. Но то, что она увидела в Доуле, поразило ее.

Она размышляла об этом позднее, лежа в кровати и прислушиваясь к звуку дождя. Доул готовился и восстанавливался, как монах, сражался, как машина, а чувствовал себя, похоже, хищным животным. Эта неистовость испугала ее гораздо сильнее всех знакомых ему боевых искусств. Искусствам можно научиться.

Беллис помогала Шекелю читать книги, которые становились все более сложными. Она оставила парня в детском отделе, а сама вернулась в комнату, где ее ждал Сайлас.

Они выпили чаю, поговорили о Нью-Кробюзоне. Сайлас показался ей печальнее, спокойнее, чем обычно. Она спросила, в чем причина, но в ответ тот лишь покачал головой. Впервые со дня их знакомства Беллис испытала к нему что-то вроде жалости или сострадания. Сайлас хотел что-то сказать или спросить, и она не торопила его.

Она передала ему то, что сообщил ей Иоганнес. Она показала книги этого натуралиста и объяснила, каким образом пытается добыть тайну Армады из этих томов, не зная даже, какие из них по-настоящему важны и что в них нужно искать.

В половине двенадцатого, после затянувшегося молчания, Сайлас повернулся к ней.

— Беллис, почему вы оставили Нью-Кробюзон? — спросил он.

Она открыла рот, готовая ответить обычными своими экивоками, но не произнесла ни слова.

— Вы любите Нью-Кробюзон, — продолжал он. — Или, может быть, лучше сказать иначе? Вам *необходим* Нью-Кробюзон. Вы не можете расстаться с ним, так что ваш поступок совершенно непонятен. Почему вы уехали?

Беллис вздохнула, но вопрос повис в воздухе.

— Когда вы в последний раз были в Нью-Кробюзоне? — спросила она.

— Более двух лет назад, — сказал Сайлас, задумавшись ненадолго. — А что?

— Там, в Дженгрисе, до вас не доходили никакие слухи? Вы ничего не знаете о Летнем кошмаре? Проклятии сна? Сонной болезни? Полуночном синдроме?

Он неопределенно покачивал головой, роясь в памяти.

— Я слышал кое-что от одного купца несколько месяцев назад.

— Это случилось шесть месяцев назад, — сказала она. — Татис, Синн… Лето. Что-то произошло.

Что-то сталось с… с ночами. — Она неопределенно покачала головой. Сайлас доверчиво слушал. — Я до сих пор понятия не имею, что это было. Мне важно, чтобы вы это знали. Произошли две вещи. Первое — это ночные кошмары. Людей стали мучить кошмары. То есть кошмары начались у *всех.* Словно все мы… дышали каким-то зараженным воздухом или что-нибудь в этом роде.

Беллис ничего толком не могла объяснить. Она помнила тот мучительный страх, когда она неделями боялась уснуть, потому что просыпалась с криками и истерическими рыданиями.

— А второе… это была болезнь или что-то такое. Люди повсюду начали заболевать. Все расы. Эта болезнь… Она убивала разум так, что не оставалось ничего, кроме тела. Людей по утрам находили на улицах или в своей постели — живых, но безумных.

— И здесь была какая-то связь?

Беллис скользнула по нему взглядом и кивнула, потом покачала головой.

— Не знаю. Никто не знает. Но похоже, что так. А потом все это прекратилось. Внезапно. Люди уже говорили о введении военно-полевых судов, об открытом выходе милиции на улицы… Это был кризис. Настоящий *ужас.* И все без видимых

причин. Наш сон был нарушен, сотни людей сошли с ума — они так никогда и не поправились… А потом вдруг все кончилось. И тоже без каких-либо причин. — Она продолжила после небольшой паузы: — Когда все улеглось, пошли слухи… Каких только слухов об этом не шло. Демоны, Вихревой поток, неудачные биологические эксперименты, новая разновидность вампиризма… Никто ничего толком не знал. Но некоторые имена повторялись все чаще и чаще. А потом, в начале октуария, начали исчезать знакомые мне люди… Поначалу до меня дошла история об одном общем приятеле, которого никак не могут найти. Потом, немного спустя, пропал еще один, потом еще. Я пока что не беспокоилась. Никто не беспокоился. Но пропавшие так и не вернулись. А власти подбирались ко мне все ближе и ближе. Первого исчезнувшего я едва знала. Второго видела на вечеринке за несколько месяцев до этого. Третий работал со мной в университете, и мы с ним встречались время от времени за бокалом вина. А слухи о Летнем кошмаре становились все настойчивее, все громче произносились имена, я слышала их снова и снова… наконец громче всех стало называться одно имя. Во всем винили одного человека — он был связующим звеном

между теми, кто исчезал, и мной… Звали его дер Гримнебулин. Он — ученый и… и, видимо, предатель. За поимку его объявили вознаграждение… вы ведь знаете, как милиция распускает такие слухи — все полунамеки да недомолвки, а поэтому точной суммы никто не знал. Но все были убеждены, что он исчез и правительство жаждет его разыскать… И вот стали арестовывать людей, которые знали его, — коллег, знакомых, друзей, любовниц. — Она с мрачным видом выдержала взгляд Сайласа. — Мы были любовниками. Дерьмо господне, это было четыре или пять лет назад. А к тому времени уже два года как не общались. До меня доходили слухи, что он завязал роман с одной хепри. — Она пожала плечами. — Куда уж он там исчез, неизвестно, но люди мэра пытались его разыскать. И я чувствовала, что скоро настанет и мой черед исчезнуть… Это у меня превратилось в манию, но для того были все основания. Я перестала ходить на работу, я стала избегать знакомых, я поняла, что жду ареста. Милиция, — в голосе ее послышалась неожиданная страсть, — *суки,* стали хуже волков… Мы с Айзеком были близки. Мы жили вместе. Я знала, что милиция захочет поговорить со мной. И если они и выпускали тех людей, которых забирали,

то я никого из них не видела. А на те вопросы, которые они могли задать, у меня не было ответов. Одним богам известно, что в милиции могли бы сделать со мной.

Ах, какое страшное, отчаянное время тогда началось для Беллис. У нее всегда было мало близких друзей, а к тем, что были, она боялась обращаться, опасаясь повредить им или стать жертвой доноса. Она помнила свои безумные приготовления, покупки и продажи украдкой, на бегу, помнила ненадежные убежища. Нью-Кробюзон стал для нее жутким местом, гнетущим, жестоким, тираническим.

— И вот я составила план. Я поняла… поняла, что должна бежать. У меня не было ни денег, ни знакомых в Миршоке или Шанкелле. Времени, чтобы все толком организовать, тоже не было. Но правительство платит тем, кто отправляется в Нова-Эспериум.

Сайлас начал неторопливо кивать. Беллис с неожиданным смехом вскинула голову:

— Так вот, один правительственный орган искал меня, а другой тем временем оформлял документы на мой отъезд и обговаривал со мной условия оплаты. Вот вам положительная сторона бюрократии. Но долго в такие игры играть с

ними я не могла, а потому села на первый подвернувшийся корабль. Для этого мне пришлось выучить салкрикалтор… Я не знала, сколько лет должно пройти, пока опасность не минует, — два, три. — Она пожала плечами. — Корабли приходят из Нью-Кробюзона в Нова-Эспериум не реже раза в год. Контракт я заключила на пять лет, но мне и раньше случалось разрывать контракты. Я думала остаться там, пока эта история не забудется, пока они не переключатся на нового врага или какой-нибудь кризис. Пока мне не сообщат, что я могу вернуться… там есть люди, которые знают… куда я собиралась. — Она чуть было не сказала «где я нахожусь». — Вот почему… — заключила она. Они с Сайласом долго смотрели друг на друга.

— Вот почему я убежала.

Беллис вспоминала людей, которых оставила, тех немногих людей, которым она доверяла, и внезапно ее захлестнули чувства. Как она скучала без них!

В странных обстоятельствах она оказалась: беглянка, отчаянно жаждущая вернуться туда, откуда бежала. Беллис подумала, что, несмотря на все ее планы, обстоятельства оказались сильнее. Она улыбнулась с равнодушным юмором.

«*Я собиралась покинуть город на год или два, но тут вмешались обстоятельства, произошло нечто, превратившее меня в пленницу на всю оставшуюся жизнь, в библиотекаря из плавучего пиратского города*».

Сайлас погрустнел. Его, казалось, тронуло услышанное, а Беллис, глядя на него, поняла, что он размышляет о своей собственной истории. Никто из двоих не был склонен сетовать на судьбу, но они оказались здесь не по своей вине и не по своему желанию и оставаться не хотели.

В комнате еще несколько минут царило молчание. Но снаружи, конечно, доносилось приглушенное тарахтение сотен двигателей, которые тащили их на юг. Не смолкали и хрипловатые звуки волн и другие шумы — городские, ночные.

Когда Сайлас поднялся, собираясь уходить, Беллис дошла с ним до двери, держась совсем рядом, но не прикасаясь к нему и не глядя на него. Он помедлил у порога, поймал ее печальный взгляд. После мучительно долгого мгновения они наклонились друг к другу. Сайлас стоял спиной к двери, опираясь на нее руками. Руки Беллис безвольно висели вдоль боков.

Они целовались, но двигались при этом только губы и языки. Оба тщательно сохраняли равно-

весие, не дышали, чтобы не слишком посягать на свободу друг друга звуком или касанием, но в конце концов с облегчением соединились.

Когда их долгий страстный поцелуй прервался, Сайлас в последний момент рискнул и, вытянув губы, снова нашел ее рот — так они и разъединились несколькими короткими касаниями. И Беллис позволила ему это, хотя то первое мгновение уже прошло и эти маленькие дополнения происходили уже в реальном времени.

Беллис, медленно дыша, посмотрела на него, не отрывая глаз, а он — на нее, и продолжалось это столько, как если бы они и не целовались. Потом он открыл дверь и вышел в ночную прохладу, тихо произнеся «спокойной ночи» и даже не услышав ее ответа.

ГЛАВА 12

Следующий день был кануном Нового года.

Но конечно, не для армадцев, для которых он ознаменовался только внезапным потеплением и стал всего лишь похожим на осенний. Они не могли пройти мимо зимнего солнцестояния, мимо того, что настал самый короткий день в году, но не придавали этому особого значения. Кроме нескольких беззаботных замечаний по поводу длинных ночей, день этот ничем другим отмечен не был.

Но Беллис не сомневалась, что из похищенных кробюзонцев не одна она считает дни по домашнему календарю. Она полагала, что этой ночью в квартале кое-где состоятся неафишируемые вечеринки. Тихие, чтобы не выделяться и не насторожить обывателей, или надзирателей, или то начальство, которое заправляет в данном квартале, не выдать, что среди тесных улочек и жилищ Армады есть те, кто живет по своим календарям.

Беллис понимала, что сама она, в общем, лицемерит: канун Нового года для нее никогда ничего не значил.

У армадцев этот день назывался рогди, он открывал новую девятидневную неделю и для Беллис был выходным. Она встретила Сайласа на пустой палубе «Гранд-Оста». Сайлас повел ее в кормовую часть правобортной стороны Сарганових вод — в Крум-парк, удивляясь тому, что она еще не бывала здесь, а когда они вошли и прогулялись по тропинкам, ей стала ясна причина такого удивления.

Парк представлял собой длинную — шириной около ста футов и длиной около шестисот — полосу земли, насыпанной на огромной палубе древнего парохода, название которого стерлось за давностью лет. Растительность покрывала широкие раскачивающиеся мостки, перекинутые на две старые шхуны: они стояли кормой друг к другу и были причалены почти параллельно к борту громадного судна. С носа парохода парк переходил на приземистый небольшой шлюп с давно не стрелявшими пушками — шлюп принадлежал кварталу Дворняжник, делившему эти зеленые насаждения с Саргановыми водами.

Беллис и Сайлас, идя по петляющим дорожкам, миновали гранитную статую Крума — героя-пирата из армадского прошлого. На Беллис все это произвело сильное впечатление.

Много столетий назад создатели Крум-парка вознамерились покрыть палубы побитого войной парохода мульчей и суглинком. Армадцам, бороздившим океанические просторы, негде было возделывать землю и собирать урожай, и им приходилось отбирать почву силой, как книги и деньги. И эта их земля, их почва привозилась на протяжении многих лет — ее выкапывали на прибрежных фермах и в лесах, умыкали с полей изумленных крестьян и везли по волнам в город.

Старый пароход гнил и ржавел, а его пустующий корпус заполнялся украденной землей, начиная с форпика, машинного отделения и находящихся в самом чреве угольных ям (так и не использованный уголь лежал спрессованным под многотонным слоем почвы). Земля заполнила полости вокруг вала ходового винта, часть больших топочных котлов, тогда как другие остались наполовину пустыми, но были обложены землей со всех сторон, образовав этакие металлические пузыри в прожилках глины и мела.

Оттуда устроители парка перешли к пассажирским палубам с их каютами. Там, где потолки и стены оставались неповрежденными, в них без всякой системы проделывались отверстия, что нарушало целостность помещений, но открыва-

ло проходы корням, кротам и червям. Все клочки пространства были заполнены землей.

Корабль сидел в воде низко, на плаву его поддерживали хитроумные воздушные карманы и соседи, к которым он был причален.

Над водой, на главной палубе, под открытым воздухом были слоями навалены торф и почва. Поднятые мостки, ют, прогулочные палубы, места отдыха превратились в покрытые землей крутые холмики. Они горками поднимались над окружающим плато, образуя причудливые кривые.

Неизвестные проектировщики проделали то же самое на трех деревянных судах поменьше, причаленных к большому пароходу. Это было намного проще, чем работать с металлическим корпусом.

А потом посадили растения, и вот — зазеленел парк.

По всему пароходу росло множество деревьев — старые, посаженные чуть ли не вплотную друг к другу: получались крохотные леса, раздолье заговорщикам. Были молодые посадки и множество деревьев средних размеров, возрастом сто — двести лет. Но попадались и великаны, древние и громадные: их, вероятно, вырвали с корнями из какого-нибудь прибрежного леска и

пересадили много лет назад на этот корабль, где они и состарились. На боевом корабле, принадлежащем Дворняжнику, были ухоженные клумбы, а вот здесь, на мертвом пароходе в Крум-парке, все было диким — леса и луга.

Не все растения были знакомы Беллис. В своих неторопливых странствиях по Бас-Лагу Армада заходила в неизвестные ученым Нью-Кробюзона места, откуда вывозились всевозможные экзотические экземпляры. На кораблях поменьше имелись небольшие участки, поросшие грибком в человеческий рост — эти растения колыхались и шуршали, когда вы проходили через их заросли. Была в Армаде и башня, покрытая ползучими растениями: ярко-красные и колючие, они жалили, как гниловидные розы. Вход на длинный ют корабля на правом борту Армады был запрещен, и Сайлас сказал Беллис, что за прихотливым плетением шиповниковых зарослей, служивших оградой, находятся опасные образцы флоры: растения с ловчими листами необычной и неизученной силы, неспящие деревья, наподобие хищных плакучих ив.

Но на старом пароходе и ландшафт и растения были ей знакомы. Внутренности одной из палуб-горок были выстланы мхом и дерном и

представляли собой внутренний сад, который освещался яркими газовыми горелками и малой толикой дневного света, проникавшего из полузаваленных землей иллюминаторов. Самые разные растения заполняли бывшие каюты. Здесь можно было увидеть низкорослых представителей тундры, сады камней и алый кустарник. Были здесь и пустыни с мясистыми суккулентами, лесные и луговые цветы. И все это практически в одном месте — все каюты соединялись тускло освещенным коридором, где трава доходила до колен. В коричневатом свете под яркой боевой раскраской и ползучими растениями все еще можно было разглядеть таблички: «столовая», «котельное отделение». Таблички были испещрены следами лесных вшей и божьих коровок.

Недалеко от входа в сад (двери в склоне холма) в сырых сумерках неторопливо прогуливались Беллис и Сайлас.

Они побывали на каждом из четырех судов парка. Народу среди лесной зелени почти не было. Беллис, потрясенная, остановилась на носовом судне и указала вдаль — за границы садов и восстановленные ограждения палубы туда, где в сотне футов от них проходили границы города. Там она увидела причаленную «Терпсихорию».

Канаты и цепи, державшие ее, были совсем новыми. Свеженаведенные мостки соединяли ее с остальной частью города. На главной палубе виднелась деревянная платформа — строительная площадка для будущих домов.

Так вот и расширялась Армада, принимая новых жителей, — захватывала добычу, переоборудовала ее, перестраивала по своему образу и подобию, как это делает безмозглый планктон.

Беллис не испытывала никаких чувств к «Терпсихории», презирая тех, кто мог привязываться к кораблям. Но, увидев, что последнее звено, связывающее ее с Нью-Кробюзоном, так беззастенчиво и просто ассимилируется Армадой, Беллис погрустнела.

Их окружала странная смесь вечнозеленых деревьев с лиственными. Беллис и Сайлас шли мимо сосен, мимо черных и корявых дубовых и ясеневых ветвей, сбросивших листву. Старые мачты воспаряли над кронами, словно древнейшие из деревьев леса, одетые в кору из ржавчины и размахивающие косматой листвой оборванного такелажа. Беллис и Сайлас шли под их сенью, под сенью леса, мимо поросших травой неровностей, в которых мелькали маленькие иллюминаторы и двери, где каюты были погребены

под землей. Черви и обитатели нор двигались под битым стеклом.

Увитые плющом трубы парохода исчезли из виду, когда Беллис и Сайлас вошли в самую гущу деревьев, невидимую с окружающих кораблей. Они шли по петляющим тропинкам, которые неизменно возвращались к своему началу, что зрительно увеличивало пространство парка. Горбатые обтекатели выглядывали из травы, рядом с ними выросли кустики куманики; корни и ветки обволакивали лебедки и замысловато обвивались вокруг перил трапов, поросших мхом и ведущих в пустые холмы. Под стрелой грузового крана, превратившегося в бесформенный каркас, Беллис и Сайлас присели среди зимнего пейзажа и выпили вина. Пока он рылся в своей маленькой сумке в поисках штопора, Беллис увидела торчащий из его кармана блокнот. Она вытащила его и вопросительно посмотрела на Сайласа, а когда тот утвердительно кивнул, открыла страницы.

Она увидела список слов — наброски человека, изучающего чужой язык.

— Большая часть здесь из Дженгриса, — сказал он.

Она медленно переворачивала страницы, испещренные существительными и глаголами,

и наконец добралась до раздела, похожего на дневник, где датированные записи были сделаны скорописью, которую она не могла разобрать — слова здесь сводились к двум-трем буквам, а пунктуация вообще отсутствовала. Она увидела цены на товары, неразборчивые описания самих гриндилоу, производящие неприятное впечатление карандашные наброски существ с громадными глазами и зубами и неясной формы конечностями, а также плоскими угреобразными хвостами. Она увидела прикрепленные к страничкам гелиотипы, сделанные наспех и, видимо, при плохом освещении, — нечеткие коричневатые пятна, обесцвеченные и испачканные водой. Изображенные на них чудовищные фигуры выглядели еще более ужасающе из-за шероховатости и посторонних примесей на бумаге.

Она увидела сделанную от руки карту Дженгриса, испещренную стрелами и подписями, а также другие карты — окружающего Дженгрис моря Холодный Коготь, погруженных под воду гор и долин. Несколько страниц было занято тщательно выправленными изображениями крепостей Гриндилоу: они были выполнены в разных цветах в зависимости от материала — гранита, кварца, известняка. Увидела Беллис

и наводящие на размышления наброски машин, оборонительных сооружений.

Сайлас наклонился над ней, давая пояснения по ходу дела.

— Это вот ущелье к югу от города, — сказал он. — Оно ведет к горам, за которыми находится море. А вот эта башня, — (какой-то мазок неправильной формы), — библиотека кож, а это — емкости с сальпами.

На следующих страницах были нацарапаны схемы пещер, туннелей, каких-то когтистых устройств, механизмов, напоминающих замки и шлюзы.

— А это что такое? — спросила Беллис, и Сайлас, увидев, на что она смотрит, рассмеялся.

— Это зачатки гениальных идей… Что-то в этом роде, — сказал он и улыбнулся.

Они сидели спиной к высоким пням, а может быть, это были полуприсыпанные землей компасные нактоузы. Беллис убрала блокнот обратно. Ей все еще было не по себе, но она наклонилась и поцеловала Сайласа.

Он мягко ответил ей, и тут в ней проснулась страсть, и она сильнее прижалась к нему. На мгновение она отпрянула и с мрачным выражением на лице посмотрела на Сайласа, их взгляды

встретились — в его глазах читались удовольствие и неуверенность. Беллис пыталась понять его, проникнуть в подоплеку его действий и реакций, но не смогла.

И хотя она была раздосадована, но в глубине души понимала, что его противоречия — отражения ее противоречий. Его и ее озлобление (на Армаду, на это нелепое существование) соединились. И она испытывала необычайное облегчение и удовольствие от того, что они разделяют это чувство, пусть и холодное.

Она взяла его лицо в ладони и крепко поцеловала. Он страстно ответил. Когда его руки обхватили ее, а пальцы — начали гладить и ласкать волосы, она отодвинулась, взяла его за руку, потащила за собой по извилистым тропинкам парка на левый борт, к ее дому.

Они оказались в ее комнате, и Сайлас молча и недвижно смотрел, как Беллис раздевается.

Она набросила свою юбку, блузку, жакет и трусики на спинку стула и, распустив волосы, осталась голой в слабом свете из окна. Сайлас вышел из оцепенения. Его одежды полетели на пол как попало. Он снова улыбнулся Беллис, та вздохнула и тоже наконец улыбнулась, хотя и неодобрительно, но, кажется, впервые за

несколько месяцев. С этой улыбкой она неожиданно ощутила укол стыда, но с той же улыбкой это чувство быстро прошло.

Они уже давно перестали быть детьми — любовь была для них не в новинку. Они не стеснялись и не суетились. Она подошла и оседлала его со страстью и заученной грацией. И когда она сделала это, когда приняла в себя его плоть, когда он освободил руки от ее хватки, он знал, как управлять ею.

Пылкие, без любви, но не без радости, умелые, нетерпеливые. Беллис снова улыбнулась, дыхание ее участилось, а потом она кончила, испытав нестерпимое облегчение и наслаждение. Когда она улеглась на свою узкую кровать, показав Сайласу, как именно ей нравится заниматься любовью и узнав о его предпочтениях, она скосила на него взгляд. Глаза его были закрыты, на коже выступил пот. Беллис заглянула внутрь себя и убедилась, что по-прежнему одинока, что по-прежнему ненавидит это место. Она удивилась бы, почувствовав что-то иное.

И все же, все же. При всем том. Она снова улыбнулась. Ей стало лучше.

Три дня Флорин провел в кабинете хирурга, привязанный к деревянному столу; он чувство-

вал, как башня и корабль медленно двигаются под ним.

Три дня. Он совершал едва заметные движения, шевелясь в своих путах, легонько раскачиваясь направо и налево.

Большую часть времени он пребывал в вязких эфирных снах.

Хирург был добр к нему, давал ему максимально безопасные порции наркоза, и потому Флорин находился на грани сознания. Он бредил, обращаясь к себе и к хирургу, который кормил его и утирал, как ребенка. Когда выдавалась свободная минута или час, врач сидел с ним, разговаривал, не подавая виду, что нелепые и пугающие ответы Флорина бессмысленны. Флорин выплевывал слова или молчал, плакал или посмеивался — накачанный наркотиками, горячечный, вялый, безразличный, погружающийся в глубокий сон.

Когда хирург сказал Флорину, как все будет, тот побледнел. Снова лежать обездвиженным, привязанным, пока будут перестраивать его тело. Его преследовали воспоминания о пенитенциарной фабрике — мучительные, подернутые наркотическим бредом.

Но хирург мягко объяснил ему, что некоторые операции абсолютно необходимы: потребуется

перепланировка его внутренностей на уровне мельчайших блоков. Ему нельзя будет двигаться, пока атомы и частицы его крови, легких, мозгов не найдут своего нового места и не зафиксируются в альтернативных комбинациях. Пока что он должен оставаться неподвижным и проявлять терпение.

Флорин согласился — он заранее знал, что согласится.

В первый день, когда Флорин погрузился в глубокий хемический и магический сон, хирург вскрыл его.

Он сделал глубокие прорези по сторонам шеи Флорина, потом сдвинул кожу и наружные ткани, отер кровь, которая потекла из обнаженной плоти. Пока сочились кровью обнаженные куски мяса, хирург переключился на рот Флорина. Он сунул в него металлический инструмент, похожий на долото, и вонзил инструмент в ткань горла. Вращая и подавая его вперед, хирург проделал отверстия в стенках.

Следя, чтобы Флорин не захлебнулся кровью, которая бежала у него изо рта и горла, хирург создал в его теле новые проходы. Канавки связали заднюю часть ротовой полости Флорина с отверстиями в его шее. В тех местах, где за его

зубами и чуть ниже были проделаны прорези, хирург окольцевал их мышцами, загоняя ткани на нужное место с помощью магии, стимулируя связки малыми иликтрическими разрядами.

Он поддерживал огонь, который приводил в действие громоздкое аналитическое устройство, и заправлял в него перфокарты, собирая информацию. Наконец он прикатил и поставил рядом с операционным столом емкость, в которой находилась накормленная снотворным треска, и с помощью загадочного здоровенного аппарата, напичканного клапанами, гуттаперчевыми трубками и проводами, подключил обездвиженную рыбу к телу Флорина.

Гомеоморфные хемикалии, введенные в морскую воду, подаваемую в жабры трески, направлялись затем в рваные порезы, проделанные в теле Флорина. Рыбу и человека связывали провода. Хирург, приборматывая заговоры, поколдовал над вибрирующим аппаратом (он не любил биомагию, но методику и осторожность соблюдал), а потом принялся массировать кровоточащую шею Флорина. Через отверстия и в местах, где кожа была снята, начала сочиться вода.

В течение большей части ночи процедура повторялась, между тем как операционная ле-

гонько раскачивалась на воде. Хирург время от времени засыпал, периодически проверяя, как продвигаются дела у Флорина и у медленно умирающей трески, подвешенной на пучке магических нитей, которые продлевали ее жизнь. При необходимости он повышал давление, менял установки мелко откалиброванных приборов, добавлял хемикалии в подкачиваемую воду.

В эти часы Флорину снилось, что он задыхается (и, не понимая, что происходит, он открывал и закрывал глаза).

С восходом солнца хирург отключил рыбу и Флорина от установки (треска мгновенно умерла, тело ее высохло и сморщилось). Врач вернул на место отогнутые куски кожи на шее Флорина, осклизлые от сгустков крови. Он разгладил их, и пальцы его наливались мощью по мере того, как раны закрывались.

Флорин оставался без сознания (опасности, что он придет в себя, не было благодаря наркотикам), а хирург надел на его рот маску, прищипнул нос пальцами и начал осторожно закачивать в пациента морскую воду. Прошло несколько секунд, но никакой реакции не было. Потом Флорин зашелся в сильном приступе кашля, разбрызгивая воду. Хирург замер над ним, готовый в случае

чего отпустить нос пациента.

Потом Флорин затих. Он все еще не пробуждался, а его надгортанник и трахея сузились, препятствуя проникновению морской воды в легкие. Хирург улыбнулся, когда увидел, что вода начала течь из приделанных Флорину жабр.

Поначалу она сочилась неторопливо, в ней виднелись кровавые сгустки, струпья. Но потом стала чистой, жабры задвигались, регулируя поток, и вода полилась на пол равномерными струйками.

Он пришел в себя позднее, в голове был туман, и он не понимал, что произошло, но энтузиазм хирурга передался и ему. Горло ужасно болело, и он уснул снова.

Но самое трудное уже было позади.

Хирург подрезал веки Флорина, вживил ему прозрачные мигательные перепонки, взятые у каймана, питомца одной из городских ферм, и соответствующим образом измененные. Он ввел Флорину клеточные жизнеформы, которые, не причиняя вреда, стали в нем разрастаться, взаимодействовать с организмом, делая потовые выделения более маслянистыми, чтобы Флорин мог согреваться в воде и свободнее в ней

скользить. В основании ноздрей хирург привил небольшой узел мышц и нити сухожилий, чтобы можно было перекрывать нос.

И наконец, хирург проделал самую простую часть операции, хотя ее результаты и бросались в глаза более всего. Между пальцами Флорина он натянул перемычки — кожистые ткани, которые он вживил ему под кожу. Он удалил пальцы на ногах и привил вместо них пальцы рук, взятые у мертвеца, отчего Флорин стал похож на обезьяну. Потом он натянул перемычки между этими вновь ожившими пальцами, так что Флорин стал меньше похож на обезьяну и больше — на амфибию.

Врач искупал Флорина, омыл его морской водой, отчего тот стал чистым и прохладным; Флорин спал, а щупальца его шевелились во сне.

На четвертый день Флорин пришел в себя полностью и окончательно. Он больше не был привязан, мог свободно двигаться, действие хемикалии закончилось.

Он медленно сел.

Тело его болело. Не то слово — агонизировало. На него накатывались волны боли, которые отдавались в его сердце. Его шея, его ноги, его глаза — проклятье! Он увидел свои новые пальцы на

ногах и на мгновение отвернулся — воспоминание об ужасе, пережитом на пенитенциарной фабрике, вернулось к нему, но вскоре ушло, и он снова посмотрел на свои ноги («*Опять гной*», — не без юмора подумал он).

Он сцепил свои новые пальцы, потом медленно моргнул и увидел, что перед глазами, прежде чем они закрылись веками, мелькнуло что-то прозрачное. Он втянул больше воздуха в саднящие от воды легкие и закашлялся. Легкие откликнулись болью — хирург предупреждал об этом.

Флорин, невзирая на боль, слабость, голод и нервное возбуждение, улыбнулся.

Подошел хирург, а Флорин продолжал ухмыляться, что-то бормотал себе под нос и легонько потирал себя.

— Мистер Сак, — сказал хирург, и Флорин повернулся к нему, протянул к нему трясущиеся руки, словно пытаясь обнять его, обменяться с ним рукопожатием.

Щупальца Флорина тоже зашевелились, пытаясь синхронно с руками вытянуться в воздухе, слишком разреженном для них. Хирург улыбнулся.

— Поздравляю, мистер Сак, — сказал он. — Операция прошла успешно. Теперь вы — земновод-

ное.

И тут (они не смогли сдержаться, да и не пытались) оба громко расхохотались, хотя смех отдавался болью в груди Флорина, а хирург толком не понимал, что же здесь смешного.

Осторожно ступая, он прошел по Книжному городу и Сарганновым водам и оказался у себя дома, где обнаружил Шекеля: тот ждал его в чистых, как никогда прежде, комнатах.

— Ну, ты и молодец, — сказал он, стесняясь Шекеля. — Здорово постарался.

Шекель хотел обнять его на радостях, но Флорин добродушно отстранился — тело его все еще болело. Они тихо проговорили до позднего вечера. Флорин осторожно расспросил об Анжевине. Шекель рассказал, что читает с каждым днем все лучше и лучше, ничего особенного больше не случилось, вот только потеплело — разве Флорин не почувствовал?

Да, почувствовал. Они двигались на юг почти с такой же скоростью, с какой дрейфуют континенты, но буксиры тащили их непрерывно вот уже две недели, и они, вероятно, ушли миль на пятьсот к югу (пока что они шли так медленно, что перемещение было незаметно), и по мере приближения к умеренным широтам зима поне-

многу отступала.

Флорин показал Шекелю, что прибавилось к его телу, что изменилось, и Шекель поморщился, глядя на эти странные, воспаленные штуковины, но в то же время исполнился благоговения. Флорин пересказал ему все, что объяснил хирург.

— Вы будете уязвимы, мистер Сак, — говорил он. — И хочу вас предупредить: даже когда все будет в порядке, некоторые из надрезов и отверстий могут, заживая, затвердеть. Они могут превратиться в шрамы. Я вас прошу в этом случае не огорчаться и не разочаровываться. Шрамы — это не раны, Флорин Сак. Шрам — это зажившее место. После ранения шрам восстанавливает ваше тело.

— Он говорит, что я смогу вернуться на работу через пару недель, — сказал Флорин. — Если буду тренироваться и все такое.

Но у Флорина было преимущество, о котором не знал доктор: он никогда не учился плавать, а значит, ему не нужно было переучиваться — с неловких и неэффективных махов-гребков переходить на волнообразные движения обитателя подводного мира.

Он сел у пристани, где коллеги приветствовали его. Они были удивлены, но вместе с тем по-прия-

тельски заботливы. Дельфин Сукин Джон всплыл неподалеку, посмотрел на Флорина светлыми поросячьими глазами и издал на своем китовом языке идиотское верещание — явно оскорбительное. Но Флорина тем утром было ничем не запугать. Он приветствовал товарищей, как король, благодарил их за внимание к себе.

На границе кварталов Саргановы воды и Джхур в ткани города имелось пространство между кораблями — клочок моря, используемый как плавательный бассейн; в нем вполне уместилось бы небольшое суденышко. Лишь немногие из армадских пиратов умели плавать, а при таких температурах желающих почти не было. Лишь несколько человек купались в этом кусочке открытого моря — смельчаки либо мазохисты.

Час за часом, в этот и последующие дни, Флорин, погрузившись под воду, медленно, еще не доверяя новообретенной плавучести и свободе, раскидывал ноги и руки, раздвигал перемычки между пальцами и толкал себя вперед, совершая неловкие гребки. Он делал движения в стиле брасс, но пальцы на ногах еще толком не зажили, и он ощущал в них боль и силу. Маленькие существа под кожей, которых он не видел и не чувствовал, стимулировали крохотные железы,

добавлявшие смазку в его потовые выделения.

Он держал глаза открытыми, научившись закрывать только внутренние веки — необыкновенное ощущение. Он научился смотреть в воде — теперь для этого ему не нужны были ни громоздкий шлем, ни железо, ни медь, ни стекло. Не нужно было теперь и выглядывать сквозь окошко в шлеме: Флорин смотрел свободно, пользуясь всеми преимуществами периферийного зрения.

Труднее всего давался навык дышать под водой. Он осваивал эту способность, испытывая страх, в одиночестве. И в самом деле, кто мог научить его?

Когда вода в первый раз хлынула в рот, трахея инстинктивно закрылась, язык собрался комком, а горло сузилось и заблокировало проход в желудок. Морская вода проложила себе путь по новым, еще не окрепшим каналам, раскрыла их. Он всем своим организмом ощутил вкус соли, отчего она вскоре стала для него безвкусной. Он чувствовал, как струйки воды проходят через него, по его шее, жабрам, и: «*Мать моя, боги милостивые, и ни хера себе*», — думал он, потому что не испытывал потребности дышать.

Прежде чем погрузиться, он по привычке набрал воздуха в легкие, но оказалось, что в таком

состоянии плавучесть слишком высока. Он медленно, испытывая благостный ужас, выдохнул через нос, и пузыри воздуха устремились вверх.

Он ничего не почувствовал — ни головокружения, ни боли, ни страха. Кислород по-прежнему попадал в кровь, сердце продолжало работать.

Над ним по поверхности воды плавали небольшие бледные тела его сограждан, привязанных к воздуху, которым они дышали. Флорин крутился под ними; он еще был неловок, но быстро учился, вкручивался в воду винтом, смотрел вверх — на свет, на пловцов, на массивное, раздавшееся вширь плетеное тело города, смотрел вниз, в синеватую бескрайнюю тьму.

ГЛАВА 13

Сайлас и Беллис провели вместе две ночи.

Днем Беллис приходовала книги в библиотеке, помогала Шекелю учиться читать, рассказывала ему о Крум-парке, иногда обедала с Каррианной. Потом она возвращалась к Сайласу. Они разговаривали, но о том, как он проводит свое время, он не сказал ей ни слова. У Беллис было такое ощущение, что он полон всяких тайных замыслов. Несколько раз они занимались любовью.

После второй ночи Сайлас исчез. Беллис была этому рада. Она за эти дни совсем забросила книги Иоганнеса, а теперь вернулась к изложенной в них непонятной науке.

Сайласа не было три дня.

Беллис превратилась в исследовательницу.

Наконец она оказалась в самых отдаленных уголках города. Она увидела обожженные храмы квартала Баск и его статуи-триптихи, стоящие на корпусах нескольких судов. В Ты-и-твой (этот квартал оказался вовсе не таким суровым и пугающим, как ей представлялось по рассказам, и был, по сути дела, разросшимся, шумным рын-

ком) она увидела сумасшедший дом Армады — массивное сооружение, возвышавшееся над палубой парохода. Беллис показалось, что его разместили рядом с Заколдованным кварталом не без злого умысла.

Между Дворняжником и Баском находилось несколько судов, принадлежащих Сарганновым водам и отделенных от основной части квартала по какому-то капризу истории. Там Беллис нашла Лицей. Его мастерские и классы неустойчиво нависая над бортами кораблей, напоминали поселок, расположенный террасами на склоне горы.

В Армаде имелись все те же институты, что и в обычном наземном городе с его системой образования, политикой и религией, только функционировали они жестче и эффективнее. И хотя ученые города были непохожи на своих коллег, обитающих на земле, и выглядели скорее как мошенники и пираты, а не доктора наук, это не отражалось на их профессиональных качествах. В каждом квартале была своя полиция — от облаченных в форму надзирателей Баска до стражников Сарганновых вод, которых внешне отличали одни лишь ленты: знак не только служебной принадлежности, но и преданности

властям. Законы разнились в зависимости от квартала. В Дворняжнике существовал суд и арбитраж, тогда как неписаный, насильственный, пиратский порядок в Сарганових водах поддерживался с помощью кнута.

Армада была языческим светским городом, и ее запущенные капища вызывали у граждан не больше почтения, чем пекарни. В городе были храмы обожествленного Крума, храмы луны и ее дочерей, которых благодарили за приливы, святилища морских богов.

Беллис случалось заблудиться в скитаниях по городу, и тогда, чтобы сориентироваться, ей достаточно было поднять голову и среди аэростатов, причаленных к мачтам, найти «Высокомерие», величественно парящее над «Гранд-Остом». Это был маяк, по которому она находила путь к дому.

В центральной части города располагались плоты — деревянные плавучие платформы, сбитые в четырехугольник со сторонами в несколько десятков ярдов. На них ютились нелепые домишки. Были в Армаде тонкие, как игла, субмарины, покачивавшиеся на привязи между баркентинами, и корабли-колесницы, пронизанные норами — обиталищами хотчи. Всевозможные развалю-

хи теснились на палубах, опасно громоздились на десятках крохотных суденышек в бедняцких кварталах. Были здесь театры, тюрьмы и заброшенные суда.

Поднимая глаза к горизонту, Беллис наблюдала непонятные явления в море — буруны, кильватерные волны, возникающие без каких-либо видимых причин. Обычно их вызывал ветер или перемена погоды, но иногда Беллис мельком видела стаю морских свиней, или плезиозавра, или шею морского змея, или спину большого и быстрого животного, неизвестного ей. Жизнь бурлила под городом и вокруг него.

Беллис видела, как возвращаются по вечерам рыбацкие лодки. Иногда появлялись и причаливали в гаванях Базилио и Ежовый хребет пиратские корабли, эти двигатели армадской экономики, неизвестно как находившие путь домой.

Армада была полна ростральных фигур. Они торчали в самых невероятных местах, вычурные и не замечаемые обитателями — так жители Нью-Кробюзона не замечали резных дверных молотков. Идя между плотными рядами кирпичных домиков, в конце прохода можно было столкнуться лицом к лицу с великолепной, траченной

временем фигурой женщины: изъеденный плесенью нагрудник, рассеянно смотрящие глаза с облупившейся краской. Женщина, словно призрак, висела в воздухе под бушпритом корабля, который торчал над палубой соседа, указывая на проулок.

Они были повсюду. Выдры, драко, рыбы, воины, женщины. Больше всего — женщин. Беллис питала ненависть к этим пустоглазым, пышногрудым фигурам, монотонно раскачивающимся на волнах, наводняющим город, как самые обыкновенные призраки.

Беллис прочла «Эссе о животных», но тайный проект Армады оставался ей неведом.

Она спрашивала себя, куда девался Сайлас и чем он занимается. Не то чтобы она расстраивалась или злилась на него, просто его отсутствие вызывало любопытство и некоторое разочарование. Ведь в конечном счете, другого кандидата в союзники у нее не было.

Он вернулся вечером пятого лунуария.

Беллис впустила его, не прикоснувшись к нему, как и он — к ней.

Выглядел он усталым и подавленным: пыльная одежда, всклокоченные волосы. Он сел на стул и закрыл лицо руками, бормоча что-то неразборчи-

вое, какие-то приветствия. Беллис приготовила ему чай. Она ждала, что Сайлас заговорит, но тот все молчал, и тогда она вернулась к своей сигарке и книге.

Она успела покрыть заметками еще несколько страниц, прежде чем он что-то сказал.

— Беллис, Беллис. — Он потер глаза и посмотрел на нее. — Я должен сказать тебе кое-что. Я должен сообщить тебе правду. Я кое-что от тебя утаил.

Кивнув, она повернулась к нему — с закрытыми глазами.

— Давай-ка… порассуждаем, — медленно произнес он. — Город движется на юг. «Сорго»… Ты знаешь, зачем он здесь? «Сорго» и другие установки — которые, видимо, инспектировала «Терпсихория» — добывают топливо со дна моря.

Сайлас широко развел руками, намекая на масштаб этих работ.

— Под землей есть залежи нефти, горного молока и ртути. Ты видела шнекобуры, с помощью которых эти ископаемые добываются на земле. Так вот, геоэмпаты и прочие вроде них обнаружили огромные залежи этих веществ на морском дне. Залежи нефти есть под южным Салкрикалтором. Вот почему там были установлены и работали вот уже тридцать лет «Маникин»,

«Гипермусорщик» и «Сорго». Опоры «Маникина» и «Гипермусорщика» стоят на дне, на глубине четыреста футов. Но вот «Сорго»… «Сорго» устроено по-другому. — Говорил он так, словно получал какое-то извращенное удовольствие от своих слов. — Так вот, кто-то в Армаде узнал, чем занимаются на этой установке. «Сорго» покоится на двух металлических погружных каркасах. «Сорго» не прикреплено ко дну. Это глубоководная установка, она может двигаться… Можно наращивать буровой ствол и уходить на такие глубины, что Джаббер только диву будет даваться. На многие мили. Ведь нефть и минералы есть не везде. Поэтому-то мы так долго и стояли на одном месте. Армада располагалась над залежами, до которых могло добраться «Сорго», и мы не могли двинуться с места, пока она не набрала запасов, достаточных для запланированного перехода.

«*Откуда тебе все это известно?* — подумала Беллис. — *И что это за правда, о которой ты хочешь мне рассказать?*»

— Не думаю, что они качали нефть, — продолжал Сайлас. — Я разглядывал пламя над установкой. Думаю, они добывали горное молоко.

Горное молоко. *Лактус сакси.* Вязкое и тяжелое,

как магма, но холодное, как труп. И насыщенное магонами — заряженными частицами. Стоит в несколько раз больше золота, алмазов, нефти или крови.

— Это треклятое горное молоко не используется как топливо для пароходных двигателей, — сказал Сайлас. — И запаслись они им явно не для украшения. Ты только посмотри, что происходит. Мы направляемся на юг, в более глубокие и теплые воды. Голову даю на отсечение, мы приближаемся к подводным складкам, в которых есть месторождения. Там они начнут бурение при помощи «Сорго». А когда мы приблизимся к месту назначения, твой друг Иоганнес и его новые хозяева воспользуются — чем? — несколькими тоннами горного молока и один Джаббер знает каким количеством нефти, чтобы сделать… кое-что. А к тому времени… — Он помолчал, выдерживая ее взгляд. — А к тому времени будет уже слишком поздно.

«*Так рассказывай же*», — подумала Беллис, и Сайлас кивнул, словно услышал ее.

— Когда мы встретились на «Терпсихории», я, насколько помню, был в сильном волнении. Я сказал тебе, что должен немедленно вернуться в Нью-Кробюзон. Ты недавно напомнила мне об

этом. А я тебе ответил, что соврал. Но я не врал. То, что я сказал тебе на «Терпсихории», было правдой: мне нужно вернуться. Проклятье, ты, возможно, все это поняла.

Беллис ничего не ответила.

— Я не знал, как… Я не знал, могу ли тебе доверять, важно ли это для тебя, — продолжал он. — Извини, что я не был честен с тобой, но я не знал, насколько далеко могу зайти. Но будь я проклят, Беллис, теперь я верю тебе. И мне нужна твоя помощь… Я тебя не обманывал, когда говорил, что гриндилоу нередко, по видимости беспричинно, ополчаются против какого-нибудь бедняги, и тогда этот человек исчезает по их прихоти. По прихоти гриндилоу, обитателей глубин. Но я солгал, когда сказал тебе, будто именно это и должно было случиться со мной, — я-то точно знал за что гриндилоу собираются меня убить… Гриндилоу при желании могут заплыть вверх по реке до Бежека, где сливаются воедино все реки, а оттуда попадать в Ржавчину и по нему, уже с другой стороны гор, спускаться до самого Нью-Кробюзона… Другие могут по туннелям добраться до океана и до города на берегу. У них, у этих гриндилоу, высокая приспособляемость, и они одинаково хорошо чувствуют себя и в морской,

и в пресной воде. Они могут добраться до Железного залива, до Большого Вара и Нью-Кробюзона. Чтобы добраться до города, им нужно только желание. И я знаю, оно у них есть.

Беллис никогда еще не видела Сайласа таким взволнованным.

— Когда я там был, пошли слухи о том, что собираются привести в действие какой-то большой план. Один из моих клиентов — маг, что-то вроде жреца-бандита, его имя повторяли снова и снова. Я распахнул глаза и уши пошире. Поэтому-то они и решили меня убить. Я узнал кое-что… У гриндилоу нет секретности, нет полиции в нашем понимании. У меня на руках эти данные были уже несколько недель, но вот разобрался я в них не сразу. Разрозненные сведения, кальки, сценарии и тому подобное. Ох, не сразу я все это понял.

— Так что же это было? — спросила Беллис.

— Планы, — ответил он. — Планы вторжения.

— Ты себе и представить не можешь, — сказал он. — Боги знают, наша история полна предательств, крови и всякого такого говна, но… это все игрушки, Беллис… Ты не знаешь, что такое Дженгрис. — В его голосе звучало отчаяние, какого Беллис не слышала раньше. — Ты никогда не

видела фермы, на которых выращиваются конечности. А лаборатории, где они получают желчь, чтоб им пропасть? Ты никогда не слышала этой *музыки*... Если гриндилоу захватят Нью-Кробюзон, то они не превратят нас в рабов, не убьют и не съедят нас. Они не сделают ничего такого вот... понятного.

— Так в чем дело? — спросила Беллис. — Чего же они хотят? И ты считаешь, они смогут сделать то, что хотят?

— Хер его знает... Гриндилоу — тайна за ста печатями. Я так думаю, что у правительства Нью-Кробюзона есть планы действий на случай вторжения из Теша, но никак не гриндилоу. У нас никогда не было причин их опасаться. Но у гриндилоу есть свои... методы, своя собственная наука и магия. Да, я думаю, шанс у них есть... Им нужен Нью-Кробюзон по тем же причинам, по каким он нужен любому другому государству или варварскому племени. Это самый богатый, самый большой и сильный город. Наша промышленность, наши ресурсы, наша милиция — посмотри, сколько у нас всего. Вот только в отличие от Шанкелла, или Дрир-Самхера, или Неовадана, или Йоракетча, у Дженгриса... у Дженгриса шанс есть... Они могут придумать что-нибудь из ряда

вон… Отравить воду, пробраться по канализационным стокам. Любая щель, любая трещина или емкость с водой — все может стать плацдармом для этих сукиных сынов. Они могут обрушиться на нас с оружием, действие которого мы не разгадаем, они могут бесконечно вести против нас партизанскую войну… Я видел, что могут делать Гриндилоу. — В голосе Сайласа слышалось отчаяние. — Я видел, и я боюсь.

Снаружи, откуда-то издалека, донесся звук — ссорились между собой сонные обезьяны.

— Поэтому-то ты и бежал оттуда, — сказала Беллис в наступившем молчании.

— Поэтому-то я и бежал. Я не мог поверить тому, что обнаружил. Но я впал в прострацию… попусту потратил уйму времени, мудак. — Внезапно он закипел гневом. — А когда я понял, что это не ошибка, что так оно и есть, что эти суки и в самом деле готовятся устроить моему городу невиданный ужасающий апокалипсис… тогда я бежал. Я украл подлодку и бежал.

— И они знают, что ты… знаешь? — спросила она.

Он покачал головой.

— Не думаю. Я прихватил с собой кое-что. Им должно было показаться, что я бежал с укра-

денным.

Беллис видела, что Сайласа трясет от возбуждения. Она вспомнила некоторые гелиотипы из его блокнота. Сердце у нее екнуло, и в душу через кровь, словно тошнота, закралась тревога. Беллис пыталась осознать то, что он ей рассказал. Услышанное было для нее слишком громадным, она не могла его осмыслить, не могла вместить в себя. Нью-Кробюзон… Неужели кто-то может ему угрожать?

— И когда это может случиться? — прошептала она.

— Им придется ждать чета, когда созреет их оружие, — сказал Сайлас. — Так что, может быть, месяцев через шесть. Мы должны выяснить, что планирует Армада, — нам нужно знать, куда мы направляемся с этим чертовым горным молоком… Потому что мы… мы должны доставить эти сведения в Нью-Кробюзон.

— Но почему ты не сказал мне об этом раньше? — выдохнула Беллис.

Он глухо рассмеялся.

— Я не знал, кому здесь можно доверять. Пытался сам бежать отсюда, найти способ добраться до дома. Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять — такого способа нет. Я думал, что смогу

сам доставить сообщение в Нью-Кробюзон. А что, если бы ты мне не поверила? Или оказалась бы шпионкой? Что, если бы ты рассказала нашим новым правителям, чтоб им сдохнуть…

— А что наши новые правители? — прервала его Беллис. — Может, стоит об этом подумать? Может, они помогут нам доставить это сообщение…

Сайлас недоверчиво и недоброжелательно смотрел на нее.

— Ты с ума сошла? — сказал он. — Ты полагаешь, они нам помогут? Да им наплевать, что там будет с Нью-Кробюзоном. Да они только рады будут, если его разрушат к херам собачьим, — одним конкурентом на море меньше. Ты думаешь, они отпустят нас с этой миссией спасения? Да эти мерзавцы, скорее всего, станут еще надежнее нас *сторожить*, чтобы гриндилоу могли разгуляться вовсю. И потом, ты ведь видела, как они обращаются с официальными представителями и агентами Нью-Кробюзона. Джаббер всемогущий, Беллис, ты что, забыла, что они сделали с капитаном? Ты понимаешь, что они сделают со мной?

Наступило долгое молчание.

— Мне был нужен… и сейчас нужен помощник. У нас нет друзей в городе. У нас нет союзников. И мы в тысяче миль от нашего дома, которому

грозит опасность. И мы никому не можем доверять. Так что, кроме нас, это послание никто не доставит.

Последовала пауза, перешедшая в молчание. Оно затягивалось и затягивалось и наконец стало жутким, потому что они оба знали: его необходимо заполнить. Нужно заняться составлением планов.

Оба чувствовали усталость. Беллис несколько раз открывала рот, но слова замирали у нее на языке.

«*Давай похитим какое-нибудь судно,* — хотела было сказать она, но не сказала — глупость этой идеи потрясла ее. — *Мы вдвоем можем бежать на лодке, проберемся мимо катеров охраны, поставим парус и будем грести к дому*». Она попыталась было сказать это, попыталась непредвзято обдумать эту мысль и чуть не застонала от собственного бессилия. «*Мы угоним аэростат. Для этого понадобятся только пистолеты и газ. А еще уголь и вода для двигателя. А еще еда и питье для путешествия в две тысячи миль. А еще какая-нибудь карта — надо же знать, в какую часть этого вонючего океана нас на хрен занесло, Джаббер милостивый…*»

Ничего. Она ничего не могла предложить, ни-

чего не могла придумать.

Она сидела, пытаясь что-то сказать, пытаясь придумать, как спасти Нью-Кробюзон, ее город, который она любила яростной, неромантической любовью и которому грозила страшная опасность. Мгновения шли одно за другим, все ближе становился чет, лето, для гриндилоу приближалось время вторжения, а Беллис ничего не могла сказать.

Беллис представила себе тела, похожие на жирных угрей, глаза, крупные загнутые зубы — все это устремлялось под водой к ее городу.

— О боги милостивые, Джаббер милостивый… — услышала она собственный голос, и глаза ее встретились с встревоженным взглядом Сайласа. — Боги милостивые, что же нам *делать?*

ГЛАВА 14

Медленно, как некое огромное, распухшее существо, Армада перебиралась в более теплые воды.

Граждане и стражники скинули зимнюю одежду. Похищенные с «Терпсихории» были сбиты с толку — их бесконечно встревожила сама мысль о том, что времена года можно менять по своему усмотрению, что от них можно просто убегать.

Времена года определялись только тем, где ты находился, откуда смотрел. Когда в Нью-Кробюзоне была зима, в Беред-Кай-Неве (как говорили) стояло лето, а дни и ночи у них убывали и прибывали в противофазе. Рассвет оставался рассветом во всем мире. На восточном континенте летние дни были короткими.

Птиц в Армаде стало больше. Стайка местных вьюрков, воробьев и голубей, кружившая в небе города, куда бы он ни двигался, пополнилась гостями — перелетными птицами, пересекавшими Вздувшийся океан вдогонку за теплым сезоном. Часть из них оторвалась от своих гигантских стай — их привлекала возможность отдохнуть, напиться, побыть на Армаде.

Они в замешательстве летали над увенчанными колесиками шпилями Дворняжника, где после внеочередной сессии Демократического совета проводилась очередная, на которой яростно и безрезультатно обсуждалось направление движения Армады. Сошлись на том, что секретные планы Любовников не пойдут на пользу городу и нужно предпринять что-нибудь. А когда бессилие совета стало очевидным, перешли к перебранкам.

Сарганновы воды всегда были самым влиятельным кварталом, а теперь, когда он обзавелся еще и «Сорго», Демократический совет Дворняжника поделать совершенно ничего не мог.

(И тем не менее Дворняжник начал предварительные консультации с Бруколаком.)

Самым трудным для Флорина было не дышать жабрами и не двигать руками и ногами по примеру лягушки или водяного, а видеть внизу под собой неизмеримо громадную толщу воды. Пытаться смотреть туда во все глаза и не бояться.

Прежде, надевая свой подводный костюм, он становился в океане незваным гостем. Он бросал вызов морю и надевал доспехи. Он цеплялся за ступеньки веревочных лестниц и натянутые тросы, держался за них изо всех сил, зная, что

бесконечная толща воды внизу, напоминающая хищную пасть, и есть эта пасть — огромный рот размером с целый мир, пытающийся проглотить его.

Теперь он плыл свободно, спускаясь в темноту, которая, похоже, больше не хотела пожрать его. Флорин погружался все ниже и ниже. Поначалу ему казалось, что стоит только протянуть руку, и он коснется ног пловцов над ним. Он получал вуайеристское удовольствие, видя их смешные гребки, их маленькие тела наверху. Но стоило повернуть лицо к мрачной бездне под ним, и в животе словно образовывалась пустота при мысли об этой невообразимой глубине, и тогда Флорин быстро поворачивался и плыл к свету.

Каждый день он опускался все глубже.

Он погружался ниже уровня корабельных килей, рулей и трубопроводов. К нему тянулись длинные руки часовых — водорослей, растущих вокруг всего этого хозяйства и окаймляющих город снизу. Он пробирался мимо них, как вор, глядя в бездну.

Флорин миновал стайку мелких рыбешек, подбиравших городские отходы, потом оказался в чистой воде. Теперь вокруг не было ничего от Армады. Он был под городом. Глубоко под городом.

Он по-прежнему висел в воде. Это было нетрудно.

Давление плотно обволакивало, словно пеленало его.

Корабли Армады растянулись в воде почти на милю, закрывая свет. Сверху, как надоедливая муха, выписывал зигзаги под причалами Сукин Джон. В царящей вокруг полутьме Флорин увидел густо взвешенные в воде частицы — одна крохотная жизнь цеплялась за другую. А за планктоном и крилем он разглядел неясные очертания морских змеев Армады и ее подлодки — десяток темных силуэтов вокруг нижних границ города.

Он пытался преодолеть головокружение, он превратил его во что-то новое. Благоговение не убыло; убыл страх. Он взял изнутри себя то, что было похоже на страх, и сделал его смирением.

«*Я такой маленький,* — думал он, вися, как мотылек в пыли бездвижного воздуха, — *в таком огромном море. Но я не против. Я смогу*».

С Анжевиной он испытывал неловкость и слегка негодовал на нее, но ради Шекеля был готов на все.

Она пришла перекусить с ними. Флорин попытался поболтать с ней, но женщина ушла в себя и помалкивала. Некоторое время они сидели

молча, жуя водорослевый хлеб. Через полчаса Анжевина сделала знак Шекелю, и он встал, заученно подошел к ней сзади и, взяв несколько совков угля в контейнере за спиной у Анжевины, подбросил в ее котел.

Анжевина без всякого смущения встретила взгляд Флорина.

— Что, подбрасываем уголек в топку? — спросил он.

— Расход великоват, — медленно ответила она (ответила на соли — с презрением отвергнув рагамоль, на котором Флорин обратился к ней, хотя именно рагамоль был ее родным языком).

Флорин кивнул. Он вспомнил старика в трюме «Терпсихории» и не сразу нашел, что сказать. Флорин смущался в присутствии этой суровой переделанной.

— А что у вас за двигатель? — спросил он наконец на соли.

Анжевина с ужасом уставилась на него, и он с удивлением понял, что устройство собственного тела после переделки остается для нее тайной.

— Вероятно, это старая модель, без теплообменника, — медленно произнес он. — У нее только один ряд поршней и нет рекомбинационной коробки. Такие всегда были не ахти. — Он помолчал

немного. «*Давай, не останавливайся,* — подумал он. — *Может, она согласится, и мальчишка будет рад*». — Если хотите, я могу взглянуть. Я всю жизнь работал с двигателями. Я мог бы… Я мог бы даже… — Ему было трудно произнести глагол, который звучал неприлично в отношении человека. — Я мог бы даже переоснастить вас.

Он отошел от стола — якобы желая добавить себе еще тушенки, а на самом деле чтобы не слышать смущенного монолога Шекеля: благодарности в адрес Флорина перемежались в нем с уговорами сомневающейся Анжевины. Бесконечным рефреном доносилось: «*…давай, Анжи, соглашайся, лучший мой кореш, Флорин, ты мой лучший корешок*». Он видел, что Анжевина пребывает в неуверенности. Она не привыкла получать подобные предложения, если они не влекли за собой платы.

«*Это не ради тебя,* — лихорадочно думал он, жалея, что не может сказать об этом вслух. — *Это ради парнишки*».

Флорин отошел подальше, чтобы не слышать, как она перешептывается с Шекелем, вежливо повернулся к ним спиной, скинул с себя одежду и, оставшись в одних кальсонах, нырнул в тонкую ванну, наполненную морской водой, ко-

торая успокоила его. Он наслаждался, испытывая такое же чувство, какое прежде возникало при погружении в горячую ванну, и надеялся, что Анжевина поймет, что двигает им.

Она была женщиной неглупой. Немного спустя она с достоинством произнесла что-то вроде: *спасибо, Флорин, наверное, мне это пойдет на пользу*. Она согласилась, и Флорин не без удивления обнаружил, что рад этому.

Шекеля все еще очаровывали те безмолвные звуки, что подарило ему чтение, но с укреплением привычки это чувство проходило. Он больше уже не останавливался в коридоре, открыв от изумления рот при виде слов, кричавших ему с сохранившихся корабельных табличек.

За первую неделю или около того Шекель переболел граффити. Он останавливался перед переборкой или напротив борта и разглядывал вязь посланий, процарапанных либо выведенных краской на боках города. Какое многообразие стилей! Одна и та же буква могла изображаться десятками способов, но всегда означала одно и то же. Шекель не переставал восхищаться этому.

В большинстве своем эти надписи были ругательствами, или политическими лозунгами, или непристойностями. «*В жопу Сухую осень*», — про-

чел он. Десятки имен, кто-то кого-то любит — это повторялось снова и снова. Обвинения — связанные с сексуальным поведением или нет. *Барсум* (*Питер, Оливер*) — *сука* (*мудак, пидор* или что угодно в этом роде). Разница почерков придавала каждому из этих заявлений особое звучание.

В библиотеке Шекель уже не шарил по полкам с прежним неистовством, он был уже не так, как прежде, опьянен своей спешкой и возбуждением, хотя и теперь снимал книги со стеллажей, складывал их в огромные кипы, медленно читал, записывал слова, значения которых не понимал.

Иногда он открывал книги и находил там слова, которые прежде, при первом столкновении, сражали его наповал, но потом были записаны и выучены. Это доставляло ему радость. Шекель чувствовал себя лисой, выследившей их. Так было со словами «доскональный», «скалолаз» и «хепри». При второй встрече слова сдавались ему, и он читал их без запинки.

Шекель отдыхал у полок с иностранными книгами. Его зачаровывали иностранные алфавиты, непонятная орфография, удивительные изображения иностранных детей. Когда нужно было успокоить мысли, он приходил сюда и рылся в этих книгах. Он мог не сомневаться, что они

будут молчать.

Но вот однажды он взял одну из таких книг, повертел ее в руках — и она заговорила с ним.

В сумерках что-то неспешно выплыло из глубины и приблизилось к Армаде.

Это случилось в последнюю дневную смену подводных инженеров. Они медленно поднимались, перебирая руками ступеньки лестниц или цепляясь за щербины в поверхностях подводного города. Они тяжело дышали в своих шлемах и не смотрели вниз, а потому не видели того, что приближалось к ним.

Флорин Сак сидел с Хедригаллом неподалеку от причалов гавани Базилио. Они расположились в маленькой лодчонке и, глядя, как краны перемещают грузы, болтали ногами, свесив их за борт, словно малые дети.

Хедригалл говорил экивоками. Он намекал на что-то, изъяснялся уклончиво, недоговаривал, и Флорин в конце концов догадался, что тот имеет в виду тайный проект, некое запретное знание, доступное многим его коллегам. Не имея ни малейшего представления о проекте, Флорин никак не мог понять, о чем говорит Хедригалл. Он только видел, что его друг несчастен и чего-то боится.

Они увидели, как чуть в стороне, заставляя поверхность воды колыхаться, появляется смена инженеров. Они поднимались по трапам на плоты и траченные временем корабли, где тарахтели двигатели, где суетились их коллеги и конструкты, нагнетая воздух для машин.

Вода в этом уголке гавани вдруг забурлила, точно в котле. Флорин дотронулся до руки Хедригалла, призывая его замолчать, и встал, изогнув шею.

У кромки воды возникла суета. Несколько рабочих бросились помогать подводникам, вылезающим из воды. Наверх, поднимая фонтаны брызг, всплывало все больше людей. Они тут же отчаянно принимались сдергивать шлемы, карабкаться по лестницам, чтобы поскорее оказаться на воздухе. На воде появился бурун, который быстро увеличивался в размерах и наконец прорвался, когда на поверхность вынырнул Сукин Джон. Дельфин бешено замахал хвостом, отчего неустойчиво встал над водой, и заверещал, как обезьяна.

Один из людей, повиснув на лестнице над зеленым морем, наконец сдернул с себя шлем и закричал, взывая о помощи.

— Костерыба! — завопил он. — Там еще оста-

лись люди!

Из окно стали в тревоге выглядывать армадцы. Многие бросили свои дела и устремились к воде; другие на маленьких рыболовных судах, покачивавшихся в середине гавани, свешивались за борт, показывали на воду и кричали что-то своим товарищам на причалах.

Сердце Флорина замерло, когда на поверхности стали расходиться красные круги.

— Нож! — закричал он Хедригаллу. — Дай твой нож! — Он без колебаний сбросил с себя рубашку.

Флорин подпрыгнул и нырнул — его щупальца развернулись, Хедригалл проревел ему вслед что-то неразборчивое. Потом длинные перепончатые ноги Флорина разорвали поверхность моря и он, всем телом ощутив холод, оказался в воде, а потом под водой.

Флорин отчаянно заморгал, переводя внутренние веки в рабочее положение, и принялся вглядываться вниз. Неподалеку, под городом, вырисовывались неясные в воде очертания подлодки.

Он увидел остатки смены: ужасающе медлительные и неуклюжие в своих костюмах, люди изо всех сил рвались наверх, к свету. Он увидел

несколько мест, где вода изменила цвет из-за кровавых пятен. В одном месте в бездну погружались куски хрящей — вместе с ломтями плоти, но быстрее их. Здесь была разорвана в клочья одна из сторожевых акул Армады.

Флорин, вильнув ногами, быстро пошел вниз. У основания огромной трубы, на глубине около шестидесяти футов, он увидел оцепеневшего от страха человека — тот держался за трубу. А под ним в водной мгле, мелькая, как языки пламени, виднелось чье-то темное тело.

Флорин остановился, охваченный ужасом. Тело было довольно массивным.

Он слышал приглушенные хлопки наверху — в воду плюхались пловцы. В толщу моря направлялись люди, вооруженные гарпунами и пиками. Их спускали в клетках при помощи кранов, но медленно — лебедки наверху стравливали тросы дюйм за дюймом.

Мимо Флорина, напугав его, пронесся Сукин Джон, а из-за невидимых углов подводного основания города вынырнули рыболюди квартала Баск и беззвучно направились к хищнику под ними.

Флорин, к которому вернулось мужество, снова вильнул ногами и пошел вниз.

Мысли его метались. Он знал, что под водой может напасть крупный хищник (красная акула, зубатка, крюкальмар и другие, кто врывался в рыбные садки и атаковал рабочих), но ни разу не встречался ни с кем из них. Он никогда не видел динихтиса, или костерыбы.

Он взвесил в руке нож Хедригалла.

Вдруг с внезапным чувством отвращения Флорин понял, что проплывает сквозь кровяное облако — во рту и жабрах он ощутил вкус крови. Его чуть не вывернуло наизнанку, когда он увидел, как рядом с ним медленно погружаются рваные остатки водолазного костюма с неясными очертаниями кусков плоти внутри.

Потом он добрался до конца трубы, находившейся на расстоянии в два-три человеческих роста от растерзанного, неподвижного водолаза, и тут существо стало подниматься ему навстречу.

Флорин услышал, как пульсирует вода, и почувствовал, как увеличилось давление, а затем посмотрел вниз и издал безмолвный крик.

К нему мчалась огромная тупорылая рыба. Голова ее была защищена черепной броней, гладкой и округлой, как пушечное ядро, и разделена огромными челюстями, в которых Флорин увидел

не зубы, а две костные кромки, перемалывающие воду. Из пасти вылетали непережеванные куски плоти. Тело рыбы имело вид удлиненного конуса с неясными очертаниями и без рыбьего хвоста. Спинной плавник был низким и обтекаемым, он сливался с хвостовым оперением, как у разжиревшего угря.

В длину рыба была больше тридцати футов. Она приближалась к Флорину, открыв пасть, которая могла без всяких усилий перекусить его пополам. Глаза-бусины, глупые и злобные, смотрели из-под защитной складки.

Флорин, размахивая своим ножичком, испустил идиотский бесшабашный вопль.

В поле зрения Флорина мелькнул появившийся из-за динихтиса Сукин Джон, который сильно боднул рыбу в глаз. Огромный хищник крутанулся с пугающей скоростью и грацией и щелкнул челюстями, пытаясь ухватить дельфина. Костные плиты в его пасти схлопнулись и потерлись друг о дружку.

Рыба резко развернулась и бросилась вслед за Сукиным Джоном. Поднимая волны в толще воды, маленькие стрелы слоновой кости пролетели мимо него — тритоно-люди выстрелили из своего странного оружия в динихтиса, который, даже не

заметив их, устремился за дельфином.

Флорин сделал такой бешеный гребок, что ноги его свело судорогой, и пустился к цепляющемуся за трубу водолазу. Он плыл, оглядываясь, и, к своему ужасу, видел, что огромная, защищенная костной оболочкой рыба, несмотря на все попытки Сукина Джона раздразнить ее, ушла на глубину, а теперь с сумасшедшей скоростью поднимается оттуда прямо на Флорина.

С последним гребком Флорин прикоснулся к неровному металлу трубы и схватил водолаза. Сердце Флорина бешено застучало, когда он посмотрел на динихтиса, — огромная тварь неслась прямо на него. Присосками щупалец Флорин закрепился на трубе, взмахнул правой рукой с ножом, молясь, чтобы ему на помощь пришел кто-нибудь — Сукин Джон, тритонолюди или вооруженные водолазы. Левой рукой он потянулся к неподвижному человеку.

Флорин нащупал что-то теплое и мягкое, что-то жутко подавшееся под его пальцами и отдернул руку. Он бросил быстрый взгляд на человека рядом с ним.

Он увидел, что под стеклом шлема полно воды, лицо человека белым-бело, глаза чуть не вылезли из орбит, раскрытый рот застыл в жуткой

гримасе. Кожа в центре костюма была разодрана, желудок вырван — кишки болтались в воде, как лепестки анемонов.

Флорин застонал и рванулся в сторону, чувствуя под собой динихтиса. Он в ужасе заработал ногами, полоснул ножом по пустоте, и тут неожиданно, обдав его зловещей волной, мимо пронеслись огромная пасть, покрытое чешуей тело, тонны могучих мускулов, хруст костей в воде. Труба вздрогнула, когда труп оторвался от нее. Тупоголовый охотник запетлял в перевернутом лесу армадских килей; в его пасти болталось мертвое тело.

За ним поспешили Сукин Джон и рыболюди из Баска, но догнать хищника, еще даже не набравшего предельную скорость, им было не по силам. Потрясенный Флорин, сам не зная зачем, поплыл в их сторону. Воспоминания о чудовищной рыбе заставляли плыть медленнее, леденили сердце. Он смутно осознавал, что пора выбраться на поверхность, согреться, выпить сладкого чаю, что его одолевают тошнота и испуг.

Теперь динихтис направился вниз, в область сокрушительного давления, недоступную для его преследователей. Флорин следил за ним, двигаясь медленно и стараясь не заглатывать воду с

кровавой взвесью. Он остался один.

Он двигался в воде, как сгусток нефти, и, поплыв вверх, оказался под неизвестными ему днищами, потерял ориентацию и заблудился. Перед его мысленным взглядом все еще стояло лицо и скользкие внутренности мертвеца. Когда Флорин наконец понял, где он, когда повернулся и увидел незакрепленные суда у причалов Базилио, разбросанные там и сям лодки Сенного рынка, похожие на клопов, — тогда в холодной, пронзительной тени судна обнаружилась одна из громадных, неотчетливых форм, словно подвешенных к городу снизу. Все они были закамуфлированы при помощи магии и тщательно охранялись, а Флорину запрещалось приближаться к ним. Он видел, что этот предмет соединен с другими такими же, и поднялся выше — теперь он мог не опасаться, поскольку сторожевая акула погибла. Форма приобретала все более четкие очертания. Внезапно Флорин понял, что она совсем близко, всего в нескольких ярдах от него. И когда он преодолел темноту и магический камуфляж, предмет предстал перед ним совершенно отчетливо, и Флорин понял, что это такое.

На следующий день несколько коллег потчева-

ли Беллис жуткими подробностями вчерашнего нападения монстра.

— Боги и трах небесный, — в ужасе сказала Каррианна. — Ты можешь себе представить — эта тварь разорвала их на куски. — Ее описания становились все более преувеличенными, с омерзительными подробностями.

Беллис не слушала Каррианну. Она размышляла над тем, что узнала от Сайласа, подходя к проблеме с обычной своей рассудительностью, пытаясь решить ее при помощи интеллекта. Она принялась искать книги о Дженгрисе и гриндилоу, но нашла в основном детские сказочки или нелепые измышления. Она никак — абсолютно никак — не могла представить себе размер опасности, угрожающей Нью-Кробюзону. Всю ее сознательную жизнь этот город галдел вокруг нее — огромный, цветастый и вечный. Мысль о том, что ему кто-то может угрожать, казалась ей почти невероятной.

Но, с другой стороны, гриндилоу тоже были невероятны.

Описания Сайласа, его очевидные страхи сильно встревожили ее. Беллис во всех отвратительных подробностях пыталась представить себе последствия вторжения в Нью-Кробюзон.

Руины, разрушения. Началось это как игра, своего рода вызов, — она заполняла воображение ужасающими картинами. Но потом эти картинки просто бесконечно мелькали перед Беллис, словно слайды в волшебном фонаре, вызывая у нее страх.

Она видела, как бурлят реки, заполненные телами плывущих под водой гриндилоу. Она видела пепел лепестков, извергаемый развалинами Дома фуксий, растрескавшиеся камни Торгульева парка, раскроенную, словно череп, и заваленную мертвыми кактами Оранжерею. Она представила себе руины вокзала на Затерянной улице, перекрученные, переломанные нити рельсов, обвалившийся фасад, обнаживший сложное плетение дорог.

Беллис представила себе, как складываются древние Ребра, огромной аркой перекрывавшие город, как их кривые обводы превращаются в костную пыль.

Эти видения навевали на нее хандру. Но сделать она ничего не могла. Никого здесь, никого из власть имущих этого города нимало не заботила эта проблема. Они с Сайласом были в одиночестве, и, пока они не поймут, что происходит в Армаде, не узнают, что здесь творится, Беллис не

могла составить план бегства.

Беллис услышала, как открылась дверь, и подняла глаза над стопкой книг. На пороге стоял Шекель, держа что-то в руках. Она хотела было поздороваться с ним, но, когда увидела выражение его лица, слова замерли на языке.

Он смотрел на нее встревоженно и неуверенно, словно пытаясь понять, не оплошал ли он в чем-нибудь.

— Я должен вам кое-что показать, — медленно произнес он. — Вы знаете, что я записываю все слова, которые мне не даются сразу. А потом, когда я встречаю их снова в другой книге, мне они уже известны. Так вот… — Он опустил глаза на книгу в его руках. — Так вот, одно такое слово я нашел вчера. Только книга была не на рагамоле, а это слово… ну, оно не глагол, не существительное и ничего в таком роде. — Он акцентировал термины, которым она его научила, но делал это не бравируя, а чтобы обратить ее внимание. — Я говорю об имени.

Он протянул ей книжечку.

Беллис посмотрела на нее. На обложке потускневшей фольгой было вытиснено имя автора.

Круах Аум.

Книга, которую искал Тинтиннабулум, одна

из важнейших для проекта Любовников. Ее-то и нашел Шекель.

Он подобрал ее среди детских книг. Беллис села и принялась листать страницы. Вскоре она поняла, почему книга оказалась на детской полке. В ней было множество примитивных картинок, выполненных простыми толстыми линиями, с детским неумением изобразить перспективу, отчего пропорции оставались неясными и человек мог оказаться ростом со стоящую рядом с ним башню. На всех лицевых страницах был текст, а на оборотной стороне — картинка, отчего казалось, будто ты держишь в руках иллюстрированную книгу притчей.

Тот, кто приходовал ее, видимо, взглянул мельком, ничего не понял и поставил, не озаботившись дальнейшими выяснениями, рядом с другими иллюстрированными книгами — детскими. В каталог она не попала и пролежала без движения несколько лет.

Шекель что-то говорил Беллис, но та почти не слышала его. «*Не знаю, что мне делать*, — стесняясь, говорил он, — *думал, что вы поможете, Тинтиннабулум ее и ищет, я уж постарался, как мог*». Она рассматривала томик, чувствуя возбуждение, прилив адреналина. Названия у

книги не было. Она вернулась к первой странице, сердце у нее учащенно забилось, словно собираясь выскочить из груди, когда она поняла, что не ошиблась относительно имени Аума. Книга была написана на верхнекеттайском.

Это был тайный классический язык Гнурр-Кетта, островного народа, обитавшего в тысячах миль к югу от Нью-Кробюзона, на краю Вздувшегося океана, где теплые воды переходили в море Черной косы. То был странный и очень трудный язык, использовавший рагамольскую графику, но совершенно другого происхождения. Нижнекеттайский, повседневный язык, был гораздо легче, но древние связи между двумя этими языками ослабли. Беглое владение одним языком давало лишь очень относительное понимание другого. Верхнекеттайский даже в самом Гнурр-Кетте был достоянием церкви и немногих интеллектуалов.

Беллис изучала этот язык. Очарованная структурой его сложных глаголов, именно ему посвятила она свое первое исследование. Пятнадцать лет прошло с того времени когда Беллис опубликовала «Грамматологию верхнекеттайского», но, несмотря на все ее познания, она долго разглядывала начальные слова первой главы, прежде чем смысл стал доходить до нее.

«*Я солгал бы, сказав, что не испытываю гордости, выводя эти строки*», — молча прочла Беллис и оторвала глаза от текста, пытаясь успокоиться и чуть ли не боясь читать дальше.

Она быстро переворачивала страницы, бросая взгляд на картинки. Человек в башне у моря. Человек на берегу, на песке — уродливые остовы огромных двигателей. Человек делает вычисления по солнцу и по теням странных деревьев. Беллис обратилась к четвертой картинке, и у нее перехватило дыхание. Она с ног до головы покрылась гусиной кожей.

На четвертой странице человек снова стоял на берегу (на его лице не было ничего, кроме пустых стилизованных глаз, которым художник придал коровью безмятежность), а над морем к приближающемуся судну несся рой черных фигур. Картина была нечеткая, но Беллис разглядела болтающиеся тонкие руки и ноги и пятна крыльев.

Это вызвало у нее тревогу.

Беллис листала книгу, пытаясь вспомнить язык. В этой книге было что-то странное. Абсолютно непохоже ни на одну другую книгу на верхнекеттайском из тех, что попадались Беллис. Была какая-то несообразность в тоне автора, рас-

ходившемся с поэтикой, характерной для старого гнурр-кеттского канона.

«*Он обратился бы за помощью к чужакам,* — неуверенно прочла она, — *но чужаки избегали острова, боясь наших голодных женщин*».

Беллис подняла глаза. «*Один только Джаббер знает, что такое попало мне в руки*», — подумала она.

Она лихорадочно пыталась сообразить, что делать. Руки продолжали машинально переворачивать страницы, и когда она снова опустила взгляд, то книжка была перелистана до половины, а ее герой плыл по морю на маленьком суденышке. Художник изобразил человека и суденышко очень маленькими. Человек спускал в море цепь с массивным кривым крюком на конце.

Глубоко внизу, в гуще волнистых линий, изображающих воду, были нарисованы концентрические круги, отчего судно казалось совсем крошечным.

Эта картинка привлекла внимание Беллис.

Она смотрела на нее во все глаза, и тут что-то в ней шевельнулось. Она задержала дыхание. Словно волна, нахлынуло понимание, и одновременно иллюстрация изменила очертания, будто

Беллис смотрела на детскую волшебную картинку. Она увидела, что это такое на самом деле (зная теперь, на что смотрит), и под ложечкой у нее так засосало, что ей показалось — вот сейчас она упадет.

Она теперь знала суть секретного проекта Саргановых вод. Она знала, куда направляется Армада, знала, чем занимается Иоганнес.

Шекель все говорил. Теперь он рассказывал о нападении динихтиса.

— Флорин бросился туда вниз. — (Беллис послышалась гордость в его словах.) — Флорин хотел им помочь, только не успел. Но я вам скажу одну смешную вещь. Помните, я вам как-то говорил, что под городом есть всякие штуки, какие-то предметы — он никак не мог понять, что это такое? А ему еще не разрешалось подойти поближе. Ну так вот, когда костерыба вчера убралась, бедняга Флорин оказался прямо под одной из этих штуковин. Он ее как следует разглядел и теперь знает, что у нас такое там, внизу. Догадайтесь — что?..

Он сделал театральную паузу, давая возможность Беллис догадаться. Она по-прежнему смотрела на картинку.

— Уздечка, — почти неслышно сказал Шекель.

На его лице отразилось смятение. Вдруг он заговорил в полный голос: — Огромная уздечка, удила, вожжи — упряжь размером с целый дом.

— Цепи, Шекель. Это цепи размером с корабль, — сказала она. Он уставился на нее, недоуменно кивая ее последним словам. — Флорин видел цепи.

Она никак не могла оторвать глаз от картинки: крошечный человечек на крошечном суденышке в море застывших волн, набегающих друг на дружку в строгой последовательности, как рыбья чешуя; под ними — глубины, переданные плотно закрученными, пересекающимися штрихами; а на дне… намного больше суденышка, круг в кругу, в кругу, круги огромные, даже с учетом непонятной перспективы, невероятно большие, с черным пятном в центре. Смотрит, смотрит на рыболова, выслеживающего добычу.

Склера, сетчатка и зрачок.

Глаз.

Интерлюдия III
В ДРУГОМ МЕСТЕ

В Салкрикалтор нагрянули чужаки. Они сидят неподвижно, разглядывая город и креев, методичные и неумолимые.

Они оставили за собой след из пропавших фермеров, подводных искателей приключений, бродяг, мелких чиновников. Они получали информацию с помощью заискиваний, магии и пыток.

Пришельцы смотрят масляными глазами.

Они провели разведку. Они видели храмы, акульи ямы, галереи, аркады, крейские трущобы, архитектуру отмелей. Темнеет; начинают сиять шары Салкрикалтора, движение становится гуще. Молодые щеголи-креи дерутся и принимают всевозможные позы на спиральных дорожках наверху (их действия отражаются в глазах спрятавшихся наблюдателей).

Идет время. Улицы пустеют. В предрассветные часы тускнеют шары.

И тогда наступает тишина. И темнота. И холод.

Пришельцы двигаются.

Они проходят по пустым улицам, закутавшись в темноту.

Пришельцы двигаются, как ленты, сотканные из пустоты, словно они — ничто, словно их влекут случайные приливы и отливы. Они обследуют закоулки, на которых сверкают шрамы анемонов.

Канавы улиц вымерли, здесь можно увидеть только ночных рыб, улиток, крабов, замирающих от ужаса при приближении пришельцев. Они минуют нищих в скелетах зданий. Они проникают сквозь дыру в стене склада, готового превратиться в прах. Они выбираются наружу по нижнему уровню траченной временем крыши, похожей на коралл, и прячутся в тени, слишком небольшой для них. Они стремительны, как мурены.

Среди спиралей крови они услышали произнесенное шепотом имя, наводку, которую они приняли, выследили, обнаружили.

Они поднимаются и смотрят поверх крыш, в морскую даль.

Он спит там, сложив под собой ноги, тело слегка колеблется в потоке, глаза закрыты — крей-самец, загнанный ими. Пришельцы нагнулись. Они гладят его, прикасаются к нему, производят горловые звуки, и его глаза медленно открываются, он начинает отчаянно биться в вервиях,

которыми они опутали его (*они сделали это тихо и нежно, как нянюшки, чтобы не разбудить его*), рот его раскрывается во всю ширь, словно вот-вот разорвется и изойдет кровью. Он будет вопить и вопить на креевом вибрато, если только на него не наденут костный ошейник, который, не причиняя боли, сдавливает определенные нервы на шее и спине, убирая звук.

Из горла крея бьют фонтанчики крови. Пришельцы с любопытством смотрят на него. И вот он обессилен от ужаса. Один из плениших его выступает с нездешним изяществом и говорит.

«… Тебе известно кое-что, — говорит он, — *мы тоже хотим это знать».*

Они начинают свою работу, задают шепотом вопросы, снова и снова с немыслимым умением управляясь с переводчиком на крейский, и пленник закидывает голову и снова начинает кричать.

И снова без звука.

Пришельцы продолжают.

И позже.

Дно океана, перепаханное червями, теряется вдали, вода без конца, и темные фигуры (вдалеке от дома) сидят неподвижно, подвешенные в темноте, и размышляют.

След взорвался.

От них отрываются клочки слухов, изгибаются и дразнятся. Южный корабль исчез. Со скалистых кромок континента, где земля поднимается, чтобы разделить пресную и соленую воду, они проложили путь к каналу Василиска, к торчащим пальцам Салкрикалтора, к кораблю, курсирующему между морем и Нью-Кробюзоном, оседлавшим реку. Но корабль исчез, оставив за собой водоворот лжи и историй.

Рты из глубины. Пираты-призраки. Вихревой поток. Скрытые шторма. Плавучий город.

Снова и снова плавучий город.

Охотники исследуют платформы, возвышающиеся над южными водами Салкрикалтора, — опоры, похожие на громадные деревья, на ноги толстокожего животного, — гигантские бетонные столбы, утопленные в морское дно и присыпанные илом, словно ступни великана, ступившего в грязь.

Буровые установки терзают мягкую породу, высасывая из нее соки. Установки кормятся на мелководье, как болотные обитатели.

Люди в оболочках из кожи и воздуха спускаются на цепях, чтобы обслуживать этих рокочущих исполинов, и охотники с легкостью хищников

уносят их. Они снимают с них маски, и люди бьются в судорогах, и жизнь уходит из них пузырящимися воплями. Но похитители поддерживают в них жизнь заклинаниями, кислородными поцелуями, массажем, замедляющим биение сердец, и в подводных пещерах люди молят о милосердии, по требованию похитителей рассказывая им всякие истории.

Прежде всего — истории о плавучем городе, который захватил «Терпсихорию».

Опускается ночь, и дневные тени исчезают.

Теперь в распоряжении этих неясных фигур все воды мира. Океаны: Райм, Боксаш, Вассили, Таррибор и Тьюхор, Немой и Вспухший. А еще Господское море, Спиральное море, Часы, Тайное и другие. А еще все проливы, протоки и каналы. А еще все бухты и шхеры.

Как им обследовать все это? С чего начать?

Они спрашивают у моря.

Они направляются на глубоководье.

«*…Где плавучий город?*» — спрашивают они.

Король акул-гоблинов не знает или не хочет знать. Корокант отказывается говорить. Охотники спрашивают в других местах: «…где плавучий город?»

Они находят разведчиков из числа морских чертей, замаскированных под треску или угрей. Те заявляют о своем полном неведении и уплывают, чтобы еще подумать. Охотники спрашивают у салиний — элементалов соленых вод, но никак не могут разобрать их ответы — жидкие выплески информации.

Поднявшись вместе с солнцем и всплыв на поверхность, охотники раскачиваются на волнах и снова начинают думать.

Они спрашивают у китов.

«*…Где плавучий город?*» — спрашивают они у громад — глупых пожирателей криля, у серых, горбатых, голубых. Они садятся на них, как всадники, и воздействуют на центры удовольствий в их тяжелых мозгах. Они подкупают их, направляя тонны планктона, этого паникующего супа, в ухмыляющиеся китовые пасти.

Вопрос охотников превращается в требование.

«*…Найдите плавучий город*», — осторожно говорят они словами достаточно простыми, чтобы киты могли понять.

И киты понимают. Огромные животные погружаются в задумчивость, их мозги так неповоротливы, что охотники начинают проявлять нетерпение (но они знают, что должны ждать).

Наконец, после нескольких минут, в течение которых слышен только один звук — китовые челюсти перемалывают воду, — ударив одновременно хвостами по воде, они нарушают молчание.

Они, кряхтя, направляются за тысячи миль, посылают сигналы с эхолокаторов, зондируют, обмениваются дурашливыми посланиями, делают то, что им было сказано: ищут Армаду.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ФАБРИКА КОМПАСОВ

ГЛАВА 15

— Они хотят поднять аванка.

На лице Сайласа появилось выражение недоумения, несогласия, целая гамма оттенков сомнения.

— Это невозможно, — сказал он, тряхнув головой. Беллис скривила губы.

— Потому что аванки — легенда? — резким тоном спросила она. — Вымерли? Детские сказочки? — Она сложила губы трубочкой и потрясла томиком Круаха Аума. — Тот, кто приходовал эту книгу, решил, что здесь детские историйки. Я знаю верхнекеттайский. — Голос ее зазвучал взволнованно. — Это не детская книга.

День сходил на нет, но городские звуки снаружи еще не стихали. Беллис выглянула в окно — напластования ярких цветов обесцвечивались. Она протянула Сайласу книгу и снова заговорила.

— Я больше почти ничего не делала эти два дня — только рыскала по библиотечным полкам, как свихнувшийся призрак, и читала книгу Аума.

Сайлас, одну за другой, неторопливо переворачивал страницы, глаза его пробегали по тексту, словно он понимал, что там написано, но Беллис

знала — не понимает.

— Это верхнекеттайский, — сказала она. — Но книга не старая и не из Гнурр-Кетта. Круах Аум — анофелес.

Сайлас в ужасе поднял на нее глаза. Последовала долгая пауза.

— Можешь мне верить, — сказала Беллис. Она чувствовала себя опустошенной, и голос у нее звучал соответственно. — Я понимаю, как к этому можно относиться. Два последних дня я провела, пытаясь выяснить все, что только можно… Я тоже думала, что они вымерли, но на самом деле они еще только вымирают. Вымирают вот уже две тысячи лет. Когда погибло Малярийное женоцарство, их уничтожили в Шотеке, Рохаджи, в большей части Шарда. Но им удалось выжить… Они обосновались на малюсеньком скалистом островке к югу от Гнурр-Кетта. Можешь верить или нет, но даже после женоцарства остались люди, которые поддерживают с ними торговые отношения. — Она мрачно покивала. — У них есть какие-то договоренности с Дрир-Самхером, или Гнурр-Кеттом, или с обоими. Не могу разобраться… И похоже, они пишут книги. — Она указала на томик в руках Сайласа. — Только богам известно, почему это написано на верхнекеттай-

ском. Может быть, они на нем теперь и говорят; тогда это единственный народ в мире, говорящий на этом языке. Проклятие, Сайлас. Может, все это чушь собачья, — вдруг раздраженно сказала она. — Может, все это мошенничество, вранье или — ну да — детская сказочка. Но Тинтиннабулум приказал мне искать все, что написал Круах Аум, так неужели ты думаешь, что тема этой книги случайна?

— И о чем здесь говорится?

Беллис взяла у него книгу и медленно перевела первые строки.

— «Я солгал бы, сказав, что не испытываю гордости, выводя эти строки. Я наполнен этим чувством, как пищей, потому что… нашел историю о том, что не делалось со времен империи Призрачников и было совершено еще раз тысячу лет назад. Один из наших предков, после падения наших королев и нашего бегства сюда, с помощью специальных устройств и магии… направился по воде… к темному месту… и послал заклинания в зев воды, и после двадцати одного дня жары, жажды и голода… он извлек великую и таинственную вещь». — Она посмотрела на Сайласа, а потом закончила: — «Плавучую гору, царь-кита, самое большое животное, когда-либо

существовавшее в нашем мире, аванка». — Она тихонько закрыла книгу. — Он вызвал аванка, Сайлас.

— И что же случилось дальше? — спросил он. — Ты ведь уже все прочла. Что *случилось?*

Беллис вздохнула.

— Здесь не сказано, как или где, но Аум нашел кипу древних рукописей, излагающих старую историю, и собрал их воедино, чтобы они обрели смысл, и пересказал их. История анофелеса, так и не названного по имени. Она случилось много веков назад. На десяти страницах рассказывается, как он готовился. Человек голодает, проводит исследования, он долго смотрит в морские воды, собирает вещи, которые ему понадобятся: бочки, спиртное, старые машины, ржавевшие на берегу. Он выходит в море. Один. Пытается управлять суденышком, которое слишком велико для одного человека, но никто не хочет присоединиться к нему. Он ищет конкретное место, какой-то… глубокий, глубокий колодец, отверстие в дне океана. Там-то он и начинает охоту. Там-то он и забрасывает удочку. Там-то он и ждет… появления аванка оттуда, где они обычно живут… Потом идут двадцать довольно скучных страниц о лишениях, которые он терпит в море. Голод,

жажда, Усталость, сырость, жара и все такое. Он знает, что добрался до нужного места. Он уверен, что его крючок попадает в другое измерение, проникает в иной мир. Но ему никак не удается приманить аванка. Не найти такого большого червя… И вот на третий день, когда сил уже не остается, а судно увлекают по кругу странные водные течения, небеса темнеют. Приближается гроза. И тут он решает, что недостаточно находиться в нужном месте — ему еще нужна энергия, чтобы заманить добычу в западню. Его хлещут дождь и град, море бушует. Суденышко окатывают огромные волны, лупят так, что оно грозит треснуть по всем швам.

Сайлас слушал ее, широко распахнув глаза, и Беллис неожиданно представила себя в идиотской роли учителя, рассказывающего детишкам сказочку.

— Шторм бушует все сильнее, а наш герой привязывает к вершине мачты конец провода, обворачивает его вокруг оснастки и подсоединяет к чему-то вроде генератора. И вот тогда…

Беллис вздохнула.

— Я так толком не поняла, что тогда. Некая магия или что-то в этом роде. Я думаю, он пытался вызвать фулменов, иликтрических элементалей,

может, принести им что-то в жертву, но из книги это понять невозможно. Так вот… — Она пожала плечами. — Добивается он успеха или нет, отвечают ему элементали или это всего лишь следствие удара молнии по медной обмотке стофутовой мачты — понять невозможно.

Она раскрыла книгу на соответствующей иллюстрации: контуры лодки, белые на темном фоне, коротенькая зигзагообразная молния пилой вгрызается в вершину мачты.

— Во всех двигателях происходит сильный выброс энергии. Регуляторы магических импульсов, с помощью которых он пытался приманить аванка и управлять им, вдруг тысячекратно усиливаются и мгновенно перегорают. Его судно кренится, скрипят лебедки, натягиваются тросы, на которых закреплены рыболовные крюки, что-то тянет снизу… Он поймал аванка, говорит Аум. И аванк поднялся на поверхность.

Беллис замолчала. Перевернув несколько страниц, она зачитала слова Аума:

Океан вибрировал от вопля с глубины в пять миль, и вода поднялась, зарябила, заволновалась, мощно прихлынула, а потом волны замерли, их прилив сменился могучим толчком снизу, судно швырнуло как щепку, горизонт исчез, и на поверх-

ность всплыл аванк.

И все. Никакого описания этого существа. Оборот страницы, на котором должно было быть изображение аванка, оказался пуст.

— Он видит его, — тихо сказала она. — Оценив размеры аванка, он понимает, что лишь слегка задел его своими крюками и заклинаниями. Он надеялся вытащить аванка, как обычную рыбу… Невозможно. Аванк без труда разрывает цепи, а потом снова уходит на глубину, и море пустеет. Аум остается один, и ему приходится отправляться домой.

Беллис живо вообразила себе это, и картина тронула ее. Она представила жалкую фигурку человека, промокшего до костей посреди все еще бушующего океана. Он с трудом поднимается на ноги, бредет по палубе своего плохо подготовленного кораблика, приводит в действие заглохшие двигатели и, голодный, обессиленный, а самое главное, совсем один, направляет свое суденышко к дому.

— И ты думаешь, это правда? — спросил Сайлас.

Беллис открыла книгу на последнем разделе и показала Сайласу страницы, испещренные

загадочными математическими выкладками.

— Последние двадцать страниц заняты математическими уравнениями, примечаниями касательно магии, ссылками на коллег. Аум называет эту часть информационным приложением. Перевести ее почти невозможно. Я этого не понимаю — высокая теория, криптоалгебра и всякое такое. Но сделано все с удивительным тщанием. Если это для отвода глаз, зачем такая сложность? А сделал он вот что. Аум проверил все детали: даты, методики, магию, науку… Он разобрался, как все было сделано. Эти последние страницы… Здесь толкование, научный анализ, объясняющий, как это делать. Как поднять аванка… Эта книга была написана и напечатана в последний кеттайский год Вулфинч, то есть двадцать три года назад. А из этого, кстати, вытекает, что Тинтиннабулум и его приспешники ошибаются — он полагал, что Аум писал в прошлом веке. Книга напечатана в Кохниде, в Гнурр-Кетте, один из соиздателей — «Мерцающая мудрость». В этой библиотеке не так уж много кеттайских книг. Большинство написано на нижнекеттайском. Но есть несколько и на верхнекеттайском, и я их все просмотрела: философия, наука, древние тексты, гностическая мехономия и все такое… В

«Мерцающей мудрости» считают, что книга соответствует их уровню. Но если это мистификация, зачем нести ее в научное издательство? Я уж не говорю о том, на кой хер она сдалась лучшим умам Армады… Какие еще книги читают ученые на службе Любовников? Книгу моего друга Иоганнеса «Теории мегафауны». Или другую, его же, — о транспланной жизни. Фундаментальные теории природы воды, книги о морской экологии. И им позарез нужна эта маленькая книжечка. Вероятно, потому, что Тинтиннабулум и его охотники видели несколько ссылок на нее, но найти ее никак не могут. Джаббер милостивый, что ты обо всем этом думаешь?.. Сайлас, я прочла эту писанину. — Беллис заглянула ему в глаза. — Это все взаправду. Эта книга о том, как поднять аванка. И как управлять им. Анофелес Аум пишет о том, как легко вырвался аванк. — Она наклонилась к Сайласу. — Но если Аум был одиночка, то Армада — это целый город. Он подбирал на свалках старые паровые движки, а в распоряжении Армады целые промышленные *кварталы.* Под городом висят громадные цепи — тебе это известно? Как ты думаешь, зачем они? А еще у Армады есть «Сорго». — Она замолчала, чтобы Сайлас осмыслил сказанное, и увидела, как постепенно

меняется выражение его глаз. — Этот город, черт его побери, владеет сотнями галлонов горного молока и средствами, позволяющими добывать еще и еще. Один Джаббер знает, какого рода магия станет им по силам, когда у них будет вдоволь этого говна… Любовники считают, что им удастся сделать то, чего не сделал герой Аума, — сказала она. — Они направляются к той самой воронке и собираются вызвать аванка. Они хотят запрячь его и управлять им.

— Кто еще знает об этой книге? — спросил Сайлас. Беллис помотала головой.

— Никто, — сказала она. — Только этот парнишка. Шекель. Но он понятия не имеет, что это за книга. О чем она.

«*Ты правильно сделал, что принес ее мне,* — сказала Беллис Шекелю. — *Я посмотрю, что это такое, и передам прямо Тинтиннабулуму, если тут и в самом деле есть что-то стоящее*».

Она помнила неуверенность Шекеля, его страх. Он частенько бывал на «Касторе» Тинтиннабулума — ведь там жила Анжевина. Не без сочувствия к Шекелю Беллис поняла, что парнишка не отнес книгу прямо Тинтиннабулуму, потому что сомневался — а вдруг он чего-то недопонял. Он еще только учился читать, а когда столкнулся с какой-

то проблемой — видимо, очень важной, — совсем стушевался. Он разглядывал комбинацию букв, обозначаю «Круах», сравнивал с именем, которое он скопировал с записки Тинтиннабулума, видел, что это одно и то же, и все-таки, и все-таки…

И все-таки он не был уверен. Он не хотел выставить себя дураком. Он отнес книгу Беллис, своему другу и учителю, — пусть она проверит, рассеет сомнения. А она безжалостно забрала у него книгу, понимая, что этот том дает ей власть.

Любовники вели Армаду к трещине в морском дне, откуда мог подняться аванк. Они запаслись всем необходимым — специалистами, установкой для генерации заклинаний — и теперь приближались к месту назначения, пока их специалисты без отдыха и согласованно работали над расчетами, над решением задачи по вызову животного.

Как только Сайлас и Беллис поняли, что достигли своей цели и проникли в план Любовников, они догадались, что могут вычислить направление движения города. А догадавшись, пустились в рассуждения о том, как использовать это знание для побега.

«*Что мы делаем?* — думала в тишине Беллис. —

Еще одну ночь просиживаем в этой идиотской маленькой комнате-трубе, причитаем вслух и про себя, о боги, о боги, потому что нам удалось лишь чуть-чуть приоткрыть завесу тайны, а там еще столько всякого дерьма, столько трудностей, с которыми нам не справиться. — Она готова была застонать от отчаяния. — *Не хочу я больше размышлять о том, что делать дальше,* — подумала она. — *Я хочу уже сделать наконец что-нибудь*».

Она барабанила пальцами по книге — по книге, которую могли прочесть лишь немногие, включая ее.

Она разглядывала буквы загадочного языка, и мрачные подозрения закрадывались ей в душу. Она испытывала те же чувства, что и в ресторане, когда Иоганнес сказал ей: Любовники интересуются его книгами.

Постоянное тарахтение флотилии буксиров и других в тащивших город, стало привычным. Движение, пусть незаметное и не привлекающее внимания, продолжалось. Не было ни одного мгновения ни днем, ни ночью, когда Армада не продвинулась бы хоть на дюйм к югу. Усилия прикладывались громадные, а скорость оставалась мизерной, как у улитки.

Дни проходили в мучительном напряжении, но город двигался. Горожане сбросили теплые пальто и шерстяные штаны. Дни все еще были коротки, но без особой суеты и шума Армада переместилась в зону умеренного климата и продолжала движение в более теплые воды.

Растения Армады (посевы пшеницы и ячменя, луга на верхних палубах, полчища сорняков, осваивающие старый камень и металл) почувствовали перемену. Постоянно испытывая нехватку тепла, они извлекли пользу из неожиданной смены времени года и пошли в рост, выпустив почки. Над парками повисли запахи свежести, среди однообразной зелени стали появляться цветы.

С каждым днем все больше становилось птиц. Пиратские корабли проплывали над новыми, цветастыми рыбами теплых вод. Во множестве маленьких храмов Армады проводились службы, благословляющие эту нежданную, неправильную весну.

Флорин, увидев цепи, довольно быстро догадался об их назначении.

Подробностей он, конечно же, не знал, но запомнил то, что видел, хотя, поднимаясь на поверхность, пребывал в шоковом состоянии

как от пережитого, так и от холода. Он оказался под одним из кораблей запретной зоны, внутри защитного магического колпака, и увиденное поначалу повергло его в недоумение. Но вскоре ему стало ясно, что перед ним звено цепи — звено длиной в пятьдесят футов. «Гранд-Ост» нависал над ним, как зловещее облако. Цепь была закреплена на его днище старинными болтами размером больше человеческого роста. За вековыми наростами на корпусе судна Флорин разглядел второе звено, соединенное с первым заподлицо с корпусом. Что там было дальше, он не видел — мешали водоросли и магическая защита.

Под городом висели огромные цепи. И, зная об этом, он быстро понял их назначение. С почти скорбным удивлением Флорин уразумел, что теперь ему известна тайна, которая словно постоянно витала за недомолвками во время разговоров на причалах. Источник беспокойства, двусмысленных подмигиваний, обмена понимающими взглядами — этот неназываемый план, определявший всю их деятельность.

«*Мы собираемся поднять что-то из моря,* — спокойно подумал он. — *Какую-то тварь? Мы что, хотим посадить на цепь каких-нибудь морских змей, или кракена, или Джаббер знает кого?*

А потом? Сможет этот зверь тащить Армаду? Как морской змей тащит корабль-колесницу?»

«*Что ж, пожалуй, так оно и есть*», — подумал он без страха или неодобрения; размеры цепи, или что уж это было, наводили на него ужас.

«*Почему они скрывают это от таких, как я?* — подумал он. — *Может, они мне не доверяют?*»

Лишь через несколько дней после атаки динихтиса Флорин пришел в себя. Спал он плохо, часто просыпался в холодном поту. Он помнил ощущение, когда его пальцы наткнулись на вывороченные внутренности мертвого водолаза, и, хотя он прежде видел и касался мертвецов, в глазах этого застыл такой ужас, что увиденное и несколько дней спустя преследовало Флорина. Не мог он отделаться и от воспоминания о преследующей его костерыбе, неумолимой, как землетрясение.

Его товарищи относились к нему уважительно.

— Ты ведь не побоялся, Флорин, дружище, — говорили они ему.

Через два дня Флорин пошел опять к бассейну между Саргановыми водами и Джухром — поплавать и смягчить свою потрескавшуюся кожу. Температура поднялась, желающих искупать-

ся прибавилось. Прочие обитатели пиратского города смотрели со стороны, дивясь искусству плавания, доступному лишь избранным.

Флорин видел брызги, поднимаемые неумелыми пловцами, видел рваную поверхность воды, которую они оставляют за собой, и испытывал беспокойство, когда пловцы ныряли и исчезали из виду, погружаясь на глубину. Он подошел к краю, изготовился к прыжку, и вдруг у него засосало под ложечкой.

Он боялся.

«*Теперь уже слишком поздно,* — подумал он, чувствуя, как накатывает истерика. — *Слишком поздно, приятель! Ты переделан под это! Ты должен жить в воде, будь ты проклят, и назад пути нет!*»

Он был испуган вдвойне — боялся и моря, и своего собственного страха, который грозил навсегда привязать его к суше, превратить его в урода из тех, что показывают в цирках, — наделенного жабрами и перепонками, но страдающего водобоязнью, урода с шелудивой кожей, мучительно пересыхающими жабрами, воспаленными щупальцами, который при этом отказывается приближаться к воде. Поэтому он пересилил себя, и морская вода смягчила его кожу, успоко-

ила его.

Он с трудом заставил себя открыть глаза и посмотреть в рассеянную голубоватую мглу под собой, зная, что он может никогда больше не увидеть донных скал — лишь бесконечную бездну, в которой, вильнув хвостом, исчезают хищники.

Это было страшно трудно, но он поплыл, и ему стало лучше.

По настоянию Шекеля Анжевина позволила Флорину поколдовать над ее металлической начинкой. Она все еще чувствовала неловкость. Чтобы дать Флорину возможность работать, пришлось загасить котел, обездвижив ее. Анжевина пошла на это — впервые за многие годы. Она жила в постоянном страхе, что ее топка погаснет.

Флорин возился с котлом, как делал бы это с любым обычным двигателем: постукивал по трубкам, азартно работал гаечным ключом, но потом поднял взгляд и увидел, как побелели костяшки пальцев женщины, вцепившейся в руку Шекеля.

В последний раз в ее нутро вот так залезали, когда подвергали переделке. Флорин стал помягче орудовать своим инструментом.

Как он и предполагал, Анжевина передвигалась благодаря старому, неэффективному двигателю,

нуждавшемуся в ремонте. Вкратце объяснив все Анжевине, Флорин под ее испуганные вскрики занялся демонтажем.

Наконец она успокоилась (назад пути уже не было, сказал ей Флорин жестко: она больше никогда не сможет двигаться, если оставить ее в таком виде). И когда он закончил работу несколько часов спустя и вылез из-под нее, потный, в масляных пятнах, и поджег топливо в ее переоборудованном котле, она сразу же почувствовала разницу.

Они оба устали и были смущены. Когда давление в котле поднялось и Анжевина покатилась, почувствовав новые резервы мощности, когда она проверила топку и поняла, насколько меньше тратится теперь угля, ей стало ясно, сколь многим она обязана Флорину. Но Флорину было так же неловко выслушивать ее благодарности, как ей — произносить их, а потому с обеих сторон слышалось лишь неразборчивое бормотание.

Позднее Флорин, устроившись в своем чане с морской водой, принялся размышлять над тем, что он сделал. Теперь она может забыть о ежечасных поисках топлива. Ее разум освободится: ей больше не нужно постоянно думать о котле, не нужно просыпаться ни свет ни заря, чтобы

подбросить угольку в топку.

Он усмехнулся.

Поднимаясь после ремонта, Флорин заметил свежую царапину на ее шасси — вероятно, задел ключом или отверткой. Он оставил след на испачканной им металлической поверхности. Анжевина неизменно следила за чистотой своих металлических деталей, а потому царапина была довольно заметна. Флорин поежился от неловкости.

Когда Анжевина увидела царапину, ее губы скривились от гнева. Но шли минуты, злость понемногу рассеялась, выражение ее лица переменилось. И перед уходом, пока Шекель стоял, дожидаясь ее в дверях, она подкатила к Флорину и спокойно сказала ему:

— Не переживайте из-за этой царапины. Вы просто чудо сотворили. А эта отметина… Ну, это часть ремонта. Часть обновления. — Она улыбнулась ему и удалилась, не оборачиваясь.

— Я очень рад, — машинально пробормотал Флорин, довольный и смущенный. Он устроился поудобнее в своем чане. — Вообще-то это ради парнишки. Ради Шекеля.

В Заколдованном квартале Армады было всего десять более или менее крупных кораблей, упря-

танных в одном из носовых уголков города, на границе с кварталами Сухая осень и Ты-и-твой короля Фридриха.

Подданные энергичного торгаша Фридриха по большей части игнорировали призрачные корабли рядом с их кварталом, интересуясь в первую очередь своими базарами, цирками гладиаторов и ростовщиками. А вот в Сухой осени близость Заколдованного квартала ощущалась через узкую кромку разделявшей их воды, пагубно влияя на владения Бруколака. Там, где Сухая осень соседствовала с заброшенными кораблями, его собственные суда имели жалкий и неприглядный вид.

Возможно, жители квартала обладали обостренной чувствительностью к мертвецам и неживым из-за присутствия в Сухой осени Бруколака и его приближенных-вампиров. Может быть, именно поэтому в Сухой осени, в отличие от Ты-и-твой, постоянно помнили о близости проклятого Заколдованного квартала.

Оттуда исходили жуткие звуки, бормотания, разносимые ветром, слабое тарахтение двигателей, трение чего-то о что-то. Некоторые утверждали, что все это — иллюзия, порождаемая ветром и странной архитектурой древних ко-

раблей. Но верили в это лишь немногие. Иногда какая-нибудь группка (неизменно из недавнего пополнения) отваживалась отправиться на эти корабли, но все возвращались несколько часов спустя с перекошенными лицами, бледные, и отказывались говорить об увиденном. А случалось, конечно, что смельчаки и не возвращались.

Ходили слухи, что попытки отделить эти десять кораблей от остального города (затопить их, стереть Заколдованный квартал с карты Армады) заканчивались пугающими неудачами. Большинство армадцев питали суеверия насчет этого тихого места, но, несмотря на все свои страхи, против уничтожения квартала они категорически возражали.

На заколдованные корабли не садились птицы. Эти указующие в небеса старые мачты и их обрубки, эти покрытые грибком просмоленные остовы и драные паруса имели безлюдный, заброшенный вид.

Если кто-то хотел побыть в одиночестве, он отправлялся на границу Сухой осени и Заколдованного квартала.

Под холодной ночной моросью стояли двое людей. Кроме них, на палубе клипера больше не было никого.

Перед ними в тридцати футах находилось длинное узкое судно — древняя галера, пустая и неосвещенная, корпус которой потрескивал в непрестанном движении на непрекращающемся ветру. Мостки, соединявшие ее с клипером, прогнили и были перегорожены цепями. То было носовое судно Заколдованного квартала.

За спинами этих двоих шумела центральная часть города — хаотичные торговые галереи, переходившие, петляя с судна на судно, театры, танцевальные залы. На самом же клипере царила тишина. Несколько палаток на его палубе были необитаемы. Те немногие, кто жил здесь, уже поняли, кто стоит на палубе корабля, и старались не попадаться им на глаза.

— Ничего не понимаю, — тихо сказал Бруколак, не глядя на своего собеседника. Его спокойный хрипловатый голос был едва слышен. Ветер и дождь откинули с лица гриву его волос, и он уставил взгляд в черную воду моря за галерой. — Объясни. — Он повернулся к Утеру Доулу и поднял брови с выражением легкого испуга на лице.

В отсутствие телохранителей, стражников, случайных свидетелей яростная напряженность в их отношениях пропадала. Их жесты почти не

выдавали предосторожности, характерной для первой встречи.

— Я ведь тебя хорошо знаю, Утер, — сказал Бруколак. — И мы на одной стороне. Я искренне тебе доверяю. Я доверяю твоему чутью. Я знаю, что ты думаешь. И мы оба знаем, что ты лишь по идиотской случайности оказался с ними, а не со мной. — В его голосе послышалось сожаление, легкая нотка сожаления.

Бруколак водянистыми глазами смотрел на Утера Доула. Его длинный раздвоенный язык попробовал воздух, потом Бруколак заговорил снова.

— Скажи мне, дружище, скажи мне, что происходит. Сиськи лунные! Не могу поверить, что ты поддерживаешь эту дурацкую идею. Ты что, чувствуешь себя виноватым? Да? Из-за того, что подсказал им эту мысль? Если бы не ты, они сами никогда бы до такого не додумались. — Он чуть наклонился, не прерывая речи. — Дело ведь не во власти, Утер. Ты это знаешь. Да мне насрать, кто возглавляет Армаду. Мне, кроме Сухой осени, ничего не нужно. Сарганова воды всегда были сильнее других, и меня это устраивает. И не в этом вонючем аванке дело. Проклятье, да будь у меня надежда, что из этого что-нибудь полу-

чится, я был бы с вами. Я же не похож на этих жопоголовых из Дворняжника, которые несут всякую чушь, мол, это «против природы», «нельзя заигрывать с потусторонними силами», и всякую такую херню. Слушай, Утер, если бы я думал, что сделки с *демонами* помогут усилению города, я первый пошел бы на это.

Утер Доул смерил его взглядом, и только теперь мускулы на его лице шевельнулись и оно выразило сдержанное удивление.

— Ведь ты немертвый, Бруколак, — сказал он своим певучим голосом. — Ты же знаешь, многие считают, что ты и без того имел дело с адским племенем.

Бруколак пропустил это замечание мимо ушей и продолжил:

— Я возражаю потому, что, как нам обоим ясно, это не кончится, когда они заполучат аванка. — Голос его звучал холодно.

Доул отвернулся. Ночь стояла беззвездная, горизонта тоже не было видно — море и небо, оба чернильного цвета, сливались друг с другом.

— А скоро и другие это просекут, — продолжал Бруколак. — Шаддлер будет делать, что ему скажут, пока это сраное море не начнет кипеть, но неужели ты думаешь, что Джхур и Книжный

город станут поддерживать Любовников, когда поймут, в чем суть их плана? Утер, вы напрашиваетесь на мятеж.

— Немертвый… — начал Доул и тяжело замолчал. Доул единственный во всем городе употреблял это почетное иностранное обращение, ходившее в его отечестве. — Немертвый Бруколак, я — человек Любовников. Ты это знаешь, и ты знаешь почему. Все могло сложиться и по-другому, но не сложилось. Я — солдат, Бруколак. Хороший солдат. Если бы я думал, что у них ничего не получится, — если бы я думал, что из этого ничего не выйдет, — то я бы не поддерживал этот план.

— Дерьмо это собачье. — Голос Бруколака звучал жестко и глухо. — Божья сперма, Утер, это же… ложь. Неужели ты… неужели ты не помнишь, как я узнал, что они собираются делать с аванком?

— Шпионы, — ровным голосом сказал Доул, снова встречаясь с ним взглядом.

Бруколак ответил уклончиво:

— Шпионам известно только всякое вранье и намеки. Не обманывай себя. Я знаю, потому что *ты* мне сказал.

Взгляд Доула стал холодным, пронзительным.

— Это клевета, и я не позволю тебе ее повторять, — сказал он, но Бруколак оборвал его смехом.

— Да ты посмотри на себя, — изумленно сказал он. — С кем, по-твоему, ты говоришь? Брось ты к херам важничать. Ты знаешь, что я имею в виду. Конечно же, ты не поделился со мной этой информацией *добровольно* и даже признавать того, что это случилось, не желаешь. Но хватит, Утер. Я пришел к тебе с предложением, а ты… Ты слишком хороший профессионал и не выдашь ничего такого, что может потом обернуться против тебя, но пожелай ты ввести меня в заблуждение или внушить мне, что я ошибаюсь, ты вполне мог бы это сделать. Но ты этого не сделал, и я тебе благодарен. И конечно, я не против, играй себе, если хочешь, в эту дурацкую игру, не признавай того, что нам обоим хорошо известно. Ты не подтверждаешь моих подозрений… хотя и не опровергаешь их; что ж, я не против. Можешь и дальше просто молчать… Факт остается фактом, Утер. — Бруколак рассеянно сбросил с перил щепки, и те поплыли в темноту. — Факт остается фактом: ты сам поставил меня в известность. И ты знаешь, что руководители других кварталов мне не поверят, если я им сообщу. Ты дал мне то,

что я должен нести в одиночестве. А причина, думаю, в том, что ты знаешь: план этот глуп и опасен, и ты не понимаешь, что делать с этим знанием, и хочешь заполучить союзника.

Доул улыбнулся.

— Неужели ты настолько самоуверен? — презрительно сказал он. — Неужели ты вовсе не сомневаешься в себе и считаешь, что можешь любой разговор, любое недопонимание обратить себе на пользу?

— Ты помнишь големов бритвы? — неожиданно спросил Бруколак, и Утер Доул тут же замолчал. — Долину парового ветра? — продолжал Бруколак. — Помнишь это место? Помнишь тех тварей, что мы там *видели?* Город перед нами в долгу. Ведь именно мы спасли его, хотят они это признавать или нет, *знают* они это или нет. Где тогда были эти треклятые Любовники? Был ты, и… был я.

Крики чаек. Звук ветра, гуляющего между кораблей, поскрипывание в Заколдованном квартале.

— Я тогда кое-чему научился, Утер. — Голос Бруколака звучал спокойно. — Я научился понимать тебя. Я тебя знаю.

— Божьи ветры! — Утер Доул повернулся к

нему. — С какой это стати ты играешь в старого боевого товарища? Я не на твоей стороне, Бруколак! Я с тобой не согласен! Это ты можешь понять? Да, у наших отношений есть история, и, Кириад знает, я без особой нужды не буду с тобой ссориться, немертвый. Я — лейтенант, а ты никогда не был моим капитаном. Я пришел сюда сегодня по твоей просьбе. И больше ничего.

Бруколак поднес руку ко рту и смерил Доула взглядом. Его длинный язык высунулся над пальцами. Он опустил руку, и лицо его было печальным.

— Шрама не существует, — сказал Бруколак. Воцарилось молчание.

— Шрама не существует, — повторил он, — и если по какой-то случайности астралономы ошибаются и он все же есть, то мы его не найдем. А если каким-то чудом и найдем, то ты, ты, Утер, в первую очередь, знаешь, что это будет означать для нас всех. Смерть.

Он махнул рукой в сторону ножен с мечом, висящих на левом боку Доула. Затем указал пальцем на правый рукав своего собеседника, где, словно вены, топорщились переплетенные провода.

— Ты это знаешь, Утер, — сказал Бруколак. — Ты знаешь, какие силы можно разбудить, если

иметь дело с подобными вещами. Ты знаешь, что встреча с этими силами для нас конец. Ты это знаешь лучше любого другого, что бы твои идиоты ни думали на сей счет. Для нас всех это будет значить гибель.

Утер Доул опустил глаза на свой меч.

— Не нашу гибель, — сказал он, и лицо его неожиданно осветилось прекрасной улыбкой. — Все не так уж однозначно.

Бруколак покачал головой.

— Ты самый храбрый из всех, кого я знаю. Во всех отношениях. — Говорил он задумчивым, исполненным сожаления голосом. — Поэтому-то я с таким удивлением и взираю на другую сторону твоей натуры — низкую, малодушную, трусливую, предательскую, робкую. — Доул не шелохнулся, ничем не выразил своего отношения к услышанному, а Бруколак говорил ровно, без всякой издевки. — Неужели ты, Утер, убедил себя, что самое лучшее — исполнять свой долг, а там будь что будет? — Он покачал головой, недоуменно глядя на Доула. — Ты, случайно, не мазохист, Утер Доул? А? Ты что, получаешь удовольствие, унижая себя подобным образом? Неужели у тебя встает, когда эти вонючие дырки отдают тебе такие вот идиотские приказания? Неужели ты

кончаешь, возбужденно дрочишь, когда слепо подчиняешься им? О, божья сперма, на твоем хере теперь, наверно, нет живого места, потому что это самые безумные из всех приказов, которым ты старался подчиняться, сам же прекрасно знаешь… И я не позволю тебе выполнить их.

Доул остался стоять неподвижно, когда Брукалак развернулся и зашагал прочь.

Вампир на ходу закутался в тени и быстро исчез в магическом тумане, постепенно заглох и звук его шагов. В воздухе послышался шелест, наверху на мачте раздался резкий звук, словно что-то задело корабельные снасти, а потом все смолкло.

Доул проследил за направлением звука, и только когда вокруг настала тишина, он снова повернулся к морю и Заколдованному кварталу. Рука его легла на эфес меча.

ГЛАВА 16

Обложившись атласами и трудами землепроходцев, Беллис и Сайлас составляли карты Гнурр-Кетта, Цимека и Железного залива. Они пытались проложить маршрут домой.

Остров анофелесов нигде не был отмечен, но, судя по рассказам купцов-кактов, он должен был находиться в десятке-другом миль от южной оконечности Гнурр-Кетта и в тысяче или около того миль от цивилизованных северных берегов острова. А от Нью-Кробюзона эта северная оконечность находилась еще в двух тысячах миль.

Беллис знала, что кеттайские корабли у городских причалов Паутинного дерева — редкие гости. Она проштудировала несколько трудов по политической экономии и проследила пути движения товаров из Дрир-Самхера в Гнурр-Кетт, в Шанкелл, на Мандрагоровы острова, в Перрик-Най и Миршок и, наконец, каким-нибудь кружным путем — в Нью-Кробюзон.

— С острова анофелесов путь домой не ближе, чем из этих треклятых колоний, — горько сказала Беллис. — Тысячи миль неизвестных вод, заповедных земель, а между ними слухи да

всякое дерьмо. Мы окажемся на другом конце длинной-длинной торговой цепочки.

Стоило у них выдаться свободной минутке, они проводили ее вот так — в цилиндрической комнатке Беллис, голова к голове, не замечая звуков и дневного или искусственного света снаружи. Беллис без конца курила, кляня отвратительный армадский табак местного производства, и оба они, перелистывая старые книги, делали одну заметку за другой. Они пытались извлечь хоть какую-нибудь выгоду из украденного ими знания. Пытались составить план побега.

Они упорно охотились за тайной города, и теперь, добыв ее, приходили в ужас от медленно наступавшего понимания: даже обладая этим знанием, они, вероятно, не доберутся до дома.

«*Если вычислить, где мы будем находиться…*» — нередко думала Беллис, и в ней росло тошнотворное понимание того, что даже если весь этот треклятый город причалит к берегу или проскрипит в пределах видимости Кохнида или другого порта, то это еще не значит, что она сможет выбраться из города на берег, на причал, сможет найти корабль, который доставит ее домой. Скорее всего, ей не удастся сделать это.

«*Добраться до берега,* — думала она. — *Если*

бы я смогла добраться до берега и убедить кого-нибудь помочь мне, или угнать какой-нибудь корабль и бежать, или что-нибудь такое…»

Но на берег она попасть не могла. А даже если бы получилось, то все ее затеи могли обернуться пшиком, и она знала об этом.

— Сегодня ко мне приходил Шекель, — сказала Беллис. — Уже почти неделя прошла с того дня, когда он передал мне эту книгу. Он спросил меня, о чем она и не ее ли ищет Тинтиннабулум. Я ему сказала, что скоро буду точно знать… Скоро, — зловеще продолжила она, — очень скоро он преодолеет свою застенчивость и расскажет кому-нибудь. Он дружит с каким-то работягой в порту, а тот предан властям. Да Джаббер меня раздери, он ведь слуга этого *сраного* Тинтиннабулума… Нужно что-то придумать Сайлас. Мы должны принять решение. Мы должны решить, что будем делать. Как только он скажет своим дружкам, что нашел книгу Круаха Аума, сюда сразу же заявятся стражники. И тогда они не только книгу отнимут, но еще и будут знать, что мы скрывали ее от них. Боги знают, что я не хочу познакомиться с армадской тюрьмой изнутри.

Трудно было сказать, что на самом деле знали

Любовники о том, как поднять аванка. Что-то, вероятно, знали — местоположение воронки, потребную мощность двигателей, количество магической энергии. В какой-то мере искусство поимки аванка было им знакомо. Но они искали именно эту книгу Круаха Аума.

«*Единственное описание успешной попытки вызвать и поймать аванка,* — думала Беллис. — *Они знают, куда им нужно идти, но, могу поклясться, о многом понятия не имеют. Вероятно, они полагают, что со временем смогут во всем разобраться. Может, и так. И это наверняка приблизит их к осуществлению цели*».

Беллис отсеивала всякие глупые идеи. Например, потребовать свободу в обмен на эту книгу — она прекрасно понимала, что ничего из этого не получится. Она теряла надежду, и душа леденела от этого.

Махнув рукой на всякую осторожность, она затеяла с Каррианной разговор о побеге. Она задавала вопросы, высказывала идеи, сопровождая их идиотской неубедительной присказкой «а что, если?», и наконец спросила, не хотелось ли Каррианне хоть раз покинуть Армаду. Каррианна усмехнулась с дружеской жестокостью.

— Мне такое и в голову не приходило, — ска-

зала она.

Они сидели в одной из пивнушек Сухой осени. Каррианна сначала нарочито оглянулась, потом посмотрела на Беллис и сказала уже потише:

— Конечно. Вот только куда мне было бежать? Ради чего подвергать себя такому риску? Некоторые из похищенных каждый год предпринимают попытки. Бегут на маленькой лодочке или на том, что подвернется. Но их всегда, всегда ловят.

«*Ловят только тех, о которых ты знаешь*», — подумала Беллис.

— И что с ними делают?

Каррианна некоторое время молча смотрела в свой стакан, потом подняла глаза на Беллис и еще раз улыбнулась невеселой улыбкой.

— Это, пожалуй, единственное, на чем сходятся все правители Армады, — сказала она. — Любовники, Бруколак, король Фридрих, Брагинод, совет и все остальные. Армада не может позволить, чтобы ее обнаружили. Конечно, есть моряки, которым известно, что мы где-то плаваем, и существуют сообщества вроде Дрир-Самхера, с которыми мы торгуем. Но чтобы нас обнаружила какая-нибудь мощная держава вроде Нью-Кробюзона? Держава, которая хочет очистить море от нас? Людей, которые пытаются бежать, оста-

навливают, Беллис. Не ловят. Ты понимаешь: не ловят — останавливают.

Каррианна хлопнула Беллис по спине.

— Божья кара, Беллис, да не ужасайся ты так! — искренно сказала она. — Ты что, хочешь сказать, что тебя это удивляет? Ты же знаешь, что было бы, доберись они до дома и наговори там бес знает что. Армаде пришлось бы худо. А ты спроси у любого переделанного, освобожденного с кробюзонского корабля, и он тебе скажет, что думает про кробюзонский флот. Поговори с теми, кто побывал в Нова-Эспериуме и видел, что там делают с аборигенами. Или с моряками, сражавшимися с кробюзонскими пиратами, которые тычут тебе в нос своими каперскими свидетельствами. Ты думаешь, что это *мы* — морские разбойники? Хватит, Беллис, пей свое вино!

В ту ночь Беллис впервые задумалась вслух о том, что они с Сайласом будут делать, если не удастся вернуться домой. Она поставила этот вопрос неожиданно.

Но ее обуял тихий ужас, когда она поняла, что ее собственный побег — не единственная проблема. «*А что, если мы не сможем бежать?* — флегматично подумала она. — *Неужели это конец? Неужели последнее слово?*»

Сайлас наблюдал за ней с печальным и усталым выражением на лице. Глядя на него, Беллис неожиданно с мучительной ясностью увидела перед собой шпили, рынки и кирпичные трущобы ее родного города. Она вспомнила своих друзей. Она снова думала о Нью-Кробюзоне. Весной он пахнет просыпающейся землей, в конце года становится холодным и непроницаемым, на праздник Джабберова утра его освещают джимджу и светильники, наполняют поющие толпы, процессии людей в благочестивых одеяниях. В любое время года в полночь светят уличные фонари.

И все это будет уничтожено войной — войной с Дженгрисом.

— Мы должны отправить им послание, — спокойно сказала она. — Это самое важное. Сможем мы вернуться или нет — другой вопрос, но предупредить их мы должны.

При этом Беллис понимала, что ничего у них не получится. И хотя от этой мысли она пришла в отчаяние, что-то внутри нее успокоилось. Планы, которые она обдумывала, стали теперь более обоснованными, более систематическими, имевшими больше шансов на успех.

Беллис поняла, что ключом к решению пробле-

мы является Хедригалл.

Про великана-какта, самхерийского рассказчика и аэронавта, ходила тьма историй. Его окружал шлейф слухов, вранья и фактов. А из того, о чем с восторгом рассказал Шекель, в ее память особенно запала история о посещении Хедригаллом острова людей-комаров.

Это было похоже на правду. Он был пиратом-торговцем из Дрир-Самхера, а те поддерживали с анофелесами постоянные отношения. У них в жилах текла не кровь, а древесный сок, живица, непригодная для питья, и поэтому с анофелесами они могли торговать без опаски.

Возможно, он помнит что-нибудь.

День стоял облачный и теплый, и Беллис вспотела, как только вышла из своей комнаты, направляясь на работу. И хотя от природы она была худощава, к концу дня ей стало казаться, что ее тянут вниз излишки мяса. Дым сигарилл, словно пахучая шляпка, нежно обволакивал ее голову, и даже неутомимые ветры Армады не могли разогнать его и рассеять туман в ее мозгах.

Сайлас ждал Беллис перед ее дверью.

— Это правда, — сказал он с мрачным воодушевлением. — Хедригалл там был. Он помнит свое путешествие. Я знаю, как действуют торгов-

цы Дрир-Самхера.

Им хотелось, чтобы их карты стали более точными, а знания об острове — менее скудными.

— Он предан Армаде, этот Хедригалл, — сказал Сайлас. — Так что мне нужно действовать осторожно. Он может соглашаться или не соглашаться с тем, что ему приказывают, но он законопослушный обитатель Саргановых вод. Правда, сведения у него выудить я смогу. Это моя работа.

Но даже выведав кое-что у Хедригалла, они имели на руках лишь несколько разрозненных фактов. Они перебирали эти факты так и сяк, играли ими, словно в бирюльки, роняли на пол и смотрели, как они падают. И когда Беллис освободилась от беспочвенного стремления обрести свободу, факты стали складываться перед ней в стройную систему.

Наконец им удалось составить план.

План этот был весьма неопределенным и расплывчатым, и им было трудно смириться с тем, что ничего больше у них нет.

Они сидели в беспокойном молчании. Беллис слышала ритмичное бормотание волн, посматривала на дым сигарилл, вьющийся перед окном

и затеняющий ночное небо. На нее вдруг накатил приступ раздражения — она оказалась будто в ловушке. Жизнь ее теперь была сведена к последовательности ночей, бесконечному курению и поиску свежих идей. Но сейчас что-то изменилось.

Может быть, эта ночь была последней — больше делать это не потребуется.

— Мне это не нравится, — сказал наконец Сайлас. — Мне это, твою мать, совсем *не нравится*. Я никак не могу… Может, у тебя получится? Тебе и без того столько досталось.

— Придется попробовать, — ответила она. — Ты не знаешь верхнекеттайского. Есть еще какая-нибудь возможность убедить их взять тебя?

Сайлас заскрежетал зубами и покачал головой.

— А как насчет тебя? — спросил он. — Ведь твой друг Иоганнес знает, что ты не самая законопослушная армадская гражданка, да?

— Его я смогу убедить, — сказала Беллис. — В Армаде, похоже, не так уж много знатоков кеттайского. Но ты прав: он — единственное реальное препятствие. — На некоторое время оба погрузились в молчание, потом Беллис задумчиво продолжила: — Не думаю, что он меня заложил. Если бы он хотел устроить мне трудную жизнь,

если бы он подозревал, что я могу быть… опасной, я бы уже знала об этом. Наверное, у него есть представление о чести или что-то такое, что не позволяет ему донести на меня.

«*Дело вовсе не в этом,* — одновременно думала она. — *Ты прекрасно знаешь, почему он не донес на тебя. Нравится тебе или нет, что бы ты по этому поводу ни чувствовала, что бы ты о нем ни думала, он считает тебя своим другом*».

— Когда они прочтут это, — сказал Сайлас, — когда поймут, что Круах Аум не из Кохнида и что он, может быть, еще жив, они ведь наизнанку вывернутся, чтобы его найти. Но… если нет? Надо вынудить их отправиться на этот остров, Беллис. Если не сделаем этого, у нас не останется вообще ничего. Дело, на которое мы хотим их подвигнуть, ох какое серьезное. Ты представляешь, куда мы пытаемся их направить. Ты знаешь, что там есть. Остальное можешь предоставить мне — я соберу все, что нам нужно. У меня есть печать, они могут доверять моим посланиям. Все это я могу сделать. Но, черт меня побери, это все, что я могу, — с горечью сказал он. — А если нам не удастся направить их на этот вонючий остров, то у нас вообще ничего нет.

Он взял книгу Круаха Аума и принялся мед-

ленно переворачивать страницы. Дойдя до приложения, он протянул книгу Беллис.

— А это ты перевела? — спросил он.

— То, что смогла.

— Они не особо рассчитывают увидеть эту книгу, но все равно думают, что им удастся поднять аванка. Если мы дадим им это, — он потряс книгой, и страницы затрепетали, словно крылья, — может, им ничего другого и не понадобится. Может, они просмотрят эти страницы и дальше приложат все силы, чтобы разобраться в том, что здесь написано. Привлекут тебя, привлекут других переводчиков и ученых из Лицея и на «Гранд-Осте»… Может, все, что им нужно, чтобы поднять аванка, есть здесь. И мы дадим им последнюю деталь головоломки.

Он был прав. Если утверждения Аума верны, то эти страницы хранили все сведения, какими он пользовался, всю информацию, все варианты.

— Однако без этой книги, — продолжал Сайлас, — у нас нет ничего. Без нее мы не сможем продать им *тебя,* не сможем заманить их на этот остров. Они будут продолжать делать то, что запланировали, и работать над тем, что у них есть, и, возможно, так или иначе поднимут аванка. Если у них ничего нет, им все равно. Но если мы

дадим им *часть* того, что им нужно, то им понадобится все. Мы должны этот дар превратить в наживку.

Спустя мгновение Беллис поняла. Она сложила губы трубочкой и кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Давай ее мне.

Она пролистала книгу до приложения и задумалась, решая, как начать.

Наконец она пожала плечами и просто вырвала несколько страниц.

В первый момент она испытала странную эйфорию, но, успокоившись, поняла, что нужно действовать аккуратнее. Все должно выглядеть естественно. Она вспомнила другие виденные ею поврежденные тома, представляла себе всевозможные случайности, какие могут происходить с книгами. Вода и огонь? Плесень? Воспроизвести все это было довольно затруднительно.

Значит, механическое повреждение.

Она открыла книгу на приложении, положила ее на удобно торчащий из пола гвоздь и потоптала, попрыгав, гвоздь попал на уравнения и сноски и уничтожил их, выдрав целую полосу.

Превосходно. В книге оставались три страницы в начале приложения, где давались определения, потом несколько страниц было выдрано цели-

ком, и только у самого корешка торчали обрывки, на которых видны были начальные буквы слов. Любой взявший книгу в руки решил бы, что она пострадала случайно, по-глупому.

Они сожгли приложение, перешептываясь, как напроказившие ребятишки. И скоро пепел и дым выдранных страниц ветром развеяло над Армадой.

«*Завтра мы сделаем наш ход,* — подумала Беллис. — *Завтра мы начнем*».

Дул южный ветер. Клубы дыма из труб Армады уносило назад — туда, откуда приплыл город.

Стоя спиной к Армаде на палубе «Погонщика теней» и глядя в море, Беллис могла представить себе, что она стоит на обычном корабле.

Этот клипер располагался на окраине Саргановых вод, и люди жили внизу, в обычных корабельных каютах, а на палубе никаких построек не было. «Погонщик теней» был построен из дерева и отделан бронзой; повсюду — переплетения канатов и старой парусины. Здесь не было ни таверн, ни кафе, ни борделей, и люди обычно не задерживались на палубе клипера. Беллис смотрела на воду, как это делают пассажиры, путешествующие на корабле.

Она долго стояла там одна.

Море посверкивало в свете газовых фонарей.

Наконец в начале десятого вечера она услышала торопливые шаги.

Беллис увидела перед собой Иоганнеса Тиарфлая. Лицо его было непроницаемым. Она кивнула и неторопливо произнесла его имя.

— Беллис, извините, что опоздал, — сказал он. — Ваша записка прибыла так неожиданно, и я не мог отменить все дела. Пришел, как только смог.

«*Так ли оно на самом деле?* — холодно подумала Беллис. — *А может, ты опоздал почти на час, чтобы меня наказать?*»

Однако она чувствовала, что голос его звучит с искренним раскаянием, а улыбка выглядит неуверенной, но не холодной.

Они бесцельно пошли по палубе в направлении сужающегося носа, потом повернули обратно. Разговор не клеился — тяжелым грузом лежало воспоминание о недавней ссоре.

— Как идут ваши исследования, Иоганнес? — спросила наконец Беллис. — Мы уже почти пришли… туда, куда направляемся?

— Беллис… — Он раздраженно повел плечами. — Я думал, вы… Проклятье, если вы позвали меня только для того, чтобы…

Она жестом оборвала его. Последовало долгое молчание, Беллис закрыла глаза. Когда она открыла их, выражение ее лица и голос смягчились.

— Извините, — сказала она. — Извините. Дело, Иоганнес, в том, что я до сих пор чувствую боль от ваших слов. Потому что знаю — вы правы. — Он настороженно смотрел на нее, пока она выдавливала из себя эти слова. — Поймите меня правильно, — заторопилась она. — Это место никогда не станет для меня домом. Меня сюда привезли насильно, Иоганнес, как это делают пираты… Но… но вы были правы, когда говорили, что я замкнулась. Я ничего не знала об этом городе и теперь стыжусь этого. — Он хотел было вмешаться, но она не позволила. — И самое главное, я поняла, какой получаю шанс. — Она говорила бесстрастным голосом и вроде бы изрекала неприятные для себя истины. — Я здесь увидела кое-что, кое-чему научилась. Нью-Кробюзон по-прежнему остается моим домом, но вы правы когда говорите, что мои связи с чисто случайны. Я больше не думаю о том, чтобы вернуться домой, — сказала она (и сразу же почувствовала пустоту в желудке, потому что эти слова были очень близки к истине), — а приняв такое решение, я поняла, что здесь мне есть чем заняться.

Внутри Иоганнеса словно бы что-то шевельнулось; что-то расцветало на его лице. Беллис подумала, что это от удовольствия, и быстро с этим покончила.

— Только не ждите, что я влюблюсь в это треклятое местечко, вы поняли? Но… но для большинства людей с «Терпсихории», для переделанных, это похищение — лучшее из того, что могло с ними случиться. Что же до остальных… что ж, мы должны смириться с этим, это справедливо. Вы помогли мне это понять, Иоганнес. И я хотела вас поблагодарить за это.

На лице Беллис застыло бесстрастное выражение — слова у нее на языке имели вкус свернувшегося молока (хотя она и понимала, что изрекает не полное вранье).

Временами Беллис подумывала — не сказать ли Иоганнесу всю правду об угрозе Нью-Кробюзону. Но она все еще не могла прийти в себя от того, насколько быстро он заключил союз с Армадой и Сарганновыми водами. Сомнений не было: никакой любви к ее родному городу он не питал. Но тем не менее, думала она, он не останется безразличным (*наверняка*), когда узнает про Дженгрис. У него должны быть друзья, семья в Нью-Кробюзоне. Он не сможет остаться в сто-

роне. Наверняка?

А если он не поверит? Если не поверит, если решит, что это изощренная попытка побега, если сообщит о ней и ее словах Любовникам, которым насрать на судьбу Нью-Кробюзона, то это будет означать, что она упустила единственную возможность предупредить город.

С какой стати правителей Армады должно волновать, что один далекий от них народ сделает с другим далеким народом? Может быть, они даже поддержат гриндилоу.

У Нью-Кробюзона сильный военно-морской флот. Беллис понятия не имела, насколько Иоганнес предан новым хозяевам. Сказать ему правду? Нет, она не могла идти на такой риск.

Она осторожно выжидала, стоя на палубе «Погонщика теней» и ощущая сдержанную радость Иоганеса.

— И вы думаете, у вас получится?

Он нахмурился:

— Что получится?

— Вы думаете, что сможете вызвать аванка?

Он был ошарашен. Беллис видела, как сменяются эмоции на его лице. Недоумение, гнев, страх. Она видела, что несколько мгновений Иоганнес взвешивал, не солгать ли ему — *я, мол,*

не понимаю, о чем вы говорите, но это искушение схлынуло, унеся с собой все эмоции.

Несколько секунд спустя он снова овладел собой.

— Да, видимо, удивляться тут особо нечему, — спокойно сказал он. — Глупо считать, что такие вещи можно сохранить в тайне. — Он постучал пальцами по перилам. — Откровенно говоря, я не перестаю удивляться тому, что это пока известно только ограниченному кругу лиц. Словно те, кто не знает, вступили в заговор с теми, кто знает. Откуда вам это стало известно? Я полагаю, когда речь идет о такой крупной тайне, тут никакая магия, никакие меры предосторожности не помогут. Скоро им придется все раскрыть — слишком многие уже знают.

— А почему вы занимаетесь этим?

— Потому что это важно для города, — сказал он. — Поэтому-то Любовники и пошли на это. — Он презрительно стукнул ногой по ограждению и ткнул большим пальцем в сторону буксиров по правому борту, которые, изо всех сил натягивая цепи, тащили город на юг. — Вы посмотрите, это что, по-вашему, движение? Миля в час — если сильный попутный ветер. А топлива расходуется столько, что лишь изредка можно позволить

себе подобные переходы. Большую часть времени город просто болтается на волнах, кружит по океану. Но вы представьте себе, как все это переменится, если им удастся поднять аванка. Они смогут двигаться куда пожелают. Вы только представьте себе эту *мощь.* Они станут властелинами морей… Один раз такую попытку уже предприняли. — Он отвернулся, потер подбородок. — Так они думают. Свидетельство тому имеется под городом. Цепи, скрытые при помощи магии много столетий назад. Любовники… они не похожи ни на кого из прежних правителей. В особенности она. А когда Утер Доул больше десяти лет назад стал их телохранителем, что-то изменилось. С того времени они и осуществляют этот план. Они отправили послания Тиннаболу и его команде — лучшим охотникам. Нет, они вовсе не гарпунщики, они ученые: специалисты по биологии моря, координаторы. Они несколько лет вели поиски аванка. Им известно все о методах поимки. Если кто-то пытался сделать это раньше, то они наверняка знают об этом… Конечно, сами по себе поймать аванка они никогда бы не смогли. Но они накопили столько сведений об этом, сколько нет ни у кого в мире. Можете вы представить себе, что значит для охотника такая

удача? Вот почему Любовники занимаются этим, и вот почему команда Тинтиннабулума делает то, что делает. — Он перехватил взгляд Беллис, и на его лице появилась улыбка. — Что же до меня, то я занимаюсь этим, потому что речь идет об *аванке!*

Его энтузиазм был неожиданным, раздражающим и заразительным, как у ребенка. Его страсть к работе была искренней.

— Я буду откровенной, — осторожно сказала она. — Никогда бы не поверила, что я стану думать или говорить это, но… но я *понимаю.* — Она спокойно посмотрела на него. — По правде говоря, отчасти именно это и смягчило мое отношение к Армаде. Когда я впервые догадалась о том, что здесь происходит, догадалась о планах насчет аванка, меня это так ошеломило, что я просто испугалась. — Она покачала головой в поисках слов. — Но теперь я думаю по-другому. Это самый… самый необычный проект, Иоганнес. И я поняла, что хочу, чтобы он увенчался успехом.

Беллис чувствовала, что играет убедительно.

— Мне это небезразлично, Иоганнес. Я раньше думала: все, что здесь происходит, меня ничуть не касается, но масштаб этого плана, такой размах… И мысль о том, что и я могу внести свою лепту…

Иоганнес смотрел на нее с осторожным одобрением.

— И все из-за того, *как* я узнала правду. Поэтому я и попросила вас прийти сюда, Иоганнес. У меня есть кое-что для вас.

Она залезла в свою сумочку и вытащила оттуда книгу.

Бедняга Иоганнес, сколько сегодня ему досталось потрясений, рассеянно подумала Беллис, просто одно за другим: от ее послания, от встречи с ней, от явных перемен в ее отношении к городу, от того, что ей известно об аванке, а теперь еще вот это.

Она молча глядела на Иоганнеса, — тот не верил своим глазам, раскрыв от изумления рот, и еле сдерживал радость.

Наконец он поднял на нее глаза.

— Где вы ее достали? — Он едва мог говорить. Она рассказала ему о Шекеле, о его пристрастии к детским книгам, затем протянула руку к книге, которую держал Иоганнес, и перелистнула назад страницы.

— Посмотрите на иллюстрации. Понятно, почему она оказалась на детской полке. Вряд ли в городе есть кто-нибудь знающий верхнекеттайский. Но *это* меня зацепило. - Она остановилась

на картинке, изображающей огромный глаз под судном. Даже сейчас, когда Беллис вела свою игру и десятки раз видела эту простую картинку, она не могла смотреть на нее без удивления. — Но я догадалась о том, что происходит, не по картинке. — Из своей сумочки она вытащила кипу листов, испещренных ее записями. — Я *владею* верхнекеттайским, Иоганнес, — сказала она. — Я написала по этому языку целую монографию. — И снова что-то, связанное с этим, болезненно отозвалось в ней. Она постаралась не обращать внимания и пошелестела пачкой бумаг. — Я перевела Аума.

Для Иоганнеса это было еще одним потрясением, и отреагировал он так же, как прежде, — с дрожью и придыханием.

«*Это последнее,* — расчетливо подумала Беллис. Она смотрела, как Иоганнес от восторга протанцевал по палубе. — *Больше потрясений не будет*».

Когда он закончил свою дурацкую джигу, Беллис взяла его под руку и повела к городу, к тавернам.

«*Давай-ка посидим и обсудим это,* — невозмутимо подумала она. — *Выпьем-ка вместе, а? Нет, посмотрите, как он радуется моему возвраще-*

нию. В восторге от того, что заполучил назад своего друга. Давай-ка теперь сообразим, что мы можем сделать — ты и я.

Поможем тебе претворить в жизнь мой план».

ГЛАВА 17

В этих теплых водах вечерние огни и звук волн, бьющих по бокам города, были мягче, словно море впитало в себя воздух, а лучи рассеялись: и морская вода, и свет утратили свою свирепость. Армада закуталась в долгую благоуханную темноту, теперь уже определенно летнюю.

Вечером скверики у таверн (по соседству с парковой зоной, земли которой оставались под паром на ютах и главных палубах) полнились стрекотом цикад, заглушавшим шум волн и тарахтенье буксиров. Появились пчелы, шмели и мухи. Они жужжали у окон Беллис, разбивались насмерть о стекла.

Армадцы не были ни южанами, ни северянами, ни жителями умеренного (как кробюзонцы) климата. В любом другом месте годились бы расхожие штампы — холодостойкий северянин или горячий южанин, — но для армадцев они не подходили. В кочевом городе климат не был чем-то определенным и ускользал от обобщений. Город смягчился — вот единственное, что можно было сказать о нынешнем лете в данных обстоятельствах.

Народ на улицах задерживался дольше, повсюду слышался характерный говор на соли. Похоже, сезон намечался разговорчивый.

Встреча происходила в кают-компании «Кастора», корабля Тинтиннабулума.

Помещение было невелико. В нем с трудом помещались все собравшиеся. Они сидели в неудобных церемонных позах на жестких стульях вокруг побитого стола. Тинтиннабулум и его товарищи, Иоганнес и его коллеги, биоматематики, маги и другие, в основном люди, но не все.

И Любовники. За ними у двери стоял Утер Доул, сложив руки на груди.

Иоганнес, нервничая и запинаясь, говорил уже какое-то время. Дойдя до кульминации своего рассказа, он сделал эффектную паузу и хлопнул книгой Круаха Аума по столу. А когда после нескольких секунд молчания раздались первые восторженные ахи и охи, он сопроводил книгу переводом Беллис.

— Теперь вы понимаете, — сказал он дрожащим голосом, — почему я созвал это чрезвычайное заседание.

Любовница взяла два документа и принялись их тщательно сравнивать. Иоганнес молча следил за ней. Губы ее от напряжения искривились,

а шрам на лице завился кольцом, скрывая истинное выражение ее лица. Иоганнес заметил на правой стороне ее подбородка сморщенную кожу — струп, образовавшийся на месте новой ранки. Он бросил мельком взгляд на Любовника рядом с ней и тоже увидел рану — слева ниже рта.

Иоганнес, как и всегда при взгляде на эти шрамы, испытал беспокойство. Он мог сколько угодно часто видеть Любовников, но его нервозность в их присутствии не уменьшалась. У них была необыкновенная наружность.

«*Может быть, это властность,* — подумал Иоганнес — *Может быть, это и есть властность*».

— Кто здесь знает кеттайский? — спросила Любовница.

Напротив нее поднял руку ллорджис.

— Турган, — сказала она.

— Я немного знаю, — сказал он — голос Тургана, как и всегда, звучал с придыханием. — Главным образом нижнекеттайский, но немного и верхне-. Но эта женщина гораздо более сведуща. Я заглянул в эту книгу, и большая ее часть для меня — тайна за семью печатями.

— Не забывайте, что хладовиновская «Грамматология верхнекеттайского» — общепринятый учебник, — сказал Иоганнес. — Учебники верхне-

кеттайского можно по пальцам перечесть. — Он покачал головой. — Очень необычный и трудный язык. Но из всех учебников это лучший. Если бы ее не было на борту и книгу переводил Турган или кто-нибудь другой, им все равно пришлось бы постоянно сверяться с ее «Грамматологией».

Руки его подергивались в резких, агрессивных движениях.

— Да, она перевела на рагамоль, но перевести с рагамоля на соль не составит труда. И вот на что нужно еще обратить внимание: перевод здесь еще не самое главное. Может, я неясно выразился… *Аум — не кеттаец.* Посетить кеттайского ученого мы, совершенно очевидно, не смогли бы. Кохнид лежит далеко в стороне от нашего маршрута, и пребывание Армады в тех местах было бы для нее небезопасно. *Аум — анофелес.* Их остров лежит в тысяче миль к югу. И высока вероятность, что Аум жив.

Это сообщение для всех было большой неожиданностью.

Иоганнес неторопливо кивнул.

— У нас в руках бесценная вещь, — продолжал он. — Мы имеем описание процесса, результаты, мы имеем указание на район действия — все, что нам надо. Но, к несчастью, отсутствуют приме-

чания и расчеты Аума. Как я уже говорил, текст сильно поврежден, так что у нас фактически, кроме популяризированного описания, нет ничего. Научная часть отсутствует… Мы направляемся к воронке неподалеку от южного побережья Гнурр-Кетта. Так вот, я навел справки у нескольких кактов с Дрир-Самхера, которые имели дело с анофелесами, посещали их остров. — Он остановился, поняв, что в волнении говорит слишком быстро. — Очевидно, — продолжал он уже медленнее, — что мы можем двигаться в прежнюю сторону. Место нашего назначения известно нам лишь *приблизительно*. Мы более или менее осведомлены о том, какие виды энергии должны быть задействованы при вызове аванка. Мы имеем некоторое представление о магии, которую нужно применить… И мы могли бы рискнуть… Но мы могли бы и отправиться *на остров*. Высадить на него группу — Тинтиннабулум, несколько наших ученых, кто-нибудь из вас или вы оба. — Он посмотрел на Любовников. — Нам понадобится Беллис в качестве переводчика, — продолжал он. — От побывавших там кактов толку будет мало — когда они там торговали, то пользовались в основном жестами и кивками, но некоторые из анофелесов, несомненно, говорят на верх-

некеттайском. Нам понадобятся стражники и инженеры, потому что пора начать думать о том, как и где мы будем держать аванка. И… мы найдем Аума.

Он откинулся к спинке стула, понимая, что все далеко не так просто, как он пытается представить, но все же испытывая радостное волнение.

— В худшем случае может оказаться, что Аум умер, — сказал он. — Но и тогда мы ничего не потеряем. Может быть, мы найдем тех, кто помнит его и захочет нам помочь.

— Это далеко не худший случай, — сказал Утер Доул, и сразу же в воздухе почувствовалось напряжение: перешептывания прекратились, и все лица обратились к нему, кроме Любовников, которые слушали с мрачным видом, не поворачиваясь. — Вы говорите так, словно речь идет об обычном месте, похожем на все другие, — продолжал Доул своим певучим голосом. — Но это не так. Вы даже не догадываетесь, о чем говорите. Понимаете хоть, что вы обнаружили? Вы знаете, что собой представляет раса Аума? Это остров людей-комаров. В худшем случае женщины-анофелесы набросятся на нас еще на берегу и высосут всю кровь — останется только оболочка, которая там и сгниет. Нас убьют еще до того, как

мы сойдем на землю.

Последовало молчание.

— Меня не убьют, — послышался чей-то голос.

Иоганнес едва заметно улыбнулся — голос принадлежал Брейатту, математику-какту. Иоганнес попытался поймать его взгляд. «Отлично сказано», — подумал он.

Любовники кивали.

— Мы учли сказанное тобой, Утер, — сказал Любовник, гладя свои маленькие усики. — Но не будем преувеличивать. Есть способы обойти проблему, как указал этот джентльмен.

— Этот джентльмен — какт, — сказал Доул. — Но для тех из нас, у кого в жилах течет кровь, проблема остается.

— И тем не менее, — властным голосом сказал Любовник, — я думаю, было бы глупо полагать, что сделать ничего нельзя. Мы действуем иначе — начинаем с того, что рассматриваем наши сильные стороны, составляем наилучший план, а уже потом находим пути обхода проблем. Похоже, что наш путь к успеху лежит через этот остров. Значит, туда мы и должны направиться.

Доул не шелохнулся. Выражение его лица было бесстрастным. Ни единым жестом не выдал он своих уязвленных чувств.

— Проклятье! — разочарованно выкрикнул Иоганнес, и все повернулись к нему. Он был и сам потрясен своей вспышкой эмоций, но продолжал с той же горячностью. — Конечно, тут есть и трудности и проблемы, — страстно сказал он, — конечно, мы должны будем немало потрудиться, от нас потребуются немалые усилия, возможно, нам понадобится защита и придется взять с собой бойцов-кактов, или конструктов, или еще боги знают кого… Но что здесь происходит? Вы меня слышите или нет? — Он почтительно, словно священную сутру, взял в руки книгу Аума. — У нас есть *книга.* У нас есть переводчик. Эта книга — свидетельство того, кто *знает, как поднять аванка.* Это меняет все… Какая *разница,* где он живет? Ну хорошо, его земля не очень гостеприимна. — Он бросил взгляд на Любовников. — Но ведь ради нашей цели мы готовы отправиться куда угодно. Мы даже не имеем права *говорить* об отказе от экспедиции.

Собрание двигалось к концу, а Любовники по-прежнему говорили довольно уклончиво. Но теперь атмосфера переменилась, и Иоганнес чувствовал: он не один это знает.

— Пожалуй, пришло время заявить о наших намерениях, — сказала Любовница, когда все уже

собирали свои заметки.

В комнате находились люди, привычные к обстановке секретности, и ее предложение потрясло их. Но Иоганнес понял: в ее словах есть глубокий смысл.

— Мы знали, что однажды придется рассекретить эту тайну, — продолжила она.

Ее Любовник кивнул.

В проекте поднятия аванка участвовали ученые из Джхура, Шаддлера, Зубца часовой башни, и из вежливости с правителями этих кварталов были проведены консультации. Но внутренний круг целиком состоял из представителей Сарганових вод — из тех, кто (в отличие от самих Любовников) ни разу не отошел от традиции, кто никогда не лелеял мысли о бегстве. Доступ к информации о проекте был строго ограничен.

Но план такого масштаба невозможно было вечно хранить под спудом.

— У нас есть «Сорго», — сказала Любовница, — поэтому *мы* решаем, куда нам всем направляться. Но что будет думать остальная часть города, пока они, заякорившись неизвестно где, будут ждать возвращения экспедиции? Что они будут думать, когда мы доберемся до воронки и вызовем этого треклятого аванка? Их правители

будут помалкивать, потому что те, кто в союзе с нами, прислушаются к нашей просьбе, а наши противники не пожелают, чтобы эта история всплыла на поверхность. Они не знают, за кем пойдут их подданные. Возможно, — заключила она, понизив голос, — пора привлекать граждан на нашу сторону. Заразить их энтузиазмом…

Она посмотрела на своего партнера. Как и всегда, они, казалось, понимали друг друга без слов.

— Нам нужны сведения на каждого, кто высадится на остров. Мы должны приглядеться к новоприбывшим — может, среди них есть нужные нам специалисты. И на всех кандидатов нам нужны данные с точки зрения безопасности. Кроме того, придется взять в экспедицию представителей всех кварталов. — Он улыбнулся — шрамы окаймляли его лицо — и взял перевод Беллис.

Когда Иоганнес подошел к двери, Любовники окликнули его.

— Идемте с нами, — сказал Любовник, и у Иоганнеса засосало под ложечкой.

«*О, Джаббер,* — подумал он. — *Что еще? Я уже наелся вашей компанией*».

— Идемте, нам нужно поговорить, — повторил Любовник и замолчал, давая своей напарнице

закончить за него.

— Мы хотим поговорить с вами об этой женщине, о Хладовин, — сказала она.

Было уже за полночь, когда Беллис разбудил сильный стук в дверь. Она встала, думая, что это Сайлас, но тут увидела его — он лежал неподвижно, с открытыми глазами, рядом с ней.

Оказалось, что это Иоганнес. Беллис откинула волосы с лица и моргнула, увидев его на пороге.

— Кажется, они ухватились за эту идею, — сказал он. Беллис даже рот открыла от изумления. — Послушайте, Беллис. Они заинтересовались вами. Они, конечно, понимают, что вы, так сказать, не их материал. Ничего страшного, чтобы вы знали, — поспешил он успокоить ее. — Нет-нет, ничего опасного… но и любви особой к вам не питают. Как к большинству похищенных: лучше не выпускать из Армады. Обычно проходит несколько лет, прежде чем новичкам дают пропуска.

«Неужели это все?» — крутилась в голове у Беллис мысль. Тоска и одиночество, ностальгия по Нью-Кробюзону. Ей казалось, что от нее отрезали часть ее самой. Неужели это свойственно тысячам таких, как она? Неужели все настолько банально?

— Но я передал им все, что вы мне говорили, —

проговорил Иоганнес, улыбаясь. — И я ничего не могу обещать, но… я думаю, лучше вас кандидатуры не найти, и я им это сказал.

Беллис вернулась в кровать; Сайлас делал вид, что спит, но она все поняла по его неглубокому дыханию. Она наклонилась над ним, словно собираясь страстно поцеловать, но потом губы нашли его ухо, и она прошептала:

— Дело пошло.

За ней пришли на следующее утро.

Это случилось после того, как ушел Сайлас, отправившийся в подпольный мир Армады, чтобы вести свою тайную, незаконную деятельность, заниматься работой, ради которой ему приходилось проникать под кожу города. Сайлас был опасен для Армады, и ему не приходилось даже думать о высадке на остров анофелесов.

Двое стражников Саргановых вод с пистолетами, небрежно засунутыми за пояса, провели Беллис в кабину аэростата. Путь от «Хромолита» до «Гранд-Оста» был короток. Корпус огромного парохода возвышался над городом — шесть колоссальных мачт, трубы, пустые палубы без домов или башен.

В небе было полно аэростатов — десятки маленьких кабин висели в воздухе, как пчелы

вокруг улья. Тут были и чужеземные аппараты, перевозившие тяжелые грузы между кварталами, и чисто армадские крохотные одноместные шары с висящими под ними пассажирами. Чуть поодаль находились военные аэростаты эллиптической формы, с орудиями. А над всеми ними — массивный, потрепанный воздушный корабль «Высокомерие».

Они сделали крюк над Армадой, летя ниже, чем привыкла Беллис, поднимаясь и опускаясь в соответствии с геометрией крыш и матч. Внизу проплыли кирпичные муравейники, напоминающие трущобы Нью-Кробюзона. Построенные на тесном пространстве палуб, они выглядели довольно шаткими: наружные стены находились вплотную к воде, а из-за проулочков дома были до невозможности узкими.

Из-за дымки, стоящей над «Джигом», носовая часть которого была отдана под промышленные сооружения — литейни и хемические цеха, — появилась громада «Гранд-Оста».

Беллис испытывала неуверенность: она еще ни разу не бывала внутри этого корабля.

Интерьер его был аскетичным — панели темного дерева, литографии и гелиотипы, витражи. И хотя все в этом лабиринте коридоров и кают

было трачено временем, но содержалось в порядке. Беллис заперли в маленькой комнатке и оставили ждать.

Она подошла к окну с железной решеткой и посмотрела вниз — на пестроту армадских кораблей. Вдалеке виднелась зелень Крум-парка: словно плесень расползлась по палубам нескольких кораблей. Комната, в которой она находилась, возвышалась над всеми окружающими судами, далеко внизу обрывался борт «Гранд-Оста». На одном уровне с нею были дирижабли и множество тонких мачт.

— Вам известно, что это кробюзонский корабль?

Беллис узнала голос, еще не успев повернуться, — он принадлежал мужчине со шрамами, Любовнику, который без своей подруги стоял в дверях.

Беллис была потрясена. Она знала, что ее ждут допросы, проверки, но этого никак не предполагала — не думала, что следователем будет он. «*Я перевела книгу,* — подумала она. — *Я заслуживаю особого обращения*».

Любовник закрыл за собой дверь.

— Его построили больше двух с половиной веков назад, в конце Обильных лет, — продолжал

он на рагамоле с едва заметным акцентом. Он сел и жестом пригласил ее сделать то же. — И есть сведения, что Обильные года закончились именно из-за строительства «Гранд-Оста», — сказал он ровным голосом. — Выдумки, конечно, но такое совпадение несет в себе полезную символику. Падение началось в конце тысяча четырехсотых, а лучшего символа заката науки, чем этот корабль, не придумать. Тщетно пытаясь доказать, что Нью-Кробюзон все еще переживает золотой век, они решили соорудить вот это… Конструкция хуже некуда. Ради выигрыша в скорости они поставили эти дурацкие гребные колеса по бокам вместе с винтом. — Он покачал головой, не отрывая глаз от Беллис. — Невозможно привести в движение такую громаду с помощью колес. Поэтому они и торчали бесполезными наростами, нарушая форму обводов, тормозя корабль. А это означало, что винт не мог работать в полную силу и управлять кораблем было невозможно. Разве это не насмешка судьбы? Но одно им удалось. Они вознамерились построить самое большое судно в мире. Им пришлось спустить его на воду боком в устье у Железного залива. И в течение нескольких лет оно болталось там вблизи берега. Внушающее трепет, но… такое нескладное. Они

пытались использовать его во Второй пиратской войне, но оно оказалось неповоротливым, как закованный в броню носорог, а корабли Суроша и Джесхалла легко танцевали вокруг него… В Нью-Кробюзоне вам скажут, что корабль затонул. Но на самом деле это не так — мы захватили его. Пиратские войны были замечательным временем для Армады. Реки крови, корабли исчезали каждый день, терялись грузы, матросы и солдаты были по уши сыты сражениями и смертями и думали только о том, как бы поскорее бежать. Мы похищали корабли, технологии и людей. Мы росли и росли… Мы захватили «Гранд-Ост», потому что могли это сделать. Вот тогда-то Сарганова воды и заняли лидирующее положение в Армаде и с тех пор не теряли его. Этот корабль — наше сердце. Наша фабрика, наш дворец. Как пароход он был ужасен, но как крепость — великолепен. То была последняя великая эпоха Армады.

Последовала долгая пауза.

— Но теперь все меняется, — сказал Любовник, улыбнувшись ей.

И начался допрос.

Когда все закончилось и Беллис, щурясь от солнца, вышла из каюты, оказалось, что ей не вспомнить в подробностях, о чем ее спраши-

вали.

Многие вопросы касались перевода. Трудно ли ей было переводить? Были ли пассажи, которые не давались?

Может ли она говорить на верхнекеттайском или только читает? И так далее, и тому подобное.

Были вопросы, призванные выявить ее душевное состояние, ее отношение к Армаде. Беллис отвечала с осторожностью, балансируя на грани лжи и правды. Она не пыталась скрыть свое недоверие, свое возмущение тем, как с ней поступили, свое негодование. Но при этом она слегка смягчала свои чувства, сдерживала, чтобы они не казались опасными.

Она пыталась делать вид, что не пытается делать вид.

Снаружи Беллис, конечно, никто не ждал, и это смутно обрадовало ее. Она сошла по крутым мосткам, спускавшимся с «Гранд-Оста» на корабли помельче.

Она направилась домой по сложному, запутанному лабиринту улочек и проулков. Путь ее пролегал под кирпичными арками, воздух был насыщен всегдашней армадской солоноватой влагой. Дети здесь и там играли во что-то вроде

толкушек и поймаек — игр, которые Беллис помнила с детства, словно уличные забавы по всему миру восходили к одному источнику. Рядом с маленькими кафе в тени полубаков играли в свои игры родители — в триктрак и шатаранг.

В небесах, роняя помет, парили чайки. Проулки раскачивались в такт с волнующимся морем.

Беллис наслаждалась одиночеством. Она знала, что, будь здесь с ней Сайлас, это ощущение сообщничества испортило бы ей настроение.

Любовью они давно уже не занимались. Это случилось всего два раза.

После тех двух случаев они спали в одной кровати и раздевались друг перед другом без стыда или колебании. Но обоих, казалось, не тянуло к любви, словно секс, которым они воспользовались, чтобы раскрыться друг перед другом, установить канал связи, стал ненужным.

И дело было не в том, что желание покинуло Беллис. Две или три последние ночи, проведенные ими вместе, она дожидалась, когда Сайлас уснет, а потом тихо мастурбировала. Она часто скрывала от него свои мысли и делилась только тем, что было необходимо для составления общих планов.

Не без удивления Беллис поняла, что Сайлас ей,

в общем, безразличен.

Она была благодарна ему. Она находила его интересным и привлекательным, хотя и не столь обаятельным, каким он считал себя сам. У них оставалось немало общего: великая тайна, планы, которые не должны были провалиться. В этом деле они были товарищами. Беллис не возражала против того, что он спит в одной с ней кровати. «Возможно, я как-нибудь еще оседлаю его», — с непроизвольной ухмылкой думала она. Но близости не было.

При том, что их объединяло, все это казалось слегка странным, но Беллис оставалось только констатировать факт.

На следующее утро, между пятью и шестью, когда небеса еще оставались темны, над «Гранд-Остом» собралась флотилия дирижаблей с мужчинами и женщинами. Они таскали какие-то тюки с наспех отпечатанными листовками, запихивали их в кабины аэростатов, горячо обсуждали маршруты, сверялись с картами. Они разделили Армаду на сектора.

Когда свет начал заполнять город, они неторопливо поднялись в воздух.

Уличные торговцы, фабричные рабочие, стражники и тысячи других людей смотрели из своих

кирпичных или деревянных обиталищ вокруг «Гранд-Оста», с немыслимой паутины лодок Сенного рынка, из возвышающихся над мачтами окрестных судов башен Книжного города, Джхура, Ты-и-твой. Видно было, как поднялась первая волна дирижаблей и рассеялась над кварталами города. Потом, стараясь удержаться в заранее определенных точках, аэростаты пролили на город бумажный дождь.

Словно конфетти, словно бутоны, которые уже начали распускаться на морозостойких деревьях Армады, листовки, описывая круги в воздухе, стали во множестве опускаться. Воздух наполнился шелестом листков, соприкасающихся друг с другом, и криками чаек и воробьев, в испуге устремившихся прочь. Армадцы поднимали головы, закрывая глаза от солнца козырьками ладоней, видели бегущие по синему теплому небу облака и под ними — летящие вниз кипы бумаг, рассыпавшихся в воздухе. Часть листков упала в трубы. Намного больше оказалось в воде, и они, попав в промежутки между судами, покачивались теперь на волнах, насыщались влагой. Краска на них расплывалась, текст становился нечитаемым, их пробовали на вкус рыбы, наконец бумажные волокна размокали, и они

уходили вниз. Под водной поверхностью виднелся снежный настил из разлагающейся бумаги. Но много листков оказалось на палубах армадских кораблей.

Снова и снова облетали дирижабли пространство над городом, проходили над каждым кварталом, выискивали пути между высокими мачтами и башнями, разбрасывали листовки. Люди, любопытные и восхищенные, хватали листки прямо в воздухе. В городе, где бумага ценилась на вес золота, такое расточительство было совершенно необычным.

Известие о содержании листков распространялось быстро. Когда Беллис спустилась на «Хромолит» и пошла по ковру листовок, устилавшему палубу и шуршавшему, как шелушащаяся кожа, вокруг уже шли горячие споры. Люди стояли в дверях своих лавок и домов, перекрикивались, бормотали, смеялись, размахивая листовками; пальцы их были в типографской краске.

Беллис подняла голову и увидела один из последних аэростатов, движущийся к правому борту, — тот удалялся от нее в сторону Джхура, а за ним клубилось летящее вниз облако листовок. Она подобрала одну из бумажек, приземлившуюся у ее ног.

«*Граждане Армады,* — прочла она, — *после длительного и кропотливого исследования мы близки к достижению, которое удивило бы наших предков. Недалек новый день. Наш город отныне и впредь будет двигаться не так, как раньше*».

Беллис быстро пробежала страницу, пропуская пропагандистские измышления. Ее глаза остановились на ключевом слове, выделенном жирным шрифтом.

Аванк…

Беллис испытала прилив противоречивых чувств. «*Я сделала это,* — подумала она, одержимая странной гордостью. — *Я заставила их дествовать*».

— Великолепная работа, — задумчиво сказал Тинтиннабулум.

Он сидел на корточках перед Анжевиной, изучая ее нижнюю металлическую половину, разглядывая и трогая детали двигателя. Женщина чуть откинула назад свою верхнюю, телесную часть, — терпеливая и бесстрастная.

Уже несколько дней Тинтиннабулум отмечал перемены, произошедшие в его помощнице, слышал, что ее двигатель гудит по-новому. Двигаться она стала быстрее и точнее, могла закладывать крутые виражи и останавливалась быстро и бес-

шумно. Ей стало легче проезжать по качающимся мостикам Армады. Исчезло ее всегдашнее внутреннее беспокойство, прекратились постоянные поиски угля или дерева.

— Что случилось с твоим двигателем, Анжевина? — спросил Тинтиннабулум.

И она, улыбаясь от распиравшей ее робкой радости, показала ему.

Он стоически покопался в ее трубках, обжигая руки о котел, обследовал ее обновленные металлические внутренности.

Тинтиннабулум знал, что наука в Армаде пребывает в убогом состоянии. Она была такой же пиратской, как и экономика и политика города, — продукт воровства и случая, разномастная и непоследовательная. Инженеры и маги набирались опыта на полуразрушенном, устаревшем оборудовании и похищенных изделиях такой немыслимой конструкции, что разобраться в них было невозможно. Наука в Армаде представляла собой лоскутное одеяло.

— Этот человек, — пробормотал он, запустив по локоть руки в двигатель Анжевины и трогая пальцами трехступенчатый выключатель на спинке ее шасси, — этот человек, может, и обычный механик, но… работа великолепная.

Немногие в Армаде смогли бы так. Почему он это сделал? — спросил он.

Ответить на это Анжевина могла лишь туманно.

— Ему можно доверять? — спросил Тинтиннабулум.

Тинтиннабулум и его команда не были уроженцами Армады, но их преданность Саргановым водам никто не ставил под сомнение. Рассказывали о том, как они попали на Армаду. Любовники нашли их неким эзотерическим способом и убедили работать в городе за жалованье, размера которого никто не знал. Для них были разведены канаты и цепи, связующие воедино ткань Саргановых вод. Квартал открылся перед ними, и Тинтиннабулум смог войти и прижиться в самом сердце города, который опять сомкнулся за ним.

В то утро Анжевина тоже подобрала одну из листовок, неожиданно заваливших улочки Армады, и узнала, в чем суть проекта Саргановых вод. Эта новость взволновала ее, но, как ей стало ясно, не особенно удивила. Она давно *уже* допускалась на официальные слушания, видела книги на столе Тинтиннабулума, ей попадались на глаза диаграммы и незавершенные расчеты. Узнав, в чем суть проекта, Анжевина сразу же поняла, что

давно уже это знает. В конце концов, разве она не работала на Тинтиннабулума? А кто же он, как не охотник?

В его комнате было полно свидетельств. Книги — ни у кого другого книг за пределами библиотеки ей видеть не приходилось, — гравюры, бивни, украшенные резьбой, сломанные гарпуны. Кости, рога и шкуры. За годы ее работы Тинтиннабулум и его семерка отдавали все свои знания и опыт Саргановым водам. Рогатые акулы, киты и кети, костерыбы, шелларки — всех он выследил, загарпунил, поймал: кого на пищу, кого из самозащиты, кого ради удовольствия.

Порой, когда все восемь собирались вместе, Анжевина прикладывала ухо к деревянной панели, прижималась к ней изо всех сил, и, хотя до нее доносились лишь случайные слова, этого было достаточно, чтобы понять: здесь готовится что-то необыкновенное.

Она слышала, как корабельный сумасшедший по имени Аргентариус, которого никто никогда не видел, кричал на них и бранился, говоря, что боится. Анжевина догадывалась: он стал таким, потому что когда-то давно на него напала одна из их жертв. Но это не остановило его товарищей. Они утверждали свою власть над глубинами мо-

ря, пытались проникнуть в это жуткое царство.

Говоря об охоте, они приходили в небывалое возбуждение от всех этих левиафанов, лахаму, каразубиц.

Так почему бы не поймать аванка?

Ничего удивительного в этом на самом деле нет, думала Анжевина.

— Ему можно доверять? — повторил Тинтиннабулум.

— Можно, — сказала Анжевина. — Он хороший человек. Он благодарен за то, что его избавили от отправки в колонии, и зол на Нью-Кробюзон. Он по собственному почину подвергся переделке, чтобы лучше нырять, лучше работать в порту. Теперь он стал морским обитателем. Он предан Саргановым водам не меньше, чем любой местный уроженец.

Тинтиннабулум поднялся и закрыл котел Анжевины. Губы его задумчиво сложились в трубочку. У себя на столе он нашел длинный, написанный от руки список имен.

— Как его зовут? — спросил он, а услышав имя, кивнул и тщательно вывел: *Флорин Сак*.

ГЛАВА 18

Слухи и сплетни в Армаде имели куда больше силы, чем в Нью-Кробюзоне, но в Армаде существовали и средства массовой информации. Были в городе глашатаи, извещавшие о той или иной полуофициальной политической линии кварталов. Было несколько досок объявлений, выпускались и периодические издания. Печатались они на отвратительной бумаге, насквозь пропитанной типографской краской, — бумага многократно перерабатывалась.

Выходили эти издания нерегулярно, — когда находились писатели, печатники и ресурсы. В большинстве своем они раздавались бесплатно и были тонюсенькими — один-два листочка, плотно набитые буквами.

В залах Армады всегда шли представления с музыкой, простонародные и очень популярные, а потому публикации были полны рецензий. Иногда печатались всякие щекотливые и скандальные материалы, но Беллис находила их скучными и провинциальными. Самыми вызывающими и противоречивыми были споры насчет распределения добычи или насчет того,

какой квартал что захватил. Таковы были новостные листки, которые, на взгляд Беллис, имели хоть какой-то смысл.

В гибридной культуре Армады были представлены все существовавшие в Бас-Лаге издательские традиции, а также и уникальные, родившиеся в пиратском городе. «Скорее часто, чем редко» — так называлось еженедельное издание, которое в стихах сообщало о смертях в городе. «Заботы Джухангирра» издавались в квартале Ты-и-твой и не содержали ни одного слова. Истории, которые (по непонятным для Беллис признакам) считались важными, рассказывались в примитивных картинках.

Иногда Беллис читала «Флаг» или «Зов совета» — оба издания выходили в Дворняжнике. «Флаг» был, вероятно, лучшим новостным изданием в городе. «Зов совета» был газетой политической, где помещались дебаты между сторонниками разных систем управления кварталами: демократии Дворняжника, солнечного женоцарства Джхура, «абсолютного добросердечия» Сарганових вод, протектората Бруколака и так далее.

Оба издания, невзирая на всю их хваленую терпимость к инакомыслящим, были более-менее преданы Демократическому совету Дворняж-

ника. Поэтому Беллис, которая стала понемногу разбираться в хитросплетениях армадской политики, ничуть не удивилась, когда «Флаг» и «Зов совета» начали высказывать сомнения в целесообразности проекта «Аванк».

Поначалу они были весьма осторожны в своей критике.

«Поимка аванка стала бы триумфом науки, — вещала передовица „Флага“, — но остаются вопросы. Возможность двигаться быстрее пойдет городу на пользу, но во что это обойдется?»

Вскоре возражения стали гораздо более резкими.

Но поскольку Армада все еще пребывала в приятном волнении после необычного заявления Саргановых вод, скептики и противники этого замысла оставались в подавляющем меньшинстве. В тавернах (даже в тавернах Дворняжника и Сухой осени) царило приподнятое настроение. Масштаб затеянного предприятия, обещанная поимка *аванка,* — боги милостивые, у кого угодно закружилась бы голова.

И тем не менее не верившие в успех выступали против проекта в своих листках, памфлетах, плакатах. На них не обращали внимания.

Начался набор людей.

На причалах гавани Базилио было созвано специальное собрание. Флорин Сак в ожидании потирал свои щупальца. Наконец вперед вышел сержант стражи.

— Тут у меня список, — прокричал он, — механиков и других, призванных Любовниками для выполнения специального задания.

Шепот и ропот взметнулись над толпой и тут же улеглись. Ни у кого не было ни малейших сомнений относительно того, что это за специальное задание.

Сержант зачитывал имена, а названные и их ближайшие соседи бурно реагировали. Эти имена совершенно не удивляли Флорина. Выкликали лучших его коллег — самых умелых рабочих, наиболее знающих инженеров, которые были хорошо знакомы с передовой технологией. Некоторые были из недавно похищенных — большей частью из Нью-Кробюзона, в том числе несколько переделанных с «Терпсихории».

Флорин понял, что назвали и его имя, только когда кто-то из его восторженных коллег начал барабанить ему по спине. Он даже не подозревал, как велико было в нем напряжение, но теперь облегченно вздохнул и расслабился. Он понял, что ждал этого. Он это заслужил.

На «Гранд-Осте» уже собрались другие — рабочие из промышленных кварталов, из литеен и лабораторий. Они проходили собеседования. Металлургов отделили от механиков и хемических рабочих. Их протестировали, проверили их профессиональные навыки. На них воздействовали убеждением, но не принуждением. При первом (неопределенном) упоминании об анофелесах, при первых обмолвках о том, что это за остров, несколько мужчин и женщин отказались участвовать в проекте. Флорин забеспокоился. «*Но ты ни за что не откажешься,* — сказал он себе, — *и будь что будет*».

С наступлением темноты тесты и опросы закончились и Флорина вместе с другими пригласили в одну из кают-компаний «Гранд-Оста». Помещение было большое и изысканное, отделанное медью и черным деревом. Всего отобрали человек тридцать. «*Здорово нас обкорнали*», — подумал Флорин.

Болтовня сразу же стихла, когда вошли Любовники. Как и в самый первый день, по обеим сторонам от них шли Утер Доул и Тинтиннабулум.

«*Что-то вы скажете мне сегодня?* — лениво думал Флорин. — *Новые чудеса? Новые перемены?*»

Любовники поведали полную историю острова, сообщили о своих планах. Все присутствовавшие подтвердили, что согласны.

Флорин слушал, прислонясь спиной к стене. Он пытался заразиться скептицизмом (планы были такими абсурдными и могли рухнуть в любой момент), но понял, что у него не получается. Он слушал, а сердце его билось все чаще; Любовники и Тинтиннабулум рассказывали ему и его новым товарищам, что они собираются делать — отправиться к людям-комарам, искать ученого, который, возможно, еще жив, получить от него нужные сведения и построить машины, чтобы управлять самым необыкновенным существом, когда-либо обитавшим в морях Бас-Лага.

Мероприятия против подъема аванка тайно проводились в других местах.

В центре Сухой осени располагался «Юрок» — огромное старое судно, внушительное и неприветливое, длиной пять сотен футов и шириной в сотню, если брать по середине главной палубы. Его размеры, очертания и характеристики были единственными в своем роде. Никто в Армаде не знал, сколько лет «Юроку» и когда он появился в городе.

Ходили слухи, что «Юрок» — подделка, как

кольцо с фальшивым бриллиантом. Не клипер, и не барк, и не колесница, и не любой другой из всем известных типов кораблей. Нередко можно было услышать, что такое судно вообще никогда не могло плавать — уж слишком у него необыкновенные формы. Скептики утверждали, что «Юрок» был построен в Армаде, прямо на том месте, где он теперь и находится. Они говорили, что он не был найден в море или захвачен, что это просто муляж из железа и дерева.

Но некоторые все же знали правду. В Армаде было несколько лиц, еще помнивших прибытие «Юрока». Среди них был и Бруколак, который в одиночестве привел это судно.

Он вставал каждый вечер с заходом солнца, когда можно было не бояться дневного света, и поднимался по вычурным мачтам-башням «Юрока». Он высовывал руку из узкого окна и гладил отростки и чешуйки на перекладинах разной длины. Его пальцы, во много раз более чувствительные, чем у людей, ощущали слабое биение энергии под этими тонкими пластинками из металла, керамики и дерева, словно кровь струилась по капиллярам. Бруколак знал, что «Юрок» все еще может плавать, если возникнет нужда.

Корабль этот был построен до его несмерти,

или первого рождения, за много тысяч миль от Армады, в местах, которых не видел никто из живых армадцев. Прошли поколения со времени, когда плавучий город посетил те края, и Бруколак страстно надеялся, что город никогда туда не вернется.

«Юрок» был лунокораблем — он мог маневрировать и плыть, улавливая лунные лучи.

Палубы удивительных очертаний возвышались над кормой корабля, как геологические отложения. Этот корабль выделялся среди других замысловатыми сегментами многослойного мостика, расселиной в центре, причудливой формой иллюминаторов и кают. Из его широкого тела торчали шпили — некоторые напоминали мачты, другие походили на конус, упирающийся в пустоту. Как и на «Гранд-Осте», на «Юроке» не было никаких построек, хотя соседние суда были плотно заставлены кирпичными хибарами. Но если строительство на «Гранд-Осте» было запрещено, то строить на лунокорабле просто никому не приходило в голову. Его устройство не позволяло этого.

В дневное время «Юрок» выглядел болезненно-бесцветным. Но когда опускались сумерки, его поверхность начинала переливаться пер-

ламутровым блеском, словно сюда спускались цветопризраки. Вид корабля вызывал трепет. И тогда Бруколак выходил на его палубы.

Иногда Бруколак созывал встречи в зловещих помещениях «Юрока». Он приглашал своих немертвых помощников, и они обсуждали всевозможные проблемы, например кровесбор, десятину с Сухой осени. «*Вот что делает нас непохожими ни на кого,* — говорил он им. — *Вот что дает нам силы и обеспечивает нам преданность граждан*».

В тот вечер, когда Флорин Сак и другие посвященные в план Саргановых вод спали или размышляли о своей миссии, Бруколак принимал гостей на борту «Юрока» — делегацию совета Дворняжника, члены которой наивно полагали, что встреча проводится тайно (у Бруколака заблуждений на сей счет не было: из звуков, доносившихся с соседних судов, он выделил шаги и безразлично отметил про себя, что это крадется шпион Саргановых вод).

Члены совета Дворняжника нервничали на лунокорабле. Они гурьбой следовали за Бруколаком, пытаясь не показывать своего беспокойства. Зная, что гостям необходим свет, Бруколак заранее зажег факелы в коридорах. Газовые горелки

он предпочел не использовать, злорадно радуясь тому, что тени, отбрасываемые факелами, будут непредсказуемо и хищно, словно летучие мыши, плясать на стенах узких корабельных коридоров.

Круглая комната для встреч была расположена в самой широкой мачте-башне, на высоте в пятьдесят футов над палубой. Отделанная гагатом, оловом и тончайшей работы свинцом, она была роскошной и отталкивающей. Здесь не было ни свечей, ни факелов, но ледяной свет пронизывал все помещение со строгой четкостью: мачты корабля собирали лунный и звездный свет, усиливали его и по зеркальным трубоводам, словно кровь по венам, направляли в это помещение. При таком необычном освещении все предметы казались лишенными цвета.

— Дамы и господа, — сказал Бруколак своим горловым шепотом.

Он улыбнулся и, откинув назад волосы, попробовал воздух своим раздвоенным языком, а потом жестом пригласил гостей садиться. Он смотрел, как они, настороженно поглядывая на него, рассаживаются за столом темного дерева — люди, хотчи, ллоргисы и другие.

— Нас обошли, — продолжил Бруколак. — Пред-

лагаю обдумать контрмеры.

Сухая осень во многом казалась похожей на Сарганову воды. Палубы сотен челнов, барж, блокшивов светились в темноте и полнились звуками из таверн и игрален.

Но над всем этим мрачно нависал деформированный силуэт «Юрока». Он бесстрастно, не осуждая и не одобряя, присматривал за веселыми компаниями Сухой осени, и те отвечали, время от времени поглядывая на него с какой-то осторожной, беспокойной гордостью. Они напоминали себе, что у них больше свободы, есть право голоса, в отличие от жителей Сарганових вод, что они лучше защищены, чем в Ты-и-твой, что они вольны в своих решениях больше, чем обитатели Шаддлера.

Обитатели Сухой осени знали, что многие жители других кварталов считают кровесбор слишком высокой ценой, но объясняли это глупой чувствительностью. Больше всех протестовали новички, насильно привезенные в Армаду. Суеверные чужаки, еще не успевшие привыкнуть к армадским обычаям, как говорили жители Сухой осени.

Местные напоминали новичкам, что телесные наказания в Сухой осени отсутствуют. Тем, у кого есть печать Сухой осени, власти частично опла-

чивают товары и развлечения. Если решаются важные вопросы, то Бруколак созывает общее собрание, на котором каждый имеет право высказаться. Он их защищает. Его власть ничуть не напоминает анархическое, непредсказуемое правление, существующее в других кварталах города. Сухая осень безопасный, цивилизованный квартал, улицы ухожены. Поэтому кровесбор — не такая уж высокая плата.

Они любили свой квартал, были привязаны к нему. «Юрок» стал для них талисманом, и каким бы шумным и сумбурным ни выдавался вечер, они время от времени поглядывали на очертания корабля, черпая в этом спокойствие.

В ту ночь, как и в любую другую, мачты-башни «Юрока» цвели нездешним свечением, известным как «огонь святого». Огонь этот в особых случаях светился на всех кораблях (например, во время грозы или при очень сухом воздухе), но на лунокорабле он вспыхивал с ритмичностью прилива.

На него летели ночные птицы, летучие мыши и мотыльки, танцевавшие в его сиянии. Они ударялись друг о друга, и некоторые из них опускались, привлеченные менее ярким светом из иллюминаторов. Члены совета Дворняжника в

комнате заседаний Бруколака нервно поглядывали на окна, по которым непрестанно молотили маленькие крылышки.

Встреча проходила не очень гладко.

Бруколак столкнулся с сопротивлением. Ему крайне важно было заключить союз с членами совета, и он пытался работать с ними, предлагать стратегии, рассматривать варианты. Но ему, при его способности устрашать, никак не удавалось завладеть умами. Устрашение лежало в основе его власти и стратегии. Он не был уроженцем Армады — Бруколак в жизни и несмерти принадлежал десятку народов и городов и давно открыл для себя: если живые не хотят знать страха, то в страхе пребывают вампиры.

Обитая в городах, где им приходится прятать свою истинную сущность, и выходя по ночам в поисках пропитания они могут выглядеть безжалостными ночными охотниками, но и спят, и кормятся они, пребывая в страхе. Живые не желают мириться с их присутствием и если обнаруживают вампира, то для него это означает настоящую смерть. Для Бруколака все это стало неприемлемым. Когда он два века назад принес гемофагию в Армаду, этот город был свободен от бессознательного, убийственного ужаса перед

его племенем — здесь он мог жить открыто.

Но Бруколак всегда помнил о воздаянии. Он не боялся живых, а это означало, что они должны бояться его. А с этим он никогда не испытывал трудностей.

И теперь, когда он устал от интриг, жаждал вступить в соглашение, нуждался в помощи, но не имел никого, кроме этой разнородной группки бюрократов, инерция страха была слишком велика, непреодолима. Совет Дворняжника боялся сотрудничать с ним. Каждым своим взглядом, каждым щелчком зубов, каждым выдохом, каждым медленным сжатием кулака Бруколак напоминал им о своей природе.

Может, это и неважно, в ярости думал он. Какой от них прок? О Шраме он сказать не может. Станут спрашивать, откуда ему известно, а ответа не будет, и они просто не поверят ему. Он может попытаться объяснить все про Доула, но тогда его сочтут предателем, который обменивается секретами с одним из главарей Саргановых вод. Но и в этом случае ему, скорее всего, не поверят.

«*Утер,* — лениво подумал он, — *ты умная свинья, проклятый махинатор*».

Сидя в этой комнате рядом с возможными союзниками, он думал только о том, насколько

ему ближе Доул, сколько у них с Доулом общего. Он не мог отделаться от чувства (совершенно бессмысленного), что они действуют заодно.

Бруколак сидел и слушал разглагольствования и неубедительные построения членов совета, которые боялись перемен и думали лишь о сохранении баланса сил в городе. Он старался спокойно выслушивать пустые и нелепые рассуждения, оторванные от реальности. Члены совета устроили дискуссию об истинной природе правонарушения, совершаемого Любовниками. Кое-кто предлагал обратиться к чиновникам Саргановых вод через голову их правителей — беспочвенные, невыполнимые, бессвязные идеи.

И вот кто-то из присутствующих назвал имя Саймона Фенча. Никто не знал, кто это такой, но имя его повторялось все чаще и чаще среди меньшинства, возражавшего против подъема аванка. Бруколак ждал, надеясь услышать наконец конкретное предложение. Но спор опять быстро ушел в эмпиреи, в никуда. Вампир ждал и ждал, но ничего разумного сказано не было.

Он чувствовал, как солнце огибает мир с другой стороны. Чуть больше чем за час до рассвета он перестал сдерживаться.

— Боги и трах небесный, — зарычал он сво-

им кладбищенским шепотом. Члены совета в испуге замолчали. Он встал и раскинул руки в стороны. — Я несколько часов слушал, как вы несете бессмысленную херню, — прошипел он. — Глупости и безрассудство. Вы *некомпетентны!* — Последнее слово прозвучало как проклятие. — От вас никакого толку. Никакой пользы. Прочь с моего корабля!

На мгновение в комнате воцарилось молчание, а потом члены совета стали подниматься на ноги, тщетно пытаясь сохранить хотя бы видимость достоинства. Одна из них, Вордакин, одна из лучших, женщина, к которой Бруколак сохранил каплю уважения, открыла было рот, чтобы возразить ему. Лицо ее было белым, но она не сдавала позиций.

Бруколак распростер руки, как крылья, над головой. Открыл рот, выкатил язык и выставил свои ядовитые клыки. Руки его изогнуты и опасны.

Рот Вордакин тут же захлопнулся, и она с гневом и ужасом на лице пошла к двери вслед за своими коллегами.

Оставшись один, Бруколак опустился на свой стул. «*Бегите скорей домой, ходячие кровяные мешки*», — подумал он. На его лице внезапно

появилась ледяная ухмылка — он вспомнил о заключительной пантомиме. «*Сиськи лунные,* — иронически подумал он, — *они, видать, решили, что я сейчас превращусь в летучую мышь*».

Когда он вспомнил объявший их ужас, ему на память пришло единственное другое место, где он жил открыто как немертвец. При этом воспоминании Бруколака передернуло. Исключение из его правила, единственное место, где воздаяние страха между живыми и вампиром оказалось недействующим.

«*Слава лордам крови, слава прощенным, богам соли и огня, мне больше не придется возвращаться туда*». В то место, где он был свободен — принужден к свободе — от любого притворства, от всех иллюзий. Там, где обнажалась истинная натура мертвых, живых и немертвецов.

Родина Утера Доула. В горах. Он вспомнил холодные горы, безжалостный кремневый камнепад, гораздо более склонный к прощению, чем этот вонючий город Доула.

ГЛАВА 19

В огромной мастерской квартала Джхур собралась чрезвычайная комиссия.

Одной из опор экономики Джхура было производство летательных аппаратов. Фабрики Джхура гарантировали качество своих изделий — жестких, полужестких и нежестких дирижаблей, воздушных судов и двигателей.

«Высокомерие» было крупнейшим летательным аппаратом в небе Армады. Захваченный много десятилетий назад, он затем получил повреждения в каком-то забытом бою и был сохранен как диковинка и как средство наблюдения. Мобильные аэростаты города едва достигали половины его длины; самые крупные, двухсотфутовые, деловито тарахтевшие над городом, носили странные имена вроде «Барракуда». Возможности аэростроителей были ограниченны: в Армаде не хватало места для огромных ангаров, где можно было бы строить громадные аппараты вроде нью-кробюзонских воздушных кораблей-разведчиков или миршокских челноков — семьсот футов металла и кожи. И, вообще говоря, у Армады не было потребности в таких

аппаратах.

Но теперь, кажется, такая потребность возникла.

На следующее утро после разбрасывания листовок бригадир джхуровских аэромастерских на «Опеке», собрал весь наличный состав предприятия — строчильщиков, инженеров, конструкторов, металлургов и множество прочих. Множество недостроенных корпусов дирижаблей остались на своих местах, вокруг фабрики в корпусе перестроенного парохода, а рабочие отправились слушать бригадира, который, запинаясь, принялся рассказывать о новом задании.

У них было две недели.

Сайлас оказался прав, подумала Беллис. У него не было ни малейшей возможности попасть в состав экспедиции, направляющейся на остров. Даже она, сторонившаяся всех городских интриг и скандалов, все чаще и чаще слышала о Саймоне Фенче.

Конечно, пока все это были лишь смутные слухи. Каррианна сказала что-то о человеке, который сомневается в проекте, и он, мол, читал какой-то памфлет, написанный неким Финком, или Фитчем, или Фенчем. Шекель сказал Беллис, что, на его взгляд, это замечательная идея, но он

слышал, будто некто по имени Фенч говорит: мол, Любовники напрашиваются на неприятности.

Беллис по-прежнему удивлялась умению Сайласа проникать в самое чрево города. Опасно ли это? — спрашивала она. Не ищут ли его Любовники?

Она улыбнулась, подумав о Шекеле. Некоторое время ей не удавалось продолжать занятия с ним, но, заглянув недавно, парень не упустил случая с гордостью продемонстрировать ей свои успехи. В ее помощи больше не было нужды.

Он пришел спросить, о чем написано в книге Круаха Аума. Шекель был отнюдь не глуп. Он прекрасно понимал, что книга, которую он нашел, возможно, стала причиной неожиданных и бурных событий последней недели — лавины листовок, необычного плана, новой диковинной работы Флорина.

— Ты был прав, — сказала она ему. — Мне понадобилось некоторое время, чтобы перевести книгу, но когда я поняла, что она собой представляет — отчет об эксперименте…

— Они вызвали аванка, — прервал ее Шекель, и Беллис кивнула.

— Когда я поняла, что это за книга, — продолжала она, — я позаботилась, чтобы она попала к

Тинтиннабулуму и Любовникам. Оказалось, что именно она им и нужна, часть их планов…

— Книга, которую нашел *я*, — сказал Шекель, и на его лице появилась самодовольная улыбка.

В аэромастерских на «Опеке» начал обретать форму объемистый остов из проводов и балок.

В углу огромного помещения лежал огромный покров из темно-желтой кожи. Сотня мужчин и женщин сидели по его краям и ловко работали толстыми, длиной в палец, иглами. Тут же стояли кадки с хемикалиями, смолой и гуттаперчей для уплотнения огромных баллонов. Деревянные планки и кованые металлические брусья, соединяясь, приобретали контуры пилотской и пассажирской гондол.

Помещения аэромастерских на «Опеке», хотя и весьма внушительные, не могли вместить это изделие в окончательном его виде. Поэтому все готовые части поднимались на расчищенную палубу «Гранд-Оста», где закреплялись баллоны, склепывались воедино отдельные части корпуса, натягивался кожаный покров.

Единственным в Армаде судном, достаточно большим для таких работ, был «Гранд-Ост».

Было двадцатое, пяльница, или седьмой небди

кварто морской черепахи: Беллис теперь было все равно, каким календарем пользоваться — армадским или кробюзонским. Она не видела Сайласа уже четыре дня.

Теплый воздух полнился птичьим щебетом. Беллис стало тесно в замкнутом пространстве ее комнат, но, когда она вышла прогуляться на улицу, клаустрофобия не прошла. Дома и корабельные борта словно потели на влажной жаре. Беллис не изменила своего мнения о море — его размеры и однообразие вызывали у нее протест. Но в то утро она вдруг ощутила острую потребность убраться подальше от свесов городских крыш.

Беллис корила себя за часы, проведенные в ожидании Сайласа. Она понятия не имела, что с ним случилось, но чувство одиночества, боязнь, что он может никогда не вернуться, быстро закалили ее. Она поняла, насколько уязвимой стала, и вновь воздвигла вокруг себя непреодолимую стену. «*Сижу и жду, как последняя идиотка*», — яростно думала она.

Стражники приходили за ней ежедневно и отводили к Любовникам, к Тинтиннабулуму, к охотникам с «Кастора» или в комитеты, роль которых в поднятии аванка была ей совершенно

неясна. Ее перевод тщательно изучался, разбирался по частям — ей пришлось иметь дело с человеком, который владел верхнекеттайским, хотя и не так хорошо, как она. Тот интересовался подробностями: почему вот здесь она употребила такое время? Почему выбрала эту часть речи? Почему перевела это слово так, а не иначе? Манера его общения была заносчивой, и Беллис доставляла себе маленькие радости, ставя его на место.

— А вот здесь, на этой странице, — в своем обычном нагловатом тоне спросил он. — Почему вы слово «моргхол» передали как «желание»? Оно имеет противоположное значение!

— Из-за времени и залога, — ровным голосом ответила Беллис. — Все придаточное предложение в иронично-продолженном. — Она чуть было не добавила: «*Его нередко ошибочно принимают за плюсперфект*», но сдержалась.

Беллис понятия не имела, к чему все эти допросы с пристрастием. Ощущение было такое, будто из нее выжимают все соки. Она втайне гордилась своим поступком. Порой она загоралась всем, что касалось проекта и острова, потом быстро брала себя в руки, будто в ней шла борьба между раздирающим ее желанием и мрачной, брюзгливой реакцией человека, попавшего сюда по

принуждению.

Но пока еще никто не сказал ей, что она попадет в экспедицию, а ведь это было главным в ее плане. Может быть, что-то пошло не так? — спрашивала она себя. И Сайлас все равно исчез. Может быть, рассудительно говорила она себе, пора составить новый план? Если из прежнего ничего не получится, если они оставят ее в Армаде, а с собой возьмут другого переводчика, тогда, решила Беллис, придется сказать им правду. Она попросит их сжалиться над Нью-Кробюзоном, расскажет о нападении гриндилоу, чтобы они знали, чтобы могли отправить послание вместо нее.

Но она с неприятным страхом вспомнила слова Утера Доула, перед тем как тот пристрелил капитана Мизовича. «*Державу, которую я представляю, ничуть не интересует Нью-Кробюзон,* — сказал он. — *Совершенно не интересует*».

По Водочному мостику она перешла с «Черной метки», барка на границе Сарганового вод, на клипер «Заботы Дариоха».

Улицы в Шаддлере казались Беллис более мрачными, чем в Сарганових водах. Фасады здесь, если вообще были, выглядели попроще. Деревянные плитки тротуаров были выдраены и уложены в уныло-однообразном порядке. Парадная до-

рога — рыночная улочка, соседствующая как с Сарганновыми водами, так и с Зубцом часовой башни, — была забита тележками, животными и покупателями из других кварталов. Все они — хепри, люди и другие — проталкивались через толпы струподелов, которые составляли добрую половину населения Шаддлера.

Беллис научилась узнавать струподелов даже без их панцирей — по характерным тяжелым чертам лица и пепельно-серой коже. Она прошла мимо храма: молчание между выточенных из крови рогов, охранники в затвердевших струпьях. За храмом располагался гербариум с пучками высушенных трав для ускорения свертывания крови. С потеплением травы стали испускать сильный запах.

Продавались тут и мешочки с характерной желтоватой сывороткой, из которой заваривали антикоагулянтный чай. Беллис видела мужчин и женщин, которые пили его из котла. Это было средство против приступов свертывания крови: струподелы были подвержены внезапному загустению всей крови в жилах, что означало быструю и болезненную смерть, превращавшую страдальцев в скорченные статуи.

Беллис стояла на проезжей части перед скла-

дом. Ей пришлось отскочить в сторону, уступая дорогу животному — малорослой лошади, которая тащила телегу к качающемуся мосту и дальше — в более тихую часть города. Беллис остановилась между двумя судами, обвела взглядом город — вон там кургузый корпус корабля-колесницы, а там кривые обводы рыбацкой шхуны, а вон пузатый колесный пароход. А за ними — много других. Каждое судно оплетено паутиной мостков, подвешено на слегка поскрипывающих переходах.

По ним постоянно сновали люди. На Беллис накатила тоска одиночества.

Сад скульптур занимал носовую часть двухсотфутого корвета. Пушки с него давно были сняты, а кожухи и мачты — сломаны.

Маленькая площадь со множеством кафе и таверн плавно переходила в сад, как берег переходит в море. Беллис почувствовала перемену ногами, перейдя с вымощенных деревом или гравием дорожек на мягкую землю сада.

Сад был во много раз меньше Крумпарка — несколько молодых деревьев, ухоженный газон, уставленный десятками статуй, выполненных в разных стилях и материалах. Под деревьями и скульптурами стояли кованые узорчатые скамьи,

а дальше, за невысокой оградой, простиралось море.

У Беллис при виде его перехватило дыхание. Она ничего не могла с собой поделать.

Люди сидели за столиками, уставленными бокалами и чашками, или прогуливались по саду. Вид у них под солнцем был яркий и кричащий. Глядя, как они неспешно прохаживаются или попивают свой чай, Беллис едва не тряхнула головой, напоминая себе, что перед ней пираты, иссеченные шрамами бывалые морские волки, которые живут насилием и грабежом. Они были пиратами, все до единого.

Проходя мимо своих любимых скульптур, Беллис поднимала на них глаза — «Грозный соловей», «Куколка и зубы».

Беллис села и посмотрела вдаль, поверх «Предложения», невыразительной нефритовой плиты вроде надгробия, поверх деревянной стены. Там, в море, пыхтели пароходы и буксиры, упорно тащившие город. Она видела две канонерки и бронеаэростат над ними, патрулирующие море вдоль границ Армады.

На север, обогнув город, направлялся пиратский бриг. Беллис смотрела, как он уходит в свой охотничий поиск на месяц, два, три, а то и на

четыре. Кому он подчиняется — воле капитана или важному плану, разработанному властями квартала?

С другой стороны, в нескольких милях от города, к Армаде приближался пароход. Наверняка это был армадский корабль или какой-нибудь пользующийся льготами купец — иначе он не подошел бы так близко. Беллис подумала что, возможно, он проделал путь в тысячи миль. Когда он отчалил от города, Армада, скорее всего, была совсем в других краях. Но, выполнив свою задачу — грабеж, разбой, — он безошибочно выбрал путь к дому. Это была одна из непреходящих загадок Армады.

За спиной Беллис раздался взрыв птичьего щебета. Она понятия не имела (да и не интересовалась), что это за птицы, но слушала их с удовольствием невежды. И вдруг, словно птичья песня объявила о его прибытии, в поле ее зрения возник Сайлас.

Беллис вздрогнула и начала было подниматься, но он, проходя мимо нее, не замедлил шага.

— Сиди, — бросил он и, остановившись у перил, перегнулся через борт. Она ждала, замерев.

Сайлас стоял на некотором расстоянии, не глядя на нее. Так продолжалось довольно долго.

— Они следили за твоими комнатами, — сказал он наконец. — Поэтому я и не приходил. Держался подальше.

— Они наблюдают за мной *сейчас?* — спросила Беллис, проклиная себя за невнимательность.

— Это моя профессия, Беллис, — сказал Сайлас. — Я знаю, как делаются такие вещи. Собеседования не могут дать им всех нужных сведений. Они должны проверить тебя. Так что не удивляйся.

— И что… они следят и сейчас?

Сайлас неопределенно пожал плечами.

— Не думаю. — Он медленно повернулся. — Не думаю, но не уверен. — Он говорил, едва шевеля губами. — Они несколько дней не отходили от твоего дома. Они тебя вели по крайней мере до окраин Шаддлера, а там, видимо, потеряли интерес. Но я не хочу рисковать. Если они просекут нас, поймут, что их переводчица якшается с Саймоном Фенчем… то мы в заднице.

— Сайлас, — сказала Беллис с холодным смирением, — я не их переводчик. Они не просили меня сопровождать их. Думаю, они возьмут кого-нибудь другого…

— Завтра. Они предложат тебе это завтра.

— Точно? — спокойно спросила Беллис, хотя

внутри у нее все похолодело от волнения, от предвкушения, от непонятно чего. Она сдержалась и не спросила: «Что это ты несешь?» или «Откуда ты знаешь?»

— Завтра, — повторил он. — Можешь мне верить.

И Беллис поверила, внезапно испытав приступ зависти к тому, с какой легкостью проникал он в городские тайны. Его щупальца уходили в самую глубь, давая ему влияние и информацию. Сайлас был похож на паразита, который питается информацией, высасываемой им из-под кожи города. Беллис посмотрела на него с подозрением и уважением.

— Они придут за тобой завтра, — продолжил он. — Тебя возьмут в экспедицию. Все идет по нашему плану. Они собираются провести на острове полмесяца, так что у тебя будет время, чтобы передать информацию на какой-нибудь корабль из Дрир-Самхера. У тебя будет все необходимое, чтобы заставить его отправиться в Нью-Кробюзон. Я все достану.

— Ты и правда думаешь, что сможешь их убедить? — спросила Беллис. — Они редко заходят севернее Шанкелла, а Нью-Кробюзон лежит в тысяче миль от их обычных путей.

— Джаббер милостивый… — Сайлас по-прежнему говорил вполголоса. — Нет, я не могу их убедить. Меня там не будет. *Тебе* придется их убеждать.

Беллис цокнула языком — она разозлилась на него, хотя и ничего не сказала.

— Я приготовлю то, что тебе понадобится, — сказал он. — Письмо на соли и рагамоле. Печати, рекомедации, документы и подтверждения. Этого достаточно, чтобы убедить купцов-кактов отправиться для нас на север. И достаточно, чтобы известить кробюзонское правительство о том, что происходит. Достаточно, чтобы защитить город.

Парк покачивался на волнах. Скульптуры потрескивали. Беллис и Сайлас молчали. Некоторое время были слышны только звуки волн и щебет птиц.

«*Они будут знать, что мы живы,* — подумала Беллис. — *Или, по меньшей мере, что жив он*».

Она поскорее отогнала эту мысль.

— Мы можем отправить им эти сведения, — решительно сказала она.

— Тебе придется найти какой-нибудь способ, — ответил Сайлас. — Ты ведь понимаешь, что поставлено на карту?

«*Не обращайся со мной как с каким-нибудь недоумком*», — свирепо подумала Беллис, но он на мгновение перехватил ее взгляд и ничуть не смутился.

— Ты понимаешь, что тебе придется сделать? — повторил он. — Там будут стражники. Армадские. Тебе придется как-то ускользнуть от них. Тебе и от анофелесов придется как-то ускользнуть, боги милостивые! Ты сможешь?

— Я сделаю, — холодно сказала Беллис, и Сайлас неторопливо кивнул в ответ.

Он снова заговорил, и на кратчайший миг возникло ощущение, будто он не уверен в том, что хочет сказать.

— У меня… не будет возможности встречаться с тобой, — выговорил он. — Лучше мне держаться подальше.

— Конечно, — сказала Беллис. — Мы теперь не можем рисковать.

На его лице промелькнуло горькое выражение, сожаление о чем-то несбывшемся — Беллис нахмурилась.

— Извини за это и за… — сказал он, пожав плечами и отвернувшись. — Когда ты вернешься и с этим будет покончено, мы, наверно, сможем… — Он умолк.

Беллис, услышав печаль в его голосе, была немало удивлена. Лично она не чувствовала ничего. Даже разочарования. Они искали и что-то нашли друг в друге, у них было общее дело (до нелепости приниженное название для их плана), но не больше. Она не питала к нему недобрых чувств. Где-то на дне души тонким слоем лежали остатки привязанности к нему. Но не более того. Ее удивил его неуверенный тон, сожаление, извинения и намеки на глубокое чувство.

Беллис с растущим интересом обнаружила, что слова Сайласа не вполне убеждают ее. Она не верила его елейным речам, она даже не знала, верит ли им он сам, но вдруг поняла — нет, она им не верит.

Это успокоило ее. После его ухода она осталась сидеть, сложив руки, с неподвижным и бледным лицом, которое обдувал ветер.

К ней пришли, чтобы сообщить: нужны ее языковые познания, так что ее включат в состав экспедиции.

Беллис находилась на «Гранд-Осте», в одной из нижних кают надстройки, на этаж или два выше палубы. Она смотрела в иллюминатор на корабли Саргановых вод, на возвышающийся над ними бушприт «Гранд-Оста». Трубы корабля бы-

ли надраены, мачты, словно оголенные мертвые деревья, на двести-триста футов устремлялись в небо, а их корни уходили вниз, разветвляясь на столовые и полуэтажи.

На палубе, словно расчлененное ископаемое, лежала начинка огромного летательного аппарата. Гнутые металлические брусья, похожие на бочарные обручи или ребра, винты и двигатели, объемистые, пухлые баллоны. Все это, огибая основания мачт, растянулось на сотни футов вдоль борта «Гранд-Оста». Бригады инженеров приклепывали детали друг к другу, собирая из отдельных частей огромный дирижабль. Шум и сверкание раскаленного металла доходили до Беллис через окна.

Наконец появились Любовники, и началось собеседование.

Ночью Беллис вдруг обнаружила, что не может уснуть. Она решила не пытаться и попробовать вновь взяться за письмо.

Ей казалось, что она находится чуть ли не в центре событий. Каждый день ее провожали на «Гранд-Ост». В кают-компании собирались около тридцати-сорока мужчин и женщин, принадлежащих к разным расам. Было и несколько переделанных. Один или два из них плыли с ней

на «Терпсихории». Она узнала приятеля Шекеля — Флорина Сака и поняла, что он тоже узнал ее.

Внезапно пришла жара. Город, поскрипывая, плелся через новую полосу Мирового океана. Воздух стал сухим, солнце каждый день палило так, как никогда не делало в Нью-Кробюзоне в разгар лета. Но жара не радовала Беллис. Она часто сидела, уставясь в это новое, равнодушное небо и чувствуя, как оно ослабляет ее волю. Она потела, стала легче одеваться и меньше курить.

Люди ходили по пояс раздетыми, а небо полнилось стаями летних птиц. Вода вокруг города была чистой, и большие косяки цветастых рыб ходили у самой поверхности. Над переулками Сарганового вод стоял смрад.

Хедригалл и другие вроде него — похищенные какты, бывшие пираты-купцы — читали лекции. Хедригалл был блестящим оратором, и благодаря его опыту рассказчика приводимые им описания и объяснения превращались в экзотические, волнующие истории. Это была опасная черта.

Он рассказывал Беллис и ее новым товарищам об острове анофелесов. И, слушая его истории, Беллис спрашивала себя — уж не взялась ли она за дело, которое ей не по зубам.

Иногда на собрания приходил Тинтиннабулум.

Всегда присутствовал кто-нибудь из Любовников, а то и оба. А иногда, к беспокойству Беллис, рядом оказывался Утер Доул — стоял, прислонившись к стене, положив руку на эфес своего меча.

Беллис не могла оторвать от него глаз.

На палубе обретал очертания аэростат, похожий на огромного округлого кита. Беллис видела лестницы, сооружаемые внутри. Сооружались хрупкие на вид кабины, натягивалась пропитанная смолой и живицей кожа.

Вначале летательный аппарат представлял собой массу разрозненных частей, потом стал единым скелетом, а по мере того, как шла работа, все больше походил на огромный дирижабль. Он лежал на палубе, как огромное насекомое, только что рожденное из куколки: все еще не в силах взлететь, но уже ставшее тем, чем оно будет впредь.

Беллис в эти жаркие ночи сидела в одиночестве на своей кровати, потела и курила, жутко боясь того, что ей предстоит, и в то же время чуть не дрожа от возбуждения. Иногда она вставала и начинала ходить только для того, чтобы услышать, как шлепают ее ноги по металлическому полу. Ей нравилось, что, кроме нее, в комнате никто не производит ни звука.

ГЛАВА 20

Короткие, очень жаркие дни и бесконечные потные ночи. Шли недели, и дни становились длиннее, но свет по-прежнему пропадал ранним вечером, а долгая, липкая летняя ночь обессиливала город.

На границах кварталов происходили вялые стычки. Загулявшие головорезы из Саргановых вод могли оказаться в том же баре, что и компания из Сухой осени. Поначалу слышался только обмен любезностями: парни из Саргановых вод могли высказаться насчет любителей пиявок или громил демона, а ребята из Сухой осени громко шутили по поводу двух извращенцев у руля или, смеясь, придумывали плохие рифмы к словам «резать», «струп» и все в таком роде.

Несколько рюмок, понюшек или затяжек — и начинались тычки и пинки, но противники редко выплескивали всю свою энергию. Они делали только то, чего сами от себя ждали, и не больше.

К полуночи на улицах почти никого не оставалось, а к двум-трем часам они были практически пусты. Гул с соседних кораблей никогда не затихал. Там, в промышленных кварталах, на корме

у старых кораблей, примостились фабрики и мастерские, отравлявшие воздух своими дымами. Работа в них никогда не прекращалась. По ночному городу двигались стражники — каждый в униформе своего квартала.

Армада не была похожа на Нью-Кробюзон. Здесь не существовало параллельной экономики отбросов, нищеты и выживания — здесь не было пустых подвалов, где ютились бездомные и попрошайки. Не было свалок, которые служили подспорьем для кробюзонских нищих, — из городских отходов извлекалось все, что можно было использовать вторично, а остаток выбрасывался в море вместе с телами мертвецов, и круги на воде за ними быстро исчезали.

На шлюпах и фрегатах были трущобы, где под действием морской воды и жары гнили дома, роняя капли влаги на своих обитателей. Рабочие-какты из Джхура спали стоя, набившись, как сельди в бочку, в дешевые ночлежки. Однако кробюзонцы чувствовали разницу. Нищета здесь была не такой убийственной, как у них дома. Драки по большей части вспыхивали по пьянке, а не из отчаяния. У всех была крыша над головой, пусть нередко и дырявая. Не было бродяг, которые подкарауливают в ночи припозднившихся

граждан.

А потому глухой ночью человека, крадущегося к «Гранд-Осту», не видел никто.

Он неспешно шел по далеко не самым шикарным улочкам Саргановых вод — по Игле, Кровавому Лугу, лабиринту Ваттландауб на корабле «Подстрекатель»; потом он перебрался на баркентину «Плетенка», изъеденную плесенью, оттуда на подлодку «Пленгант». Он шел мимо люков на палубе лодки, держась в тени облупившейся перископной башни.

За его спиной, среди шпилей и мачт, темнела вышка «Сорго».

Рядом с «Пленгантом» раскачивался похожий на стену каньона высокий борт «Гранд-Оста». Из чрева гиганта, из-под его металлической шкуры доносились звуки непрекращающихся работ. На поверхности подлодки росли деревья: они вцепились в металл корнями, похожими на узловатые пальцы ног. Человек шел в их тени и слышал резкие звуки кожистых крыльев наверху, где носились летучие мыши.

Подлодку и борт-утес разделяли тридцать-сорок футов воды. Человек видел в небесах огни и тени припозднившихся дирижаблей. Слабые лучи фонарей в руках стражников, патрулирующих

палубу, шарили по поручням «Гранд-Оста».

Он увидел перед собой плавные обводы огромного обтекателя, закрывающего колесо «Гранд-Оста». Под этим колоколообразным кожухом внизу были видны лопатки громадного колеса, торчащие, как коленки из-под юбки.

Человек вышел из тени хилых деревьев, снял ботинки, привязал их к своему ремню. Никто не появился, все вокруг было тихо, и он подошел к округлому борту «Плентганта» и внезапно почти беззвучно соскользнул в прохладную воду. До «Гранд-Оста» плыть было всего ничего, и вскоре человек оказался под кожухом колеса.

Промокший и исполненный решимости, человек поднялся в темноту по лопаткам шестидесятифутового колеса. Он был совершенно спокоен, хотя производимые им звуки эхом разносились в пространстве под кожухом. Он вскарабкался на огромную ось, подобрался к ее оконечности, а оттуда полез в давно заброшенный служебный люк, о существовании которого он знал.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы снять вековой налет, но вот люк открылся, и человек сумел пролезть в громадный, ныне безмолвный моторный отсек, где давно уже царила пыль.

Он прополз мимо тридцатитонных цилиндров гигантских двигателей. Отсек представлял собой лабиринт из лазов и монолитных поршней, шестерен и маховиков, посаженных часто, как деревья в лесу.

Пыль и свет были неподвижны, и впечатление создавалось такое, словно время потеряло здесь силу и сдалось на милость победителя. Человек покопался в дверном замке и замер, держась за ручку. Он помнил план корабля и знал, куда направляется, минуя стражников.

Занятия человека были таковы, что он владел несколькими магическими приемами — умел специальными пассами погружать в сон собак, знал заклинания, позволяющие приклеиваться к тени, поднаторел в черной магии и всяких хитростях. Но он сильно сомневался, что все это защитит его здесь.

Вздохнув, человек взялся за тряпичный сверток, привязанный к поясу. Его охватили дурные предчувствия.

И трепетное волнение.

Разворачивая тяжелый предмет, он нервно подумал, что если бы и в самом деле умел им пользоваться, то заржавевший замок служебного люка и неприятное ночное погружение в воду

могли бы рассеяться как дым. Он все еще оставался невеждой, действующим наугад.

Наконец материя была полностью развернута, и в его руке оказалась резная вещица.

Она была чуть больше кулака, вырезана из гладкого камня, то ли черного, то ли серого, то ли зеленого, и довольно уродлива. Формой своей камень напоминал зародыша со всеми морщинками и завитками, из которых разовьются то ли плавники, то ли щупальца, то ли складки кожи. Поделка была выполнена умело, но, словно намеренно, вызывала отвращение. Статуэтка смотрела на человека единственным глазом — идеальной черной полусферой над круглым ртом, усаженным крохотными зубами, как у миноги. Этот рот зиял чернотой, уходившей в невидимую глотку.

Вдоль спины фигурки шел неровный зубчатый гребень тонкой темной кожи. Кусок ткани. Плавник.

Плавник был вделан в камень. Человек провел пальцами по всей его длине. Лицо его сморщилось от отвращения, но он знал, что должен сделать.

Он поднес статуэтку к губам и принялся шептать что-то на языке, полном шипящих звуков,

которые слабым эхом отдавались в большой комнате, проникали в укромные уголки безмолвной машины.

Человек читал статуэтке сильнодействующие строфы и гладил ее предписанным способом. Пальцы его начали неметь по мере того, как что-то выходило из него.

Наконец он проглотил слюну и повернул статуэтку лицом к себе. Он поднес ее ближе, помедлил и, чуть наклонив голову, имитируя тошнотворную страсть, принялся целовать ее в губы.

Затем он открыл рот, просунул язык в зоб фигурки, ощутил холодную колкость ее зубов и завел язык еще глубже. Глотка фигурки уходила глубоко внутрь, а язык человека, казалось, проник в самое ее чрево. Он ощущал сильный холод у себя во рту. Приходилось сдерживать тошноту — вкус был отвратительный, тухловатый, соленый, мыльный.

Втиснув свой язык в самые глубины фигурки, он вдруг почувствовал ответный поцелуй.

Он ждал этого поцелуя, надеялся, полагался на него и все же испытал новый приступ тошноты и отвращения. Он ощущал своим языком слабое дерганье языка статуэтки — холодного, влажного и неприятно живого, словно в чреве фигурки

обитала жирная личинка.

Неприятный вкус усилился. Человек чувствовал, как содержимое желудка подступает к его горлу, но подавил спазм. Статуэтка присосалась к нему с дурацким сладострастием, и он смирял себя, принимая ее ласки. Он просил ее милости, и та осчастливила его поцелуем.

Он чувствовал, как обильно выделяется его слюна и — омерзительно — устремляется из статуэтки назад, в его пищевод. Язык его онемел от осклизлого прикосновения, он ощущал, как ледяной холод передается его зубам. Прошло еще несколько секунд, и рот стал почти нечувствительным. Человеку казалось, будто по нему бегут мурашки, словно от горла и дальше вниз растекался какой-то наркотик.

Статуэтка прервала поцелуй и убрала свой маленький язычок.

Человек слишком быстро втянул в себя собственный язык и поцарапал его об обсидиановые зубы. Он этого не почувствовал и понял, что произошло, только увидев капли крови у себя на руке.

Он снова тщательно завернул фигурку, а потом замер в ожидании — поцелуй распространялся по его телу. Его охватила дрожь, трепет. Он неуве-

ренно улыбнулся и открыл дверь.

По обеим сторонам висели, теряясь вдали, подернутые грибком портреты маслом и гелиотипы. Он почувствовал приближение караула с собакой.

Он усмехнулся, поднял руки, потянулся и медленно наклонился вперед, будто падал с простреленными коленями. Он ощущал вкус собственной крови и тухловатый рыбный вкус статуэтки. Его язык увеличивался в размерах, заполняя рот; человек так и не ударился об пол.

Теперь он двигался по-новому.

Он видел мир глазами статуэтки, которая через поцелуй наделила его этой способностью, он скользил и сочился по пространству так, как хотела статуэтка. Он опровергал углы коридора, менял их форму.

Человек не шел и не плыл. Он прокладывал свой путь сквозь щели в возможных пространствах и без труда (а иногда и с трудом) проходил по каналам, которые стали ему видимы. Когда он увидел двух приближающихся стражников с их мастифами, путь его был свободен.

Он не стал невидимым и не перешел в другую плоскость бытия. Он просто прислонился к стене, стал разгадывать ее текстуру, по-новому

взглянул на ее масштаб, увидел вблизи пылинки, заполнившие его поле зрения, а потом скользнул за них, спрятался — и караул прошел мимо, не заметив его.

В конце коридор поворачивал направо. Когда караул исчез, человек скосил взгляд за угол и без труда воспользовался им, чтобы повернуть не направо, а налево.

Так он перемещался по «Гранд-Осту», вспоминая виденные прежде планы корабля. Когда появлялись патрули, он разными способами использовал против них конфигурацию интерьеров и уходил от них. Если он оказывался за стражниками не в том конце длинного коридора, то мог обойти их — скосив взгляд и вытянув руку, он хватался за дальнюю стену и быстро подтягивал себя за угол. Поворачивался он так, что двери оказывались под ним, и устремлялся под воздействием силы тяжести по длинному коридору.

Несмотря на головокружение и тошноту от этой своеобразной морской болезни, вызванной такими движениями, человек быстро и неумолимо приближался к нижней части кормы.

К фабрике компасов.

Меры безопасности здесь были особенно строгими. Вокруг стояли стражники с кремневыми

ружьями. Человеку, чтобы добраться до двери, пришлось медленно и осторожно проникать сквозь слои перепадов и перспектив. Он спрятался перед самыми стражниками, но он был не в фокусе, слишком велик, располагался прямо перед и над ними, — и те не заметили его. Он перегнулся через них и затянул в замочную скважину на хитроумный механизм, на казавшиеся исполинскими шестеренки.

Он победил их и оказался внутри.

Помещение было пустым. Столы и скамьи стояли здесь рядами. Приводные ремни и двигатели станков были неподвижны.

Кое-где виднелись медные и латунные корпуса, похожие на большие карманные часы. В других местах лежали куски стекла и стояли приспособления для их шлифовки. Здесь же были стрелки с замысловатой гравировкой, цепочки, гравировальные иглы, туго взведенные пружины. И сотни тысяч шестеренок, от небольших до крошечных — словно тысячекратно уменьшенные копии зубчатых колес машинного отделения. Они были разбросаны повсюду, словно рифленые монетки, рыбья чешуя или пыль.

Это было ремесленное производство. За каждым рабочим местом сидел эксперт, мастер с

поразительными способностями. Выполнив свою часть работы, он или она передавали изделие следующему. Пришелец знал, насколько специализирована каждая операция, какие редкие минералы в ней используются, в какой мере важна точность при магических процедурах. Стоимость любой готовой детали многократно превышала стоимость золота равного веса.

Они лежали здесь, в запертом шкафу, похожем на сейф ювелира, позади стола в дальней части вытянутой в длину комнаты. Компасы.

Человек, приложив усилия, через несколько минут сумел открыть шкаф. Дар, сообщенный фигуркой, все еще был силен в нем, и он хорошо приспособился к своему новому состоянию. И все же у него ушло немало времени.

Здесь не было двух похожих компасов. Рука человека дрожала. Он вытащил один из самых мелких — простой, без особых изысков, отделанный полированным деревом, и открыл крышку. Костяной диск и несколько концентрических циферблатов — некоторые с цифрами, некоторые с неясными значками. Единственная черная стрелка свободно ходила вокруг центральной оси.

На тыльной стороне был выгравирован номер компаса. Человек запомнил его, и началась самая

важная часть его миссии. Он принялся искать все записи, указывающие на существование этого компаса, — в журнале регистрации, который лежал за шкафом, в списке, составленном слесарем, который доводил корпуса, в перечнях запасных частей и дефектных деталей, которые были использованы.

Человек работал тщательно и полчаса спустя нашел все упоминания о компасе. Он выложил их все перед собой и проверил, сколько у него осталось времени.

Компас, собранный полтора года назад, до сих пор не был передан ни одному кораблю. На лице человека появилась осторожная улыбка.

Он нашел ручки и чернила и еще тщательнее обследовал регистрационную книгу. В подлогах он был мастер. Он начал — очень осторожно — делать добавления. В колонке «передано» он приписал дату годичной давности (быстро высчитав армадские кварто) и название «Угроза Магды».

Если кто-либо по каким-то причинам будет искать информацию о компасе модели СТМ4Е, то теперь найдет. И узнает, что годом ранее он был установлен на несчастной «Угрозе Магды» — корабле, который затонул несколько месяцев

назад со всем экипажем и грузом, исчез без следа в тысяче миль от Армады.

Когда все было уложено по местам, человеку оставалось сделать только одно.

Он открыл крышку компаса и принялся рассматривать хитросплетение его металлической начинки — конструкция была похищена у хепри много столетий назад и приспособлена для нужд Армады. Он разглядывал крохотную площадку полированной поверхности камня, помещенного в самую сердцевину компаса, внедренного туда с помощью гомеотропной магии. Стрелка неуверенно покачивалась на своей оси.

Десятью короткими движениям человек завел прибор.

Он поднес его к уху и услышал слабое, почти неуловимое тиканье. Посмотрел на компас — циферблаты дернулись и поменяли свое положение.

Стрелка бешено закрутилась, а потом замерла, указывая в направлении центра «Гранд-Оста».

Конечно, это был необычный компас. Его стрелка не указывала на север.

Эта стрелка указывала на глыбу породы, обтесанную при помощи магии и оправленную в стекло, запертую в железной камере (в зависи-

мости от того, каким слухам верить). Эта глыба упала с небес из самой сердцевины солнца, из ада.

Долгие годы, пока не износится механизм, этот компас будет показывать точно на городской магнит, божий камень, покоящийся где-то в чреве «Гранд-Оста».

Человек плотно завернул компас в промасленную тряпицу, потом в кожу, положил в карман и застегнул пуговицу.

Утро, видимо, было уже не за горами. Человек находился на грани изнеможения. Ему с трудом удавалось видеть комнату, ее углы и планы, стены, материалы, измерения не так, как обычно, — по-новому. Он вздохнул, внутри у него похолодело. Он терял способности, переданные ему статуэткой, но нужно еще было выбраться оттуда.

И потому, облизнув губы и поболтав языком, человек, стоявший в нескольких шагах от вооруженных стражников, которые могли его убить только за то, что он знает о существовании фабрики, начал снова разворачивать статуэтку.

Интерлюдия IV
В ДРУГОМ МЕСТЕ

Вперед и вперед

Вода как пот, и нашим китам не нравится это.

И все же.

На юг.

Путь свободен.

В умеренные, а потом в теплые моря.

Подводный пейзаж был здесь живописным — зубцы и утесы в коре мира. Атоллы и рифы поднимались с глубин, словно сойдясь в красочной рукопашной схватке. Вода была сдобрена разлагающимися пальмовыми листьями, лотосами и телами необыкновенных существ: амфибий, обитающих в глинистых отложениях, рыб, которые дышат воздухом, водных летучих нетопырей.

На каждом острове были десятки экологических ниш, и в каждой обитали свои твари. Иногда в одной нише обитали два или больше видов, сражающихся за первенство.

Охотники пробирались на мелководье, в соленые лагуны и пещеры, и поедали то, что

удавалось найти.

Киты стонали, хныкали и просили вернуть их в прохладные воды, но их хозяева не обращали внимания и наказывали китов, снова и снова объясняя им, что они ищут.

Охотники обсуждали температуру воды, новое качество света и кристаллическую окраску окружавших их рыб, но не жаловались. Они и подумать об этом не могли, пока их добыча оставалась на свободе.

На юг, приказывали они и не усомнились в правильности своих действий, даже когда киты начали один за другим умирать: их гигантские тела становились жертвой местных тепловодных вирусов, серая гниющая шкура отшелушивалась, трупы, раздавшиеся от газов, поднимались на поверхность, где раскачивались на волнах, воняя и разлагаясь, и их разрывали на части птицы-падальщики, объедая до костей, а остатки плоти падали в темную воду.

На юг, говорили охотники и шли в тропические воды.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
КРОВЬ

ГЛАВА 21

Вошькрешенье 29–го лунария 1780, или 8–го книжди кварто морской черепахи 6/317, как тебе больше нравится. На «Трезубце».

Еще одно дополнение к моему письму. Я уже довольно давно ничего не писала. Я бы извинилась, но это лишено всякого смысла. Но я чувствую, хоть это и абсурдно, что все же должна извиниться. Словно я пишу, а ты читаешь и раздражаешься, если случаются задержки. Конечно, когда ты наконец получишь это письмо, то пропущенный день, неделя или даже год мало что изменят… Великое дело — строка без записей, полная звездочек. Месяцы у меня перепутаются. Но время и сейчас смущает меня.

Я отвлекаюсь от сути… несу всякую чушь. Извини меня.

Я взволнована и немного побаиваюсь.

Я сижу на унитазе и пишу эти слова.

Рядом со мной окно, и на меня падают лучи утреннего солнца. Я в тысяче метров над морем.

Поначалу, признаюсь, было страшно. Красота необыкновенная. Но прошло время, и я уже вижу только однообразную рябь на воде, небо да время от времени проплывающее облачко. Тоска.

Море здесь абсолютно пустое. Я просматриваю его на шестьдесят, семьдесят, девяносто миль, до самого горизонта — и ни одного паруса, ни одного судна, ни одной рыбацкой лодки. Цвет воды меняется от зеленого до голубого и серого, смотря что там под поверхностью, а что — одни боги знают.

Наше движение почти незаметно. Конечно, мы чувствуем вибрации от паровых двигателей в носовой части, от огромных винтов, но ощущения скорости, движения, направления нет.

Этот «Трезубец» удивительный аппарат. Сарганова воды вкладывают немалые силы и деньги в эту экспедицию. Это и понятно.

Вот, наверно, было зрелище, когда

«Трезубец» поднимался с «Гранд-Оста». Довольно долго он просто болтался над океаном, над палубой с ее крохотными лебедками и надстройками. Не сомневаюсь, кое-кто заключал пари — шарахнемся мы в воду или на город или нет.

Но мы поднялись без проблем. Это было во второй половине дня, и на горизонте уже появилась темная кромка. Могу себе представить висящий там «Трезубец», огромный как хер знает что, по размерам не уступающий большинству кораблей Армады, новый и начищенный до блеска.

Мы взяли с собой довольно необычный груз. Между двигателями висит клеть с овцами и свиньями.

У животных есть еда и вода на два дня — столько продлится путешествие. Сквозь щели в полу клети они, наверно, видят море воздуха. Я думала, что они впадут в панику, но они смотрят на облака под своими копытами без всякого интереса. Они слишком глупы, чтобы бояться. Головокружение — штука слишком сложная для них.

Я сижу здесь в маленьком закутке, в туалете, между скотом и пилотской кабиной, в которой располагаются капитан и его команда. Коридор ведет в главное помещение.

После взлета я несколько раз приходила сюда, чтобы продолжать мое письмо.

Другие проводят время сидя, перешептываясь или играя в карты. Некоторые, наверно, лежат на своих койках, на палубе — надо мной и под баллоном. Возможно, им еще раз объясняют их обязанности. Возможно, они тренируются.

Моя задача проста, и мне ее растолковали во всех подробностях. По прошествии всех этих недель и тысяч миль мне опять говорят, что я лишь сосуд, что мое назначение — только перервать информацию, что я не должна слышать, что говорится. Это я смогу. А до тех пор мне делать нечего. Разве что писать.

Для этой миссии по возможности выбирались какты. По меньшей мере пятеро из находящихся на борту уже были на острове анофелесов раньше, много лет назад. Это, конечно, Хедригалл — и дру-

гие, кого я не знаю.

И в связи с этим возникает вопрос о дезертирстве. Похищенным армадцам редко позволяется вступать в контакт с соотечественниками, но на острове наверняка будут самхери. Успех моей миссии зависит от такой встречи. Насколько я понимаю, все какты, участвующие в экспедиции, по каким-то причинам не желают возвращаться на первую родину. Они, как Иоганнес, или Хедригалл, или приятель Шекеля Флорин, преданы своему новому дому.

Хедригалл, однако, вызывает у меня некоторое недоумение. Он знает Сайласа или, по крайней мере, знает Саймона Фенча.

Уж кому, как не мне, знать, что власти Сарганових вод могут ошибаться, доверяя тем, кому вовсе не следует доверять.

Жители Дрир-Самхера — прагматики. Встреча в море с кораблями Самхера, или Перрик-Ная, или Мандрагоровых островов вполне может закончиться сражением, но ради собственной безопасности они поддерживают с Армадой

уважительные отношения. И потом, они ведь заходят в порты, а правило «мирный порт» имеет на море такую же силу, как торговое право на суше, — его придерживаются и приводят в действие те, кто ему подчиняется.

В экспедиции участвует Флорин Сак, и я не сомневаюсь: он знает, кто я. Он смотрит на меня то ли с отвращением, то ли с робостью, то ли еще с каким-то чувством. На борту дирижабля находится и Тинтин-набулум с несколькими членами своей команды. Иоганнеса нет, и я рада этому.

Здесь собралась довольно пестрая компания ученых. Похищенные выглядят так, как, по моему мнению, и должны выглядеть деятели науки. Армадцы похожи на пиратов. Мне говорят: вот этот — математик, этот — биолог, этот — океанолог. А по мне, все они пираты — все покрытые шрамами, драчливые, в потрепанной одежонке.

Есть тут и стражники — какты и струподелы. Я видела на борту их арсенал — дискометы, кремневые ружья, бердыши. Они взяли с собой порох и, кажется,

какие-то военные машины. Я думаю, если анофелесы не захотят с нами сотрудничать, у нас найдутся средства, чтобы их убедить.

Во главе всех бойцов стоит Утер Доул. А подчиняется он половинке правящей в Сарганових водах пары — Любовнице.

Доул заглядывает то в одну, то в другую комнату. С Хедригаллом он разговаривает больше, чем с другими. Кажется, его что-то беспокоит. Я стараюсь не встречаться с ним взглядом.

У меня он вызывает интерес — его присутствие, его необычный голос. Он носит одежду из серой кожи. Это его форма — вся в царапинах и потертостях, но безукоризненно чистая. Правый рукав куртки оплетен проводами, которые идут к поясу. На левом боку у него висит меч, а пистолетов столько, что не сосчитать.

Он с вызывающим видом смотрит в окно, а потом шествует туда, где находится Любовница.

У меня покрытое шрамами лицо Любовницы вызывает отвращение. Я знала людей — общалась с ними, — которые на-

ходят сексуальное наслаждение в боли, и, хотя мне эта склонность представляется немного нелепой, меня она вовсе не беспокоит и не трогает. Не это меня смущает в Любовниках. Я испытываю гадливое чувство от чего-то более глубокого, что происходит между ними.

Я стараюсь избегать взгляда Любовницы, но ее отметины привлекают мое непреодолимое любопытство. Впечатление такое, будто они были нанесены по какой-то гипнотической схеме. Но, поглядывая на них украдкой, из-под сплетенных пальцев, я не вижу ничего романтического, тайного или откровенного — ничего, кроме свидетельства о старых ранах. Шрамы, только шрамы.

* * *

Позднее в тот же день.

Сайлас доставил то, что было нужно, в самый последний момент. Словно в театральной постановке.

Не могу не восхищаться его методами.

После нашего разговора в Саду скульптур я все время спрашивала себя, как

он передаст мне материалы, чтобы наш план сработал. Комнаты мои охраняются, сама я под наблюдением. И что тут можно сделать?

Утром двадцать шестого лунуария я проснулась и увидела на полу пакет от него.

Да уж, показал, на что способен. Я не могла сдержать смех, когда подняла голову и увидела металлическую заплатку у меня на потолке — этой заплаткой была заделана дыра диаметром дюймов в шесть.

Сайлас забрался на тонкую металлическую крышу трубы «Хромолита» — эта крыша во время дождя что твой барабан — и прорезал в ней отверстие. Сбросив внутрь пакет, он заделал дыру, и все это совершенно беззвучно — и меня не разбудил, и наблюдатели ничего не заметили.

Когда он вынужден выкидывать такие штуки в целях самозащиты, я легко могу себе представить, как он действует, работая на правительство. Наверно, мне повезло, что он оказался на моей стороне. Да и Нью-Кробюзону тоже.

Я рада, что мы не увиделись. Чувствую себя такой далекой от него. Я на него не в обиде — я взяла у него то, что мне было необходимо, и, надеюсь, тоже дала ему кое-что. Но на этом нужно поставить точку. Мы случайные товарищи, только и всего.

В маленьком кожаном мешочке от Сайласа оказалось несколько предметов.

Он написал письмо, где все объяснялось. Я внимательно прочла его, прежде чем исследовать содержимое.

Были там и другие письма. Он написал послание пиратскому капитану, которого мы рассчитывали найти: две копии с одним и тем же текстом на рагамоле и соли. «Тому, кто согласится доставить это послание в Нью-Кробюзон» — так оно начинается.

Оно официальное, все по делу. Прочитавшему обещается вознаграждение, если он доставит послание адресату целым и невредимым. Сообщается, что властью, врученной бессрочно прокуратору Фенеку (номер патента приводится) мэром Бентамом Рудгуттером и канцеля-

рией мэра, предъявитель этого письма объявляется почетным гостем Нью-Кробюзона, его корабль будет переоснащен по его пожеланию, а кроме того, он получит вознаграждение в три тысячи гиней. И самое главное — каперское свидетельство от правительства Нью-Кробюзона, освобождающее судно на годичный период от любых преследований за любые провинности по самопровозглашенному Нью-Кробюзоном морскому праву, кроме случая непосредственной самозащиты кробюзонского корабля.

Деньги, конечно, соблазнительные, но мы надеемся, что наших кактов привлечет обещанное освобождение от преследований. Сайлас предлагает им статус признанного пирата без налогообложения. Они смогут грабить кого пожелают и не платить за это ни гроша, а флот Нью-Кробюзона не будет их наказывать — напротив, станет даже защищать в течение срока действия контракта.

Могущественный стимул.

Сайлас подписал письма своим именем, а на едва видимые пароли наложил

восковую печать кробюзонского парламента.

Я и не знала, что у него есть такая печать. Странно видеть ее здесь, так далеко от дома. Сработана она на удивление тонко: стилизованная стена, стул и всякие атрибуты власти, а внизу крохотные циферки его личного номера. Эта печать — чрезвычайно могущественный знак.

Мало того — он дал эту печать мне.

Но я заболталась. Возвращаюсь к главному.

Второе письмо намного длиннее. Оно написано на четырех страницах убористым замысловатым почерком. Я его внимательно прочла и пришла в ужас.

Оно адресовано мэру Рудгуттеру и описывает в общих чертах план вторжения, разработанный гриндилоу.

Большая часть письма остается для меня непонятной. Сайлас писал лаконичной скорописью, чуть ли не шифром. Здесь масса сокращений, которые я не могу распознать, и ссылки на совершенно неизвестные мне вещи. Но в смысле ошибиться трудно.

На верху листа я прочла: «Седьмой статус, код Стрелолист», и хотя слова эти мне непонятны, от них мурашки бегут по коже.

Насколько я понимаю, Сайлас не стал меня посвящать в детали (сомнительная, скажем прямо, услуга). Ему известен план вторжения, и он изложил его точными, выверенными словами. Он предупреждает о соединениях и дивизионах определенной численности, вооруженных какой-то непонятной техникой, обозначаемой в письме всего одной буквой или слогом, — но от этого лишь тревожней.

«Полуполк слоновой кости Волхв/Гроац'х двигается на юг вдоль Ржавчины; вооружение: Е.И.Д., мощность Р-Т, квартал третьей луны», — читаю я, и масштаб грядущих событии приводит меня в ужас. Наши прежние мысли о побеге и предпринятые усилия вызывают у меня презрение — все это было таким мелким, таким незначительным.

Информации в этом письме достаточно для того, чтобы защитить город. Сайлас исполнил свой долг.

В конце этого письма тоже стоит печать города, подтверждающая, что, несмотря на всю сухость, на банальный язык, это послание до ужаса реально.

В мешочке обнаружилась коробочка.

В таких держат драгоценности — простая, надежная, из очень тяжелого темного дерева. А внутри на бархатистой, мягкой подушечке — цепочка с жетоном и перстень.

Перстень — для меня. Он с гагатом и зеркальной гравировкой — это печать. Сделано так, что дух захватывает. Внутрь кольцевой части Сайлас поместил немного воска.

Перстень этот мой. После того как я покажу нашему капитану письма и цепочку с жетоном, я спрячу их в коробочку с подушкой, запру на замок, уложу в кожаный мешочек, залью шнуровку горячим воском и прикоснусь к нему печаткой, которую оставлю себе. Так капитан будет знать, что там внутри, будет уверен, что мы не обманываем его, но в то же время, если он хочет, чтобы получатель поверил ему, не сможет ничего подделать.

(Должна признаться, что, когда я размышляю над этой цепочкой действий, у меня руки опускаются. Так все шатко. Я пишу эти слова и тяжело вздыхаю. Больше не хочу об этом думать.)

Этот жетон должен пересечь море. В отличие от перстня, он выполнен грубовато, простенько, совсем безыскусно. Тонкая железная цепочка, а на ней висит уродливая металлическая табличка с серийным номером, вычеканенным символом (две совы под полумесяцем) и тремя словами: Сайлас Фенек, прокуратор.

«Это мой знак, — сообщает мне в письме Сайлас. — Самое верное доказательство того, что письма подлинные. Что я потерян для Нью-Кробюзона и это мое прощальное слово».

* * *

Еще позднее в тот же день. Небо темнеет.

Я была выбита из колеи.

Со мной говорил Утер Доул.

Я была на спальной палубе над гондо-

лой — вышла из гальюна. Меня немного веселила мысль о том, как наше дерьмо и моча падают с небес.

Немного впереди по коридору раздавался какой-то шелест. Потом я увидела свет из двери и заглянула внутрь.

Там переодевалась Любовница. У меня перехватило дыхание. Спина у нее была иссечена шрамами не хуже лица. Большинство старые, зарубцевавшиеся, поврежденная кожа сереющая и бледная. Но один или два были совсем свежими. Отметины шли вдоль всей спины и по ягодицам. Она была словно клейменое животное.

Я стояла, разинув рот.

Любовница повернулась, услышав меня. Я увидела, что ее грудь и живот выглядят не лучше спины. Она смотрела на меня, натягивая на себя блузку. Лицо ее в замысловатых шрамах было бесстрастным.

Я пробормотала какие-то извинения, резко повернулась и пошла к лестнице, но тут с ужасом увидела, что из этой же комнаты появился Утер Доул, — глаза

устремлены на меня, рука на эфесе этого его чертова меча.

Мое письмо лежало в кармане и жгло меня. При мне было достаточно свидетельств, чтобы казнить меня и Сайласа за преступления против Саргановых вод, а это будет означать и конец Нью-Кробюзона. Я жутко испугалась.

Делая вид, что не вижу Доула, я спустилась в главную гондолу, встала у окна и принялась во все глаза рассматривать проплывающее мимо облако, надеясь, что Доул оставит меня в покое.

Ничего не вышло. Он подошел ко мне. Я чувствовала, что он стал у моего столика, и долго ждала — может, он уйдет, не заговорив со мной, ведь его акт устрашения и без того увенчался успехом. Но он не ушел. В конце концов я против воли повернула голову и взглянула на него.

Некоторое время он молча смотрел на меня. Я дергалась все больше и больше, хотя ничем не выдавала этого. Наконец он заговорил. Я забыла, какой у него прекрасный голос.

— Они называются фреджо, — сказал

он. — Шрамы, я имею в виду, называются фреджо. — Он указал на стул против меня и, наклонив голову, спросил: — Могу я присесть?

Что я могла на это сказать? Могла я сказать правой руке Любовников, их телохранителю, которого они используют как наемного убийцу, самому опасному человеку в Армаде: «Нет, я хочу побыть одна»? Я поджала губы и вежливо процедила:

— Я не могу указывать, где вам сидеть, сударь.

Он сложил руки на столе. Он говорил (изысканно), и я не прерывала его, никуда не уходила и не расхолаживала его демонстративным безразличием. Отчасти я делала это, опасаясь за свою жизнь и безопасность, — сердце мое бешено билось.

Но дело было и в его манере речи: он говорит, как книгу читает. Каждое предложение отточено, словно написанное поэтом. Я ничего подобного не слышала. Он смотрел мне прямо в глаза и, казалось, ни разу не моргнул.

Я была очарована тем, что он мне рас-

сказал.

— Они оба — похищенные, — сказал он. — Любовники. — Рот у меня, наверно, раскрылся при этих словах. — Двадцать пять или тридцать лет назад… Он появился первым. Он был рыбаком — промышлял у северной конечности Шарда. Всю свою жизнь провел на одном из этих маленьких островков: ставил сети, удил, потрошил, чистил, резал, обдирал шкуры с китов. Тупая, скучная жизнь. — Он посмотрел на меня глазами чуть более серыми, чем его одеяние. — Как-то раз он заплыл слишком далеко, и его унесло течением. Разведчики из Сарганових вод засекли его, забрали груз и заспорили, убивать его или нет — испуганного, тощего мальчишку-рыбака.

Пальцы у него дрогнули, он начал мягко массировать себе руку.

— Обстоятельства делают, ломают и переделывают людей, — сказал он. — Через три года этот мальчик встал во главе Сарганових вод. — Он улыбнулся. — Прошло еще три кварто, и один из наших броненосцев перехватывает шлюп, этакое

разукрашенное суденышко, направлявшееся из Перрик-Ная в Миршок. А на нем оказалась одна из знатнейших семей Фай-Вадисо: муж, жена и дочь с их вассалами. Они собирались перебраться на континент. Груз отобрали. Пассажиры ни для кого не представляли интереса, и я понятия не имею, что с ними сталось. Может, убили — не знаю. Известно лишь, что, когда слуг привезли в город и они стали гражданами, одна из девиц попалась на глаза новому правителю.

Он поднял взгляд в небеса.

— На борту «Гранд-Оста» остались люди, которые были при этом, — тихо сказал он. — Они рассказывают, что она стояла там, высокая, и лукаво улыбалась правителю. Но не как те, кто хочет снискать чье-то расположение или же перепуган. Впечатление было такое, будто ей нравится то, что она видит. Жизнь у женщин в северном Шарде не очень сладкая, — продолжал он. — На каждом острове свои традиции и порядки, и некоторые из них не самые приятные. — Он сцепил руки. — Кое-где женщинам просто зашивают

рты, — сказал он, сверля меня глазами. Я выдержала его взгляд — меня так просто не напугать. — Или режут их, наказывая за то, с чем они рождаются. Или сажают на цепь, чтобы они прислуживали мужчинам. Нравы на острове, где родился наш правитель, не такие крутые, но… там склонны акцентировать некоторые черты, что вам, может быть, известно по другим культурам. По Нью-Кробюзону, например. Обожествление женщины, в какой-то мере. Презрение под маской восхищения. Уверен, вы понимаете, о чем я говорю. Вы публиковали свои книги не как Беллис Хладовин, а как Б. Хладовин. Наверняка понимаете.

Признаюсь, меня потрясло, что ему столько известно обо мне, что он знает причины, по которым мне приходилось прибегать к безобидному маленькому обману.

— На острове нашего шефа мужчины уходят в море, оставляя жен и любовниц на суше, и никакие обычаи или традиции не позволяют им прибегать к поясам верности. Мужчина, который страстно

любит женщину (или думает, что любит), оставляет ее с болью в душе. Уж он-то точно знает, как велико ее обаяние. Ведь и он сам поддался ему. А потому он должен сделать его не таким сильным. На острове шефа мужчина, который любит очень сильно, уезжая, режет лицо женщины…

Мы, не шелохнувшись, посмотрели друг на друга.

— Он оставляет на ней отметины, знак собственности, делает на ней насечки, как на дереве. Он портит ее настолько, чтобы никто другой ее не возжелал… Эти шрамы называются фреджо… И вот шефом овладела любовь, или похоть, или еще что-то, сочетание разных чувств. Он принялся ухаживать за новенькой и вскоре предъявил права на нее со всей мужской напористостью, которой его научили. И она, не колеблясь, приняла его знаки внимания и вернула их, став его наложницей. Но, еще даже не решив, что она будет принадлежать ему безраздельно, он с неуклюжей бравадой после соития достал нож и порезал ей лицо. — Доул замолчал, потом улыбнулся

с неожиданным и непритворным удовольствием. — Она не шелохнулась. Она позволила ему сделать это… А потом взяла нож и порезала его.

— Это было их обоюдное решение, — тихо сказал он. — Вы сразу найдете здесь противоречие. Он был, конечно, особенный молодой человек, сумевший подняться так быстро и так высоко, но в то же время оставался простолюдином, играющим в игры простолюдинов. У меня нет сомнений, он верил в то, что говорил, когда сказал, что порезал ее из любви и что боялся, как бы другие мужчины не подпали под ее чары. Но так или иначе это было ложью. Он метил территорию, как пес, поднимающий ногу. Он давал знать другим, где начинаются его владения. Но в то же время и она порезала его.

Доул снова улыбался мне.

— Это было неожиданно. Собственность не оставляет отметин на своем владельце. Она не сопротивлялась ему, пока он метил ее, она поверила ему на слово. Кровь, порезанная кожа, ткани и боль, струп и шрам были знаками любви,

и она хотела не только их получать, но и давать… Делая вид, будто фреджо и есть то, что он подразумевает, она их изменила, вложила в них нечто гораздо большее. Изменив их, она изменила и его. Она испещрила шрамами не только его лицо, но и его культуру. Так они стали черпать друг в друге успокоение и силу. Эти раны придали их отношениям страстность и напряженность — раны вдруг сделались символом чистоты… Я не знаю, как он повел себя в первый раз. Но в ту ночь она перестала быть его куртизанкой и сделалась ровней ему. В ту ночь они потеряли свои имена и стали Любовниками. А у нас в Саргановых водах появились два правителя, которые вдвоем правили целеустремленнее, чем когда-либо правил один. И все для них открыто. В ту ночь она научила его, как менять законы, как идти всегда вперед. Она уподобила его себе. Она жаждала перемен… Она такой и осталась. Я знаю это лучше многих — я помню, как пылко она отнеслась ко мне и к моей работе, когда я впервые появился здесь. — Доул говорил тихо, задумчиво. —

Она берет обрывки знаний, приносимых новичками, и делает их… переделывает с воодушевлением и упорством, сопротивляться которым невозможно… Эти двое каждый день подтверждают свое движение к назначенной цели. Фреджо появляются постоянно. Лица и тела этих двоих стали картой их любви. Это география, которая изменяется и с годами проявляется все явственней. Каждый раз шрам за шрам — знаки уважения и равенства.

Я ничего не сказала — я долго не открывала рта, — но монолог Доула подошел к концу, и теперь он ждал моей реакции.

— А вас, значит, тогда здесь не было? — спросила я наконец.

— Я появился позднее.

— Вас похитили? — удивленно спросила я, но он снова покачал головой.

— Я пришел по собственной воле, — сказал он. — Я нашел Армаду чуть больше десяти лет назад.

— Почему вы мне это рассказываете? — спросила я. Он слегка пожал плечами.

— Это важно, — сказал он. — Важно,

чтобы вы понимали. Я видел — вы боитесь этих шрамов. Вы должны понимать, что вы видите, понимать, кто правит нами, их мотивы, их страсти. Их стимулы. Их эмоции. Это их шрамы придают Саргановым водам силу, — сказал он.

Потом он кивнул, резко поднялся и ушел. Я ждала несколько минут, но он не вернулся.

Я сильно встревожена. Я не понимаю, что произошло, почему он говорил со мной. Может, его послала Любовница? Действует ли он по собственному разумению, или Любовница велела ему рассказать мне эту историю?

Сам-то он верит во все, что мне рассказал?

«Это их шрамы придают Саргановым водам силу», — говорит он мне, а я спрашиваю себя: неужели он не видит другой возможности? Неужели он не заметил? — спрашиваю я себя. Простое ли совпадение, что три самых могущественных человека в Саргановых водах, а значит, и в Армаде, а значит, и в океане — чужаки, не уроженцы Армады? Что их знания, их

воля не были изначально ограничены пределами того, что, как ни посмотри, есть, остается и всегда будет всего лишь кучей старых посудин, маленьким городком (пусть и самым необычным в истории Бас-Лага), что они имеют поэтому представление о мире, который несоизмерим с их жалкими пиратскими налетами и гордой замкнутостью?

Они ничем не обязаны Армаде. Что для них важнее всего?

Я хочу знать, как зовут Любовников.

Лицо его почти бесстрастно, за исключением тех случаев, когда он сражается (я со страхом это вспоминаю). Оно властное и чуть трагическое, и по нему совершенно невозможно сказать, что он думает, во что верит. Что бы он мне ни говорил, но я видела шрамы Любовников — уродливые и отвратительные. И ничто не меняется от того, что они отражают какой-то мерзкий ритуал, какую-то игру, заменяющую проявление эмоций.

Они уродливые и отвратительные.

ГЛАВА 22

Через тридцать шесть часов после того, как аэростат поднялся над Армадой и направился на юго-запад, под ними показалась земля.

Беллис почти не спала. Усталости, однако, она не чувствовала и на второе утро поднялась еще до пяти, чтобы наблюдать за восходом из окна общей каюты.

Она вошла туда и увидела, что некоторые тоже встали и смотрят в окно: несколько человек команды, Тинтиннабулум и его коллеги, Утер Доул. Сердце ее немного екнуло, когда она увидела Доула. Его манеры (еще более сдержанные и выверенные, чем ее собственные) выбивали ее из колеи; к тому же интерес Доула к ней был ей непонятен.

Он увидел ее и беззвучно указал на окно.

В бессолнечном предутреннем свете вода под ними разбивалась о скалы. Трудно было сказать, что это за кусок суши, какое до него расстояние. Разбросанные там и сям каменистые кочки напоминали китовые спины размером не больше мили, некоторые чуть больше самой Армады. Беллис не видела ни птиц, ни животных — ни-

чего, кроме мрачной, коричневатой породы и зеленой растительности.

— Через час мы будем на острове, — сказал кто-то.

Воздушный корабль полнился звуками каких-то действий, приготовлений, вникать в которые Беллис не хотела. Она вернулась к своей койке и быстро собрала вещи, потом, одетая в черное, как обычно, вернулась в общую комнату и села, поставив у ног плотно набитый саквояж. В глубинах его, упрятанные в складки ее запасной юбки, лежали письмо и маленький кожаный мешочек, врученный ей Сайласом Фенеком.

Члены экипажа с деловым видом ходили туда-сюда, выкрикивая друг другу неразборчивые команды. Те, кто не был занят, столпились у окон.

Дирижабль успел значительно снизиться. От воды их отделяло не больше тысячи футов, и поверхность моря отсюда казалась более замысловатой. Прежние морщины превратились в волны, пену, потоки; теперь внизу были видны темные очертания и цвета рифов, водорослевых лесов и еще чего-то — может, остатков кораблекрушения?

Остров лежал впереди по курсу. Беллис вздрог-

нула, увидев его, — такие резкие очертания в теплом море. Он простирался миль на тридцать в длину и на двадцать в ширину. На его поверхности высились пепельного цвета пики и небольшие горы.

— Вот ведь дерьмосрань — уж никак не думал, что снова окажусь тут! — сказал Хедригалл на соли с сунгларским акцентом. Он указал на дальний берег острова. — До Гнурр-Кетта отсюда больше полтораста миль, — продолжил он. — Они не ахти какие летуны — анофелесы. Больше шестидесяти миль им не покрыть. Поэтому Кеттай позволил им жить и торгует с ними через таких, как я и мои товарищи, зная, что анофелесы не доберутся до материка. Это, — он выставил вверх свой зеленый большой палец, — настоящее *гетто*.

Дирижабль опускался, огибая береговую линию. Беллис во все глаза вглядывалась в остров. Кроме растений, она не видела там никакой жизни. Мороз подрал по коже, когда она вдруг поняла, что небеса пусты. Тут не было птиц. Все острова, что они видели прежде, являли собой настоящие птичьи базары, а торчащие из воды скалы были покрыты слоем помета. Чайки кружили над каждым клочком земли, время от времени

ныряли в теплую воду, появляясь оттуда с рыбой, устраивали перебранки в потоках воздуха.

Но над вулканическим островом анофелесов воздух был мертвее мертвого.

Внизу проплывали безмолвные сероватые холмы. Внутренняя часть острова была окружена горным кряжем — хребтом, проходившим параллельно линии берега. В гондоле воцарилось долгое молчание, слышны были только шум двигателей и вой ветра. Наконец раздался чей-то крик: «Смотрите!» — неожиданный и испуганный. Голос принадлежал Флорину Саку, который указывал на лужок среди скал, поросший ползучим сорняком и защищенный от волн. Среди этой зелени виднелась горстка белых пятнышек. Они двигались.

— Овцы, — несколько мгновений спустя сказал Хедригалл. — Мы приближаемся к бухте. Вероятно, недавно была поставка. Несколько таких гуртов останется еще на какое-то время.

Форма и характер береговой линии менялись. Торчащие зубцы скал переходили в более ровный ландшафт. Появлялись короткие отрезки выходов черного сланца на берегу; склоны, сложенные из твердой породы, поросшие папоротником; низкие побелевшие деревья. Раз или два Беллис

попались на глаза бродившие с мрачным видом домашние животные — свиньи, овцы, козы, крупный скот. По нескольку голов, то здесь, то там.

Милях в двух от берега виднелись полосы серой воды: неторопливые реки стекали с гор, пересекая остров вдоль и поперек. Водные потоки замедлялись, выходя на плато, размывали берега, расползались, становясь прудами и болотами, питали белые манговые деревья, виноградники, кусты, густые и противные, как блевотина. Вдали, на другой стороне острова, Беллис увидела резкие очертания которые она приняла за руины.

Она заметила какое-то движение внизу, попыталась проследить за ним взглядом, но оно было слишком быстрым и хаотичным. Осталось лишь впечатление, что перед глазами промелькнуло что-то: пронеслось по воздуху, появившись из какой-то темной дыры в скалах и исчезнув в другой.

— А чем они торгуют? — спросил Флорин Сак, не отрывая взгляда от пейзажа внизу. — Сюда привозят овец, свиней и так далее — твои соплеменники доставляют все это из Дрир-Самхера по заказу Кеттая. Но в чем кеттайцам выгода? Что они получают от анофелесов?

Хедригалл отвернулся от окна с резким смеш-

ком.

— Книги и разные сведения, дружище Флорин, — сказал он. — И всякую плавучую дрянь, которую прибивает к берегу.

Беллис почувствовала еще какое-то движение внизу под дирижаблем, но не успела сфокусировать на нем взгляд. Она прикусила губу, чувствуя волнение и разочарование. Она знала, что это не игра ее воображения. На самом деле такую форму могло иметь только одно. Ее беспокоило, что никто не обратил на них внимания. «*Они что, не видят?* — думала она. — *Почему никто ничего не говорит? Почему молчу я?*»

Дирижабль замедлил ход. Теперь он двигался против ветра, правда, слабого.

Их сильно качнуло, когда они пересекали горный кряж. Раздался взрыв охов и перешептываний, взволнованно-недоуменные возгласы. Внизу, в тени холмов, местами голых, а местами покрытых буйной растительностью, виднелась каменистая бухта. В ней стояли на якоре три корабля.

— Добрались, — прошептал Хедригалл. — Корабли из Дрир-Самхера. Это Машинный берег.

В бухте стояли разукрашенные золотом галеоны. Вокруг, словно нежно их обнимая, располо-

жились скалы, выступающие из моря, образуя естественную гавань. Беллис вдруг осознала, что затаила дыхание.

Песок и сланец на берегу бухты были темно-красного цвета, буроватого, как засохшая кровь. Однообразие окраски нарушалось странной формы валунами размерами с человека, порой даже с дом. Глаза Беллис скользили по темной поверхности: она видела следы, дорожки, проложенные на берегу. За кромкой густой рощицы, опоясывающей берег, следы были отчетливее. Они шли по уходящему вверх склону, с вершины которого открывался вид на море. В воздухе плыли горячие волны, солнце нагревало камни, а на склонах там и сям росли оливки и тропические карликовые деревья.

Беллис проследила взглядом за следами, петляющими по выжженным солнцем холмам, и вдруг (дыхание у нее снова перехватило) ее взор остановился на нескольких выгоревших на свету домах, обиталищах, которые налипли на скалы, словно органические наросты: поселение анофелесов.

В бухте было безветренно. Небольшая группа облаков напоминали пятна белил вокруг солнца, но жар прорывался сквозь них и гулял среди скальных стен.

Ни одного живого звука не доносилось оттуда. Однообразные биения моря словно бы подчеркивали тишину, а не нарушали ее. Дирижабль тихо завис в воздухе, его двигатели сбросили обороты. Неподалеку покачивались, поскрипывая, самхерийские суда. Они были пусты. Никто не вышел встречать воздушный корабль.

Стражники струподелы в своих струпьях-доспехах вместе с кактами вели наблюдение, пока пассажиры спускались. Беллис сошла на землю, присела на корточки рядом с веревочным трапом и зачерпнула рукой песок. Ее дыхание участилось, громко отдаваясь в ушах.

Поначалу она не чувствовала ничего, кроме того, что под ногами твердая почва, которая не раскачивается в такт волнам. Она с удовольствием вспомнила, как должны вести себя ноги на земле, и только в этот момент поняла, что забыла об этом. Потом она переключила внимание на место высадки и внимательно осмотрела берег, впервые поняв, что выглядит он необычно.

Она вспомнила наивные гравюры в книге Аума. Стилизованное черно-белое изображение человека, стоящего в профиль на берегу, а вокруг него разбитые механизмы.

«Машинный берег», — подумала она и бросила

взгляд дальше — за грязно-серый песок и гальку.

Чуть вдалеке она увидела то, что сверху приняла за валуны, — какие-то махины, нарушавшие однообразие берега. Это были двигатели. Приземистые и громадные, покрытые ржавчиной и патиной, давно выброшенные за ненадобностью, созданные в неизвестных целях, с поршнями, изъеденные временем и солью.

То, что выглядело камнями поменьше, оказалось частями более крупных машин, трубопроводами или более тонкими и замысловатыми узлами, манометрами, какими-то стеклянными штуковинами и компактными паровыми двигателями. Галька оказалась шестернями, зубцами, маховиками, болтами, винтами.

Беллис набрала в руки горсть — это был не песок, а тысячи крохотных храповичков, шестереночек, окаменевших пружинок — внутренности невообразимо маленьких часов. Каждая такая частица, свидетельствовавшая о разрушении, была как песчинка, твердая и нагретая солнцем, меньше крошки. Беллис пропустила их сквозь пальцы — руки покрылись темно-кровавым, цвета берега, налетом, окрасились ржавчиной.

Этот пляж был имитацией — металлической скульптурой, подражанием природе с использо-

ванием материалов свалки. Каждый атом был взят из какой-то разбитой машины.

«*Из какой это эпохи? Сколько всему этому лет? Что здесь произошло?*» — думала Беллис. Она пребывала в прострации и потому была способна испытывать лишь какой-то усталый страх. «*Что за катастрофа? Какая битва?*» Она представила себе морское дно вокруг бухты — целый риф из ржавеющих машин, содержимое фабрик целого города, брошенное гнить, отданное во власть волн и солнца, изъеденное ржой, разваливающееся на части, которые затем распадались на еще более мелкие частицы, выброшенные морем назад на берег, чтобы создать этот уродливый пляж.

Беллис подобрала еще одну горсть машинного песка и пропустила его через пальцы, ощущая запах металла.

«*Вот об этой плавучей дряни и говорил Хедригалл,* — поняла она. — *Это кладбище испорченного оборудования. Здесь миллионы секретов превращаются в ржавый прах. Местные жители, видимо, перебирают эти залежи, находят что-нибудь, драят, отчищают и предлагают самые привлекательные штуки на продажу — две-три детали из тысячесоставной головоломки. Мало-*

вероятно и ненадежно, но, если удастся увязать в одно целое, сообразить, что к чему, одни боги знают, что из этого может получиться».

Она отошла от канатной лестницы, прислушиваясь к хрусту древних устройств под ногами.

Спустились последние пассажиры. Охранники внимательно оглядывали горизонт, о чем-то перешептываясь. Рядом с Беллис опустили на землю клеть с животными: от нее пахло хлевом, а ее обитатели шумно и с глупым видом принюхивались к неподвижному воздуху.

— Подойдите поближе и слушайте меня, — резко сказала Любовница, и члены экспедиции окружили ее.

Подошли механики и ученые, сидевшие на корточках, пропускавшие железный песок сквозь пальцы. Некоторые, как Флорин Сак, направились к морю. (Он даже успел нырнуть, издав стон наслаждения.) Несколько мгновений не было слышно ничего, кроме бурунов, набегающих на ржавый берег.

— А теперь слушайте, если хотите остаться в живых, — продолжила Любовница. Люди тревожно зашевелились. — Отсюда до деревни в горах мили две. — Все подняли головы — склон горы казался пустым. — Держитесь вместе. Возьмите

выданное вам оружие, но не пользуйтесь им, если только вашей жизни не будет грозить опасность. Нас здесь слишком много, и многие из нас плохо подготовлены. Мы не хотим в панике перестрелять друг друга. Нас будут охранять какты и струподелы, а они знают, как пользоваться тем, что у них есть, так что стрелять только в случае крайней необходимости… Анофелесы — твари быстрые, — сказала она, — голодные и опасные. Надеюсь, вы помните наши лекции, так что вам понятно, с чем можно столкнуться. Мужчины находятся где-то в деревне, и мы должны их найти. Чуть поодаль болота и вода, там живут женщины. И если они услышат или почуют нас, то заявятся сюда. Так что пошевеливайтесь. Все готовы?

Любовница сделала знак, и какты окружили их. Они открыли клеть с животными, которая все еще была прикреплена цепью к «Трезубцу», словно якорь. Беллис подняла брови, увидев ошейники на свиньях и овцах, которые рвались на свободу. Мускулистые какты удерживали их.

— Тогда пошли.

Переход от Машинного берега до поселка на склоне горы был настоящим кошмаром. Когда все осталось позади и Беллис вспоминала об этом переходе несколько дней или недель спустя, ей

казалось, что сделать из тех событий нечто связное невозможно. В ее воспоминаниях не было ощущения времени, ничего, кроме отдельных образов, соединенных в какое-то подобие сна.

Жара стоит такая, что воздух вокруг Беллис свертывается, закупоривает ее поры, глаза, уши; она ощущает густой запах гниения и живицы, насекомых великое множество, они жалят и снуют в воздухе. Беллис вручили кремневое ружье, и она (*это запомнилось хорошо*) держит его на расстоянии от себя, словно оружие воняет.

Она идет в толпе, плетется вместе с другими пассажирами — время от времени в волнении перед ней то щетинятся, то складываются шипы на спинах хотчи, извиваются головоноги хепри в окружении тех, чья физиология обеспечивает им безопасность, — кактов и струподелов. Они тащат за собой свиней и овец. В одной группе — бескровные, в другой — существа с кровью столь чувствительной, что она защищает их. Они вооружены пистолетами и дискометами. Единственный охранник из числа людей — Утер Доул. В каждой руке у него оружие, и Беллис готова поклясться, что всякий раз, когда она смотрит на него, набор оружия в его руках меняется: нож и нож, пистолет и нож, пистолет и пистолет.

Она смотрит вперед, а там, вдали от берега, — поросшие виноградником скалы, поляны, склоны с густыми зарослями, озера, наполненные тягучей, как сопли, жидкостью. Раздаются какие-то звуки. В листве какие-то движения, поначалу вовсе не угрожающие. Но потом ужасные вопли, источник которых определить невозможно.

Этот звук окружает их со всех сторон.

Беллис и ее спутники натыкаются друг на друга, став от страха неуклюжими, они выбиваются из сил, они взмокли от пота на этой жаре, пытаются смотреть во все стороны одновременно, заметить первые признаки движения, какие-то силуэты, мелькающие в кронах деревьев, словно сталкивающиеся пылинки, которые все время ближе, ближе: неустойчивая смесь хаотического движения и злобных намерений.

И наконец первая из самок анофелесов выскакивает из-под прикрытия деревьев и бежит.

Она похожа на женщину, согнувшуюся пополам, а потом еще раз, в противоречии с законами природы, перекошенную, закрученную узлом так, что это вызывает недоумение. Ее шея сильно вывернута, длинные костлявые плечи отведены назад, кожа мертвенно-бледная, огромные глаза широко распахнуты, тело исхудало донельзя,

груди — пустые кожистые мешки, распростертые руки — как сплетения проводов. Ноги ее безумно мельтешат на бегу, и наконец она падает вперед, но не ударяется о землю, а продолжает вплотную к ней двигаться в сторону высадившихся, неуклюже и кровожадно размахивая руками и ногами, и тут (*боги, Джаббер и трах небесный*) у нее раскрываются крылья за спиной, принимая на себя ее вес, это гигантские комариные крылья, перламутровые лопасти дрожат, приходят в движение и издают высокий дребезжащий звук, вибрируют с такой скоростью, что пропадают из виду, и эта жуткая женщина, кажется, устремляется на них под полосой мутноватого воздуха.

То, что произошло потом, снова и снова возвращалось к Беллис в воспоминаниях и снах.

Комариха с голодным взглядом широко раскрывает рот, разбрызгивает слюну, губы ее растягиваются, обнажая беззубые десны. Она издает рыгающий звук, и изо рта зловеще появляется нечто тонкое, колющее. Это слюнявый хоботок, он высовывается примерно на фут.

Он выдвигается по-животному, как блевотина, но в нем безошибочно чувствуется что-то тревожно-сексуальное. Он возникает непонятно откуда: голова и горло женщины слишком малы, чтобы

его вместить. Она несется к ним на поющих крыльях, а за ней из зарослей появляются другие.

Воспоминания были туманными. Беллис хорошо помнила жару и все, что она видела, но каждый раз, возвращаясь туда мысленно, она поражалась живости образов. Экспедиция почти разбегается от внезапного ужаса, раздаются хаотические неприцельные выстрелы (Доул сердито кричит: *прекратить огонь*).

Беллис видит первых комарих — те облетают кактов, не испытывая к ним ни малейшего интереса. Они летят к охранникам струподелам, опускаются на них (коренастые струподелы почти не чувствуют веса худосочных крылатых женщин) и с тупым упорством тычутся в них своими хоботками, пытаясь пробить защитные струпья. Беллис слышит, как в панике рвутся с поводков свиньи и овцы, как они несутся, оставляя за собой след из навоза и пыли.

Теперь здесь с десяток комарих (*так много и так быстро*), и, увидев бегущих животных, они тут же устремляются за этой, более легкой добычей. Они поднимаются на тонких крыльях, наклоняют головы, их руки и ноги болтаются в воздухе, как марионетки, подвешенные к удлиненным лопаткам, слюнявые темные хоботки

по-прежнему торчат изо ртов. Женщины спускаются к обезумевшим животным, без труда ловят их, полухаотическими движениями преграждая им путь, раскидывают руки, широко расставляют пальцы, хватают животных за шкуру и шерсть. Беллис смотрит (*она помнила, как неловко отступала, спотыкаясь о ноги тех, кто был вокруг нее, но держалась прямо, пораженная страхом*) в ужасе, словно загипнотизированная, как первые самки анофелесов начинают трапезу.

Комариха усаживается на огромного хряка, опускается на него сверху, обнимает всеми конечностями, как любимую игрушку. Голова ее откидывается назад, и длинный хоботок выдвигается еще на несколько дюймов, прямой, как стрела арбалета. Потом она резко выдвигает голову вперед, ее открытый рот растягивается, хоботок вонзается в тело животного.

Свинья визжит и визжит. Беллис все еще наблюдает (*ноги уносят ее подальше от этого зрелища, но глаза не могут от него оторваться*). Ноги свиньи подкашиваются, шкура ее пробита — шесть, десять, двенадцать дюймов хитинового стержня легко преодолевают сопротивление шкуры и проникают в самые глубины, где циркулируют потоки крови. Комариха садится верхом

на упавшее животное и вгрызается в него своим ртом, все глубже вдавливая хоботок. Тело ее напрягается (каждый мускул, каждое сухожилие, каждая вена видны под сморщенной кожей), она начинает сосать.

Еще несколько секунд свинья визжит. Потом визг стихает.

Свинья на глазах становится все тоньше.

Беллис видит, как она съеживается.

Свиная шкура спазматически дергается и начинает собираться мешком. Крохотные струйки крови вытекают оттуда, где рот анофелеса неплотно примыкает к свиной шкуре. Беллис смотрит с недоумением, но это не игра ее воображения — свинья *съеживается*. Ноги ее дергаются в судорожном ужасе, а потом, по мере того как иссушаются конечности, начинается дрожь умирающих нервов. Ее жировые отложения сжимаются по мере того, как опорожняются, теряют соки внутренности. И вот уже шкура свиньи натягивается на уменьшающееся тело, на ней образуются складки. Цвет покидает ее.

Жизнь и кровь, уходя из хряка, перемещаются в комариху.

Живот ее распухает. Она присосалась к свинье, которая чем дальше, тем больше становится

оболочкой, высушенной и сморщенной. Свинья уменьшается, а женщина увеличивается в размерах, жиреет с удивительной скоростью, цвет разливается по ней, она раздувается, начиная от желудка. Она наливается соками умирающего животного, становится сытой и неповоротливой.

Беллис не в силах оторвать взгляд, хотя ее и одолевает тошнота, по мере того как свиная кровь наполняет эту костлявую оболочку, перетекая из одного тела в другое.

И вот свинья уже мертва: сморщенная шкура проваливается в пустоты между лишенными соков мышцами и костями. Анофелес пожирнела и порозовела. Ее руки и ноги почти удвоились в обхвате, кожа на них натянулась. Раздувание особенно заметно в области груди, живота и ягодиц, которые пополнели, но не обрели упругости, свойственной человеческому телу. Вид у них как у опухоли, как у налитой головки нарыва.

Повсюду на полянке то же самое происходит с другими животными. На некоторых восседает по одной женщине, на других — по две. Все животные съеживаются на глазах, словно их иссушает, обезвоживает солнце, а все анофелесы толстеют, наливаясь кровью.

Первой самке потребовалось полторы минуты,

чтобы высосать всю жидкость из свиньи (*это воспоминание потом преследовало Беллис, ей долго слышались довольное урчание комарихи*).

Насытившись, та скатывается со сморщенного трупа. Глаза ее становятся сонными, хоботок убирается внутрь, изо рта капает кровь. Она уходит, оставляя после себя мешок свиных костей.

Горячий воздух вокруг Беллис теперь густо насыщен запахом рвоты — ее спутники не сдержались при виде трапезы анофелесов. Беллис не рвет, но рот ее перекашивается, и она чувствует, что поднимает свой пистолет, но не в гневе или страхе, а в отвращении.

Но не стреляет. (*И вообще, что, если бы она, неумелая в таких делах, нажала на спусковой крючок? Впоследствии оглядываясь назад, Беллис часто задавала себе этот вопрос.*) Опасность, кажется, миновала. Армадцы, оставляя позади маленькую полянку и запах навоза и горячей крови, двигаются вверх по склону мимо новых скал ядовитых вод, к поселению, которое они видели с воздуха.

Последовательность событий стала более четкой, не скомканной от жары, страха и недоумения. Но тогда, в том месте, в то мгновение, когда Беллис удалялась от горячего кровавого

месива из мертвых свиней и овец и их иссохших потрохов, от омерзительно-жуткого пиршества анофелесов, а потом (*еще хуже*) от их сытой апатии, комариха подняла свой взгляд от овцы, до которой добралась слишком поздно — та уже была пуста, — и посмотрела на отступающую экспедицию. Она сгорбилась и, болтая в воздухе руками и ногами, полетела к ним. Рот ее был открыт, с хоботка капала слюна; остатков трапезы сестер ей было явно недостаточно — живот ее лишь чуть-чуть увеличился в размерах. Она миновала стражников-кактов и струподелов, направляясь к обезумевшим от страха людям; крылья ее звенели.

Беллис брала жуть, когда она возвращалась в мыслях к этой путаной мозаике образов, — она увидела, как Утер Доул спокойно вышел вперед, встав на пути женщины-москита, поднял руки (*теперь в каждой было по пистолету*), дождался, когда та почти села на него, когда жар ее рта обдал его лицо, — и выстрелил.

Оружие взорвалось грохотом и черным свинцом. Выстрел ударил в лицо и живот женщины. И хотя она была полупуста, из разорвавшихся с треском внутренностей хлынул фонтан крови. Женщина упала на землю, ее лицо рылось в грязь.

Хоботок продолжал торчать изо рта — слюнявый, красный, он сразу же вонзился в землю. Наконец тело ее замерло перед Доулом.

Беллис вернулась в линейное время. Она была ошеломлена происходящим, но воспринимала его отстранено. В нескольких ярдах от Беллис насосавшиеся кровью анофелесы не обращали внимания на свою погибшую сестру. Когда экспедиция по крутой тропе направилась вверх, в горы, комарихи принялись уносить свои отяжелевшие тела от обескровленных жертв, оставшихся догнивать на земле. Налитые, как виноградные грозди, под зловеще гудящими крыльями они медленно возвращались в свои заросли.

ГЛАВА 23

Они ждали в молчании: Любовница, Доул, Тинтиннабулум, Хедригалл и Беллис. А перед гостями, чуть наклонив, словно в вежливом удивлении, головы, стояли два анофелеса.

Беллис удивилась при виде двух этих комаров-самцов. Она думала, что ее ждет нечто отвратительное — кожа, обесцвеченная хитином, маленькие жесткие крылья, такие же, как у женщин.

Но они были похожи на обычных мужчин небольшого роста, чуть сгорбленных от возраста. Их красноватые одеяния были все в пыли и пятнах от растений. Самый старший был лысоват, а его руки, торчавшие из рукавов, отличались чрезвычайной худобой. У мужчин не было ни губ, ни челюстей, ни зубов. Рот их представлял собой сфинктерную мышцу — небольшое плотное кольцо мускулов, внешне неотличимое от ануса. Кожа по бокам просто сползала к этому отверстию.

— Беллис, — сказала Любовница, — попробуйте еще раз.

Они вошли в поселение под удивленные взгляды мужчин-комаров.

Растрепанная, потная, покрытая пылью армадская экспедция с трудом преодолела последние ярды и внезапно оказалась в тени домов из сланца, высеченных и встроенных в стены ущелья, разделившего скалу надвое. Поселение было сооружено без всякого плана: маленькие квадратные домики, разбросанные под солнцем на главных склонах, словно они сползли вниз по крутым склонам расщелины. Домики были связаны между собой ступеньками, вырубленными в породе, и протоптанными тропинками. Дымоходы утопленных в скалу обиталищ торчали из земли, как шляпки грибов.

В поселении повсюду виднелись двигатели с Машинного берега. Сотни неясных конструкций, все очищенные от ржавчины. Некоторые работали, другие стояли. Те, что освещались солнцем, сверкали. Здесь не было шумных паровых двигателей, как в Нью-Кробюзоне и Армаде, и в воздухе не висел запах горелого масла. Наверное, гелиотропные двигатели, подумала Беллис. Их лопатки и лопасти стрекотали на немилосердном солнце, потрескавшиеся стеклянные корпуса засасывали в себя его лучи и посылали

загадочную энергию по проводам, связывавшим разбросанные повсюду дома. Длинные провода были сращены из коротких отрезков, выдранных из старых машин.

На плоских крышах, на склонах холмов, в тени узкой расщелины, из-под крон сучковатых деревьев вокруг поселка, из дверей и окон на новоприбывших смотрели мужчины-комары. Стояла тишина — ни вскриков, ни охов, ни ахов. Ничего — только удивленные взгляды всех этих глаз.

Один раз Беллис показалось (и тут же судорога страха свела сердце), что она видит неровный полет самки-анофелеса над одним из зданий повыше. Но ближайшие к ней самцы только повернулись и принялись кидать в самку камнями, прогнав ее до того, как та успела увидеть армадцев или проникнуть в один из домов.

Они дошли до некоего подобия площади, окруженной теми же грязного цвета домами и остовами солнечных двигателей. Здесь расщелина расширялась и пропускала свет с горячего голубого неба. В дальнем конце площади Беллис увидела трещину в скалах — утес, почти вертикальная стена которого спускалась к морю. И здесь наконец их встретила маленькая делегация

взволнованных самцов-анофелесов, которые, раскланиваясь, пригласили их в большое помещение в каменном теле холма.

Во внутренней комнате, освещаемой через глубочайшие скважины, пробуренные в скале, — дневной свет отражался затем с помощью зеркал, — к ним вышли два анофелеса. Они вежливо поклонились, и Беллис (вспомнив тот самый день в столице Салкрикалтора; язык другой, но работа такая же) выступила вперед и приветствовала их на чистейшем верхнекеттайском.

Анофелесы стояли как вкопанные и недоуменно смотрели, не понимая ни слова.

Беллис попробовала еще раз, произнеся велеречивое приветствие на верхнекеттайском. Анофелесы посмотрели друг на друга и испустили шипящие звуки, похожие на ветры.

Видя, как дергаются и колеблются их ротовые сфинктеры, Беллис поняла, в чем дело, и стала не произносить, а писать кеттайские слова.

«*Меня зовут Беллис,* — написала она. — *Мы проделали очень, очень большой путь, чтобы поговорить с вами. Вы меня понимаете?*»

Когда она протянула лист анофелесам, глаза их широко раскрылись, они посмотрели друг на друга и оживленно замурлыкали. Тот, что постарше,

взял у Беллис ручку.

«*Меня зовут Морил Крахн,* — написал он. — *У нас очень давно не было гостей, похожих на вас.* — Он посмотрел на нее и зажмурился. — *Добро пожаловать в наш дом*».

Ухающий язык анофелесов не имел письменности. Для них верхнекеттайский был письменным языком, но они никогда не слышали его звуков. Они могли выражать свои мысли при помощи изящной вязи, но понятия не имели, как этот язык должен звучать. Сама идея устного верхнекеттайского казалась им абсурдной.

За многие сотни лет в результате взаимодействия между самхерийскими моряками и властями Гнурр-Кетта в Кохниде возник некий симбиоз. Самхерийские какты прибывали на остров со скотом и некоторыми товарами и забирали свою посредническую долю. Кохнид покупал у них все, что давали анофелесы.

Они контролировали поток информации, поступающей к людям-комарам, внимательно следили, чтобы ни один язык, кроме верхнекеттайского, не достиг острова и чтобы ни один анофелес не смог покинуть его берегов.

Жуткие воспоминания о Малярийном женоцарстве сошли на нет. Кохнид вел свою игру,

держа анофелесов с их блестящим умом в качестве своих домашних мыслителей, не давая им ничего, что помогло бы им обрести силу, и не позволяя им бежать (Кохнид не хотел рисковать, снова выпуская в мир самок-анофелесов), но они получали достаточно, чтобы питать их мысли. Кеттайский отсекал от анофелесов любую информацию, и этому способствовало то, что на протяжении веков верхнекеттайский был единственным письменным языком острова. Таким образом, философия и наука анофелесов оказывались целиком под контролем кохнидской элиты, а труды людей-комаров, кроме них, практически никто не мог прочесть.

Беллис подумала, что если такой сложной системе позволено существовать, то осколки древних технологий, которыми владеют анофелесы, работы их философов — это, вероятно, нечто из ряда вон выходящее. Каждое самхерийское судно, шедшее из Кохнида на остров, везло несколько тщательно отобранных книг, а иногда и заказы. «*При таких-то исходных,* — спрашивал какой-нибудь кохнидский теоретик, — *и имея в виду парадокс, изложенный вами в предыдущем очерке, каков может быть ответ на следующую задачу?*» Рукописные труды, подписанные

кеттайскими именами, возвращались обратно. Написанные в ответ на подобные запросы, либо разрешая проблемы заинтересовавшие самих анофеласов. Потом рукописи публиковались кохнидскими издателями — без какого-либо вознаграждения для автора. Иногда эти труды присваивались каким-нибудь кеттайским ученым, что добавляло престижа Кеттаю. Люди-комары были низведены до положения ученых рабов.

В развалинах на острове находились древние тексты на верхнекеттайском, доступные анофелесам, или на давно мертвых языках, которые они упорно расшифровывали. А при скудном притоке книг из Кохнида и при наличии рукописей, оставленных предками, анофелесы проводили и собственные исследования. Иногда такие исследования отсылались за море кохнидским хозяевам, которые, бывало, публиковали их.

Именно это и случилось с книгой Круаха Аума.

Две тысячи лет назад люди-комары некоторое время властвовали в южных землях, и этот период был кровавым страшным кошмаром, праздником чудовищной жажды. Беллис не знала, что анофелесам известно о собственной истории, но иллюзий насчет своих женщин у

комаров-самцов не было.

«*Скольких вы убили?* — написал Крахн. — *Скольких женщин?*»

И когда после недолгих колебаний Беллис написала «*Одну*», он кивнул и ответил: «*Не так уж много*».

В поселке не существовало никакой иерархии. Крахн не был правителем. Но он горел желанием помочь гостям, сообщить им все, что они пожелают узнать. Анофелесы отвечали армадцам вежливым, сдержанным удивлением: отношение их к прибывшим было созерцательным, почти как к абстрактной проблеме. Их флегматичная реакция говорила о чуждой психологии.

Беллис со всей скоростью, на какую была способна, записывала вопросы Любовницы и Тинтиннабулума. Они еще не подняли главную тему — то, что привело их на остров, — но тут из соседней комнаты, где ждали их товарищи, раздался какой-то гвалт: громкие голоса на сунглари и выкрики на соли.

Пираты-торговцы из Дрир-Самхера вернулись на свои корабли и обнаружили незваных пришельцев. Какт в цветастых одеждах вошел в комнату в сопровождении двух своих экс-соотечественников, ныне армадских кактов, и что-то

сердито выговаривал им на сунглари.

— Солнцесрань! — прокричал он на соли с заметным акцентом. — Вы кто такие? — В одной руке он держал тяжелую саблю и сердито размахивал ею. — Этот остров принадлежит Кохниду, и иностранцам появляться здесь запрещено. Мы здесь представляем Кохнид и имеем полномочия защищать их территорию. Что мешает мне взять и перебить вас всех?

— Мадам, — сказал один из армадских кактов и устало повел рукой, представляя рассерженного. — Это Нурджитт Сенгка, капитан «Пылесердца Тетнеги».

— Капитан, — сказала Любовница, выступая вперед; Утер Доул тенью последовал за ней. — Рада с вами познакомиться. Нам нужно поговорить.

Сенгка не был морским грабителем — он имел каперский патент от Дрир-Самхера. Жизнь в постоянном самхерском представительстве была однообразной, легкой и скучной — ничего не происходило, никто не приезжал на остров, никто его не покидал. Раз в месяц, или два, или шесть из Кохнида или Дрир-Самхера прибывали новые корабли с грузом скота для женщин-анофелесов и, случалось, с товарами для мужчин. Новоприбыв-

шие сменяли своих скучающих соплеменников; те уезжали домой, увозя с собой блестящие эссе и научную продукцию, обмененную на товары.

Те, кто размещался в миссии, проводили дни в склоках, драках и спорах; они не обращали внимания на комарих и посещали мужчин, только когда им нужна была еда и техника. Официально же они присутствовали там, чтобы регулировать потоки информации на остров, блюсти лингвистическую чистоту, которая давала Кохниду возможность держать островитян за горло и препятствовать бегству анофелесов с острова.

Сама мысль об этом казалась безумной — никто никогда на остров не заходил. Лишь немногие моряки знали о его существовании. Изредка сюда заносило сбившееся с пути судно, но ничего не подозревающая команда обычно быстро становилась жертвой островных женщин.

А из анофелесов никто никогда не покидал остров. Поэтому формально появление армадцев не нарушало никаких договоренностей между Дрир-Самхером и Кохнидом. Ведь для общения использовался только верхнекеттайский, и никакой меновой торговли не происходило. Но вот присутствие чужаков, которые могли общаться с местными жителями, было случаем из ряда вон

выходящим.

Сенгка обводил присутствующих безумным взглядом. Когда он понял, что эти странные пришельцы — с таинственного плавучего города Армада, глаза его расширились. Но они вели себя вежливо и, казалось, искренне хотели объяснить свое появление. И хотя он бросал разгневанные взгляды на прежних соотечественников, шипел, осыпая их оскорблениями, называя предателями, и всем своим видом демонстрировал отвращение к Любовнице, он все же выслушал чужаков и дал увести себя в большую комнату, где ждали армадцы.

Любовница, охранники-какты и Утер Доул удалились; к Беллис подошел Тинтиннабулум. Он принялся собирать свои длинные белые волосы в хвост, своими мощными плечами загораживая Беллис от взглядов анофелесов.

— Не останавливайтесь, — пробормотал он. — Берите быка за рога.

«Крахн», — написала она.

Было несколько мгновений, когда она чуть не впала в истерику из-за абсурдности происходящего. Если она выйдет наружу, то рискует встретить быструю и тошнотворную смерть. Эти прожорливые самки мигом найдут ее — такой

соблазнительный кровяной мешок. Они учуют ее и высосут всю, до последней капли, — им это так же просто, как кран открыть.

И вот, под прикрытием этих стен, всего лишь час спустя после жуткого кровопускания на дороге, после того как мертвая анофелес рухнула на сморщенные шкуры и кости высосанных животных, Беллис на давно мертвом языке задает вежливые вопросы внимательному хозяину. Она потрясла головой.

«*Мы ищем одного из ваших,* — написала она. — *Нам нужно поговорить с ним. Это очень важно. Вы знаете кого-нибудь из ваших по имени Круах Аум?*»

«*Аум, который выискивает в развалинах старые книги,* — ответил он, не быстрее и не медленнее, чем прежде, и ровно с таким же интересом. — *Все мы знаем Аума. Я могу привести его к вам*».

ГЛАВА 24

Флорину Саку не хватало моря.

Его кожа на жаре покрывалась пузырями, щупальца воспалялись.

Целый день он ждал. Любовница, Тинтиннабулум, Беллис Хладовин и другие беседовали с безмолвными анофелесами. Сак и его товарищи перешептывались друг с другом, жевали вяленое мясо и безуспешно пытались выпросить какую-нибудь пищу посвежее у своих любознательных и сдержанных хозяев.

— Эти жопомордые глупы, как пни, — услышал Флорин чей-то голодный голос.

Армадцы были психологически травмированы ненасытной жадностью самок-анофелесов. Они не могли отделаться от чувства, что комарихи носятся в воздухе за стенами, что спокойствие и тишина в поселке — кажущиеся, что они оказались в ловушке.

Некоторые из товарищей Флорина отпускали нервные шутки о самках-анофелесах. «Женщины», — говорили они и неестественно смеялись, имея в виду, что самки всех видов — кровососы и тому подобное.

Флорин пытался поддержать разговор, но не мог заставить себя смеяться над такими глупостями.

В этом большом аскетичном помещении были два лагеря. На одной стороне находились армадцы, а на другой — какты из Дрир-Самхера. Они настороженно поглядывали друг на друга. Капитан Сенгка яростно спорил на сунглари с Хедригаллом и двумя другими армадцами-кактами, а его команда неуверенно смотрела и слушала. Когда наконец Сенгка со своими людьми выбежал наружу, армадцы облегченно вздохнули. Хедригалл медленно подошел к стене и сел рядом с Флорином.

— Да, не очень-то я ему понравился, — сказал он, устало ухмыляясь. — Все время называл меня предателем. — Он закатил глаза. — Но он не сделает никаких глупостей. Он боится Армады. Я ему сказал, что мы быстро уберемся, что мы ничего не привезли и ничего не увезем, но еще намекнул, что если он будет валять дурака, то получит войну. Так что никаких проблем у нас не возникнет.

Прошло некоторое время, и Хедригалл обратил внимание, как Флорин все время гладит свою кожу, как он облизывает пальцы и пытается

смочить ее. Он вышел из комнаты, и Флорина глубоко тронуло, когда через пятнадцать минут кактвернулся с тремя большими кожаными мехами, наполненными морской водой. Флорин полил себя водой, пропустив ее через жабры.

Вошли мужчины-анофелесы — посмотреть на армадцев. Они кивали друг другу, ухали, посвистывали. Флорин смотрел, как едят травоядные люди, засовывая в свои ротовые отверстия пригоршни ярких цветов и обсасывая их с таким же неистовством, с каким женщины выпивали соки из животных. Потом вместе со струей воздуха изо рта вылетали перетертые лепестки, переломанные, истонченные, лишенные соков и нектара, бесцветные.

Армадский экипаж был вынужден мучиться жаждой и потеть в течение долгих часов, пока Любовница и Тинтиннабулум составляли планы. Наконец Хедригалл и несколько других кактов, ведомые анофелесами, вышли из помещения.

Свет, попадавший внутрь через шахтные стволы, начал меркнуть. Благодаря зеркалам и крохотным трещинкам в породе Флорин видел, что небо приобрело фиолетовый оттенок.

Они разместились без всяких удобств там, где сидели или лежали. Анофелесы разбросали по по-

лу камыш, устроив довольно плотную подстилку. Ночь была жаркой. Флорин снял с себя пропахшую потом рубашку и, сложив ее несколько раз, соорудил подушку. Он немного ополоснулся соленой водой и увидел, что другие армадцы тоже пытаются помыться, насколько это возможно.

Никогда еще Флорин не чувствовал себя таким усталым. Ему казалось, что в нем не осталось ни капли энергии — всю ее высосали и заменили ночной жарой. Он улегся на импровизированную подушку, влажную от его пота. Но на этом твердом полу, не ставшем мягче от тростника (от которого поднимался густой запах пыльцы и растительной пыли), он уснул почти мгновенно.

Флорин проснулся, полагая, что прошло лишь несколько минут, но увидел дневной свет и жалобно застонал. Голова болела. Он жадно принялся пить из оставленных анофелесами кувшинов с водой.

Когда армадцы проснулись, из маленькой соседней комнаты вышли Любовница, Доул и Хладовин в сопровождении кактов, покинувших их накануне вечером. Выглядели они усталыми и запыленными, но улыбались. С ними был очень старый анофелес, одетый так же, как его соплеменники, и с тем же выражением спокойного

интереса на лице.

Любовница встала перед собравшимися армадцами.

— Это Круах Аум, — сказала она.

Круах Аум, стоявший рядом с ней, поклонился, глядя стариковскими глазами на толпу.

— Я знаю, что многих из вас озадачило это путешествие, — сказала Любовница. — Мы говорили, что на этом острове есть кое-что нам необходимое, очень важное для подъема аванка. Так вот это, — она указала на Круаха Аума, — и есть то, что нам надо. Круах Аум знает, как вызвать аванка… Мы прибыли сюда, чтобы поучиться у него. В этом деле много составляющих. Проблемы, связанные с тем, как поймать аванка и затем управлять им, требуют использования техники не менее сложной, чем наша магия и океанология. Переводить для нас будет Беллис Хладовин. Процесс долгий, так что от вас потребуется терпение… Мы надеемся отплыть с острова через неделю, может быть через две. Но это означает, что работать надо упорно и быстро. — Она помолчала несколько мгновений. Ее суровый голос сорвался, и она неожиданно усмехнулась. — Поздравляю всех вас. Всех. Это великий день для Армады.

И хотя большинство из присутствующих понятия не имело о том, что происходит, ее слова произвели нужное впечатление, и Флорин присоединился к ликованию товарищей.

Какты разбили лагерь невдалеке от поселка. Для размещения остальных армадцев небольшими группками, в более сносных условиях, и были найдены пустые комнаты, защищенные от проникновения самок.

Анофелесы по-прежнему проявляли бесстрастное любопытство, охотно участвовали в беседах, охотно помогали. Скоро стало ясно, что у Аума сомнительная репутация — работал и жил он в одиночестве. Но когда на острове объявились пришельцы, помочь ему пожелали все лучшие умы городка. В оружии, спрятанном на «Трезубце», не возникало никакой нужды. И Любовница из вежливости разрешила всем анофелесам участвовать в консультациях, хотя слушала одного только Аума, велев Беллис записывать лишь общий смысл высказываний всех остальных.

Первые пять часов каждого дня Аум проводил в обсуждениях с учеными Армады. Они задавали вопросы по его книге, показывали ему поврежденное приложение, и, хотя, к их удивлению, у него не было экземпляра этого издания, он смог

все вспомнить. Используя абак и разбросанные вокруг загадочные машины, он начал дополнять книгу утраченной информацией.

После еды (какты собрали для своих собратьев достаточно съедобных растений и рыбы в дополнение к сухому рациону) с Круахом Аумом работали инженеры и механики. Утром Флорин и его коллеги спорили о пределах прочности и мощности двигателей, составляли чертежи, формулировали список вопросов, который потом, во второй половине дня, застенчиво передавали Ауму.

Любовница и Тинтиннабулум присутствовали при всех беседах, сидя рядом с Беллис Хладовин. Бедняжка, наверное, страшно устала, думал Флорин. Кисть правой руки, измазанную чернилами, постоянно сводило судорогой, однако Беллис ни разу не пожаловалась и не попросила перерыва. Она лишь бесконечно пропускала через себя вопросы и ответы, исписывала бесчисленные бумажные листы, переводила письменные заметки Аума на соль.

В конце каждого дня наступал короткий жуткий период, когда люди, хотчи и хепри маленькими группками бежали к месту своей ночевки. Никто не проводил на открытом возду-

хе больше тридцати секунд, но тем не менее их прикрывали вооруженные дискометами какты и мужчины-анофелесы, защищавшие своих гостей от смертоносных самок палками, камнями и гудками.

В дальней комнате жилища Флорина разместился еще один механик — женщина. Флорин некоторое время лежал без сна.

Рядом с его окном раздался голос кактa, заставивший Флорина вздрогнуть:

— Не закрывай дверь — придет еще кое-кто.

Флорин задул свечу и заснул. Намного позднее охранник-кактa проводил Беллис Хладовин до прихожей, и та, уставшая как никогда прежде, вошла, закрыла дверь на засов и поплелась через темную комнату Флорина в следующую. Он проснулся и увидел ее.

Даже в таком жарком и странном месте, среди всей этой крови и постоянной смертельной угрозы, даже вдали от дома, установился заведенный порядок.

Это произошло всего через день по прибытии армадцев на остров. Охранники-кактa разыскивали продовольствие, рыбачили, провожали своих товарищей и уносили скапливающийся мусор, как это делали и анофелесы, к пропасти на

окраине деревни, где сбрасывали вниз — в море.

Каждое утро Аум и его постоянные спутники-анофелесы дискутировали с армадскими учеными и читали им лекции. Во второй половине дня они делали то же самое для инженеров и механиков. Эта бесконечная работа, да еще в такую жару, изматывала. Беллис пребывала в полубессознательном состоянии. Она стала пишущей машиной, существовавшей только для того, чтобы анализировать синтаксические конструкции, переводить, записывать вопросы и зачитывать ответы.

По большей части смысл переводимых ею предложений оставался для нее темен. Изредка ей приходилось справляться со словарем в ее собственной монографии по верхнекеттайскому. Она прятала эту книгу от анофелесов. Она не хотела нести ответственность за то, что они изучат другой язык и вырвутся из своей тюрьмы.

Библиотека на острове была совершенно бессистемной. Большинство работ были теорией чистой воды. Власти Кохнида и Дрир-Самхера скрывали от своих научных рабов все труды, которые считали опасными, и почти ничто не связывало анофелесов с внешним миром. И анофелесам в поисках запретных работ приходилось

разбирать развалины — обиталища своих предков на другой стороне острова.

Иногда они находили притчи, как, например, историю человека, поднявшего аванка.

Истории не имели отношения к остальному миру. То были ссылки в невразумительных философских текстах, примечания, смутные воспоминания. У людей-комаров были собственные полузабытые мифы.

Беллис поначалу полагала, что анофелесы одержимы любопытством к миру, но оказалось, что это не так. Их интересовали, казалось, только самые отвлеченные вопросы. Но что касается Круаха Аума, то в нем вроде бы обнаруживались проблески более живого, более земного интереса.

«*В воде существуют течения,* — писал он, — *которые мы способны зафиксировать и которые не могут родиться в наших морях*».

Аум начал когда-то с самого высокого теоретического уровня и прежде всего доказал существование аванка самому себе. Армадские ученые сидели как завороженные, слушая Беллис, которая сбивчиво пересказывала его историю. От трех-четырех нацарапанных уравнений до страницы логических предпосылок, противоречащих

обнаруженным им работам по биологии, океанологии, философии размерностей. Гипотеза. Проверка результатов, подтверждение деталей первого подъема аванка.

Ученые с восторгом и удивлением разглядывали уравнения и нотации, записываемые Беллис на соли.

После еды Беллис снова набралась сил и села работать с инженерами и механиками.

Одним из первых заговорил Флорин Сак.

— Что это за животное? — спросил он. — Что нужно, чтобы его связать?

Многие инженеры и механики были из похищенных, а некоторые из них — переделанными. Беллис поняла, что она окружена преступниками, главным образом из Нью-Кробюзона. На соли они говорили с акцентом Собачьего болота или Худой стороны, пересыпая свою речь трущобным сленгом, который она не слышала вот уже много месяцев, а теперь при его звуках лишь моргала от удивления. Эти разговоры были для нее не менее невразумительны, чем беседы ученых. Они спрашивали о прочности стали, железа и различных сплавов, ячеистой структуре цепей под Армадой, о силе аванка. Потом разговор переходил на паровые двигатели, газовые турбины, горное молоко,

на особенности строения сбруи, удил, уздечки, на размеры кораблей.

Беллис понимала, что лучше бы ей разбираться в том, о чем идет речь, но это было выше ее понимания, и она оставила попытки.

В тот вечер, когда один из их людей возвращался в свою комнату, к нему подлетела, раскидывая руки, вопящая самка-анофелес, и охранник-какт пристрелил ее из дискомета.

Беллис услышала щелчок выстрела и выглянула через щель в ставне. Анофелес-мужчина, бормочущий что-то сфинктерным ртом, присел рядом с телом и пощупал его. Рот ее был открыт, а хоботок болтался наподобие жесткого массивного языка. Женщина недавно ела. Ее все еще распухшее тело было почти рассечено надвое массивным крутящимся чакри, вылетевшим из дискомета. На землю хлынули фонтаны крови, которая стала впитываться и образовывать пыльные лужицы.

Мужчины-анофелесы качали головами. Тот, что стоял на коленях, подергал Беллис за руку и написал что-то в ее блокноте.

«*В этом не было необходимости. Она не хотела есть*».

А потом он объяснил ей в чем дело, голова у

Беллис закружилась от чудовищности произошедшего.

Беллис страдала от того, что ей не удавалось побыть одной. Все время кто-нибудь был рядом, и она страшно устала от этого. И поэтому, когда работа закончилась и ученые собрались, чтобы обсудить программу на завтра, Беллис тут же исчезла в маленькой соседней комнате, думая, что там никого нет. Но она ошиблась.

Она пробормотала какое-то извинение и повернулась, чтобы уйти, но Утер Доул тут же заговорил:

— Пожалуйста, останьтесь.

Беллис снова повернулась, с тревогой вцепившись в сумочку, ощущая вес коробки, врученной ей Сайласом. Она с непроницаемым лицом остановилась в дверях.

Перед ее приходом Доул делал упражнения. Он стоял в центре комнаты, расслабленно держа свой меч — прямой, тонкий, обоюдоострый, длиной фута в два. Этот меч не отличался ничем: ни размерами, ни причудливой отделкой, ни могущественными магическими знаками.

Белый клинок мелькнул в воздухе бесшумно и незаметно для глаза, сверкнул, как вода, совершив неожиданный убийственный выпад, а

потом так быстро исчез в ножнах, что Беллис даже не поняла, как это произошло.

— Я закончил, мисс Хладовин, — сказал он. — Комната в вашем распоряжении.

Беллис благодарно кивнула и села, дожидаясь, когда он уйдет.

— Будем надеяться, что это несчастное убийство не осложнит наших отношений с мужчинами-комарами, — сказал Доул.

— Не осложнит, — подтвердила Беллис — Они не особенно сердятся, когда умирают их подруги. Они помнят достаточно, чтобы понимать — это делается из необходимости.

«*Но ему это прекрасно известно,* — недоуменно подумала вдруг она. — *Он просто снова завязывает со мной разговор*».

Но несмотря на всю ее подозрительность, она хотела поделиться с кем-нибудь жуткими и захватывающими подробностями, о которых ей стало известно, хотела, чтобы о них узнал еще кто-нибудь.

— Эти анофелесы, они почти не знают своей истории, но знают, что какты — не единственный народ, обитающий за морем. Они знают о нас — кровеходах, и им известно, почему никто из нас здесь не появляется. Они почти забыли

историю Малярийного женоцарства, но у них сохранились воспоминания о том, что их женщины… совершили что-то нехорошее… много столетий назад. — Она сделала паузу, чтобы Доул оценил фигуру умолчания. — Они относятся к своим женщинам без любви или отвращения.

Это был горький прагматизм. Они не желали зла своим женщинам. Они страстно совокуплялись с ними раз в год, но по возможности не замечали их, а при необходимости — убивали.

— Она не собиралась кормиться, — продолжала Беллис, стараясь говорить нейтральным тоном. — Она была сыта. У них есть… разум. Они вовсе не животные. Все дело в голоде, сказал он мне. Они могут очень долго прожить без еды, целый год, и все это время будут визжать от голода — ни о чем другом они не могут думать. Но если они поели, насытились по-настоящему, то на день или на порой на неделю, голод отступает. И вот в это время они пытаются говорить.

Беллис рассказала, как они прилетают с болот, приземляются на площади и кричат, пытаясь заговорить с мужчинами, произнести слова. Но им не удается выучить язык. Они ведь почти всегда голодны. Они знают, кто они такие.

Беллис поймала взгляд Утера Доула. Она вдруг

поняла, что пользуется его уважением.

— Они *знают*. Изредка они могут сдерживать себя, когда их желудки полны, а разум на несколько дней или часов свободен, и тогда им понятно, что они делают, как живут. Они не глупее меня или вас, но чувство голода слишком отвлекает их, чтобы они научились говорить. Но раз в несколько месяцев, в течение нескольких дней у них есть возможность сосредоточиться, и они пытаются учиться… Но у них, судя по всему, ротовой аппарат устроен не так, как у мужчин-анофелесов, и они не могут производить нужные звуки. И только самые неопытные, самые молодые пытаются подражать мужчинам. А когда они высовывают хоботок, то рот у них почти как у нас. — Беллис видела, что Доул все понял. — Их голоса похожи на наши, — тихо продолжала она. — Они никогда не слышали такого языка, которому могли бы подражать, а теперь услышали: это наш язык. Та женщина была сыта, но не понимала языка, хотя сознавала, что не понимает. У нее, наверно, закружилась голова от всех наших речей — ведь и она сама могла производить эти звуки. Вот почему она полетела к тому человеку. Она пыталась поговорить с ним.

— Странный меч, — сказала Беллис чуть пого-

дя. Он помедлил мгновение (Беллис поняла, что впервые увидела у него проблеск неуверенности), потом вытащил оружие правой рукой и протянул ей — посмотрите.

У основания его ладони виднелись три маленькие металлические заклепки, словно внедренные в плоть и соединенные с пучком проводов в рукаве, уходившим к коробочке у него на поясе. Эфес меча был отделан кожей, но не полностью: оставалась полоса металла, которой касались заклепки, когда Доул брал меч в руку.

Как и предполагала Беллис, металл клинка не был травленым.

— Можно потрогать?

Доул кивнул. Она постучала ногтем по плоской части клинка. Раздался глухой, сразу же гаснущий звук.

— Это керамика, — сказал Доул. — Больше похоже на фарфор, чем на металл.

Острые кромки меча не отличались тем характерным матовым блеском, который обычно свойствен заточенному клинку. Они были такими же бесцветно-белыми, как и плоская часть (белыми с желтоватыми пятнами, цвета зубов или слоновой кости).

— Он перерубает кость, — тихо сказал Доул сво-

им мелодичным голосом. — Вы такой керамики прежде не видели. Она не гнется и не поддается. В ней нет гибкости, но нет и хрупкости. И она прочная.

— Насколько?

Утер посмотрел на нее, и она снова почувствовала его уважение. Что-то внутри нее ответило ему.

— Как алмаз, — сказал он.

И вложил меч в ножны (еще одним быстрым, изящным движением).

— И откуда он? — спросила она, но он ей не ответил. — Оттуда же, откуда и вы?

Собственная настойчивость и… что? смелость? удивили ее. Ей не казалось, что она проявляет какую-то особенную смелость. Напротив, ей казалось, что они с Утером Доулом понимают друг друга. Дойдя до дверей, он повернулся к ней и поклонился на прощание.

— Нет, — сказал он.

Дать менее точный ответ было бы затруднительно. Беллис впервые увидела на его лице улыбку, которая тут же исчезла.

— Доброй ночи, — сказал он.

Беллис воспользовалась мгновениями одиночества, которого так жаждала, погрузилась в

общение с собой. Она глубоко вздохнула и наконец позволила себе удивиться насчет Утера Доула. Ей было не взять в толк, почему он говорит с ней, почему терпит ее общество, почему, как ей кажется, уважает ее.

Он был тайной для Беллис, но она сознавала, что чувствует какую-то связь с ним, нечто, сотканное из свойственных им обоим цинизма, бесстрастности, силы, понимания и… да, взаимного притяжения. Она не знала, когда или почему перестала бояться его. Она понятия не имела, чем он занимается.

ГЛАВА 25

Два дня, потом три, потом прошла целая неделя, и каждый день Беллис проводила в той маленькой комнате, при неверном освещении. Беллис казалось, что ее глаза атрофируются и теперь могут видеть только оттенки породы в помещении внутри горы, где царят полутона, бесформенные тени.

Вечером она совершала неизменную короткую пробежку по открытому воздуху (она поднимала голову, с жадностью впитывая естественный свет и цвета, пусть даже выжженные цвета неба над островом). Порой она слышала вопли местных женщин, вызывавшие ужас. Иногда она, впрочем, оставалась спокойной, но всегда держалась поближе к сопровождавшему ее охраннику — какту или струподелу.

А иногда она слышала возню и бормотание самок-анофелесов за глубокими проемами окон. Комарихи были настоящими чудовищами. Они убивали любого кровехода, высадившегося на берег, могли за один-единственный день обескровить целый корабль, а потом лежать с раздутыми животами на берегу. И тем не менее было что-то

невыносимо жалкое в этих женщинах, населяющих остров-гетто.

Беллис не знала, какая цепочка событий привела к возникновению Малярийного женоцарства, она их не могла их даже вообразить. Невозможно было представить себе эти визгливые существа на других берегах, невозможно было допустить, что эти ничтожества терроризировали половину континента.

Пища армадцев была так же однообразна, как и окружающая обстановка. У Беллис язык онемел от вкуса травы и рыбы, и она флегматично жевала любые пропитанные ржавчиной дары моря, выловленные кактами в бухте, любые съедобные растения, которые они смогли добыть.

Самхерийские офицеры терпели их присутствие, но доверять не доверяли. Капитан Сенгка продолжал проклинать кактов-армадцев, сыпля ругательствами на сунглари, называя их оборотнями и предателями.

Лихорадочные ежеутренние расчеты вызывали у ученых все большее и большее волнение. Стопки бумаг с формулами росли с каждым днем. Воодушевление Круаха Аума (Беллис считала, что оно объясняется искренним любопытством), отличавшее его от остальных анофелесов, все

усиливалось.

Беллис боролась и не сдавалась. Теперь она переводила, даже не делая попыток понять, что переводит, просто пропускала слова через себя, словно представляла собой некий аналитический механизм, который раскладывает, а потом воссоздает формулы. Она знала, что для людей, сгрудившихся за столом и дебатирующих с Аумом, она более или менее невидима.

Он сосредоточила свое внимание на голосах, словно они были музыкой, — размеренный, звучный голос Тинтиннабулума, возбужденный отрывистый — Фабера, мелодичные модуляции биофилософа, имя которого ей никак не давалось.

Аум был неутомим. У Беллис от усталости слегка мутилось в голове, когда она садилась за работу с Флорином Саком и другими инженерами-механиками во второй половине дня, а вот Аум — тот продолжал без видимых затруднений, легко переходя от концептуальных вопросов и философии аванка к практическим проблемам приманки, управления и поимки животного размером с остров. Когда же сумерки и всеобщая усталость вынуждали всех закончить дневные труды, Аум уходил последним.

Беллис прекрасно понимала, что исследовательские проблемы преодолеваются одна за другой. Аум довольно быстро переписал приложение заново, а потом армадцы указали ему на ошибки в расчетах, пробелы в его исследовании. Волнение ученых было ощутимо, они чуть ли не были пьяны этим чувством. Перед ними стояла проблема — проект немыслимых масштабов, и, одно за другим, все возражения, проблемы, препятствия разрешались.

Они вот-вот должны были достичь чего-то необыкновенного. От близости свершения кружилась голова.

Беллис не сдружилась с армадцами, но ей каждый день приходилось общаться с ними. «Вот, возьмите. Поешьте», — говорил кто-нибудь, давая ей тарелку с жесткой тушенкой, и отказать доброхоту в словах благодарности было бы просто немыслимой грубостью.

Время от времени по вечерам, когда армадцы садились играть в кости или петь песни, погружавшие в транс безголосых анофелесов, она ловила себя на том, что ей хочется поговорить с кем-нибудь.

Единственный, кого она знала по имени, был Флорин Сак. Тот факт, что на «Терпсихории» она

была наверху, а он — внизу, она была свободной, а он — узником, исключал, как считала Беллис, всякую надежду на доверие между ними, хотя ей и казалось, что он — человек открытый. Он был одним из тех, кто предпринимал слабые попытки включить в общий разговор и ее. Беллис никогда не была так близка к армадскому обществу, как теперь. Ей было позволено слушать истории.

Большинство из них касались секретов. Беллис услышала о цепях, болтавшихся под Армадой, древних цепях, укрытых на многие десятилетия, потребовавших долгих лет работы и столько металла, что хватило бы не на один корабль. «Задолго до того, как Любовники решили, что делать с этими цепями, — сообщил один из рассказчиков, — такие попытки уже были».

Добычей рассказчиков стал и Утер Доул.

«Он происходит из земли мертвецов, — заговорщицким тоном сказал однажды кто-то из них. — Старина Доул родился больше трех тысяч лет назад. Это он стоял у истоков Волхвосстания. Он родился рабом в империи Призрачников, но ему удалось похитить этот меч — Всемогущий, освободиться и разрушить империю. Он умер. Но он — великий воин, лучший боец, которого знал мир. И он стал единственным, кто смог пробиться

назад из мира теней, вернуться в мир живых».

Слушатели добродушно посмеивались. Они, конечно же, не верили, но, с другой стороны, не знали, во что верить, когда речь заходит об Утере Доуле.

Сам Доул проводил свои дни незаметно для всех. Если он и искал чьей-то компании, если он и мог кого-то назвать своим другом, то разве что Хедригалла. Аэронавт-какт и воин из числа людей нередко тихо разговаривали в углу комнаты. Они переговаривались короткими фразами, вполголоса, словно стыдясь своей дружбы.

Был еще только один человек, с кем Утер Доул был готов проводить свое время, с кем он разговаривал, — Беллис.

Она довольно быстро поняла, что, казалось бы, непреднамеренные встречи, любезности не были случайными. Доул нерешительно, обходными путями пытался завязать с нею дружбу.

Беллис не могла его понять и не пыталась предвосхитить его поступки. Она доверяла себе, полагая, что сладит с ним. И хотя чувство опасности оставалось всегда, какая-то ее часть радовалась этим встречам — официальной атмосфере и ощущению легкого флирта. Это даже и на кокетство не было похоже. Она не желала

жертвовать своим достоинством в угоду жеманной двусмысленности. Но ее тянуло к нему, и она корила себя за это.

Беллис вспоминала Сайласа. Не с чувством вины или свершенного предательства — от одной только мысли об этом она презрительно поджимала губы. Но она помнила, как Сайлас привел ее в цирк гладиаторов — посмотреть на Утера Доула. «*Вот это-то и встанет на нашем пути к бегству*», — сказал он ей тогда, и она не могла позволить себе забыть эти слова. «*Ну почему,* — спрашивала она себя, — *ты идешь на риск и проводишь время с Доулом?*»

В глубине сумочки она ощущала вес коробки, которую вручил ей Сайлас. Она остро осознавала, что у нее еще есть дело на этом острове (*дело, которое ей скоро придется осуществить*). И это сталкивало ее лицом к лицу с Доулом.

Беллис понимала, почему она не пресекает этих разговоров. Редко она оказывалась в обществе человека, который умел бы держать под контролем свою реакцию на окружающий мир и ответную реакцию мира так же прочно, как она. Одним из таких людей был Утер Доул. Поэтому-то они и уважали друг друга. Просто и неулыбчиво говорить с кем-то, кто обращается с тобой так же,

как ты с ним; большинство людей, столкнувшись с таким ее отношением, тут же стушевались бы, но только не он. То же самое было действительно и для другой стороны — редкий случай, доставляющий удовольствие.

Беллис хотелось бы посмотреть вместе с ним на город ночью. Постоять с ним на балконе. Пройтись по улочкам, засунув руки в карманы.

Но вместо этого они торчали в маленькой комнатке, примыкавшей к центральному залу. Они стояли у одного из узких окон, и Беллис болезненно кривилась от расцветок горной породы. Она жадно взирала на маленький клочок черного неба.

— И вы все это понимаете? — спросила Беллис.

Доул двусмысленно качнул головой.

— Достаточно, чтобы знать: они уже близки к решению, — неторопливо сказал он. — У меня совсем другая специализация. После них свои исследования начну я. Ваша работа скоро переменится. Вас попросят обучать Аума соли.

Беллис моргнула, а Доул кивнул, подтверждая свои слова.

— В самхерийском и кохнидском законодательстве есть дыра. Мы не несем никаких новых знаний на остров, но мы забираем с собой Аума.

«*Конечно же*», — подумала Беллис.

— Итак… — продолжал Доул, — мы возвращаемся. — Его замечательный голос звучал в нижнем регистре. — С нашей добычей. Мы собираемся осуществить неслыханный проект. После нашего отлета Армада остановилась над залежами нефти и горного молока. Они пробурили скважину и сделали запасы, достаточные для вызова аванка. Мы направимся к воронке. А потом мы используем наше топливо, нашу наживку, упряжь, которую мы соорудим, и все такое, и мы… зацепимся за аванка.

Это прозвучало до смешного нелепо. Последовала долгая пауза.

— И тогда, — очень тихо добавил Доул, — начнется наша работа.

Беллис молчала.

«*Я знала, что ты играешь со мной,* — холодно подумала она. — *Какая еще работа?*»

Ее это не удивило. Ее нисколько не ошеломило известие о том, что аванк — это только начало проекта Любовников, что за ним последует еще что-то, что за всем этим стоит еще более грандиозный план, предприятие, участвовать в котором не будет никто, и уж конечно не она.

Вот только теперь предполагалось, что как-то

она все же будет участвовать.

Беллис не поняла, почему Доул сообщает ей об этом. Его мотивы были для нее тайной. Ей было известно лишь то, что ее используют. Это даже не вызвало у нее негодования: она вдруг осознала, что иного и не ожидала.

На следующее утро солнечный луч коснулся трупа одного из механиков. Его скелет был обтянут сморщенной кожей, руки обхватывали грудь, пальцы превратились в когти, спина сгорбилась, словно от старости.

В пустоте под ребрами кожа слиплась с затвердевшими, обескровленными внутренностями. Глаза сморщились, как сушеные фрукты, завявшиеся на солнце. Десны, торчащие из открытого рта, были белее зубов.

Хедригалл, окруженный лепечущими мужчинами-комарами, перевернул мертвеца (*тело закачалось на искривленной спине, как деревянная лошадка*) и обнаружил плоскую дыру между его ребрами, пробитую хоботком самки-анофелеса.

Армадцы совсем было расслабились. Эта смерть потрясла их.

— Вот ведь дурак глупый, — услышала Беллис причитания Флорина Сака. — Что же он там, мудила, делал? — Она видела, как Флорин отвер-

нулся от окна. Тот не хотел видеть, как Хедригалл нагибается и с грубоватой нежностью поднимает жалкие останки, берет высушенную оболочку, как ребенка, и идет прочь из поселка, чтобы похоронить мертвеца.

Но даже это несчастье не смогло ослабить воодушевленние армадцев. Даже среди потрясения и скорби Беллис чувствовала, что среди ученых царит возбужденное ожидание. Даже те, кто был знаком с погибшим механиком, искренне печалился, наряду с этим чувством испытывали и нечто совершенно другое.

— Посмотрите-ка на это! — прошипел Теобал, пират и теоретик-океанолог. Он потряс многостраничным документом — сшитой с одной стороны пачкой бумаг. — У нас есть все, что нам надо! Все расчеты по математике, магии и биологии.

Беллис посмотрела на бумаги со смутным удивлением. «*И все это прошло через меня*», — подумала она.

Когда появился Аум, Беллис перевела их слова: «*Нам необходима ваша помощь. Хотите покинуть этот остров, выучить наш язык и помочь нам вызвать аванка? Хотите уехать отсюда с нами?*»

И хотя понять выражение лица-сфинктера было невозможно, Беллис не сомневалась: в глазах Аума читались страх и радость.

Он, конечно же, согласился.

Эта новость быстро разошлась по поселку, и множество анофелесов-мужчин собралось полопотать с Аумом, пошипеть ему о своих чувствах. Что они испытывают? — спрашивала себя Беллис. Радость? Зависть? Скорбь?

Ей показалось, что некоторые из них жадно смотрят на армадцев, готовых к отъезду. Стена, разъединяющая их с миром, не так уж высока, и ее можно преодолеть, как собирается сделать Аум.

— Мы отправляемся через два дня, — сказала Любовница, и кровь так быстро отхлынула от сердца Беллис, что она почувствовала боль.

Она совсем забыла о своей миссии. Будущее Нью-Кробюзона зависело от нее. Она почувствовала, как уныние овладевает ею, ложится на нее тяжким грузом. «*Нет,* — тут же подумала она, — *я не допущу этого, еще не поздно*».

Членов экспедиции сообщение о скором отъезде обрадовало — больше не будет душного воздуха и ненасытных самок. Но Беллис отчаянно хотелось, чтобы у нее оставалось в запасе больше

времени. Она снова вспомнила иссохшее тело, но быстро прогнала это воспоминание. Она боялась отчаяния.

В ту ночь, когда струподелы и какты провожали своих уязвимых товарищей к их постелям, Беллис сидела в одиночестве, массируя руку, глубоко дыша и пытаясь изо всех сил составить какой-нибудь план, найти способ попасть на корабль из Дрир-Самхера. Она даже рассматривала вариант бегства — отдаться на милость капитана Сенгка и остаться на его корабле. Или спрятаться там незаметно от команды. Все, что угодно, лишь бы снова увидеть Нью-Кробюзон. Но она знала, что это невозможно. Как только ее отсутствие обнаружится, Любовница прикажет обыскать корабли, и самхерийцы не смогут ей отказать. И тогда Беллис поймают и ее посылка не попадет к адресату, а Ныо-Кробюзону будет грозить страшная опасность.

И кроме того, осторожно напоминала она себе, до самхерийского корабля все равно никак не добраться.

Из соседней комнаты до Беллис донесся слабый звук, и она подошла к закрытой двери.

Это был голос Любовницы. Слов Беллис не могла разобрать, но уверенный, жесткий голос

узнала безошибочно. Впечатление создавалось такое, будто Любовница тихонько что-то напевает, как мать — ребенку. Вполголоса и с очень сильным чувством. В этих звуках было нечто такое, отчего Беллис вздрогнула и закрыла глаза. От этой концентрации чувств у нее все поплыло перед глазами.

Беллис прислонилась к стене и слушала проявление эмоций, которых не разделяла. Она не могла понять, отражают они любовь или некую опустошающую разновидность одержимости. Но она все ждала, устремив взгляд на дверь, паразитируя, как комарихи, но только на чужом чувстве, в которое она погрузилась.

Прошло несколько минут, звуки смолкли, Беллис отошла от двери, и тут появилась Любовница. Ее тяжелые черты были спокойны. Она увидела, что Беллис смотрит на нее и встретилась с ней взглядом, в котором не было ни смущения, ни вызова. Кровь, как патока, сочилась из новой раны на лице Любовницы — длинный надрез шел от правого уголка рта через подбородок к ямке на шее.

Кровотечение почти прекратилось, и только несколько густых капель, похожих на капли пота, стекали по коже, оставляя на ней красный след.

Несколько секунд женщины смотрели друг на друга. У Беллис возникло такое чувство, будто они представители разных рас, которым никогда не понять друг друга. От этого ощущения пропасти между ними у нее закружилась голова.

ГЛАВА 26

В ту ночь Беллис поднялась через несколько часов после того, как все улеглись.

Она скинула с себя влажную простыню и встала. Воздух все еще был теплым, даже в эти темные часы. Она вытащила из-под подушки пакет Сайласа, отодвинула занавеску, тихо и осторожно прошла по комнате, где на своем топчане, окутанный тенью, лежал Флорин. Добравшись до двери, она прижалась к ней ухом, ощутила своей кожей ее неровности.

Беллис было страшно.

Она потихоньку выглянула в окно и увидела охранника-кактa — тот брел по пустой площади от двери до двери, лениво проверял запоры, шел дальше. Он был на некотором расстоянии от Беллис, и она подумала, что могла бы открыть дверь и припустить бегом, так, чтобы он не увидел и не услышал.

А потом?

Небеса были темны. Ни угрожающих завываний, ни прожорливых, жаждущих крови насекомообразных женщин с когтями-пальцами и ртом-присоской. Беллис положила руку на

задвижку и замерла в ожидании, что самка-анофелес как-нибудь проявит себя и тогда можно будет избежать встречи с ней (*спрятаться легче, если знать, где она*); в памяти всплыл мешок с костями, виденный — совсем недавно он был человеком. Беллис застыла, готовая в любую секунду открыть дверь.

— Что вы делаете?

Эти слова были произнесены за ее спиной взволнованным шепотом. Беллис повернулась, пальцы ее вцепились в сорочку. Флорин сидел на топчане и смотрел на нее из своей темной ниши.

Беллис шевельнулась, и он встал. Она увидела странные неловкие щупальца, торчащие из его груди. Он смотрел на нее — поза напряженная, подозрительная, словно вот сейчас бросится на нее. Но в то же время ведь он говорил шепотом, и это приободрило ее.

— Извините, — тихо сказала Беллис.

Чтобы слышать ее, он встал в проходе. На лице его было жесткое, недоверчивое выражение, какого она не видела прежде.

— Не хотела вас разбудить, — прошептала она. — Я только… Я должна… — Ее изворотливость подвела ее — она не знала, что сказать, что надо сделать. Она не находила слов.

— Так что вы делаете? — повторил Флорин. Говорил он неторопливо, сердито и не без любопытства, — на рагамоле.

— Извините, — снова сказала она. — Я почувствовала… — Она задержала дыхание и снова посмотрела на Флорина неподвижным взглядом.

— Открывать задвижку нельзя, — сказал он.

Флорин смотрел на пакет в ее руках, и Беллис, преодолевая себя, не пыталась спрятать его, нервно дергая пальцами. Наоборот, она держала пакет на виду, словно пустячную вещицу.

— Вы что — по нужде? Да? Придется вам воспользоваться горшком. Тут таких вещей не стоит стесняться. Вы же видели, что случилось с Уильямом.

Беллис напряглась, потом кивнула и с неподвижным лицом направилась к своей кровати.

— Постарайтесь уснуть, — сказал Флорин ей в спину и сел на свое ложе.

Остановившись у разделявшей их занавески, Беллис повернулась и бросила на него взгляд. Он сидел, явно дожидаясь, когда она уйдет к себе, и прислушиваясь. Она сжала зубы и задернула занавеску.

На несколько секунд воцарилась тишина, а потом Флорин услышал звук тонкой струйки, стук

нескольких скупых капель. Он усмехнулся в свою простыню, а в нескольких футах, отделенная от него занавеской, поднялась с горшка Беллис, с лицом решительным и свирепым.

Но ярость и унижение не застили ее разум — перед ней забрезжило что-то, стало принимать очертания, превращаться в надежду, в план.

Следующий день был последним полным днем пребывания на острове.

Ученые собрали свои пачки бумаг, наброски, говорили и смеялись, как дети. Даже неразговорчивый Тинтиннабулум и его товарищи, казалось, пребывали в радужном настроении. Беллис видела, как вокруг нее строятся планы, составляются расписания; возникало ощущение, что дело уже сделано, аванк пойман, вот только пока не по-настоящему.

Любовница участвовала то в одной, то в другой дискуссии, переходя от группы к группе; на лице ее застыла вялая улыбка, новый шрам отливал краснотой. Бесстрастным оставался только Утер Доул — Утер Доул и сама Беллис. Они были в разных углах комнаты, но их глаза порой встречались. Неподвижные островки спокойствия в бурлящем помещении, они разделяли чувство превосходства над остальными, близкое к пре-

зрению.

Весь день приходили и уходили анофелесы: их уравновешенные, монашеские манеры как ветром сдуло. Они жалели, что пришельцы покидают их, понимали, что скоро им будет не хватать возникшей благодаря гостям нежданной остроты теоретизирования, принесенных ими новых впечатлений.

Беллис посматривала на Круаха Аума и поражалась, насколько старый анофелес похож на ребенка. Он некоторое время наблюдал, как его новые товарищи упаковывают привезенные ими одежду и книги, а потом решил подражать им, хотя у него и не было ничего. Он покинул помещение и вернулся немного спустя с тюком тряпья и обрывков бумаги, связав все это в некоторое подобие дорожного саквояжа. Беллис не могла смотреть на него без содрогания.

На дне ее собственной сумочки по-прежнему лежал пакет от Сайласа: письма, цепочка с жетоном, коробочка, воск, кольцо. «*Сегодня ночью,* — в панике сказала она себе. — *Сегодня ночью, и будь что будет*».

В течение остальной части этого короткого дня она следила за движением солнца, и, когда свет сгустился и замедлился, а каждый предмет оброс

тенью, ее обуял страх, потому что она поняла: ей ни за что не преодолеть болота и местности, где живут женщины-убийцы.

Беллис бросила встревоженный взгляд на распахнувшуюся дверь.

В комнату вошел капитан Сенгка, сопровождаемый двумя членами своей команды.

Трое кактов встали у входа, сложив руки на груди. Они были высокорослы даже для своей расы. Растительные мускулы бугрились под набедренными повязками и кушаками. Оружие и драгоценности поблескивали на свету.

Сенгка указал здоровенным пальцем на Круаха Аума.

— Этот анофелес остается здесь, — сказал он.

Никто не шелохнулся. Прошло несколько секунд, и вперед вышла Любовница. Но она не успела открыть рот, как снова заговорил Сенгка.

— О чем ты думала, капитан? — с отвращением сказал он. — Капитан? Так, что ли, я тебя, к херам собачьим, должен называть, женщина? О чем ты думала? Я закрыл, к херам, глаза на ваше присутствие здесь, хотя не должен был это делать. Я позволил вам общаться с аборигенами, что угрожает безопасности и может вызвать новый Малярийный век… — Любовница нетерпеливо

тряхнула головой — это было явной натяжкой, — но Сенгка продолжал: — Я терпеливо ждал, когда вы к херам уберетесь с этого острова, и что? Вы полагаете, что можете похитить отсюда одно из этих существ, не поставив меня в известность? Думаете, я вам это позволю?.. Ваше судно будет обыскано, — решительно сказал он. — Любая контрабанда с Машинного берега, любые книги, рукописи или гелиотипы анофелесов будут конфискованы. — Он снова указал на Аума и недоуменно покачал головой. — Женщина, ты что, не знаешь истории? Вы хотите вывезти отсюда *анофелеса*?

Круах Аум наблюдал за происходящим широко раскрытыми глазами.

— Капитан Сенгка, — сказала Любовница; Беллис еще никогда не видела ее такой оживленной, такой великолепной. — Никому и в голову не приходит ставить под сомнение ни вашу заботу о безопасности, ни вашу приверженность долгу. Но вы не хуже меня знаете, что мужчина-анофелес — это безобидное травоядное. А мы намереваемся забрать только его.

— Я этого не допущу! — закричал Сенгка. — Чтоб мне сдохнуть, у нас железная система. Железная потому, что мы знаем уроки истории. Ни один

анофелес не покинет остров. На этом условии мы сохраняем им жизнь. Исключений нет.

— Меня это утомляет, капитан. — (Беллис не могла не восхищаться выдержкой Любовницы, которая была холодна и непреклонна, как сталь.) — Круах Аум покинет этот остров вместе с нами. Мы не имеем ни малейшего желания портить отношения с Дрир-Самхером, но мы заберем с собой этого анофелеса. — Она повернулась к Сенгке спиной и пошла прочь.

— Мои люди на Машинном берегу, — сказал какт, и Любовница остановилась, потом повернулась к нему. Он вытащил огромный пистолет (армадцы замерли) и, держа его в опущенной руке, сказал: — Это искусные бойцы-какты. Если вы не подчинитесь мне, то живыми вам с острова не уйти. — Медленным движением, отчего его жест даже не показался угрожающим, он поднял пистолет и направил его на Любовницу. — Этот анофелес… Аум, вы сказали… уйдет со мной.

Охранники застыли на своих местах, готовые к действию в любой момент. Их пальцы подрагивали на рукоятях мечей, пистолетов, на луках. Струподелы в надтреснутых доспехах, великаны-какты быстро переводили глаза с Сенгки на Любовницу и снова на Сенгку.

Любовница не взглянула ни на кого из них. Но Беллис увидела, что она покосилась на Утера Доула.

Доул вышел вперед и встал между Любовницей и пистолетом.

— Капитан Сенгка, — сказал он своим мелодичным голосом.

Пистолет теперь был направлен в его голову, а он стоял недвижимо, глядя на какта: тот был выше его на целый фут и куда как более плотный. Говоря, он смотрел прямо в дуло пистолета, словно в глаза Сенгки.

— Попрощаться с вами выпало мне.

Капитан опустил взгляд; казалось, он на мгновение утратил свою решимость. Потом он завел назад свою свободную руку, его бицепсы мощно напряглись под кожей, увесистый кулак, ощетинившись шипами, застыл, готовый нанести удар. Двигался он медленно, явно рассчитывая не бить Доула, а лишь запугать его и заставить подчиниться.

Доул вытянул руки вперед, словно умоляя о чем-то. Он замер, а потом совершил резкое движение с такой скоростью, что Беллис (готовая к этому, ожидавшая чего-то в этом роде) даже не поняла, что случилось. Сенгка теперь отсту-

пал назад, держась за горло, куда нанес удар пальцами Доул (не изо всей силы, а лишь в знак предупреждения — между опасными колючками, отчего противник потерял дыхание). Пистолет теперь был у Доула, хотя и по-прежнему направленный ему в лоб. Доул держал его между двух ладоней, как нечто дарованное ему в ответ на молитву. Он вперил взгляд в Сенгку и прошептал ему слова, которых Беллис не расслышала.

(*Сердце Беллис колотилось. Действия Доула потрясли ее. Атакует он в полную силу или нет, но само движение, его сверхъестественная скорость и совершенство были словно покушением на порядок вещей, и казалось, что время и сила тяжести могут противостоять Утеру Доулу не больше, чем плоть.*)

Двое кактов, стоявшие за Сенгкой, вышли вперед, разъяренно и неспешно. Они потянулись к своим портупеям, но пистолет, замерший между ладонями в застывшем хлопке, замелькал, нацеливаясь то на одного, то на другого. Потом пистолет оказался в его правой руке, нацеленный на первого и тут же (одновременно) на второго моряка.

(*Никакого движения. Трое кактов замерли в ужасе от этой скорости, от этого искусства на*

грани магии.)

Доул снова шевельнулся. Пистолет выскользнул из его пальцев и оказался вне пределов досягаемости кактa. Теперь он держал в руке белый меч. Последовали два удара, и подчиненные Сенгки закричали от боли — один и тут же другой. Они уже не тянулись к оружию, сцепив руки перед собой; запястья их были перебиты.

Острие меча было теперь приставлено к горлу Сенгки, который смотрел на Доула со страхом и ненавистью.

— Я ударил ваших людей плашмя, капитан, — сказал Доул. — Не заставляйте меня пускать в ход острие.

Сенгка и его люди отступили, отошли подальше от Доула и выскользнули через дверь туда, где догорали остатки дня.

В помещении нарастал ритмический звук — торжествующие, благоговейные выкрики. Беллис помнила их. Она уже слышала их раньше.

— Доул! — скандировали армадцы. — Доул! Доул! Доул!

Точно так же они скандировали в цирке гладиаторов, словно Доул был божеством и мог исполнять их желания, а они произносили это слово, как молитву в церкви. Их восторг был

негромким, но их бесконечно лихорадило от мрачной радости — и как раз ко времени. Это взбесило Сенгку, который услышал в их крике язвительную насмешку.

Он сверкнул взглядом в сторону Доула, стоявшего в дверном проеме.

— Ты только посмотри на себя, — яростно закричал он. — Трус поганый, свинья, сраный жулик! Каким демонам ты подставлял задницу, чтобы они научили тебя этому, свинья? Никуда ты с этого сраного острова не уйдешь!

Но вдруг он замолчал, голос отказал ему, когда Утер Доул вышел из комнаты туда, где какты считали себя в безопасности, — под открытое небо. Армадцы изумленно раскрыли рты, но большинство продолжало скандировать.

Беллис подошла к двери, готовая тут же захлопнуть ее, если появится самка-анофелес. Она увидела, что Доул, держа в руке меч, без колебаний направляется к Нурджитту Сенгке, и услышала, как он говорит вполголоса:

— Я понимаю, капитан, что вы разгневаны. Но постарайтесь держаться в рамках. Никакой опасности в том, что Аум отправится с нами, нет, и вам это известно. Больше он никогда не вернется на этот остров. Вы попытались запретить это, по-

тому что вам показалось, что нарушаются ваши властные прерогативы. Вы ошиблись в расчетах, но пока это видели только двое из ваших людей.

Трое кактов стояли кружком около него, то сверля его взглядом, то отводя глаза. Они спрашивали себя, имеет ли шансы на успех их возможная атака. Вдруг Беллис отодвинули в сторону — Хедригалл и несколько других армадских кактов и струподелов вышли наружу, но не стали приближаться к Доулу и трем его противникам.

— Вы не сможете нас остановить, капитан, — продолжал Доул. — Ведь вы же не хотите вызвать войну с Армадой. И потом, мы оба прекрасно знаем, что наказать вы хотите не мою команду и даже не моего шефа, а меня лично. А это… — тихо закончил он, — невозможно.

И в этот момент Беллис услышала звук — высокий, дребезжащий, свидетельствующий о приближении самки-анофелеса. Беллис, как и другие, издала испуганный вздох. Сенгка и его люди нервно поглядели вверх, словно не хотели быть замеченными.

Утер Доул не спускал глаз с лица капитана. Стремительная тень прорезала небо, и Беллис закрыла рот. Скандирование «Доул! Доул!» сошло на нет, но при этом словно продолжалось в под-

сознании. Никто не предупредил Доула, что ему грозит опасность. Все знали, что если слышат они, то уж *он-то* слышит наверняка.

Комариные крылья звенели все ближе, и Доул внезапно подступил вплотную к капитану, встав к нему почти что лицом к лицу.

— Мы понимаем друг друга, капитан? — спросил он.

Сенгка в ответ взревел, попытавшись обхватить Доула и сокрушить его в колючих медвежьих объятиях. Но руки Доула мелькнули перед лицом Сенгки, а потом заблокировали его движения, и Доул тут же оказался в нескольких футах от противника, а кант согнулся пополам, сыпля проклятиями; из его разбитого носа текла живица. Матросы Сенгки смотрели на эту сцену с какой-то испуганной нерешительностью.

Доул повернулся к ним спиной и поднял меч навстречу первой приближающейся к нему самке-анофелесу. У Беллис перехватило дыхание. Вдруг самку стало видно — ее тощее тело мелькало в гудящем воздухе. Изо рта высунулось жало. Она описала неровный круг над землей, очень быстро — руки раскинуты, изо рта течет слюна.

Несколько долгих мгновений она была единственной, кто двигался.

Утер Доул неподвижно ждал ее, держа меч вертикально, справа от себя. А потом внезапно, когда комариха приблизилась настолько, что Беллис едва ли не ощущала ее запах, а жадный хоботок почти прикоснулся к плоти Доула, рука его внезапно дернулась в другую сторону. Меч, казалось, не шелохнулся, но, сохранив вертикальное положение, оказался с другой стороны Доула, а голова и левая рука самки-анофелеса покатились, оставляя кровавый след, по земле. Тело грохнулось на землю за спиной у Доула. Густая кровь неторопливо струилась по клинку, стекала по трупу, ползла по земле.

Доул снова начал двигаться — он повернулся, подпрыгнул, словно пытаясь дотянуться руками до висящего высоко фрукта, и насадил на меч, как на вертел, еще одну самку (*которую Беллис не заметила*), пролетавшую над его головой. Потом он словно выдернул ее из воздуха на конце клинка и швырнул на землю — та завизжала, роняя слюну и по-прежнему пытаясь дотянуться до Доула.

Он быстро разделался с ней, к ужасу и облегчению Беллис.

Теперь на небе все было спокойно, и Доул, отирая меч, снова повернулся к Сенгке.

— Больше вы не услышите ни обо мне, ни о ком

из нас, капитан Сенгка, — заверил он какта, который теперь смотрел на него скорее со страхом, чем с ненавистью; взгляд его был прикован к телам комарих, каждая из которых была сильнее человека. — Теперь ступайте. На этом мы можем закончить.

Потом опять раздался жуткий звук летящей комарихи, и Беллис чуть не вскрикнула при мысли о новом кровопролитии. Гудение приближалось, глаза Сенгки раскрылись еще шире. Он постоял еще мгновение, быстро оглянулся, ища взглядом хищную комариху. Какая-то часть его все еще надеялась, что удастся убить Доула, но в то же время Сенгка знал, что не удастся.

Доул не шелохнулся, несмотря на приближение звука.

— *Солнцесрань!* — выкрикнул Сенгка, отвернулся, признавая свое поражение, и руками дал знак своим людям следовать за ним.

Все трое быстро зашагали прочь. Беллис знала: они хотят уйти, прежде чем нападет и будет убита еще одна комариха. Но не потому, что им было жалко этих тварей, просто боевое искусство Доула приводило их в ужас.

Утер Доул дождался, когда трое кактов исчезнут из виду, и только после этого повернулся, вложил

меч в ножны и пошел назад.

К этому времени звук крыльев был совсем близко, но, к счастью, комарихи припозднились и не успели напасть на него. Беллис услышала, как смолкает гудение — самки-анофелесы рассаживались кто где.

Доул вернулся в помещение, и все снова принялись скандировать его имя; выкрики длились и длились, гордые и нескончаемые, как боевой клич. На сей раз он с признательностью принял восторг армадцев, поклонился и, раскрыв ладони, поднял руки на высоту плеч. Он стоял неподвижно, опустив глаза, словно плыл на этом восхвалении.

И снова наступила ночь, и Беллис была в своей комнате, на пыльной подстилке, с пакетом Сайласа в руке.

Флорин Сак не спал: слишком взвинтили впечатления дня, бой, устроенный Доулом. Его не переставало удивлять то, что ему теперь было известно, то, что он узнал от Коуаха Аума. Это были только малые фрагменты пространной теории, но его новые знания, масштаб того, что от него ожидали, — все это кружило ему голову. Кружило слишком сильно, отчего он не мог уснуть.

И потом, он ждал чего-то.

Это произошло между часом и двумя ночи. Занавеска в женскую комнату откинулась, и появилась Беллис Хладовин, которая осторожно пошла к двери.

Рот Флорина скривился в неприязненной улыбке. Он понятия не имел, что ей было нужно предыдущей ночью, но он не сомневался — вовсе не малая нужда подняла ее с постели. Он то ли улыбнулся, то ли сморщился, вспомнив о своей маленькой жестокости, вынудившей ее на это представление. Потом он почувствовал себя виноватым, хотя мысль об этой чопорной, недоступной мисс Хладовин, которая в угоду ему выдавливает из себя несколько капель, весь следующий день вызывала у него ухмылку.

Он тогда понял, что ее задача, какой бы она ни была, осталась невыполненной и женщина вернется.

Флорин наблюдал за ней. Беллис не знала, что он не спит. Он видел, как она стоит у двери в ночной рубашке и выглядывает в окно. В руке она что-то держала — тот самый кожаный сверток, от которого она так старалась отвлечь его внимание предыдущей ночью.

Флорина обуяло любопытство, к которому при-

мешивалась и капелька жестокости — на Беллис он вымещал свои обиды за то, что ему пришлось пережить на «Терпсихории». Пойдя на поводу у этих чувств, он не стал сообщать о ее действиях Любовнице или Доулу.

Беллис посмотрела в окно, потом наклонилась и молча порылась в своем пакете, потом выпрямилась и посмотрела в окно, потом снова нагнулась, и опять, и опять. Ее рука нерешительно витала вблизи щеколды.

Флорин Сак встал и неслышно подошел к ней — она была слишком охвачена своими колебаниями и не заметила его. Он встал в нескольких футах за ее спиной. Он наблюдал за ней, раздражаясь и удивляясь ее неуверенности. Наконец он заговорил.

— Что, опять приспичило? — язвительно прошептал он, и Беллис тут же повернулась лицом к нему.

Флорин увидел, что она плачет, и ему вдруг стало стыдно. Его подленькая улыбочка тут же исчезла.

Слезы струились по лицу Беллис, но плакала она беззвучно. Она тяжело дышала, и каждый глубокий вдох грозил перейти в рыдания, но она не издавала ни звука. Выражение ее лица

было яростно-сдержанным, глаза смотрели с ненавистью и налились кровью, как у человека, загнанного в угол.

Она остервенело вытерла нос и глаза.

Флорин попытался заговорить с ней, но, потрясенный этим свирепым взглядом, он лишь смог пробормотать через силу:

— Ну-ну, успокойтесь. Я не хотел вас обидеть…

— *Что*?.. Что вам *надо?* — прошептала Беллис. Пристыженный, но не запуганный Флорин посмотрел на пакет в ее руке.

— Что с вами происходит? — спросил он. — Что это такое? Хотите укрыться на самхерийском судне? Надеетесь, что они доставят вас домой? — Он говорил, чувствуя, как снова нарастает в нем злость; ему даже пришлось сделать усилие, чтобы сдержать это чувство. — Хотите сообщить мэру Рудгуттеру, как с вами нехорошо обходились на пиратском корабле, да, мисс? Сообщите им об Армаде, может, они попытаются найти нас и вернут таких, как я, в свои вонючие трюмы — ведь мы рабы для колоний!

Беллис смотрела на него с достоинством и бешенством, сдерживая слезы. Последовала долгая пауза, а потом Флорин по движению мышц на ее прежде застывшем лице понял, что она приняла

решение.

— *Прочтите,* — неожиданно прошептала она, сунула в его руки длинное письмо и прислонилась к двери.

— «Седьмой статус»? — пробормотал Флорин. — «Код стрелолист» — это что за херня такая?

Беллис ничего не ответила. Она уже не плакала. Она смотрела на него, насупившись, как ребенок (*но теперь в глубине ее глаз засветилось что-то похожее на надежду*).

Флорин продолжал читать, продираясь через частокол кодов и находя следы смысла, места, суть которых внезапно становилась очевидной во всем своем ужасе.

— «Прибытие целующих магов»? — недоверчиво прошептал он. — «Ржавчину перекроют червебойцы»? «Водорослевые бомбы»? Что это еще за херня? Речь о каком-то сраном вторжении! Что это еще за херня?

Беллис смотрела на него.

— Речь, — безжалостно сказала она, вторя ему, — о каком-то сраном вторжении.

Она выдержала паузу — несколько жестоких секунд, — а потом рассказала все.

Флорин откинулся назад, сжимая в руке бумагу,

невидящим взглядом разглядывая печать, перебирая пальцами цепочку с жетоном Сайласа.

— Вы нравы насчет меня, — сказала Беллис.

Они разговаривали шепотом, чтобы не разбудить женщину в соседней комнате. Голос Беллис был полон отчаяния.

— Вы правы, — повторила она. — Армада — не для меня. Я вас понимаю. Вы про себя думаете: «Этой городской сучке нельзя верить».

Флорин покачал головой, готовый возразить, но Беллис не позволила ему.

— Вы правы. Верить мне не стоит. Я хочу домой, Флорин Сак. И если бы я могла открыть какую-нибудь дверь и выйти через нее в Эхову трясину, на Салакусские поля, или в Мафатон, или в Ладмид, или куда угодно в Нью-Кробюзоне, то, клянусь *Джаббером*, я бы сделала это.

Флорин чуть не поморщился, слушая этот страстный монолог.

— Но я не могу, — продолжала она. — И верно, было время, когда я думала о бегстве. Я представляла себе, как спасать меня идет флот. Но теперь этому препятствуют две вещи… Я хочу домой, Сак, но… — Она помедлила, тяжело шевельнувшись. — Но на «Терпсихории» были и другие, они думали иначе. И я понимаю, что значило бы это

«спасение» для вас и для других… для всех кробюзонских переделанных. — Она посмотрела на него немигающим взглядом. — Можете верить, можете не верить, но мне теперь нужно другое. У меня нет иллюзий насчет Нью-Кробюзона, насчет возможности вернуться туда. Вы ведь ничего не знаете о моих обстоятельствах, Флорин Сак. Вы ведь не знаете, что меня заставило сесть на этот вонючий треклятый корабль… Как бы я ни хотела домой, я знаю: что хорошо для меня, может быть плохо для вас, а я бы не хотела в этом участвовать. И это правда, — неожиданно сказала она, словно удивляясь этой мысли, словно обращаясь к себе. — Я проиграла в этом споре. Сдаюсь. Это правда.

Беллис помедлила, потом посмотрела на него.

— Но даже если вы думаете, что я просто лгунья, мистер Сак, всегда остается еще одно соображение: *Я ведь ничего не могу сделать*. Я не могу пробраться на самхерийский корабль, я не могу послать указания в Нью-Кробюзон. Я застряла в Армаде. Глубоко *застряла*, черт меня побери.

— А кто такой Сайлас Фенек? — спросил он. — И что это такое? — Он помахал письмом.

— Фенек — кробюзонский агент. Он в таком же положении, что и я. Только владеет информа-

цией, — холодно сказала она. — Информацией о сраном вторжении.

— Вы хотите, чтобы город погиб? — спросила она. — Проклятье, я понимаю, что вы не питаете никакой любви к этому месту. Да и с какой стати? Но неужели вы хотите, чтобы Нью-Кробюзон *погиб?* — Голос ее внезапно стал жестким. — У вас там не осталось друзей? Семьи? Неужели во всем этом вонючем городе нет ничего, что вы хотели бы сохранить? И вы будете рады, если Дженгрис уничтожит его?

Чуть к югу от Виньонной улицы в Пелорусских полях располагался крохотный рынок. Торговля шла в извозчичьем дворе за складами по вошкрешеньям и пыледельникам. Рынок был слишком мал, а потому не имел названия.

На нем торговали обувью. Старой, новой, украденной, плохой и хорошей. Сабо, тапочками, сапогами и так далее.

На протяжении нескольких лет это было любимое место Флорина в Нью-Кробюзоне. И не потому, что он покупал обувь чаще других, просто ему нравилось бродить по двору мимо столов с кожей и тканями, слушать выкрики продавцов.

На маленькой улочке было несколько малень-

ких кафе, и он хорошо знал владельцев и завсегдатаев. Когда у него не было работы и кончались деньги, он мог целыми днями просиживать в увитом плющом заведении под названием «Кофейня Боланда», споря и бездельничая вместе с Боландом, Иваном Курлофом, водяным Слухнедшером, иногда из жалости покупая выпивку Спиральному Джекобсу.

Флорин провел там не один день, сидя в табачном дыму, вдыхая пары чая и кофе, глядя сквозь мутные окна, как уходят обувь и часы. Впрочем, он вполне мог обойтись без этих дней, нет вопросов. Никакой зависимости: он не мучился без них по ночам.

Но именно об этих днях он сразу же и вспомнил при вопросе Беллис: будет ли ему все равно, если город погибнет.

Конечно, он подумал о Нью-Кробюзоне, о всех людях, которых знал (некоторое время он не вспоминал о них), о местах, где бывал. Представил себе, что все это разрушено, погибло, уничтожено гриндилоу (существами, которые существовали только в кошмарных снах, тени его воображения), и пришел в ужас. Конечно, он не желает этого.

Но Флорина удивило, как остро отреагировал

он на известие. В этом не было ничего рационального, ничего осмысленного. Он выглянул в окно, за которым стояла влажная, жаркая ночь, и вспомнил, какие виды открывались ему на обувной рынок из тех, других, окон, через толстое, в крапинку стекло.

— Почему вы не сказали Любовникам? Почему вы думаете, что они не захотят помочь вам передать послание в город?

Беллис демонстративно пожала плечами, зайдясь в притворном безмолвном смехе.

— Вы и в самом деле думаете, — спросила она, — что их это хоть сколько-то волнует? Вы думаете, что они хоть пальцем пошевелят? Пошлют корабль? Заплатят за передачу послания? Думаете, они не побоятся обнаружить себя? Думаете, они пойдут на все это, чтобы спасти город, который уничтожил бы их при малейшей возможности?

— Вы ошибаетесь, — неуверенно сказал Флорин. — Среди похищенных много кробюзонцев, которым все это небезразлично.

— Никто *не знает*, — прошептала Беллис. — Знаем только Фенек да я, а если бы мы пустили слух, то только скомпрометировали бы себя, нас бы выставили смутьянами и утопили в море, а послание — сожгли. Проклятие! Что, если вы

ошибаетесь? — Она уставилась на него, и Флорин поежился под ее взглядом. — Вы думаете, им будет не все равно? Вы думаете, они не допустят гибели Нью-Кробюзона? Если бы мы сообщили им, а вы оказались не правы, это был бы конец, погиб бы наш единственный шанс. Неужели вы не понимаете, что поставлено на карту? И вы готовы этим рискнуть? Да?

Чувствуя першение в горле, Флорин понял, что в ее словах есть резон.

— Вот почему я сижу здесь и реву, как последняя кретинка, — выдохнула она. — Потому что нет другого шанса спасти Нью-Кробюзон, как только доставить это послание, это доказательство и эту взятку самхерийцам. Вы понимаете — другого шанса спасти город нет?! А я стою здесь, не в силах сделать шаг наружу, потому что не знаю, как добраться до берега, потому что боюсь этих тварей. Я не хочу умирать, а рассвет уже близко, и я не могу выйти отсюда, но должна выйти. А отсюда до берега больше мили. — Она внимательно посмотрела на Флорина, потом отвернулась. — Я не знаю, что делать.

Они услышали, как охранник-какт идет по освещенному луной городку, шествуя от дома к дому. Флорин и Беллис сидели в оцепенении,

лицом друг к другу, прислонясь к стене.

Флорин снова посмотрел на письмо у себя в руке. На нем была печать. Он протянул руки, и Беллис дала ему все, что было в пакете. Лицо ее оставалось сосредоточенным. Он прочитал письмо самхерийским пиратам. Вознаграждение щедрое, подумал он, но вряд ли чрезмерное — ведь речь идет о том, как спасти Нью-Кробюзон.

Спасти его, не допустить его гибели.

Он снова перечитал оба письма, строку за строкой. Армада там не упоминалась.

Он посмотрел на цепочку с маленьким жетоном, на имя и символ. Никаких сведений об Армаде. Никаких сведении о том, как кробюзонскому правительству найти его, Флорина. Беллис, замкнувшись в своем молчании, следила за ним. Она знала, кто такой Флорин. И он чувствовал, как в ней зреет надежда. Он взял большое кольцо, рассмотрел замысловатую зеркальную печатку — выступы и выемки для выступов. Печатка словно загипнотизировала его. За ней, как и за Нью-Кробюзоном, для Флорина стояло многое.

Молчание продолжалось еще какое-то время. Флорин так и сяк крутил пакет в руках, трогал пальцами шишечку воска, кольцо, разглядывал письмо со страшным предупреждением.

Он не мог простить им свою переделку, но ведь это было не все. Были места, люди. Нью-Кробюзон значил для него не только это.

Флорин Сак оставался предан Саргановым водам, но он чувствовал, что жар этой преданности уживается в нем с ностальгической привязанностью к Нью-Кробюзону, с некой печальной нежностью и долей сожаления. Нежностью к обувному рынку и ко многому другому. Два этих чувства вспыхивали в нем, кружили вокруг друг друга, как рыбы.

Он представил себе свой город — разрушенный, погибший.

— Это верно, — медленно прошептал он. — Отсюда до Машинного берега миля с лишком — вниз по склону, мимо болот, где живут эти женщины.

Он кивнул головой, неожиданно указывая на другую сторону городка, где внизу расщелины бились масляные волны.

— Но отсюда до моря всего несколько ярдов.

Интерлюдия V
ФЛОРИН САК

Это не займет много времени.

Не отвожу глаз от окна (у меня за спиной сама Беллис Хладовин, прячется, сидя на корточках, ждет. Видимо, нервничает — вдруг я играю с ней? — но все же полна надежды). Жду, когда охранник зайдет за угол, исчезнет с площади, из виду.

«Не двигайтесь, — говорю я ей, и она отчаянно трясет головой. — Чтобы ни на дюйм отсюда (мне страшновато, и потому я медлю). Ни на шаг никуда, пока не услышите мой стук».

Она должна открыть дверь и не пустить ни одну комариху, пока дверь будет отперта. Она должна ждать меня, пока я не вернусь.

Наконец я киваю. Ее кожаный мешочек привязан, плотно сложен и натерт воском, чтобы не пропустить воду. Я прижимаю его к животу, словно закрывая рану. Она распахивает дверь, и я выхожу наружу, на воздух. В небесах светят звезды, повсюду вокруг — женщины-москиты.

Флорин Сак не раздумывает. Он несется к

расщелине, которая рассекает дальний конец поселения словно анус, через который мусор сбрасывают в море.

Он бежит, опустив голову, вслепую, охваченный страхом, — несется к трещине в горе. Нервы его гудят, тело напряжено, каждая его частица стремится как можно скорее оказаться в воде.

Он уверен, что слышит гудение крыльев.

Он только пять секунд под открытым небом, слушает ветер и ночных насекомых. Его ноги касаются ровной поверхности скалы, которая, как балкон, нависает над морем. Воздух неподвижен, и темнота обнимает Флорина еще сильнее, когда он ныряет во мрак этой расщелины в горе. На мгновение ноги его замирают, он словно колеблется — не пуститься ли более трудным и менее опасным путем по узкой тропке, петляющей туда-сюда по склону, но уже поздно — ноги сами несут его, он уже отталкивается и летит, словно услышав за спиной звук крыльев.

Под ним нет ничего, кроме воздуха, более пятидесяти футов воздуха, а потом вода — она лениво плещется и сверкает, как металл. Сквозь расщелину Флорин видел движение моря, там внизу. Теперь он морское существо, он может различать рисунок течений. Он знает, что вода внизу глубо-

ка, так оно и выходит.

Он вытягивается в струну, и вода открывается перед ним с плеском, выдавливая воздух из его легких, он при ударе раскрывает рот и вдыхает воду через свои несчастные пересохшие жабры, и море снова смыкается над ним, принимая его в свою плоть. Оно приветствует его, ничтожную тварь.

О благодатные мгновения, когда он парит недвижно в темной воде! От блаженства, от безопасности кружит голову. Сюда не проберется ни одна комариха (*ему приходит в голову мысль о других хищниках, и на мгновение безмятежность покидает его*).

Флорин чувствует тяжесть пакета в навощенной упаковке. Он прижимает его к животу и гребет перепончатыми ступнями. Ах, как давно он не плавал! Он чувствует, как расцветает в воде его кожа, как раскрываются, словно бутоны, его поры.

Чернота не до конца черна. Его зрачки расширяются, и он начинает видеть тени в темноте: утесы под водой, мусор, выкинутый из поселка, расщелину, уходящую в море, нарастающий мрак глубины. Он плывет через отверстие в утесе и чувствует, как меняется характер течения. Над

ним, подобные беззубому старику, волны жуют берег.

Он сориентировался, он знает, куда нужно плыть. Мимо него проносятся какие-то крошечные существа, маленькие ночные рыбы. Флорин выставляет в сторону щупальца и плывет на глубине, пока не наталкивается на край скалы, и тогда пускается вдоль излучины берега. Его щупальца смелее его. Он, словно осьминог, трогает ими отверстия в скале — прикоснись он к ним пальцами, тут же в испуге отдернул бы руку. Приделанные щупальца — та его часть, что больше всего приспособлена к водной жизни, и он повинуется их чутью.

Флорин огибает остров анофелесов. Он чувствует касание анемонов и морских ежей и с неожиданной печалью осознает, что впервые плывет вблизи дна и может познакомиться с его жизнью, что, скорее всего, этот раз будет и последним, что здесь слишком темно и он ничего не видит. Он может только представить себе сплетение песка и камня, над которыми плывет, скалистые отроги и мертвое дерево, наверное, обросшее водорослями, — сочные краски, которые были бы видны при свете.

Проходят минуты, он продолжает грести. Вкус

прибрежного моря не похож на вкус моря вокруг Армады. Вода здесь больше насыщена. Вкус мельчайшей жизни и смерти переполняет его.

И вдруг неожиданно возникает вкус ржавчины.

«Машинный берег», — думает Флорин. Он обогнул изгиб береговой линии и оказался в бухте. Его присоски ощущают что-то новое — распадающееся железо, механизмы, обглоданные морем. Вода над этим кладбищем насыщена солями металлов и на вкус напоминает ему кровь.

На поверхности, отливающей лунным сиянием, он видит три крупных силуэта — самхерийские корабли. Толстые цепи уходят в воду, а якоря покоятся среди останков устройств, которые намного старше их.

Флорин направляется вверх, чувствуя, как светлеет вода. Он поднимает руки, не выпуская пакета. Тень самого большого корабля сейчас прямо перед ним.

При виде его самхерийские какты приходят в неистовство. Они изображают гнев, грозят ему, складывая пальцы в кулаки, размахивая руками в колючках. Явление мокрого переделанного, поднявшегося по якорной цепи, привело их в недоумение. Теперь он стоит на палубе, вокруг

него натекла лужа, и нервно поглядывает на небо, ждет, когда моряки отведут его вниз.

«Мне нужно поговорить с капитаном, друзья», — снова и снова повторяет он на соли, решительно, хотя и не без опаски. Те видят, что угрозы не действуют на чужака, и ведут его в чрево корабля, где полыхает пламя свечей.

Они ведут его мимо сокровищницы, где хранятся трофеи и добыча. Мимо кухни, где стоит густой запах подгнивших растений и варева. Ведут по коридору мимо клеток, в которых, сотрясая решетки своей тюрьмы, кричат злобные шимпанзе. Какты слишком грузны, а их толстые пальцы слишком неловки для лазанья по мачтам. Приматов с рождения обучают подчиняться свисткам и голосовым командам, они сворачивают и разворачивают паруса, как заправские моряки, даже не понимая, что делают.

Скучающих обезьян прячут здесь от голодных комарих.

Сенгка молча сидит в своей каюте, не приглашая сесть Флорина, который стоя отирает ветошью лицо и кисти. Капитан обессиленно положил свои огромные зеленые руки на стол, сцепив пальцы: он смотрит на Флорина Сака бесстрастно, словно бюрократ человеческой расы.

Он политик. Едва увидев Флорина, которого быть здесь не должно, капитан понимает, что происходит нечто противозаконное, нечто, не отвечающее интересам армадских властей. Он отпускает охранников — а вдруг извлечь выгоду из этого сможет только он один? Охранники уходят, мрачно оглядываясь, — их любопытство не удовлетворено.

Несколько секунд проходят в тишине.

— Ну, рассказывай, — говорит наконец Сенгка. Он не затрудняет себя преамбулой, и Флорин Сак (с него на коврик все еще капает вода, руки сжимают пакет; он чувствует страх и вину, чувствует себя предателем, не хочет предавать Армаду) совсем не возражает против такого подхода. Содержимое вощеного мешка и коробки осталось сухим.

Он без слов подает короткое письмо, вексель на предъявителя.

Сенгка медленно и внимательно читает, перечитывает. Флорин ждет.

Сенгка наконец поднимает на него взгляд, но по выражению его лица ничего понять нельзя (*однако письмо он аккуратно отодвигает в сторону*).

— И что? — говорит он. — Что вы хотите, чтобы я доставил?

И опять без единого слова Флорин достает увесистую коробочку и показывает ее. Он вынимает из нее кольцо, воск и показывает Сенгке содержимое контейнера, в котором лежат письмо и жетон.

Капитан рассматривает грубо сработанный жетон и складывает губы трубочкой, словно на него это не производит никакого впечатления. Его ладонь парит над письмом подлиннее.

— Я не повезу никаких писем, не читая их, — говорит он. — Потому что в них может быть написано: «Не принимать во внимание первое письмо». Я надеюсь, это понятно. Я позволю вам запечатать его, только когда буду точно знать, что внутри.

Флорин кивает.

У капитана Сенгки уходит немало времени, чтобы пробежать письмо Сайласа властям города — плотно исписанные листы бумаги с многочисленными зашифрованными местами. Но он не читает их — не может. Он не очень хорошо владеет рагамолем. Он ищет слова, которые имеют отношение к нему: *какты, Дрир-Самхер, пират*. Таких слов здесь нет. Похоже, тут без обмана. Закончив, он поднимает вопросительный взгляд на Флорина.

— Что оно означает? — спрашивает он. Флорин пожимает плечами.

— Не знаю, капитан, — отвечает он. — Правда. Я в этом понимаю немногим больше, чем вы. Вот все, что я знаю: эта информация нужна Нью-Кробюзону.

Сенгка сочувственно кивает ему, прикидывая свои возможности. Прогнать этого типа и ничего не делать. Убить его на месте (*легко*) и забрать печать. Доставить пакет. Не доставлять его. Передать этого типа той армадской женщине, руководительнице, которую он наверняка предает, хотя как и зачем — это выше понимания Сенгки. Но Нурджитта Сенгку заинтриговала и эта ситуация, и этот храбрый маленький пришелец. Капитан не желает ему зла. И никак не может сообразить, на кого тот работает, кто его защищает.

Капитан Сенгка не хочет нарваться на войну с Армадой, а еще меньше — с Нью-Кробюзоном. «*В этом письме нет ничего, что могло бы скомпрометировать нас*», — думает он и пытается найти довод против того, чтобы доставить посылку, но не может.

В худшем случае, после того как он проделает долгий путь, отойдя от своих обычных марш-

рутов, данные в письме обещания не будут выполнены. Но так ли уж это смертельно? Он прибудет в богатейший город мира, а он ведь не только пират, но и торговец. Может, выгода окажется небольшая, думает он, да и путь неблизкий, но что, если рискнуть? Шанс ведь есть?

Шанс на то, что обещания (*письмо скреплено печатью города и подписано прокуратором*) будут выполнены.

Они встают рядом, чтобы завершить тайную сделку. Флорин запечатывает письмо перстнем, кладет цепочку с жетоном Сайласа Фенека («*Кто это такой?*» — снова возникает вопрос) в коробочку и кладет сверху оба письма, предварительно сложив их. Запирает коробочку, капает воском на замок. Когда воск начинает сгущаться, он вдавливает в него печатку, а отведя ее, видит городскую геральдическую печать в миниатюре — восковой барельеф.

Он снова укладывает коробочку в потертый кожаный мешочек, Сенгка берет у него посылку и запирает ее в своем сейфе.

Некоторое время они смотрят друг на друга.

— Не буду распространяться насчет того, что я с тобой сделаю, если это обман, — говорит Сенгка.

Угроза бессмысленная: оба знают, что больше

никогда не увидят друг друга. Флорин кивает.

— Мой капитан, — медленно произносит он, — она не должна об этом знать.

Ему больно произносить эти слова, и ему приходится напоминать себе о содержании письма и о причинах секретности. Он смотрит перед собой, встречает взгляд капитана Сенгки, но не берет своих слов назад. Капитан не мучает его заговорщицкими подмигиваниями или улыбками. Он только кивает.

— Ты уверен? — говорит Сенгка.

Флорин Сак кивает. Он нервно оглядывается, стоя на носу корабля, боясь услышать страшный звук комариных крыльев. Капитан еще раз недоумевает: почему этот человек отказывается принять пищу, вино или деньги? Сенгка не может понять, что им движет.

— Спасибо, капитан. — Флорин пожимает усаженную колючками руку капта.

Капитан Сенгка смотрит, как Флорин прыгает вниз, и свешивается через борт, провожая гостя взглядом. На лице его подобие улыбки: он испытывает странную приязнь к этому неукротимому маленькому человеку. Еще некоторое время он проводит на палубе, глядя на водную рябь, которую оставляет за собой Флорин. Когда след

Флорина поглощают волны, капитан поднимает взгляд в ночное небо; звуки крыльев не беспокоят его — самки-анофелесы будут только кружить над ним, принюхиваясь, тщетно пытаясь уловить запах крови.

Он думает о том, что скажет своим офицерам, о новых приказах, которые отдаст утром, когда армадцы оставят остров. Он иронически размышляет — как, интересно, они отнесутся к этому? Придут в ужас? Будут заинтригованы?

Флорин Сак упрямо плывет к расщелине. Он думает об опасном подъеме по петляющей тропинке, о том, что лучше спрыгнуть со скалы назад в море, если комарихи нападут на него.

Он чувствует себя несчастным. Ему не помогает мысль о том, что сделать это было необходимо.

У него внезапно возникает желание — ему хочется, чтобы море сделало то, чего ждут от него поэты и художники, чтобы оно смыло все старое и он смог начать жизнь заново. Вода струится через него, словно внутри у него пустота, и он, двигаясь, закрывает глаза, представляя себе, как вода очищает его изнутри.

В кулаке Флорина зажат опасный перстень с печаткой. Он хочет избавиться от воспоминаний, но те противятся этому, как и его внутренности.

Внезапно он останавливается посреди моря, повисает в пятидесяти футах от поверхности, словно приговоренный к повешению в темной воде. «*Вот мой дом*», — говорит он себе, но эта мысль не утешает его. Флорин чувствует, как в нем нарастает гнев, гнев, которым он управляет, печаль вместе со злостью и чувство одиночества. Он думает о Шекеле и Анжевине (такое уже случалось с ним не раз).

Он неторопливо вытягивает руку, раскрывает кулак, и тяжелый кробюзонский перстень тут же соскальзывает с ладони и устремляется на дно.

Здесь так темно, что ощущение белизны его кожи — скорее воспоминание, чем реальность. Он может только представлять, как перстень падает, погружается, долго летит вниз и наконец ложится на скалистый уступ или старый двигатель. А может быть, нанизывается на ветку водорослей или на коралловый палец — бессмысленный, случайный союз.

А потом… потом непрестанное движение воды начнет шлифовать его. Не поглотит, как пытается Флорин вообразить себе, не уничтожит. Воссоздаст заново. И вот в один прекрасный день, многие годы или века спустя, этот перстень снова окажется на поверхности, будет вынесен

на берег каким-нибудь подводным катаклизмом. Наверное, неумолимая вода изменит его до неузнаваемости. Но даже если соль и море источат его, если перстень растворится полностью, атомы его поднимутся к свету и станут частью Машинного берега.

«*Что бы нам ни говорили,* — думает Флорин, — *море ничего не забывает, ничего не прощает*».

Ему пора плыть дальше, и скоро он поплывет. Он вернется и, оставляя за собой мокрый след, вскарабкается на скалу, войдет в селение анофелесов. Размахивая щупальцами-мухобойками, он добежит до двери, и Беллис впустит его (*он знает, что она будет ждать*). И тогда все закончится, и город (*его старый город, первый город*), возможно, будет спасен. Но пока он не может пошевелиться.

Флорин думает обо всем, что ему еще предстоит увидеть. Обо всем, что, по рассказам, есть в море. О кораблях-призраках, о расплавленных кораблях, о базальтовых островах. О долинах окаменевших волн, где вода серая и твердая, где море умерло. О местах, где вода кипит. О земле джессинов. О паровых штормах. О Шраме. Он думает о перстне под ним, застрявшем в водорослях. «*Все это еще здесь*», — думает он.

В море нет искупления.

Интерлюдия VI
В ДРУГОМ МЕСТЕ

Киты мертвы. Продвигаться дальше без этих громадных глупых проводников куда как тяжелее.

Брат, неужели мы потеряли след?

Возможностей так много.

И снова они — лишь груда темных тел над основанием моря. Они скользят в теплой, как кровь, воде.

Вокруг них волнуются обитатели соленых вод. На расстоянии многих миль, в тысячах футах под волнами, что-то сотрясает кору мира.

Ты это чувствуешь?

Среди миллионов минеральных частиц, раскачивающихся в морской воде, некоторые обладают необычной силой: расщепленный кремень (осколки и пыль), маленькие комочки нефти и насыщенные неземные осадки горного молока.

Что они делают?

Что они делают?

Вкус моря здесь вызывает воспоминания. Охот-

ники чувствуют мокроту — слюну мира. Она сочится (*они помнят*) из рваных ртов, прорезанных платформами, которые высасывают то, что находят, где рядом с бетонными цоколями люди в жалких кожаных пеленках и стеклянных колпаках — похитить их, допросить и убить совсем нетрудно.

Плавучий город бурит.

Потоки пересекаются, образуя лабиринт соревнующихся друг с другом течений, которые растворяют сплетенные воедино примеси, вкусовые следы, почти ни о чем не говорящие, маленькие отложения грязи разного вида.

Улавливать их трудно.

Киты мертвы.

А что остальные? Дельфины (*своенравны*), или морские коровы (*медлительны и слишком глупы*), или?

Нет никого, кто мог бы; мы в одиночестве.

Есть, конечно, и другие, которых можно вызвать из морских глубин, но они не следопыты. У них другая задача.

Пусть и в одиночестве, но охотники все же могут охотиться. С неумолимым терпением (которое не очень подходит к этому перекрестку жарких, стремительных потоков) они продолжа-

ют поиск, пробираясь через неразбериху запахов, загрязненных мест и слухов, находя дорогу и следуя по ней.

Теперь они уже гораздо ближе к своей добыче, чем прежде.

Но вода эта плоха для них: липкая, колкая, дезориентирующая. Охотники кружат, идут за призраком, обманами и иллюзиями. Они так толком и не могут, толком не могут взять след.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ШТОРМА

ГЛАВА 27

Портдень 9 солютария, 1780/девятый маркинди, кварто морской черепахи 6/317. «Трезубец».

Он снова говорит со мной.

Утер Доул решил, что мы должны стать… кем? Друзьями? Компаньонами? Договаривающимися сторонами?

С того момента как мы покинули остров, команда трудится не покладая рук, а остальные — как сели, так и сидят, наблюдают, ждут. Я пребываю в каком-то оцепенении — со времени возвращения Флорина (он вернулся весь мокрый, в соленых разводах и охваченный ужасом из-за нескольких минут под открытым небом) никак не могу успокоиться. Я ерзаю на своем сиденье и думаю об этом драгоценном письме, об уродливом оловянном жетоне (бесценном доказательстве) и долгом пути, который им предстоит. Флорин Сак сказал мне, что Сенгка согласился доставить их. Тыся-

чи миль, огромные трудности. Надеюсь, он не передумает. Хочется думать, что Сайлас сделал предложение, от которого трудно отказаться.

Мы с Флорином Саком стараемся не встречаться взглядами. Мы прошли друг мимо друга по роскошной гондоле «Трезубца», не поднимая глаз. И нас переполняет чувство вины. Я не знаю его, он не знает меня — таково наше молчаливое соглашение.

Я целыми часами наблюдаю за Круахом Аумом.

Трогательное, умилительное зрелище.

Он дрожит от удивления и волнения. Глаза у него широко раскрыты, морщинистый рот-сфинктер расширяется и сжимается в такт дыханию. Он перемещается (не то чтобы бегом, но если это походка, то какая-то жалкая и ни на что не похожая) от окна к окну, разглядывает моторы дирижабля, заглядывает в кабину пилотов на носу, в туалеты, в спальные каюты, рассматривает огромный храм — баллон, наполненный газом.

Аум может общаться только со мной,

и я полагала, что он не даст мне покоя. Ничего подобного. Он вполне удовлетворяется наблюдениями. Мне остается только сидеть и посматривать, как он семенит туда-сюда, словно ребенок.

Он всю свою жизнь провел на той скале. Теперь он с жадностью впитывает то, что видит вокруг.

Ко мне подошел Доул. Как и прежде (в тот, первый раз), он сел напротив меня, неторопливо скрестил руки; взгляд бесстрастный. Он заговорил своим чудесным голосом.

На этот раз меня переполнял страх (словно он видел, что я делала вместе с Флорином Саком), но я смотрела на него спокойно, как он и ждал.

Я убеждена, что мы понимаем друг друга — Доул и я, что именно это и лежит в основе ощущаемой мной связи, — и я воспользовалась своей убежденностью. Он видит (я уверена), что я сражаюсь со страхом при его появлении, и он уважает меня за то, что мне удается скрывать волнение перед лицом легендарного Утера Доула…

Конечно же, мое волнение связано с опасениями — не дознается ли он, что я предательница. Но ему это не приходит в голову.

Он без слов долго наблюдал за Аумом, потом наконец заговорил. (Я никогда первая не нарушаю молчания.)

— Теперь, когда он с нами, — сказал он, — я не вижу никаких препятствий — мы вызовем аванка. Армада скоро войдет в новую эпоху.

— А как быть с теми кварталами, которые против этого? — спросила я.

— Есть, конечно, и такие, кто сомневается, — сказал он. — Но представьте себе, сейчас город ползает. Если же в нашем распоряжении будет аванк, если мы запряжем животное такого размера, то для нас не будет ничего невозможного. Мы сможем пересечь весь мир за крохотный отрезок того времени, которое уходит у нас на это теперь. — Он замолчал и чуть повел глазами. — Мы сможем заходить в такие места, которые пока для нас недоступны, — сказал он, понижая голос.

Вот и опять — намек на какой-то скры-

тый мотив.

Нам с Сайласом удалось раскопать только часть истории. В этом проекте есть еще что-то, кроме вызова аванка. Я считала, что раскрыла тайны Армады, а потому это внезапно обнаружившееся незнание действует мне на нервы. Сильно действует.

— Может быть, в землю мертвых? — неторопливо произнесла я. — В мир теней и обратно?

Я говорю словно бы лениво, отталкиваясь от слухов, что слышала о нем. Даю ему наживку — пусть поправит меня. Я хочу знать правду об этом проекте и хочу знать правду об Утере Доуле.

И тут Доул удивил меня. Я ждала от него ну, может, туманного намека, неопределенного указания на его происхождение. Он сообщил мне гораздо больше.

Вероятно, часть его собственного проекта — установить некую связь между нами (я еще не знаю, какого рода), но он по какой-то причине дал мне гораздо больше.

— Это целая цепочка слухов, — сказал Доул. Он наклонился ко мне и заговорил

вполголоса, чтобы нас никто не услышал. — Когда вам говорят, что я пришел из мира мертвых, то вы оказываетесь у последнего звена цепочки слухов. Каждое звено соединено с соседними, но непрочно, и смысл просачивается между ними.

Может, я передаю то, что он сказал, и не слово в слово, но довольно точно. Он говорит именно так — загадочными монологами. В моем молчании не было недовольства — обычное молчание публики.

— На моем конце цепочки находится истина, — продолжал он. Затем внезапно взял меня за руку — я была шокирована — и поднес два моих пальца к своему запястью, где я почувствовала медленное биение пульса. — Я появился на свет в ваше время. После Волхвосстания прошло три тысячи лет — неужели его по-прежнему приписывают мне? Из мира мертвых невозможно вернуться.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук, чувствовала я его неторопливый (как у какой-нибудь хладнокровной ящерицы) пульс.

«Я знаю, все это детские сказочки, —

думала я. — Я знаю, что никакой ты не выходец с того света. И ты знаешь, что я это знаю. Тебе что, просто хочется, чтобы я прикасалась к тебе?»

— Нет, я не из мира мертвых, — продолжал он. — Но я и вправду пришел из мира, где мертвецы ходят. Я родился и вырос в Великом Кромлехе.

Я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Но глаза мои наверняка чуть не вылезли из орбит.

Спроси меня кто-нибудь об этом полгода назад, я бы сказала, что Великий Кромлех — это, видимо, легенда. Я знала только, что это какое-то непонятное, чуть ли не вымышленное место, где есть фабрики зомби и мертвецы-аристократы. Место, где бродят голодные упыри.

А потом я узнаю от Сайласа, что он бывал там и жил, и я ему верю. Но все же его описания больше похожи на сны, чем на реальность. Смутные, суровые видения.

А теперь, выходит, я знаю еще одного человека, который знаком с этим местом? И на сей раз уже не путешественника, а аборигена?

Тут я поняла, что слишком сильно сжимаю артерию на запястье Доула. Он легонько освободил руку из моих пальцев.

— Неправильно думать, что в Великом Кромлехе сплошные танати, — сказал он. — Там есть и живые. — (Теперь я слушаю его со всем вниманием, пытаюсь определить его акцент.) — Да, мы там меньшинство, это правда. И из тех, кто рождается там ежегодно, многие выращиваются на фермах, их держат в клетках, пока они не наберутся сил, когда их можно будет прикончить и возродить уже в виде зомби. Другие, пока не состарятся, воспитываются аристократией, а потом их убивают и принимают в сообщество мертвых. Но…

Голос его смолк, и он на несколько мгновений погрузился в воспоминания.

— Но есть еще и Живокрай. Гетто. Тамто и живут настоящие живые. Моя мать процветала. Мы жили в зажиточной части… Есть работы, которые могут делать только живые. Это ручные работы. Поручать их зомби слишком опасно, ведь если

что случится, оживлять зомби — дело дорогостоящее, а живых всегда можно вырастить еще. — Голос его звучал бесстрастно. — А для тех, кому везло, для сливок — живых мужчин и женщин, живых джентри — есть запретные работы, до которых не снисходят танати, а живые на них могут зарабатывать неплохие деньги… Моя мать заработала достаточно и смогла позволить себе усыпление; потом некрурги ее забальзамировали и оживили. Для высокой касты денег ей не хватило, но танати она стала. Всем было известно, что живожена Доул стала мертвоженой Доул. Но я при этом не присутствовал. Я к тому времени уже уехал.

Не знаю, зачем он рассказал мне все это.

— Я вырос в окружении мертвых, — сказал он. — Неправда, что они немы, хотя многие и в самом деле немы, но вот громко они и в самом деле не говорят. Там, где рос я, в Живокрае, мы, мальчишки и девчонки, любили побегать, мы были драчливыми и носились по улицам

мимо бесстрастных зомби, пары-тройки закоренелых вампиров, мимо самих танати, джентри, с разодетыми личами, у которых были зашиты рты, а кожа напоминала выдубленную шкуру. Больше всего я запомнил тишину… Относились ко мне хорошо. Мать мою уважали, и я считался примерным мальчиком. Относились к нам с сочувственной издевкой — других открытых проявлений неприязни не было. Я оказался вовлечен в культовое служение, преступления и ереси. Но не глубоко. И на короткое время. Есть две вещи, в которых живые более сведущи, чем танати. Одна — это шум. Вторая — скорость. От первой я отошел, от второй — нет…

После того как стало ясно, что пауза переросла в молчание, заговорила я.

— А где вы научились так драться? — спросила я.

— Великий Кромлех я покинул ребенком, — сказал он. — Я в то время не считал себя ребенком, но на самом-то деле был им. Зайцем пробрался на канатный фуникулер и бежал.

Больше он не стал рассказывать. Между теми временами и его появлением в Армаде прошло, видимо, не меньше десятка лет.

Он не стал говорить о том, что с ним случилось за это время. Но именно тогда, очевидно, он и приобрел свои непостижимые навыки.

Доул сникал на глазах, и я видела, что его желание выговориться испаряется. Меня это не устраивало. После многих недель изоляции я хотела, чтобы он продолжал говорить. Я напустила на себя этакий развязный тон, и мои слова, наверно, прозвучали хитровато и дерзко.

— И вот вы бежали, а потом сражались с империей Призрачников и там захватили свой меч — Всемогущий? — Я указала на его простой керамический клинок.

Несколько мгновений его лицо оставалось невозмутимым, а потом на секунду оно осветилось прекрасной улыбкой. Когда он улыбается, он похож на мальчишку.

— Есть еще одна смысловая цепочка, — сказал он. — Половина ее была утрачена.

Никаких Призрачников давно нет, но по всему Бас-Лагу разбросаны всевозможные остатки этой империи. Мой меч и вправду — изделие Призрачников.

Я попыталась понять, какой смысл он вкладывал в свои слова. «Мой меч сделан по технологии Призрачников», — подумала я, потом: «Мой меч копирует их мечи», — но, глядя на него, поняла, что он имел в виду именно то, что сказал.

Должно быть, вид у меня был недоумевающий. Он энергично кивнул:

— Моему мечу больше трех тысяч лет.

Это невозможно. Я видела его. Это простое, чуть траченное временем, слегка потертое керамическое изделие. Я бы удивилась, если бы ему было пятьдесят лет.

— А название… — Он снова улыбнулся мне своей улыбкой. — Еще одна путаница. Я нашел этот меч после долгих поисков, после того как освоил мертвую науку. Правильное его название Всёмо́гущий, а не Всемогу́щий. — Он говорил неторопливо. — Он может все, но это лишь заложенная в нем возможность, потенциал. Могущий означает не мощь, а

вероятность. Вы назвали исковерканное имя. В прежние времена было немало мечей, подобных ему, — сказал он. — А теперь, я думаю, остался только этот… Это Меч возможного.

Даже на обратном пути ученые составляли планы. Они трезво оценивали то, что им предстояло. Впереди была еще более трудная работа.

«Трезубец» не двигался обратно по прежнему курсу, потому что Армада за это время переместилась, и экипаж «Трезубца», пользуясь тайными средствами, в которых Беллис ничего не понимала, неуклонно вел аппарат в направлении города.

Дирижабль попал в зону серых туч. Захлестываемый дождем, он начал набирать скорость. Беллис смотрела из окон кают-компании — на краю неба вихри темного воздуха сцепились с морем.

Надвигался шторм.

Непогода задела их лишь краем — они убежали от шторма, который бушевал вовсю, но двигался медленно. Изнутри шторм разрывал себя на части. «Трезубец» прошел по его границе, убегая от сердцевины, и дождь и ветер лишь слегка

потрепали его.

Увидев рваную линию Армады, вспоровшую горизонт, а потом и весь город, распростершийся внизу, Беллис подивилась его громадности. Это был хаос, собрание мертвых и переоснащенных кораблей — неприглядная и бесформенная масса, с неровными и застывшими границами. Буксиры и пароходы, окаймлявшие Армаду, тащившие ее многие тысячи миль, теперь, когда город стоял, были отвязаны. Все эти многочисленные суда пыхтели вокруг Армады, доставляя грузы. Беллис снова подумала о том, сколько же топлива они пожирают. Не было ничего удивительного в том, что пиратские корабли Армады так ненасытны.

Увидев все это, Беллис испытала прилив чувств, определить которые никак не могла.

На наружной границе города Беллис увидела «Терпсихорию». А еще ей бросились в глаза причудливые очертания «Сорго»: из его вершины вырывалось пламя, над которым коробился воздух. Вокруг опор платформы суетились суда. Снова велось бурение — установка высасывала нефть и горное молоко из набухших вен, в которых подземные жидкости циркулировали на протяжении многих веков. Армада остановилась над разломом в породе. «Сорго» накапливало

топливо для предстоящего беспримерного сеанса магии.

Они зашли с кормы Армады, осторожно пробираясь по правому борту, над мачтами. Под ними за ходом «Трезубца» с любопытством следили люди со множества разнообразных аппаратов, двигавшихся в его тени, — аэротакси, одиночных шаров, странного вида неуклюжих воздушных кораблей.

«Трезубец» причалил к «Гранд-Осту», оставаясь на той же высоте, что и калека «Высокомерие». Беллис видела людей, глазеющих с окружающих кораблей и воздушных судов. Только на «Гранд-Осте» почти не было народа — здесь прибытия экспедиции ждали всего несколько стражников во главе с сияющим Любовником.

Беллис увидела новый порез на его лице — заживающий струп. Он начинался у левого угла губ и уходил под подбородок. Этот шрам был зеркальным отражением того пореза, что нанесла себе Любовница почти на глазах Беллис.

Любовники увидели друг друга, и за этим последовало долгое молчание, после чего они преодолели разделявшее их расстояние и обнялись. Их прикосновения были страстными, чувственными и продолжались больше минуты.

Движения эти были непохожи на ласки — казалось, будто любовники сражаются, но в каком-то замедленном времени. Вид их вывел Беллис из равновесия.

Наконец они разъединились. Беллис стояла достаточно близко от них и потому слышала их шепот. Любовница похлопывала по телу мужчины, скребла его шею, лицо сильнее и сильнее. Но когда она коснулась свежего шрама, руки ее внезапно стали нежными, словно перед ней был ребенок.

— Все как мы договаривались, — прошептала Любовница, прикасаясь к собственной ране, — и точно в назначенное время. Ты меня чувствовал? Да? Клянусь тебе, я тебя чувствовала, черт возьми, — каждый дюйм, каждую каплю крови.

Обшитая панелями кают-компания была полна старых написанных маслом портретов неизвестных Беллис инженеров и политиков — кробюзонцы остались без толку плесневеть на перегородках внутри их похищенного создания. Вокруг огромного подковообразного стола сидели члены армадского сената, а перед ними находились Тинтиннабулум, руководители научной и инженерно-технической команды «Трезубца» и Круах Аум. Рядом с ошарашенным анофелесом

сидела Беллис.

Армадский сенат не собирался вот уже восемь лет, но правители кварталов ждали возвращения «Трезубца», чтобы поставить на голосование важнейший в истории Армады вопрос. Необходимо было соблюсти соответствующие процедуры.

У каждого армадского квартала в сенате был один голос. Некоторые кварталы были представлены одним человеком, некоторые — небольшой группой. Беллис медленно обвела взглядом всех сидящих за длинным столом правителей. Узнать их было нетрудно.

Брагинод, джхурская королева-какт с советниками.

Книжный город был представлен триумвиратом хепри, которые сидели вплотную друг к другу и сообщали свое мнение с помощью жестов и хемических выделений; слуги-люди переводили. Имен их никто не знал, они были номинальными представителями группы, которая в этот момент руководила кварталом.

В дальнем конце стола сидел человек в монашеском одеянии — представитель Баска. Рядом с ним находился нечесаный мужчина лет шестидесяти. Беллис узнала его по плакатам — это был Фридрих, торговец-король квартала Ты-и-твой.

Рядом с ним сидел еще один человек с серым, покрытым шрамами лицом — генерал Шаддлера.

Больше всего представителей прислал Дворняжник. Похоже, здесь присутствовала внушительная часть всего Демократического совета — существа самых разных рас были втиснуты в небольшой круг, примыкающий к главному столу, как зуб к шестеренке. Они постоянно перешептывались и поглядывали на представителей Саргановых вод с видимой враждебностью.

А представители Саргановых вод — Любовники — сидели в самом конце стола, справа, и молча наблюдали. Сидели друг подле друга, их лица являли собой зеркальные отражения бешеной страсти.

А напротив них расположился бледный человек, которого Беллис никогда прежде не видела. Он был одет в простую темную одежду и смотрел на Любовников. Во взгляде его читалась не насупленная враждебность «демократов», а внимание и проницательность. У него был широкий нос и очень полные губы. Строгому облику не отвечали лишь курчавые волосы. А глаза были необыкновенными. Темными и чрезвычайно ясными. Месмерическими.

Не без содрогания Беллис поняла, что это глава

квартала Сухая осень, самый серьезный соперник Любовников. Именно из-за него сенат собрался после захода солнца. Это был вампир Бруколак.

Эта встреча, без всяких сомнений, была пустой формальностью: позиции участников определились задолго до нее. Аргументы и доводы звучали высокопарно, и хотя симпатии и антипатии открыто не объявлялись, но были почти очевидны. Беллис отвечала, когда к ней обращались, лаконично излагала свой взгляд на те или иные лингвистические проблемы.

За план Любовников стояли пять кварталов. Искренний энтузиазм эта идея вызывала у Книжного города. Джхур и Шаддлер были на содержании у Сарганових вод, а потому голосовали за все, о чем их просили. Фридрих из Ты-и-твой, ничуть этого не стыдясь, продал свой голос Любовникам, зная, что они дадут больше, чем любой другой квартал.

Противостояли любовникам только Баск и Дворняжник, действовавшие совместно, и Бруколак из Сухой осени, который был сам по себе. Расклад сил был пять к трем. План имел все шансы быть принятым немедленно.

— Нас не поставили в известность, — сказала Вордакин из совета Дворняжника, женщина со

строгим лицом, которая корила Любовников за их нечестность. Она отчаянно пыталась склонить на свою сторону Фридриха или хепри из Книжного города. — Нам не сообщили о намерениях Саргановых вод, когда их рейдеры вернулись с кробюзонской платформой «Сорго» на буксире. Тогда нам говорили о росте производства энергии, о новых мощностях, выработке иликтричества и дешевой нефти. О горном молоке не говорилось ни слова. А теперь выясняется, что вся эта дешевая энергия предназначена для аванка. Что мы услышим еще, когда аванк будет пойман?

Бруколак впервые распрямился на своем стуле. Он устремил взгляд туда, где сидели Любовники и их подданные, и Беллис увидела, что в первую очередь его интересует Доул.

— Тут-то и зарыта собака, — неожиданно сказал он. Голос его звучал сипло и шел словно не из горла. — Это и есть камень преткновения. — Мелькнул длинный раздвоенный язык. Беллис широко раскрыла глаза. — Что у них на уме? Что можно сделать, имея в своем распоряжении аванка? Куда можно направиться?

Король-торговец Фридрих поежился и сплюнул. Вордакин взывала к нему, напоминая об

обязательствах и прошлых услугах, — Беллис о них ничего не знала. Фридрих отвернулся. Его было не сдвинуть с занятой позиции. Король бросил взгляд на Любовников; те улыбнулись в ответ и синхронно кивнули.

«*Мы тебя перекупим,* — говорили они этим жестом, — *а если Дворняжник, Баск или кто другой хотят противостоять нам, то мы просто предложим больше, чем они. Назови свою цену*».

Те, кто противился вызову аванка, сидели в дальнем углу комнаты и выглядели старыми и усталыми.

Буровая платформа, книга, сам Круах Аум — Беллис поняла, что любые планы Любовников воплощаются в жизнь.

В ночи за окном на расстоянии многих миль все еще бушевала буря; время от времени сверкала молния. Находясь среди посланников властей, о которых она только начала узнавать, переводя для представителя расы, которую она считала давно вымершей, Беллис чувствовала себя уязвимой и одинокой.

В комнате уже почти никого не осталось. Дойдя до двери, Беллис подняла взгляд на Утера Доула, который стоял у нее на пути, и поняла, что смотрит он вовсе не на нее. Глаза его, неподвижные,

как стекло, смотрели в глаза Бруколака, стоявшего в другом углу комнаты.

Любовники ушли. Ушли и представители всех других кварталов. Остались только Утер Доул и вампир, а между ними — Беллис.

Ей отчаянно хотелось уйти, но ноги Доула вросли в пол, словно он готовился к бою. Обойти его она не могла, а заговорить боялась. С другой стороны стоял Бруколак — грива косматых волос, влажные губы приоткрыты, жуткий змеиный язык пробует воздух. Беллис оказалась в ловушке между этими двумя. Они совершенно не замечали ее.

— Ты все еще доволен, Утер? — сказал Бруколак. Голос его никогда не поднимался выше неприятного шепота.

Утер Доул не ответил. Бруколак беззвучно и холодно рассмеялся.

— Ты не думай, что дело на этом закончилось, Утер, — сказал Бруколак. — Мы оба знали, каков будет результат. Решения принимаются не здесь.

— Немертвый Бруколак, — сказал Доул, — твою озабоченность этим проектом отметили. Отметили и оставили без внимания. А теперь, если ты меня извинишь, я должен проводить Круаха Аума и переводчицу. — Доул не отрывал глаз от

бледного лица вампира.

— А ты *заметил*, Утер, — вежливо сказал Бруколак, — что остальные маленькие сквалыги наконец-то поняли: что-то тут затевается? — Он медленно направился к Утеру Доулу.

Беллис замерла на месте. Ей страшно захотелось немедленно покинуть комнату. Многие годы она была надежно завернута в пелену холодной сдержанности и самоконтроля. Она могла справиться почти со всеми эмоциями.

Беллис с трепетом поняла, что Бруколак наводит на нее ужас. Ей казалось, что модуляции его голоса точно совпадают с волнами накатывающего на нее страха.

В комнате было темно, газовые горелки погасли, чадили лишь несколько свечей. Беллис не видела ничего, кроме высокой фигуры Бруколака, двигающегося с легкостью танцора (*с такой же легкостью, как и Утер Доул*), приближающегося к ней.

Доул стоял, не двигаясь и не издавая ни звука.

— Ты слышал, как спрашивала Вордакин: а что будет дальше? Я тебе говорил — она лучшая из них. В конце концов они сообразят, Утер, — прошептал Бруколак. — Когда ты им сообщишь, Утер? Когда они будут знать весь план? Неужели

ты и *в самом деле* думаешь, — продолжал он с неожиданной яростью, — что можешь противостоять мне? Неужели ты думаешь, что за этот проект возьмутся без моего одобрения? Ты хоть *представляешь*... кто *я* такой?

Потом он быстро заговорил на языке, состоящем сплошь из отхаркиваний, и возникло впечатление, будто само это наречие противится каждому его слову.

Он говорил на верхнекромлехском.

Беллис не знала, что он сказал, но глаза Утера Доула на несколько мгновений широко раскрылись. Потом он тоже сделал шаг вперед.

— Да, Бруколак, — сказал Доул. Голос его звучал сухо и жестко, как кремень. Он смотрел мимо Беллис, будто ее там и не было, смотрел прямо на вампира. — Я точно знаю, кто ты такой. Я лучше, чем любой другой, знаю, кто ты.

Обоих разделяло несколько шагов. Теперь они не двигались, а Беллис стояла между ними, словно невольный рефери.

— Я обращаюсь к тебе со всем почтением, используя титул джентри, *немертвый,* — прошипел Доул. — Но ты ничуть не джентри, как и я. Ты — немертвый, ты — не танати. Ты забываешься, Бруколак. Ты забываешь, что есть еще одно место,

где таким, как ты, позволено жить открыто. Место, куда отправляются беженцы твоего народа. Ты забываешь, что там, где властвуют мертвецы, которые защищают живых, — там тебя можно не бояться. Ты забываешь, что в Новом Кромлехе есть вампиры. — Он указал на Бруколака. — Они обитают за гетто живых. В хибарках. В трущобах. — Он улыбнулся. — И каждую ночь после захода солнца они могут безопасно выползать из своих лачуг и просачиваться в город. Тощие фигуры в тряпье, которые жмутся к стенам. Изможденные и голодные, они протягивают руки. Просят подаяния. — Голос его звучал тихо и злобно. — Они умоляют живых смилостивиться над ними. И время от времени кто-то из нас уступает, и вот, из жалости и презрения, смущенные собственной мягкостью, мы становимся на карнизах домов и протягиваем свои запястья. А ты и тебе подобные вскрываете их. Обезумевшие от голода, благодарные, вы делаете несколько быстрых глотков, пока мы не решаем, что хватит, и не отдергиваем руки, а вы рыдаете и просите еще, а иногда вас рвет, потому что ваши желудки долго были пусты и теперь не могут переварить желанной пищи, и мы оставляем вас лежать в грязи и наслаждаться этой небольшой подач-

кой… Мы в Великом Кромлехе точно знаем, кто вы такие, Бруколак. — Доул снова улыбнулся. — Наркоманы. Кто-то из нас терпит таких, как ты, кто-то ненавидит, и все мы, живые и мертвые, жалеем вас. Так что не пытайся меня напугать. — Он неожиданно сплюнул. — Потому что я точно знаю, кто ты такой, Бруколак.

Больше никто не сказал ни слова. Бруколак и Доул стояли неподвижно, лицом друг к другу. Двигался только язык Бруколака, пробуя воздух.

Потом вампир ушел.

Беллис моргнула и оглянулась — в воздухе, потревоженном быстро и внезапно вышедшим Бруколаком, лениво мельтешили частички пыли. Беллис подняла голову. «*Что он сделал со мной?* — подумала она. — *Как он это делает? Гипноз? Черт меня подери, он живее Доула…*»

Ею овладело какое-то отупение, но наконец она поняла, что Утер Доул смотрит на нее, и тогда сердцебиение замедлилось, дыхание вернулось к норме.

— Идемте со мной, — сказал ей Доул. Голос его звучал вежливо и ровно, словно ничего не случилось, словно перед ее глазами только что не разыгралась эта сцена. — Вы должны помочь Круаху Ауму.

Она вышла из комнаты, стараясь, чтобы колени не подгибались, хотя ее и била дрожь. Беллис думала о словах Бруколака.

«*Куда мы идем?* — спрашивала она себя, следуя за Доулом. — *В чем состоит план?*»

ГЛАВА 28

Шторм, долго ходивший вокруг да около, наконец обрушился на город.

Туго свернутая масса воздуха стала раскручиваться. Ночь была жаркой. Дождь хлестал по Армаде. Мачты гнулись, канаты натягивались и терлись о борта кораблей и стены строений. Гремел гром, сверкали молнии.

В такой шторм город не попадал уже давно, однако обитатели его действовали умело. Воздушные суда были быстро посажены, чтобы переждать непогоду во дворах и под брезентом. «Трезубец», пришвартованный к «Гранд-Осту», был слишком велик — укрыть его было невозможно, а потому он только неловко подпрыгивал и подрагивал под порывами ветра. Массивный силуэт его нависал над кораблями и домами внизу.

По всему городу все мостки и соединения, кроме самых прочных, были раскреплены с одной стороны на тот случай, если сила шторма окажется слишком большой и они порвутся. Передвигаться по Армаде во время шторма было невозможно.

Море во внутренних водах Армады, в проме-

жутках между судами, бешено дыбилось, но волны здесь не образовывались. Снаружи, однако, море было ничем не стеснено, и валы ударяли в суда, располагавшиеся по внешним границам города. Корабли, которые окаймляли вход в бухты Базилио и Ежовый хребет, были притянуты друг к другу, защищая и закрывая пиратские и торговые (армадские и пришлые) корабли внутри. За пределами Армады флотилия боевых, пиратских и буксировочных кораблей двигалась на почтительном расстоянии, чтобы волны не разбили ее о стены города.

Не испытывали особых неприятностей лишь те, кто патрулировал город снизу — подлодки, рыболюди, морские змеи да дельфин Сукин Джон. Они пережидали непогоду под водой.

Утер Доул выглянул в иллюминатор в коридоре «Гранд-Оста», а потом повернулся к Беллис.

— Нас ждет непогода еще посильней, — сказал он.

Поначалу Беллис не поняла, что он имеет в виду. Потом вспомнила историю из книги Круаха Аума — вызов аванка с помощью энергии молний.

«*Мы собираемся вызвать дьявольский шторм, да?*» — подумала она.

Беллис, как ей и было поручено, учила Аума понимать соль. Это доставляло ей немало трудностей. Она сознавала, что столкнулась с грубейшим нарушением правил содержания анофелесов, установленных Кохнидом и Дрир-Самхером. И какими бы корыстными ни были причины для установления таких правил, это было средство защиты против воскрешения одной из самых одиозных империй в истории Бас-Лага. Ей приходилось напоминать себе, что Аум мужского пола, стар и ни для кого не представляет ни малейшей опасности.

Аум подходил к поставленной перед ним задаче со всем рвением и логикой математика. Беллис с беспокойством обнаружила, что за короткое время пребывания армадцев на острове он успел накопить немалое количество слов (и Беллис спрашивала себя, уж не заражен ли остров новым языком).

Для жителей Нью-Кробюзона, Джесхалла, Мандрагоровых островов или Шанкелла освоить соль не составляло труда. Но Круах Аум не знал ни одного из языков, образующих соль. К тому же соль не имела никаких параллелей (словарных или грамматических) с верхнекеттайским. И тем не менее Круах Аум сумел постичь соль: он соста-

вил подробный список склонений, спряжений, грамматических правил. Его метод отличался от подхода Беллис, поскольку он не обладал языковой интуицией, не имел языковой подготовки, которая сделала бы его ум восприимчивым. И все же прогресс был очевиден.

Беллис с нетерпением ждала того времени, когда ее услуги не будут требоваться, когда ей не нужно будет просиживать долгие часы, делая записи на научном языке, которого она не понимала. От работы в библиотеке ее освободили. По утрам она теперь занималась с Аумом, а по вечерам переводила — Ауму задавали вопросы члены научного комитета Сарганових вод. И то и другое не вызывало у Беллис ни капли удовольствия.

Днем она ела с Аумом, а по вечерам иногда сопровождала его в прогулках по городу, вместе со стражниками из Сарганових вод. «*Что еще я могу?*» — думала она. Она провела его в Крум-парк, поводила по живописным закоулкам и торговым улочкам Сарганових вод, Джхура и Дворняжника, показала ему библиотеку Большие шестерни.

Пока Беллис вполголоса разговаривала с Каррианной, которая, казалось, искренне обрадовалась ее появлению, Круах Аум бродил от полки к полке. Когда Беллис подошла к нему сообщить, что

пора идти, анофелес повернулся к ней, и ее встревожило выражение его лица: почтительность, радость, сильнейшее переживание, как во время религиозного экстаза. Она показала ему книги на верхнекеттайском, и Аум зашатался, словно опьянев при виде всех этих открытых для него знаний.

Ее постоянно грызло что-то, поскольку нередко целые дни приходилось проводить с властями Саргановых вод: Любовниками, Тинтиннабулумом и его командой, Утером Доулом.

«*Как я дошла до жизни такой?*» — спрашивала она себя.

Беллис с первого мгновения была отделена от города и с тех пор усердно бередила эту кровавую рану. Этим она и определила свое место здесь.

«*Это не мой дом*», — снова и снова, бесконечно повторяла она себе. А когда появилась возможность установить связь с настоящим домом, она воспользовалась ею, невзирая на все опасности. Она не отказалась от намерения вернуться в Ныо-Кробюзон. Она узнала о страшной угрозе ее городу и (презрев риск и потратив немало сил на составление плана) придумала способ спасти его.

И каким-то образом в течение этого времени,

перекинув через все моря мостик к Нью-Кробюзону, она тесно связала себя с Армадой и ее правителями.

«*Как я дошла до жизни такой?*»

Беллис горько рассмеялась. Она сделала все, что могла, для своего настоящего дома, а теперь вот проводит дни, работая на своих тюремщиков, помогая им обрести возможность увезти ее, куда им вздумается.

«*Как я дошла до жизни такой? И где Сайлас?*»

Каждый день Флорин размышлял о том, что он сделал на острове анофелесов.

Эти мысли доставляли ему немало тревоги. Он не был уверен в своих чувствах. Он возвращался к воспоминаниям о том, что сделал, так, словно они были раной, и, кроме того, открыл в себе некоторую долю гордости. «*Я спас Нью-Кробюзон*», — думал он, не вполне веря в это.

Флорин вспоминал тех немногих знакомых, что он оставил там. Собутыльники, друзья, подружки: *Зара, Петр, Феженечс и Долли-Анна…* Он думал о них с какой-то отвлеченной приязнью, словно о персонажах книги, к которым он проникся любовью.

«*Вспоминают ли они обо мне?* — гадал он. — *Скучают ли без меня?*»

Он оставил их в прошлом. Он провел слишком много времени в вонючей тюрьме в Железном заливе, затем в мрачном трюме «Терпсихории», а потом его жизнь внезапно и удивительно переменилась — и Нью-Кробюзон превратился всего лишь в далекое воспоминание.

Но все же у него оставался целый фонтан чувств к Нью-Кробюзону: Флорин сознавал, что этот город сформировал его. Он не хотел увидеть его в руинах. Он не мог даже помыслить о том, что люди, которых он знал там, будут мертвы. И вот он — эта мысль смущала его — преподнес им прощальный дар, о котором они никогда не узнают. Нью-Кробюзон спасен, и спас его он, Флорин Сак.

Это понимание грызло его, беспокоило, пробуждало в нем дурацкую гордыню. Он совершил нечто великое, способное изменить ход истории. Он представил себе, как город готовится к войне, так и не зная, кто его спас. Сделано великое дело, а Флорин вспоминал о случившемся, лишь чуть поднимая брови и не зная, стоит ли придавать этому такое уж значение, словно это была какая-то мелочь.

Он не предал Армаду — то, что он сделал, не было предательством. Никому от этого не было никакого вреда, да и какой вред может быть

оттого, что он недолго отсутствовал ночью? Он удалился лишь на несколько часов, чтобы спасти Нью-Кробюзон. И он был рад этому. Он чувствовал себя счастливым, когда думал о том, что сделал. Несмотря на все их суды и пенитенциарные фабрики.

Он спас город. Теперь пора с ним проститься.

Аванк был редким гостем в морях Бас-Лага. Трансплланная жизнь с ее хитросплетениями во многом оставалась тайной за семью печатями. Ни Флорин Сак, ни кто-либо из его коллег не знали, было это существо, проникавшее в Бас-Лаг, частичным или полным проявлением, не возникло ли оно из-за путаницы в масштабах (некое простейшее, планктон из более обширного морского измерения), псевдоорганизмом, спонтанно образовавшимся в отверстиях между мирами. Никто этого не знал.

Они знали только то, что говорила им Беллис Хладовин, читая сложную вязь каракулей Круаха Аума.

Анофелес явно был поражен новой средой обитания, которая, однако, не повлияла на его мыслительные способности, на его умение отвечать на задаваемые вопросы. Каждый день Аум предоставлял своим новым коллегам достаточно

информации для их нужд.

Он делал для них чертежи, рисунки упряжи (размерами больше боевого корабля), удил, вожжей. И хотя инженеры не вполне понимали, как впрягать туда аванка, какая именно часть животного окажется обхваченной этим приспособлением, они верили на слово Ауму, который говорил, что устройство будет действовать.

Научные работы, составление планов продвигались семимильными шагами. Инженерам и ученым приходилось напоминать себе, как далеко они уже продвинулись, с какой скоростью и как нужно продолжать. Всем было очевидно: без Аума — что бы они ни думали прежде — успеха им не добиться. И только работая с ним бок о бок, они поняли, насколько он необходим.

Они встроили двигатели в герметичных контейнерах в шарнирные соединения хомута, паровые котлы тройного обмена и сложные регулировочные системы шкивов, которые должны были висеть в ледяной темени глубоководья на многомильной колоссальной цепи, подвешенной под городом.

А что, если они ошибались? Тогда древние батиокеанические механизмы, созданные в Саргановых водах, придется переделать.

Объем предстоящих работ был огромен, Флорин чуть ли не руки потирал от радости.

Армада оправилась от шторма за одно утро: палубы очистили от кусков шифера и дерева, заново закрепили мостки, пересчитали и оплакали нескольких пропавших или утонувших, тех, кто был захвачен разгулявшейся стихией вне города.

Когда с этим было покончено, Сарганова воды с еще большей энергией занялись изготовлением всего необходимого для осуществления исторического проекта.

Под Армадой были спрятаны пять древних цепей. Флорин Сак и бригады подводников обнаружили их, зарисовали их концы. Все промышленные мощности Сарганова вод и то немногое, что имелось в Книжном городе, Шаддлере и Ты-и-твой, было передано под непосредственное управление Тинтиннабулума и координационного комитета. Строительные работы начались.

Несколько недавно похищенных металлических кораблей пошли на металлолом. Их разбирали часть за частью. На них работали тысячи мужчин и женщин; рутинные портовые работы были переданы недоукомплектованным бригадам, а городским чернорабочим за день работы предлагались огромные деньги. В дело шли

стальные корпуса боевых кораблей, надстройки, начинка пароходов, закаленные металлические мачты. Суда обдирались и разбирались, затем тонны металла доставлялись баржами или дирижаблями на фабрики.

На узду для аванка шли балки и болты, еще отмеченные полученными на прошлой службе шрамами. В литейнях плавилось железо, чтобы, застыв, приобрести новую форму.

Традиции применения магии в Армаде не были сильны. Но среди пиратов имелись искусные металломаги, и на фабрики отправлялись целые пиратские шайки. Они тесно сотрудничали с инженерами, примешивали к металлу в огромных количествах тайные добавки, чтобы сделать металл более прочным, легким и вязким. Пришлось использовать запасы горного молока, имевшиеся в Саргановых водах. Жидкость оказалась неимоверно тяжелой и плотной. Когда емкости с горным молоком откупорили, оттуда донесся неожиданный запах, напоминающий о пряностях и масле. Было видно, как за стеклом плещется что-то холодное и перламутровое.

Металломаги добавляли в металл строго отмеренные порции горного молока, произнося заклинания, делая пассы над плавящимся ме-

таллом, закручивая его мощными потоками, заряжая, запечатывая его.

После прокатки и ковки металла, после новой серии тайных процедур подлодки начали доставлять компоненты узды для аванка в нужное место под городом. Здесь, совершая замедленные водой движения, орудуя кувалдами и ключами, работала целая армия ныряльщиков, вооруженных еще и хемическими сварочными аппаратами, рассыпавшими в воде красочные искры.

Работы велись невероятные и неожиданные.

Цепи были закреплены на пяти кораблях — на «Псайре» Книжного города, на джхурском «Саскитале», на большом пароходе «Стон портного», столичном корабле Баска, на «Глоссарии» Заколдованного квартала и на «Гранд-Осте» Сарганових вод. От килей и пузатых бортов каждого из этих старых, массивных кораблей отходил металлический крюк размером с огромную церковную дверь, прикрепленный болтами и с помощью магии скрытый из виду. На этих крюках висели звенья цепи, каждое размером с лодку.

Сторожевых акул отпустили. Казалось невероятным, но прежде цепи были скрыты от посторонних глаз. По городу поползли слухи о том, что уже было сделано и что может случиться

теперь. Говорилось, что квартал Баск пытался открепить цепь под своим судном и разрушить тем самым планы Саргановых вод, но крепление оказалось слишком прочным, слишком массивным, слишком хорошо защищенным сильными заговорами.

В большой камере без окон, в чреве «Гранд-Оста», собирался новый двигатель. Ненужные котлы с их плетением огромных труб были сняты, словно прорубили просеку в ржавом лесу. Когда двигатели-призраки исчезли, взгляду открылись два штампованных плоских диска, вделанных в пол. Высотой по пояс и много ярдов в диаметре, они несли на себе следы времени и грязи. Они-то и были концами цепи, прикрепленной к кораблю, — продетыми через корпус, а затем плотно расклепанными много веков назад. Тогда-то в первый раз и пытались поднять аванка.

«*Кто-то уже намеревался сделать это раньше*», — подумал Флорин Сак. Он был ошеломлен объемом работы, магическими процедурами, промышленными операциями, планированием: столько усилий было сделано многие поколения назад, а потом об этом намеренно забыли.

Между двумя концами цепи Флорин Сак и его товарищи и начали сооружать необычный дви-

гатель. Они работали по расчетам, на которые потратил долгие часы Круах Аум.

Флорин внимательно изучил планы. Сконструированный ими двигатель работал, не подчиняясь известным ему законам. Он будет огромным, он наполнит это помещение грохотом поршней и зубчатых колес, приводимых в действие неизвестными Флорину средствами.

Флорин начал работу от основания будущих котлов, вмещающих поршни, и двигался вверх. Он начал с расклепанных цепных концовок, вгрызся в них сверлом, залил расплавами, в которые, пока они еще не застыли, вставил провода толщиной в руку, в резиновой и смоляной оплетке. Провода проходили через трансформаторы размером с ногу Флорина — ребристые колонки из белой керамики — и в гущу кабелей, изоляторов и разностных машин.

Это был механизм усмирения, с помощью которого комплексные энергии будут передаваться по цепи с «Гранд-Оста» на огромную узду и на то, что в ней находится в нескольких милях под поверхностью. Стрекало. Удила и кнут.

Море было прозрачным. Ныряльщики толпились на огромной подводной строительной площадке. Компоненты спускались на кранах с

кораблей-фабрик. Массивная узда обретала свои формы на конце гигантской цепи, по-прежнему закрепленной в нескольких футах под поверхностью; размеры ее вызывали опасливую тревогу, формы были экзотичными и необъяснимыми. Вокруг нее вились красочные морские рыбы, подлодки, мастера креи, рабочие соответствующих профессий и Флорин Сак — все они двигались неторопливо и размеренно, как истинные подводные обитатели.

Иногда по воде проходила вибрация. Опоры платформы «Сорго» исчезали в цилиндрических железных поплавках, которые поддерживали ее под поверхностью, как погружённые корабли. Буровая колонна уходила вниз, теряясь в тоннах и тоннах воды, исчезая там, где она, словно комар, прокалывала морское дно и кормилась.

ГЛАВА 29

Сайлас пришел к Беллис три дня спустя после ее возвращения.

Она ждала его прихода, вечерами то и дело посматривая на дверь, но все же Сайласу удалось удивить ее.

Беллис ужинала с Каррианной. Она питала искреннюю приязнь к своей бывшей коллеге, находя ее умной и не лишенной чувства юмора. Но в то же время, улыбаясь через силу, Беллис понимала, что ее одиночество никуда не делось. «*Разве это удивительно?* — безжалостно обращалась она к самой себе. — *Ты его выхаживаешь, ты его выкармливаешь, ты его творишь*».

Она вспомнила, как обстояли дела в Нью-Кробюзоне, и вынуждена была признаться себе, что ничуть не лучше. Но здесь, по крайней мере, для одиночества имелись основания — оно было топливом для ее жизнедеятельности.

Каррианна хотела в подробностях узнать об острове анофелесов, о погоде, о поведении людей-комаров. В ее интересе слышалась какая-то печаль — хотя Каррианна смирилась с жизнью на Армаде, она уже много лет не ступала на твер-

дую землю, и рассказы Беллис вызывали у нее ностальгию.

Беллис вдруг обнаружила, что ей трудно говорить о недавнем путешествии. Она вспоминала о нем как о чем-то далеком, как об однообразной череде дней, в которых скука и страх порой перемежались яркими эмоциями. О некоторых вещах она, конечно же, вообще не могла говорить. Ее рассказы об анофелесах, о самхерийских пиратах и более всего — о Круахе Ауме были преднамеренно уклончивыми.

Став свидетельницей стычки между Бруколаком и Утером Доулом, Беллис прониклась интересом к правителю Сухой осени. Каррианна ответила на ее вопросы о политической структуре этого квартала, об отряде подручных Бруколака, о кровеналоге.

— Вот тогда-то ты обычно и встречаешься с ним, — сказала Каррианна. Она пыталась говорить обыденным тоном, но Беллис услышала дрожь в ее голосе. — Не всегда. Часто это делают его подручные, но время от времени. Они делают тебе надрезы здесь, или здесь, или здесь. — Она показала себе на бедро, грудь и запястье. — Они смазывают это место антикоагулянтами и перекачивают кровь в колбу.

— И сколько они берут? — в ужасе спросила Беллис.

— Две пинты. Один только Бруколак пьет чистую кровь, остальные должны разбавлять. Говорят, чем больше они пьют, тем сильнее становятся. И хотя Бруколак тщательно отбирает своих подручных, кто-нибудь из них может возжелать власти… Если они пьют обычным способом — прямо из вены, то могут потерять контроль над собой, а убивать они не хотят. И потом, есть опасность заражения через слюну. Так что любой оставшийся в живых, из кого они пили напрямую, может превратиться в их конкурента.

Беллис простилась с Каррианной на границе Сухой осени («Только здесь я и чувствую себя в полной безопасности», — с улыбкой сказала Каррианна) и отправилась домой.

Она могла сесть в такси — ветер был слабый и аэронавты сверху предлагали свои услуги. Два дня назад, когда ее дневная смена с Аумом закончилась, ей без слов вручили пакет флагов и флеронов — гораздо больше, чем ее недельное жалованье в библиотеке.

«*Ну вот, начала работать на Сарганову воды и получила прибавку*», — с горечью подумала она.

Сознание ее тайной главенствующей роли во

всех этих событиях, понимание того, что без нее Армада не была бы там, где она есть, не делала бы того, что делает, угнетало Беллис, хотя на каждом этапе она руководствовалась ясными и чистыми соображениями.

Беллис пошла домой пешком не ради экономии, а чтобы еще раз почувствовать Армаду. Проведя целый день в помещении среди разговоров, которых она не понимала, она чувствовала, что теряет связь с окружающим ее городом. «*А хоть какой-то город лучше, чем никакой*», — сказала она себе.

Она прошла по прохладным тихим улицам Шаддлера, попала в Саргановы воды через «Толпанди». На крышах, стройках, в заброшенных домиках и на мачтах мирно поругивались обезьяны; городские коты плотоядно поглядывали на нее, изредка она видела собак; постоянно мелькали крысы, встречались любители ночных прогулок; Беллис шла мимо курятников, спасательных лодок, проржавевших паровых катеров, переделанных в цветочные клумбы, домов, врезанных в орудийные палубы, голубей, воркующих в стволе двенадцатидюймовой пушки, под деревянными лачугами, встроенными в фор-марсы; она шла в свете газовых фонарей,

флогистонных элементов и масляных ламп, сквозь темноту, окрашенную в различные цвета, протискивалась по узким коридорам влажного кирпича, покрывавшего суда Армады, как налет плесени. Наконец она вернулась в свои комнаты в трубах «Хромолита», где, дожидаясь ее, сидел Сайлас.

Увидев нечеткие очертания фигуры, сидящей в темноте, Беллис испугалась. Она шикнула на него и отвернулась, чтобы дать успокоиться сердцу.

Он разглядывал ее. Глаза у него были большие и спокойные.

— Как ты сюда попал? — спросила она.

Сайлас отмахнулся от этого вопроса, как от насекомого:

— Ты же знаешь, за твоим жильем все еще ведется наблюдение. Я не могу просто прийти и постучать тебе в дверь.

Беллис подошла к нему. Он оставался неподвижен, если не считать лица и глаз, следивших за ее приближением. Она подошла вплотную — вторглась в его пространство — и медленно нагнулась к нему, изучая его, словно некий редкий образец, представляющий интерес для науки. Она делала это нарочито — разглядывала его внимательно и навязчиво. Так смотрят, когда хотят напугать,

сбить с толку.

Когда она наклонилась над Сайласом, словно ведя учет всех его черт, он встретился с ней взглядом и впервые за несколько недель улыбнулся ей — взволнованно и открыто. Она вспомнила, отчего она целовалась с ним, трахалась. Не только от одиночества или тоски, хотя прежде всего из-за них. Были и другие причины, теснее связанные с Сайласом. И хотя он теперь находился рядом, Беллис не испытывала ни малейшего желания прикоснуться к нему. Но даже если о чувстве, когда-то бросившем Беллис в его объятия, осталось лишь воспоминание, она не жалела о том, что случилось.

«*Нам обоим это было нужно,* — подумала она. — *И оно помогло. Правда, помогло*».

Она отвернулась, потрепав Сайласа по затылку. Он принял этот жест доброжелательно.

— И… — сказал он.

— Дело сделано, — ответила Беллис.

Он поднял брови:

— Все так просто?

— Далеко не так просто. С чего ты вдруг взял? Но дело сделано.

Он неторопливо кивнул, говоря бесцветным голосом, словно они обсуждали какой-то акаде-

мический проект.

— И как тебе это удалось?

«*Как это удалось нам?* — молча подумала Беллис. — *И удалось ли? У меня нет никаких свидетельств, никаких доказательств*».

— Сама я никак не могла это сделать, — медленно начала она и тут же хлопнулась на стул, потрясенная вспышкой его гнева.

— *Что-что?* — воскликнул он. — Что за *херню* ты несешь? — Он вскочил на ноги. — Что ты там натворила, *сука* ты недоделанная?..

— А ну-ка *сядь!* — Теперь уже вскочила Беллис, наставив на него трясущийся от бешенства палец. — Как ты смеешь?!

— Беллис… что ты сделала? — Она смерила его гневным взглядом.

— Не знаю, — спокойно сказала она. — Как бы *ты*, интересно, пересек болото, кишащее шестифутовыми комарами. Не знаю, как бы *ты* справился с этим. Мы находились больше чем в миле от самхерийских кораблей… а корабли-то там были, в этом можешь не сомневаться. Не знаю, может, *ты* из расы кактов, или каких-нибудь долбаных струподелов, или еще какой, но в моих жилах течет кровь, и меня они убили бы.

Сайлас не говорил ни слова.

— И вот… — Беллис продолжала, теперь уже размеренным голосом, — я нашла человека, который мог добраться до кораблей, не подвергая себя опасности и не боясь быть обнаруженным. Кробюзонец, который был готов сделать это тайно, чтобы спасти свою первую родину от разорения.

— И ты все ему показала?

— Конечно. Ты думаешь, он пустился бы вплавь в блаженном неведении, положившись только на мои слова?

— Вплавь? Значит, это был Флорин Сак, да? Если бы ты хорошенько постаралась, — сказал Фенек напряженным голосом, — то и тогда не нашла бы никого другого, более *преданного* Саргановым водам.

— И тем не менее он *сделал* это, — сказала Беллис. — Но он и пальцем бы не шевельнул, если бы у него не было доказательств. Я показала ему письма. И да, ты прав, он предан Саргановым водам и не собирается возвращаться в Нью-Кробюзон. Но, черт побери, у него ведь там остались друзья. Об этом ты не подумал? Ты думаешь, ему приятна мысль о том, что гриндилоу могут уничтожить город? Дерьмо небесное!.. Он сделал это ради людей, которых оставил там. Ради своих воспоминаний. Неважно. Он взял коробку, печать,

письма, и я сказала ему, что нужно делать. Это было его последнее «прости» любимому городку, черти бы его подрали. Его, а еще — мое и твое.

Сайлас неторопливо кивал, признавая, что у нее, видимо, не было выбора.

— Значит, ты все ему отдала? — сказал он.

— Да. Но все прошло как надо, без осложнений… Сайлас, мы в *долгу* перед Флорином Саком.

— А он знает, кто я такой? — нерешительно спросил Сайлас.

— Конечно нет. — Напряжение его спало, когда он услышал ее ответ. — Ты думаешь, я так уж глупа? Я помню, что они сделали с капитаном. Я не допущу, чтобы они тебя убили. — Голос ее звучал мягко, но без тепла. Это было подтверждение факта, но не близости.

Сайлас подумал несколько мгновений, и его сомнения, похоже, рассеялись.

— Да, видимо, выбора у тебя не оставалось, — сказал он.

Беллис лишь кивнула в ответ.

«*Ах ты, неблагодарный сукин сын,* — со злостью подумала она. — *Тебя-то там не было*…»

— И ты говоришь, что самхерийцы взяли посылку? Запечатали и согласились доставить? — На его лице появилась свирепая ухмылка. — Мы

сделали это, — сказал он. — Сделали.

— Ну вот, это больше похоже на то, что я ожидала, — язвительно сказала Беллис. — Да, сделали. — Они долго смотрели в глаза друг другу. — Когда, по-твоему, они доберутся до Нью-Кробюзона?

— Не знаю, — сказал Сайлас. — Может, из этого ничего не получится. А может, получится, но мы ничего не узнаем. Мы спасем город, но никогда не узнаем об этом. Может, я всю оставшуюся жизнь проторчу на этом долбаном корыте, ломая голову над тем, как удрать отсюда. Но, черт побери, мы можем гордиться тем, что сделали, — лихорадочно сказал он. — Даже не имея от них ответа, даже не получая благодарности, мы можем довольствоваться тем, что спасли их. Разве нет?

«*О да,* — думала Беллис Хладовин, — *мы можем гордиться. Вполне можем*». Она почувствовала, как на нее нахлынула волна одиночества. Неужели теперь стало хуже, чем прежде? — спрашивала она себя. Неужели может быть хуже? Никогда не узнать? Пройти через столько опасностей и случайностей и отправить это послание на другой конец света, чтобы оно исчезло без следа? Никогда не узнать?

«*Боги,* — с тоской и отчаянием подумала она. —

Неужели это все? Неужели это конец?»

— И что теперь будет? — спросил Сайлас. — Со мной и с тобой?

Беллис пожала плечами.

— А что ты хотел? — В голосе ее слышалась скорее усталость, чем презрение.

— Я понимаю, что все это непросто, — мягко сказал он. — Я знаю, все это оказалось сложнее, чем мы думали. Я от тебя ничего не жду. Но, Беллис… мы с тобой владеем тайной, между нами есть кое-что общее, и я не думаю, что мы были вместе только по этой причине. Я хочу, чтобы мы остались друзьями. Можешь ты себе позволить отказаться от меня? Не иметь никого, кто знает? Знает, что ты чувствуешь на самом деле? Знает, где ты хочешь быть?

Беллис не была уверена в Сайласе до конца, но дело обстояло так, как он сказал: они владели тайной, в которую больше не был посвящен никто. Может она себе позволить потерять его? Наверное, ее ждут долгие годы в этом городе (*ее пробрала дрожь при этой мысли*). Может она себе позволить не иметь никого, кому можно излить душу?

Сайлас поднялся, собираясь уходить, протянул ей руку открытой ладонью вверх и замер в

ожидании.

— А где кробюзонская печать? — спросил он. Этого Беллис и опасалась.

— У меня ее нет, — сказала она. На этот раз он не рассердился, просто неторопливо сжал пальцы и вопросительно поднял глаза — что случилось?

— Это Флорин, — сказала она, готовая к новой вспышке с его стороны. — Он уронил его в море.

— Это же перстень, Беллис, — спокойно сказал Сайлас. — Его можно надеть на палец, и он никуда не денется. Он его не потерял. Он оставил его себе, боги знают зачем. Сувенир из дома? Чтобы потом можно было тебя шантажировать? Одни боги знают. — Он покачал головой и вздохнул. Ее привело в бешенство лицо Сайласа, на котором читалось: «Я тобой разочарован».

— Пожалуй, я пойду, Беллис, — сказал он. — Будь осторожна, не забывай, что за тобой наблюдают. Так что не удивляйся, если я буду приходить и уходить… необычными путями. Прошу прощения.

Он спустился по винтовой лестнице. Беллис слышала, как его подошвы грохочут по металлу: пустой изнутри стук, словно олово ударяет по олову. Она повернулась на этот странный звук, но Сайлас уже исчез. Беллис все еще слышала

слабое постукивание его ботинок по ступеням вблизи нижнего этажа, но видеть его не видела. Он был невидим или уже ушел.

Глаза Беллис слегка расширились, но даже теперь, в его отсутствие, она отказывала ему в почтении.

«*Он теперь приходит и уходит, как крыса или летучая мышь,* — думала она. — *Прячется от чужих глаз. Наверно, прошел курс магии. Поднаторел в маленьких шалостях*».

Однако это все же вывело ее из равновесия и немного напугало. Его исчезновение наводило на мысль об исключительно тонком и сильном колдовстве. «*Я и не знала за тобой таких способностей, Сайлас*», — подумала она. Снова ей пришло в голову, что она его почти не знает. Их разговор был похож на утонченную игру. Несмотря на его слова, несмотря на то, что у них были общие тайны, Беллис чувствовала себя одинокой.

И она вовсе не думала, что Флорин Сак оставил у себя кробюзонскую печать, хотя и не могла сказать почему.

У Беллис было такое ощущение, будто она чего-то ждет.

Человек, обдуваемый ветром, стоит в ожида-

нии на винтовой лестнице высотой со всю эту нелепую дымоходную квартиру. Он знает, что глаза, которые, возможно, следят за квартирой, не в силах увидеть его.

В руке он держит фигурку: ее складчатые точеные формы похожи на слои теста, губы оттопырились по краям округлого, беззубого ротового отверстия, а язык человека еще леденеет от поцелуя. Теперь он становится куда резвее, теперь ему легче принимать холодные прикосновения каменного язычка, и он может направлять энергии, развязанные их бесстрастным совокуплением, куда как более искусно.

Он стоит под углом к ночи в месте, указанном статуэткой, в месте, где позволяет стоять ее поцелуй, в месте или в такой разновидности места, где лучи света пересекаются, делая его невидимым, как не видят его двери и стены, пока он остается любовником этой пахнущей морем статуэтки.

Поцелуй никогда не доставляет ему удовольствия. Но после соединения с каменной статуэткой он получает силу, позволяющую творить чудеса.

Он делает шаг в ночь, невидимый и осмелевший, впитавший в себя тайные энергии; он отправля-

ется искать свое кольцо.

ГЛАВА 30

Армада покачивалась под лучами солнца. Становилось все жарче.

Безумная работа продолжалась, и под водой аванковая упряжь постепенно приобретала окончательную форму. Ее очертания среди балок и деревянных опор напоминали контуры какого-то немыслимого здания. Шли дни, и очертания становились все определеннее, замысловатые шипы и зубцы приобретали вид чего-то реального. Работы продвигались благодаря неимоверным усилиям строителей. Город словно находился на военном положении — все промышленные мощности были задействованы для проекта. Люди понимали, что они с головокружительной скоростью несутся в новую эпоху.

Размеры упряжи поражали Флорина Сака. Ее громада уходила вниз (глубже облака рыб-мусорщиков, постоянно клубившегося под Армадой), а сама она была крупнее любого корабля. Даже «Гранд-Ост» казался рядом с ней карликом — он покачивался над ней, как детская игрушка в ванной. Сбрую предполагалось закончить через несколько недель.

Работа не останавливалась ни на минуту. В темное время суток мерцающий свет хемических огней и сварочных аппаратов привлекал ночных рыб. Они стайками окружали цепи и бригады ныряльщиков, с любопытством, во все глаза взирая на огни.

Упряжь включала подвижные части, соединения, вулканизированные баллоны от старых дирижаблей. На ней были установлены двигатели в герметичных кожухах. Но прежде всего это был громадный ошейник, сегменты которого были больше четверти мили в длину.

Корабли один за другим разбирались, лишались своей начинки и отправлялись в плавильную печь. Флот боевых и торговых судов, окружавших город и его гавани, сильно поредел ради осуществления проекта. Горелки разрезали приносимые в жертву суда, над которыми поднимались облака дыма.

Шагая как-то вечером по кормовой части Саргановых вод к жилищу Беллис, Шекель бросил взгляд вдаль и увидел на границе города наполовину разобранный корабль. Это была «Терпсихория» — ее контуры стали рваными и ломаными, мостик, большая часть надстройки и палуба исчезли, металлическая начинка была

вывезена на фабрики. Это зрелище заставило Шекеля застыть на месте. Он не испытывал особой любви к этому кораблю, он не был расстроен — он был удивлен по причинам, которые и сам толком не мог объяснить.

Он уставился на воду, бурлящую внизу. Трудно было представить, что все это происходит на самом деле, что предпринимаются такие неимоверные усилия, что под городом звено за звеном складываются в немыслимый ряд.

В арсенале Беллис было несколько активных языков. Она с улыбкой вспомнила свои приемы — разработанный ею безымянный метод сегментирования собственной памяти, закрепления внутреннего словаря, языковой транс, в который в последний раз она погружалась в Устье Вара.

Аум быстро осваивал соль. Он оказался способным учеником.

Во время дневных дискуссий с участием Тинтиннабулума и других ученых Аум нередко (к удовольствию Беллис) начинал отвечать на вопрос, прежде чем она успевала его перевести и записать. Он даже стал записывать свои ответы на соли.

С ним такого в жизни не случалось, думала Беллис. Соль стала для Аума первым языком, в

котором он обнаружил устную и письменную составляющие. Он даже и представить себе не мог, что на верхнекеттайском можно *говорить* — сама идея этого казалась ему бессмысленной. Слышать вопросы на соли и записывать ответы на том же языке — еще недавно он считал, что так не бывает, но довольно быстро избавился от собственных заблуждений.

Беллис не питала теплых чувств к Круаху Ауму. Его постоянное любопытство, широко распахнутые глаза, за которыми она чувствовала сильный характер, утомляли ее. Это был блестящий и скучный человек, чья культура превратила его в некое подобие вундеркинда. Беллис воодушевляла скорость, с какой Аум постигал армадский язык, и она подозревала, что скоро в ее услугах не будет нужды.

Каждый день ее окружали соль и верхнекеттайский.

Ее собственная голова была царством рагамоля. Она никогда не принадлежала к той категории лингвистов, что думают на том языке, которым пользуются в данный момент. Сайлас был единственным человеком, с которым Беллис — в те редкие минуты, когда видела его, — говорила на родном языке.

В один прекрасный день в ее жизнь вдруг вошел четвертый язык — тишшна, более известный как мертвяцкий. Язык Великого Кромлеха.

Она так до сих пор и не понимала, по каким причинам Утер Доул заговорил с ней о языке его родины. После очередного урока Беллис с Аумом Доул спросил у нее, нравится ли ей изучать новые языки, и Беллис откровенно сказала ему, что нравится.

— А вы бы хотели послушать, как звучит тишшна? — спросил он. — Мне нечасто приходится говорить на родном языке.

Беллис в недоумении согласилась. В тот вечер она пошла с Доулом в его комнату на борту «Гранд-Оста».

Звуки тишшны рождались в гортани, произносились резко, шумы проглатывались. Звуки перемежались точно синхронизованными паузами с не менее важной смысловой нагрузкой. Доул предупредил Беллис, что в тишшне много странных особенностей. Он напомнил ей, что у многих танатийских джентри рты зашиты, а у других голосовой аппарат успел разложиться и не действует. Существовали разновидности тишшны, на которых говорили с помощью жестов и глаз, были и письменные формы.

Беллис очаровал этот мягкий язык и заворожили манеры Утера Доула. Декламируя несколько пассажей текста, похожего на поэтический, он был на свой сдержанный лад полон воодушевления. Беллис поняла, что ее позвали не изучать язык, но оценить его в качестве слушателя.

В компании Доула она по-прежнему испытывала опасения — вкупе с другими чувствами. Вкупе с приятным волнением.

Он без слов протянул Беллис стакан вина. Она увидела в этом приглашение остаться, села, пригубила вино, в ожидании оглядела комнату. Она полагала увидеть что-то вроде тайной крепости, но Доул жил в каюте, похожей на тысячи других. Обстановка была довольно аскетичной — стол, два стула, окно со ставнями, сундук, одна гравюра на стене. Под окном стоял стеллаж со всевозможным оружием, знакомым и незнакомым Беллис. А в углу находился сложный музыкальный инструмент со струнами и клавишами, являвший собой гибрид аккордеона и арфы.

Когда в молчании прошла целая минута, Беллис заговорила.

— Я с большим интересом выслушала историю вашей юности, — сказала она. — Признаюсь, прежде, до знакомства с вами, я даже не была

уверена в существовании Великого Кромлеха. До меня доходили слухи о земле мертвых и поражении, нанесенном Кромлехом империи Призрачников, а вот дальше — дальше я сбилась со следа, — у нее не было опыта в том виде юмора, какой она теперь попыталась опробовать, однако Доул поднял брови: мол, ее попытка оценена. — Я была бы рада, если бы вы рассказали, что случилось с вами после того, как вы покинули Великий Кромлех. Я, кажется, не встречала еще никого, кто столько путешествовал бы по миру. Вы когда-нибудь бывали в…

Она замолчала, внезапно разволновавшись, и Доул ответил ей.

— Нет, я никогда не бывал в Нью-Кробюзоне, — сказал он; Беллис показалось, что он раздражен — на свой скрытный, молчаливый манер. — Вы, похоже, не до конца верите тому, что я рассказал вам о моем мече, да? — внезапно сказал он. — Я вас не виню. Просто он не так стар, как вы думали. А что вам известно об империи Призрачников, мисс Хладовин?

— Очень немного, — призналась она.

— Но вы, конечно, знаете, что ее обитатели не принадлежали ни к человеческому роду, ни к хепри, водяным, велиям или вообще какой-ни-

будь расе. Они не были ксениями в том смысле, который мы обычно вкладываем в это слово. Все книги и описания, которые могли попасться вам на глаза, ложны. Вопрос «Как они выглядели?» не имеет прямого ответа. Но это оружие, — указал он на свой пояс, — настолько явно предназначено для человеческих рук, что вы могли бы счесть мои слова о его происхождении ложью.

Беллис вообще не задумывалась о форме Меча возможности, и Утер Доул, видимо, догадывался об этом.

— Вы видите не меч, — мягко продолжал он. — Вы видите только одну его сторону. Он ситуативен, как и многое из созданного Призрачниками. Вы, видимо, читали Имперский канон. Пусть и в переводе с перевода, пусть и со всеми их дополнениями, пропусками и комментариями, вы не могли не заметить несколько совершенно необычных вещей. В особенности Ковертиану. — Он отхлебнул вина. — Некоторые части, видимо, относятся к первым дням после прибытия Призрачников в Бас-Лаг, еще до основания империи. — Он подмигнул Беллис. — Ну конечно, — сказал он, словно отвечая на ее возражения, — *Прибытие*. Призрачники — гости из другого мира.

Беллис знала эти мифы.

— Там есть один фрагмент… — Доул задумался (и Беллис в ужасе поняла, что его музыкальный голос убаюкивает ее), — «Верши дня». Возможно, вы с ними знакомы? «Устрашающее, огнеметное плавание по долине миров мимо светил, огней в слепоте ночи…» Это описание путешествия Призрачников из… их мира в Бас-Лаг. В чреве металлической рыбы, плывущей в темном море звезд. Но самое интересное — это описание их дома, места, откуда они прибыли. Толкователи перепутали его с адом.

Утер Доул уселся на свой сундук и замолк на некоторое время.

«*Уж не поэтому ли я здесь?* — подумала вдруг Беллис. — *Уж не это ли он хочет поведать мне?*» Он был словно мальчишка, желающий ее присутствия, но не знающий, что с ней делать.

— Там говорится об одном утре, когда «железо пролилось с небес, и встала стена огня», — сказал он наконец. — «горизонт на востоке полыхал таким огнем, что, даже со дна моря, можно было ослепнуть, пылал таким жаром, что загорался воздух, вспыхивали горы, плавился металл. Там было гораздо, гораздо жарче, чем в самом сердце литейни. Началось утро, и мир загорелся…

За считанные минуты поднялась стена огня и окружила их, встала над головами, затмила небо и выжгла каждый атом газа в воздухе. Прошло еще несколько минут, и огонь сжался до такой степени, что его кромки стали видимы, и оказалось, что он имеет форму диска. И жара начала понемногу спадать, хотя океаны все еще были толщей расплавленного металла…

Время шло, и огонь в небесах уменьшился, сместился на запад. К полудню диск сжался еще больше и стал всего лишь солнцем на дальнем горизонте. В полдень он был еще меньше, а земля стала очень холодной…

Солнце сжалось и откатилось на запад, и мир погрузился в долгие, затянувшиеся сумерки, и обиталище Призрачников стало холоднее Инеистого океана. К ночи небо почернело, а солнце стало всего лишь подвижной звездой…

И наступил *холод* — стало холоднее, чем это можно себе представить. Мир закутался в одеяла льда и инея — сами газы, сам эфир вздыбились ледяными горами и стенами, затвердели так, что стали прочнее камня.»

Он слегка улыбнулся, посмотрев на Беллис.

— Таков был дом Призрачников. Представьте себе, какие существа могли жить, могли выжить

в таком месте. Как они, должно быть, искали отдохновения. Поэтому-то они и оставили свой дом.

Она ничего не сказала.

— Вы понимаете, что я имею в виду, говоря о Ломаной стране? — спросил он.

Беллис нахмурилась, потом кивнула.

— У нас в Нью-Кробюзоне это называется… — Она не сразу подыскала перевод. — Гипотеза Треснувшей земли. У меня когда-то был друг, занимался наукой. Он любил поговорить о таких вещах.

— Ломаная страна, лежащая за невероятным морем, — сказал Доул. — Я в юности потратил немало времени, изучая мифы и космогонию. Треснувшая земля, страна Призрачников, «Верши дня»… Призрачники явились к нам с восточной оконечности Вселенной. Они миновали каменные глыбы, вращающиеся в небе, — еще один мир, более хрупкий, чем наш, на бескрайнем плато, — и пробрались сюда, на землю столь благодатную, что она могла показаться им раем — бесконечное мягкое утро. И физические законы здесь отличались от законов их земли. Природа этого мира была спорной… Некоторые говорят, что их приземление сопровождалось

таким выбросом энергии, что вполне можно было разбудить хаос Вихревого потока, прямо над местом перехода. Это сказки. Но их прибытие и в самом деле было достаточно бурным, чтобы распороть мир, саму реальность. Треснутая земля была реальна и была их творением. Если ты разбиваешь что-то, содержимое прорывается наружу… Покинув свой первый дом, я несколько лет изучал этот разлом. Искал методы и инструменты, которые позволили бы понять его. А когда я оказался здесь, Любовники увидели в моих знаниях то, что я и вообразить не мог… Представьте себе мощь Призрачников, их науку, их магию. Представьте, что они могут совершить, что они уже совершили с нашим миром. Вы видите масштаб катаклизма, вызванного их прибытием. Не только в физическом, но и в онтологическом смысле. Приземлившись, они взломали не только поверхность мира, но и его законы. Что уж тут удивляться, если мы со страхом произносим название империи Призрачников?

«*И все же,* — шевелились в голове Беллис еретические мысли, — *и все же именно мы урезонили Призрачников: Волхвосстание, а потом Кожесброс. Какими бы слабыми мы ни были*».

— Говорят, что именно вы возглавляли Волх-

восстание, — сказала она.

— Ничего я не *возглавлял*, — на удивление резко сказал Доул. — И ничего с тех пор. Я солдат, а не вожак. Великий Кромлех… это кастовый мир. Вы выросли в торгашеском городе, так что для вас это само собой разумеется. Вы понятия не имеете о *свободе* продавать свои услуги, делать то, что требует от вас наниматель. Никакой я не вожак.

Утер Доул пошел с ней по коридорам «Гранд-Оста».

Когда он остановился на одном из множества пересечений, Беллис на мгновение показалось, что он сейчас поцелует ее, и глаза ее расширились. Но это не входило в его намерения.

Он приложил палец к губам.

— Я хочу, чтобы вы узнали кое-что о Любовниках, — сказал он.

— А как их зовут? — спросила Беллис, чувствуя усталое раздражение. — Меня уже тошнит от этой… таинственности. Не верю, что вы не помните.

— Помню, — сказал Утер Доул. — Конечно помню. Но их прежние имена не имеют никакого значения. Теперь они — Любовники. Лучше вам запомнить это.

Доул повел ее на нижние палубы, где не бы-

ло ни звуков, ни патрулей. «*Это еще зачем?*» — думала Беллис, взволнованная и испуганная. Теперь они находились в темной и очень тихой части корабля. Здесь не было окон — Доул и Беллис спустились ниже ватерлинии, в те уголки корабля, куда давно никто не наведывался.

Наконец Доул нырнул под лабиринт труб и провел ее в маленькое помещение — не комнату, скорее закуток. Стены, пол — все здесь было покрыто пылью, краска шелушилась.

Доул поднял палец перед губами Беллис.

Она понимала, что тому, кто тайно действует против Сарговых вод, не стоит попадать в зависимость от Доула, заводить с ним *дружбу*. «*Что я здесь делаю?*» — подумала она.

Утер Доул поднял палец к потолку, находившемуся всего в паре дюймов над его головой, и выразительно наклонил голову. Прошло несколько секунд, прежде чем Беллис что-то услышала, а когда услышала, то не сразу поняла, что это такое.

Голоса. Приглушенные слоями воздуха и металла. Полузнакомые. Беллис задрала голову. Теперь она почти разбирала слова. Это было случайно обнаруженное место для подслушивания. Благодаря причудливому сочетанию конструкции и

материалов звуки из помещения наверху проникали (по трубам, полым стенам?) через потолок.

Голоса из помещения наверху.

Комната Любовников.

Беллис удивленно вздрогнула. Она слышала голоса Любовников.

Медленно и осторожно, словно те каким-то образом могли увидеть ее, Беллис выгнула шею и прислушалась.

Слова, произносимые с быстрыми придыханиями, перескакивали через регистры. Звуки. Кошачьи, просящие, довольные. Вздохи сексуальной близости, боль, другие сильные эмоции. И слова, проникающие сквозь металл.

…мой… скоро… жарь… да и… режь… здесь… моя… режь… да, да…

Да.

Слова многократно повторялись. Беллис отшатнулась от них — физически, буквально, отошла в сторону от слабой точки в металле. Слова, звуки произносились быстро нараспев и были так насыщены страстью и желанием, то их приходилось обрубать, иначе они превратились бы в бессловесный визг.

режь да мой режь

Два потока слов, мужской и женский голоса,

накладывающиеся друг на друга, переплетающиеся, неразделимые — их ритмы неразделимы.

«*Джаббер милостивый!*» — подумала Беллис. Утер Доул бесстрастно смотрел на нее.

«*Режь, и режь, и жарь, и режь!*» — думала она, в ужасе направляясь к двери. Она думала о том, чем эти двое занимались в своей комнате всего в нескольких футах от нее.

Доул повел ее прочь из этой жуткой норы. Они миновали слои металла, вышли на ночной воздух. Доул по-прежнему не говорил ни слова.

«*Что же это ты делаешь?* — думала Беллис, глядя ему в спину. — *Зачем ты мне это показал?*»

В его манерах ничто не говорило о похоти. Беллис не могла этого понять. Сдержанный, красноречивый и официальный, в собственной комнате он был только рассказчиком — посвящал ее в необычные истории, излагал разные теории. А здесь, в этих коридорах, превратился в проказливого мальчишку, который нашел себе укрытие и прячется в нем. С невысказанным, неописуемым бахвальством, какого можно ждать от ребенка, Доул провел ее в свою насиженную берлогу, открыл ей свою тайну. И Беллис не могла понять, зачем.

Ее била дрожь при воспоминаниях об этих похотливых выкриках, о проявлениях страсти Любовников. А может быть, и любви. Она думала об их шрамах, надрезах. Кровь и рассеченная кожа, любовная лихорадка. Тошнота подступала к горлу. Но Беллис приводило в ужас не кровопролитие, не их ножи и не то, что они делали. Вовсе не это. Такие мелочи вовсе не волновали ее — это она могла понять.

Тут появлялось кое-что еще. Сами эмоции, напряженный, головокружительный, тошнотворный пыл, который Беллис слышала в их голосах, — вот что нагоняло на нее страх. Они пытались слиться воедино, рассечь себя и истечь кровью друг в друга. Они разрушали свои личности ради чего-то очень далекого от секса.

Эта безумная страсть со стонами, которую они считали любовью, на взгляд Беллис, была сродни *мастурбации* и вызывала отвращение.

Беллис приходила от этого в ужас. Тошнота, страх и ужас — вот что вызывала у нее эта страсть.

ГЛАВА 31

Днем Шекель был свободен.

Как и большинство молодых бездельников, ошивавшихся у причалов Базилио, Шекель зарабатывал на жизнь тем же способом, что и в Нью-Кробюзоне: исполнял поручения, доставлял послания и товары, смотрел, слушал и запоминал ради случайной горсти монет от временного нанимателя. На соли он теперь говорил бойко и разборчиво, если не сказать свободно.

Чуть больше половины вечеров он проводил с Анжевиной, — та жила на «Касторе» Тинтиннабулума, под колокольней. Часто она возвращалась довольно поздно, потому что Тинтиннабулум засиживался со своими коллегами, Круахом Аумом, Беллис и Любовниками, и Анжевина приносила ему книги и документы из библиотеки или из его секретной лаборатории на корме «Кастора». Возвращалась она усталой, и Шекель утешал ее ужином и неумелым массажем.

Анжевина не особо распространялась о проекте «Аванк», но Шекель чувствовал ее напряжение и воодушевление.

Остальные вечера он проводил в том месте,

которое все еще считал своим домом и делил с Флорином Саком.

Флорин, как и Анжевина, участвовал в работах по проекту, а потому нередко задерживался допоздна. Но если он был дома, то охотно говорил о том, что делает. Он рассказывал Шекелю о необыкновенной уздечке, уходящей в чистую воду, о стайках ярких тропических рыб, проплывающих туда-сюда сквозь отверстия в звеньях, которые уже успели обрасти водорослями и цепкими моллюсками. По ночам сбруя подсвечивалась холодным светом. После долгих часов работы — сварки, испытаний, обсуждений, попеременно действуя как конструктор, бригадир и монтажник, Флорин чувствовал себя обессиленным и очень счастливым.

Шекель убирал комнаты, наводил порядок. Если он не готовил для Анжевины, то готовил для Флорина.

Его снедало беспокойство.

За две ночи до этого Шекель, ночуя в своем первом доме на корабле-фабрике, внезапно проснулся после полуночи, сел и замер, прислушиваясь.

Он оглядел комнату, в которой царил полумрак, лишь слегка рассеиваемый огнями и звездами за

окном, — стол, стулья, бадья, тарелки, кастрюли, пустая кровать Флорина (*опять работает за полночь*). Но даже и в таких сумерках спрятаться было негде, и Шекель прекрасно видел, что он здесь один.

И в то же время чувствовал — не один.

Шекель зажег свечу. Никаких необычных звуков, огней или теней, но ему по-прежнему казалось, что всего миг назад он видел или слышал что-то — снова и снова, словно его воспоминания обгоняли его, напоминая о том, что еще только должно было случиться.

Наконец он снова улегся спать и проснулся лишь со смутным чувством того, что ночью его посетили дурные предзнаменования. Но на следующий вечер то же ощущение чьего-то вторжения повторилось с приходом темноты, задолго до того, как Шекель лег спать. Он стоял (молча, сосредоточившись и, наверное, с дурацким видом) и неуверенно оглядывался. Кажется, эта одежда лежала в другом месте. И эта книга. И эти тарелки.

Внимание Шекеля быстро перемещалось между предметами, между стопками и грудами вещей, глаза его бегали, словно он следил за кем-то, кто двигался по комнате, прикасаясь к вещам,

по очереди переворачивая их. Шекеля обуяли злость и страх одновременно.

Он хотел было бежать, но преданность Флорину заставила его остаться. Он зажег лампы и принялся громко напевать, потом начал готовить — шумно и быстро — и занимался этим до возвращения Флорина, который, к счастью, пришел в этот день еще до того, как звуки за окном стихли.

К облегчению и удивлению Шекеля, когда он заговорил о своих странных ощущениях, Флорин прореагировал серьезно и с интересом.

Он оглядел крохотную комнату и тихонько пробормотал:

— Особенное времечко, приятель.

Несмотря на усталость, он поднялся и прошел по комнате путем, описанным Шекелем. Он трогал предметы, мимо которых проходил, внимательно их разглядывал, мурлыкал себе под нос и потирал подбородок.

— Не вижу никаких следов, Шекель, — сказал он, по-прежнему вглядываясь внимательно. — Особенное времечко. Сейчас самые разные типы пускают в ход самые разные штуки — ложь, слухи и вообще Джаббер знает что. Пока те, кто выступает против Саргановых вод и проекта,

не заявляют об этом слишком громко. Они сделают это попозже, я даже не сомневаюсь. Но может быть, есть и такие, кто иными способами пытается помешать осуществлению проекта. Я тут не ахти какая шишка, дружище Шекель, но известно, что я летал на остров и что я участвую в создании узды. Может быть, кто-то пробрался сюда, чтобы попытаться… ну, не знаю… как-то помешать. Найти что-нибудь, что может усилить их позиции. Но я не так уж глуп, чтобы держать здесь чертежи. Люди устали. Дела продвигаются слишком быстро. Словно сами по себе. — Он оглянулся еще раз, потом поймал взгляд Шекеля. — Мне хочется сказать: пускай себе. Если ты прав, если пока они ничего не берут и не трогают нас, то пошли они в жопу. Меня это не пугает.

Он улыбнулся — мол, мне море по колено.

— И все-таки… — тихо отозвался Шекель, — все-таки…

Когда на следующий день Шекель рассказал о своих ощущениях Анжевине, она почти слово в слово повторила то, что сказал Флорин Сак.

— Может, в этом что-то и есть, — неторопливо сказала она. — Сейчас, видишь ли, странное время. Люди возбуждены, некоторые испуганы. По-моему, любовничек, невидимые пришельцы

— не самое странное из того, что нам предстоит увидеть в несколько следующих недель. Фабрики работают над уздечкой день и ночь, и люди начинают ворчать. Ни времени, ни людей для других работ нет, никакие запасные части, никакие металлические изделия не выпускаются. «Эта буровая платформа выкачивает столько энергии, — говорят люди, — не пора ли использовать ее для *нашей* выгоды? Сколько еще нужно этому треклятому аванку?..» А ему нужно немало. Ему нужно до хрена — сейчас и всегда. — Она встретилась с ним взглядом и взяла его за руку. — А все эти недовольные голоса — в Баске, Дворняжнике, больше всего в Сухой осени, но и вообще повсюду — будут звучать все громче. Когда только люди поймут, что нефть и горное молоко нужны на вещи поважнее, чем их мелкие делишки?

Говорила она рассеянно, вспоминая слышанные ею обрывки разговоров Тинтиннабулума, и Шекелю оставалось только согласно кивать.

— Они уже появились, эти смутьяны, — продолжала она свои размышления. — Вордакин в Дворняжнике, Саллоу в Баске. Таинственный Саймон Фенч. Листовки, граффити, слухи. У хороших людей тоже есть сомнения. Я слышала, что Хедригалл, который предан властям до мозга

своих деревянных костей, даже *знает* этого Фенча, а иногда и выпивает с ним. Когда аванк будет вызван, увидишь, как люди загорятся. Такое замечательное событие никого не оставит равнодушным. Но это будет еще не конец, Шекель, можешь мне поверить.

Крум-парк расцвел в обжигающей жаре случайного тропического лета Армады.

Когда Беллис в последний раз приходила сюда, все было зеленым, влажным и буйным и пахло живицей. Теперь над зеленью господствовали весенние и летние цвета: под ногами ковер из быстроцветов, наверху, то там, то здесь — еще не отошедшие от зимы верхушки деревьев. Первые яркие летние цветы соперничали с разноцветными сорняками, кизилом и фиалками. На деревьях кишели мелкие существа.

Беллис пришла в парк не с Сайласом, а с Иоганнесом Тиарфлаем и потому испытывала забавное ощущение — будто она ведет себя как неверная жена.

Она пошла своим излюбленным маршрутом, по бывшему коридору между каютами: теперь это был каньон, поросший плющом. Из стен торчали страстоцветы, разбитые окна были почти не видны за переплетением корней. Там, где

прежние каюты — ныне холмы — переходили в травянистую поверхность и тропинка открывалась солнцу, начиналась кромка остролистой жимолости, в зарослях которой гудели пчелы.

«*Чудесные минуты,* — осторожно подумала Беллис. Иоганнес, робкий и удивляющийся, шел следом за ней. — *Но тебе сейчас придется все испортить, Иоганнес, тебе придется заговорить*».

Прошло еще несколько минут среди цветов и травы, когда единственным звуком было вибрато теплолюбивых насекомых, и он таки нарушил молчание.

Они долго говорили о работе, ведущейся под городом.

— Я спускался несколько раз в подлодке, — сказал ей Иоганнес. — Это что-то необыкновенное, Беллис. Просто поразительно, с какой скоростью ведутся работы.

— Ну, я видела, как быстро разобрали «Терпсихорию», — откликнулась Беллис. — Так что могу себе представить.

Иоганнес разговаривал с ней настороженно, но ему хотелось вернуть утраченную теплоту. Беллис чувствовала, что он тянется к ней, стараясь объяснить для себя любую резкость с ее стороны.

— Вы почти ничего не рассказали мне об остро-

ве, — заметил он.

Беллис вздохнула:

— Трудно там пришлось. Мне совсем не хочется вспоминать об этом.

Но все же она добавила кое-что к сказанному прежде — поведала об ужасающей жаре, о постоянном страхе, о тихом любопытстве анофелесов-мужчин и дьявольском аппетите их подруг.

Иоганнес пытался успокоить ее. Беллис спрашивала себя: неужели он и в самом деле считает себя человеком тонким и проницательным?

— Вчера забрали Аума, — продолжила она, и Иоганнес испуганно посмотрел на нее. — Несколько недель я обучала его соли, только и всего. Он учится с пугающей быстротой. Записывает все, что я говорю, — он уже накопил столько знаний, что хватит на учебник. И все же я думаю что он пока не может общаться без моей помощи. Но вчера днем, когда мы закончили работу с Тинтиннабулумом и комитетом инженеров, его увели и сказали, что некоторое время в моих услугах не будет нужды… Вероятно, Тинтиннабулум думает об успехах Аума лучше, чем я. А может, кто-нибудь из других специалистов по верхнекеттайскому приобрел достаточно опыта

и теперь может заменить меня. — Беллис сказала это с высокомерной ухмылкой и Иоганнес рассмеялся. — Некоторое время они говорили, что я должна как можно скорее научить его бегло общаться на соли, что он нужен для работы в проекте, к которому я не имею никакого отношения. Они пытаются избавиться от меня.

Она повернулась к Иоганнесу и встретила его взгляд. Они были одни на полянке, окруженной деревьями и кустами шиповника, цветущего чахлыми весенними цветами.

— В моих услугах больше нет нужды, и я рада этому, потому что дьявольски устала. А работа Аума, похоже, только начинается. И увели его не те, к которым я уже привыкла, а Утер Доул и какие-то люди, — я никогда их не видела. Не знаю, что у них на уме. Но, видимо, с вызовом аванка дело не закончится.

Иоганнес отвернулся от нее и потрогал пальцем цветок.

— Вы только теперь это поняли, Беллис? — тихо сказал он. — Конечно же, вы правы. Этим дело не закончится. Учитывая громадность того, что мы пытаемся сделать с аванком, трудно себе представить, но, может быть… это только *прелюдия* к тому, что замышляется на самом деле. Не знаю.

Решено, что моего участия дальше не потребуется. Знаете, — добавил он, — это ведь чистая удача, что я получил здесь работу.

«*Удача?*» — недоуменно подумала Беллис.

— Среди посвященных, — продолжал он, — тех, кто видел старинные цепи, уже не одно *десятилетие* ведется дискуссия о том, как Армаде вызвать аванка. Но Любовники не обращали на них внимания, годами не проявляли интереса к этому проекту. Так мне рассказывали… Но все изменилось, когда в городе появился Доул, появился, чтобы работать на них. Я не знаю, что он сделал или сказал им, но вдруг проект «Аванк» воскресили. Он сказал им что-то такое, отчего они решили вернуться к старым планам впервые с того времени, когда были сделаны эти цепи, и никто не знает, когда и как это случилось… И вот после всего этого моя работа завершилась. Они стали решать другие проблемы.

«*Завидует,* — поняла Беллис. — *Дали пинка, выбросили на помойку, послали куда подальше*». Работа Иоганнеса и сам Иоганнес были необходимы для вызова аванка, но для последующих планов он не требуется.

Легонько, осторожно Беллис запустила палец в его рану. Мгновение за мгновением, пересыпая

свои исследования бессмысленными подробностями.

В гневе Иоганнес был готов серьезно рассуждать о сомнениях, которые возникали в связи с планами Любовников.

Они шли по деревянному судну, минуя переделанные трубы и надстройки, и Беллис подкармливала негодование Иоганнеса, ведя свой робкий, осторожный допрос, понемногу выведывая подробности.

Начав слушать, Беллис узнавала все те же имена, все те же, что и везде, сплетни. Поверхностный слой преданности Армаде оказался тонок. Тревоги и противоречия теперь были ясно различимы, как структура дерева под лаком.

Беллис с испугом поняла, что несогласные голоса раздаются не только в верхах Баска и Дворняжника. Сомнения посещали и кое-кого из давних и преданных слуг Саргановых вод, связавших себя с отступниками.

Согласие в квартале Любовников, насколько она поняла, вовсе не было таким уж прочным. И, как Беллис отчасти и предполагала, одно имя чаще всего повторяли, чаще всего связывали с растущим недовольством. Саймон Фенч.

Беллис принялась его искать.

Она спрашивала всех своих знакомых о Саймоне Фенче. Каррианна пожала плечами, но сказала, что будет держать ушки на макушке. Иоганнес отвел взгляд и ничего не ответил. Шекель во время одной из их редких встреч кивнул.

— Да, Анжи о нем упоминала, — сообщил он.

Беллис, притворяясь, что ей это не сильно интересно, попросила его узнать побольше.

Ее просьба передавалась на уличных перекрестках юнцами, которые, отирались у релингов, стреляли из катапульт по городским обезьянам или сидели в барах, поигрывая в кости и соревнуясь в силе рук. У этих мальчишек и девчонок были свои друзья, свои контакты, люди, совавшие им монетки и кормившие в обмен на мелкие услуги. Вопрос Беллис передавался среди них, от одного к другому, в питейных заведениях Саргановых вод, Шаддлера, Книжного города, квартала Ты-и-твой.

В Нью-Кробюзоне все, что не регулировалось законом, было запрещено. В Армаде дела обстояли иначе. Ведь это же был пиратский город. Власти сквозь пальцы смотрели на все, что не угрожало городу напрямую. Послание Беллис, как и другие тайны, не нужно было прятать от чужих ушей, как пришлось бы сделать в Нью-Кробюзоне, что-

бы не вмешалась милиция. Напротив, оно легко и быстро распространялось по шумному городу, оставляя едва заметный след для тех, кто умел видеть.

— Ты меня искала.

Сайлас стоял у кровати Беллис. Она еще не раздевалась — сидела, подняв колени и читая в свете газовой лампы. Мгновение назад она была здесь одна.

«*Снова магия, Сайлас?*» — подумала она.

Был вечер десятого струпня, последний день кварто морской черепахи, праздник. На улицах было шумно, кричали и смеялись пьяные. Улицы и корабли были украшены флагами, в небе расцветали фейерверки, рассыпались конфетти (но работа под водой по-прежнему продолжалась).

— Искала, — сказала она.

— Тебе нужно быть осторожнее. Не стоит афишировать свои связи с несогласными.

Беллис рассмеялась.

— Джаббер, мать его, Сайлас. Ты бы познакомился со списком твоих — или мистера Фенча — предполагаемых друзей. Там есть рыбы куда крупнее, чем я. Ты что, и правда выпиваешь с Хедригаллом? — (Он не ответил.) — Так что, думаю, мной никто особо интересоваться не будет.

Они спокойно разглядывали друг друга. «*Сколько раз мы уже делали это?* — безнадежно подумала Беллис. — *Тайные общения — за чаем, в моей комнате, по ночам, дискуссии о том, что мы знаем и чего не знаем?..*»

— Они что-то надумали, — сказала она, и собственный заговорщицкий тон вызвал у нее горький смех. — Аванк — вовсе не конечная цель. Аум с сумасшедшей скоростью изучает соль, и его уже отрядили на какой-то новый секретный проект. Даже некоторые из ученых отлучены от работ. В центре всего этого — Тинтиннабулум, Любовники, Аум, а теперь будет участвовать и Утер Доул. Они что-то замышляют.

Сайлас кивнул. Он, несомненно, уже знал.

— И? — спросила Беллис. — Что же это такое?

— Не знаю, — сказал он, и она не поняла, верит ему или нет.

— Если мы сообразим, что они надумали, — сказала она — то, может быть, нам удастся выбраться отсюда.

— Откровенно говоря, — медленно сказал Сайлас, — я не могу сообразить, в чем их план. Но если узнаю, конечно, сообщу тебе.

Они изучали друг друга.

— Кажется, Утер Доул обхаживает тебя, — про-

должил он.

Он не пытался этим досадить Беллис, но его ухмылка была ей неприятна.

— Я не знаю, *что* он делает, — резко отозвалась она. — Иногда мне так и кажется — да, он меня обхаживает. Но если так, то, боги милостивые, он совсем разучился это делать. Иногда мне кажется, что у него другие мотивы, но понять их я не могу.

Снова молчание. За окном завопил кот.

— Скажи мне, — попросила Беллис, — это ведь твой мир: есть ли какая-нибудь серьезная оппозиция этому проекту? Только по-настоящему *серьезная*. А если есть, нельзя ли ею воспользоваться, чтобы выбраться отсюда? Может это нам помочь?

«*Что же у меня на уме на самом деле?* — спрашивала она себя. — *Мы отправили послание домой. Мы спасли Нью-Кробюзон, Джаббер его раздери. Больше ничего сделать нельзя. Побеждать некого. Нет никого, кого можно было бы убедить доставить нас домой*».

Что бы ни говорил Сайлас о попытках побега, то, как он проникал в глубинный мир Армады, исчезал из виду, стал Саймоном Фенчем, сплел для себя паутину сделок, слухов, услуг и угроз, — все

это было тактикой выживания. Сайлас приспосабливался.

Делать Беллис было нечего. Никаких заговоров, никаких тайных планов, к которым можно примкнуть.

Ей все еще снилась та река между Нью-Кробюзоном и Железным заливом.

«Нет, — яростно, непреклонно думала она. — Какой бы ни была правда, как бы все ни обстояло, каким бы безнадежным ни казалось мое дело, я не собираюсь сдаваться и отказываться от побега».

Ей не без труда удалось привести себя в это состояние холодного бешенства, жажды побега, и выйти из него теперь было бы невыносимо.

И она не давала этому «нет» замолкнуть — оно постоянно звучало в голове Беллис, и никакие сомнения не могли заглушить его.

Она проснулась на следующий день, посмотрела в окно, за которым гулял теплый ветер; еще не пришедшие в себя, мучимые похмельем уборщики выгребали с улиц и палуб мусор, оставшийся после вчерашнего веселья. Они выметали горы пыли, цветных бумаг, всевозможных маскарадных одеяний, причиндалы наркоманов.

Желтоватые языки пламени на вершине «Сорго» погасли. Платформа бездействовала, добытые

ею нефть и горное молоко были закачаны в хранилища. За городскими крышами было видно, как к городу, словно металлические опилки к магниту, устремляются пароходы, буксировщики, низко сидящие промышленные корабли. Беллис наблюдала, как работают их команды, как суда снова берут Армаду на буксир.

Наконец все вспомогательные корабли взяли курс на юго-восток. Из труб повалил черный дым, бешено закрутились колеса, машины стали поглощать огромное количество украденного угля и всего, что может гореть. Армада с ужасающей медлительностью тронулась с места.

Внизу в прозрачной воде продолжали свою работу ныряльщики. Продолжалась и разделка кораблей — их раздевали один за другим и отправляли на переработку. Между кузнями и остовами приговоренных судов курсировали дирижабли.

Громадную уздечку, спрятанную под волнами, шевелили слабые течения. Движение Армады было почти неощутимым — миля-две в час.

Но оно не прекращалось, город постоянно двигался. Беллис знала, что, когда они доберутся до места назначения, когда будут спущены цепи, когда пустят в ход магические процедуры, все

переменится. И снова она слышала себя, свое «нет», свое несогласие, отказ признать Армаду своим домом.

Шли дни, нужда в Беллис возникала все реже и реже. Ее переводческие сидения с инженерами теперь почти прекратились, потому что бригады, занятые созданием узды, проводили бесконечные часы за работой, решали одна за другой технические проблемы. Беллис чувствовала, что оказалась далеко от центра событий.

Все так, если бы не Доул. Он продолжал разговаривать с ней, угощать ее вином в своей каюте. Между ними происходило что-то неясное — что именно, Беллис никак не могла сообразить. Речи Доула были, как всегда, загадочны, и она не находила в них утешения. Снова и снова водил он ее в маленькое помещение — в камеру подслушивания под жилищем Любовников. Беллис не могла сказать, почему она ходила туда с ним. Это всегда случалось по ночам, всегда тайно. Она слышала захлебывающиеся восклицания Любовников, стоны боли и страсти. Эти чувства по-прежнему ужасали ее, вызывали тошноту, словно в ее желудке что-то гнило.

Как-то раз Беллис пришлось заниматься с Аумом; накануне она во второй раз услышала

вздохи Любовников — признаки некоего особого наслаждения. Беллис вошла в комнату для занятий, и перед ней предстали эти двое со свежими ранами: кровь свернулась в корку на их лбах, образуя зеркально-симметричные рисунки.

У Беллис дрогнуло сердце. Ей была невыносима мысль о том, что она находится в руках людей, одержимых чувствами, проявление которых она слышала.

Нет.

Пусть погода день за днем становилась все теплее; пусть шли недели и работа над уздечкой подходила к завершению; пусть Сайлас все не появлялся, а Доул вел невнятные разговоры; пусть она оказалась оттесненной от центра власти, а облегчение оттого, что больше не нужно каждый день видеть Любовников, было уничтожено страхом, который навевала на нее собственная никчемность; пусть остатки подобия влияния, которым она пользовалась прежде, таяли на глазах; пусть было ясно, что она попала в ловушку, — но голос внутри нее звучал все жестче и был совершенно отчетливым.

Нет.

ГЛАВА 32

Армада нашла место, которое искала.

Город находился вблизи южной границы между Вздувшимся океаном и морем Черной Косы. Беллис была ошеломлена, узнав об этом. «*Неужели мы и в самом деле забрались хер знает куда — на край света?*» — думала она.

Город замер на поверхности воды. Используя тайные методы эхолокации и сенсорной проекции, Армада нашла центр мертвой точки. Такие места были рассеяны по всему океану — участки поперечником в несколько миль, где не было течений и ветров. Если ты, не имея никакой движущей силы, оказывался в мертвой точке, то лишь раскачивался на волнах вверх-вниз, но ни на дюйм не продвигался в каком-либо из направлений компаса.

Мертвая точка была знаком того, что под ней — воронка.

В этом районе глубина океана составляла от трех до четырех миль. Но под мертвой точкой дно резко, конусом уходило вниз, образуя кольцевую дыру, простиравшуюся туда, куда не доставала чувствительность самого сильного из геоэмпа-

тов.

Воронка шириной в полторы мили — и бездонная.

Она простиралась так глубоко, что измерение, в котором пребывал Бас-Лаг, не в силах было удержать вес и плотность воды, и в нижних пределах конической трубы реальность становилась неустойчивой. Воронка была ходом между мирами: именно сквозь нее и выныривали аванки.

Круах Аум и его новые подчиненные не сообщали во всеуслышание об окончании исследования: не делалось никаких внезапных заявлений, никто не говорил о том, что последняя проблема решена. Беллис не могла в точности сказать, когда она поняла, что Армада готова.

Доул ничего ей не сообщал. Это знание проникло само — в нее и в других горожан. По слухам, по догадкам, по торжествующим рассуждениям, по случайно оброненным словам. *Они добились успеха. Они знают, как это сделать. Они ждут.*

Беллис не хотела верить. Осознание того, что ученые довели до ума нужные им методики, приходило к ней постепенно, а потому она не испытала потрясения — ее посещали лишь медленно нарастающие по силе предзнаменования. «*Как?*» — снова и снова думала она. Она размыш-

ляла над масштабом задуманного, и этот вопрос не давал ей покоя. «*Как им это удастся?*»

Она размышляла над всем, что еще предстояло сделать, обо всех знаниях, которые им предстояло объединить, о машинах, которые нужно было построить, об энергии, которую необходимо было обуздать и направить. Это представлялось ей невозможным. «*Неужели всему виной я?* — недоуменно спрашивала она себя. — *Ведь без Аума, без его книги все это было бы невозможно*».

Беллис чувствовала, как с каждым часом вокруг нее нарастают напряжение, тревога, воодушевление.

Но город наконец добрался до мертвой точки, и было сделано долгожданное заявление. Плакаты и глашатаи призвали людей быть готовыми, сообщили, что исследования завершились, что скоро будет предпринята попытка. Пусть внезапное и чрезвычайное, сообщение это никого не удивило. И после столь долгого молчания властей даже Беллис восприняла это окончательное подтверждение чуть ли не с облегчением.

Флорин Сак с огромным удовольствием разглядывал уздечку и цепи, ставшие теперь видимыми. Он родился и вырос в Нью-Кробюзоне, где горы с запада очерчивали горизонт, а сложная

архитектура создавала ощущение замкнутого пространства. Он был готов признать, что иногда бесконечные открытые небеса Армады, бескрайняя гладь воды внизу действовали ему на нервы.

Он находил утешение в сбруе, погруженной в воду. Она была огромная и настоящая, нарушала однообразие морской глуби, и смотреть на нее было приятно.

Флорин завис в спокойных водах мертвой точки.

В воде было всего несколько фигур — Флорин, Сукин Джон, человекорыбы; они наблюдали снизу.

Все было готово.

Хотя уже приближался полдень, в городе стояла тишина, будто перед рассветом.

Беллис видела, как люди на соседних кораблях наблюдают с крыш своих домов, или стоят у бортов, или смотрят из парков. Но наблюдателей было не очень много. И они не производили ни малейшего шума. В небе не было видно дирижаблей.

— Полгорода заперлись в своих домах, — прошептала она Утеру Доулу.

Он нашел ее на палубе «Гранд-Оста» в компании с несколькими армадцами, которые, как и

Беллис, считали, что смотреть нужно с флагманского корабля.

«*Они боятся,* — подумала она, глядя на пустые улицы внизу. — *Они понимают, сколько всего поставлено на карту. Они похожи на моряков, спасшихся после крушения в ялике и пытающихся надеть ошейник на кита.* — Она чуть не рассмеялась. — *А они еще боятся штормов*».

Граждане Армады боялись сильных штормов. Город был не в силах избежать капризов природы или поставить их себе на службу: самые мощные шквалы могли отрывать или бросать суда друг на друга, и тут не помогали никакие буферные устройства. Историю Армады красной нитью пронизывали рассказы о страшных и смертоносных штормах.

Никто прежде не вызывал штормов *намеренно*.

Чтобы прошить мембрану между мирами даже в слабом месте, чтобы вызвать аванка в видимое измерение, требовалась вспышка колоссальной энергии. А для этого нужна была не иликтрическая гроза, а живая. Оргия, безумство фульменов — элементалей молнии.

А поскольку живые грозы (к счастью) были так же редки, как смещения Вихревого потока,

Сарганового водам предстояло вызвать такую грозу искусственно.

Шесть мачт «Гранд-Оста», и прежде всего — главная, были увиты медным проводом в резиновой изоляции. Провод этот нижним своим концом уходил в чрево корабля, шел по коридорам и лестницам, охраняемым стражниками, петлял по всему судну и наконец соединялся с новым эзотерическим двигателем, установленным в основании «Гранд-Оста» и работающим на горном молоке; этот двигатель готов был послать заряды невообразимой мощности на расклепанные концы громадных цепей, а затем вниз — к уздечке и в морскую бездну.

Где-то собрались ученые и пираты-маги из Книжного города, Шаддлера и Сарганового вод — метеомаги и элементалисты с необычными механизмами, печами, благовониями и дарами. Может быть, и с жертвоприношениями. Беллис могла представить себе их безумную деятельность — градуировку эфирных потоков, поддержание огня, заклинания.

Долгое время не было слышно ничего, кроме шепотков, слабых криков чаек и биения волн. Все, кто стоял на немилосердной жаре, прислушивались, старались услышать что-нибудь такое,

чего не слышали раньше, но при этом понятия не имели, чего ждут. И когда этот звук наконец раздался, то был таким мощным, что они его почувствовали — из морских глубин до кораблей дошла вибрация.

Беллис услышала, как выдохнул Утер Доул, потом прошептал: «Сейчас», и в голосе его послышалось волнение, какого она не замечала за ним прежде.

Палуба «Гранд-Оста» под их ногами неожиданно дернулась, издав резкий треск.

Армада бешено завибрировала.

— Уздечка, цепи, — тихо сказал Доул. — Их опускают. В дыру.

Беллис ухватилась за перила.

Под водой Флорин смотрел, разинув рот. Вода заструилась по его жабрам, когда гигантские шкивы стали поворачиваться, после того как взрывами специальных зарядов были срезаны огромные шпильки. Грациозно, в точности согласно расчетам, железное кольцо диаметром больше четверти мили, усаженное острыми крючьями, пошло вниз, вытесняя по пути огромный объем воды.

Оно рывками двигалось в воде и достигло предела своей свободы, когда было выбрано по-

следнее из звеньев длиной с лодку. Затем еще один взрыв срезал следующую шпильку, снова повернулись огромные шестерни, и кольцо погрузилось еще на несколько сотен футов.

По мере того как выбиралась длина отдельных сегментов цепи, Армада вздрагивала и чуть изменяла свою конфигурацию: ее форма под напряжением менялась. Цепи были такими громадными, что действовали в географическом масштабе, и каждый увесистый отрезок вызывал тектонический сдвиг. Но Армада держалась на плаву благодаря точно рассчитанной конструкции цепи, газу и магии, и, хотя внезапные удары потрясали ее, словно при сильном шторме, и натягивали те немногие плетено-канатные мостки, которые не были отсоединены, и заставляли их дергаться, перевернуть город они не могли.

— Джаббер, *мать его,* — закричала Беллис. — Давайте спустимся вниз!

Доул удержал ее, крепко схватив за руку, и ей пришлось пошире расставить ноги, чтобы не упасть.

— Ни за что не хочу пропустить этого, — сказал он. — И вам, думаю, тоже нужно посмотреть.

Город страшно тряхнуло.

Узда спускалась все быстрее. Флорин Сак понял, что безмолвно кричит лишенным воздуха ртом, что его челюсть выплевывает беззвучные ругательства — зрелище открылось ужасающее. Он был ошеломлен масштабом происходящего, быстрым исчезновением огромной упряжи в абсолютно темном море. Проходили секунды, минуты. Город теперь почти не потряхивало, только разматывались огромные цепи — пять многозвенных нитей уходили в чернеющую глубину.

Цепи за многие поколения обросли колониями ракушек и блюдечек, и, по мере того как звенья отрывались от днищ кораблей, вместе с ними в бездну уходили тучи гибнущих моллюсков.

Прошло несколько десятков минут; Армада снова была почти неподвижна, разве что слегка покачивалась с последними колебаниями цепи. Над городом бесцельно носились птицы. Огромная тяжесть металла улеглась. Все застыло в напряженном ожидании.

Присутствующие затаили дыхание, но ничего не происходило.

Уздечка теперь раскачивалась на конце цепи, на огромной глубине. Город наверху мирно покачивался на легкой зыби.

Армадцы замерли. Но вода в мертвой точке

оставалась спокойной, небо над ней — ясным. Люди один за другим стали выходить на палубы. Поначалу они нервничали и вели себя неуверенно — они все еще ждали явления, масштабы которого даже не могли себе представить. Но ничего не происходило.

Беллис в точности не знала, какого рода кризис постиг ученых и магов. Обещанной грозы не было и в помине. Двигатели, потреблявшие горное молоко, не работали.

Ничего удивительного, думала она. Применявшиеся методы были единственными в своем роде, неподтвержденными и экспериментальными. Неудивительно, что они не сработали сразу.

Но градус эмоций стал резко снижаться. Через два часа город вернулся в свое обычное состояние. Неестественное напряжение спало.

Разочарованные пираты спорили и шутили по поводу неудачи. Никто из Саргановых вод — ни ученые, ни чиновники — не делал никакого заявления о произошедшем. Армада застыла на спокойных водах под знойным солнцем; официальное молчание длилось уже полдня.

Беллис не могла найти Доула, — тот пошел выяснять, что произошло. Вечер она провела в одиночестве. Ей бы радоваться неудаче Армады,

но уныние не миновало и ее. А все из-за любопытства.

Прошло два дня.

В неподвижных водах мертвой точки городские отбросы скапливались вокруг города, и Армада, покачиваясь на солнце, начала издавать резкий запах. Беллис и Каррианна решили заглянуть в Крум-парк, но вонь от перегретых животных — как диких, так и с кораблей-ферм — и их пронзительные крики сделали эту прогулку неприятной. Открытый воздух не освежал, и Беллис вместе со своим куревом не вылезала из комнаты.

Если не считать короткой встречи с Каррианной, все время она проводила в одиночестве. Доул так и не появился. Беллис нервничала на этой жаре, курила, ждала, смотрела, как город упрямо и спешно возвращается к своей шумной рутине. Это приводило ее в ярость. «*Как это вы все можете делать вид, будто ничего не происходит?* — думала она, глядя на уличных торговцев Сенного рынка. — *Словно это место ничем не отличается от других, словно у вас обычные времена?*»

Не было никаких вестей о том, что делают Круах Аум, его помощники, команды инженеров и

охотников — снова ведут расчеты, производят измерения, налаживают двигатели? Но Беллис была уверена — именно этим они и заняты.

Прошло еще два дня.

Флорин лежал неподвижно под городом, лицом вниз. Перед ним будто бы открывался темный пятиугольный туннель, образованный цепями. Его голова, ноги и руки были словно закованы в огромные кандалы, цепи которых уходили вниз, сливаясь в перспективе и исчезая в темноте.

Он очень устал. После первой попытки последовала бешеная гонка ремонтных работ, во время которых он не спал. Бригадиры, обозленные неудачей, кричали на него.

Громадный коридор из уходящих вглубь цепей простирался больше чем на четыре мили. На концах цепей во тьме абсолютно неподвижно висела уздечка размером больше любого корабля. Она уходила в бездну и, возможно вызывала интерес у сельдяных королей или крупноротых угрей, посещавших такие глубины.

Беллис, сидевшая с книгой у окна, постепенно прониклась сознанием необычного покоя, тишины и перемены в характере света. Наступила некая невротическая пауза, словно сам воздух и

безжалостное солнце пребывали в ожидании. И вдруг, пораженная страхом, Беллис поняла, что происходит.

«*Наконец,* — подумала она. — *Да помогут мне боги — они-таки добились своего*».

С верхней ступени высоко на трубе «Хромолита» она оглядела легонько покачивающиеся суда Армады, мачты «Гранд-Оста». Перед ней был город, полный народу. Предупреждения о следующей попытке не поступало — повсюду были люди. Они стояли, замерев на рынках и улицах, вглядывались в небо, пытаясь понять, что же они вдруг почувствовали.

Небеса начали меняться.

— Джаббер милостивый, — прошептала Беллис — О боги.

В середине выбеленной солнцем голубизны, растянувшейся над Армадой, собиралась темнота. В тысяче футов над ними ясное небо на мгновение свело судорогой, и из ничего родилось крохотное темное пятно, мотылек, атом, зернышко, распускавшееся, как цветок, как волшебная шкатулка, как реквизит мага, открывающийся снова и снова, умножая себя за счет собственного вещества.

Оно распространялось быстро, как чернила

кальмара, раскручивалось, заполняя небеса и расширяясь по кругу, — увеличивающийся темный диск, из которого исходили зловещие звуки.

Затем налетел ветер, внезапно ударил по надстройкам и башням, сотряс городской такелаж. Что-то вокруг Беллис уносилось вниз — крошечные частицы, похожие на атомы тумана; таинственный запах исходил из труб «Гранд-Оста» и расползался по городу; поток непонятных сил разрывал возникшую ниоткуда тучу. Беллис узнала этот запах — горное молоко. Разгонялся какой-то аэроморфный двигатель.

Солнце почти совсем исчезло. От этой новорожденной темноты и холода Беллис пробрала дрожь. За пределами города на море появились буруны, заходили пенистые волны. Звук с неба усилился. Теперь оттуда доносились не низкие вибрации, а гудение, потом раздался протяжный крик и наконец — раскаты грома, а потом из тучи под эти громовые звуки возник шторм.

Ветер впал в неистовство. Море дыбилось. Снова послышался удар грома, и с ним маслянистая темнота над городом сотряслась тысячью разрывов и сквозь каждую трещину сверкнула беловатая молния. Хлынул свистящими потоками дождь, и Беллис через мгновение промокла

насквозь.

Во всех кварталах города армадцы бросились врассыпную, прячась от дождя. Палубы быстро опустели. Горожане принялись отсоединять мостки, потому что суда стало сильно раскачивать. Там и сям люди всматривались в шторм, оцепенев, как Беллис, от страха или потрясения.

— Дерьмо господне! — закричала Беллис. — Джаббер милостивый, защити нас!

Она не слышала собственного голоса.

До Флорина, нежившегося в глубинах мертвой точки, доходили лишь отголоски шторма. Поверхность над ним под дождем стала разорванной. Город поднимался и опускался, словно море пыталось стряхнуть его с себя. Под городом двигались огромные цепи.

Даже сквозь толщу воды Флорин чувствовал, что удары грома становятся громче, а волнение увеличивается. Он плавал, взволнованно ожидая, когда шторм достигнет максимума и пойдет на спад; он все больше и больше нервничал из-за того, что буйство стихии не идет на убыль, а нарастает.

«*Наконец,* — думал он со страхом и благоговением. — *На сей раз у них, кажется, получилось? Что это за долбаный шторм такой? Ну и херови-*

ну они там наладили!»

Беллис вцепилась в релинг, опасаясь, что ее снесет за борт и раздавит между судами.

В воздухе носились тени, темноту разрывали молнии, похожие на фотовспышки.

Хотя порывы ветра прочистили воздух, странный запах паров горного молока не исчез и даже усиливался. Беллис видела, что какая-то рябь корежит воздух. Молнии снова и снова ударяли по мачтам, чуть медля при встрече с огромной мачтой «Гранд-Оста» в медной обмотке.

Небеса кипели, и Армада пританцовывала на воде. По мере того как аэроморфный двигатель набирал мощь, рисунок молнии стал изменяться. Беллис как загипнотизированная смотрела на тучи.

Поначалу стрелы и зигзаги сверкали беспорядочно, срывались и подрагивали, как серебряные змеи в темноте. Теперь они начали синхронизироваться. Временные промежутки между ними уменьшались, и сияние одной не успевало еще погаснуть в глазах Беллис, как уже появлялась следующая, и их движения становились более целенаправленными. Вспышки молний приближались к центру тучи и исчезали в ее сердцевине.

Гром становился все звучнее. Запах горного молока вызывал тошноту. Беллис была загипнотизирована зрелищем, открывающимся сквозь струи воды, она теперь только и могла, что думать: «*Ну давай же, давай*!» — даже не осознавая, чего она ждет.

И наконец под оглушительные удары грома молнии слились в одну.

Они появлялись из ничего по краям шторма, одновременно прорезали темный воздух, направляясь к центру, словно спицы колеса, встречались в оси шторма в болезненно яркой точке света, которая сверкала и *не рассеивалась*.

Энергия нарастала; невидимая, она усиливалась в клапанах и трансформаторах загадочных двигателей, вырываясь из труб «Гранд-Оста» и устремляясь к небесам, в шторм.

Самое сердце тучи взрывалось, вызывая аванка.

Трескучая звезда молнии сияла холодным, ярким, бело-голубым светом, становясь все насыщеннее, наливаясь тяжестью, наполняясь, словно готовясь вот-вот лопнуть, а потом она *взорвалась* и рой визжащих сущностей вырвался из ее осколков и ринулся к кораблю — рассыпавшиеся с треском призраки, насыщенные

иликтричеством, они неслись, оставляя за собой след выжженного воздуха, знающие, капризные и целеустремленные.

Фульмены. Элементали молнии.

Они визжали и смеялись, выписывая в воздухе зигзаги, их крики являли собой нечто среднее между звуком и током. Фульмены с удивительной скоростью носились по небу, образуя иликтрические дуги, и потом взрывались. После себя они оставляли причудливые призрачные формы, повторявшие контуры городских зданий, рыб, птиц и лиц.

Гроздь фульменов, с визгом пронесясь мимо Беллис, упала на палубу «Хромолита», отчего сердце у нее чуть не остановилось. Они заплясали вокруг трубы.

Из чрева «Гранд-Оста» последовал мощный выброс энергии, и повсюду в городе элементали прекратили свои игры и закрутились в нетерпеливом ожидании. Снова спрятанные внутри корабля машины сгенерировали мощный пучок энергии, направили его по проводам на вершину мачты. Фульмены завизжали, пританцовывая вокруг металлических цепей и релингов. Они начали собираться в единый рой. Беллис, повернув голову, следила за их движениями — фульмены

переметнулись за борт ее корабля и, пересекая водные каналы между судами, устремились по палубам к главной мачте огромного парохода.

Беллис, не замечая ни дождя, ни грома, видела и слышала только живые молнии, которые очерчивали Армаду своим сияющим холодом; они то рассыпались, то возникали вновь на самых высоких крышах города. Она вглядывалась в шторм, бушующий над кораблями. Поток энергии, как наживка, скапливался на верхушке главной мачты «Гранд-Оста».

«*Мы ловим шторм, чтобы он ловил элементалей, чтобы они ловили аванка*», — подумала Беллис. Она чувствовала себя пьяной.

Фульмены окружили мачту облаком сверкающих сущностей, закручивающихся в вихрь. Они плевались в темень шторма, освещая город негативом света, словно черными солнечными лучами, и наконец огромный сгусток энергии захвата вырвался из проводов.

Фульмены взвизгнули, затараторили и начали затекать в металл, куда их завлекли элементалисты с помощью заклинаний и аппаратуры.

Элементали вскрикивали, исчезая, их тела уносились по толстым проводам, огни быстро гасли один за другим. За полсекунды небо снова

потемнело.

Иликтрические элементали, как сверхзаряженные частицы, двигались по медной оплетке, соединяясь друг с другом, становясь потоком живой энергии, устремляясь вниз по лестницам в самое чрево «Гранд-Оста», в двигатель, работающий на горном молоке, к расклепанным концам цепи, уходившей в разлом далеко внизу.

Под миллионами тонн воды этот концентрат из целого племени элементалей устремлялся по звеньям цепи и через шипы размером с корабельную мачту утекал в воду в виде мощного энергетического заряда, сверкнувшего белым светом в глубинах воронки, обесцвечивая и уничтожая на своем пути примитивные жизненные формы. Наконец на глубине в несколько миль энергетический сгусток пронзил мембрану между измерениями.

У днища «Гранд-Оста» гудел двигатель, поглощая горное молоко и посылая по цепи мощные импульсы.

Только теперь на глубине образовалась прореха, в которую устремились посылаемые машиной сигналы-манки, неслышимые ни для кого, рожденного в морях Бас-Лага.

Флорин Сак направляется вниз в сумеречную

воду. Шторм сошел на нет почти мгновенно, и море над ним стало ярким. Флорин проверяет себя, погружается вниз, на глубину, насколько хватает его возможностей, ниже границы проникновения света.

Он полагает, что вокруг него есть и другие — креи, рыболюди, Сукин Джон, которым тоже не терпится проверить, насколько глубоко они смогут опуститься, — но он их не видит. Вода здесь холодная, безмолвная и плотная.

Он чувствует, как сгустки энергии проносятся мимо него по огромным звеньям цепи. Он знает, что внизу происходят удивительные события, и потому, как ребенок, потакает своим капризам — погружается в темноту. Он еще никогда не погружался так глубоко, но продолжает следовать вниз вдоль громадных звеньев цепи, насколько позволяют его возможности, закаляет себя, привыкает к давлению воды. Его щупальца тянутся в темноту, словно пытаясь схватиться за материю воды и оттолкнуться от нее, чтобы погрузиться еще глубже.

Готова у него болит, его кровь сгустилась. Он неподвижно повисает в воде, когда уже не может больше продвигаться вниз. Он не видит огромной цепи рядом с собой. Он не видит ничего. Он

застыл в холодной серой воде, и, кроме него, здесь никого нет.

Долгое время сигналы от двигателя, работающего на горном молоке, продолжают призывно бередить воду. Все погружается в состояние покоя.

Пока глаза Флорина внезапно не открываются (*он и не знал, что они были закрыты*).

Звук. Внезапное ощущение далекого скрежета, словно задвигаются щеколды, словно прорезаются пазы в металле. Протяжный раскат, идущий по воде, как китовый стон, который Флорин не столько слышит, сколько чувствует своим животом.

Флорин бездвижен. Он прислушивается.

Он знает, что это за звук.

Это встали на место части узды размером в четверть мили — шпеньки, шпильки, зубцы, заклепки, болты длиной с корабль. Что-то, привлеченное сквозь слои воды и реальности соблазнительными вибрациями горного молока, попало своей шеей или какой-то другой частью в ошейник, а потом затащило на себя и всю узду, и тогда шипы и шпильки размером со ствол дерева вошли в предназначенные им пазы и впились в плоть, а потом пояс затянулся и жертва оказалась

в ловушке.

Снова наступила тишина, беззвучие. Флорин знает, что маги и инженеры над ним посылают тщательно откалиброванные сигналы в мозговую кору пойманного животного, успокаивая его, улещивая, внушая ему то, что нужно им.

Флорин чувствует едва заметные токи в воде, изменения температуры — на него накатывают магические волны.

Флорин ощущает вибрацию кожей, а потом — уже более сильную — и изнутри.

Это существо начинает двигаться где-то далеко за границей света, в полуночной воде, на глубине во много миль, оно проплывает мимо рыб-фонарей и пауков-крабов, перекрывая их слабое свечение. Флорин чувствует, как оно приближается, вытесняя огромные объемы холодной воды, выплескивая их из бездны немыслимыми потоками.

Он приходит в ужас.

Раздается ленивый рокот, от которого содрогается вода. Флорин представляет себе, как некий чудовищный отросток небрежно похлестывает по континентальному шельфу, бездумно отправляя в небытие множество примитивных жизней — донных обитателей.

Вода вокруг него бурлит. Магические токи хаотично выливаются из дыры. Давление воды внезапно подскакивает, а потом ушей Флорина достигает очень слабый звук удара. Он напрягается, стараясь разобрать, что это за звук.

Это слабое, ритмичное биение, которое он ощущает своими внутренностями. Чудовищный, сокрушительный удар. Его желудок чуть не выворачивается наизнанку.

Флорин чует его лишь на протяжении мига, благодаря моментальному выверту пространства и магии, но он знает, что это такое, и это знание ошеломляет его.

Это удары сердца размером с церковь, бьющегося далеко внизу под ним в темноте.

Беллис ждала на мокрых от дождя ступеньках под немилосердным солнцем и безоблачным небом.

Армада была похожа на город-призрак. Все, кроме загипнотизированных происходящим, в страхе попрятались.

Что-то случилось. До этого Беллис чувствовала, как подергивается «Хромолит», как бряцают цепи. Теперь вот уже несколько минут как воцарилась тишина.

Она вздрогнула, снова услышав клацание ме-

талла о металл — медленные, угрожающие удары двигающейся под городом цепи, которая теперь то натягивалась, то ослаблялась, появляясь из воронки под миром, возвращаясь в свое родное измерение, погружаясь целиком в воды Вздувшегося океана.

Цепи медленно смещались из вертикального положения в горизонтальное и наконец оказались натянутыми перед городом, но уздечка находилась на глубине во много миль, близ самого дна.

Раздался внезапный вибрирующий звук, и Армада бешено дернулась, ее корабли слегка сместились друг относительно друга под воздействием какой-то силы снизу, очертания города изменились.

Армада начала двигаться.

Этот внезапный толчок чуть не повалил Беллис.

Она была сильно взволнована.

Город *двигался*.

Город поплыл к югу неторопливо, но намного быстрее, чем когда-либо раньше, при помощи десятков буксиров.

Беллис видела волны вдоль бортов причаленных снаружи судов. Она увидела буруны,

оставляемые позади. Город двигался со скоростью, достаточной, чтобы оставлять за собой кильватерный след.

От границы Армады до горизонта растянулся городской флот свободно плавающих судов — торгово-пиратских, фабричных, связных, военных, буксирных, — который теперь пришел в движение. Корабли разворачивались носом к городу, на них заводили машины, ставили паруса, чтобы не отстать от своего родного порта.

«*Боги милостивые,* — ошарашенно думала Беллис. — *Они, наверно, не верят своим глазам*». С ближайшего судна до Беллис донеслись восторженные крики. Матросы стояли на палубе и одобрительно улюлюкали.

Эти звуки были услышаны горожанами, которые стали подавать признаки жизни — открывались окна и двери, люди появлялись из своих домов, осторожно подходили к перилам и замирали, вцепившись в них. Куда бы ни смотрела Беллис, она видела кричащих горожан. Они прославляли Любовников. Они кричали от восторга.

Беллис бросила взгляд на море, на волны, образуемые движущимся городом. Буксируемым городом.

На конце поводьев длиной в четыре мили, лас-

каемый сигналами горномолочного двигателя и надежно удерживаемый крючьями, похожими на изогнутые колокольни, ровно плыл аванк, с любопытством поглядывая на то, что было для него чужим морем.

Интерлюдия VII
КАНАЛ ВАСИЛИСКА

«Пылесердце Тетнеги» находилось в море вот уже четыре недели.

Галеон попал в переплет страшных летних штормов. Потом был штиль между Гнурр-Кеттом и Перрик-Наем. В опасных проливах Мандраго-ровых островов галеон подплыл слишком близко к какой-то безымянной скале, где на него напали какие-то летучие твари, которые порвали паруса и сбросили с мачт несколько обезьян, разбившихся насмерть. В холодных водах у восточного побережья Рохаги корабль встретился — по иронии судьбы — с кробюзонским военным кораблем, который атаковал его. «Пылесердце Тетнеги» ушло от тяжелого броненосца — из-за полученных повреждений он сбросил ход, но не затонул.

Моряки-какты свистками подают сигналы уставшим обезьянам на реях, и цветастое судно приближается к мирному порту, идет по каналу к Железному заливу.

На следующий день после встречи с Флорином

Саком капитан Нурджитт Сенгка объявил новый приказ команде. Они выказали удивление и недовольство, что не стало неожиданностью для капитана. Слабая дисциплина на судах Дрир-Самхера позволяла морякам выражать свои настроения более или менее свободно, и они заявили Сенгке о своем неодобрении, о том, что они вне себя, что они не понимают, что если они покинут свои посты, то анофелесы останутся почти без охраны.

Сенгка был неумолим.

С каждым несчастьем, подстерегавшим их в пути, с каждой задержкой, с каждой затяжкой команда ворчала все громче и громче. Но Сенгка, который решил рискнуть карьерой, поверив полученным от Флорина письменным обещаниям, не отклонился от своего плана. Репутация его у команды была достаточно высока, так что пока ему удавалось сдерживать их гнев, намеками и подмигиваниями вынуждая экипаж к ожиданию.

И вот «Пылесердце Тетнеги» подползает к Большому Вару. Золото, которым обильно отделан галеон с его плавными изгибами, блестит тускло из-за отвратительной весенней погоды, которая выводит кактов из себя. Их южная цветастая

эстетика кажется абсурдной рядом с местными красками — темно-коричневой, черной, грязновато-зеленой, рядом с блеклым весенним цветением островов.

Плохая погода потрепала корабль, и вид у него теперь неважный. Команда проявляет нетерпение. Сенгка гладит запечатанный мешочек.

Теперь уже недолго. Уже недалеко до залива и реки, до кирпичных домов и мостов. Вокруг них в воде все больше и больше скал. Канал мельчает. До берега рукой подать.

Капитан Сенгка внимательно разглядывает кробюзонскую печать на маленьком мешочке, который он должен доставить. Он взвешивает его в своих мощных руках: кожа, коробочка, залепленная воском, обещание вознаграждения, которое будет выплачено Нью-Кробюзоном, мелодраматичное предупреждение о войне, сделанное невразумительным, нелепым, совершенно бессмысленным шифром, простенький грошовый жетон на цепочке, вложенный в коробочку для драгоценностей. А под бархатной подкладкой коробочки, упрятанный в двойном дне и засыпанный опилками, лежит тяжелый диск размером с большие часы и длинное обращение, написанное мельчайшим каллиграфическим почерком.

Тайный дар и настоящее послание прокуратора Фенека Нью-Кробюзону.

Интерлюдия VIII
В ДРУГОМ МЕСТЕ

Мир постигло некое ошеломляющее вторжение. У воды появился некий новый привкус.

Что это такое?

Никто из охотников не знает.

Что это была за дрожь за внезапный сдвиг разрыв налет вторжение прибытие? И что же это такое прибыло?

Никто из охотников не знает. Они могут только сказать, что море изменилось.

Признаки этого — повсюду. Течения стали неуверенными, они слегка меняют направление, словно на их пути возникло новое препятствие и они не знают, как его избежать. Морская вода повизгивает и приборматывает, отчаянно желая сообщить то, что ей стало известно.

Однако даже появление такого громадного существа является во всемирном масштабе лишь крохотной переменой. Существо почти бесконечно мало. Но охотники чувствительны к изменениям в воде на уровне мельче атомарного, и они знают: что-то случилось.

Новое существо оставляет за собой ни на что не похожий след — это шлейф частиц и фекалий, оставляет особый вкус, и все это не подчиняется законам Бас-Лага. Сила тяжести, хаотическое движение, физическое бытие вокруг пришельца стали иными — не такими, как в остальном мире. Охотники чувствуют это, но обнаружить источник не могут.

Но они не оставляют попыток. Потому что сомнений нет — это дело рук плавучего города, и если они смогут найти эту неповоротливую громаду, то смогут найти и свою добычу.

Время летит быстро.

Появляются пузыри воды — пресной и соленой. Их выдыхают братья и сестры за много миль отсюда; эти пузыри поднимаются, сохраняя свою целостность даже в однородной с ними среде, они проскальзывают сквозь проделанные с помощью магии отверстия и вытесняются, без остановки продолжают свое движение вверх, покрывая огромные расстояния от той точки, откуда пустились в путь. Они разрываются около ушей охотников, доставляя им послания из дома. Слухи и истории, которые передаются, как вода. От гриндилоу и магов в Дженгрисе, от шпионов в Железном заливе.

Мы слышим что-то, говорит один из голосов.

Охотники соединяются и, напрягаясь изо всех сил, шлют поток энергии, используя для этого фокусаторы — атавистический орган, доставшийся им от предков. Их вожаки шепчут в ответ, и теперь уже речь охотников через пузыри передается назад, домой.

В море вошло что-то новое, говорят они.

И когда разговор заканчивается, маги, застывшие неподвижно в глубине Вздувшегося океана в трех тысячах миль от своего дома, моргают, трясут головами, и звук, дошедший до них с другого конца света, рассеивается с водой, которая несет его.

Идут корабли, говорят они своим охотникам. *Много. Быстро. Из Железного залива. Они тоже вышли на охоту. Ищут, как и мы. Пересекают море. С ними наши братья и сестры, цепляются к ним, как прилипалы, поют для нас. Мы можем легко найти их.*

Корабли. Корабли ищут то же, что и мы. Они знают, куда направляются. У них есть машины для поисков.

Мы пойдем по их следу, а они найдут след для нас.

Охотники ухмыляются, показывая свои длин-

нющие зубы, и с хлюпами изрыгают фонтаны воды — так они смеются; они складывают свои конечности и, обтекаемые, устремляются на север в указанном им направлении — туда, куда придет кробюзонская флотилия. Они встретятся с ней, соединятся со своими товарищами и наконец-то найдут свою добычу.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
УТРЕННИЙ СКОРОХОД

ГЛАВА 33

Аванк, волоча за собой Армаду, двигался вперед с неизменной устойчивой скоростью — всегда на север. Не с такой скоростью, как корабль, но гораздо быстрее, чем город мог двигаться прежде.

Суда Армады возвращались каждый день. Их тайные устройства сообщали им о невиданной прежде скорости движения их города-порта, и они с испугом или радостью мчались через моря домой с добычей — драгоценностями, едой, землей, книгами.

Вернувшись, моряки не узнавали город. Армада неторопливо двигалась, словно по собственной воле, окруженная целым флотом буксиров и пароходов, которые всегда тащили ее, а теперь следовали за ней огромной беспорядочной массой: еще один город, распадающийся на составные части, верный и бесполезный.

Некоторые из этих ненужных теперь судов были включены в ткань города: они притягивались крюками, приваривались на место, лишались оснастки, переоснащались, обстраивались. Другие превращались в пиратские корабли, облицовывались броней, вооружались пушками

различных типов. Ублюдки, ощетинившиеся новообретенной артиллерией.

Город держал курс на северо-северо-восток, совершая изредка маневры, чтобы обойти шторм, или скалистый остров, или подъем на морском дне, невидимый для жителей Армады.

Штурманы «Гранд-Оста» имели запас пиротехнических ракет разного цвета. Когда надо было сменить курс, они запускали ракеты в различных, заранее обусловленных комбинациях. Механики в других кварталах, получив сигнал, громадными лебедками подтягивали ту или иную из погруженных в море цепей.

Аванк реагировал, безропотный и уживчивый, как корова. Он изменял направление своего движения (*ударами плавников, или мембран, или лап, или боги уж знают чего*), реагируя на слабое подергивание поводьев. Он позволял направлять себя.

Работы в трюме «Гранд-Оста», в машинном отделении, стали рутинными. Целый день в вибрирующие котлы подавалась тонкая струйка горного молока, добытого «Сорго», и по цепям на шипы посылался ублажающий сигнал, который предположительно достигал мозговой коры аванка. Это огромное существо было посажено на

иглу: пьяное от наслаждения, оно стало безмозглым, как головастик.

Поначалу после подъема аванка, когда стало ясно, что магия и охота принесли свои плоды, что легендарное существо вошло в Бас-Лаг, граждане Армады были вне себя от радости.

В тот первый вечер как-то само собой организовалось торжество. Снова было извлечено на свет убранство, украшавшее город во время праздника конца кварто, бульвары и площади наполнились танцующими людьми, мужчинами и женщинами, хепри, кактами, струподелами и другими — они несли множество аванков из папье-маше, столь же неправдоподобных, сколь и разнообразных.

Беллис, захваченная против своей воли всеобщим весельем, провела вечер в таверне вместе с Каррианной. На следующий день она чувствовала себя усталой и подавленной. Это был третий знакди кварто плоти; Беллис сверилась с нацарапанным ею кробюзонским календарем и обнаружила, что сегодня пятнадцатое воротила — канун Плохондря. От этого ей стало еще хуже. И не потому, что ей пришла в голову мысль о губительном влиянии этого праздника, которое дошло и сюда, просто ее вывело из равновесия

совпадение — появление аванка пришлось именно на эти дни.

Время шло, и, хотя радость не проходила и люди, просыпаясь по утрам, с удивлением обнаруживали, что волны плещутся о борта движущегося города, Беллис чувствовала, как в Армаде растет тревога. Главная ее причина крылась в том, что Любовники Сарганових вод, контролировавшие аванка, вели город на север и не говорили почему.

Споры о том, куда аванк тащит город, пока шли в самых отвлеченных, туманных выражениях. Представитель Сарганових вод подчеркивал мощь и скорость аванка, обретенную вместе с ним способность обходить шторма и бедные живностью моря, возможностью надолго оставаться в местах с хорошей погодой, чтобы получать хорошие урожаи. Многие граждане полагали, что город направится куда-нибудь в теплые края, где мало морских держав, где товары, книги, землю и другие трофеи можно с легкостью брать прямо на побережье. Южный Кудрик или, может быть, море Кодекса — что-нибудь в это роде.

Но город день за днем шел на север, не замедляя хода и не изменяя курса. Армада по воле Любовников направлялась в некое определенное место,

но гражданам ничего не сообщалось.

«Скоро все станет известно, — говорили в припортовых кабачках те, кто был предан властям Саргановых вод. — Им от нас нечего скрывать».

Но когда наконец новостные листки и журналы, прохожие, остановившиеся поговорить на улице, спорщики пришли в себя после первых восторгов и задали вопрос, который был у всех на уме, ответа не последовало. Прошла еще неделя, и, когда вышел очередной номер «Флага», читатели увидели на его первой странице всего четыре слова, набранные крупным шрифтом: КУДА МЫ ДЕРЖИМ ПУТЬ?

Но ответа не последовало и тогда. Были и такие, для кого это молчание не имело никакого значения. Имело значение то, что Армада — мощная держава и во власти ее находится нечто столь удивительное, что и представить себе невозможно. Направление движения заботило их ничуть не больше, чем прежде. «Мы всегда предоставляли им право принятия решений», — говорили некоторые из них.

Вот только раньше никаких особо серьезных решений и не принималось: имелось лишь самое общее соглашение о том, что пароходы, мол, будут буксировать город приблизительно туда-то

и туда-то в надежде, что через год или два — если позволят течения и Вихревой поток — город сможет добраться до благоприятных вод. Теперь с аванком Армада получила новую движущую силу, и некоторые уже понимали, что все изменилось, что теперь принимаются настоящие решения и принимают их Любовники.

В отсутствие информации процветали слухи, согласно которым Армада якобы направлялась в Мертвое море Джиронеллы, где вода окаменела в форме волн, стала гробницей всей бывшей в ней прежде жизни. Говорили также, что Армада направляется к Мальмстрему — на край мира. Или к какотопическому пятну. К земле призраков, или говорящих волков, или мужчин и женщин с драгоценными камнями на месте глаз, или людей с зубами как полированный уголь, или в землю разумных кораллов, или в империю грибов, а то и еще куда-нибудь.

В третий книжди кварто Тинтиннабулум и его команда покинули Армаду.

Почти целое десятилетие «Кастор» находился в носовой части Саргановых вод, где граничил с кварталом Шаддлер. Раскачиваясь на волнах у борта «Толпанди», «Кастор» долгое время находился рядом с одетым в броню военным ко-

раблем, превращенным в торговый квартал; его серые коридоры окрасились в цвета коммерции, переходы между недействующими пушками были заставлены множеством лавок, обитых листовым железом.

Люди давно забыли, что «Кастор» не находится на вечной стоянке. Он был связан с соседними судами с помощью мостков, цепи, канаты удерживали его на месте, а буфера не давали разбиться о соседей. Все они были сняты.

Под знойным солнцем охотники взмахнули своими мачете и вырвали себя из плоти Армады. Они оказались наконец в свободной воде — инородное тело в ткани города. Между «Кастором» и открытым морем был расчищен проход. Отсоединялись мостки, отвязывались швартовы на пути, который мимо барка «Черная метка» вел в Шаддлер, потом — вдоль борта клипера «Заботы Дариоха» с его дешевыми домами и шумной промышленностью. Дальше вдоль длинной надводной части субмарины «Нежно», внутри которой расположился театр, и между древним торговым суденышком и большим кораблем-колесницей (крепежные штыри под вожжи в борту были переоборудованы в держатели для цветных прожекторов) направились к правому борту.

Дальше было небольшое открытое пространство, а за ним — шаддлеровский Сад скульптур на «Таладине», стоявшем на внешней границе Армады.

Дальше начиналось море.

На судах по сторонам прохода толпились люди: они перегибались через борта и выкрикивали слова прощания в адрес «Кастора». Стражники и шаддлеровские охранники не допускали никакого другого движения в новом канале. Море было спокойным, аванк двигался с неизменной скоростью.

Когда первые из городских часов начали бить полдень, на «Касторе», под восторженные крики собравшихся, заработали двигатели. Когда судно длиной чуть более ста футов с нелепо высоким мостиком начало отчаливать, последовал новый взрыв восторга.

После прохода судна мостки, канаты, цепи, балки сразу же устанавливались на свои места. «Кастор», словно нож, оставлял в теле города рану, которая тут же затягивалась.

Во многих местах канал был лишь чуть-чуть шире самого «Кастора», и корабль, проходя, ударялся о суда по сторонам коридора, но резина и канаты на его бортах смягчали удары. Он неторопливо двигался к открытому морю. Рядом

кричали и махали руками люди, радуясь так, словно они освободили охотников после долгих лет заточения.

Наконец «Кастор» миновал «Таладин» и, выйдя в океан, направился тем же курсом, что и аванк, но быстрее, чтобы оторваться от города. В открытой воде «Кастор» стал наращивать скорость. Он обогнул носовую часть Армады, а потом повернул на юг, и город, влекомый аванком в прежнем направлении, поплыл мимо корабля. Армада двигалась; мимо «Кастора» прошел Зубец часовой башни, потом вход в гавань Базилио, заполненную свободными судами. Потом мимо проплыл Джхур; снова стали слышны двигатели «Кастора», который начал лавировать между свободных кораблей, окружавших город. Пробираясь между ними, «Кастор» сбрасывал с себя защитные буфера — резину и просмоленную материю. Немного погодя он исчез за южным горизонтом.

Многие наблюдали за «Кастором» из Сада скульптур, пока корабль не скрылся из виду, обогнув Армаду. Среди смотревших были Шекель и Анжевина, которые стояли, взявшись за руки.

— Они сделали свое дело, — сказала Анжевина. Она все еще была потрясена, оставшись без работы, но сожаления в ее голосе почти не слыша-

лось. — Они закончили то, для чего находились здесь. Зачем же им было оставаться?

— Знаешь, что он мне сказал? — нетерпеливо продолжала она, и Шекель понял, что эта мысль мучает ее. — Он сказал, что, может, они и остались бы подольше, но не хотят идти туда, куда идут Любовники.

Флорин следил за движением «Кастора» снизу.

Его не беспокоило ни то, что город направляется на север, ни то, что он не знает, куда Армада держит путь. Его радовало, что вызов аванка — не конец проекта Саргановых вод. Ему было трудно понять тех, кто видел в этом своего рода предательство, кто злился, пугаясь собственного неведения.

«*Неужели вы не понимаете, что это замечательно?* — хотелось Флорину сказать им всем. — *Дело не кончилось! Еще осталась работа! У Любовников есть кое-что про запас. Мы можем еще постараться. На карту теперь поставлены вещи покрупнее. Мы еще поработаем!*»

Он все больше времени проводил под водой, и если и поднимался наверх, то предпочитал оставаться один, а иногда с Шекелем, который становился все более молчаливым.

Флорин сблизился с Хедригаллом. По иронии

судьбы Хедригаллу не нравились выбранный Любовниками путь на север и их молчание. Но Флорин знал, что Хедригалл предан Сargановым водам не меньше чем сам Флорин, и в беспокойстве кактa нет никакой корысти. Хедригалл был умным и осторожным критиком, который не издевался над слепой преданностью Флорина или его нежеланием думать, он понимал веру и преданность Флорина Любовникам и серьезно относился к доводам в их защиту.

— Знаешь, Флорин, ведь они мои хозяева, — сказал он. — И ты знаешь, что я не питаю особо теплых чувств к моему так называемому дому. Мне на этот самый Дрир, мать его, Самхер насрать. Но… это уж слишком, Флорин, дружище. Я говорю об их молчании. Все ведь и так было неплохо. Нам вовсе не нужно было всем этим заниматься. Они должны были объяснить нам, что происходит. Без этого они теряют наше доверие, теряют свою легитимность. И боги нас раздери, ведь они от этого зависят. Их только двое, а сколько нас — один Крум знает. Это все плохо для Сargановых вод.

Такие разговоры выбивали Флорина из колеи.

Лучше всего он чувствовал себя в воде. Подводная жизнь квартала не изменилась — тучи рыб,

Сукин Джон, водолазы на конце тросов, облаченные в кожу и металл, стремительные рыболюди Баска, креи, тени подлодок, напоминающие кургузых китов под городом. Погружные опоры «Сорго» — торчащие из платформы балки-ноги. Сам Флорин Сак, который перемещается между участками работ, инструктирует своих коллег, дает им советы, принимает и отдает распоряжения.

Но ничто уже не было таким, как прежде, — все круто изменилось, потому что по границам всей этой рутинной активности, обрамляя массу килей и днищ наподобие концов пентаграммы, свисали пять огромных цепей, которые уходили вниз и вперед, через несколько миль кончаясь уздой на теле аванка.

Теперь Флорину приходилось труднее, чем прежде. Он должен был постоянно плыть, чтобы не отстать от Армады. Нередко приходилось цепляться за выступы, за поросшие ракушечником деревянные балки, чтобы двигаться вместе с городом. К концу дня, выбравшись на поверхность и придя домой, он валился с ног от усталости.

Мысли о Нью-Кробюзоне все чаще и чаще не давали ему покоя. Он спрашивал себя, дошло ли до адресата доставленное им послание. Он надеялся,

что дошло, очень надеялся. Он не хотел и думать о том, что его прежний дом разрушен войной.

Температура оставалась неизменной. Дни были жаркие и выжженные солнцем. А если появлялись тучи, то тяжелые, грозовые, насыщенные иликтричеством.

Любовники, анофелес Аум, Утер Доул вместе с кое-кем еще уединились на «Гранд-Осте», где вели работу над новым секретным проектом. Большая команда ученых сильно уменьшилась, получившие отставку обиженно бродили без дела.

Работа Беллис закончилась. В дневные часы она, не имея других друзей, пробовала снова беседовать с Иоганнесом. Он, подобно ей, тоже оказался не у дел. Аванк был пойман, и в услугах Иоганнеса больше не нуждались.

Иоганнес по-прежнему относился к Беллис настороженно. Они нередко прогуливались по раскачивающимся улицам Армады, усаживались за столики кафе на улочках или в маленьких садиках, где вокруг них играли пиратские дети. Оба они продолжали получать жалованье, а потому могли ввести беззаботную жизнь, но дни для них теперь стали бесконечными и бессмысленными. Впереди их не ждало ничего, кроме новых дней,

и Иоганнес злился, чувствуя себя брошенным.

Впервые за долгое время он начал регулярно поминать Нью-Кробюзон.

— А какой сейчас месяц дома? — спросил он как-то раз.

— Воротило, — ответила Беллис, молча выговаривая себе за то, что даже не потрудилась наморщить лоб, якобы задумавшись.

— Значит, зима там уже кончилась, — сказал Иоганнес — Там — в Нью-Кробюзоне. — Он кивнул в сторону запада. — А теперь там, значит, весна, — тихо сказал он.

Весна. «*А я здесь*, — подумала Беллис, — *Этот городу украл у меня зиму*». Она вспомнила переход по реке к Железному заливу.

— Как вы думаете, им теперь уже известно, что мы так и не добрались до места? — тихо спросил он.

— В Нова-Эспериуме, наверное, известно, — сказала Беллис. — Или, по меньшей мере, они допускают, что мы очень сильно задерживаемся. Теперь они будут ждать следующего кробюзонского судна, возможно, еще шесть месяцев, и тогда пошлют в город это сообщение. Так что дома наверняка еще долго ничего не узнают.

Они сидели, попивая жиденький кофе армад-

ского урожая.

— Что же тут происходит, хотел бы я знать, — сказал наконец Иоганнес.

Они почти ничего не говорили друг другу, но воздух был чреват ожиданием.

«*Все теперь несется стремглав*», — сказала себе Беллис, сама не понимая до конца собственной мысли. Она не думала о Нью-Кробюзоне, как, казалось, думал о нем Иоганнес; если она и представляла его себе, то словно за стеклом, застывшим в неподвижности. *Теперь* она о нем не думала. Может быть, боялась.

Она почти единственная знала, что может случиться, какие сражения, возможно, происходят на берегах Вара и Ржавчины. Мысль о том, что город, если он спасся, обязан этим ей, ошеломляла ее.

«*Неопределенность*, — думала она, — *молчание, вероятность того, что могло произойти, что, может быть, происходит… меня это убивает*». Но нет, она продолжала жить и даже чувствовала, что ждет чего-то.

Тот вечер она провела с Утером Доулом. Они выпивали вместе где-то раз в четыре дня, или бесцельно бродили по городу, или сидели в его комнате, а иногда и в ее.

Он ни разу не прикоснулся к ней. Беллис выводила из себя его сдержанность. Он мог молчать много минут подряд, а потом в ответ на какое-нибудь туманное заявление или вопрос начать рассказывать историю, скорее похожую на миф, чем на реальность. И тогда его чудный голос успокаивал Беллис, и до конца истории она забывала о своем разочаровании.

Утер Доул явно извлекал пользу из проведенного с нею времени, но вот какую — этого она не могла понять. Она, невзирая на свои секреты, больше не боялась его, потому что он, со всем его бойцовским искусством, со всеми его блестящими знаниями в области невразумительной теологии и науки, казался ей теперь человеком еще более запутавшимся и потерянным, чем она, сторонящимся любых обществ, не уверенным в нормах и правилах, спрятавшимся за холодную сдержанность.

Беллис неудержимо влекло к нему. Доул был нужен ей со своей силой, своей мрачной невозмутимостью, своим прекрасным голосом. Ей был по душе его рассудительный ум, и она не могла не замечать, что нравится ему. Беллис чувствовала: если между ними что-то случится, она будет лучше владеть собой, чем он, и не только потому,

что она старше. Она не собиралась кокетничать с Доулом, но порождала достаточно флюидов, в которых он должен был знать толк.

Но он ни разу не прикоснулся к ней. Беллис это выводило из равновесия.

Они ничего не понимала. Все поведение Доула ясно показывало, что им владеет сдерживаемое тайное желание, но к этому примешивалось что-то еще. Его манеры напоминали какую-то хемическую смесь, большинство составляющих которой Беллис опознавала сразу же и безошибочно. Но был в этой смеси и некий таинственный компонент, который никак ей не давался, который изменял все его существо. И, переполняясь тоской одиночества или вожделением к Доулу, Беллис — которая в любом ином случае уже приняла бы меры, чтобы сдвинуть их отношения с мертвой точки, — воздерживалась от любых шагов, обескураженная его тайной. Она не была уверена, что ее авансы встретят благожелательный ответ. А рисковать отказом она не хотела.

Желание Беллис улечься с ним в постель стало почти невыносимым — ведь кроме физических потребностей ею владела страсть разобраться в происходящем. «*Что с ним такое?*» — снова и опять спрашивала она себя.

Вот уже много дней она не получала никаких известий о Сайласе Фенеке.

Его ступня касается пушечного жерла диаметром около фута, торчащего из древнего военного корабля, он смотрит вниз с высоты большей, чем главная мачта «Гранд-Оста». Стоит неподвижно и смотрит. От биения волн и покачивания кораблей внизу возникает такое ощущение, будто он падает.

С каждым прошедшим днем он становится сильнее. Могущественнее. Он обретает больше контроля над собой и над другими, его махинации становятся более выверенными.

Его поцелуи становятся более вялыми.

Человек держит статуэтку в руке и ласкает плавниковый выступ кончиками пальцев. Его десны еще кровоточат, а во рту после недавнего поцелуя остается соленый привкус.

Он передвигается по городу невероятными способами, владение которыми дарует статуэтка. Пространство и физические силы теряют свою власть над ним, когда его рот и язык пощипывает от прикосновения холодного, солоноватого камня. Человек делает шаг вперед и, невидимый, перешагивает через воду между судами. Он делает еще один шаг и прячется в тени сапога

стражника.

Туда, сюда и снова туда. Он шествует по городу, собирая слухи и сведения, запущенные им самим. Он видит как распространяется его влияние, словно антибиотик по больному телу.

Все это правда. Все, что он говорит, — правда. Разлад. И правильно, что молва, газетные статьи, листовки, которые он оставляет за собой, сеют разлад.

Человек заходит под воду. Море открывается перед ним, и он уходит вниз, вдоль огромных цепных звеньев, к немыслимому тягловому животному, которое напрягает свои конечности в придонных глубинах. Когда ему требуется глотнуть воздуха, он подносит ко рту статуэтку, маленькую, нелепую горбатую фигурку, мерцающую в ночи слабым живым светом, — зубастые поцелуи, отверстие, пробитое во мраке, широко открытый насмешливый глаз цвета воронова крыла, — и целует ее взасос, чувствуя, как она шевелит своим маленьким язычком, и испытывая отвращение, от которого так и не смог избавиться.

И статуэтка вдыхает в него воздух.

Или же она снова искривляет пространство и позволяет ему поднять подбородок (хотя он

и погрузился на много ярдов), пробить лицом поверхность воды и вдохнуть полной грудью.

Человек двигается в воде, не шевеля при этом ни одним пальцем — шевелится лишь некогда живой плавник статуэтки, и кажется, что именно это и приводит в движение человека. Он петляет вокруг пяти гигантских цепей, погружаясь все ниже, пока темнота, холод и тишина не нагоняют на него (при всем его могуществе) страха и он не поднимается, чтобы и дальше бродить по потайным коридорам города.

Для него открыты все кварталы. Он легко и без колебаний заходит на все флагманские корабли, кроме одного. Он наведывается на «Гранд-Ост», на «Териантроп» в Шаддлере, на «Божка соли» в Ты-и-твой и на все другие, кроме «Юрока».

Он боится Бруколака. Даже получив заряд энергии от поцелуя статуэтки, он не рискует оказаться лицом к лицу с вампиром. Он не должен трогать лунокораблъ — он дал себе это обещание и выполняет его.

Человек совершает и другие действия, которым научила его статуэтка, пока он лизал ее рот. Он может не только перемещаться в пространстве и проникать в закрытые помещения.

То, что говорится о Заколдованном кварта-

ле, — правда: он и в самом деле обитаем. Но существа, поселившиеся на этих старых кораблях, видят, что делает этот человек, и не трогают его.

Статуэтка защищает его. Он чувствует себя ее любовником. Она хранит его от беды.

ГЛАВА 34

Со времени своего похищения «Сорго» в течение многих недель вело бурение, и в хранилищах Саргановых вод скопились большие запасы нефти и горного молока. Но Армада была голодна и поглощала топливо с такой же жадностью, что и Нью-Кробюзон.

До того как Сарганова воды обзавелись «Сорго», суда Армады обходились теми ресурсами, которые удавалось похитить. Теперь, с увеличением запасов, потребности возросли. Нефть у Саргановых вод брали даже корабли Сухой осени и Баска.

Горное молоко было гораздо дороже и встречалось гораздо реже. В охраняемых кладовых «Гранд-Оста» стояли ряды емкостей с этой тяжелой жидкостью. Помещения эти были защищены и заземлены с помощью точно рассчитанных геомагических процессов, исключающих опасные эманации. Двигатель, посылающий импульсы наслаждения в мозг аванка, работал на горном молоке, и маги и техники, обслуживавшие его, внимательно следили за запасами топлива. Они в точности знали, сколько горного молока им

требуется.

Флорин, Шекель и Анжевина, присмотревшись к воздуху вокруг холодной вышки «Сорго», пришли к выводу, что выбросов оттуда нет.

Они сидели под натянутым на шесты брезентом в пивной палатке на «Добере». Более солидных сооружений «Добер» не выдерживал, поскольку представлял собой тело голубого кита. Кита выпотрошили, верхнюю часть его удалили, а нижнюю сохранили с помощью давно забытой технологии. Половина кита в итоге стала довольно жесткой, хотя пол и вызывал тревогу своим явно органическим видом: под ногами сверкали остекленевшие остатки кровеносных сосудов и внутренних органов.

Флорин и Шекель частенько наведывались сюда — им нравилась эта пивная палатка. Они сидели лицом к затвердевшему хвостовому плавнику, который торчал над водой, словно кит был готов поднять фонтан брызг и уплыть прочь. «Сорго» находилось прямо в их поле зрения — между заостренных концов китового хвоста. Огромное уродливое сооружение бесшумно покачивалось на волнах.

Анжевина сидела молча, а Шекель был внимателен — смотрел, чтобы ее кружка не пустовала,

что-то тихонько шептал ей на ухо. Она все еще не пришла в себя. После убытия Тинтиннабулума жизнь Анжевины переменилась, и Анжевина все никак не могла приспособиться к новым обстоятельствам.

(Флорин не сомневался — со временем все у нее наладится. Боги знают, он не винит ее за несколько дней, проведенных в растерянности. Он только надеялся, что на Шекеля это никак не подействует. Он был рад, что парень и ему уделяет толику своего времени.)

«*Что мне делать?*» — думала Анжевина. Она собиралась дождаться и увидеть то, о чем ей говорил Тиннабол… но она, конечно же, помнила, что его больше нет в городе. Дело было не в том, что ей не хватало его. Он был с нею вежлив и предупредителен, но без всякой задушевности. Он был ее боссом, отдавал приказы, которые она выполняла.

Но даже и это было преувеличением. На самом деле он не был боссом Анжевины. Ее боссом были Сарганновы воды — Любовники. Жалованье ей платили власти Саргоновых новых вод, нанявшие ее, когда она оказалась в Армаде, на работу и приставившие к этому странному, сильному, седому как лунь охотнику. Спасшись с корабля,

увозившего ее в рабство из города, в котором ее лишили прав, подвергнув переделке, Анжевина рассматривала эту работу как свою первейшую обязанность. Она вообще была поражена, когда ей пообещали платить, как любому другому гражданину Армады. Именно этим и была куплена ее преданность.

А когда Тинтиннабулума не стало, она не знала, что ей делать дальше.

Она гордилась своей работой и теперь сильно переживала: ведь ей дали понять, что все, сделанное ею, не имеет никакого значения, поскольку она была обычной наемной рабочей силой. Восемь лет ее трудов уплыли вместе с Тинтиннабулумом и его командой.

«*Это была обычная работа,* — убеждала себя Анжевина. — *Работы меняются. Время идти дальше*».

— Куда мы идем? — спросила Беллис Утера Доула.

Наконец она сдалась и спросила это.

Как она и предполагала, он ей не ответил. Услышав вопрос, он поднял взгляд, а потом, не сказав ни слова, снова опустил глаза.

Они были в Крум-парке среди вечерней темноты, разбавленной красками и запахами

распустившихся бутонов. Где-то неподалеку подпорченный родственным спариванием соловей пел свою невзыскательную песню.

Беллис хотелось сказать: «*Мне нужно это знать, Доул. За меня цепляются призраки, и мне нужно знать, сможет ли ветер там, куда мы направляемся, унести их прочь. Я хочу знать, как, скорее всего, сложится моя жизнь. Куда мы направляемся?*»

Ничего этого она не сказала. Они просто молча шли дальше.

Грубоватая тропинка, скорее протоптанная, чем запланированная дизайнером, была залита лунным светом. Она петляла по уходившему вверх склону, который порос кустарником и возвышавшимися над ним деревьями. Там и сям горбились остатки корабельной архитектуры — перила и лестницы, очертания которых были видны под поверхностью сада, вызывая мысль об оптической иллюзии.

Они поднялись по склону на плато, когда-то бывшее полуютом, и встали в тени под кронами деревьев. Оттуда открывался вид на корабли Дворняжника, традиционно освещенные зелено-белыми фонарями. Парк под ними медленно двигался вместе с городом.

— Куда мы идем? — повторила Беллис, и опять последовала долгая пауза, в которой были слышны только звуки воды, плещущейся о борта города. — Когда-то, — неуверенно продолжила она, — вы мне рассказывали о вашей жизни в Великом Кромлехе. Вы сказали, что уехали оттуда. А что потом? Куда вы направились? Чем занимались?

Доул чуть ли не беспомощно качал головой. Несколько секунд спустя Беллис показала на его ножны.

— Где вы нашли этот меч? Что значит его имя? — спросила она.

Доул извлек белый, как кость, меч из ножен, замер, держа его перед собой и внимательно глядя на лезвие, потом поднял глаза на Беллис и снова кивнул. Вид у него был довольный.

— Во многом благодаря ему мне доверяют и меня уважают: Меч возможного. — Он неторопливо описал мечом точно выверенную кривую. — Как я им обзавелся? Он стал плодом долгих поисков… и огромной, неподъемной исследовательской работы. Все записи на нем — на имперском каноне. Здесь вся нужная вам информация, если только вы умеете ее читать. — Он спокойным взглядом посмотрел на Беллис. — Работа, которую я про-

делал. Методы, которые я освоил… Призрачники своим прибытием раскроили мир. Сила удара при их приземлении была такова, что образовалась Треснутая земля. И повреждения носили не только физический характер… Они использовали разлом. Вы знаете поговорку о том, что Призрачники всегда «выкапывали шансы». Обычно этим хотят сказать, что у них было сверхъестественное везение, что они использовали каждый шанс, каким бы малым он ни был. — Лицо его расплылось в медленной улыбке. — Неужели вы и в самом деле считаете, что этого достаточно, чтобы подчинить себе целый континент? — спросил он. — Целый мир? Чтобы в течение пяти столетий быть непререкаемыми властелинами? Конечно, этого было мало. Оборот «выкапывать шансы» — это всего лишь неловкая попытка передать то, что Призрачники делали в действительности. Это была куда как более точная наука… Добыча возможного.

И Утер принялся цитировать нараспев:

— «Мы покрыли этот мир шрамами надежды, нанесли ему тяжелые раны, разломали его, поставили свои знаки на самых отдаленных его землях, протянувшихся на тысячи лиг за морями. Тому, что мы сломали, мы можем придать новую

форму; то, что потерпело неудачу, еще может добиться успеха. Мы обнаружили богатые залежи возможностей, и мы выкопаем их…» Они вкладывали в эти слова буквальный смысл, это вовсе не был какой-нибудь победный клич, — сказал он. — Они покрыли мир *шрамами*, оставили на нем *разломы*. И при этом высвободили силы, до которых сумели добраться. Силы, которые позволяли им изменять форму вещей, терпеть неудачу и добиваться успеха *одновременно*, поскольку они разрабатывали возможности. Катаклизм такого рода — сотрясение всего мира, появление разломов — открывает богатый пласт возможностей… И они умели находить перспективы, выбирали лучшие и с их помощью изменяли мир. У любого действия бесчисленное множество последствий. Потенциально существуют триллионы триллионов исходов, многие миллиарды из них возможны, миллионы допустимо считать вероятными, некоторое их количество кажется реальным нам, наблюдателям, а реализуется только один… Но Призрачники знали, как задействовать те исходы, что могут воплотиться на деле. Как дать им что-то вроде жизни. Как их использовать, перевести в реальность, которая самим своим существованием отрицала суще-

ствование их реальности, которая *определяется* тем, что случилось, и отрицанием того, что не случилось. С помощью машин вероятия дотягивались до реализации исходы, которые не вполне осуществились… Если бы я подбросил монетку, то она, скорее всего, упала бы орлом или решкой, хотя ведь нельзя исключать и приземления на ребро. Но включи я эту монетку в круговорот вероятия, то она стала бы тем, что Призрачники назвали бы монетой возможных падений — монетой возможного. И если бы я подбросил эту монетку *теперь*, то дела обстояли бы иначе… Орел, решка и даже ребро остались бы такими же возможностями, как прежде. Это монета факта. А вокруг них в разных степенях достоверности и постоянства в зависимости от уровня их вероятия разбросаны их «*почти*-исходы» — близкие возможности. Словно призраки. Некоторые из них почти так же сильны, как и факты, а некоторые едва заметны. Они лежат там, где могли бы упасть, — орлом, решкой, ребром. Вероятности — добытые и извлеченные на свет. Уменьшающиеся по мере смещения поля вероятности.

Видя, что в глазах Беллис забрезжило понимание, Доул снова указал на свой меч:

— Это меч вероятных ударов. Меч возможного.

Он — проводник очень редкого вида энергии. Он — узловая точка в цепи, машина вероятия. А вот это, — он похлопал по маленькой коробочке у него на поясе, — источник энергии, малый двигатель. Это — он указал на провода, вшитые в его защитный жилет, — проводники энергии. А завершается цепь мечом. Когда я беру его в руки, машина приводится в действие… Если двигатель работает, то мои руки и меч добывают вероятности. Для каждой фактической атаки существует тысяча возможностей, мечей-почти-исходов, призраков, и все они вмещаются в один удар.

Доул вложил меч в ножны и поднял голову к угольно-черным кронам деревьев.

— Некоторые из наиболее вероятных почти реализуются. Некоторые слабее миражей, и их способность ранить низка. Существует бесчисленное количество клинков-случаев для всех вероятностей, и все они наносят удар одновременно… Нет такого боевого искусства, которого я бы не изучал. Я прекрасно владею всеми известными мне видами оружия и могу сражаться без оружия вообще. Но вот большинство людей не знают, что драться этим мечом я учился дважды и освоил *две* разновидности боя. Этот двигатель… Его завод на исходе. Но завести его

еще раз нельзя… все не так просто… Так что мне нужно экономить оставшиеся секунды. Когда я сражаюсь, я редко включаю Меч возможного. По большей части я использую его как обычное, совершенно традиционное оружие — клинок, прочный, как алмаз, с лезвием тоньше, чем заостренный металл. И я действую им *точно*. Каждый удар, который я наношу, выверен и приходится туда, куда я его направляю. Вот этому-то я и учился много лет.

В его голосе не слышалось никакой похвальбы.

— Но если ситуация критическая, если мои шансы невелики, если нужно устроить демонстрацию или мне грозит опасность… тогда я на несколько секунд включаю двигатель. И в этих условиях одной точности мне недостаточно.

Он замолчал, и в это время порыв теплого ветра зашелестел в кронах деревьев, словно те задрожали при этих словах.

— Палач знает, в какое место должен попасть его клинок. Он прилагает все свое мастерство, чтобы удар пришелся по шее. Он сужает круг возможностей. Если бы он использовал Меч возможного, то в пределах дюйма от фактического удара существовало бы огромное количество ударов вероятных. Вот где зарыта собака: чем

профессиональнее палач, чем точнее удар, чем меньше возможностей, тем *нерациональнее* использование Меча возможного. Но очевидно, что, если вложить оружие в руки непрофессионала, оно станет смертельно опасным и для него самого, и для любой жертвы, он может пораниться, утратить равновесие, выронить оружие из рук и тому подобное. Необходим средний путь… Когда я применяю обычное оружие, я — палач. Мой клинок ударяет в то место, которое я выбираю, а не правее или левее. Вот так я и научился драться. Использовать Меч возможного, когда в этом нет нужды, значит расходовать энергию впустую. Так что когда я, после долгих поисков, в конце концов нашел его, мне пришлось заново учиться искусству боя. Это совсем иное искусство — мастерство без точности… Действуя Мечом возможного, вы никогда не должны сужать возможности. Видимо, мне свойствен авантюризм, а не расчетливость — я сражаюсь сердцем, а не разумом. Я делаю неожиданные движения, удивляя не только противника, но и себя самого. Неожиданность, переменчивость, бесформенность. И каждый удар мог бы стать тысячью других, каждый из этих мечей-почти-исходов весьма вероятен. Вот как действуют Мечом возможного… Так что во

мне два бойца.

Когда его певучий голос замер, Беллис снова увидела парк вокруг себя, ощутила теплоту мрака, услышала голоса птиц.

— Я знаю все, что известно о добыче возможного, — сказал он. — Так я узнал и о мече.

Утер Доул выводил мозг Беллис из спячки. В Нью-Кробюзоне, когда ее любовником был ученый по имени Айзек, Беллис кое-чему научилась, наблюдая за его увлечениями.

Он был человек несобранный и не любил проторенных путей. Многие из его проектов кончались ничем. Беллис наблюдала, как он пытается воплощать идеи. В течение тех нескольких месяцев, что они провели вместе, его больше всего занимала кризисная энергия — так он это называл. Это была работа удивительной сложности в области теоретической физики и магии. Но Беллис из исступленных путаных объяснений Айзека вынесла лишь его убежденность в том, что мир, невзирая на всю его кажущуюся прочность, основан на нестабильности, на кризисе, который вызывает перемены в вещах, обусловленные возникающим в них напряжением.

Ей всегда казалось, что эта идея совпадает с ее собственными представлениями. Она нахо-

дила смутное утешение в мысли о том, что мир, пусть внешне и спокойный, всегда пребывает в кризисе, всегда стремится превратиться в свою противоположность.

В добыче возможного, о которой только что рассказывал Доул, Беллис увидела угрозу теории кризиса. Айзек как-то объяснял ей, что кризис проявляется в стремлении реального стать чем-то другим. Если бы тому, что есть, и тому, чего нет, было позволено сосуществовать, тогда само напряжение (кризис, определяющий все сущее) должно было бы рассеяться. Куда девается энергия кризиса, когда реальность превращается во что-то другое, если это другое сосуществует с нею, находится рядом?

Нет ничего, кроме туманной, множественной реальности. Эта мысль очень не понравилась Беллис. Как будто новая теория вызывала протест из-за какой-то странной остаточной преданности Айзеку.

— Когда я впервые здесь появился, — продолжал Доул, — меня одолевала страшная усталость. Я устал принимать решения. Хотел быть лояльным, *верным*. Хотел получать жалованье. Я изучил, искал и нашел то, что мне было нужно. При мне был мой меч, были мои знания, я

повидал мир… Я хотел отдохнуть. Хотел стать слугой, наемником… Но Любовники, увидев мой меч, книги, что я привез с собой, были просто очарованы. Особенно Любовница… В некоторых местах Бас-Лага, — продолжал он, — все еще остались машины вероятия. Они разные и имеют разное назначение. Я изучил их все. Одну из них вы видели — случайница, инструмент в моей комнате. Его использовали, чтобы играть возможное. В эфире, насыщенном потенциальными возможностями, виртуоз мог порой разыграть те или иные факты и случаи — внедрить их в реальность, выбрать желаемые исходы. Теперь эта штука, конечно же, совершенно бесполезна. Она старая, поломанная… и вообще мы не находимся в пласте возможностей… Этот меч… вы видите только одну его сторону. Воин, который когда-то пользовался им, и люди, убитые этим мечом тысячелетия назад, не узнали бы его. Когда властвовали Призрачники, вероятия использовались в архитектуре, медицине, политике, исполнительстве и всех других сферах. Сонаты возможностей, исчезающие ноты-призраки, отзвуки которых витают над реальной партитурой и вокруг нее, меняясь от исполнения к исполнению. Я исследовал руины Башни возможностей… — Доул

медленно покачал головой. — Такое зрелище не забудешь никогда… Они применяли эту науку в боевых искусствах, спорте и войне. В Ковертиане есть пассажи, описывающие схватку между борцами возможностей — мелькающее множество конечностей, ежесекундно то возникающих в реальном мире, то исчезающих из него, один почти-исход захватывает другой, тот — реальность, а та — снова почти-исход… Но все это, сама техника добычи, было следствием прибытия Призрачников — детонации от их приземления. И сквозь проделанную ими дыру можно было проникать в пласты вероятия. Вот в той ране, — сказал он, метнув взгляд на Беллис, потом отведя глаза, а потом снова стрельнув взглядом в нее, — в этом шраме, оставленном Призрачниками… там-то и находится этот пласт. Если рассказы не врут, он расположен на другой стороне мира, в конце Пустого океана. Ни один корабль еще не пересекал этих вод, потому что они враждебны кораблям. Да и кто бы пожелал отправиться туда? Если шрам и существует, то до него тысячи миль пути. К тому же истории рассказывают о жутких тварях, обитающих в Треснутой земле, о кошмарной живности тех краев. Светогрибы. Ужасобаки. Ненасытные бабочки. Даже если бы

мы и *могли,* — сказал он, и Беллис услышала в его голосе неподдельную искренность, — я бы не пытался добраться до Треснутой земли.

Теперь он смотрел на Беллис, и она за благородными модуляциями его голоса расслышала глубокое чувство. Она проглотила слюну, стараясь сосредоточиться. «*Все это очень важно,* — сказала она себе. — *Слушай и пытайся разобраться. Я не знаю почему, но он рассказывает мне что-то, дает знать…*»

А потом…

«*О добрые боги на небесах, неужели он и правда… нет, неужели это возможно, чтобы он… конечно, неужели я, неужели не поняла?*

Неужели именно это он и имеет в виду?»

Выражение его лица было сосредоточенным, и она осознала, что смотрит на него, а он — на нее, что оба молча вглядываются друг в друга сквозь темноту.

Голова у нее пошла кругом. *Конечно же,* думала она, *ни один корабль не может добраться до Треснувшей земли. Да и кому это может понадобиться? Земля эта того не стоит. Слишком далеко, слишком опасно. Даже ради этого. Даже ради этого. Но что это он мне сказал, что они говорили, как там?..*

«Мы покрыли этот мир шрамами надежды, нанесли ему раны, поставили свои знаки на самых отдаленных его землях, протянувшихся на тысячи лиг за морями».

В этом море есть что-то. Нам оно ничем не повредит, в отличие от той земли. Здесь нет ни монстров, ни светогрибов, ни бабочек, которые угрожали бы жизни добытчика — добытчика возможностей. А то, что в море, гораздо ближе, — Треснувшая земля, она на конце света, но баллады Призрачников говорят, что шрам тянется на многие тысячи миль. Тянется к центру мира. К нам. Ближе.

Ни одному кораблю не удалось пересечь Пустой океан… В это я верю. Я знаю истории о ветрах и течениях, которые уносят пришельцев в сторону. Ни один корабль не может пересечь этот океан.

Но ничто не в силах остановить аванка.

Почему он рассказывает мне все это?

Неужели мы туда и направляемся, Утер? Через океан — через Пустой океан к той незажившей ране, к той трещине? Ведь разломана была не только земля, но и море. Неужели мы направляемся именно туда? Чтобы добывать возможности в том, что осталось после боль-

шого космического разлома. Так, Утер?

И Бруколак именно об этом и говорил, да, Утер? Именно это он и имел в виду?

Почему ты рассказываешь мне это? Что я такого сделала? Что ты делаешь? Почему ты хочешь, чтобы я знала об этом?

Аванк может доставить нас туда, где мы увидим, что сталось с этой раной в море. Для этого им нужен был аванк. Для этого они и наняли Тиитиннабулума. Для этого они и угнали «Сорго» — им было нужно топливо. Вот почему мы отправились на остров и привезли оттуда Аума. И вот почему ты, Доул, участвовал в работе над этим секретным проектом — потому что ты владеешь мечом, потому что поднаторел в этой науке. Все сходится. Вот для чего был вызван аванк. Только с ним Армада и сможет пересечь океан.

Только с ним можно пересечь океан.

Он может доставить нас к Шраму.

ГЛАВА 35

— Как это ты, к херам, меня нашла? — В голосе Сайласа Фенека ясно слышалась тревога.

— Я что, по-твоему, вчера родилась? — прошептала Беллис — Или ты думаешь, что стал невидимкой? Или считаешь меня полной идиоткой?

Она напускала тень на ясный день: Фенека она нашла случайно — просто ей повезло. Она несколько дней ловила малейшие известия о Саймоне Фенче. А после разговора с Утером Доулом удвоила усилия.

В конечном счете нашла его вовсе не она, а Каррианна. В ответ на непрестанные просьбы Беллис о помощи ее подружка с обычным своим застенчивым воодушевлением сообщила ей, что слышала, будто таинственного мистера Фенча видели в «Пашакане» — таверне в трюме «Евгения», стофутового шлюпа квартала Ты-и-твой.

Беллис после похода в цирк гладиаторов не часто баловала своими посещениями квартал короля Фридриха. Пряча страх, она направилась по его узким улочкам.

Она миновала «Внезапное понимание» — мно-

гомачтовый клипер, который образовывал часть причалов Ежового хребта и связывал кварталы Сухая осень и Ты-и-твой. Это огромное судно, одно из немногих в Армаде, не принадлежало какому-то одному правителю. Большая часть его корпуса была в подчинении Сухой осени, но ближе к носу ответственность за корабль и управление ими понемногу переходили к Ты-и-твой, и улицы тут становились еще шумнее и неопрятнее.

Беллис прошла мимо помойки, где мрачные обезьяны ссорились с котами и собаками, по убогим улочкам и наконец оказалась на территории, неоспоримо принадлежащей Ты-и-твой — самому захудалому из кварталов Армады.

Строения здесь в основном были деревянные, и многие из них — трачены солью или грибком. Но здесь жили вовсе не одни бедняки — богачей в квартале хватало, о чем свидетельствовали золото, серебро и гагат, видневшиеся во многих комнатах за окнами, и яркие шелка и парча на некоторых обитателях, и качество кое-каких товаров. Однако в месте, где продавалось все, определенные товары (например, право поддерживать в пристойном виде дома и улицы) не очень соблазняли покупателей.

Трущобы, фабрики и убогая роскошь вполне

уживались здесь, раскачиваясь бок о бок на волнах. Беллис шла через «Божка соли», флагманский корабль короля Фридриха, и входила в трескучее, насыщенное запахами и погруженное в полумрак чрево «Евгения», где располагался «Пашакан».

В третий свой приход она увидела Сайласа. Беллис обозлилась на его грубое удивление при виде ее.

— Может, ты меня все-таки выслушаешь? — прошипела она. — *Я знаю, куда мы направляемся!*

Сайлас резко поднял голову, встретился с ней глазами. Она вдруг рассмеялась неприятным смехом.

— У тебя случаются дежавю, Сайлас? — спросила она. — У меня случаются, Джаббер свидетель. Ты хоть понимаешь, что мне не нравятся такого рода отношения? Я, кажется, занимаюсь этим с занудной регулярностью — прихожу и рассказываю тебе, *мне*, мол, *известна тайна*, передаю ее тебе для дальнейшего распространения, для составления планов, для *противодействия* ей. Мне это вовсе *не нравится*. И этот раз будет последним, заруби себе на носу!

Она не лукавила. Что бы ни случилось, больше

дел с Сайласом Фенекем она иметь не собирается. Между ними больше нет ничего — между ними меньше, чем ничего.

— Но нравится мне или нет, — продолжала она, — у меня почти нет выбора. Мне нужна твоя помощь. Единственное, что тут можно предпринять, это… распустить слух, чтобы узнало как можно больше людей. И если никто не захочет слушать Беллис Хладовин, то, похоже, все больше народа готово слушать смутьяна Саймона Фенча.

— И куда же мы направляемся, Беллис? — спросил Фенек.

Она рассказала ему.

— Я все время задавал себе вопрос — что это ты связалась с Доулом, с этим сраным психом. Он *знает*, что ты знаешь? — Фенек, казалось, был ошеломлен услышанным.

— Скорее всего, — ответила она. — Трудно сказать. Дело было так, словно он… Он явно нарушил свои обязательства, рассказав мне об этом. Но может, его так… распирало, что он не мог удержаться. И вот он рассказал мне не напрямую, что было бы предательством, а так — обиняками. Все это время я считала, что он сопровождает Любовников, Аума и ученых на эти тайные заседания, потому что он их телохранитель. Но дела

обстояли иначе: он-то и есть главный *специалист* в этой области — в области добычи возможного. Он знает об этом все, потому что уже проводил такого рода исследования в поисках своего меча. Над этим-то они и работают. Любовники хотят добраться до Шрама, они хотят подключиться к возможностям, Сайлас. — Голос ее оставался ровным, хотя она этого и не чувствовала. — Как империя Призрачников, понимаешь?

— Вот для чего им понадобился аванк, — выдохнул он, и Беллис кивнула:

— Именно. Это средство достижения цели. Любовники вероятно, пришли в экстаз при виде его меча, когда Доул впервые появился в городе. Они слышали истории о Треснувшей земле и Шраме — обо всех известных ему тайнах, — но тогда воспринимали это всего лишь как фантазию. Но потом они вспомнили о Тинтиннабулуме и его команде, поняли, что их можно уговорить. Это такая крупная игра. — Беллис смотрела сквозь маленькое окошко на море, которое неторопливо пенилось за бортами Армады, влекомой аванком. — И ведь Любовники уже знали о цепях. Армада пыталась поймать аванка и раньше. Но это было так давно, а к тому же Любовникам было наплевать на традиции. Но с появлением Доула

все изменилось. До его прихода вызов аванка был бы идиотским, грандиозным, бессмысленным предприятием. Но теперь — нет. Все знают, что ни один корабль не может пересечь Пустой океан. Но нет в Бас-Лаге такой силы, которая могла бы остановить *аванка*. Они внезапно обрели способ добраться до оставленного Призрачниками Шрама, о котором им поведал Доул.

Масштаб проекта ошеломлял. Трудно было представить себе, что все эти лишения, расходы, усилия, на которые пошли Любовники, чтобы поднять аванка, — лишь первая часть их плана.

— Все это, — выдохнул Сайлас, и Беллис кивнула.

— Все, — сказала она. — Буровая, «Терпсихория», Иоганнес, остров анофелесов, цепи, фульмены, треклятый аванк… Все. И вот оно ради чего.

— Ради неограниченной власти, — произнес Сайлас так, словно эти слова были грязными. — Я полагал, что аванк им нужен для пиратских дел. Они на это намекали: Джаббер милостивый, с аванком можно столько наворовать! В таком варианте, по крайней мере, был бы хоть какой-то смысл. Но это… — Вид у него был недоуменный. — Сразу видно, что они — эти твои Любовники — не местные, а из похищенных; ни одному серьезно-

му пирату такая херня и в голову бы не пришла.

— Они опасны, — просто сказала Беллис. — Они фанатики. Дерьмо господне, я понятия не имею, смогут ли они и в самом деле пересечь Пустой океан. И не хочу это выяснять. Я… я слышала их, когда они были вдвоем. — Он вопросительно посмотрел на нее, но не спросил, как ей это удалось. — Я знаю, что они из себя представляют. Я не позволю, чтобы такие вот люди — одержимые утописты — тащили меня на другой конец света, в место, которого, может, и нет, а если есть, то опаснее его в Бас-Лаге не найдешь. Мы все больше и больше удаляемся от Нью-Кробюзона. Но я еще не оставила мысли вернуться домой.

Беллис поняла, что ее бьет дрожь, стоило подумать, как далеко от нее дом. А если Утер и другие правы? Если им и в самом деле удастся пересечь океан?

Множество возможностей. Мороз подирал по коже от этой мысли, которая казалась ей угрожающей, подрывающей основы мироздания. Беллис чувствовала себя песчинкой, и это оскорбляло и пугало ее.

«*Словно какой-нибудь родник в степи,* — копошилась в ее голове неясная мысль, — *где слабый, и сильный, и хищный заключают на время водопоя*

перемирие — газель, антилопа, мафадет и лев. Все возможности сошлись в чертовской гармонии — победитель, сильнейший, факт, реальность, позволить неудачникам жить, позволить жить им всем. Пацифизм и патетика».

— Поэтому-то они и помалкивают, — сказала она. — Они знают, что люди будут против.

— Они боятся, — пробормотал Сайлас.

— Любовники сильны, но они не могут в одиночку простоять всем остальным кварталам. А если еще ближе к делу, то они побаиваются и своих собственных людей.

— Бунт, — выдохнул Сайлас, и Беллис мрачно улыбнулась:

— *Мятеж*. Они боятся мятежа. И вот почему нам нужен Саймон Фенч.

Сайлас медленно кивнул, потом наступило долгое молчание.

— Ему придется распустить слухи, — сказал он наконец. — Листовки, разговоры, слухи, все такое. В этом он крупный специалист. Я позабочусь, чтобы он сделал это.

— Извини, Беллис, — сказал Сайлас, когда она встала, собираясь уходить. — Я был тебе не лучшим другом. Я был так… Дел много, трудных дел. Я нахамил, увидев тебя, извини.

Беллис смотрела на него. В ней говорили неприязнь и — как ни парадоксально — остатки того, что когда-то соединило их. Словно осколок воспоминания.

— Сайлас, — сказала она, холодно улыбаясь, — мы ничего не должны друг другу. И никакие мы не друзья. Но мы оба заинтересованы в том, чтобы сорвать план Любовников. Я в этом смысле беспомощна, а ты, вполне вероятно, сможешь сделать что-нибудь. Надеюсь, ты попробуешь, а потом сообщишь мне, что у тебя получилось. Не больше. Никакого другого общения с тобой я не ищу. Я не хочу, чтобы ты приходил ко мне как *друг*.

После ухода Беллис Сайлас Фенек еще долго оставался в «Пашакане». Поглядывая на темнеющее небо, он прочел несколько листовок и газет — шрифт смазанный, нечеткий. Дни стали заметно длиннее, и он подумал о лете в Нью-Кробюзоне.

Ждал он долго — именно сюда приходили люди, полные решимости найти его. Но он читал и пил в одиночестве. Когда Сайлас выходил из помещения, одна одетая в лохмотья женщина с любопытством проводила его взглядом, — больше на него никто не обратил внимания.

Фенек направился домой по петляющим улочкам и закоулкам Ты-и-твой на испачканный маслом металлический корабль «Тягомотина», находившийся в тихой части города. Рядом с ним вырисовывались контуры громадного корабля, прежде бывшего фабрикой, а теперь превращенного в армадский сумасшедший дом.

Сайлас сидел у себя дома, в одном из невзрачных бетонных блоков, построенных рядом с трубой «Тягомотины», прямо в тени сумасшедшего дома. Сидел и ждал. В одиннадцать часов в дверь раздался стук — прибыл связной. Впервые за много дней у них появилась важная и серьезная тема для разговора. Фенек медленно подошел к двери, и его походка, манера, выражение лица чуть изменились.

Открывая дверь, он уже был Саймоном Фенчем.

На пороге стоял крупный пожилой какт и нервно оглядывался по сторонам.

— Хедригалл, — тихо сказал Фенек изменившимся голосом. — Я тебя жду. Нужно поговорить.

На лунокорабле «Юрок», отличавшемся бестильной, со множеством выступов архитектурой, собирались вампиры.

Бруколак созвал конклав своих немертвых подручных, своего войска. Когда вечерние сумерки сменились ночной чернотой, они легко и бесшумно, словно листья с деревьев, сошли на лунокорабль.

Все жители Сухой осени знали, что их вампиры всегда стороже. Они не носили никакой формы, их личности не были известны.

Бациллы, вызывавшие светобоязнь и кровежажду (их вампирская разновидность), были неустойчивы и слабы, они обитали только в слюне, а в любой другой среде быстро теряли свои свойства и погибали. Только в том случае, если жертва вампира не умирала, а укус был прямым (рот-кожа), часть слюны попадала в кровь жертвы и возникала опасность заражения выжившего. И если он не погибал от лихорадки и горячки, то пробуждался после смерти и обновления в одну из ночей, немертвый, одержимый голодом; тело его видоизменялось, становилось во много раз сильнее, движения убыстрялись. Они не старели, почти никакие раны не были им страшны. Свет для них становился невыносим.

Все попавшие в войско Бруколака прошли тщательный отбор. Кровеналог перед потреблением процеживался во избежание случайных инфек-

ций. Те, из кого Бруколак пил напрямую, были самыми преданными его слугами, его сподвижниками, которых он удостаивал чести обрести несмертие.

Конечно, в прошлом время от времени случались и предательства. Выбранные им помощники, исполнившись жажды власти, выступали против него. Были случаи недозволенного заражения и покушений на его нежизнь. Бруколак подавлял их все с грустью и без малейшего труда.

Теперь его окружили его подручные — их в большом зале «Юрока» собралось несколько десятков. Они наслаждались редкой возможностью не скрывать свою природу; их змеиные языки на всю длину выкатывались наружу, с наслаждением пробуя воздух. Мужчины, женщины и гермафродитные юнцы.

Перед ними, почти что рядом с Бруколаком, стояла одетая в тряпье женщина, которая наблюдала за Фенеком в Пашакане. Все вампиры смотрели на своего хозяина широко открытыми светоусиливающими глазами.

Выдержав долгую паузу, Бруколак заговорил. Голос его звучал тихо, и, будь собравшиеся людьми, они бы не услышали его.

— Братья и сестры, — сказал он, — вы знаете, почему мы здесь собрались. Я всем вам сказал, куда мы направляемся, куда влекут нас Любовники. Неприятие нами их планов хорошо известно. Но мы в меньшинстве, нам не доверяют, мы не можем повести за собой город. Мы не можем убеждать, руки у нас связаны… Однако положение может измениться. Любовники рассчитывают на инерцию, полагая, что, когда их цель станет очевидной, сделать что-то будет уже невозможно. И они надеются, что к этому времени люди добровольно принесут себя в жертву. — Бруколак ухмыльнулся и лизнул воздух своим длиннющим языком. — *Но* вот, кажется, по городу пошли слухи. Сегодня был подслушан изумительный разговор. — Он кивнул в сторону одетой в тряпье женщины. — *Саймон Фенч* знает, куда мы направляемся. Представьте себе, эта Доулова кробюзонская подружка во всем разобралась и сообщила об этом мистеру Фенчу, или Фенеку, или как уж он там себя называет. Мы ведь знаем, где он живет, да?

Женщина кивнула.

— Фенч собирается выпустить очередную свою зажигательную листовку. Мы, если удастся, постараемся вмешаться, чтобы помочь ему, но он

предпочитает работать в одиночестве, и, если он узнает, что мы его вычислили, он исчезнет. Мы не хотим мешать его усилиям. Мы можем надеяться, — подчеркнул Бруколак, — что ему удастся воплотить свои планы в жизнь, и тогда для Саргановых вод наступит кризис. Ведь, в конце концов, мы еще не достигли Пустого океана. Но… — Бруколак произнес это слово холодным и жестким тоном; подручные восторженно внимали ему. — Но мы должны принять меры на тот случай, если Фенч потерпит неудачу. Братья и сестры… — Он, не прерывая своего гортанного шепота, попробовал языком воздух. — Братья и сестры, мы не должны проиграть это сражение. Будем надеяться на успех Фенча. Но если этого не случится, мы должны быть готовы привести в действие другой план… Если потребуется, я возьму этот треклятый город силой.

И его немертвые помощники одобрительно зашипели и забормотали.

ГЛАВА 36

На север — медленно, но неумолимо. Армада двигалась, дни становились неделями. Город ждал. Никто не знал, что будет дальше, но все понимали — это равномерное движение не может продолжаться без происшествий. Армада пребывала в напряжении.

Беллис ждала известий о листовке Фенча. Она терпеливо представляла себе, как он работает в городском подполье, в чреве какого-нибудь корабля, сопоставляет информацию, контролирует информаторов.

Иногда по ночам, влекомая каким-то извращенным желанием и недовольная собой, Беллис в одиночестве пробиралась в чрево «Гранд-Оста» и находила путь в помещение под комнатой любовников. Она слышала новые напряженные нотки в их сипловатых, придыхательных любовных речах.

«Скоро», — услышала Беллис шипящий голос одного из них, и томный ответ: «Да, жарь, скоро».

Беллис теперь различала их короткие вскрики. Любовница казалась ей более страстной, более

целеустремленной. Именно она, похоже, была нетерпеливой, жаждала результата, именно она чаще шептала скоро; она была больше одержима проектом, а ее любовник был одержим ею. Он ластился к ней, эхом вторя ее словам.

Время тянулось медленно. Утер Доул все больше и больше разочаровывал Беллис.

Двигаясь на север, город быстро вышел из зоны штормов и жары в более умеренную полосу — теплую и с лег-ветерками; это напомнило Беллис о кробюзонском лете.

Через пять дней после встречи Беллис и Сайласа в «Пашакане» в небесах Армады на аэростате «Высокомерие» случилось происшествие.

Беллис стояла с Утером Доулом на палубе «Гранд-Оста», глядя на полосу Крум-парка. Хедригалл с другими работал на палубе рядом с толстенными канатами, удерживавшими «Высокомерие» над носом корабля.

— Доставка почты! — крикнул Хедригалл, и бригада быстро освободила площадку внизу.

Сумка с грузилом скользнула вдоль каната и с хлопком упала на подушку из ветоши.

Движения Хедригалла, когда он открывал сумку, были обычными, и Беллис уже начала отворачиваться. Но когда какт вытащил послание,

манеры его так резко переменились, что Беллис тут же перевела взгляд обратно. Хедригалл бросился к Беллис и Доулу с такой невероятной скоростью, что ей на секунду даже показалось, будто он собирается их атаковать. Она напряглась — мощная фигура стремительно приближалась, грохоча по доскам палубы.

Хедригалл негнущейся рукой протянул сообщение от наблюдателя.

— Боевые корабли, — сказал он Доулу. — Броненосцы. Флотилия из Нью-Кробюзона. Расстояние — тридцать пять миль. Приближаются. Будут здесь через два часа. — Он замолчал, зеленые губы некоторое время двигались беззвучно, наконец, недоуменным тоном, сам не веря своим словам, он произнес: — Нас атакуют.

Поначалу ошеломленные люди никак не могли поверить поступающим приказам. В каждом квартале, на каждом флагмане собрались огромные толпы, угрюмые и ошарашенные; армадцы проверяли оружие, натягивали на себя доспехи.

— Но это какая-то ерунда, Доул, мой господин, — говорила одна из женщин на палубе «Гранд-Оста». — Отсюда до Нью-Кробюзона почти *четыре тысячи миль*. С какой стати они бы поперлись сюда? И как получилось, что науско-

писты ничего не видели? Они должны были бы заметить их еще вчера. И вообще, как это кробюзонцы умудрились нас найти?..

Доул оборвал ее, закричав так громко, что все, кто его услышал, тут же погрузились в молчание.

— *Сейчас не время спрашивать как!* — проревел он. — *Сейчас не время спрашивать почему! Мы займемся этим после боя. Теперь же мы должны драться, как боевые псы, как голодные акулы. Иначе город погибнет!*

После этих слов все разговоры прекратились. Люди нахмурились и приготовились к бою. Но в каждой голове звучал отложенный на потом вопрос: «*Как им это удалось?*»

Пять боевых кораблей Армады выдвинулись на несколько миль к западу, образовав подобие извилистой стены между городом и надвигающимся флотом.

Вокруг и между них двигались броненосцы помельче — невысокие суда без иллюминаторов, закованные в серый металл, ощетинившиеся короткоствольными пушками. К ним присоединились пиратские корабли, только что стоявшие на причалах. Матросы на них, сжав зубы, старались не задумываться над своей самоубий-

ственной бравадой — их корабли имели защиту и вооружение для охоты на торговые суда, а против военного флота были бессильны. Они понимали, что лишь немногие из них вернутся домой.

Никаких разделений между кварталами здесь не существовало. Команды, преданные тому или иному правителю маневрировали, наступали, шли в бой бок о бок. Наблюдатели на «Высокомерии» прислали еще несколько сообщений — теперь кробюзонские корабли стали видны четче. Утер Доул прочел послания Любовникам.

— Вероятно, они взбеленились из-за этой своей буровой установки, — тихо сказал он, так что услышали его только эти двое. — По вооружению противник нас превосходит. Кораблей у нас больше, но половина — это деревянные пиратские посудины. У них семь линкоров, а поисковых кораблей вообще без счета. Они послали чуть ли не половину своего флота.

Флорин Сак и рыболюди Баска, Сукин Джон, креи, подлодки с неясными очертаниями. Подводные силы Армады застыли в ожидании, огромные цепи слегка шевелились. Армада продолжала движение, но аванк замедлил ход, чтобы корабли после боя могли догнать город.

Поблизости небольшая группа креев тесно

сгрудилась на одном из погружных плотов. То были шаманы, заклинаниями вызывавшие своих зверей.

Когда Флорин впервые столкнулся с диних-тисом, он, не размышляя, бросился в воду. У него тогда не было времени задуматься о своем страхе. Но теперь оставалось не меньше часа до того момента, когда корабли из его прошлого дома прибудут, чтобы уничтожить нынешний. Целеустремленность и разум, приводившие в действие их винты, были куда как опаснее, чем безмозглая тупость, читавшаяся в глазах костерыбы.

Минуты тянулись медленно. Флорин думал о Шекеле, который по его требованию остался дома. Шекель ждал там вместе с Анжевиной — оба, несомненно, получили оружие от оставшихся на Армаде стражников. «*Ему же еще нет и шестнадцати*», — в отчаянии думал Флорин. Как ему хотелось оказаться там вместе с ними — с Шекелем и его подружкой! Флорин взвесил в руке свой огромный гарпун и подумал о предстоящей схватке. Чувство страха было таким сильным, что мочевой пузырь подвел Флорина, и теплая моча оросила его ноги, а потом рассеялась с потоком воды.

Повсюду в Армаде и на всех свободно плавающих судах, готовившихся к защите города, было оружие.

Открылись двери арсеналов и оружеен города, и продукты военных технологий, произведенные за тысячелетия многими сотнями цивилизаций, были извлечены на свет и готовились к бою: пушки, гарпуны, кремневые ружья, мечи, арбалеты, дискометы наряду с более экзотическим оружием: жалострелами, баанми, йарритусками.

По всему городу над крышами и мачтами висели дирижабли, словно оторвавшиеся части городских построек. С запада на горизонте появились дымы кробюзонских кораблей.

На палубе «Гранд-Оста» собралась огромная толпа: офицеры, капитаны судов, их помощники и правители всех кварталов теснились, слушая Утера Доула, солдата, отдававшего им приказы. На Беллис никто не обращал внимания — она неподвижно стояла рядом и внимала.

— У них больше боевых кораблей, чем у нас, — немногословно сказал Доул. — Но оглянитесь. — Он указал на множество пароходов и буксиров, которые до недавнего времени тащили Армаду по океану, а теперь бесцельно-свободно кружили возле города. — Нужно доукомплектовать экипа-

жи и *превратить* эти суда в настоящие боевые корабли… Мы послали известие Бруколаку и его войску — как только они проснутся, им сообщат. Нужно послать несколько быстроходных кораблей или дирижаблей к границам Сухой осени — пусть ждут вампиров. — Мы не знаем ничего насчет кробюзонских подводных сил, — продолжал Доул. — Наши субмарины сами должны решать, когда атаковать. У них нет воздушных кораблей. Наш единственный реальный козырь — превосходство в воздухе. — Он показал на «Трезубец», покачивающийся на корме «Гранд-Оста», — его нагружали порохом и мощными бомбами. — Отправляйте их в первую очередь и как можно скорее. Не мешкайте… И запомните: основное внимание — линейным кораблям. Броненосцы и катера нанесут нам ущерб, но мы сможем выдержать их огневой удар. А линкоры… они способны потопить город. — По палубе пронесся вздох ужаса. — На них хранятся запасы топлива — без этих кораблей кробюзонский флот не сможет вернуться назад.

Беллис внезапно вернулась к реальности, осознав, что происходит. Мысли ее проскальзывали, как сломанная шестерня, — она уже не слышала дальнейших наставлений Доула, а постоянно

возвращалась к одному и тому же: «*Корабль из дома, корабль из дома…*»

С неожиданной отчаянной надеждой Беллис посмотрела на слабые дымки на западе. «*Как попасть к ним?*» — думала она, не веря происходящему, а голова ее кружилась от счастья.

Наконец кробюзонские корабли подошли настолько близко, что их уже можно было разглядеть — длинная полоса черного металла, от которой шли серые дымы.

— Они семафорят, — крикнул Хедригалл с вершины надстройки на корме «Гранд-Оста», глядя в огромную стационарную подзорную трубу. — Посылают нам сообщение, а сами тем временем приближаются. Так, название их флагманского корабля и… — Он помедлил. — Они хотят переговоров?

Доул оделся для сражения. На его серых доспехах виднелось множество ремешков и кобур с кремневыми пистолетами — на бедрах снаружи и изнутри, на плечах, посредине груди. Повсюду на его туловище из ножен торчали рукояти кинжалов и метательных ножей. Вид у него был такой же, с содроганием поняла Беллис, как и в тот день, когда он появился на борту «Терпсихории».

Ей было все равно. Больше это ее не волновало.

Она отвернулась и в отчаянии и радости посмотрела на кробюзонские корабли.

Доул встал к подзорной трубе.

— «Капитан Принсип Секассан кробюзонского корабля „Утренний скороход“, — медленно прочитал он семафор, покачивая головой. — Запрашивает переговоры по поводу кробюзонского заложника».

На одно мгновение ошеломленная Беллис решила, что речь идет о ней. Но еще не успела исчезнуть судорога радости с ее лица, как она поняла всю абсурдность этой мысли (*и что-то в глубинах ее мозга замерло в ожидании, дабы подсказать ей со временем другое объяснение*). Она повернулась, взглянула на лица Утера Доула, Хедригалла, Любовников, всех собравшихся капитанов.

При виде их Беллис пробрала дрожь. Она поняла, что все как один на предложение «Утреннего скорохода» прореагировали с высокомерным презрением.

Перед лицом этого коллективного чувства, этой абсолютной вражды, уверенности окружающих ее людей в том, что Ныо-Кробюзону нельзя доверять, что с ним необходимо сражаться, что его нужно уничтожить, ее собственная радость

рассеялась. Она помнила кое-что из читанного раньше о Пиратских войнах и о кробюзонском нападении на Сурош. Она неожиданно вспомнила о своих разговорах с Иоганнесом и Флорином Саком, вспомнила ярость, которая обуяла Флорина при мысли о том, что его могут найти кробюзонские корабли.

Беллис вспомнила и собственное поспешное бегство из Нью-Кробюзона. «*Я пересекла море, потому что боялась за свою жизнь,* — подумала она. — *Куда бы я ни посмотрела, я всюду видела милицию. Боялась агентов правительства. Агентов, переодетых моряками*».

Беллис поняла, что не только пираты (морские соперники Нью-Кробюзона) и не только переделанные имели основания бояться наступающих кораблей. Уверенность покинула ее. Ведь и у нее тоже есть все основания бояться.

— У них достаточно вооружения, чтобы уничтожить город, — сказал Доул собравшимся капитанам. — А они якобы хотят *договариваться* с нами?

Никого в этой толпе не нужно было убеждать. Люди слушали молча.

— Они нас уничтожат, если им представится хоть малейший шанс. И они умеют бог знает как

находить нас на другом конце света. Если мы не уничтожим их сегодня, они будут *возвращаться* снова и снова. — Доул покачал головой и медленно закончил — чтобы сказанное до этого не звучало так мрачно: — Мы должны пустить их на дно.

Командиры разошлись — аэротакси доставили их на корабли. Те правители, которые собирались драться, отправились на свои боевые корабли или дирижабли, а те, кто был слишком хлипок или труслив, вернулись на свои флагманские суда в городе. На мостках остались только Доул, Любовники и Беллис, на которую никто не обращал внимания.

Любовники собирались сражаться отдельно друг от друга: он — на корабле «Гавань Чо», она — на дирижабле «Нантер». Теперь они прощались. Они поцеловались, вовсю работая языками и производя страстные звуки — те самые, которые не раз подслушивала Беллис. Они говорили друг с другом, клялись, что очень скоро снова будут вместе, и Беллис поняла, что в их прощании не было ничего трогательного, ничего трагического. Они целовались не так, будто это их последний шанс, а жадно и похотливо, пробуждая в себе новые желания. Они не испытывали страха, они,

казалось, не чувствуют сожаления, они, казалось, жаждут расстаться, чтобы поскорее встретиться снова.

Беллис смотрела на них с отвращением, не в силах оторвать глаз. Они терлись лицами, и их шрамы при этом подергивались, словно змейки.

Кробюзонские корабли были теперь менее чем в десяти милях от Армады.

— Некоторые из них прорвутся, Утер, — сказала Любовница, поворачиваясь к Доулу. — Мы можем себе позволить потерять несколько кораблей, аэростатов, подлодок. Но мы не имеем права потерять город, и ты нужен нам здесь, чтобы защищать его. Как… последняя линия обороны… И еще, Доул, — добавила она. — Мы не можем себе позволить потерять тебя. Ты нам нужен, Доул. Ты знаешь, что делать. Когда мы доберемся до Шрама.

Беллис не знала, то ли Любовница забыла о ее, Беллис, присутствии и потому говорила так открыто, то ли это уже не имело значения.

Любовники поднялись в воздух на последнем дирижабле, который должен был доставить их на выбранные ими позиции. Аванка слегка осадили, и движение города замедлилось. Доул и Беллис остались одни. Под ними на широкой палубе

«Гранд-Оста» готовились к схватке армадцы.

Доул не смотрел на Беллис и не говорил с ней. Взгляд его был устремлен вдаль за «Сорго». Теперь уже меньше пяти миль разделяли армадский флот и клин курносых кробюзонских кораблей. Расстояние сокращалось.

Наконец Доул повернулся к Беллис: челюсти сжаты, глаза открыты чуть шире обычного, — и протянул ей кремневый пистолет. Она ждала, что он прикажет спуститься вниз или не путаться под ногами, но он ничего не сказал. Они стояли рядом, смотря на приближающиеся корабли.

Человек целует свою статуэтку и, невидимый, прохаживается за спинами Беллис и Утери Доула.

Сердце его учащенно бьется. Он собрался, он готов. Все его пожитки умещаются в карманах и руках. Человек разочарован, но не удивлен тем, что Армада не согласилась на переговоры. Ну что ж, времени в таком разе придется потратить больше, но, признает он, крови в конечном счете будет пролито столько же.

Уже скоро, так скоро. Он почти что может шагнуть на палубу «Утреннего скорохода». Но еще не совсем. Кораблю нужно еще пройти несколько миль. «Они пошлют за мной лодку, — думает

он и готовится встретить их. — Я сообщил, где меня найти».

Теперь Утер Доул говорит с Беллис, показывает ей на толпу, суетящуюся внизу. Он оставляет ее; он оставляет ее в одиночестве на высокой крыше, спускается к своим бойцам, и Беллис, взвешивая в руке пистолет, не сводит глаз со спускающегося Доула.

Человек знает: те, кто наступает, его соотечественники, найдут его без труда. Его описания были точны. Перепутать «Гранд-Ост» с чем-нибудь другим невозможно.

Два флота, разделенные тремя милями морского пространства, продолжали наступать друг на друга. Армадцы шли на множестве разношерстных судов всевозможных расцветок и конструкций, под парусами и под паром. С другой стороны надвигались «Утренний скороход» с кораблями сопровождения: серые и темные борта ощетинились крупнокалиберными пушками.

К кробюзонским кораблям приближался рой дирижаблей — боевых, разведывательных, пассажирских, загруженных ружьями и бочками черного пороха. Ветра не было, и продвигались они быстро. Впереди этого пестрого флота шел «Трезубец», окруженный воздушными корабля-

ми поменьше — аэронавты в одиночных кабинах раскачивались под небольшими баллонами с газом.

Армадские капитаны знали, что их вооружение слабее. Их корабли находились на расстоянии более двух миль от противника, когда кробюзонцы открыли огонь.

Над морем раздался грохот, жерла пушек вспыхнули пламенем. Разрывы и фронт кипящей воды, словно гонцы, опережали «Утреннего скорохода». Армадские пушки были заряжены и приготовлены к бою, но пока молчали. Экипажи армадских судов могли только одно — изо всех сил гнать свои корабли сквозь убийственный огонь противника в зону действия собственных пушек. Они должны были пройти под огнем больше тысячи футов, и только тогда могли открыть ответный огонь, а пока с мрачной бравадой ввязались в одностороннее сражение, и время переменилось.

Металл врезается в металл, воспламеняется черный порох, вспыхивает нефть, горит и разрывается плоть.

Флорина Сака под водой отчаянно трясет, он оглушен импульсами давления. Кровь проступает на его жабрах.

Над ним армадские корабли — тени на светящейся воде. Строй разрушается, корабли теперь движутся как попало. Некоторые из них мечутся без толку и (*Джаббер*) разлетаются на части (*Джаббер, помоги и спаси*), разламываются надвое, натрое, приближаются, растут в размерах, опускаясь на него, словно ночь, так медленно, будто ему это кажется, но тут рядом с ним бросаются врассыпную рыболюди, и (*Ссаки-божьи-не-может-быть*) оторванные куски металла пролетают, как кометы, оставляя за собой след масла, грязи, шрапнели, крови.

Обломки погибших судов устремляются вниз рядом с Флорином, извергая из себя пузыри и тела, и исчезают в темноте.

С воздушных кораблей бойня кажется далекой и не столь кровавой — маленькие вспышки, легкие отзвуки, коптящее пламя нефти и корабли, которые исчезают на глазах. Армадский флот продолжает движение, как стая глупых слепых собак, сквозь беспощадную бойню, уменьшаясь в числе, пока наконец корабли противника не оказываются в пределах досягаемости его орудий.

Сверху, с расстояния в несколько сотен футов, сражение выглядит как диорама. Оно похоже на реконструкцию. Оно кажется ненастоящим.

За взрывами не слышно криков.

Кровь сочится по бортам армадских кораблей. Металл гнется и разрывается, корабли внезапно коробятся, убивая своих моряков. Армадские канониры открывают огонь, и их снаряды, описывая огненные дуги, обрушиваются на врага. Но тысяча ярдов, пройденная под выстрелами, оказалась беспощадной к армадскому флоту, и он наполовину уничтожен.

Море превратилось в кладбище. На воде плавают мертвые тела. Они двигаются вместе с волнами и течениями, словно исполняя танец смерти. Они испускают облачка крови, похожие на чернильные выделения спрутов. Море видоизменяет их — внутренности разворачиваются, образуя подобие коралловых зарослей, оторванные лоскуты кожи превращаются в плавники, сквозь которые торчат обломки костей.

Флорин замерз, движения его замедлены. Он, поднимаясь, видит женщину, которая еще шевелится. Она слишком слаба, чтобы всплыть, но еще не мертва. Он поворачивает к ней в безмолвном ужасе и тащит ее за собой наверх, но, прежде чем они добираются до поверхности воды, движения женщины переходят в предсмертные судороги, и Флорин отпускает ее. Он вдруг понимает, что

вокруг него повсюду происходит движение, что — насколько хватает глаз — идут на дно люди, что он не может им помочь, что они слишком слабы и уже не выживут. Куда бы он ни посмотрел, он видит их жуткие, отчаянные движения, и тогда он вдруг словно отчуждается от всего происходящего; перед ним уже не люди, хепри, какты, струподелы и хотчи, а лишь нескончаемое бессмысленное повторяющееся движение, медленное, направленное вниз, словно Флорин смотрит на медленно погибающих в струях дождя насекомых.

На поверхность он выбирается в спокойный миг — стрельба в самой гуще того, что было армадским флотом, на мгновение затихла. Он видит, как со страшным грохотом разламываются корабли, переворачиваются, извергая чад и пламя, шипят, погружаясь в холодную воду, увлекают за собой на погибель экипажи.

Флорин сопротивляется. Он не в состоянии думать словами. Вокруг него начинают рваться снаряды, и вода превращается в кровавое месиво костей и металла.

Воздух вспыхивает искрами. С кробюзонских кораблей летят иликтро-магические стрелы, катапульты метают бочки с едкой кислотой. Но

теперь немногие армадские суда, хотя и потрепанные, наносят ответные удары.

Они выпускают снаряды размером с человека: те ударяются о борта кробюзонских дредноутов, вспарывают их, и металл расцветает рваными цветами. Кробюзонский флот оказался в радиусе действия пушек с деревянных кораблей, которые просачиваются между вражеских судов и палят. Снаряды оставляют вмятины на броне, пробивают трубы, разламывают в щепы пушечные лафеты.

Воздушная флотилия во главе с «Трезубцем» добралась до кробюзонского флота. Они начинают спорадическую бомбардировку противника — пороховыми бомбами, мехами с нефтью, которые раскрываются в полете и проливаются липким огнем, тяжелыми дротиками и ножами. Аэронавты ведут прицельный огонь по капитанам и канонирам врага. Жар от взрывов раскачивает дирижабли и уносит их в стороны.

Армадские корабли продолжают двигаться. Они стреляют и приближаются к врагу, взрываются, переворачиваются, горят, но продолжают приближаться, их экипажи упрямо ведут свои суда на дредноуты.

В воздух поднимается мельтешащее черное

облако.

Кробюзонские маги, сконцентрировав энергию от аккумуляторов и своих собственных тел, оживляют стаю големов — неуклюжих тварей из проводов, кожи и глины, уродливых, топорно сделанных. Когти у них как спицы зонтика, а глаза пустые и прозрачные. Безумно хлопая жуткими крыльями, они взмывают в воздух. Они сильны, как обезьяны, безмозглы и настойчивы.

Они хватают армадских аэронавтов за колени, расцарапывают на них кожу, раздирают мышцы, разрывают на части баллоны, и те, теряя воздух, падают на палубы.

Големы тучей поднимаются с палуб кробюзонских кораблей и бросаются на пилотские кабины, на иллюминаторы армадских воздушных судов, разбивают стекла, протыкают ткань. Многие из них падают, пронзенные пулями и мечами, и они еще в воздухе распадаются на свои безжизненные составные части, но десятки големов остаются в воздухе, изматывая аэронавтов противника.

Воздух над сражающимися флотами кажется плотным, как вода. Он вязкий и тяжелый от пороховых газов из стреляющих пушек, огнеметов и катапульт, от теряющих высоту дирижаблей с пробитыми баллонами, от хищных големов,

кровавого тумана и копоти.

Каждое движение исполнено жуткой медлительности, торжественной осторожности. Кажется, что каждый удар мечом или кулаком, каждая пуля, вошедшая в глаз и кость, каждая вспышка огня, каждый взрыв судна были заранее спланированы.

Кошмарная постановка.

Сквозь мглу Флорин видит днища вражеских кораблей и сотни окружающих их предметов — мечущиеся спиралевидные суда, одноместные подлодки из раковин гигантских моллюсков. Армадские субмарины рассеивают маленькие суденышки, пробивают железные борта дредноутов, выныривают из воды, как киты.

Внезапно Флорин оказывается на поверхности, в открытой воде, среди мечущихся рыболюдей Баска, принявших его в свои ряды. Он тянет щупальце и хватается за хитиновую поверхность одной из вражеских субмарин. Он видит маленький стеклянный иллюминатор, видит внутри человека, который с ужасом смотрит на него, думая, что сошел с ума и это дико орущее лицо ему только мерещится — лицо кробюзонца в воде, выкрикивающее ему проклятия на его собственном языке; вот это существо поднимает короткое

оружие и стреляет в него.

Снаряд пробивает стекло и ударяет в лицо кробюзонскому моряку. Мощный зубец раскалывает ему челюсть, пробивает основание черепа и пришпиливает его к спинке сиденья. Флорин Сак смотрит на убитого им человека, нет, пока не убитого, потому что рот его еще дергается от судорог и ужаса, а море устремляется в пробитое суденышко и приканчивает моряка.

Флорин устремляется назад, дрожа всем телом и гребя ногами; он не может оторвать взгляд от умирающего, от раковины, которая, заполняясь водой, начинает вращаться и падать на дно.

На палубах кораблей, на поверхности моря лежат тела и оторванные конечности убитых, словно это клочки обгоревшей бумаги, разбросанные огнем повсюду.

Флорин Сак охотится на людей.

Вокруг него тонут суда. Его окружают умирающие, прибывшие из города, который когда-то был его домом. Кровь брызжет из их ран, они открывают в беззвучных пузырящихся криках рты. Они ушли уже слишком глубоко, и на поверхность им не выбраться. Никому из них уже не суждено вдохнуть воздуха.

Флорина внезапно начинает рвать — блевоти-

на подступает к его горлу и вырывается наружу. У него кружится голова, он теряет ощущение времени, становится словно пьяный или спящий, будто происходящее вокруг — не на самом деле и становится воспоминанием, еще не закончив происходить.

(*Под ним проплывают темные странные существа, и он думает, что это его товарищи, рыболюди, но тут же понимает, что ошибся.*

Они исчезают, а у Флорина нет времени, нет спокойного мгновения, чтобы поразмыслить, кто они такие.)

Сражение продолжается судорожными рывками. Разорвано на части судно с часовым приводом из Книжного города, разлетаются его внутренности — шестеренки, массивные спиралевидные пружины и мертвые тела хепри. Море вокруг судов из Джхура стало вязким от живицы, вытекшей из тел кактов. Там, где бомбы разрывают на части струподелов, фонтаны их крови сворачиваются на глазах, образуя шрапнель из струпьев. Тела хотчи раздавлены корпусами судов.

Звери, вызванные армадскими шаманами-креями, падают своими шипастыми телами на кробюзонские корабли и утягивают моряков в воду, где раздирают их на части неожиданно

сильными зубастыми челюстями. Но их слишком много, а потому управлять ими трудно, и они становятся опасны даже для тех, кто их вызвал.

В висящем над морем дыму армадские снаряды находят армадские палубы, а кробюзонские стрелы и пули пробивают тела кробюзонских солдат.

В другом времени, уже вдали от битвы, люди смотрят вверх и видят небо, солнце сквозь красные облака, сквозь воду, сквозь пленку крови — их собственной и других. Некоторые лежат там, где упали, умирая, зная, что солнечные лучи — это последний свет, какой им суждено увидеть.

Солнце стоит низко. До сумерек, пожалуй, не больше часа.

Два лучших военных паровых корабля Армады уничтожены. Еще один сильно поврежден, его кормовые пушки скрючились, как парализованные конечности. Десятки пиратских кораблей и малых катеров затонули.

Из дредноутов Нью-Кробюзона погиб только «Поцелуй Дариоха». Остальные получили повреждения, но продолжают сражаться.

Кробюзонский флот одерживает победу. Клин из катеров, броненосцев и подлодок пробился сквозь армадский строй и теперь направляется

к городу, до которого остается всего несколько миль. Беллис в большой телескоп на «Гранд-Осте» смотрит, как они приближаются.

«Гранд-Ост» — крепость в сердце города.

— Мы будем сражаться! — кричит Утер Доул окружающим его бойцам, снайперам на мачтах.

Никто и не предлагает ничего другого. Никто не предлагает подстегнуть аванка и бежать.

Кробюзонские корабли подвергаются артиллерийскому обстрелу с «Сорго» (*но не отвечают на огонь, как заметила Беллис, — не хотят повредить вышку*). Они теперь так близко, что уже можно разглядеть палубные надстройки — мостики, башни, поручни, пушки — и бойцов, которые готовятся, проверяют оружие, жестикулируют, строятся в боевые порядки. Над палубой висит запах кордита, и глаза у Беллис слезятся. Начался огонь из стрелкового оружия.

Этот рейд хорошо организован. Нападающие не высаживаются беспорядочно в кормовой части города — они сохраняют стреловидный строй и направляются прямо к бухте, образованной судами вокруг «Сорго». Кробюзонцы целенаправленно прокладывают себе путь к «Гранд-Осту».

Беллис отшатывается от релинга. Палуба под крышей, на которой она находится, забита армад-

цами, изготовившимися к схватке. Она понимает, что оказалась в ловушке — путь ей перерезает поток защитников города, и бежать уже поздно.

Одна ее часть хочет кричать от радости, обращаясь с шальным приветствием к прибывшим кробюзонцам. Но Беллис знает, что они нимало не заинтересованы в том, чтобы отвезти ее домой, что им все равно — жива она или умерла. Она в отчаянной неуверенности, она не знает, кому желать победы в этой схватке.

Она делает шаг назад и вдруг понимает, что словно столкнулась с кем-то, ощущает какое-то движение воздуха, чувствует, как кто-то быстро отступает с ее пути. Ее охватывает паника. Она тут же поворачивается, но никого не видит. Она одна над этим людским кишением.

Она смотрит вниз на мельтешащих там вооруженных мужчин и женщин и вдруг видит Утера Доула. Он абсолютно спокоен.

Под выстрелы кремневых ружей кробюзонцы высаживаются на Армаду. Там, где противники вступают в рукопашную, начинается самое жестокое кровопролитие. В передних рядах идут армадские какты — перед кробюзонцами встает строй их массивных, поросших колючками тел. Какты рассекают врагов мощными ударами сво-

их боевых топоров.

Но и среди кробюзонцев есть какты; а еще среди кробюзонцев есть стрелки из дискометов, которые запускают вращающиеся чакри: те не хуже топоров вонзаются в растительные мускулы и кости кактов, обрубая конечности, дробя волокнистые черепа. На наступающих судах есть и маги, которые соединяют руки и посылают молнии темно-мерцающего несвета в массу армадцев.

Кробюзонцы теснят армадцев.

Теперь вокруг приподнятой платформы, на которой находится Беллис, сгрудились кробюзонские бойцы. Она парализована страхом. Часть ее хочет броситься к ним, но она выжидает. Она не знает, чем все это закончится. Она не знает, что будет делать.

И опять рядом с ней на платформе кто-то есть. Это чувство отступает и снова возвращается.

С монотонной и кровавой неизбежностью кробюзонские бойцы расширяют плацдарм, занятый ими на палубе «Гранд-Оста».

Люди в форме приближаются к Утеру Доулу с кормы, с правого и левого бортов. Но он ждет. Вокруг него падают убитые; враги теснят армадцев, обрушивая на них удары клинков и тучи пуль.

Беллис смотрит на Утера Доула, и вдруг он, окруженный быстро наступающими теперь врагами, пистолетами, ружьями, кривыми мечами, начинает двигаться.

Он издает крик — долгий вой, дикий, но музыкальный, который постепенно приобретает форму и становится его именем.

— *Доул!* — кричит он, повторяет эти звуки, растягивает их наподобие охотничьего клича. — *Дооооуууул!*

И он получает ответ. Сражающиеся вокруг него на палубе армадцы подхватывают клич, и имя Доула эхом разносится по кораблю. Кробюзонцы пытаются окружить его, загнать в угол, но он наконец контратакует.

Внезапно в каждой его руке появляется по пистолету, выхваченному из кобуры на бедре, Доул поднимает их и стреляет в разные стороны — каждый выстрел в лицо атакующему. Потом он с разворота швыряет пустые пистолеты (люди вокруг него словно застыли неподвижно), и они, крутясь, летят по воздуху с большой скоростью, поражая одного из наступающих в горло, а другого — в грудь; у Доула в руках тем временем оказывается по кремневому пистолету, и он опять стреляет одновременно (и только теперь

падают две его первые жертвы), заставляя двух кробюзонцев уродливо корчиться — один из них мертв, другой умирает, а Доул снова превращает огнестрельное оружие в метательные снаряды, сбивающие врагов с ног.

Каждое движение Доула доведено до совершенства — безупречное, отточенное, ничего лишнего, все по кратчайшему пути.

Люди вокруг него начинают кричать, но на них напирают сзади их товарищи. Они неторопливо надвигаются на Доула, который вдруг оказывается в воздухе: ноги под ним согнуты, он крутится среди града пуль. Он стреляет из новых пистолетов и снова швыряет оружие в лица наступающим, после чего приземляется на палубу. Вот у него в руке последний пистолет, и он переводит его с одного лица на другое, все в корчах, потом стреляет, подпрыгивает и швыряет пистолет в сторону, одновременно ударом ногой — прием из фут-боксинга — разбивая нос наступающего какта, и тот падает на подпирающих его сзади товарищей.

Беллис замерла, она смотрит, учащенно дыша. Во всех других местах бой уродлив — движения случайные, хаотичные, глупые. Она приходит в ужас оттого, что Доул может сделать схватку

красивой.

Он снова замер на мгновение — кробюзонские солдаты перегруппировываются и окружают его. Он среди врагов. И тут в воздухе мелькает керамический меч, похожий на отполированную кость.

Первый удар меча точен и настолько быстр, что его невозможно увидеть, — меч, перерубив шею врага, мелькает среди струй живицы, хлынувшей из раны умирающего какта. Но теперь Утер Доул оказывается в тесном кольце, и он снова выкрикивает свое имя. В нем не чувствуется страха, он меняет позу и тянется рукой к поясу, чтобы запустить мотор и включить Меч возможного.

Раздается щелчок, точно разряд в воздухе, потом слышится гул. Беллис не может уследить за правой рукой Доула. Она словно мерцает, вибрирует. Она существует вне времени.

Доул двигается (*танцует*) и поворачивается лицом к толпе атакующих. С легким обезьяньим изяществом уводит он назад свою мельтешащую левую руку и с потрясающей быстротой поднимает правую.

Его меч расцветает.

Его меч множится, он ликует, он поет на мно-

жество голосов. У Доула тысяча правых рук, наносящих удары в тысяче направлений. Тело его двигается и напоминает поразительно сложное дерево, его правые руки повсюду в воздухе — материальные и призрачные.

Некоторые из них почти не видны, некоторые едва заметны. Все они двигаются со скоростью Доула, все держат его меч. Они попадают внахлест, проходят друг сквозь и жалят в том месте, куда опускаются. Доул наносит удары слева направо и справа налево, вниз и вверх, он колет, отражает и яростно рубит — все это одновременно. Сотня клинков отражает все атаки его противников, неисчислимо больше безжалостно атакует.

Его меч рассекает и разрубает врагов, те падают, получая множество чудовищных ран. Доул наносит удары, вокруг него бьют невероятные фонтаны крови и криков. Кробюзонцы охвачены ужасом. Несколько секунд они смотрят, как падают их товарищи — окровавленные, умирающие. А Утер Доул снова движется.

Он выкрикивает свое имя, он поворачивается, прыгает, раскручивается над врагами, как пружина, наносит удары ногами, вращается, не прерывает движения, и, куда бы он ни обратился, повсюду собирает жатву Меч возможного. Доул

окружен, защищен почти-мечами, спрятан за ними, его серые доспехи едва видны за полупрозрачной стеной его собственной атаки. Он похож на призрак, на бога мщения, на убийственный, остро заточенный ветер. Он идет сквозь строй бойцов, высадившихся на его корабль, и оставляет за собой кровавый туман и умирающие тела; на палубе везде валяются отрубленные конечности и куски плоти. Его доспехи из серых стали красными.

Перед Беллис мелькает его лицо. Оно искажено свирепой гримасой.

Убитым кробюзонцам нет числа, а их оружие — детские хлопушки.

Нанося одним ударом бесчисленное множество ран, Доул разрубает женщину-мага, которая пытается его остановить, и магическая сила ее такова, что брызнувшая кровь закипает на глазах; под клинком Доула падает на палубу огромный какт, который своим щитом отразил много сотен ударов Доула, но от всех защититься не смог; Доул убивает моряка-огнеметчика — горючий газ из резервуара проливается и вспыхивает в тот момент, когда Доул раскраивает его череп. Бесчисленное множество ран с каждым ударом.

«Боги, — шепчет про себя Беллис, не слыша

собственных слов. — Джаббер, *защити* нас...» Она в ужасе.

Меч возможного Утера Доула действует меньше полуминуты.

Когда он отключает свой меч и внезапно замирает на месте, а потом поворачивается к оставшимся в живых кробюзонским морякам, лицо его уже спокойно. Холодная, весомая неподвижность его правой руки потрясает. Он похож на какого-то монстра, на призрака, одержимого убийством. Он часто дышит, он весь покрыт, пропитан, залит чужой кровью.

Утер Доул выкрикивает собственное имя и замирает в яростном ликовании.

Невидимый в тени Беллис человек отрывает статуэтку от своих губ.

Он в ужасе. Он абсолютно потрясен. «Я не знал, — *в панике думает он,* — я и не представлял, что оно может так обернуться...»

Человек видел высадку своих освободителей, видел, как они медленно прорываются сквозь ряды противника, захватывая «Гранд-Ост», покоряя судно, являющееся сердцем Армады... А теперь он видит, как всего за несколько секунд они оказались смяты, разбиты и уничтожены руками Утера Доула.

Он безумным взглядом обводит фрегаты, вклинившиеся между «Сорго» и городом, снова вводит язык в рот статуэтки и чувствует, как ему передается ее мощь. Он размышляет — не броситься ли ему в воду через груду мертвых тел внизу, не добраться ли до кробюзонских кораблей.

— Это я! — может крикнуть он. — Я здесь! Это за мной вы пришли сюда! Давайте же спасаться, бежать, выбираться отсюда!

«Но нет, не может же он убить всех, — *думает человек и мужество возвращается к нему, когда он смотрит на красную от крови фигуру Утера Доула внизу.* — Даже невзирая на этот его треклятый меч, кробюзонцев слишком много, да и армадские корабли уничтожены. Сейчас здесь высадятся новые бойцы, и тогда мы сможем уйти победителями». *Человек поворачивается и смотрит туда, где дредноуты добивают остатки армадского флота.*

Но в тот самый момент, когда он все же снова решает бежать, он замечает что-то.

Множество буксиров и пароходов, которые всегда окружали Армаду, десятилетиями тащили ее по океану, а теперь, с обретением аванка, стали ненужными, начинают покидать орбиту города и двигаться к кробюзонскому флоту.

За последние несколько часов работавшие с безумной скоростью экипажи переоснастили их — установили пушки, загрузили запасы черного пороха и взрывчатки, временно приварили, припаяли и прикрутили гарпуны, флогистонные камеры, батареи и тараны. Ни одно из этих судов не предназначено для боевых действий, ни одно из них и рядом не стояло с броненосцем. Но их так много.

Они еще только приближаются, но высокомерно-самонадеянный залп с «Утреннего скорохода» уничтожает одно из них. Однако за этим суденышком следуют все новые, новые и новые.

*Невидимое лицо человека мрачнеет, застывает. «*Я даже не думал… *— бормочет он себе под нос. —* О них я даже и не думал*».*

Он сообщил своему правительству обо всем — предупредил их о наускопистах, и потому кробюзонские метеомаги сумели скрытно подвести флот к Армаде; предупредил о воздушных судах, и на этот случай были приготовлены големы; сообщил им о количестве армадских кораблей, которым придется противостоять. Кробюзон отправил силы, необходимые для разгрома армадского флота, о составе и численности которого им было в подробностях сообщено.

Но человек не принял в расчет эти бесполезные, траченные временем буксиры и пароходы, траулеры и сухогрузы. Он и представить себе не мог, что они, груженные взрывчаткой, бесшабашно ринутся в бой. Он даже и подумать не мог, что эти суденышки устремятся вот так по волнам навстречу броненосцам и линкорам, стреляя из своих жалких пушечек, как мальчишки из рогаток. Ему и в голову не приходило, что экипажи бросят свои суда, когда до противника останутся считанные ярды, кинутся в воду с дымящих кораблей и переберутся на плоты и спасательные шлюпки, откуда будут смотреть, как их суденышки таранят борта кробюзонских судов, пробивая дюймы металла и взрываясь.

На западе видны пятна грязных красок, и солнце уже готово зайти за горизонт. Команды двух дирижаблей, ждущих на палубе «Юрока» — флагмана Сухой осени, проявляют нетерпение.

Бруколак и его вампирское войско скоро проснется и будет готово к схватке.

Но что-то меняется в море за кормой города. Кробюзонские моряки, высадившиеся в городе, с ужасом наблюдают за происходящим, армадцы же смотрят с яростной надеждой.

Буксиры и пароходы продолжают приближать-

ся к наступающему кробюзонскому флоту, на всех парах мчатся к боевым кораблям, заклинив рули, разогрев до максимума котлы. И вот по одному, по два врезаются они в борта кробюзонцев. Некоторые из них, так и не успев добраться до своей мишени, взлетают в воздух фонтанами металла и плоти. Но их слишком много.

Достигнув высоких бортов дредноута, носы пустых буксиров и траулеров сминаются, но раскаленные котлы, продолжая толкать их вперед, взрываются, и нефть, порох или динамит, размещенные рядом с котлами, воспламеняются. Охваченные уродливым коптящим пламенем, извергая столбы дыма, издавая протяжные хлопки, из-за которых часть энергии бесполезно растворяется в звуке, суденышки дают два-три взрыва вместо одного, сокрушительного.

Но даже и такие несовершенные торпеды производят эффект — в дредноутах появляются пробоины.

Вдали от них потесненные армадские бойцы начинают перегруппировываться. Кробюзонские корабли замедляют ход и медленно гибнут — их отправляют на дно приносящие себя в жертву суда Армады. Армадские боевые корабли выравнивают строй и открывают огонь по оста-

новленному врагу.

В море полно спасательных шлюпок с экипажами брошенных буксиров, которые с заклиненными рулями идут таранить дредноуты. Моряки гребут во всю мочь, маневрируя, чтобы их не раздавили другие наступающие корабли Армады. Некоторые не успевают — и шлюпка, получив удар, отправляется на дно, другие шлюпки переворачиваются из-за огромных, окрашенных кровью волн или глубинных разрывов, в третьи попадают снаряды. Но многие экипажи спасаются в открытом море и направляются к Армаде, глядя, как их уродливые маленькие суденышки таранят пришельцев и взрываются.

Эта неожиданная контратака — нелепая, обреченная на гибель линия обороны — остановила кробюзонцев; суденышко за суденышком шли на таран и гибли, врезаясь в бронированный борт своей мишени.

Дредноуты остановлены.

«Утренний скороход» начинает тонуть.

На кормовой части Армады (откуда граждане видят только то, что происходит в нескольких милях от них в море) рождается радостный крик, вопль недоуменного торжества. Он распространяется по всему городу. Через минуту горожане в

самых дальних уголках Сухой осени, Шаддлера, Зубца часовой башни на другом краю Армады тоже начинают испускать одобрительные вопли, хотя и не знают, по какому поводу.

Кробюзонцы охвачены ужасом. В борту «Утреннего скорохода» — огромная пробоина, разрастающаяся на глазах. В нее снова и снова врезаются, взрываясь, армадские суденышки, и дредноут потихоньку надламывается, он будто сознательно складывается вдвое, и с его бортов в воду сыплются обезумевшие человечки. А взрывы не стихают, и вот корма корабля внезапно поднимается над водой и со страшным, сотрясающим воздух взрывом отламывается, выплевывая из себя в море людей, металл и уголь — многие тонны угля.

Кробюзонцы смотрят, как уходит возможность вернуться домой. Армадцы снова издают вопль радости, когда огромный корабль, массивный и беспомощный, сопротивляясь каждому движению, переворачивается на бок и, извергая столб пламени, уходит на дно.

Кробюзонского флагмана больше нет.

Пришедшие с ним дредноуты слишком рано начинают переносить огонь на саму Армаду, их снаряды только пенят воду, город раскачивается, словно в шторм. Но некоторые из малых

броненосцев теперь уже вышли на прицельную дальность, и их тяжелые снаряды, сотрясая городские мачты, врываются в ткань Армады.

Бомба попала в Сенной рынок, разорвав на части кург, составленный из лодок торговцев. Снаряды свистят над головами армадцев, пробивают дыру в борту «Пинчермана», и сотни библиотечных книг, охваченных огнем, летят в воду. Корабли тонут, соединяющие их мостки ломаются.

Анжевина и Шекель успокаивают друг друга, прячась от остатков разбитого кробюзонского войска. У Шекеля из царапины на лице обильно течет кровь.

Но как бы ни были ужасны атаки, уничтожить город могут только дредноуты, от которых Армада слишком далеко — вне дальности действия их артиллерии. По дредноутам ведут огонь, их задерживают, останавливают, уничтожают начиненными порохом буксирами. Армадские суда продолжают наступать.

После того как пятый взрыв сотрясает чрево «Гибели Суроша», судно начинает вспучиваться, в нем образуется трещина, оно дает крен, а потом уходит под воду.

Вокруг «Гибели Суроша» суетятся бесполезные

броненосцы и разведчики, словно трутни вокруг погибающей матки. Ожили остатки армадского флота, и от их огня, но прежде всего — от неожиданной самоубийственной атаки переоснащенных суденышек, гибнут один за другим кробюзонские дредноуты.

На высокой палубе «Гранд-Оста» человек испускает беззвучный крик ужаса.

Он преодолевает себя и с неистовством безумца целует свою статуэтку; готовясь спрыгнуть вниз, он слегка складывает пространство, чтобы приземлиться на фрегат, который урчит, собираясь отчалить от Армады. Но тут человек останавливается — страшная догадка осеняет его.

Он смотрит, как два последних дредноута сотрясаются от взрывов, огрызаясь из своих мощных пушек. Хотя эта стрельба обходится армадцам в несколько суденышек, взрывы методично расширяют пробоины в бортах кораблей, и наконец они идут на дно.

Весь уголь кробюзонцев затонул. Человек смотрит в оцепенении. Теперь нет смысла прыгать вниз и плыть к одному из пришедших за ним кораблей. Даже если армадцы не уничтожат все вражеские корабли, даже если одному-двум

быстроходным броненосцам удастся уйти, то ведь они находятся в неисследованных местах, в самом центре Вздувшегося океана, почти в двух тысячах миль от ближайшей земли и почти в четырех — от дома. Несколько сотен миль — и их котлы остынут, и кробюзонские корабли встанут.

Парусов у них нет. Они станут игрушкой волн и погибнут.

Для них нет надежды.

Спасательная операция не удалась. Человек остался в своей тюрьме.

Он опускает глаза, голова его соображает плохо, но он вдруг понимает, что его пространство совпало по фазе с тем, в котором находится Беллис. Если она сейчас повернется, то увидит его. Он снова припадает занемевшим ртом к статуэтке и исчезает.

Опустилась темнота, и наконец из Сухой осени в воздух поднялись дирижабли с смертоносными командами. Они летели низко; сражение внизу почти завершилось, но длинные языки вампиров мелькали в ночном воздухе, и неживые были готовы вступить в любую схватку.

Они опоздали. Бой закончился.

Воздушные корабли без толку кружились над водой, замусоренной угольной пылью, искореженным металлом, кислотой, нефтью, переливчатыми пятнами горного молока, живицей и многими галлонами крови.

ГЛАВА 37

Поначалу город взорвался изнеможенным торжеством, некоей эйфорией побитого, раненого существа.

Но длилось это недолго. В следующие дни Беллис физически ощущала повисшую над городом тишину — Армада погрузилась в мертвое молчание. Оно началось вскоре после битвы, когда смолкли восторженные крики и стали ясны размеры потерь.

В ночь после бойни Беллис не спала. Она поднялась с рассветом вместе с тысячами других горожан и в оцепенении пошла по городу. Знакомый ей пейзаж изменился до неузнаваемости. Корабли, на которых она прежде покупала бумагу, пила чай, по которым просто, не думая ни о чем, проходила сотни раз, исчезли.

Крум-парк почти не пострадал. «Хромолит», «Толпанди» и сам «Гранд-Ост» получили незначительные повреждения.

Не раз в последующие дни Беллис сворачивала в какой-нибудь лабиринт улочек и переулков (или пересекала деревянный мост, или выходила на хорошо освещенную площадь) и наталкива-

лась на людей, которые плакали, скорбя о погибших. Некоторые тупо разглядывали какое-нибудь повреждение, полученное городом, — пустое место, в котором теперь гуляют волны, а раньше стоял корабль, бывший их домом, развалины на месте прежнего рынка, церковь, смятую упавшими мачтами.

До чего же это несправедливо, думала Беллис взволнованно, видя, что из тех мест, куда наведывалась она, пострадало совсем немного. По какому праву это произошло? Но в конце концов, ее это мало волновало.

Погибло огромное число армадцев. Среди них было и несколько членов совета Дворняжника, и джхурская королева Брагинод. Совет избрал новых членов, а контроль над Джхуром тихо перешел к брату Брагинод — Диниху. Никого это особенно не волновало. Тысячи тел армад ских граждан остались в море.

Люди кидали взгляды на «Сорго» и бормотали себе под нос, что платформа того не стоила.

Беллис бродила среди городских развалин, словно во сне. Даже там, где не падали снаряды, нагрузки, возникшие от сильного волнения, привели к поломкам зданий. Арки покосились, их замковые камни покоились на морском дне. Воз-

никло несколько пожаров; дома на узких улочках почти завалились и теперь стояли, словно подпирая друг друга, крыши их где треснули, где упали. Город пострадал от урона, просто невозможного на земле.

Во время своих блужданий по городу Беллис слышала сотни рассказов — преувеличенные описания подвигов, жуткие рассказы о разрушениях. Она осторожно начала выискивать интересующую ее информацию. Движимая любопытством, которого не понимала и сама (чувствуя себя в эти часы автоматом, который движется без ее разрешения), Беллис спрашивала, что случилось с другими пассажирами «Терпсихории».

О матери и дочке Кардомиум доходили противоречивые известия. Беллис слышала о моряках, все еще находящихся в заключении: они так и не завоевали доверия, не смогли замириться со своим похищением. Беллис рассказывали, что из кораблей-тюрем, находящихся в носовой части Сарганових вод, доносились страшные вопли заключенных. Они кричали и кричали своим соотечественникам, чтобы те освободили их. Кробюзонские абордажные команды так и не приблизились к ним, и мольбы остались без ответа.

Сестра Мериопа был мертва. Беллис потрясло это известие (на какой-то жутковато-отвлеченный манер), словно она увидела некий неожиданный цвет. Ей рассказывали что в возникшей неразберихе из сумасшедшего дома сбежали несколько больных, в том числе и Мериопа. Монахиня, донашивавшая ребенка, бросилась на городскую корму навстречу кробюзонскому десанту, выкрикивая восторженные приветствия, но ее сразила пуля — армадская или кробюзонская, так и осталось неизвестным.

Истории такого рода Беллис слышала не раз — о похищенных, которые, увидев неожиданную возможность вернуться домой, отчаянно пытались переметнуться на другую сторону, но были убиты. Видимо, некоторые терпсихорцы погибли именно так. И даже если их число было преувеличено, даже если подробности были приукрашены, чтобы другим было неповадно, Беллис не сомневалась: многие встретили смерть именно так, как об этом говорилось.

Беллис во время боя пребывала в оцепенении: она не желала победы ни одной, ни другой стороне. Она наблюдала, как случайный прохожий за кровавой уличной дракой. И вот когда Армада победила, Беллис не чувствовала ни облегчения,

ни счастья, ни отчаяния.

После того как дредноуты опустились на дно, оставшиеся кробюзонские корабли отошли на северо-запад. Они бежали в панике, испуганные настолько, что не догадались ни сдаться Армаде, ни просить у нее убежища. Они бежали, сделав вид, что у них еще остается надежда, что и они доберутся до какого-нибудь порта. Но все знали, что их ждет смерть.

Три кробюзонских броненосца и один фрегат были захвачены в плен. Они стали самыми современными кораблями Армады, но все же не могли восполнить огромные потери, понесенные городом. Большая часть армадского флота, две подлодки и половина переоборудованных на скорую руку буксиров, были принесены в жертву ради уничтожения дредноутов. «Трезубец» и десятки дирижаблей помельче погибли. Огромное воздушное судно было увлечено вниз, словно балластом, налетевшими, как полчища крыс, големами и оказалось в зоне действия корабельной артиллерии. Снарядами были пробиты баллоны и поврежден каркас.

Оставшиеся в живых армадцы долго добирались до города — кто греб на спасательных плотиках, кто плыл, держась за плавучие облом-

ки. Маги и инженеры в чреве «Гранд-Оста» более дня удерживали на тихом ходу аванка, который двигался вперед вслепую, не ведая о творящемся наверху кровопролитии.

Конечно, до города добралось сколько-то кробюзонцев. Возможно, самые предприимчивые из них облачились в одежды, снятые с мертвых армадцев, и, забравшись на борт города, обрели новую жизнь — все они были моряками и сносно говорили на соли. Но большинство пребывало в шоке и не смогло проявить такую дальновидность, а потому через несколько часов после сражения на палубах Армады стали появляться кробюзонские моряки в мокрой изодранной форме, от ужаса потерявшие здравый смысл. Их страх утонуть перевесил страх перед местью армадцев.

В те жуткие дни, последовавшие сразу за сражением, под небесами, затянутыми красно-черным дымом, эти устрашенные кробюзонцы вызвали политический кризис. Конечно же, скорбя о погибших, армадцы наказывали невинных. Они избивали кулаками незваных гостей, бичевали их (некоторых до смерти), выкрикивая имена погибших близких и друзей. Но наконец усталость, ненависть и тупое оцепенение улеглись,

и кробюзонцев увели и заперли на «Гранд-Осте». Ведь все-таки история Армады была историей ассимиляции чужаков и врагов после каждого сражения, после захвата каждого корабля.

События эти стали самыми кровавыми, самыми страшными в истории Армады, но вопроса о том, что делать с плененными врагами, не возникало. Как и в случае с «Терпсихорией», те, кто мог перевоспитаться, должны были стать армадцами.

Но только на сей раз Любовники высказались против этого.

Любовники возвратились со сражения разгневанные и наиликтризованные, взбешенные и с новыми шрамами, только теперь беспорядочными, несимметричными (что они намеревались исправить в первую же ночь). Весь квартал, весь город были потрясены, когда просочилось известие о том, что Любовники намереваются вышвырнуть кробюзонцев из города.

На митинге, поспешно собранном на палубе «Гранд-Оста», Любовница изложила свои соображения. Она страстно выступала против кробюзонцев, напоминая горожанам, что погибшие члены их семей были убиты такими же, как вот эти пленники, что город сильно пострадал, что половина армадских кораблей затонула.

Количество похищенных в Сарганових водах и других кварталах уже превышает допустимое с точки зрения безопасности число. У Армады теперь не хватает ресурсов, она очень уязвима, а поскольку Нью-Кробюзон к тому же объявил им войну, то они не могут ассимилировать столько врагов.

Но многие из нынешних армадцев сами были прежде врагами. На протяжении всей своей истории Армада придерживалась правила: по окончании сражения солдат противника перестает быть врагом. Их принимают в ряды горожан, чтобы попытаться трансформировать, сделать настоящими армадцами. Ведь в конечном счете Армада и была колонией для заблудших, предателей, дезертиров, побежденных.

Кробюзонские моряки тряслись от страха в своих камерах, не зная о том, что решается их судьба.

Любовница заявляла, что это не будет убийством. Пленников можно посадить на корабль с провизией и указать им направление на Бередкай-Нев. Возможно, они туда и доберутся.

Это был никудышный аргумент.

Она привела другой довод, сердито сказав, что, имея аванка, город должен двигаться вперед, что

с таким двигателем они могут добраться до мест, о которых прежде Армада и не мечтала, что они смогут делать вещи невероятные, а расходовать силы, утирая носы тысяче сопливых пришельцев (убийц), — настоящее идиотство.

И хотя свежие раны все еще кровоточили, хотя воспоминания все еще отдавались болью, настроение толпы оборачивалось против Любовницы. Ее слова не звучали убедительно. Другие правители молча наблюдали за происходящим.

Беллис поняла. Дело было не в том, что собравшиеся питали любовь, жалость или сострадание к пленникам. Их не очень заботила судьба раненых, окровавленных моряков, трясущихся от страха в грязных трюмах. Армадцев волновали не эти пленники — их волновало будущее города. «*Ведь это же Армада,* — говорили они. — *Она такая, какая есть. Измени это, и мы уже не будем знать, кто мы такие. Не будем знать, как нам вести себя дальше*».

Одной речью Любовница не в силах была победить вековую традицию — традицию, от которой она призывала отказаться ради выживания города. Она была одна и проиграла спор. И вдруг неожиданно у Беллис возник вопрос: где сейчас находится Любовник, согласен ли он со своей

подругой?

Чувствуя сопротивление, те, кто был согласен с Любовницей, начали криками поддерживать ее, требуя мести пленникам. Но несогласные, которых было больше, перекричали их.

Что-то решительно переменилось. Вдруг стало понятно, что это собрание не допустит убийства кробюзонцев, как бы Любовница ни выдавала его за милосердие. Было ясно, что придется запустить длительный, иногда легкий, а иногда жестокий процесс перевоспитания, что на запертых в трюмах мужчин и женщин придется потратить немало усилий, и тогда через много месяцев большинство примирится с новой жизнью, хотя некоторые так и останутся ее противниками. Эти последние останутся в заключении и, если на них не подействует новая порция убеждений, могут быть даже казнены.

— Что за спешка такая, к херам собачьим? — выкрикнул кто-то. — И вообще, куда вы нас, на хер, ведете?

И тут Любовница уступила — быстро и не теряя достоинства; пожав плечами, она с преувеличенным смирением сдалась, объявила свои прежние распоряжения недействительными. Она сорвала жидкие аплодисменты — публика была готова

простить нелепое предложение, сделанное в гневе. На вопрос любопытного выскочки Любовница не ответила.

Беллис поняла это несколько мгновений спустя и увидела в случившемся поворотный пункт. В последующие недели она повторяла себе: «*Вот тогда-то все и переменилось*».

Суда, получившие слишком сильные повреждения, чтобы продолжать самостоятельное плавание, причалили к городу, и теперь их тащил неутомимый аванк. Он плыл с неизменной скоростью — чуть более пяти миль в час, без рывков и капризов.

На север.

Целые дни шли заупокойные службы по погибшим — произносились почтительные речи, читались проповеди и молитвы. Начались восстановительные работы. Засуетились стрелы кранов, по городу перемещались незаметные бригады, которые восстанавливали сломанные здания, реставрируя что возможно и заменяя то, что восстановлению не подлежало. По вечерам таверны и пивные заполнялись народом, но тишина там стояла невероятная. В те страшные дни Армада совсем не была веселым городом. Раны еще кровоточили, еще не зарубцевались.

Люди начали задавать вопросы. Деликатно, очень осторожно присматривались они к этим ранам в своей памяти, к болезненным местам, оставленным войной. И при этом возникали в их головах страшные вопросы.

«*Почему пришли кробюзонцы?* — спрашивали люди у себя и друг у друга (тряся головами и опуская глаза). — *И как им удалось найти нас на другом краю света? И смогут ли они сделать это еще раз?*»

Негодование и недоумение медленно распространялось, и возникали другие вопросы, которые касались уже не только сражения. Каждый вопрос влек за собой другие.

Чем это мы навлекли на себя их гнев?

Что мы делаем теперь?

Куда направляемся?

Шли дни и бессонные ночи, и оцепенение Беллис стало понемногу проходить. После сражения она ни с кем толком не говорила, проводя время в одиночестве. Утер Доул обходился без нее; ни Каррианну, ни Иоганнеса она не нашла. Беллис целыми днями почти не разговаривала, разве что в те моменты, когда ей сообщали какие-нибудь новые слухи, распространявшиеся по Армаде, как сорняки.

На второй день после сражения она начала размышлять Что-то шевельнулось в ней, и впервые за долгое время проснулись чувства — глядя на искалеченный город, она испытывала неприкрытый ужас. Беллис не без недоумения поняла, что ее душит страх.

Поднимая глаза к небесам, она испытывала наплыв чувств, сомнений и жуткой уверенности, накапливавшихся в ней некоторое время.

«О боги, — тихо повторяла она. — О боги».

Беллис поняла, что ей много чего известно. Теперь ей многое стало ясно — и столько всего ужасного, того, что она гнала от себя, о чем пока не позволяла себе думать. Знание и понимание были внутри нее, но она бежала от них, как бегут от уличного хулигана.

В тот день Беллис поела, выпила и отправилась прогуляться так, будто ничего не изменилось. Движения ее были дерганые и неуверенные, как и у других, кто все еще не мог прийти в себя. Но в какие-то мгновения, когда знание внутри нее напоминало о себе, она вздрагивала (она начинала мигать, шипеть и скрежетать зубами). Она была беременна им — этим жирным зловредным дитем, которого ей так хотелось не замечать.

Какая-то часть ее понимала, что знание это в ко-

нечном счете не заглушить, но Беллис пыталась тянуть время, не думая этими словами, не произнося их вслух, неизменно гоня прочь понимание, которое она несла, сердито, испуганно одергивая себя: «*Только не теперь, только не теперь…*»

Она смотрела на закат из своих прорубленных кое-как окон, читала и перечитывала свое письмо и, не зная, что ей делать, пыталась успокоиться и добавить что-нибудь еще о сражении. В десять часов раздался настойчивый стук, и она, открыв дверь, увидела Флорина Сака.

Он стоял на маленьком помосте, выступавшем из трубы за дверью у вершины трапа. Он был ранен во время сражения; на его лице были загноившиеся раны, левый глаз затек. Грудь его была перебинтована, уродливые щупальца плотно привязаны к телу. В руке Флорин держал пистолет и целился Беллис в лицо. Рука его не дрожала.

Беллис посмотрела на пистолет, на его дуло и неудержимо разрешилась от бремени жирным, омерзительным пониманием, которое все это время в себе взращивала. Она знала правду и знала, почему Флорин Сак собирается убить ее. И еще она в изнеможении поняла, что если он нажмет на крючок и она услышит выстрел, то

в ту долю секунды, которая потребуется пуле, чтобы долететь до ее мозга, она, Беллис, не будет винить его.

ГЛАВА 38

— Ты грязная сука. Ты убийца.

Беллис ухватилась за спинку стула — боль пронзила ее, и она усиленно заморгала, чтобы прояснилось в глазах. Флорин Сак ударил ее тыльной стороной руки, и Беллис отлетела к стене. С этим ударом физический гнев словно бы вышел из Флорина, оставив в нем сил только для того, чтобы презрительно говорить с нею. Пистолет по-прежнему был нацелен ей в лоб.

— Я не знала, — сказала Беллис. — Клянусь Джаббером, я не знала.

Она почти не чувствовала страха. Она чувствовала в основном невыносимый стыд, мысли ее путались, отчего речь стала невнятной.

— Ты злобная подлая тварь, — негромко сказал Флорин. — Сучье отродье, блядь, мерзкая блядь, чтоб тебе…

— Я не знала, — повторила она. Пистолет ни разу не дрогнул в его руке.

Он снова принялся ругать ее — тягучее, медлительное поношение, которое она предпочла не прерывать. Она дала ему выговориться. Он долго клял ее, а потом изменил тактику и заговорил

почти нормальным тоном.

— Столько мертвецов. Столько крови. Я был внизу — вам это известно? Я плавал во всем этом. — Он перешел на шепот. — Я *плавал* в этой кровище. Убивал таких же, как я сам. Глупых кробюзонских парней, с которыми, может, якшался когда-то. И если бы меня забрали, если бы было по-ихнему, если бы они сделали то, что собирались, если бы захватили город к чертям собачьим, то убийства бы не прекратились. А я был бы сейчас на пути в колонии. Раб-переделанный… Мой парнишка, Шекель, — сказал он неожиданно спокойным голосом. — Вы же знаете Шекеля. — Он уставился на нее. — Он помогал вам пару раз. Так вот, он и его подружка Анжевина оказались в гуще сражения. Анжи-то еще может о себе позаботиться, но Шекель… Он, дурачок, где-то раздобыл ружье. Пуля попала в релинг рядом с ним, и щепки поранили ему лицо, превратили в настоящее месиво. Теперь он всю жизнь будет носить эти отметины — всю жизнь. И вот я думаю, что если бы этот кробюзонец подвинул ружье на один дюйм — всего *один!* — то Шекеля бы уже не было. *Не было*.

Беллис не могла отрешиться от отчаяния в его голосе.

— Как и всех остальных, кого убило. — Флорин теперь говорил без интонаций, монотонно. — А кто их убил, всех этих мертвых ребят? Кто? Что, пришлось обратиться за помощью? Вы что, не понимали, что может произойти? Не понимали? Вам было все равно? Вам и теперь все равно?

Его слова больно хлестали Беллис, и, хотя она качала головой — *нет, мол, все было не так,* — ею владел глубочайший стыд.

— Это вы убили их, предательница, дрянь.

— Я… и вы.

Пистолет его по-прежнему не дрогнул, но лицо исказилось гримасой.

— Я? — сказал он. — *Меня-то* вы сюда не впутывайте. — Глаза его налились кровью. — Вы едва не убили моего мальчишку.

Беллис смахнула слезу.

— Флорин, — сказал она хрипловатым голосом. — Флорин, — медленно произнесла она, в отчаянии поднимая руки. — Я клянусь вам, клянусь вам, *клянусь*… я ничего не знала.

Она подумала, что Флорина все же мучили сомнения, он не был уверен до конца, а иначе просто разнес бы ей голову. Она долго говорила с ним, путаясь в словах, пытаясь найти средство передать невероятное, то, что даже ей казалось

ложью.

Пока Беллис говорила, дуло пистолета смотрело ей в лоб. Рассказывая Флорину то, что стало понятно ей, Беллис замолкала время от времени, впитывая в себя истину.

За плечом Флорина Сака она видела окно и, говоря, смотрела в него. Все легче, чем встречаться взглядом с Флорином. Каждый раз, когда она переводила глаза на него, ее лицо загоралось. Ее сжигало чувство вины за предательство, а главное — стыд.

— Я верила в то, о чем говорила вам, — сказала она ему и, вспомнив о кровопролитии, моргнула — так ей было больно. — Он и меня обманул.

— Я понятия не имею, как они нашли Армаду, — сказала она чуть погодя, все еще чувствуя презрение и недоверие Флорина. — Я не знаю, как это действует. Я не знаю, что они сделали, не знаю, какие приборы или информацию он похитил, чтобы это сработало. Было что-то такое… Наверное, он что-то спрятал. Наверное, он передал им что-то такое, чтобы они могли выследить нас… в этом послании…

— В том, что вы дали *мне,* — сказал Флорин.

Беллис помедлила, потом кивнула:

— В том, что он дал мне, а я передала вам.

— Он меня убедил, — сказала она. — Джаббер милостивый, Флорин, почему, вы думаете, я оказалась на «Терпсихории»? Я спасалась, к херам собачьим, Флорин. — Он молча слушал ее. — Я бежала, — продолжала Беллис. — *Бежала*. И, черт меня побери, мне здесь не нравится. Это место не для меня… Но я бежала. Я бы сюда этих сукиных сынов ни за что не вызвала. Я им не верю. Я бежала, потому что опасалась за свою шею.

Он с любопытством посмотрел на нее.

— И если откровенно… — Она помедлила, взвешивая, стоит ли продолжать, опасаясь, что ее слова прозвучат заискивающе, но ей хотелось сказать ему правду. — Если откровенно, — решилась она, сдерживая дрожь в голосе. — Откровенно, я бы никогда такого не сделала. Ни с вами и ни с кем другим. Я не судья, Флорин, и не желаю, чтобы их правосудие настигало вас и таких, как вы.

Он поймал ее взгляд с каменным лицом.

Позднее она поняла, что дело решили не ее горе и не ее стыд, что поверил он ей по другой причине. Ни стыду, ни горю он не верил, и Беллис не могла винить его в этом. Ее злость — вот что убедило его в правдивости ее слов.

Несколько долгих, беззвучных, несчастных секунд Беллис чувствовала дрожь в своем теле;

кулаки ее были сжаты так, что костяшки пальцев резко выступили, побелев от напряжения.

«Ах ты, сволочь», — услышала она свои слова и покачала головой.

Флорин понял, что эти слова обращены не к нему — Беллис думала о Сайласе Фенеке.

— Он лгал мне, Флорин! — вдруг со страстью, удивляя себя самое, вскрикнула она. — Громоздил одну *ложь* на другую… чтобы потом использовать меня.

«*Он использовал меня,* — подумала она, — *как использовал и всех остальных. Я наблюдала за ним в деле. Я знала, что он делает, как использует людей, но… Но я не думала, что то же самое он делает и со мной*».

— Он унизил вас, — сказал Флорин. — Думали, что вы не такая, как все, да? — Он усмехнулся. — Думали, вы его насквозь видите? Думали, вы заодно?

Беллис смотрела на него, кипя от бессильного гнева и отвращения к себе — Сайлас обвел ее вокруг пальца, как наивную глупую девочку, как своих шестерок, как и всех остальных. «*Меня больше, чем кого бы то ни было из всех этих несчастных глупцов, читавших его листовки, меня больше, чем любую самую последнюю пешку из*

его связных». Она ненавидела себя за то, с какой легкостью, с какой простотой он обманул ее.

— Ах ты, сволочь! — пробормотала она. — Я тебя, мерзавца, уничтожу!

Флорин снова ухмыльнулся, глядя на нее, и она поняла, как глупо выглядит со стороны.

— И как вы думаете, в том, что он вам говорил, было хоть слово правды? — спросил Флорин.

Они сидели вместе, оцепеневшие и неуверенные. Флорин продолжал держать пистолет, но уже не направлял его на Беллис. Они не составили заговор. Флорин смотрел на нее с неприязнью и со злостью. Даже если он и поверил, что Беллис не собиралась причинять вред Армаде, его другом она от этого не стала. Она оставалась женщиной, убедившей его стать мальчиком на посылках. Именно она вовлекла его в преступление, повлекшее за собой эту бойню.

Беллис покачала головой — ею медленно овладевало негодование.

— Думаю ли я, что Нью-Кробюзону грозит опасность? — с отвращением спросила она. — Думаю ли я, что самый сильный город-государство в мире может быть уничтожен какими-то злобными рыбами? Что две тысячи лет истории могут закончиться и только я могу спасти мой дом? Нет,

Флорин Сак, не думаю. Я думаю, он хотел доставить домой послание, больше ничего. Я думаю, этот хитрожопый мерзавец просто обдурил меня, как он это делает со всеми.

«*Он убийца, шпион. Он агент,* — думала она. — *Он — именно то, от чего я бежала. А я, идиотка, от одиночества и излишней доверчивости попалась на его удочку. Почему они пришли за ним?* — подумала вдруг она. — *Почему они ради спасения одного человека отправили корабли за тысячи миль? Не думаю, что ради него или ради того же „Сорго“*».

— Тут есть что-то еще… — медленно сказала она и попыталась пораскинуть мозгами. — Тут есть что-то, о чем мы не догадываемся.

«*Они бы не отправились в такую даль, не стали бы подвергать себя такому риску только ради него, каким бы распрекрасным агентом он ни был. У него есть что-то,* — поняла она. — *У него есть что-то, нужное им*».

— И что же мы будем делать?

Светало. Запели городские птицы. Беллис ужасно устала, и у нее болела голова.

На мгновение она оставила вопрос Флорина без внимания. Выглянув из окна, она увидела бледнеющее небо и черные силуэты мачт и домов. Все

замерло. Беллис видела волны, бьющиеся о борта города, могла проследить, как Армада движется на север. Воздух был прохладен.

Беллис нужно было еще несколько мгновений этого времени, еще несколько секунд, чтобы вздохнуть, прежде чем ответить Флорину и таким образом вызвать неизбежную концовку.

Она знала ответ на этот вопрос, но не хотела его давать. Она не смотрела на Флорина, знала, о чем он спросит еще раз. Сайлас Фенек все еще был в городе и на свободе, он наблюдал за неудачной попыткой своего спасения. Теперь можно было сделать только одно. Беллис знала что это известно Флорину, что Флорин испытывает ее, есть один-единственный ответ на его вопрос, и если она, Беллис, не даст его, Флорин все еще способен пристрелить ее.

— Так что же мы будем делать? — повторил он.

Беллис подняла на него усталый взгляд.

— Вы сами знаете. — Она рассмеялась неприятным смехом. — Мы должны рассказать правду. Нам нужно поговорить с Утером Доулом.

ГЛАВА 39

Вот мы плывем вблизи северной оконечности Вздувшегося океана и всего (всего?) в тысяче, двух тысячах миль к западу, к северо-западу от Коварного моря. На побережье неисследованного континента, омываемого этим морем, приютилась колония Нова-Эспериум.

Неужели это тот самый небольшой, яркий, сверкающий город, картинки которого я видела? Я видела гелиотипы его башен, его зернохранилищ, окружающих его лесов и уникальных животных, обитающих вокруг, вставленные в рамочку и неестественные, раскрашенные от руки сепией. В Нова-Эспериуме каждый получает еще один шанс начать с чистого листа. Свободу могут получить даже переделанные, клейменые, рабы.

(На самом деле это не так.)

Я представляла, как смотрю на это поселение сверху вниз — с гор, которые я вижу на этих картинках (размытых расстоянием, расфокусированных). Представляла, как учу язык аборигенов по фрагментам старых книг, которые можно найти в развалинах.

От Нью-Кробюзона до устья, до начала Желез-

ного залива — десять миль.

В своих воспоминаниях я все время вижу себя в этом месте — за городом, между морем и сушей.

Я запуталась во временах года. Я уехала, когда осень переходила в зиму, и это было последнее точное ощущение времени года. После этого жара и холод, холод и жара сменяли друг друга произвольно, без всяких правил, без предупреждений.

Возможно, в Нова-Эспериуме уже снова осень. В Нью-Кробюзоне сейчас весна.

Я владею знаниями, которыми не могу воспользоваться — знаниями о путешествии, которое я не могу контролировать, целей которого я не разделяю или не понимаю, и я тоскую по дому, из которого бежала, и по месту, которого никогда не видела.

За этими стенами — птицы, поющие друг другу страстные и глупые песни, борющиеся с ветром, и я, закрыв глаза, могу воображать, что наблюдаю за ними. Я могу воображать, что плыву на корабле в любой части мира.

Но я открываю глаза (я должна), и я все еще здесь, в зале Сената, стою рядом с Флорином Саком, закованная в цепи и опустив голову.

В нескольких футах от Беллис и Флорина Утер Доул заканчивал свое обращение к правителям города — Любовникам, Диниху, совету Дворняжника и всем остальным. Уже наступил вечер, а потому присутствовал и Бруколак. Он был единственным из правителей, на котором война не оставила следов, — у всех остальных были шрамы или помятые лица. Правители слушали Утера Доула, время от времени поглядывая на заключенных.

Беллис наблюдала, как они разглядывают ее, видела гнев в их глазах. Флорин Сак от стыда и горя не мог поднять взгляда.

— Мы решили, — сказал Утер Доул, — что должны действовать быстро. Мы можем допустить, что услышанное нами — правда. Мы должны немедленно найти Сайласа Фенека. И мы можем предположить: если он еще не знает, что мы его ищем, то скоро это ему станет известно.

— Но как ему это удается, будь он проклят? — выкрикнул король Фридрих. — То есть я еще могу понять, как получилось с этой вонючей *посылкой*, с этим сообщением… — Он гневным взглядом смерил Беллис и Флорина. — Но как Фенек заполучил этот сраный магнит? Эта ваша сраная фабрика компасов… она охраняется получше

моего казначейства. Как он его заполучил?

— Этого мы не знаем, — сказал Утер Доул. — И этот вопрос мы зададим ему в первую очередь. Насколько возможно, мы должны сохранять конфиденциальность. Поскольку у Саймона Фенча, Фенека, есть… сторонники, — продолжал Доул; Любовники не смотрели друг на друга. — Мы не должны рисковать, сердить граждан. Мы должны действовать. Есть у кого-нибудь предложения, как нам начать?

Диних кашлянул и поднял руку.

— До меня дошли слухи, — неуверенно начал он, — что Фенек действует из определенных питейных заведений…

— Король, позвольте мне, — прервал его Бруколак своим скрипучим голосом.

Все удивленно повернулись к нему. Вампир на сей раз выглядел неуверенно. Он вздохнул, выкинул свой быстрый язык, потом продолжил:

— Ни для кого не секрет, что у Сухой осени серьезные разногласия с правителями Саргановых вод по поводу аванка и пункта нашего назначения… о котором мы так пока ничего и не знаем, — добавил он, не скрывая вспышки гнева. — Однако, — он с вызовом обвел присутствующих своими желто-коричневыми глазами, — я

надеюсь, никто не может упрекнуть Бруколака или любого из его подручных в нелояльности городу — наша преданность абсолютна. Мы весьма сожалеем, что не смогли драться за Армаду в недавнем сражении… Я знаю, — продолжал он, — что мои подданные участвовали в схватке. У нас тоже есть потери, но не среди таких, как я. И мы это понимаем. Мы в долгу перед вами… Я знаю, где находится Сайлас Фенек.

В помещении раздались недоуменные восклицания.

— Откуда вам это известно? — спросила Любовница. — И *давно* ли вам это известно?

— Не очень, — ответил Бруколак. Он встретился с ней взглядом, в котором на сей раз не было видно высокомерия. — Мы выяснили, где *Саймон Фенч* отдыхает и печатает свои листовки. Но вы должны знать… — сказал он с неожиданным волнением. — Должны *знать*, что мы понятия не имели о его планах. Иначе мы бы никогда не допустили того, что произошло.

Волнение его было понятно. Он позволил «Саймону Фенчу» распространять свое влияние, печатать подрывные листовки и распускать вредные слухи, поскольку полагал, что жертвой его деятельности станут Саргановы воды, но

никак не город в целом. Он не знал о том, что Фенек вызвал кробюзонский флот. Как Флорин и Беллис, он чувствовал свою вину в случившемся.

Беллис наблюдала за ними всеми, внутренне улыбаясь показному гневу Любовников. «*Словно вы сами никогда такого — а то и еще чего похуже — не делали,* — подумала она. — *Словно все вы, сукины дети, не плетете таких вот интриг друг против друга*».

— Я понимаю ситуацию, — прошипел Бруколак. — И хочу поймать этого негодяя не меньше, чем все вы. Вот почему для меня будет удовольствием, а также долгом арестовать его.

— Брать его будешь не ты, — сказал Утер Доул. — Его арестую я и мои люди.

Бруколак обратил свои коричневатые глаза на Доула.

— Мне во многом будет проще, — медленно проговорил он. — Эта задача важна для меня.

— Ты не заслужишь таким образом прощения, немертвый, — холодно сказал Доул. — Ты предпочел позволить ему без помех играть в его игры, и вот какой результат мы получили. А теперь скажи нам, где его найти, и на этом твое участие будет закончено.

На несколько секунд наступило молчание.

— Где он? — вскричала вдруг Любовница. — Где он прячется?

— Есть и еще одна причина, по которой найти его должны мои люди, — ответил Бруколак. — Он скрывается там, куда ваши бойцы не пойдут. Сайлас Фенек в Заколдованном квартале.

Доул даже не моргнул. Он в упор смотрел на вампира.

— Брать его будешь не ты, — повторил он. — Я *не* боюсь.

Беллис слушала с чувством стыда и медленно тлеющей ненависти к Фенеку. «*Ах ты, сволочь,* — думала она, и ее чувство справедливости торжествовало. — *Посмотрим, как ты теперь выпутаешься*».

Хотя он, видимо, по-прежнему оставался ее единственной надеждой на бегство, Беллис не могла позволить, чтобы этот хренов сукин сын врал ей, использовал ее. Она не допустит, чтобы это сошло ему с рук, чего бы это ей ни стоило. Лучше уж она отправится вместе с Армадой к Шраму.

«*Ты должен был мне все сказать, сучий ты потрох,* — думала она, наливаясь ненавистью. — *Я тоже хотела — хочу — выбраться отсюда. Если бы ты сказал мне правду, если бы ты был со мной*

честен, если бы ты не использовал, то я, может, и помогла бы тебе, — думала она. — *Мы могли бы сделать это вместе*».

Но она знала, что обманывает себя.

Как бы ей ни хотелось выбраться отсюда, она не стала бы помогать Фенеку, знай она о его планах. Не стала бы в них участвовать.

Испытывая крайнее отвращение к себе, Беллис поняла, что Сайлас раскусил ее. Его работа состояла в том, чтобы знать, кому и что можно говорить, знать, как далеко готовы пойти окружающие, и, исходя из этого, лгать им. Он должен был решать, что говорить своим марионеткам.

Он был прав в отношении нее.

Беллис не могла забыть, как взбесился Утер Доул, когда она с Флорином пришла к нему.

Они рассказывали, а Доул смотрел на них; лицо его становилось все жестче и мрачнее, его глаза темнели. Беллис и Флорин, волнуясь, пытались объяснить ему, что ничего не знали, что их обоих использовали.

Флорин мямлил, а Доул бесстрастно слушал, дожидаясь, когда тот закончит, — он молчал, уже этим наказывая Флорина. Потом он повернулся к Беллис и стал слушать ее объяснения. Та боялась его — он ничем не показал своих чувств,

когда она сообщила ему, что знает Сайласа Фенека, *Саймона Фенча*. Доула это, похоже, вовсе не удивило. Он стоял недвижно, дожидаясь от нее новой информации. Когда она сказала ему, что сделала, какую посылку доставила для Фенека, Доул внезапно взорвался.

— *Нет!* — выкрикнул он. — Что он *сделал*?!

И когда Беллис, запинаясь, принялась бормотать какие-то стыдливые уверения в том, что понятия не имела, что и *подумать* не могла и откуда ей было *знать*, Доул уставился на нее пронзительным взглядом, полным холодной неприязни и жестокости, каких она не замечала за ним прежде, — и это проняло ее до самых печенок.

— Вы уверены? — сказал Доул таким тоном, что у нее душа ушла в пятки. — Так ли это? Не имели понятия? Ни малейшего?

И в сердце Беллис зашевелился червь сомнения, принялся безжалостно грызть ее, погружая в раскаяние и тоску.

«*Неужели я и в самом деле никогда не знала? Неужели никогда не сомневалась?*»

Правители заспорили о топографии Заколдованного квартала Армады, о гулах и жировых упырях, о том, как им лучше раскинуть сети для

поимки Фенча.

Беллис заговорила — так громко, что все сразу же замолчали.

— Сенат, — сказала она. Доул вперился в нее взглядом, в котором не было надежды на прощение. Она не дрогнула. — Нужно помнить и еще кое о чем. Я не верю, что Нью-Кробюзон послал свои корабли на край света из одного *человеколюбия*. Они не стали бы рисковать своим флотом, не стали бы тратить столько сил даже ради «Сорго» и, уж конечно, ради того, чтобы вернуть домой одного человека… У Сайласа Фенека есть что-то, нужное им. Я не знаю, что это, и… клянусь вам, что сказала бы, если бы знала. Я верю… Только одному из того, что он мне наговорил, я верю: что он был в Великом Кромлехе и совсем недавно — в Дженгрисе. Я видела его записные книжки, и этому я верю… Он сказал мне, что гриндилоу пытались его поймать. Может быть, это тоже правда. Может, он что-то украл у них, что-то такое, ради чего Нью-Кробюзон послал свой флот на другой конец света, когда узнал, что Фенек завладел этой вещью. Может, именно поэтому они и пришли… Вы все единодушны в том, что он делал вещи, которые кажутся невозможными: похищал предметы, проникал в закрытые

помещения. Может быть, за всем этим стоит то, чем владеет Сайлас Фенек, то, что он украл, и за чем пришли кробюзонцы. Я хочу сказать вот что… когда вы выследите его, помните, что он может прибегнуть к этому средству… и будьте осторожны.

После ее речи наступила долгая, напряженная тишина.

— Она права, — раздался чей-то голос.

— А как быть с ней? — раздался задиристый голос юнца из совета Дворняжника. — Вы… *мы* что, должны им верить? Что они *ничего* не знали? Что они всего лишь пытались спасти свой родной город?

— *Армада* — вот мой родной город, — внезапно выкрикнул Флорин Сак в замершую аудиторию.

Утер Доул оглянулся на Флорина, который опять медленно опустил голову.

— С ними разберемся позднее, — сказал Доул. — Пока не арестуем Сайласа Фенека, они будут в заточении. Потом мы допросим его и решим их судьбу.

В камеры Флорина и Беллис доставил сам Утер Доул.

Он повел их из зала заседания по лабиринту туннелей в чреве «Гранд-Оста». По коридорам,

обитым панелями темного дерева, мимо древних гелиотипов кробюзонских моряков. Вниз по освещенным газом проходам. В том месте, где они наконец остановились, раздавались странные звуки — скрежет металла, стук работающих двигателей.

Доул подтолкнул (*легонько*) Флорина в дверь, и Беллис увидела внутри койку, стол, стул, иллюминатор. Доул отвернулся от Беллис и пошел дальше. Он правильно рассудил, что она последует за ним, пусть даже и в собственное узилище.

Они оказались в камере. Темнота за иллюминатором не была темнотой ночи — помещение находилось ниже ватерлинии, и снаружи была морская вода. Беллис повернулась и ухватилась за дверь, не давая Доулу захлопнуть ее.

— Доул, — сказал она, глядя на его лицо — нет ли на нем каких-либо признаков смягчения, расположенности, влечения или прощения. Ничего такого она не увидела.

Он ждал.

— Я только хотела, чтобы вы знали, — сказала она, решительно встретив его взгляд. — Флорин Сак… он здесь просто жертва. Он не сделал ничего такого, что могло бы грозить Армаде бедой. Он попал как кур в ощип, он совершенно сломлен.

Если уж хотите кого наказывать… — Беллис дрожащими губами втянула в себя воздух. — То есть я хочу сказать, если вам не безразлична справедливость, то вы… по крайней мере, не должны наказывать *его*. Он очень предан Армаде… Самый преданный гражданин Саргановых вод из всех, кого я знаю.

Утер Доул долго смотрел на нее, наклонив голову набок, словно в удивлении.

— Силы небесные, мисс Хладовин, — сказал он наконец ровным голосом, который звучал еще мягче и прекраснее, чем всегда. — Боги милостивые. Ах, какое мужество и самопожертвование. Взять на себя большую часть вины, с такой самоотверженностью просить о снисхождении для другого. Если бы я подозревал вас в низости и махинациях, в том, что вы намеренно и цинично или по преступной неосторожности вовлекли мой город в войну, если бы я собирался жестоко покарать вас за ваши дела, то теперь, вероятно, мне пришлось бы передумать и изменить свои намерения. В свете вашего несомненного, бескорыстного благородства.

Когда он начал говорить, Беллис подняла на него внимательный взгляд, но, слушая его, опустила глаза. В ровном голосе Доула за издева-

тельскими интонациями слышалась горечь.

Беллис вспыхнула и совершенно смешалась. Она снова была одна и испытывала жгучий стыд.

— Ох, — простонала она в изнеможении.

Доул повернул ключ, и Беллис осталась одна смотреть на рыб, которые тупо тыкались в иллюминатор, привлеченные тусклым светом из ее камеры.

В Армаде никогда не наступала тишина. В самую глухую пору долгой ночи, когда нигде не встретишь ни души, город полнился звуками.

В городе непрестанно играли ветер и вода. Армада взмывала на волну, сжималась, потом растягивалась, потом снова сжималась. В мачтах гулял ветер. Чуть поскрипывали трубы. Суда час за часом сталкивались друг с другом, словно кости, словно кто-то бесконечно глупый и терпеливый стучался в дверь пустого дома.

Если где в городе и царило какое-то подобие настоящей тишины, так это в пустом Заколдованном квартале. Здесь биение, журчание, плеск воды казались глуше, чем в остальной Армаде. Но зато в этом месте слышались другие, совсем непонятные звуки, пугавшие тех, кто слышал их, и отваживавшие незваных гостей.

Тихое потрескивание, как при загорании кучи хвороста. Ритмическое постукивание, словно что-то пробивается сквозь дерево. Слабые завывания, будто кто-то наигрывает на расстроенной флейте.

Заколдованный квартал покачивался среди этих странных шумов, плесневел и с каждым годом, проведенным в воде, разбухал, а его медленное, затянувшееся разрушение продолжалось. Никто не знал, что спрятано на его траченных временем судах.

Самым большим судном Заколдованного квартала был «Глоссарий» — древний корабль длиной более четырех сотен футов, отделанный красноватым деревом, которое когда-то было окрашено в яркие цвета, а теперь потускнело от времени, соли и воздуха. На палубе валялись обломки пяти мачт, остатки вышек, опор и рей. Доски и шесты громоздились на палубе немыслимыми штабелями. Они теряли свою форму, гнили, поедались червями, превращались в ничто.

Около полуночи из кварталов Сухая осень и Ты-и-твой все еще доносился шум — где-то припозднились выпивохи, где-то велись работы по восстановлению разрушенных войной зданий. Заколдованный квартал был по-прежнему свя-

зан мостками с другими кварталами: старые и неиспользуемые, они были установлены неизвестно сколько лет назад и упрямо не желали превращаться в прах.

С убогой баржонки на границе квартала Ты-итвой некто по мосткам перебрался на заброшенные суда. Он без страха шел по этому кладбищу кораблей, пораженных грибком и ржой, словно хваченных морозом. Кроме сияния звезд, другого света здесь не было, но он шел уверенно — знал дорогу.

На носу металлического траулера находились огромные разбитые лебедки, их механические внутренности торчали наружу, словно лебедки были разделаны, как коровья туша. Человек перешагнул через покрытые машинным маслом шестеренки и вскоре оказался на «Глоссарии». Перед ним возвышалась высокая палуба корабля, кренившаяся слегка неправдоподобно.

(Корабль удерживался снизу огромной, установленной давным-давно цепью, теперь ставшей частью аванковой упряжи.)

Человек спустился в темень корабельного чрева. Он не пытался ступать бесшумно. Он знал, что если его услышат, то сочтут призраком.

Он шел по полуосвещенным коридорам, кон-

туры которых были очерчены при помощи магических средств или фосфоресцирующей плесенью.

Человек замедлил шаг и оглянулся. Он наморщил лоб, пальцы его сжали статуэтку. Добравшись до осклизлых, ведущих вниз ступеней, человек остановился и положил свободную руку на перила. Он задержал дыхание и медленно повернул голову, вглядываясь в темноту, прислушиваясь.

До него доносился чей-то шепот.

Прежде человек никогда не слышал этого звука, даже на этой посещаемой призраками палубе.

Человек повернулся. Он вперил взгляд в черноту в конце прохода, словно тут происходила борьба характеров, словно он пытался победить темень взглядом и наконец победил, и она отдала то, что прятала в себе.

— Сайлас.

Кто-то вышел из темноты.

Сайлас Фенек мгновенно поднес статуэтку ко рту и всунул язык в ее горло. Человек бежал на него, выставив вперед меч, преодолевая в темноте расстояние между ними.

Внезапно возникли другие. Из лазов в дереве появилось множество фигур с мрачными фи-

зиономиями, и они с удивительной скоростью набросились на него. В руках них были — у кого мечи, у кого пистолеты.

— *Взять живым*!!! — выкрикнул Доул.

Сайлас Фенек ощутил дрожь похотливого языка его каменной иконы и тут же почувствовал прилив колоссальной энергии. Он шагнул вверх, в пространства, которые мгновение назад были закрыты не только для его тела, но и для его взгляда. Фенек изогнулся, когда первый из бойцов Саргановых вод прошел под ним, потом открыл рот и выдохнул — его желудок свела судорога. С рвотным звуком изо рта его пролилась струя зелено-черной сверкающей желчи — сколько уместилось во рту магически заряженной плазмы, которая была не просто вязкой жидкостью и не просто энергией. Этот сгусток угодил прямо в лицо нападавшему.

Сайлас Фенек быстро вышел из пределов зримого, оставил коридор, поднялся сквозь судно, а человек, которого он облил, слабо вскрикнул и, расцарапав себе лицо, умер.

Стражники были повсюду, они возникали из дверей и цеплялись за его одежду. Они выпрыгивали из нор, как крысы, или собаки, или черви, или боги знают что, и тянулись к нему, размахи-

вая мечами. Они были быстры, их отобрали на это дело за их мастерство и мужество — чума, поветрие, вторжение, они окружили его, обложили со всех сторон, загнали в угол.

«*Джаббер милостивый и трах небесный, они повсюду*», — подумал Фенек и снова жадно впился ртом в статуэтку. Плоскости и углы сложились вокруг него, видоизменяясь впереди и позади, и он, извиваясь, бросился вверх по трапу, чувствуя себя так, будто он тонет и тянется на поверхность, к воздуху. Он был зол.

Стражники Саргановых вод тянулись к нему, хватали то, что удавалось. «*Хер вам,* — подумал он, ощущая новый прилив сил. — *Я ведь не только убегать могу*». Он повернулся с рычанием, плюясь и харкая в нападающих желчью, которая образовывалась в нем от поцелуев статуэтки, загнув язык, принялся изрыгать мерзкую жидкость на окружающие лица.

И там, куда попадала эта харкотина, обычное пространство искривлялось, словно под воздействием размерной кислоты, и стражники вскрикивали от страшной нездешней боли, когда их глаза, кости, плоть заворачивались внутрь себя и выходили из физической реальности, растворялись, рассеивались, разрывались в

невозможных направлениях. Он падали, все израненные, испускали слюнявые крики, а Сайлас, проходя мимо, смотрел на них без жалости, видел их лица, выдернутые из реальности, истекающие ничем, которое пузырилось и шипело; их головы и груди зияли дырами, уводящими в пустоту. Они кровоточили в непространство, в смертельный вакуум, распространяюшийся, как гангрена, с краев их ран, отчего плоть становилась почти невидимой, смутной и бестелесной, а потом вообще прекращала существовать.

Нападавшие катались и кричали до тех пор, пока у них оставались рты.

Фенек продолжал бежать, сердце его бешено колотитесь Он бежал, и целовал статуэтку, и складывал пространство, и разгибал плоскости вокруг себя.

Утер Доул мрачно преследовал его с такой целеустремленностью, что, даже будучи ограничен обычным пространством, не отставал от Фенека.

Доул был неутомим.

Фенек с грохотом вырвался из темного нутра «Глоссария» на воздух и замер на секунду, приложив кровоточащий язык к мраморным зубам статуэтки.

«*Пошли вы все в жопу*», — с ненавистью подумал

он, и страх оставил его. Он всунул язык поглубже в рот статуэтки, почувствовав, как энергия засверкала в нем, как сам он засиял темной звездой вместе с нею. Кружась, он пронесся мимо поломанных мачт, поднялся вверх по теням проводов, изгибая реальность вокруг себя, складывая ее, проскальзывая вдоль созданных им складок на обветшалом корабле.

Отряд стражников в темном поднялся из люка и с натренированной скоростью рассредоточился по палубе. Утер Доул вышел вместе с ними и уставился в глаза Фенеку.

— Фенек, — сказал он и поднял меч.

Сайлас Фенек посмотрел на него сверху вниз и ответил голосом, который отдавался немыслимым образом — он прозвучал у самого уха, точно угрожающий шепот:

— Утер Доул.

Фенек замер в пятнадцати футах над палубой в короне коробящегося эфира. Реальность вокруг него подернулась рябью. Его нечеткие очертания наверху колебались между разными состояниями, а он двигался с неторопливой и хищной морской грацией, то пропадая из виду, то снова появляясь. Из его рта и порванного языка капала кровь. Он повернулся в воздухе, словно копье

охотника, и остался висеть, удерживаемый поцелуем статуэтки, глядя на людей внизу.

Те подняли ружья. Фенек замерцал в воздухе, и пули прошли через то место, где он только что находился, — сквозь колючий воздух — и исчезли; и тогда Фенек харкнул. Он открыл рот, и оттуда, словно шрапнель, вылетели комки едкой не то слюны, не то рвоты.

Они разлетелись по палубе, попали в лица атакующим, и сразу же раздались крики боли. Люди в панике разбежались в разные стороны.

Фенек не сводил глаз с Утера Доула.

Доул с звериной точностью в движениях отпрыгнул в сторону, чтобы слюна не попала на него. Лицо его было напряжено, а взгляд устремлен на Фенека, который, мерцая, опустился и, то пропадая, то появляясь, прошелся по палубе, довольно напевая что-то себе под нос и оставляя за собой липковатую полоску едкой слюны. Фенек плевал в каждого, кто приближался, и если тот не мог уклониться, то умирал. Фенек нашел Утера Доула.

— *Ну-ка, попробуй, возьми меня,* — прошептал Фенек с пьяной бравадой.

В горле у него саднило от ядовитой слюны, но он чувствовал, что ему все по плечу — хоть

прожечь дыру во вселенной. Он чувствовал, что неудержим. Доул отступил перед несущей гибель фигурой, отпрыгнул в сторону; он двигался, кипя от гнева, скрежеща зубами при звуках голоса Фенека, который все бормотал рядом с его ухом:

— *Ну, давай…*

И тут сквозь темень и свет, сквозь тяжесть дерева, плеск воды, похожий на удары маленьких кулачков вокруг, Фенек, видевший огни Армады всего в нескольких ярдах, услышал у себя за спиной голос:

— *Саиииииилассссс*.

Как шипение чудовищной змеи.

Сердце у екнуло него в груди — Фенек повернулся и сквозь взбаламученное пространство увидел Бруколака — звериная мерцающая ненависть, отлитая в кости. Его огромный язык, выпрыгнув из темноты, развернулся и впился в Фенека.

Фенек вскрикнул и попытался снова поцеловать статуэтку, но Бруколак дотянулся до него, метнул вперед руку и вытянутыми пальцами ударил Фенека в горло.

От удара Фенека отбросило назад, и он упал на палубу навзничь, хватая ртом воздух. Бруколак рухнул вместе с ним, глаза его горели. Фенек все еще пытался поднести фигурку ко рту, но Бруко-

лак с какой-то презрительной легкостью схватил свободную руку Фенека и без труда удержал ее. Он поднял ногу (*с унизительной скоростью*) и размозжил правое запястье Фенека, с силой впечатав его в палубу.

Фенек вскрикнул высоким дребезжащим голосом, когда скорчились в судороге его разбитые пальцы. Статуэтка покатилась по палубе.

Фенек лежал на досках палубы и выл; кровь сочилась из его рта и носа и из раздробленного запястья. Фенек кричал от боли и ужаса, бесполезно суча ногами в тщетной попытке спастись бегством. Он теперь в полной мере обрел плоть и пребывал в реальности, сломленный и нелепый. Появился Утер Доул и, наклонившись, оказался в поле зрения Фенека.

Фенек продолжал отбиваться, и рубаха разорвалась на нем, обнажив грудь, которая оказалась крапчатой, осклизлой, покрытой грязно-зелеными и беловатыми пятнами.

Она выглядела нездоровой и напоминала мертвую плоть. Там и сям были видны рваные края, похожие на усы зубатки или плавники.

Доул и Бруколак взирали на происшедшие с Фенеком перемены.

— Ты посмотри на себя… — пробормотал Утер

Доул.

— Так в этом-то и было все дело? — прошипел Бруколак, глядя на статуэтку в руке Доула.

Фенек продолжал противно стонать. Каменная куколка непроницаемым взглядом смотрела на Утера Доула, подмигивая ему. Ее открытые глаза были прозрачны и холодны. Она обнимала себя нечетко очерченными ручками, вырезанными из ледяного камня, перемежающегося зелено-серым и черным цветом. Она ухмылялась Фенеку своим жутким круглым ртом, показывая зубы. Доул потер пальцем складки кожи на спине статуэтки.

— Сильная вещь, — сказал Бруколак Фенеку, тело которого сотрясалось в судорогах. — Скольких армадцев она убила?

— Возьмите его, — сказал Доул своим уцелевшим бойцам.

Они подошли, но нервно затоптались на месте, видя, что Бруколак не шелохнулся.

Он вмешался, несмотря на приказ Доула, и, возможно, спас ему жизнь, но Доул отказал Бруколаку в благодарности — покаянной или примирительной. Он просто смотрел на него неподвижным взглядом, пока вампир, признав свое поражение, не отошел в сторону.

— Он *наш,* — прошептал Доул Бруколаку, взве-

шивая в руке фигурку.

Стражники в невероятных корчах умирали на палубе. Их товарищи, не обращая внимания на крики Фенека, подняли его без малейшего сочувствия.

Граждане на границе Сухой осени и Ты-и-твой вздрогнули услышав доносящиеся из Заколдованного квартала звуки, и осенили себя защитными знаками.

— Я ничего подобного в жизни не слышал, — шептали они эти или подобные слова, прислушиваясь к затухающим в ночи крикам. — Это не упырь и не гуль… Это что-то новое, и оно не оттуда.

Они поняли, что это крик человека.

ГЛАВА 40

Утер Доул сел на койку в камере Беллис. Обстановка здесь оставалась аскетической, хотя и появились кое-какие вещи, принесенные им из ее комнаты: ее записные книжки, кое-какая одежда.

Он смотрел, как Беллис крутит в руке статуэтку, похищенную у гриндилоу. Она осторожно, с любопытством гладила пальцами поверхность этой диковинки, ощущая все ее неровности. Беллис смотрела на скорчившееся в гримасе лицо статуэтки, заглядывала в ее рот.

— Осторожнее, — посоветовал ей Доул, когда она коснулась ногтем одного из зубов статуэтки. — Это опасно.

— И это все из-за нее? — спросила Беллис. Доул кивнул.

— Он носил ее с собой. С ее помощью он убил несколько человек. Он использовал ее, чтобы складывать пространство, творить такую магию, о какой я и не слышал. Так, наверно, он и на фабрику компасов пробрался.

Беллис кивнула. Она поняла: Доул говорит о том, как Фенек помог кробюзонцам найти Арма-

ду. Какое-то тайное устройство, некий механизм.

— Теперь все в порядке, — сказал Доул. — Магнит, видимо, был у них на «Утреннем скороходе».

«*Возможно,* — подумала Беллис. — *Устройство, с помощью которого была найдена Армада. Лучше не думать о том, что оно осталось на одном из броненосцев и теперь находится там, в бескрайнем океане, под солнцем, среди гниющих трупов команды. Но в один прекрасный день его могут найти*».

Она снова повертела статуэтку в руках и пригляделась к ней.

— Насколько мы можем догадываться, — медленно продолжал Доул, — и судя по тому, что сообщил нам Фенек, сама статуэтка не главное. Так же как в дуле пистолета главное не дуло, а пуля, так и здесь. Энергия находится не в статуэтке — статуэтка только проводник. Вот где источник энергии, — сказал он.

Доул погладил плотную, тонкую полоску плоти, внедренную в спину статуэтки.

— Это плавник какого-то предка, жреца-убийцы, мага, *волхва*. Он размещен в камне так, чтобы выглядеть именно плавником. Это частичка мощей, — сказал Доул. — Останки какого-то…

святого. Она-то и является источником энергии. Так нам сказал Фенек.

Беллис представила себе, как из Фенека добывались эти ответы.

— Значит, именно за этим они и пришли, — заметила она, и Доул кивнул.

— Она способна совершать удивительные вещи. Она позволила Фенеку совершать удивительные вещи. Но при всем том, я думаю, он лишь совсем недавно начал ее понимать. Я думаю, у Нью-Кробюзона были основания верить в то, что это… эта магическая частичка мощей гораздо сильнее, чем думает Фенек. — Доул заглянул в глаза Беллис — Не думаю, что Нью-Кробюзон пустился бы в такое путешествие, пошел бы на такие расходы, если бы речь не шла о самом мощном источнике энергии.

Беллис почтительно разглядывала предмет в своих руках.

— К нам в руки попало нечто необыкновенное, — тихо сказал Доул. — Мы нашли нечто из ряда вон выходящее. Одни боги знают, чего мы сможем достичь с ее помощью.

«*Вот, значит, что стоит за всем этим,* — подумала Беллис. — *Вот что украл Фенек. Он ведь даже и мне* сказал, *что похитил что-то в Джен-*

грисе. А в Нью-Кробюзон он сообщил, что завладел этой штуковиной — и уж конечно, не пытался переслать ее туда. Они бы никогда не отправились на его поиски, отдай он им эту статуэтку. Вот, значит, чем он заманил их на другой конец света. Сказал им: „Спасите меня, и она ваша“, и они снарядили за ним корабли.

Вот ради чего кробюзонцы пустились в путь и развязали войну. Эта маленькая штучка — причина всему. Ради этого я (сама того не зная) повела Армаду на остров комаров. Чтобы отправить ложное сообщение в Нью-Кробюзон, я дала Армаде аванка, тогда как нужно было зашвырнуть эту вонючую книжонку Аума в море.

Вот из-за чего весь сыр-бор.

Из-за плавника какого-то волхва».

Беллис не знала, что именно изменилось. Доул вроде бы простил ее. Исчезла демонстративная злоба. Он пришел, чтобы показать ей найденное ими, чтобы поговорить с ней, как прежде. Беллис нервничала — она не была уверена ни в чем, что касалось его.

— И что вы будете с ней делать? — спросила она. Доул, заворачивая статуэтку во влажную тряпицу, в которой и принес ее, покачал головой.

— У нас сейчас нет времени исследовать ее

надлежащим образом. Пока. Внимания требуют много других вещей, слишком много всего стало выясняться. Нас… отвлекали. Это случилось в самое неподходящее время. — Он говорил ровным голосом, но она чувствовала, что он колеблется и недоговаривает. — И потом, Фенек под ее воздействием изменился. Он и сам не понимает, как это произошло, а если и понимает, то не говорит. Никто не знает к каким энергиям имеют доступ гриндилоу. То, что произошло с Фенеком, необратимо, и мы не знаем, что будет, когда это проявится в полной мере. Никто не хочет стать новым любовником этой статуэтки… Так что мы будем хранить ее в безопасном месте, пока не доведем до конца наш проект, пока не достигнем нашей цели, а тогда у нас появятся время и ученые, чтобы заняться исследованиями этой штуковины. Мы постараемся замять случившееся, а на случай, если кому-нибудь станет известно, что принес с собой Фенек, мы спрячем ее в таком месте, что никто не подумает и не осмелится искать ее там. В таком месте, где, как всем известно, уже спрятано одно-два сокровища, но куда никто не рискнет сунуться — наказание будет слишком суровым.

Говоря это, Доул ненароком коснулся рукояти

Меча возможного. Беллис обратила на это внимание и поняла, где будет спрятан плавник волхва.

— А где теперь Фенек? — медленно спросила она. Доул поднял на нее взгляд.

— Мы о нем позаботились, — сказал он, коротко кивая на дверь, выходящую в коридор. — Он надежно заперт.

Последовала долгая пауза.

— И что вы здесь делаете? — спросила наконец Беллис. — Давно вы мне поверили?

Она внимательно смотрела на него, мучаясь собственным смятением. «*С того самого момента, как попала в этот чертов город,* — с неожиданной ясностью поняла она, — *я все это время была на грани срыва, каждое мгновение. Я устала*».

— Я вам всегда верил, — сказал он ровным голосом. — никогда не думал, что вы намеренно вызвали сюда кробюзонцев, хотя и знаю, — всегда знал, — что особой любви к Армаде вы не питаете. Когда недавно вы пришли ко мне, я думал услышать от вас совсем другое. Я слушал Фенека, анализировал его речи, пытался помалкивать, пытался представить вашу роль, нащупывал истину… Он каждый раз говорит разное. Но истина очевидна: вы совершили глупость, — сказал

Доул бесцветным голосом. — Вы поверили ему. Решили, что вы… Что вы там про себя решили? Что он там вам наговорил? *Спаси свой город*. Вы не хотели уничтожить нас. Вы всего лишь пытались спасти свою родину, чтобы когда-нибудь вернуться на эту землю — нетронутую, неразоренную. Вы не хотели уничтожить нас. Вы просто совершили глупость.

Выражение лица Беллис было мрачнее некуда. Она сгорала от стыда.

Доул смотрел на нее.

— Вас вовлекли в это дело обманом, верно? — спросил он. — Подбросили вам мысль, соединившую вас с домом. Мысль сделать что-то для него. Этого оказалось достаточно, да? Вы… спасительница своего города.

Доул говорил тихим, без выражения, голосом, а Беллис слушала, уткнувшись взглядом в свои руки.

— Я уверен, — продолжал Доул, — если бы вы дали себе труд задуматься над тем, что вам говорят, у вас бы наверняка возникли вопросы.

Он сказал это чуть ли не с сочувствием. Червячок сомнения снова зашевелился в Беллис, ожил в ее черепной коробке.

— На «Глоссарии» от него не осталось ника-

ких следов, — сказал Доул. — Его койка в трюме была суха и чиста. Да, к стенам повсюду были пришпилены записочки. Диаграммы, на которых обозначалась принадлежность всех мужчин и женщин, кто чем руководит и кто кому должен. На редкость впечатляющие сведения. Он узнал все, что ему было нужно. Он внедрился в городскую политическую жизнь, но при этом всегда оставался в тени. Разным информаторам он назначал разные места встречи, на которые являлся под разными именами. Саймон Фенч и Сайлас Фенек — это всего лишь два из множества. Но от него лично — ни следа. Он как пустая кукла. Эти записочки повсюду, как плакаты, и маленький ручной печатный станок, а еще типографская краска и смазка. Одежда в сундуке, записная книжка в сумке — вот и все. Жалкое зрелище. — Доул поймал взгляд Беллис. — Можно было сколько угодно искать в этой комнате, но ни малейшего представления о том, что такое Сайлас Фенек, вы бы все равно не получили. Он — всего лишь пустая оболочка, начиненная всевозможными схемами.

«*Но теперь ему заткнули глотку, а мы продолжаем двигаться на север,* — подумала Беллис. — *Любовники побеждают. Трудности позади, да,*

Утер?» Она смотрела ему в глаза, пытаясь вернуть то, что было между ними прежде.

— И что вы тут писали, когда я пришел? — спросил Доул, сразив ее этим вопросом. Он показал на карман, в который Беллис сунула свое письмо.

Она всегда носила письмо с собой: теперь оно насчитывало немало страниц и становилось все толще. Письмо у нее не отобрали — ведь оно никак не могло способствовать побегу.

Беллис давно уже не добавляла ничего нового к своему письму. Случалось, она писала его ежедневно, как дневник, а потом неделями к нему не притрагивалась. В этой маленькой убогой камере, откуда была видна лишь темная водная пучина, она снова вернулась к письму, словно рассчитывая привести в порядок свои мысли. Но оказалось, что она почти не может писать.

— Оно было у вас уже в тот первый день, когда я вас увидел, — сказал Доул. — Оно всегда при вас. Даже на дирижабле оно было с вами. — (Глаза Беллис расширились.) — Что это такое? Что вы пишете?

Беллис поняла: что бы она ни сказала или ни сделала здесь и сейчас, отголоски этого она будет ощущать еще долго. Все должно было улечься на свое место, как части головоломки. У нее возник-

ло ощущение, будто она затаила дыхание.

Беллис вытащила листы из кармана.

Пыледельник девятого чета, 1780. Шестой шутди плоти.

Здравствуй еще раз.

— Это письмо, — сказала она.

— Кому? — спросил Доул.

Он не приподнялся, чтобы заглянуть, что там написано, — вместо этого он перехватил взгляд Беллис.

Она вздохнула, принялась перебирать листы, нашла начало и протянула ему, чтобы он мог прочесть первое слово.

«*Дорогой…*» — начиналось письмо, а дальше стоял пропуск. Пустое пространство между словами.

— Не знаю, — сказала она.

— Нельзя сказать, что это письмо никому, — сказала она. — Это было бы грустно и смешно — писать никому. И оно не покойнику… нет, в нем нет ничего такого грустного. Ничего такого в нем нет, ничего. Оно вовсе не конец, напротив, оно — начало. Это дверь. Оно может быть адресовано кому угодно.

Беллис услышала свой голос, подумала, как ее слова могут звучать для чужих ушей, и пришла в ужас.

— Перед тем как покинуть Нью-Кробюзон, — сказала она уже не так взволнованно, — я много недель, много месяцев провела в страхе. Стали исчезать мои знакомые. Я знала, что настанет и мой черед. Ведь вы, Утер, никогда не были в Нью-Кробюзоне? — Она посмотрела на него. — Вы много где побывали и много чего узнали, но там вы не были. Вы и понятия не имеете… ведь не имеете? Есть особый страх, ни на что не похожий, — это когда милиция выходит на ваш след. Кто им нужен? Кого они уже взяли, пытали, соблазнили, запугали, подкупили, угрозами заставили делать то, что им нужно? Кому вы можете доверять?.. Дьявольски трудно остаться одной. Когда я начала писать, — неуверенно продолжила она, — то думала, что, наверно, пишу своей сестре. Мы не очень близки, но временами я с ума схожу — так хочется с ней поговорить. Но есть такие вещи, которые я бы ни за что ей не сказала. А мне нужно было их высказать, так что я думала — может, это письмо одному из моих друзей.

Беллис подумала о Мариеле, об Игнусе, о Тее. Подумала о Тайсе Гроуинге, виолончелисте-как-

те, единственном из друзей Айзека, с которым она поддерживала связь. Подумала и о других. «*Это письмо могло быть адресовано любому из вас*», — подумала она, зная, что это неправда. В те месяцы страха, перед ее бегством, она отдалилась от большинства из них. Но и прежде близких друзей было немного. «*Могла бы я написать любому из вас?*» — подумала она вдруг.

— С кем бы ты ни говорил, — сказала Беллис, — кому бы ты ни писал, есть вещи, о которых ты всегда будешь молчать, вещи, которых не пропустит твой внутренний цензор. И чем больше я *писала,* — чем больше я пишу, — тем больше мне хочется по-настоящему открыться. Вот я и пишу все это, и мне *не нужно* закругляться. Это я могу сделать под конец. И я могу подождать и потом уже решить, кому я высказала все, что было у меня на душе.

Она ни словом не обмолвилась о том, что отправить это письмо не было ни малейшей надежды, что она будет писать его на Армаде до самой своей смерти.

«*Ничего странного,* — хотела сказать Беллис. — *В этом есть смысл.* — Она вдруг вся ощетинилась. — *Не смей думать, будто на другом конце* — пустота, — мысленно сказала она

Доулу. — *Это* вовсе *не так*».

— В таком случае вы должны писать осторожно, — сказал Доул, — и только о себе. Никаких общих шуток, никаких воспоминаний. Это письмо должно быть сухим.

«*Да,* — подумала Беллис, глядя на Доула. — *Наверно, оно должно быть сухим*».

— Вы изгнанники, — сказал он. — Вы изгнанники, и вы пишете. Сайлас такой же, как вы. Заглянешь к нему, а он пытается что-то нацарапать в записной книжке левой рукой.

— Вы оставили ему записную книжку? — спросила Беллис, спрашивая себя, что случилось с правой рукой Фенека, и подозревая, что ей это известно.

Утер Доул демонстративно обвел взглядом камеру — одежду, бумаги, письмо.

— Вы же видите, как мы обходимся с заключенными, — медленно сказал он, и Беллис вспомнила, что она — заключенная, как Флорин Сак или как Фенек. — Почему, когда Фенек сказал вам, что Нью-Кробюзону грозит опасность, вы не сообщили об этом Любовникам? Почему не попытались отправить послание через них?

— Они бы не стали мне помогать, — ответила Беллис. — И возможно, даже обрадовались бы

— одним соперником на море меньше. Они были бы рады свести счеты с Нью-Кробюзоном. Ничего бы это мне не дало.

Беллис была права и чувствовала, что и Доул понимает это. Но все же червячок снова зашевелился в ней.

— Прочтите письмо, — сказала она вдруг. — В нем — доказательство, что я ничего не знала.

Он долго ничего не отвечал.

— Суд над вами уже состоялся, — сказал он наконец.

Беллис почувствовала, как кровь застывает в жилах.

Руки ее задрожали, она несколько раз сглотнула слюну и сжала губы.

— После допроса Фенека Сенат провел заседание. Все считают, что ваше участие в вызове кробюзонского флота было непреднамеренным. Ваши объяснения приняты. Можете не показывать мне свое письмо.

Беллис кивнула, чувствуя, как колотится ее сердце.

— Вы пришли с повинной, — глухо сказал Доул. — Вы рассказали нам, что знаете. Я знаю вас. Я наблюдал за вами — за обоими. Я внимательно наблюдал за вами.

Она снова кивнула.

— Так что вам поверили. Вот так обстоят дела. Если хотите, вас отпустят на свободу. — На долю секунды он замолчал. (Потом Беллис вспоминала эту паузу и не могла простить ее Доулу.) — Вы должны сами выбрать себе приговор.

Беллис отвернулась, разгладила письмо, несколько раз глубоко вздохнула, потом снова подняла на него глаза.

— Приговор? — переспросила она. — Вы же сказали, что поверили мне…

— Я и поверил, — ответил он. — А остальные поверили *благодаря* мне. — По его тону было понятно, что он не ждет благодарности. — Поэтому-то возможные для вас приговоры таковы, каковы они есть. Поэтому-то вы и живы, в отличие от Сайласа Фенека, который умрет, когда мы получим от него все, что нам нужно… Но вы прекрасно понимаете, что не останетесь безнаказанной. Намерения сами по себе еще ничего не значат. Что бы вы про себя ни думали, как бы ни убеждали себя в том, что вы ничего не подозревали, вы ответственны за войну, в которой погибли тысячи *моих сограждан*. — Голос его стал жестким. — Можете считать, что вам повезло, — продолжал он. — Мы не хотим огла-

шать подробности этого дела. Если граждане когда-либо узнают о вашей роли в войне, вам не избежать смерти. Секретность позволяет нам проявить снисходительность. Вы должны быть рады, что я свидетельствовал в вашу пользу. Мне пришлось немало побороться, чтобы освободить вас обоих. — Его певучий голос звучал пугающе.

— Так скажите же мне, — услышала Беллис свои слова.

Доул ответил, глядя ей в глаза:

— Я представляю здесь Сенат, который уполномочил меня встретиться с Флорином Саком и Беллис Хладовин, — четко сказал он. — И объявить вам обоим приговор. Десять лет здесь в одиночке. Или срок можно посчитать отбытым — но тогда вам предстоит бичевание… Выбор за вами.

Вскоре после этого Доул ушел, оставив Беллис одну.

Фенек предал ее. Никаких листовок от Саймона Фенча не будет. Никто не захочет ее слушать. Город не повернется в другом направлении.

Доул даже не пожелал взглянуть на ее письмо. Он не забрал его. Он не заглянул в него через ее плечо, когда Беллис держала листки в руках. Он вообще не проявил к письму никакого интереса.

«*Неужели ты не понял того, что я тебе сказала?* — думала Беллис. — *Ты ведь знаешь, какие откровения на этих страницах. Это ведь не какое-то обычное письмо, в котором все личные тайны, подробности, кивки и отсылки бессмысленны для всех, кроме отправителя и адресата. Это особенное письмо — это мой свободный рассказ, мой свободный голос, это письмо обо всем, что я здесь видела и делала.*

Неужели тебе не хочется прочесть его, Доул?»

Как только Беллис выбрала наказание, Доул оставил ее, даже не посмотрев на плотную пачку бумаги в ее руках.

Все ее свидетельства остались непрочтенными, записанными втуне. Не дошедшими до адресата.

Беттис одну за другой переворачивала страницы, вспоминая о том, что произошло с ней в Армаде. Она пыталась успокоиться. Ей нужно было разобраться кое с чем очень важным. Планы ее рушились. Теперь, когда Фенек был пойман, некому было огласить имеющиеся у нее сведения, некому было остановить Любовников с их безумным планом — пересечь Скрытый океан. И Беллис нужно сосредоточиться на этом, попытаться придумать, как открыть правду.

Но сейчас она не могла сосредоточиться ни на

чем — только на том, что сообщил Доул.

Руки ее дрожали. Беллис скрежетала зубами, приходя от этого в ярость, проводила руками по зачесанным назад волосам, тяжело вздыхала, но не могла сдержать дрожь. Ей приходилось изо всех сил прижимать перо к бумаге, иначе из-за дрожи слова стали бы неразборчивы. Она нацарапала одно-единственное предложение, потом внезапно остановилась и уставилась на него. Она больше не могла выдавить из себя ни слова. Она снова и снова перечитывала написанное.

Завтра меня высекут.

Интерлюдия IX
БРУКОЛАК

И вот, когда ночь достигает самого дна, на котором неподвижно, как испуганные звери, лежат мгновения, а мы, те, кто здесь, освобождаемся от времени, — я выхожу на прогулку.

Мой город двигается. Его очертания меняются.

Верхушки мачт сходятся и опять расходятся, канаты свертываются, как мускулы, и принимают на себя напряжение, возникающее, когда небеса Армады разламываются, залечиваются, вновь разламываются.

Дикие звери, обитающие в тени, сдерживают свой скулеж; они чуют, что я пахну мертвечиной, и в испуге быстро уходят подальше (кто на двух, кто на четырех лапах) по пересеченному корабельному ландшафту, по узким коридорам из кирпича и дерева, выросшим на перестроенных палубах. Трупы судов вписаны в пейзаж. Бакштаги, комингс, палы, шлюпбалки и катбалки вкраплены в скопище изъеденных солью корпусов.

За каждой стеной — морской зверек, мумия,

жертва, убитый, словно слуга, и уложенный в фундамент храма. Это город призраков. Каждый квартал заколдован.

Мы живем на наших мертвых кораблях, как кладбищенские черви.

Засохшие цветы и сорняки тянутся к слабому свету из трещин в стенах, из выбоин в бетоне и дереве. Жизнь — штука цепкая, уж мы-то, мертвые, знаем это лучше кого угодно.

Следы праха, осколки костей и кирпичей, мимо рваных ран бомбовой хирургии — уголь и бут, паузы, сделанные опустошением в скучном монологе города. Краска, возраст, весь этот хлам городских случайностей, на фоне которого торчат приземистые башни (на носах) и жилища (в тени бушпритов). Цветочные горшки и колеса, похожие на жалкие татуировки; преднамеренная порча. Бесчисленные метки, скульптуры, случайные и сотворенные (однообразие, приправленное признаками жизни и каких-то предпочтений, навесы, оставленные как есть, ленты на спящем скоте).

Там, где есть стекло, оно взорвано и расчиркано, покрыто замысловатыми тенями. Освещенные окна окаймлены темнотой. Строгие, они испускают холодный свет.

Мотыльки и ночные птицы, вещи, движимые

луной, издают едва слышные звуки. Редкие шаги растворяются и быстро становятся бесформенными. Словно собрался туман, хотя никакого тумана нет. Мы, те, кто выходит сегодня на ночную прогулку, появляемся из ниоткуда и быстро туда возвращаемся.

Мимо фабрик, музыкальных залов, церквей, через мосты, дребезжащие, как позвоночник. Армада молча покачивается на волнах, словно всплывший труп, тронутый разложением.

Сквозь планки лесов видно море. Я вижу себя (расплывчато, нечетко), а сквозь себя — черную воду. Вижу такую глубокую темень (случайные хемические огни похожи на светляков), что она превращается в незнакомый язык. С собственной грамматикой. Я невидящими глазами смотрю на рыб, слабоумно мечущихся в садках, рыболюдей, кили, трубы, трещины, словно обведенные краской, пространства, цепи, засиженные моллюсками и осклизлые от водорослей, и огромную невидимую форму, которая тащит нас всех, безмозглая и бесполезная.

История, бесформенная и гнетущая, окружает меня: кошмар, которому я придам смысл.

Прорывается некий ритм (исходящий из тайного места), который придает форму этой ночи,

возвращает ее во время, и часы испускают задержанные вздохи.

По крышам возвращаюсь я на мой лунный корабль. По разломанной черепице и доскам, по помеси того и другого, через низкий ночной лесок дымоходов, колоколен, водонапорных башен в кварталах, мне не принадлежащих. Я здесь не властвую, здесь нет кровеналога, в последний раз я кормился день назад и без труда могу проскользнуть по этой дренажной трубе вниз, точно капля воды, насыщенной кальцием, которым обросла труба. Несложно найти припозднившегося прохожего и воспользоваться его или ее содержимым, но эти дни давно прошли, теперь я бюрократ, а не хищник, и это гораздо лучше.

До рассвета еще далеко, но что-то уже прошло. Мы двигаемся навстречу утру. Мое время закончилось.

Я на траулерах и плавучих домах, я снова ухожу (торопливо, словно в неуверенности, перебирая ногами) через Шаддлер и его домики и фабрики (вперед, к моему пузатому кораблю). Сухая осень, где прочерченные улицы спокойнее и покрыты подушкой пыли.

Откуда она берется? Ежечасно ее выметают невротические морские ветра, когда же она успе-

вает осесть?

В проблесках света (игра воображения, однако правдоподобная) я вижу, что она лежит словно сугробами, и ноги мои по пути к дому путаются в паутине. Я в одиночестве, я тону в пыли и задыхаюсь в ней, в иссушенном изнеможении времени.

Я знаю когда начинает завариваться каша. Я знаю все ритмы города. Здесь что-то новое.

На лунно-белой палубе «Юрока» следы. Неизвестная мне рука прикасалась к рангоуту.

Я высматриваю незваного гостя.

Посмотрим.

Кто ты такой?

В моих коридорах, идя к моей каюте, ты оставил свой след. Пара капель морской воды. Подтеки какой-то слизи. Царапины на лаке и железе. Кто ты такой?

Ты почти не прячешься от меня. Ты приглашаешь меня в мой дом.

Ага, вижу, на самом моем пороге ты оставил мне кровь.

Сладковатую, как сахар.

Я слышу тебя за моей дверью.

Моя каюта пахнет, как речное устье. Речные сгустки и кровь рыбьих потрохов. Ты своим трес-

ком зовешь меня, незнакомец, ты призываешь меня, тряся своими костями. Я не открывал ставень, не позволял лунному свету освещать мою спальню, ведь свет — он для живых. И смотрят на тебя глаза вампира.

Добро пожаловать.

Жутковатая живая картина — трое ждут меня: один прилег на мою кровать, другой — у окна, третий уже около меня, закрывает мою дверь, вежливо проводит меня в мой дом.

Вы только посмотрите на них.

Вы только посмотрите на них — передо мной мерцают огромные саламандровые хвосты, свернутые в складки на полу, закругленные вытянутые черепа, похожие на рыбу-гадюку, ваши зубы выступают, как пригоршня когтей, глаза черные и большие, как ямы с дегтем, влажная кожа, натянутая на мощные кости, как кора — на узловатое дерево. Вижу вас в моей каюте.

А этот — разлегся на моей кровати, словно позируя нагишом, ухмыляется мне, сам того не зная, всем своим рыбьим лицом, шея вся обвешана амулетами и костями. Он вежливо подзывает меня — чью это голову держит он в руке?

Чью это голову ты взял, чтобы принести мне крови? Что это за женщина? Охранница, которая

обнаружила тебя? Пропавшая во время сражения с кробюзонским флотом, утонувшая или разорванная на части: ты ли разрубил ее шею, чтобы взять этот жуткий трофей? Края довольно неровные, разрыв драный и в запекшейся крови.

Бронзоволосая женщина глазеет на меня, волосы ее зажаты в твоем кулаке.

Вы только посмотрите!

Ты роняешь голову и встаешь — такого я еще не видел.

«Синьор Бруколак, — говоришь ты голосом холоднее моего. — Мы должны поговорить».

Я не возражаю. Я поговорю с тобой. Я знаю, кто ты такой. Я думаю, что ждал тебя.

Часы клонятся к рассвету, о, какие заговоры, какие тайны мы раскрываем!

Поздновато ты пришел, речной житель, обитатель вод. Поздновато ты пришел из моря Холодный Коготь, обыскивая эти соленые воды в поисках того, что было украдено у тебя. Темны слова, которые ты говоришь, судорожно двигая своей челюстью — она в чужой крови. Как и подобает речному жителю, ты подплываешь к тому, что хочешь сказать, тревожа наносы осадочных слов, которые затуманивают смысл. Но я имел дело с пророками, поэтами и Ткачами и могу

понять, к чему ты ведешь.

Вы шли по следу среди водных течений. Зайцами прилепились к днищам наших врагов, а потом в разгар сражения отошли в сторону и отбирали тела у множества мертвецов и умирающих.

А потом, что я тут должен понять? Спрятавшись, вы использовали их. Некоторым вы сохранили жизнь, подкармливали их воздухом и допрашивали их (допрашивали, когда они уже умерли, да? я правильно понял?). Вы узнали от них, что хотели (охваченные ужасом на окраине смерти, они выболтали вам все, неподвижно замершие в воде, пойманные под своими домами).

Проведя здесь не один день, вы, владея тонкостями шпионского дела, узнали почти все об этом месте.

Вот почему (ты это хочешь сказать?), вот почему вы пришли ко мне.

Кто-то украл какую-то вещь из ваших башен на другом конце мира, что-то ценное, неповторимое, и вы должны это вернуть. Он смог бежать от вас через моря и континенты и пробрался сюда, в мой город. У вас на это ушло много, много времени, но он был невежественным глупцом, думая, что вы позволите ему уйти.

Вы выследили его. Вы нашли его дом.

Но что-то произошло в слоях моря над вами, пока вы лежали, ждали, и готовились, и задавали вопросы тем, кого удавалось похитить с палуб Армады. И хотя вы коварные и бесстрашные хищники, над вами слишком много врагов и вы никак не можете прочесать весь город. Выйдете из воды — раскроете себя и погибнете от рук преследователей.

Вы не можете найти вашу добычу. Он исчез. И он не отдаст вам того, за чем вы пришли, — добровольно не отдаст, его придется запугать. А если бы вы попросили о помощи тех, кто правит городом, а они бы не встали на вашу сторону, то вы бы раскрыли все свои карты, — а бороться с ними, обратись они против вас, вам не по силам. Вас слишком мало. Вы не можете объявить им войну. Вы не можете найти того, кто бежал от вас.

Только если вам помогут.

Почему вы пришли ко мне?

Придонный, почему ты пришел ко мне?

Вы приходите сюда, убиваете моих сограждан и, словно шантажисты, наглым образом заявляетесь ко мне, к Бруколаку. Почему ты думаешь, что я не уничтожу вас?

Понимаю.

Что ж, ты классный, необыкновенный шпион. Я снимаю шляпу перед вами, которые сумели столько узнать всего за несколько дней и ночей. Позвольте мне — вот так — поклониться вам.

Есть что-то такое, чего вы не узнали? Не поняли?

Вы пришли ко мне, потому что знаете: я очень зол.

Вы знаете, кого заякорили Любовники. Может быть, вы даже знаете, куда мы направляемся.

Вы знаете, что я возражаю против этого. Что я — единственная сила, которая противостоит им.

Возможно, вы знаете, что я подумываю о мятеже.

Вы слышали мое имя? Еще и еще раз? Не сомневаюсь, именно это и случилось. Вы знаете, что я здесь — самое влиятельное лицо, которое чего-то хочет, которое разгневано и желает все изменить.

Вы знаете, что меня можно купить.

Что же ты мне предлагаешь, на какой крючок хочешь подцепить?

Есть шаги, которые можете сделать только вы и которые могут нарушить равновесие.

Создать новые обстоятельства. Изменить соотношение сил, вызвать перемены. Создать факты.

Вероятно, это путешествие, это идиотское паломничество можно остановить.

О да, если бы вы сделали это. Остановили наше продвижение.

Только вы можете мне помочь, витиевато сообщаешь мне ты. Только вы можете остановить это безумное путешествие. Что же должен сделать я?

Наверно, даже я не смог бы пробиться через множество охранников, стерегущих их двигатели, их шпоры, работающие на горном молоке. Я не знаю, что нужно сделать. Но есть и другой способ — кое-что еще, некая сила, которая может замедлить наш ход и застопорить его. Вы можете остановить животное.

Если бы вы смогли это сделать...

А что за это? (Понимаешь? — говоришь ты мне, и странная гордость сверкает в тебе, как чешуя: ты все знаешь о том обмене, которым мы живем.)

Что за это? Я помогу вам найти спрятанного, который бежал от вас.

Вероятно, вы не знаете, что такое смех. Опре-

деленно, вы не знаете, почему я так долго хохочу. Вы не можете знать. Кого я поймал и кому пустил кровь. Что я видел в его руке. Вы не можете знать, что, будучи предан Армаде и не имея выбора, я постарался забыть свой гнев на Любовников и отдал им его, потому что сгорал от стыда, чувствуя и себя виноватым в той бойне, которую он тут развязал. Он не какой-то мелкий воришка, этот военный преступник, и они держат его в заключении, пока мы не сможем воздать ему по заслугам. Когда закончится наше безумное путешествие.

Вы немного опоздали.

Но все же не безвозвратно. Еще не поздно изменить сделанное.

Я знаю, где они держат его.

Вы не можете этого знать: в любое другое время я бы убил вас за то, что вы мне предлагаете. Вы не можете знать, что сегодня дела обстоят иначе, что я устал от этого опасного идиотизма, который ведет город к погибели. Что если повернуть назад можно только через мятеж, то я подниму его.

Время сейчас необычное, придонник. Вы пришли ко мне во время войны.

Вам нужна дымовая завеса? Обманка, пока вы

ищете? Чтобы отвлечь внимание?

У меня есть то, что вам надо.

Тихо. Я вам скажу, что это такое. Что будете делать вы, что буду делать я. Я вам помогу найти его, а вы сделаете для меня это. И я скажу вам, где ваша добыча.

Ну что, начнем составлять план?

Не останавливайтесь. Видите, вон там? У нас есть сколько-то минут, чтобы закончить. Небо еще не посветлело.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ

ГЛАВА 41

Пока Армада сквозь блеклый воздух (умеренные фронты настолько успокоились, что казалось, погода ждет чего-то) двигалась на север и все жители проникались непонятным предчувствием, Беллис лежала в жару.

Два дня она вообще ни о чем не думала. Температура подскакивала до заоблачных высот, так что даже сиделки впадали в беспокойство, когда Беллис тонула в бреду, в видениях, когда она заходилась в приступах крика, о которых не останется ни одного воспоминания. Аванк неуклонно тащил Армаду — не очень быстро, но быстрее, чем город двигался когда-нибудь прежде. Вместе с течениями менялись и формы волн.

(*Флорин Сак оказался выносливее Беллис. Его поручили заботам Шекеля, который извелся от беспокойства за него; Шекель, с болью в сердце и облегчением увидев, как Флорин идет своей ломаной походочкой, подбегает к нему, обнимает его, прижимает к себе. Флорин вскрикивает от боли, когда рука Шекеля прикасается к его исхлестанной спине, и их голоса смешиваются, а потом Шекель ведет Флорина туда, где ждет*

Анжевина.

— За что они тебя? — раз за разом спрашивает Шекель. — За что?

Флорин шикает на него, говорит, что были причины, что говорить об этом больше незачем, что дело кончено.

Настали судьбоносные дни. Принимаются великие решения. Устраиваются массовые собрания, на которых обсуждают войну и историю города, аванка, погоду, будущее.

Беллис ни о чем этом не знает.)

Несколько дней спустя Беллис Хладовин уже сидела в своей постели. Жар у нее почти спал. Она сама поела и попила, пролив немало жидкости из стакана — пальцы у нее безумно дрожали. Она шевельнулась, но боль пронзила ее. Беллис не знала, что стражники в коридоре уже привыкли к ее крикам.

На следующий день она поднялась, двигаясь медленно, осторожно, словно древняя старуха, подвязала волосы и натянула на себя длинную бесформенную рубаху.

Дверь ее не была заперта. Она перестала быть заключенной. Уже неделю как перестала.

В коридоре — в тюремном крыле глубоко в недрах «Гранд-Оста» — были охранники. Беллис

позвала одного из них и попыталась заглянуть в его глаза.

— Я иду домой, — сказала она и чуть не заплакала, услышав собственный голос.

Беллис была потрясена, увидев, что проводить ее домой пришел Утер Доул.

«Хромолит» находился всего в двух судах к правому борту от «Гранд-Оста», но Доул взял для Беллис воздушное такси. Она села в гондоле поодаль от него, в ужасе от вновь проснувшегося в ней страха перед ним (исчезнувшего за последние месяцы, вытесненного новыми эмоциями). Доул внимательно, без всяких признаков жалости смотрел на нее.

Конечно же, приговор ей вынес не он. Но каждый раз, когда ее разум обращался к событиям недельной давности — к тому затянувшемуся, треклятому, невыносимому, жестокому часу с мучительными образами боли, с ее криками, она видела Утера таким, каков он есть, агентом Армады — той силы, которая сделала с ней это. Человек, который орудовал кнутом, был совершенно ни при чем.

Беллис вошла в комнату, Доул с ее пожитками последовал за ней. Она не замечала его. Двигаясь как можно осторожнее, она нашла зеркало.

Насилие, совершенное над спиной, словно бы перешло на лицо и оставило на нем свой след. Казалось, в Беллис не осталось ни кровинки. Морщинки, которые понемногу давали о себе знать в течение последних десяти лет, прорезались, как глубокие раны, как шрамы на лицах Любовников. Беллис в ужасе потрогала свое лицо, глаза.

Один из зубов треснул, и стоило потащить его, как он раскрошился на куски и выпал. Беллис сломала его, закусив деревянную затычку, которую ей сунули в рот.

Она шевельнулась — материя коснулась струпьев на изодранной спине, и Беллис застонала от боли.

Доул стоял за ней, и его присутствие было для Беллис как дефект в хрустале. Она хотела, чтобы Доул ушел, но не могла заставить себя обратиться к нему. Она с трудом бродила по комнате на ослабленных жаром ногах, чувствуя, как рубашка прилипает к незасохшим ранам на спине.

Боль в спине была неприятной и постоянной, но не становилась сильнее или слабее. Беллис воспринимала ее как белый шум, игнорируя ее, пока та не стала незаметной. Она стояла на пороге, оглядываясь вокруг; виднелись дирижабли и птицы, легкий ветерок бездумно стучался в стены

армадских строений. Повсюду шла неустанная работа, как в тот первый день, когда Беллис раздвинула занавески в окне отведенной ей трубы «Хромолита» и увидела свой новый город.

Хотя и не сразу, она поняла, что произошли какие-то изменения. Воздух стал иным, и то, как город двигался вместе с течениями… и само море. Корабли вокруг Армады больше не ходили туда-сюда по собственным маршрутам от горизонта до горизонта: масса судов (все еще с отметинами от сражения) шла плотным строем за городом, словно боясь потерять его.

Море стало каким-то другим.

Беллис повернулась к Доулу.

— Вы свободны, — сказал он не без некоторого сочувствия, — и можете ни о чем не волноваться. Круах Аум уже давно обходится без вас. Вам нужно подлечиться. Ради судьбы города вся информация о вашей случайной роли в войне была сокрыта. Я уверен, библиотека снова примет вас…

— Что произошло? — спросила Беллис жалобным хриплым голосом — он сделался таким после избиения и болезни. — Все стало совсем другим. Что произошло?

— Два дня назад, — сказал Доул, — насколько

можно судить, мы прошли некую точку. Все это чувствуют. Флот… — Он указал на корабли, следующие за городом. — Им сейчас тяжело. Тут такие странные течения. Их двигатели ненадежны… Мы покинули Вздувшийся океан, — сказал он и бесстрастно посмотрел на Беллис. — Мы находимся на границе нового моря. Это… — Быстрым движением руки он очертил море от горизонта до горизонта. — Это Пустой, Скрытый океан.

«*Так далеко от дома,* — подумала Беллис, сама удивляясь собственной ярости. — *Они увозят нас все дальше и дальше, меня они увозят все дальше и дальше. Они не желают отступать от своего.* — Она услышала некий внутренний звон, похожий на шум в ушах. — *Все, что мы сделали — правильно ли, неправильно, — ничего не дало. Они без труда доставили нас сюда — на этот задроченный пустой край моря, которое не по силам пересечь ни одному кораблю. Но мы идем все дальше и дальше, и я навсегда прощаюсь с домом*».

Одна мысль о Любовниках приводила ее в ужас — их любовные мурлыкания, их жуткие, бесконечные кровавые клятвы верности. Беллис была в их власти. Они стремились сюда, а Беллис изо всех сил пыталась развернуть их в другую

сторону, но ей это не удалось.

— Значит, они таки завезли нас сюда? — спросила она у Утера холодным тоном, вдруг поняв, что снова не боится его. Лицо ее помрачнело. — И я знаю, что будет теперь. Вперед, к Шраму.

Если Доул и был удивлен, то ничем не выдал себя. Он поглядел на нее своим бесстрастным взглядом.

«*Значит, Фенек запоздал со своими листовками и слухами,* — подумала Беллис. — *Но это не означает, что все кончено, это не означает, что мы должны покорно принять происходящее*».

Шекель, открыв перед Беллис дверь, целое бесконечное мгновение беззвучно смотрел на нее, совершенно смешавшись.

Он узнал ее, но внезапно ему показалось, что он ошибся. Он подумал, что эта бледная дама с сухими темными волосами, словно солома, торчащими во все стороны, и с лицом, наводящим на мысль о годах страданий, не может быть Беллис Хладовин, что это какая-то бездомная бродяжка, похожая на нее.

— Шекель, — сказала она голосом, который никак не мог принадлежать Беллис Хладовин. — Впусти меня. Мне нужно поговорить с Флорином Саком.

Ошеломленный, он молча отступил в сторону, и Беллис, тяжело дыша, вошла в комнату.

Флорин Сак повернулся в постели, бормоча что-то себе под нос, глаза его слезились. Потом он привстал и, сбросив с себя простыни, указал на Беллис.

— Убери ее отсюда к херам, — закричал он. — Пусть катится в жопу!..

— Послушайте меня! — сказала Беллис взволнованным гортанным голосом. — Прошу вас…

— Я *уже* тебя послушал, сука, и вот что получил! — Флорина трясло от ярости.

Беллис услышала тарахтение мотора у себя за спиной — к ним направлялась Анжевина.

— Вы должны выслушать меня, — зарычала Беллис, стараясь перейти на крик. — У вас есть друзья, вы можете рассказать им, чтобы они рассказали другим… — Она замолчала и скорчилась от боли — Анжевина положила ей на спину руку. — Вы знаете, куда мы держим путь? — удалось выговорить ей. — Вы знаете, почему мы оказались в этом море, где все двигается не так, как должно?

Беллис увидела, как Флорин посмотрел на Шекеля, потом на Анжевину, увидела, как эти двое смотрят на Флорина в полном недоумении.

— Послушайте! — прокричала Беллис, но Анжевина уже выталкивала ее за дверь под финальный аккорд проклятий Флорина.

К тому времени, когда Беллис, медленно пробираясь по мосткам, доплелась до библиотеки, кровь пропитала ее бинты и на блузке появились красные пятна. Она нашла разбитый артиллерией квартал «Пинчермарна», где библиотекари выбирали из завалов уцелевшие тома.

— Беллис! — Каррианна ошеломленно смотрела на Беллис.

Беллис снова начала впадать в лихорадочное состояние.

— Ты должна внимательно выслушать меня, — пробормотала она.

И снова они вышли наружу, и Каррианна обняла ее, как маленькую, за плечи. Спина у Беллис отчаянно болела, и ее лицо корчилось в гримасе, когда она говорила Каррианне:

— Иоганнес. Тиарфлай. Каррианна, ты должна помочь мне найти *Иоганнеса Тиарфлая*…

Каррианна кивнула:

— Да, Беллис, я поняла. Ты уже сказала.

Они вошли в комнату, которую Беллис не узнала, потом в другую. Беллис чувствовала такую усталость, что ей казалось, она вот-вот упадет

в обморок. И Каррианна с Беллис повисли над городом в темном воздухе, огни в Армаде гасли по какому-то сложному распорядку. Беллис несколько раз слышала собственный голос, хотя он и казался ей довольно странным.

Она почувствовала исступленную холодную боль и, подняв глаза, увидела, что лежит в собственной кровати, в комнате-трубе, и поняла (скорее это был скачок воображения, чем воспоминание), что Каррианна разбинтовала ей спину и теперь смягчает раны мазью. Беллис закрыла глаза. До нее доносились какие-то тихие повторяющиеся звуки.

«Боги. Боги. Боги. Боги».

Это был голос Каррианны. Беллис повернула голову набок и затуманенным взглядом увидела лицо склонившейся над ней подруги, которая, нахмурившись и втирая ей в спину мазь, смотрела на нее и кусала губы.

«*Что случилось?*» — попыталась спросить Беллис, ей на секунду показалось, что ее подруга ушиблась, ударилась, но она тут же поняла, что случилось, и, не сумев сдержаться, немного поплакала, жалея себя.

Когда она открыла глаза в следующий раз, в комнате были Каррианна и Иоганнес — они сиде-

ли рядом с ее кроватью, пили ее чай и пытались разговаривать, что у них плохо получалось.

Стояла ночь. Мысли Беллис прояснились.

Иоганнес, увидев, что она зашевелилась, вздрогнул.

— Беллис, Беллис, — ласково сказала Карриана, — ради богов, детка… за что тебя так?

Каррианна была в ужасе. Беллис была ей благодарна за заботу, но происхождение своих ран объяснять не желала.

— Она не хочет говорить с нами об этом, — нервно сказал Иоганнес. Казалось, он был искренне озабочен, но чувствовал себя не в своей тарелке. — То есть я хочу сказать, вы же видите… она побывала не там, где… Ей еще повезло, что она теперь здесь.

— Да боги их *раздери*, Беллис, — в ярости сказала Каррианна. — *Их* никто не боится. — Она властно махнула рукой. — Давай, рассказывай, за что это они тебя.

Беллис не могла сдержать улыбку. «*Тут он прав*, — думала она, поднимая свои затуманенные глаза на Иоганнеса. — *Такой малодушный трусишка этот Тиарфлай, и такая великолепная, храбрая и преданная мне (одни боги знают почему) Каррианна, но тут он прав. Тебе не стоит*

соваться в это дело. Нравится тебе или нет, но я тебе помогу остаться в стороне. Я перед тобой в долгу».

— Значит, ты его нашла, — с трудом произнесла Беллис.

— Каррианна проявила удивительную настойчивость, — сказал Иоганнес. — Она передала мне послание.

Беллис чуть приподнялась в кровати, сдерживая гримасу боли.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказала она; голос ее стал сильнее. Она медленно покачала головой. — Я была… В последнюю неделю… я была одна. И все вокруг нас изменялось. Вы, вероятно, и сами заметили. Но я знаю, в чем тут дело, я знаю, что происходит.

Она закрыла глаза и надолго замолчала.

— Вы знаете, где мы? — спросила она наконец. — Вы знаете, в какие воды мы вошли?

Каррианна и Иоганнес переглянулись, потом снова уставились на Беллис.

— Скрытый океан, — сказала Каррианна сдержанным голосом.

Бетлис выдавила из себя улыбку.

— Верно, — сказала она. «*Да пропадите вы все пропадом!* — подумала она. — *Мне не нужен этот*

предатель, этот сукин сын Фенек. Я все сделаю сама». — А вы знаете куда мы направляемся?

Она снова замолчала, и спустя какое-то время в тишине раздался голос Иоганнеса.

— К Шраму, — сказал он, и слова, которые заготовила Беллис, застряли у нее в горле.

Она уставилась на Иоганнеса. Тот смотрел на нее с тревогой и смятением, потом перевел взгляд на Каррианну, которая кивнула.

— К Шраму, — услышала Беллис свой голос — неуверенный, глуповатый. Не откровение, а какой-то нелепый отзвук.

Они ее сломали. Победа за ними. Больше она ничего не может. Ничего.

Иоганнес ушел, а Беллис с Каррианной засиделись допоздна — разговаривали. Каррианна рассказала ей все.

«*Ну и неделя,* — подумала Беллис, хотя эти слова выражали до нелепости мало. — *Ну и недельку я пропустила*».

Любовники объявили о цели своего путешествия.

Штурманов, капитанов и наускопистов Армады обмануть было невозможно — вода и воздух менялись. Разве скроешь эти неожиданные по-

перечные потоки, невидимые сверху подводные течения, двигающиеся против волн? Стрелки компасов начали вести себя как сумасшедшие, раз за разом на несколько минут теряя север. Ветра стали абсолютно непредсказуемыми, расстояние до горизонта — переменчивым. Движение армадского флота затруднилось.

Аванка все эти изменения, конечно, нимало не волновали. Он шел своим неизменным курсом у самого дна и тащил за собой город.

По городу пошли слухи. Но от опытных, начитанных моряков, каких в Армаде хватало, скрыть правду было нельзя: аванк, направляемый штурманами Саргановых вод, тащил Армаду в Скрытый океан. И выходило так, что все истории, рассказываемые об этом месте, были недалеки от истины.

И вот четыре дня назад, в шестой ханди кварто плоти, Любовники провели череду массовых собраний в Саргановых водах и союзных кварталах.

— Он охеренный оратор, этот Любовник, — сказала Каррианна. — Я слышала его в Книжном городе. «Я был никем, когда появился здесь, — сказал он. — Но я начал делать себя, и это завершила моя Любовница, которая сделала меня, сделала

себя и *сделала этот город*. — Тут голос его задрожал. — И разве мы не сделали Армаду *мощной державой*?» И людям это понравилось, потому что он и вправду это сделал. Отличные были годы — хорошие урожаи и трофеи. И «Сорго» — тебя еще тогда здесь не было, да? Когда захватили буровую установку, тебя еще не было. — Каррианна улыбнулась и одобрительно покачала головой. — Да, он превратил нас в мощную державу, с этим не поспоришь. А потом еще этот аванк…

— Я думала, ты предана Сухой осени, — сказала Беллис, и Каррианна утвердительно кивнула.

— Так оно и есть, но только я хочу сказать, что тут… я думаю, Бруколак, возможно, ошибается касательно их планов. Я хочу сказать, все так хорошо сходится — одно к одному.

Любовник сказал собравшимся, что на краю мира есть некий источник энергии. Это страшное место — разрыв, через который в реальный мир пробиваются мощнейшие энергетические волны. Только один человек в Армаде имеет ключ к этому, сказал Любовник, и знает, как подключаться к этому источнику. Но долгие годы возможности добраться до этого места не было.

Есть такое животное, сказал им Любовник, поразительное создание, зверь, который проры-

вается в Бас-Лаг, а потом снова выскальзывает из него. И Армада призвала всяких знаменитостей, которым было по силам поймать это животное.

И вот женщина, которая сделала меня, прогремел Любовник, указывая на Любовницу, поняла, что, имея в руках животное, мы получаем доступ к энергии.

Этот источник энергии располагается на дальнем конце Скрытого океана, сказал Любовник. Но, говорят, ни один корабль не может пересечь Скрытый океан. Друзья (Каррианна показала Беллис, как Любовник в этом месте торжествующе развел руки), но ведь аванк не корабль.

Вот так — насколько это поняла Беллис — Любовник сознался в том, что он и его подруга долгие годы утаивали от города: у них уже был разработан план, когда они приглашали Тинтиннабулума, похищали «Сорго», отправлялись на остров анофелесов, вызывали аванка. Он сознался, что разговоры об этом плане — правда, и сделал это так, что его не побили камнями за мошенничество и ложь, а напротив — встретили овацией.

«*Мы можем пересечь Скрытый океан!* — прокричал он под аплодисменты. — *Мы можем войти в Шрам*».

— Так мы и узнали это название, — сказала Каррианна.

— Но все это так неопределенно, — сказала Беллис, и Каррианна кивнула.

— Конечно.

— Корабли, флот…

Каррианна кивнула еще раз.

— Некоторые уже причалили к городу. А если остальные не смогут следовать за нами, ничего страшного. Наши корабли всегда уходили в самостоятельное плавание на многие месяцы и всегда находили путь домой. Те, что идут за нами теперь, знают, что происходит, а тех, которые в плавании, — что ж, для них тоже не будет ничего нового. Город всегда передвигался по своим планам. Мы же никуда не исчезнем в этом Скрытом океане, Беллис. И оставаться здесь мы не собираемся… Мы здесь, чтобы найти Шрам, а потом убраться.

— Но что это за место такое, будь оно проклято, — тонким голосом сказала Беллис. — Мы понятия не имеем, что там такое, что там за энергия, какие существа, какие враги…

Каррианна нахмурилась и покачала головой.

— Все это так, — сказала она. — Понимаю. — Она пожала плечами. — Ты возражаешь против

этой идеи. Что ж, ты не в одиночестве. Кажется, через два дня от Армады отходит корабль курсом назад — на Вздувшийся океан. Пассажирами на нем отказники, которые будут ждать возвращения города. Хотя… — Ее голос замер. Они обе поняли, что Беллис принадлежит к числу тех, кого никогда не отпустят из города. — Большинство из нас полагают, что игра стоит свеч.

— Вовсе нет, — тихо сказала Каррианна немного позже. — Я доверяю Бруколаку, и я уверена, у него есть основания возражать. Но я думаю, он ошибается. Я так взволнована, Беллис, — сказала она. — Ну почему бы нам не попробовать? Это может стать лучшим событием, самым замечательным часом нашей истории. Мы должны попробовать.

Беллис почувствовала нечто такое, чего она поначалу не распознала. Не депрессию, не скорбь, не неприятие, а отчаяние. Ощущение, что все ее планы, все варианты провалились.

«*Я проиграла*», — подумала она без сожаления или даже гнева.

Каррианна была вовсе не глупа — мозги ей так просто не промоешь, не обведешь вокруг пальца велеречивой риторикой. Она слышала доводы, пусть неполные и предвзятые, какими

они, несомненно, были. Она, видимо, поняла что затеянное предприятие было спланировано давно, а потому она и все вокруг нее были введены в заблуждение.

И все же, размышляя над всем этим, Каррианна пришла к выводу, что план Любовников вовсе неплох. Попробовать стоит.

«*Это нечестный прием,* — думала Беллис, обращаясь к Любовникам. — *Удар ниже пояса. Я этого не предвидела.*»

«*Ложь, козни, манипуляции, подкуп, насилие, обман — что угодно,* — думала она. — *Но у меня и в мыслях не было, что они просто прибегнут к доводам и победят*».

Ей пришла в голову мысль о мертворожденной листовке Фенека, и она передернула плечами в убийственном смехе. «*Истина!* — представила она. — *Сарганoвы Воды тащат Армаду к ШРАМУ!*»

Истина.

«*Вы победили,* — думала она, расставаясь с надеждой. — *Я буду торчать здесь до смерти. Я здесь состарюсь, превращусь в старушку, заточенную на корабле, буду расчесывать шрамы на спине (боги милостивые, они станут такими жуткими), бурчать и жаловаться. А может, я*

погибну со всеми вами — и с вами, мои правители, — в каком-нибудь идиотском, кошмарном происшествии посреди Скрытого океана.

Как бы то ни было, но я ваша, нравится мне это или нет. Вы победили.

Вы забираете меня с собой. Вы тащите меня к Шраму».

ГЛАВА 42

Небо было чистым там, где дольше всего держалась тень.

Аэростат «Высокомерие» исчез.

Канатная бухта лежала на палубе в том месте, где летательный аппарат был привязан к «Гранд-Осту». Канат обрезали, и аэростат улетел.

«Хедригалл», — слышала отовсюду Беллис, стоя среди толпы: люди глазели на дыру среди мачт и аэростатов. Стражники попытались было оттеснить любопытных, но отступили — тех оказалось слишком много.

Беллис теперь двигалась свободнее. Она все еще вскрикивала, если прикасались к ее спине, но кровотечение прекратилось. Струпья поменьше уже шелушились с краев. Беллис стояла с краю, не влезая в толпу.

«Хедригалл, но с ним никого», — говорили все.

По мере углубления Армады в Скрытый океан ее суда все с большим трудом поспевали за городом. Они тащились следом, как взволнованные утята, а некоторые причалили к городу, выключили двигатели и отдались во власть аванка.

На второй день после обескураживающего разговора с Каррианной, когда Беллис открылась истина, оставшиеся корабли и подлодки Армады повернули назад — они больше не могли противиться Скрытому океану. Суда выстроились неровным строем, ловя капризный ветер, и устремились на юг. Держась вместе для самозащиты и на случай, если кому-то понадобится буксировка, они направились к Вздувшемуся океану с его спокойными и знакомыми водами, где собирались ждать Армады.

Город должен был вернуться за ними через месяц, максимум через два.

А потом? Если Армада не вернется? Тогда они будут считать себя свободными. Эту возможность предусмотрели уже под конец, внезапно спохватившись, а вытекающие из нее последствия не обсуждались.

Беллис из окна наблюдала, как уходят суда Армады. Оставшиеся теперь были накрепко причалены к городу или находились в гаванях Базилио и Ежовый хребет. Потеряв самостоятельность, они опасливо покачивались на воде среди судов, из которых были составлены пристани и набережные. Они запоздали с возвращением и теперь могли только бессмысленно перевали-

ваться на волнах, словно ожидая погрузки или разгрузки.

Армадцы никогда не видели своего города без нимба кораблей и теперь толпились у окраин и глазели в море. Но беспокойство вызывали не столько акры пустой воды, сколько пропавший аэростат.

Никто ничего не видел; никто не слышал ни звука. «Высокомерие» ускользнуло так, что никто и не заметил. Для Саргановых вод то была сокрушительная потеря.

Как такое могло случиться? — спрашивали люди друг у друга. И дирижабль-то был покалеченный, и Хедригалл считался абсолютно преданным.

— У него были сомнения, — сказал Флорин Шекелю и Анжевине. — Он мне говорил. Да, преданным-то он был, нет вопросов, но он никогда не считал, что эта затея с аванком хороша для города. Я думаю, идея со Шрамом показалась ему еще хуже, но спорить он никогда не умел.

Побег Хедригалла поверг Флорина в ужас, уязвил его. Но ему хотелось выговориться, и он изо всех сил пытался посмотреть на вещи так, как смотрел на них его загадочный друг. «*Наверное, почувствовал себя как в ловушке,* — думал Фло-

рин. — *Столько лет здесь прожил и вдруг увидел, что дела начинают делаться по-новому. Он уже не принадлежал Дрир-Самхеру, а если решил, что и Армаде больше не принадлежит… что же он тогда надумал?*»

Он представил себе, как Хедригалл в свободное время, проведенное на борту в отсутствие других членов экипажа, чинит сломанные двигатели «Высокомерия». Все знали, что Хедригалл нелюдим, что он проводит на «Высокомерии» гораздо больше времени, чем требуют его обязанности. Неужели ему удалось распрямить стабилизаторы «Высокомерия»? Испытать поршни, которые не двигались десятилетиями?

«*Когда ты все это задумал, Хедригалл?*» — думал Флорин Сак.

Неужели он настолько не умел спорить? Неужели чувства его были так сильны? Неужели он чувствовал, что не имеет смысла даже пытаться отстоять свой дом? Неужели он начал сомневаться и решил, что Армада перестала быть для него домом?

«*Где ты теперь, дружище?*»

Флорин представил себе, как большой неуклюжий аэростат направляется на юг, а за штурвалом в одиночестве сидит Хедригалл.

«*Будь я проклят, если он не плачет*».

Это было своего рода самоубийством. Хедригалл никак не мог накопить столько топлива, чтобы добраться до суши. Если бы он добрался до армадского флота, ожидающего возвращения города, то у него поинтересовались бы что случилось и почему он оставил Армаду. Поэтому он постарается избежать встречи с ними.

Ветра увлекут его через пустое море. Аэростат был очень прочен, и мог хоть несколько лет носить его по небу. «*Сколько еды тебе удалось запасти, дружище?*» — задавался вопросом Флорин.

Ему в голову пришла такая картина: «Высокомерие» годами плавает в четырех-пяти сотнях футов над морем, а тело Хедригалла медленно разлагается в капитанской каюте. Могила на перекрестке семи ветров.

А может, он и выживет. Может, он будет спускать с «Высокомерия» длиннющую рыболовную снасть. Флорин представил себе, как раскручивается катушка, как летит вниз грузило, как потом крючок с наживкой падает в воду. В нормальных условиях какты были вегетарианцами, но при необходимости могли питаться рыбой или мясом.

Флорин представил себе, как Хедригалл сидит и удит рыбку, свесив ноги из люка и покачивая ими, как мальчишка. Рыбы, трепыхаясь, по пути наверх успевают наглотаться воздуха и достигают Хедригалла уже мертвыми. Он мог бы существовать так годами, носимый ветрами по миру. Его аэростат, подхваченный кольцевыми потоками, может долго кружить над Вздувшимся океаном, а сам Хедригалл постареет, под воздействием однообразной пищи испортится его характер, кожа покроется морщинами, колючки поседеют. В одиночестве он будет постепенно сходить с ума. Будет разговаривать с портретами и гелиотипами на стенах «Высокомерия».

Но вот в один прекрасный день, может статься, его выбросит с орбиты круговых ветров, и «Высокомерие» окажется в других воздушных течениях, и его унесет на юг или север, и, может быть, он увидит землю.

Он поплывет над горами, потом бросит вниз якорь, зацепится за дерево и спустится, снова коснется земли.

«*Неужели поиски Шрама такое никудышное дело, Хедригалл?*»

Флорин решил, что Хедригалл — предатель. Пустился в бега. Похитил «воронье гнездо» Ар-

мады, обманул своих правителей и друзей. Он просто трус, потому и не решался спорить. Он изменник, и Флорин знал, что, будучи преданным гражданином Саргановых вод, должен осуждать Хедригалла. Но у него не получалось.

«*Удачи тебе, дружок,* — подумал он после некоторых колебаний, потом неуверенно поднял руку и кивнул. — *Не могу не пожелать тебе удачи*».

Сторонники Саргановых вод восприняли отсутствие Хедригалла как укор.

Было известно, что он предан правителям, и потому своим бегством он вызвал немало недоуменных разговоров, породил еще большую неуверенность и неприятие проекта Любовников, чем существовали прежде.

В морских глубинах продолжал свое движение аванк. Он лишь чуть-чуть замедлил ход, оказавшись в новых водах.

Флорин Сак плавал; морская вода смягчала боль в истерзанной спине. Ныряльщиков внизу и пловцов наверху теперь стало мало. Они боялись, что какой-нибудь непредсказуемый поток унесет их от города, выбросит в какую-нибудь застойную зону Скрытого океана.

Флорина это не смущало. Он, рыболюди и Су-

кин Джон перемещались с места на место между громадных цепей, уходящих вниз под углом. Плавали они быстро, постоянно проверяя, не отстали ли от города, но никаких новых опасностей вода в себе, казалось, не таила. Хаос воздействовал только на более крупные субстанции — на незваных гостей большого размера, вроде кораблей и подлодок. Даже морские змеи не могли больше тащить свои взбесившиеся корабли-колесницы и потому ушли вместе с флотом назад, прочь из Пустого океана.

Внизу теперь царил покой, и почти ничто не отвлекало внимания Флорина. Большинство работ в Армаде прекратилось.

Нет, конечно, фермеры продолжали растить урожай и заботиться о живности, как подводной, так и надводной. Не прекращались тысячи мелких работ по ремонту и обслуживанию. Внутренняя жизнь города не остановилась — булочники, ростовщики, повара, аптекари по-прежнему занимались своими делами и принимали деньги. Но прежде Армада была городом, который, занимаясь пиратством и торговлей, зависел от внешнего мира. Теперь же вся портовая суета — погрузка, разгрузка, подсчет, ремонт, переоснащение — прекратилась.

Поэтому Флорину не нужно было ежедневно уходить под воду, чтобы заделывать трещины, пробоины, дыры и всякое такое. Он плавал ради удовольствия и ради своей спины, чувствуя, как соль возвращает его кожу к жизни.

— Идем со мной, Шек, — сказал он.

Он чувствовал напряженность, распространявшуюся по Армаде, неуверенность, словно Хедригалл, покинув город, разлил в нем какой-то яд. Флорин хотел показать Шекелю место, где этот яд можно было растворить.

Для растущих страхов имелись все основания. До Флорина доходили странные слухи. Он уже три раза слышал о том, что такой-то мужчина или такая-то женщина, такой-то стражник или техник из Саргановых вод исчезли, а их дома и пожитки остались нетронутыми (в одной из историй частично были съедены запасы еды). Кто-то говорил, что исчезнувшие тоже убежали, другие утверждали, что это проделки духов, обитающих в Скрытом океане.

Когда Флорин находился в воде, ощущение, что дела идут наперекосяк, приобретают опасный или неопределенный оборот, притуплялось под воздействием водных потоков. Он предложил Шекелю то же лекарство. Он убедил парнишку

плавать с ним за компанию. Пространства между судами Армады теперь были почти пусты. Шекеля захватила мысль, что он — один из тех смельчаков, кто спускается в воду. Над ними и вокруг них неторопливо двигались огромные силуэты кораблей — отстать они не боялись. Шекель боролся с течениями, делая сильные неуклюжие гребки. Флорин попытался было научить его более экономным и эффективным движениям, но потом понял, что не знает таких для тех, кому приходится дышать воздухом.

Шекель натягивал на глаза тяжелые очки и сколько мог — пока их несовершенное уплотнение не начинало пропускать влагу — держал голову под водой. Они с Флорином разглядывали стайки рыб, которых не видели прежде: с причудливой окраской и оперением, яркие и необычные, словно тропические, но только живущие в умеренных водах. Как у скорпиона или крысорыбы, очертания у них были ломаные и прерывались вертлявыми отростками, а глаза светились невероятными цветами.

Шекель и Флорин выныривали на поверхность, где их ждала Анжевина с бутылочкой пива или чего-нибудь покрепче. И даже если между Флорином и Анжевиной все еще сохранялась

настороженность и оба понимали, что ничего тут не поделаешь, относились они друг к другу уважительно и были обязаны этим Шекелю.

«*Что-то вроде семьи*», — думал Флорин.

Снова найти Утера Доула для Беллис не составило труда. Ей нужно было только подождать на палубе «Гранд-Оста» — она знала, что Доул непременно появится. Беллис одеревенела от негодования, обида никак не давала успокоиться ее ярости. Она не могла понять, как Доул мог так с ней поступить.

Она подошла к нему. Доул посмотрел на нее, но без отвращения, которое она боялась встретить. Без враждебности, без интереса, даже без намека на узнавание. Он просто смотрел на нее.

Беллис взяла себя в руки, снова подвязала волосы и знала, что выражение тупой боли постепенно ослабевает на ее лице. Двигалась она все еще как деревянная, но теперь, две недели спустя после наказания, снова стала почти такой, как прежде.

Беллис не произнесла ни слова приветствия.

— Я хочу увидеть Фенека, — вот все, что она сказала.

Доул задумался на секунду, потом наклонил голову.

— Хорошо, — ответил он.

И хотя именно это ей и было нужно, Беллис испытала прилив ненависти к нему, потому что знала: он дал разрешение, так как понимал — что бы она ни сказала Фенеку, что бы ни сделала, она уже не в силах помешать Армаде. Теперь она не представляла собой угрозы, теперь она уже выложила все свои козыри.

Беллис стала теперь совершенно безвредной, так что к ней можно было отнестись и снисходительно.

Магический плавник у него отобрали, но было ясно, что Саргановы воды все еще опасаются Сайласа Фенека. Коридор, в который выходила его камера, охранялся множеством стражников. Все двери здесь можно было задраить наглухо — помещение находилось ниже ватерлинии.

Перед дверью в камеру Фенека сидели мужчина и женщина, возившиеся с какой-то таинственной машиной. Беллис кожей ощутила сухое дуновение магических флюидов.

Она оказалась в большом помещении с несколькими иллюминаторами, сквозь которые виднелись темные водовороты. Половина его была отгорожена стальными прутьями, а за ними в маленьком закутке, отрезанный от окон и двери,

сидел на деревянной скамейке и смотрел на нее Сайлас Фенек.

Беллис вгляделась в него. Ее захватил калейдоскоп видений — она вспоминала Фенека, каким он был прежде (когда они были вместе: любезный, холодный, сексуальный, таинственный). Губы у нее искривились при виде Фенека, словно она съела что-то сильно подгнившее.

Он похудел, одежда на нем была грязна. Беллис встретила его взгляд и внезапно, потрясенная, поняла, что правое его запястье перебинтовано, а ладонь и пальцы отсутствуют. Фенек увидел, что она заметила его рану, и, прежде чем он успел взять себя в руки, на лице его мелькнула гримаса.

Фенек вздохнул и уставился на Беллис.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. Голос его звучал глухо и враждебно.

Беллис не ответила. Она осмотрела камеру, увидела неряшливую груду одежды, бумаги, чертежи, толстенную записную книжку. Она посмотрела на решетки, разделявшие их. Брусья были обмотаны проводами, уходившими по полу куда-то за дверь. Фенек проследил за ее взглядом, который скользнул по проводам вплоть до их источника.

— Они соединены с теми машинами снаружи, — сообщил он ей. Голос у него был усталый. — Это гаситель. Понюхай воздух. Ты его можешь даже услышать. Фильтрует тау-магоны. Сейчас здесь никакая магия не пройдет. — Он втянул носом воздух и улыбнулся грустной улыбкой. — На тот случай, если у меня есть какой-нибудь тайный план. Я им сказал, что знаю всего три маленькие магические формулы и ни одна из них все равно не поможет мне выбраться отсюда, но… Догадайся. Они мне не поверили.

Беллис увидела странную кожу под его рубашкой. Она казалась какой-то омертвевшей, покрытой водянистыми пятнами, и пульсировала. Фенек запахнул на себе рубаху.

Глаза Беллис расширились, она развернулась и пошла прочь.

— Прекрати это! — внезапно выкрикнул ей вслед Фенек — чуть ли не с мольбой.

— Какого хера тебе надо? — сказала она, довольная тем, что ее голос звучит сухо, отчужденно.

Он посмотрел на нее понимающим взглядом, от которого Беллис пришла в бешенство.

— Не делай этого больше, — сказал он. — Не приходи сюда, не задавай мне вопросов, не делай этого. Зачем ты сюда заявилась, Беллис? Ведь не

для того же, чтобы выругать меня, — это не твой стиль. Ты же не будешь злорадствовать. Ну, поймали они меня, и что с того? Они и тебя поймали, к херам. Как спина-то?

Это так ее потрясло, что у нее даже дыхание перехватило. Она часто заморгала, пытаясь восстановить четкость зрения. Фенек смотрел на нее: ни особой жестокости, ни злости не отражалось на его лице.

— Ничего ты от меня не узнаешь, Беллис, — сказал он все тем же голосом. — Ничего тебе не отломится. Катарсиса не получится, когда ты отсюда уйдешь, лучше тебе не станет. Ты понимаешь? Да, я тебе лгал. Я тебя использовал. И многих других тоже. Я делал это без зазрения совести. И сделал бы снова. Я хотел попасть домой. Если бы ты оказалась рядом и это было бы нетрудно, я бы взял и тебя, но если бы тебя рядом не оказалось, то так бы тут и прозябала. Беллис… — Он наклонился, сидя на скамейке, и потер свою культю. — Беллис, у тебя кишка тонка состязаться со мной.

Он неторопливо покачал головой — приход Беллис ничуть его не смутил. Ее трясло от ненависти. Он правильно сделал, что не сказал ей правды о том, чем занимается. Тогда она, при

всем ее желании вернуться домой, ни за что не стала бы ему помогать.

— В тебе, Беллис, нет ничего такого выдающегося. Ты была одной из многих. Я обошелся с тобой так же, как с другими. Единственное твое отличие от других в том, что ты теперь здесь. Ты думаешь, в твоем приходе сюда есть какой-то смысл? Что ты должна была… что? Выяснить отношения? — Сайлас Фенек, прокуратор Нью-Кробюзона, с сожалением покачал головой. — Нет у нас никаких отношений, Беллис, — сказал он. — Уходи. — Он лег на спину и уставился в потолок. — Уходи. Я хотел вернуться домой, и ты подвернулась мне под руку. Ты знаешь, что я сделал, и знаешь, почему. Никаких тайн, никаких разгадок… Уходи.

Беллис задержалась еще на несколько секунд, но сумела уйти, прежде чем заговорила бы снова. Она произнесла за все это время только четыре слова. В животе у нее все переворачивалось от сильного чувства, для которого она не могла подобрать названия.

«*Они его не убьют,* — мрачно думала она. — *Даже не накажут. Его ведь даже кнутом не погладили. Слишком ценный, слишком жуткий. Они думают, что Фенек может научить их че-*

му-нибудь, что из него можно выудить важную информацию. Может, так оно и есть.»

И она ушла. Она не могла не понимать, что, по крайней мере, в одном Фенек был прав.

Лучше ей после этого визита не стало.

Беллис удивилась, обнаружив, что Иоганнес остается в ее жизни. Было время, когда он, казалось, питал к ней отвращение и не желал ее видеть.

Она по-прежнему находила его бесхребетным. Даже когда ее собственная преданность Нью-Кробюзону стала блекнуть и забываться, она не могла не думать о Иоганнесе как о перебежчике. Быстрота, с которой он приспособился к Армаде, вызывала у нее отвращение.

Но теперь в нем появилось что-то безрадостное. Его вспыхнувшее вновь желание быть ее другом казалось ей немного жалким. И хотя Беллис проводила большую часть своего времени с Каррианной, чья непочтительность и преданность доставляли ей истинное удовольствие, а Каррианна не очень-то жаловала Иоганнеса, Беллис время от времени позволяла ему задержаться у нее. Она испытывала к нему жалость.

Аванка поймали и захомутали, команда Тинтиннабулума оставила Армаду, и нужда в услугах

Иоганнеса отпала. Иоганнес сделал свое дело, и теперь Круах Аум работал с магами Любовников и Утером Доулом, был введен во внутренний круг, чтобы выявить тайны добычи возможного. Беллис решила, что Иоганнес понял: ему предстоит провести в городе долгие годы — почти на положении заключенного.

Иоганнес продолжал работать с группой, ведущей наблюдение за аванком: они определяли его скорость, оценивали биомассу в регионе, измеряли магические потоки. Но это была одна видимость работы — дел хватало едва на полдня. Выпив, Иоганнес начинал жаловаться: его, мол, выжали и выкинули. Беллис и Каррианна ухмылялись за его спиной, слушая эти пьяные речи.

Иоганнес высказывал осторожную неуверенность касательно их курса, их нахождения в Скрытом океане. У Беллис на душе теплело, когда она находила малейшие признаки несогласия, оппозиции политике Любовников. Отчасти именно из-за этого она не была против общества Иоганнеса.

Он был слишком труслив, чтобы признать это, но, как и Беллис, хотел, чтобы Армада повернула назад. Но шли дни, Армада все дальше и дальше углублялась в Скрытый океан, — и Беллис вдруг

обнаружила (и нежданная надежда снова загорелась в ней), что они с Иоганнесом не одиноки.

Бегство Хедригалла стало незаживающей раной. Армада продолжала движение в моря, которые не подчинялись законам океанологии. Гражданам, которые все еще переживали скорбное торжество победы и были воодушевлены риторикой величайших из вождей Сарганових вод за всю их историю, происходящее могло казаться приключением или участью, дарованной богами. Но вот когда убежал преданный своему городу Хедригалл, затеянное Любовниками предприятие приобрело жутковатую окраску.

«Высокомерие» быстро заменили. Теперь над «Гранд-Остом» висел другой аэростат, наблюдавший за горизонтом. Но он был куда как меньше и висел ниже. Видно с него было не так далеко, как с «Высокомерия», — и людям, во всем остальном преданным властям, не давало покоя метафорическое значение этого факта.

«Что он увидел там впереди? — бормотали они. — Хедригалл — что он там увидел?»

Город двигался словно сам по себе. Голоса, призывавшие повернуть назад, звучали совсем негромко. Замолчали даже те правители, которые не одобряли плана Любовников, хотя, возможно,

они теперь предпочитали выражать свое неудовольствие в узком кругу. Но над кварталами города витал дух Хедригалла — дух протеста, — и торжественное волнение, с которого начиналось путешествие, улетучилось.

Флорин и Шекель давали новые названия существам, которых видели под водой, — быстробеги, танцующие мухи, желтоглавы.

Они наблюдали за натуралистами Армады, которые плавали над необычными новыми животными, вылавливали некоторых сетями, держались подальше от здоровенных курносомордых желтоглавов, делая с них гелиотипы при помощи громоздких водонепроницаемых камер и фосфорных вспышек.

Стайки животных метались между труб и корпусов, торчавших внизу, словно корни. Они смешивались с более-менее знакомыми рыбами (даже в Скрытом океане обитал мерланг и всякая мелкая рыбешка) и поедали их или сами становились их добычей.

Флорин нырнул и, шевеля щупальцами, принялся играть с парой рыбешек размером с ладонь. Когда он выбрался на поверхность, Шекель уставился на шрамы на его спине.

Все дальше и дальше в это море.

По ночам раздавались странные звуки — брачные крики невидимых животных, голоса которых напоминали бычьи. Случались дни, когда купаться вообще было нельзя — даже самым выносливым и любопытным ныряльщикам; рыболюди — и те прятались тогда в маленьких пещерках в днищах городских судов. Это были опасные воды. Армада проходила вдоль кромок непредсказуемых кипящих приливов, по охотничьим угодьям пиасы, вблизи живых воронок, жадно вихрившихся вокруг города, но державшихся на расстоянии.

В безлунной темноте под водой пульсировали огни, похожие на каких-то придонных биолюминесцентных тварей, увеличенных во много сотен раз. Случалось, облака над морем двигались гораздо быстрее ветра. А однажды, когда воздух был сухим, как иликтричество, по правому борту города появились какие-то предметы, напоминающие крохотные островки. Это были скопления неизвестных водорослей, огромные клубки морских растений-мутантов, которые внезапно, под воздействием какой-то внутренней силы, бросались прочь от города.

По всей Армаде, в каждом квартале, в разва-

люхах, трущобах и самых элегантных жилищах царило напряжение, нервное ожидание. Люди стали плохо спать. Беллис занемогла, когда это началось. Она вспомнила тот ужас, что обуял Нью-Кробюзон и в конечном счете привел ее сюда, в Армаду. «*От одних ночных кошмаров к другим*», — думала она, проведя несколько мучительных часов без сна.

В эти темные времена Беллис порой направлялась на «Гранд-Ост», откуда следила за тем, как город движется по таинственному, слегка колеблющемуся морю. Она разглядывала эту безжалостную бескрайность вод, устрашенная ее масштабом, а потом бежала в коридоры огромного корабля, под влиянием непонятных ей самой побуждений.

Она бродила по лабиринтам пустых проходов, заглядывала в заброшенные уголки парохода — и в маленькое помещение, показанное Доулом. Там она усаживалась, растревоженная и взволнованная, прислушиваясь к звукам любовных ласк наверху, к разговорам Любовников в постели.

Она ненавидела себя за эту привычку, но не могла отказаться от тайного ощущения могущества, которое возникало после таких походов. «*Мой маленький бунт, мой маленький побег*

— кто-то вас подслушивает, а вы и не знаете», — думала Беллис и слушала, как Любовники похотливо переговариваются, как они сходятся в сладострастных ласках. Все это не переставало устрашать ее.

Ничего она от них не узнала. Они никогда не говорили ни о чем важном — только тискались, лежали вместе и бормотали свои фетишистские словечки.

«*Я не хочу быть здесь*», — с лихорадочной навязчивостью думала Беллис. Наконец как-то вечером она поделилась с Каррианной, зная, что подружка с ней не согласится.

— Я не хочу быть здесь, — сказала Беллис, жадно припав к вину. — Вот уже и ночные кошмары начались, а потом еще и галлюцинации будут. Я это уже проходила. И движемся мы туда, где ничего хорошего нет. А что там? Или мы погибнем, или Любовники получат в свое распоряжение невиданную, страшную энергию. Ты что, в самом им доверяешь, Каррианна? — пьяным голосом спросила Беллис. — Этому резаному хмырю и его психопатке? Ты бы доверила им такую власть? Я не хочу быть здесь.

— Я тебя понимаю, Беллис, — сказала Каррианна, подыскивая слова. — Но лично я хочу увидеть,

что там такое. Я думаю, это что-то удивительное, а? Заполучат Любовники или нет то… что там есть. Нет, по большому счету я им не верю. Ведь я же из Сухой осени, ты не забыла? Но вот что я тебе скажу… После того как Хедригалл сделал ноги, мне кажется, многие готовы согласиться с тобой.

Беллис кивнула — это сообщение приятно удивило ее. Она подняла свой стакан, чтобы чокнуться с Каррианной, и та ответствовала ей с иронической торжественностью.

«*Она права,* — подумала вдруг Беллис. — *Проклятье, она права на все сто. Что-то меняется*».

Аванк стал замедлять ход.

Дней десять спустя после того, как Армада вошла в Скрытый океан, люди стали замечать, что скорость движения падает.

Первыми были Сукин Джон, рыболюди, креи, Флорин Сак и еще несколько надводных горожан, которые продолжали погружения. Им становилось все легче не отставать от города. После нескольких часов пребывания под водой, плавания под поросшими ракушечником днищами их мускулы не наливались такой усталостью, как раньше. Не надо было плыть с прежней быстротой.

А вскоре это заметили и горожане, дышащие

воздухом. Из-за отсутствия суши в этом таинственном море было нелегко понять, какое расстояние прошел город. Однако существовали способы его измерить.

Что-то происходило с гигантским существом в глубине моря. Что-то изменилось. Аванк замедлял ход.

Поначалу надеялись, что это временно, что через некоторое время аванк снова наберет скорость. Но шли дни, а животное двигалось все медленнее и медленнее.

Иоганнес обрадовался, даже возликовал, когда его услуги снова оказались востребованы. Любовники заново собрали его прежнюю команду, чтобы разобраться в происходящем.

Беллис с удивлением обнаружила, что и теперь, когда его призвали во внутренний круг, он продолжал говорить с ней и Каррианной о своей работе.

— В городе не осталось никого, кто бы не заметил, — сказал он как-то вечером, придя к ним, усталый и озадаченный. — Любовники ждут, что мы разрешим эту проблему. — Он покачал головой. — Даже Аум ничего не понимает. Горномолочные двигатели продолжают посылать свои сигналы, аванк продолжает двигаться, но…

скорость его падает.

— Что-то в Скрытом океане? — предположила Беллис.

Иоганнес прикусил губу.

— Вряд ли, — сказал он. — В Бас-Лаге нет ничего, что могло бы соперничать с *аванком*.

— Может быть, он приболел, — сказала Каррианна, и Иоганнес кивнул в ответ.

— Я тоже так думаю, — неторопливо согласился он. — Круах уверен — что бы там ни было, мы сумеем выправить ситуацию. Но, на мой взгляд, мы знаем недостаточно, чтобы лечить его.

Воздух над Скрытым океаном стал сухим и неожиданно горячим. Городской урожай оказался под угрозой.

Все жители попрятались по домам, и смехотворное подобие нормальной жизни, недавно установившееся в Армаде, начало исчезать на глазах. Почти никакие работы не велись. Граждане пиратского города погрузились в ожидание под зловещим небом, затаившись в своих жилищах. Город поблек и подернулся дымкой. Все замерло. Армада покачивалась на волнах, как спасательная шлюпка, почти не двигаясь вперед.

Аванк замедлял ход, и кильватерная струя за

кормой Армады с каждым днем становилась все слабее.

По городу стала медленно распространяться паника. Люди собирались на митинги, которые впервые были организованы не властями города, а межквартальными народными комитетами. Поначалу на них приходили почти исключительно из Дворняжника и Сухой осени, но с каждым днем участвовало все больше несогласных из Джхура, Книжного города и Саргановых вод. Они взволнованно обсуждали происходящее и задавали вопросы, ответов на которые не было ни у кого.

Людям все чаще представлялась жуткая картина: Армада, оставшаяся без средств передвижения в бесплодных водах Скрытого океана, предоставленная стихиям. Или привязанная к неподвижному аванку, обитающему в неизмеримых глубинах.

Скорость продолжала падать.

(Уже потом, гораздо позднее, Беллис вдруг поняла, что тот день, когда состояние аванка предстало во всем своем ужасе, тот день, когда погибло столько людей, но кробюзонскому календарю приходился на первое медуария — рыбодень. И когда убийства закончились, она,

осознав этот факт, зашлась в приступе кашля — ближайшем подобии безутешного смеха.)

Примерно к полудню в воде стали появляться посторонние примеси.

Вначале те, кто видел их, думали, что это новые скопления полуразумных водорослей, но вскоре стало ясно: это нечто иное. Эти примеси были легче и находились в воде глубже — расползающиеся цветные пятна, жидкие по краям.

Эти пятна появились на пути города в нескольких милях впереди. По мере их постепенного приближения слухи о них стали распространяться по городу, и в шаддлеровском Саду скульптур, в носовой части Армады, начали собираться толпы людей. Люди вглядывались в пятна.

То были сгустки какой-то вязкой жидкости, густой, как грязь. Если волны касались наружных кромок этих пятен, те превращались в отвратительную рябь, расползавшуюся по поверхности, и затем исчезали.

Вещество было бледно-желтого цвета — цвета пещерных червей.

Беллис сглотнула слюну, почувствовав, как от тревоги к ее горлу подступает тошнота. Но тут же совершенно неожиданно — с порывом ветра — она поняла, что тревога тут ни при чем. При-

чиной тошноты была вонь.

На армадцев накатилась волна запаха, обдала их. Люди побледнели, их стало рвать. Беллис и Каррианна, ошеломленные, поглядывали друг на друга. Они спали с лица, но пока еще сдерживали рвоту даже среди этого всеобщего наваждения. Покачивающаяся на волнах беловатая масса воняла невыносимо, как самая жуткая гниль, как разложившийся труп, извлеченный из-под земли на поверхность.

— Джаббер, сохрани и помилуй! — выдохнула Беллис.

В небесах Армады собрались городские птицы-падальщики и принялись возбужденно перекликаться, а потом живым облаком устремились к зловонной субстанции, но, не долетев до нее, резко подались назад, словно такая степень разложения была неприемлема даже для них.

Город достиг наружной кромки вонючей материи. Впереди по курсу виднелись огромные пятна этого вещества — гнилостная масса колыхалась вместе с волнами.

Большинство собравшихся ринулись по домам, чтобы возжечь благовония. Беллис и Каррианна остались наблюдать за Иоганнесом и его коллегами, собравшимися на краю парка. Исследователи

из Сарганових вод, прижав к носам надушенные платки, перегибались через перила. Спустив ведерко, они зачерпнули беловатой массы и принялись ее исследовать, а потом отпрянули в сторону.

Увидев Беллис и Каррианну, Иоганнес подбежал к ним, срывая с лица респиратор. Он побледнел, его трясло, на коже выступили капельки пота.

— Это гной, — сказал он, тыча в море дрожащим пальцем. — Пленка гноя на поверхности воды.

ГЛАВА 43

Аванк болен.

Пытаясь продолжать свое бездумное движение по команде горномолочного двигателя, он все замедляет и замедляет ход. Что с ним такое? Он ранен? У него кровотечение? Лихорадка? Чуждая среда, в которой он оказался, вызвала у него раздражение? Он слишком толстокож, или слишком глуп, или слишком послушен, а потому не чувствует боли и никак не реагирует на нее, и раны его не залечиваются. Омертвевшая плоть сходит с них загноившимися клочьями, которые крутятся в воде, всплывают, как нефтяные пятна, раздаются вширь, когда губительное давление морской толщи перестает действовать на них, обволакивают и удушают рыбу и водоросли и, наконец, прорываются на поверхность гнойной слизью — зловонными сгустками заразы и задушенной морской жизни.

В Скрытом океане, в двух-трех тысячах миль от его границ, болеет аванк.

После выделения гноя аванк прошел еще несколько миль и остановился.

Тогда резко увеличили частоту сигналов горномолочного двигателя, непрерывно посылая их к животному, но никакой реакции не последовало. Аванк оставался абсолютно бездвижен.

Он замер, не имея сил или желания шевелиться там, на глубине.

И когда было сделано все, что могли предложить опекуны аванка и доктора, и никаких изменений не произошло, когда были тщетно испробованы все возможные длины волн, чтобы привести огромное животное в движение, тогда осталось только одно. Город не мог вечно оставаться в неподвижности.

Аванк был болен, и никто из ученой братии не знал почему. Чтобы выяснить это, нужно было обследовать его с близкого расстояния.

На крановой стреле «Ходдлинга» (корабля-фабрики, причаленного перед носом «Гранд-Оста») тяжеловесным маятником раскачивался батискафос Саргановых вод. Он представлял собой кургузую сферу, на поверхности которой торчало множество труб и заклепок — вкрапления в особо прочной стали. Двигатель в задней части батискафоса напоминал турнюр. Стекло толщиной в ладонь прикрывало четыре иллюминатора и хемическую лампу.

Инженеры и рабочие на скорую руку проверяли и чинили, где надо, глубоководное судно.

Экипаж батискафоса «Ктенофор» готовился к погружению на палубе «Ходдлинга» — его члены натягивали костюмы, проверяли взятые с собой книги и рукописи. В экипаж входили: штурман — струподел по имени Чион с лицом в оспинах от ритуальных надрезов, Круах Аум (Беллис при виде его тряхнула головой — ее бывший ученик; плотно сжатый рот-сфинктер Аума подрагивал от волнения) и впереди — Иоганнес Тиарфлай, он испытывал возбуждение, гордость и испуг в равных дозах.

Выбора у него не было — только отправляться вниз, потому что он лучше всех, исключая Круаха Аума, знал аванка, а там, на глубине, был нужен взгляд специалиста. Беллис знала, что Иоганнес пошел бы на это дело даже без принуждения Любовников.

— Мы отправляемся вниз, — сказал он Беллис немногим ранее, глядя на нее с тем же выражением, какое было на его лице теперь, когда он облачался на палубе «Ходдлинга». — Нам нужно посмотреть и вылечить его.

И хотя мысль о спуске внушала ему ужас, радостное возбуждение владело им ничуть не

меньше.

Как ученый он весь был в предвкушении предстоящего. Беллис прозревала в нем страх — но никаких дурных предчувствий. Она помнила, как Иоганнес рассказывал ей о своем шраме — отметине, которую оставил на нем сардул. Он, конечно, был жутким трусом, но только если речь шла о человеческих отношениях. Беллис ни разу не видела, чтобы он бежал от опасности, если она была связана с его исследованиями. И теперь — перед этим опаснейшим поручением — он тоже не отступил.

— Ну что ж, — тщательно выбирая слова, сказала Беллис, — я думаю, мы встретимся через несколько часов.

Иоганнес пребывал в таком возбуждении, что даже не обратил внимания на ее размеренный голос, подчеркнутую обыденность ее тона, которые противоречили смыслу ее слов и подчеркивали грозящую ему опасность. Он наивно кивнул, неловко обнял ее за плечи и ушел.

Подготовка заняла немало времени. Немногие пришли в кормовую часть города — посмотреть на спуск батискафоса. Напряженная атмосфера, царившая в городе, отпугивала людей. И не то чтобы они боялись: просто за последние дни силы

покинули их, наступило изнеможение.

Иоганнес поднял взгляд на немногих любопытствующих и помахал рукой, после чего забрался в кабину «Ктенофора».

Беллис видела, как на тесном подводном суденышке задраивают люк. Она увидела, как батискафос поднимают над водой, как он головокружительно кренится, и вспомнила, что так же было в тот день, когда ее опускали в Салкрикалтор-сити. Огромный барабан на «Ходдлинге», на который был намотан усиленный кабель в резиновой оплетке, начал вращаться, а глубоководный аппарат — опускаться.

Батискафос с глуховатым плеском коснулся вод Скрытого океана и сразу же скрылся из виду. Ему понадобится не менее трех часов, прежде чем он доберется до аванка. Беллис смотрела, как расходятся круги по воде, вызванные погружением аппарата, пока не почувствовала, что кто-то стоит у нее за спиной, повернулась и увидела Утера Доула.

Она нахмурилась и застыла в ожидании. Доул несколько секунд спокойно и молча разглядывал ее.

— Вы волнуетесь за вашего друга, — сказал он. — «Гранд-Ост» на время операции недоступен,

но, если хотите, можете подождать Иоганнеса там.

Он отвел ее на корму «Гранд-Оста», в маленькую каюту, иллюминатор которой выходил на «Ходдлинг» — базу батискафоса. Доул, не сказав ни слова, вышел и закрыл за собой дверь. Беллис оказалась в комнате намного более комфортабельной и лучше обставленной, чем ее собственная, а через пять минут после ее прибытия стюард принес чай, хотя Беллис и не просила.

Беллис, глядя в воду, потягивала принесенную ей жидкость. Она была ошеломлена и ничего не понимала. Она никак не могла взять в толк, почему Доул так к ней снисходителен.

Поначалу в крохотной сферической кабине «Ктенофора», где, сгрудившись, дышали трое, было просто тепло. Все неловко толкали друг друга, заглядывая через ноги и руки соседей в маленькие иллюминаторы.

Свет рассеивался с удивительной скоростью, и Иоганнес с нервным волнением наблюдал, как ухудшается видимость. Они спускались вдоль одной из огромных цепей, державших аванка, проскальзывали мимо громадных звеньев, обвешанных, как шелухой, раковинами и многими поколениями водорослей. Спокойные рыбы с

коровьими глазами исследовали их огни, поглядывали на незваных пришельцев, которые спускались вниз, разматывая шланг подачи воздуха и оставляя за собой пузыри.

По мере того как в море становилось темнее, цепь выглядела все более зловеще. Ее черные звенья стояли почти вертикально, вплетаясь друг в друга неожиданно непонятным и пугающим образом, формой своей многозначительно напоминая иероглифы.

На границе абсолютного мрака море казалось абсолютно спокойным; казалось, его не тревожат хищные потоки Скрытого океана. Экипаж батискафоса хранил молчание. В кабине теперь было довольно темно. На борту имелись хемические огни и фонари, но исследователи не хотели расходовать их запас на спуске — ведь видеть им будет нужно уже на дне. И потому они сидели в жуткой тесноте, в самой глубокой за всю их жизнь темноте.

В кабине было слышно только их дыхание да слабые стуки — стоило кому-то пошевелиться, как он натыкался на другого или на корпус «Ктенофора». Да еще шепоток нагнетаемого воздуха. Двигатель не работал — они спускались под воздействием силы тяжести.

Иоганнес, прислушиваясь к собственному дыханию и дыханию своих коллег, вдруг понял, что они подсознательно дышат синхронно, а это означало, что после каждого выдоха наступает пауза — мгновение, когда он на долю секунды мог себе представить, что, кроме него, здесь никого нет.

Они уже были гораздо глубже зоны досягаемости солнечного света. Их аппарат разогревал море. Тепло проникало из нагревателей в кабину, а через металлическую шкуру аппарата — в воду, которая мигом пожирала его.

Эта однообразная теплая тьма, монотонный шелест воздуха, хруст обивки, шуршание кожи не могли не воздействовать на время — оно разрушалось и кровоточило. Его мгновения не перетекали друг в друга, а рождались мертвыми. «Я выпал из времени», — подумал Иоганнес.

На миг он испытал приступ клаустрофобии, словно у него разлилась желчь, но он взял себя в руки, закрыл глаза (однако темнота, которую он нашел за смеженными веками, не утешила его — она была не гуще и не слабее той, от которой он бежал), сглотнул слюну и победил страх. Вытянув руку, Иоганнес нащупал стекло иллюминатора и поразился его холоду, его запотевшей, влажной поверхности — вода снаружи была как лед.

Прошло бессчетное число минут, мрак снаружи на миг разорвался, и экипаж вздрогнул, словно от иликтрошока, ошеломленно почувствовав, что время вернулось к ним. Мимо них проплывала живая лампа — некое существо с щупальцами, в перистальтической судороге вывернувшее наизнанку свое тело; облачив себя в свои люминесцирующие внутренности, оно устремилось прочь, и его скупое мерцание погасло.

Чион зажгла фонарь в передней части батискафоса, продолжавшего неуверенный спуск; его фосфоресцирующее сияние проливалось во мрак световым конусом. Люди внутри видели его границы так четко, словно те были отделаны мрамором. В свете фонаря не было видно ничего, кроме скопления какой-то мелкой взвеси, частиц, устремлявшихся вверх по мере погружения «Ктенофора». Видеть здесь было нечего — ни океанского дна, ни жизни, ничего. Эта высвеченная ими всесокрушающая пустота вгоняла экипаж в депрессию еще сильнее мрака. Они продолжили спуск, выключив фонарь.

Под воздействием давления металлический корпус начал потрескивать. Через каждые десять-двенадцать секунд раздавался новый пугающий треск, словно давление резко и дискретно возрас-

тало от одной зоны к другой.

Чем глубже они погружались, тем сильнее становились эти удары, и наконец Иоганнес понял, что дело тут не только в аппарате, что трещит не только корпус батискафоса, но и само море, — все море, тонны воды со всех сторон, вибрирует, сотрясается в судорогах ответной дрожи от громоподобных ударов, идущих снизу.

Сердце аванка.

Когда огромный барабан на палубе «Ходдлинга» стравил заданное число миль кабеля, пришел в действие предохранитель и застопорил дальнейший спуск аппарата. «Ктенофор» подергивался в такт артериальным биениям вокруг него. Изнутри батискафоса сердце аванка казалось чем-то монолитным.

Чион включила фонарь. Три акванавта взглянули друг на друга и увидели лица цвета сепии, сплошь в капельках пота. В сумерках кабины вид у них был нелепый. С каждым ударом сердца, сотрясавшим батискафос, акванавты исполнялись страха и благоговейного трепета. Вокруг тесной кабины с ее манометрами и циферблатами пульсировала темнота.

Чион начала жать кнопки на пульте, завела перфокарты в аналитическую машину. У всех

на мгновение замерло сердце, когда ничего не произошло, но потом сфера начала подрагивать в такт своим механизмам.

— Он в нескольких сотнях футов под нами, — сказала Чион. — Будем спускаться медленно.

С неторопливым стоном «Ктенофор» пошел вниз по кривой, в направлении к аванку.

Фонарь снова вернулся к жизни, пронзил воду холодным лучом. Иоганнес вглядывался в воду с ее взвесью мелких частиц и увидел, как она сотрясается вместе с биениями сердца аванка. Иоганнес подумал о миллионах тонн воды жаждущих сокрушить их, и во рту у него собралась слюна.

Внизу под ними что-то ожило — что-то похожее на призрак. Иоганнеса охватил ужас. Они спускались к огромной плоской зоне более светлой тьмы — к разорванному шероховатому полю, сделавшему себя видимым. Поначалу крайне слабое, оно делалось все плотнее, его нечеткие рваные очертания высвечивались фосфоресцирующим лучом. Осклизлое и неустойчивое, оно простиралось во все стороны; в нем виднелись пятна, наросты глубинного лишайника. Оно служило пристанищем глубоководной жизни. Иоганнес увидел слабое мерцание слепой угреобразной

миксины, кургузых эхурианов, толстых, выбеленных трилобитов.

— Мы попали не туда, — низким голосом сказала Чион. — Мы опускаемся на дно.

Но не успела она произнести последнее слово, как голос ее надломился и перешел в дрожащий шепот — она поняла свою ошибку. Иоганнес кивнул — его обуяли благоговейный трепет и торжество, какие охватывают человека в присутствии божества.

Сердце аванка стукнуло еще раз, и подводный пейзаж сотрясло землетрясение — огромный кряж поднялся внезапно на двадцать футов, а вокруг него завертелся ил и мелкие взвешенные частицы. Плотный гребень стал распространяться по шишковатой поверхности вдаль, насколько хватало света фонаря, разветвляясь, двоясь и троясь, оставляя за собой след на ровной поверхности.

Это была вена.

Она наполнялась кровью, пульсировала, дыбилась, а потом снова опадала.

Батискафос вышел прямо на цель. Они находились над спиной аванка.

Даже Круах Аум, обычно сдержанный, казался ошеломленным. Все трое жались друг к другу,

бормоча успокоительные слова.

Поле под ними было спиной животного.

«Ктенофор» медленно двигался в двадцати пяти футах над поверхностью тела аванка, над пространством между двумя венами. Иоганнес смотрел вниз сквозь гущу воды. Цвета аванка приводили его в восторг. Он ожидал увидеть анемичную белизну, но на пятнистой шкуре виднелись прожилки множества оттенков, закрученные спиральками вроде узоров на подушечке пальцев, — переливчато-серые, красные, желтоватые.

Местами шкура аванка была повреждена элементами упряжи, похожими на зубцы или рога, и вокруг этих ран торчали волосяные отростки, напоминавшие ветви деревьев. Чион осторожно вела батискафос между ними.

Они проходили над отверстиями — морщинистыми вкраплениями в теле аванка, которые вдруг непонятно почему увеличивались в размерах, разверзались дырами с ровными краями, пульсирующими туннелями, которые уходили внутрь животного, выстланные ячеистыми оболочками — каждая ячея размером с человека.

«Ктенофор» плыл над шкурой аванка, как пылинка.

— Боги милостивые, что же мы делаем? — прошептал Иоганнес.

Круах Аум наспех делал наброски и записи, а Иоганнес взирал на животное, которое он помог вызвать.

— У нас света всего на пару часов, — встревоженно заметила Чион.

Батискафос перевалил через небольшую рощицу волос высотой с колокольню и снова спустился между двумя выступами — возможно, концами жабр, или шрамами, или плавниками. Шкура аванка дыбилась и морщилась из-за подкожных процессов. Ее очертания медленно менялись — поверхность приобретала уклон.

— Мы приближаемся к его боку, — сказал Иоганнес.

Неожиданно соединительная ткань под ними круто пошла вниз, образуя мозолистую кожистую впадину, дно которой исчезало в темноте. Иоганнес услышал свое отрывистое дыхание, когда «Ктенофор» заскользил вниз, вдоль бока животного. Свет играл на слоях ячеек, на паразитах внезапно открывшихся исследователям в этой органической пропасти.

Громада пациента приводила их в трепет.

В тех местах, где шкура аванка наслаивалась

сама на себя мясистыми складками, стали появляться морщины — десятки глубоких морщин, напоминающих кромки тектонических сдвигов и уходящих туда, где располагались то ли нога, то ли ласт, то ли хвост.

— Я думаю… — сказал Иоганнес, делая знак другим, — я думаю, мы сейчас увидим конечность.

По воде проходила судорога, а потом на время все опять успокаивалось. Морщины на коже появлялись все чаще. Здесь с каждым биением аванкова сердца проявлялась сеть огромных вен — замысловатая, словно трещины на разбитом стекле, — очерчивались горообразные мышцы. Свет спугивал крабов, которые опрометью бросались в складки аванковой кожи.

Вода была полна примесей. Свет выхватывал потоки матовой жидкости, напоминающей чернила.

— Что это? — прошептал Иоганнес, и Круах Аум что-то написал для него на листе бумаги.

Кровь.

Еще одно биение сердца — и вода наполнилась темной жидкостью. Она быстро растворилась, разойдясь во всех направлениях. Свет фонаря пробился через сгустки крови и засверкал на чем-то вдали — на плотной, ровной поверхности.

Акванавты замерли в изумлении — это была металлическая кромка армадской узды. На ее поверхности образовалась корка из останков ракушек, давно уже убитых давлением, и жизнеформ, обитающих на этой глубине. Один угол, один зажим охватывающей тело аванка упряжи.

— О боги, — прошептала Чион. — Может, это мы виноваты. Может, все дело в этих застежках, уздечках… может быть, они вызвали у него раздражение.

«Ктенофор» проплыл назад через сгустки крови над телом аванка. Кровь фонтанировала откуда-то позади возвышений на его шкуре.

— Смотрите! — воскликнул Иоганнес. — Вон там!

В двадцати футах под ними шкура аванка была содрана, и оттуда что-то сочилось. Это было похоже на раскопки — широкая рваная траншея глубиной не меньше тридцати футов и длиной во много ярдов, искривляясь, исчезала в темноте. Внутренние ее стенки представляли собой комковатую массу разрушенных ячеек, загрязненную остатками вязкого гноя. Сгустки полужидкой субстанции прямо на глазах отрывались от тела и устремлялись вверх, а за ними — лоскуты материи.

В самой глубокой части раны, в ее основании, фосфор высвечивал влажное красное мясо.

— *Джаббер* его задери! — прошипел Иоганнес. — Неудивительно, что он остановился.

Круах Аум принялся что-то бешено писать, потом поднес клочок бумаги к свету. «*Это для аванка ерунда — представьте себе его размеры,* — прочитал Иоганнес. — *Должно быть что-то еще*».

— Смотрите, — прошептала Чион. — Кромки этой раны… Они не соприкасаются с уздечкой. Здесь что-то другое. — После этого на несколько секунд воцарилось молчание. — Мы что-то упустили.

Рваная кожа аванка поднималась с обеих сторон от акванавтов, спускающихся в траншею в теле животного.

Словно исследователи какой-то затерянной реки, они намеревались обнаружить источник раны.

V-образный разрыв в аванковой плоти уходил далеко вперед, в темноте не было видно каких-либо признаков, что он кончается. С каждым ударом сердца вокруг начинал бить фонтан крови, ослепляя их на несколько секунд, пока вода не уносила загрязнение.

Под ними происходило какое-то движение. Движение наблюдалось и по сторонам — падалыцики вгрызались в обнаженное аванково мясо.

Батискафос медленно двигался в тени мясной расщелины, и все в маленькой металлической капле думали, хотя и не произносили вслух: «*Кто же это сделал?*»

Они повернули вместе с изгибом раны, когда перед ними возникли твердые кромки разгрызенной кожи. «Ктенобор» развернулся в воде.

— Вы видели — там что-то двигается?

Лицо Чион побледнело.

— Вон там! Там! Видели? Видели?

Тишина. Фонтан крови. Тишина.

Иоганнес попытался разглядеть то, что увидела Чион.

Рана расширяется. Они на краю глубокой впадины. В ее основании кровь и гной. Шириной она в несколько десятков ярдов. Это и есть рана аванка.

Что-то движется. Иоганнес видит это и вскрикивает, остальные вторят ему.

Под ними в крови происходит движение.

— Боги милостивые, — шепчет Иоганнес, и

голос его замирает, переходя в мысль. Боги. Здесь происходит что-то неизбежное и страшное.

«Ктенофор» раскачивается под новые вскрики. Что-то ударяет по его поверхности.

Часть мозга Иоганнеса оцепенела, и он думает: «*Мы должны понять причину и вылечить его, понять, что с ним, и вылечить, отсечь, что загнило, и вылечить*», — но по мере того как акванавты спускаются в яму — в центр болезни, — поверх этих мыслей, подавляя их, воцаряется страх.

(«*Он был во мне с того момента, как волны сомкнулись над нами*».)

Гнилая кровь под ними пульсирует в странном ритме. Батискафос снова вздрагивает — что-то невидимое ударяет его. Чион начинает причитать.

Медленно поворачивая голову и чувствуя, как внезапно остановилось время, Иоганнес видит, как руки женщины-струпоедела, неповоротливые и медлительные, точно культи, манипулируют рычагами. Чион дает задний ход, пытаясь увести аппарат, но на «Ктенофор» обрушивается еще один удар, и батискафос неустойчиво раскачивается.

Иоганнес слышит, как визжит вместе с Чион: *скорей отсюда, скорей отсюда.*

Что-то снаружи ударяет по люку «Ктенофора».

Иоганнес в страхе вскрикивает, глядя на озеро крови внизу.

Темный урожай, пучок черных цветов вырвался из раны в колеблющемся свете фонаря, цветы рванулись вверх, к этому холодному ложному солнцу на мощных стеблях, оплетенных мышцами и венами, которые на самом деле вовсе и не стебли, а руки, а там не цветы, а ладони, загнутые когти, хищно и широко распростертые руки, а потом тела и головы — они поднимаются, выныривают из кровавой слизи, где они грызли плоть и выпускали яд.

Словно духи, поднимающиеся над кладбищенской землей, существа возносятся вверх, разгоняя кровь хвостами, глядя на незваных гостей огромными глазами, в которые Иоганнес смотрит с трепетом и ужасом. Лица тварей застыли в невольных ухмылках, словно они насмехаются над ним, с их зубов (а зубы у них длиннее пальцев) свисают лоскуты аванковой плоти.

Они плывут к глубоководному аппарату с изяществом угрей, и батискафос раскачивается под их весом; потом существа поднимают его на вытянутых руках, снаружи все раскачивается, иллюминаторы поворачиваются вверх, отчего

три пассажира валятся друг на друга и кричат в страхе, смотрят наружу и кричат в умирающем свете фонаря при виде лиц за стеклом, при виде рук, тянущихся к ним.

Иоганнес чувствует, как растягивается в крике его рот, но ничего не слышит. Руки его колотят по телам других членов экипажа, и те колотят его в ответ, в свою очередь охваченные ужасом, но он ничего не чувствует.

Свет проливается из «Ктенофора» и поглощается бездной. Иоганнес видит, как существа давят на стекла иллюминаторов, и мысли взрываются в нем. «*Вот она — болезнь,* — истерически думает он. — *Вот она — болезнь*».

Болезнь, толпящаяся вокруг батискафоса, разбивает фосфорный фонарь, и тот гаснет, изойдя пузырями, и теперь эти раздутые лица освещаются только слабым желтоватым светом изнутри.

Иоганнес вперился взглядом через стекло в пару глаз снаружи, на глубине в четыре мили. На крохотную долю секунды он предельно четко и живо видит, каким он, судя по всему, представляется этим глазам — его собственное лицо налилось кровью после всех этих кульбитов, покрылось морщинами, подчеркнутыми светом, выражение испуга застыло на нем.

Он видит, как появляются прожилки на трескающемся стекле иллюминатора. Он видит, как трещинки деловито расползаются, соединяясь друг с другом, прокладывают себе путь, калеча стекло, которое наконец трескается; батискафос сотрясается. Иоганнес подается прочь от иллюминатора, словно несколько дюймов пространства могут его спасти.

«Ктенофор» вибрирует в эти последние свои мгновения; испачканные кровью существа и море снаружи наливаются голодным ожиданием, свет в кабине мигает и гаснет, в центре этой неразберихи и хаоса слышны три голоса, три тела сплетаются в клубок; Иоганнес один, совсем один.

ГЛАВА 44

Солнце погасло, но вода все еще была теплой. Все замерло. Созвездие крейских световых шаров выхватывало из темноты днища судов Армады.

Флорин и Шекель плавали в бассейне шириной сорок футов между «Ходдлингом» и «Добером», окаменелым китом. Здесь они не слышали звуков Армады, и только городской мусор, покачавшись на поверхности, как тюленьи фекалии, опускался на них.

— Подходить слишком близко нельзя, — предупредил Флорин. — Это может быть опасно. Мы остаемся на этой стороне корабля.

Шекель хотел нырнуть на несколько доступных ему футов и сквозь свои очки увидеть кабель, ведущий к батискафосу. Рассказы Флорина об аванковых цепях приводили его в восторг, но он всегда видел лишь едва различимые темные силуэты, даже если набирался мужества и нырял под корабли с самой низкой осадкой. Он хотел увидеть трос, уходящий в темноту. Он хотел представить себе масштаб всей затеи.

— Вряд ли ты сможешь его увидеть, — предупредил Шекеля Флорин, глядя на неумелые,

но исполненные энтузиазма гребки парнишки. — Посмотрим, насколько нам удастся приблизиться.

Море обволакивало Флорина. Он расслаблялся в нем, вытягивал свои дополнительные конечности. Он нырнул в быстро темнеющую воду, почувствовал холодные креевские огни вокруг.

Флорин вдохнул воду и погрузился на несколько футов ниже Шекеля, наблюдая, как тот спускается к нему. Ему показалось, что он ощущает в воде какую-то дрожь. Он стал чувствителен к самым незаметным вибрациям, возникающим в водной толще. «*Наверное, кабель*, — подумал он, — *батискафос все еще спускается. Да, скорее всего, кабель*».

В трехстах футах из воды поднимались громоздкие опоры «Сорго». Солнце закатилось за платформой, и металлическое плетение ее вышки темными стежками прошило небо.

— Не подходи слишком близко, — еще раз предостерег Шекеля Флорин, но парнишка не слушал его.

— Смотри! — прокричал он и нырнул к Флорину, но, исчерпав инерцию погружения, со смехом выскочил на поверхность, а потом снова нырнул, направляясь к дальнему концу «Ходдлинга», где

был виден туго натянутый кабель, уходящий в воду.

— Держись подальше, — предостерег Флорин. — Ближе нельзя.

Трос пронзал воду, как игла.

— *Шекель!* — решительно окликнул его Флорин, и парнишка повернул назад, поднимая тучу брызг. — Хватит. Давай посмотрим, что можно увидеть, пока еще есть свет.

Флорин подплыл к Шекелю и поднырнул под него, снизу смотря, как парнишка натягивает очки на глаза, набирает полные легкие воздуха, а потом ныряет вниз и хватает Флорина за руку.

Края города над ними были изрезаны выступами, наминавшими зловещие грозовые облака. Флорин про себя вел счет, полагая, что Шекелю набранного воздуха хватит на двадцать секунд. Он всматривался в мглу Скрытого океана, держа в поле зрения ствол кабеля.

Начав грести вверх и подталкивая Шекеля к поверхности, Флорин увидел улыбку на лице парнишки.

— Это охренительно *хорошо*, Флорин, — сказал он и закашлялся, глотнув воды. — Давай еще раз.

Флорин взял его еще глубже. Секунды тянулись медленно, и Шекель был абсолютно спокоен.

Они опустились на десять футов от поросшего ракушечником днища «Ходдлинга». Вниз проник луч лунного света, и Шекель показал на него. В сорока-пятидесяти футах на мгновение появился глубоководный кабель.

Флорин кивнул, но повернул голову к черноте, сгустившейся под кораблем-фабрикой. Он услышал какой-то звук.

«*Пора наверх*», — подумал он и снова повернулся к Шекелю. Он прикоснулся к парнишке и показал наверх, вытянув обе руки. Шекель усмехнулся, обнажая зубы, — из открытого рта вырвались пузыри воздуха.

Внезапно Флорин почувствовал, как прихлынула вода и что-то гибкое и очень быстрое на миг появилось в поле его зрения. Потом оно исчезло, потом опять появилось, как мельтешащая голодная рыба. Флорин ошарашенно моргнул. Шекель продолжал смотреть на него, теперь уже с тревогой. Парнишка нахмурился и открыл рот, словно собираясь заговорить, и изо рта у него с громким рвотным звуком вырвался весь воздух.

Потрясенный Флорин судорожно дернулся, оглянулся и увидел, как что-то темное метнулось следом за пузырями из Шекелева рта. На мгновение Флорину показалось, что это рвотная масса,

но это была кровь.

Шекель, на лице которого сохранялось удивленное выражение, начал погружаться. Флорин ухватил его щупальцами, потащил наверх, устремился на поверхность, в ушах его стоял грохочущий звук. А кровь бурно фонтанировала не только из Шекелева рта, но и из глубокой раны на его спине.

Казалось, что до поверхности так далеко.

В голове у Флорина звучало только одно слово. *Нет нет нет* нет нет *нет* нет *нет* нет *нет нет нет*.

Он беззвучно выкрикивал его, обхватив своими отростками Шекеля и судорожно устремляясь с ним к воздуху; а вокруг Флорина мельтешили неотчетливо видимые тени, хищные и злобные, как барракуда, они то приближались, то опрометью бросались прочь, двигались без труда, с рыбьей легкостью, отчего Флорину, спасавшемуся бегством, тащившему наверх парнишку, собственные движения казались тяжелыми и неловкими. Он был здесь чужим и теперь давал деру, атакованный настоящими морскими обитателями. Его измененное тело показалось ему вдруг плодом нелепой шутки, и он закричал, барахтаясь вместе со своим грузом, борясь с водой,

внезапно ставшей совершенно чужой.

Вырвавшись на поверхность, он зашелся в крике. Лицо Шекеля было перед ним, искаженное судорогой, а изо рта вместе с тихими стонами сочились морская вода и кровь.

— *Помогите!* — кричал Флорин Сак. — *Помогите!*

Но никто его не слышал, и он, цепляясь своими смешными конечностями-отростками за борт «Ходдлинга», попытался вытащить себя из воды.

Помогите!

Что-то случилось! *Что-то случилось!*

В течение нескольких часов рабочие на палубе «Ходдлинга» колдовали над огромными паровыми насосами, нагнетавшими воздух в «Ктенофор», и готовились к подъему глубоководного аппарата. Потом они один за другим начали впадать в некую разновидность прострации. Они не замечали ровным счетом ничего, пока женщина-какт, смазывавшая страховочный трос, не закричала:

— *Что случилось, мать вашу!?*

Встревоженные ее голосом рабочие опрометью бросились к ней. Сердца их бешено колотились — они в недоумении смотрели на трос. Огромный барабан — он стравил трос почти до конца и был

почти пуст — сильно трясло, он плясал на палубе вместе с людьми, которые пытались удержать его. Кабель натянулся, его стало срывать с направляющей.

— *Поднимайте их,* — прокричал кто-то, и команда бросилась к массивной лебедке.

Послышался щелчок, потом скрежет шестерен. Поршни молотили воздух, как боксеры. Маховик двигателя шевельнулся и вроде бы стал поворачиваться, но кабель оказался сильнее. Он был натянут, как струна.

— *Поднимайте их скорее,* — раздался чей-то бесполезный голос, а за ним последовал жуткий треск, и громадная лебедка сильно накренилась на своем основании.

Двигатель чадил, надрывался и по-детски завывал, начав вращаться вхолостую. Его многочисленные храповики и колеса пришли в зацепление и закрутились с такой бешеной скоростью, что почти пропали из виду.

— Его отпустило! — закричала женщина-кракт под восторженные выкрики. — Он поднимается.

Но батискафос не был рассчитан на такую скорость подъема.

Маховик бешено ускорялся, поднимая кабель с головокружительной скоростью. От шестерен

пошел сухой запах разогретого металла, а сами они раскалились докрасна.

Чтобы опустить «Ктенофор» на дно, понадобилось три часа. Объем троса, наматываемого на барабан, увеличивался прямо на глазах, и все видели, что через несколько минут вся его длина будет выбрана.

— Он поднимается слишком быстро! Разойдитесь.

Толстенный кабель, прорезав себе путь в толще воды, вырвался на воздух, подняв за собой столб брызг. В том месте, где он ударился о борт «Ходдлинга», в металле осталась глубокая выбоина, а сам удар сопровождался снопом искр.

Инженеры и стивидоры бросились врассыпную от машин, которые пошли вразнос, словно впавшие в ужас люди.

Флорин Сак выполз на палубу «Ходдлинга», таща за собой влажное, холодеющее тело.

— *Помогите!* — снова закричал он, но никто его не услышал.

(На границе Сухой осени у борта «Юрока» стоял Бруколак, внимательно вглядываясь в воду. Перед ним возникла куполообразная зубастая голова, от которой по воде пошли круги. Голова кивнула один раз и исчезла. Бруколак повернул-

ся к своим подручным, стоявшим на палубе за его спиной.

— Пора, — сказал он.)

Рассыпая фонтаны брызг, конец троса вырвался из воды и заплясал вокруг лебедки. Тяжелая металлическая оплетка хлестала по палубе, конец был неровно оборван в том месте, где прежде крепился батискафос.

Рабочие «Ходдлинга» в ужасе смотрели на происходящее.

Оборванный конец троса оглушительно молотил по палубе, оставляя длинную полосу побитого дерева и металлической стружки, — лебедка продолжала работать. Конец тросса хлестал по станине и вокруг нее, бил по кораблю снова и снова.

— Выключите ее! — крикнул бригадир, но за звуками этого бичевания никто не услышал его и никто не мог приблизиться к механизму.

Двигатель продолжал вращать огромный барабан, бичуя «Ходдлинг», пока не взорвался котел.

Когда это произошло и на палубу корабля-фабрики просыпался дождь расплавленных деталей, наступил миг тишины и потрясения. А потом «Ходдлинг» дал крен, потому что внутри раздались взрывы и вспыхнул пожар.

По всему городу раздавались сигналы тревоги.

Стражники и вооруженные какты из Саргановых вод и Джхура занимали свои посты на кораблях вокруг «Ходдлинга», который сверкал и гудел, по мере того как огромный костер на его палубе разрастался. Команда в ужасе бежала с корабля в город по канатным мосткам. «Ходдлинг» был огромным кораблем, и из его чрева хлынул неиссякающий поток мужчин и женщин, бежавших от дыма и огня, выбиравшихся из руин.

К мосткам, сгибаясь под тяжестью безжизненного груза и оставляя за собой мокрый след, кто-то медленно брел; его силуэт чернел на фоне пламени. Рот его был широко раскрыт, но слова, которые он выкрикивал, не были слышны.

— Все знают, что нужно делать? — прошептал Бруколак. — Тогда ступайте.

Двигаясь со скоростью, за которой не поспевал глаз, они разлетелись с «Юрока» во все стороны.

Они поспешали, как обезьяны, легко и беззвучно перепрыгивая с крыши на крышу, с мачты на мачту. Малозаметное войско распалось на отряды поменьше.

«На Баск и Дворняжник рассчитывать нельзя, — говорил им Бруколак, — но мешать они тоже не будут. Диних молод и слабонервен —

он пойдет туда, куда подует ветер. Шаддлер — единственный квартал, к которому нам нужно отнестись со всей серьезностью. И есть быстрый способ вывести его за скобки».

Небольшая группа вампиров на свой сверхъестественный лад неслась к Шаддлеру: к «Териантропу» и Курганному дому — ко двору генерала. Главная часть отряда прыжками двинулась к корме; потягивая на ходу свои конечности, они возбужденно и нетерпеливо направлялись к Сарганновым водам.

За ними торопливым шагом, но не пытаясь бежать или прятаться, шел Бруколак.

Что-то происходило на «Ходдлинге». Те, кто бежал оттуда и оказался на соседних кораблях, тяжело дыша, выкрикивали предупреждения.

Что-то разорвалось в корпусе корабля, где-то в нижней его части, и в металле образовалась дыра. Когда двигатель, вращаясь, хлестал палубу обрывком глубоководного троса, кто-то стал появляться с невидимых нижних палуб: они напали на тех, кто стоял на мостике и у котлов в машинном отделении, и принялись разрывать корабль на части.

Описать этих существ было довольно трудно — говорили об огромных зубах размером с ножи,

о больших глазах, остекленевших, как у трупов.

Палуба «Гранд-Оста» была почти пуста, лишь изредка появлялся спешащий по делам слуга или чиновник. Стражники охраняли входные пункты, места, где снизу на палубу поднимались мостки; они не могли позволить, чтобы хаос распространился на флагманский корабль. Люди стремились подойти поближе к «Ходдлингу», они собирались на крышах, балконах, вышках, толпились на соседних судах. Они накатывались волнами, которые подступали все ближе к «Ходдлингу». К рвущемуся вверх птамени подплывали аэростаты.

Забытая в каюте на «Гранд-Осте» Беллис в ужасе наблюдала за ходом событий.

«*Иоганнес погиб*», — подумала она, глядя на разбитый двигатель лебедки.

Он был мертв, и Беллис не находила слов для овладевшего ею странного, подавленного потрясения и ощущения потери.

Она посмотрела вниз на рыболовные суда, окружавшие «Ходдлинг». На палубах лежали покалеченные, охваченные ужасом люди, спасенные от огня.

На палубе одного из судов Беллис увидела Утера Доула. Он что-то кричал, совершая точно

рассчитанные движения, глаза его ни на секунду не останавливались.

Пожар на «Ходдлинге» стихал, хотя армадцы и не гасили его.

Беллис вцепилась в подоконник. Она увидела какие-то тени, двигающиеся за окнами корабля-фабрики. Она видела что-то внутри.

Пираты Армады прибывали со всех концов города. Они занимали боевые позиции, проверяли оружие и скапливались на мостках, ведущих на «Ходдлинг».

Что-то метнулось с мостика охваченного огнем корабля-фабрики — турбулентная струя, которая, пронзая воздух, взвихрила его. Она ударила по деревянной мачте шхуны рядом с «Ходдлингом».

Взбаламученные частицы завихрились вокруг мачты, впитались в нее, и тут Беллис издала удивленный звук. Мачта начала таять, будто была из воска: здоровенный деревянный столб стал гибким, как змея, его вещество обрело текучесть и теперь оплывало, осаживалось, то возникая, то пропадая из виду, оставляя после себя в воздухе шипучие пузыри — ноздреватую реальность, сквозь которую Беллис разглядела пустоту. Складки разлагающегося дерева соскользнули на заполненную людьми палубу, как ядовитая

слякоть.

Утер Доул, размахивая своим мечом, указывая группе кактов с дискометами на иллюминаторы «Ходдлинга», и тут с места, невидимого для Беллис, с *другой* стороны от корабля-фабрики вспорхнули разноголосые крики. Беллис увидела мужчин и женщин, которых, словно вирус, одного за другим поражал страх.

Что-то приближалось от носовой части города, направляясь на собравшихся пиратов, — Беллис еще не разобрала, что именно. Они лишь увидела, что вооруженные группы разделились — часть пиратов повернулась навстречу новой угрозе, хотя ужас обуял и их. Беллис выскочила из каюты и бросилась на палубу, чтобы увидеть, что происходит.

На «Гранд-Осте» царила неразбериха. Трапы по-прежнему охранялись нервничающими стражниками: не получив четких приказов, они в отчаянии смотрели на дождь стрел и снарядов, обрушившийся на «Ходдлинг». Пираты оставляли «Гранд-Ост», бросаясь на выручку своим товарищам.

Беллис пробежала по палубе мимо капитанского мостика, прячась в тени за его возвышающейся громадой. Находясь на уровне крыш Армады, она

пыталась понять, что происходит в городе.

На «Ходдлинг», на все, что было на палубе и в трюмах, обрушился огонь. Невидимый враг наносил свои необычные и убийственные удары, напоминающие фейерверки, растворяя материал окружающих кораблей, атакуя армадцев. Но за ближайшими судами Беллис увидела, как в городе образуется нечеткий второй фронт. Она увидела неуправляемые беспорядочные атаки, услышала звук хаотической стрельбы.

Эти новые нападающие подбирались к тугому узлу кораблей причаленных внизу под ней, где большая часть стражников ждала команды отбить у врага «Ходдлинг». И тут она поняла, кто участвует в этой второй атаке, предпринятой изнутри города. Силы Саргановых вод неожиданно были окружены и атакованы вампирами Сухой осени.

Беллис растерянно оглядывалась, прижав ладонь ко рту и тяжело дыша. Она не понимала, что происходит. Что это — предательство? Месть? Мятеж под руководством Бруколака?

Она не могла уследить за вампирами — те перемещались, как в ночном кошмаре. Они собирались в группы, разделялись, перегруппировывались, двигались с убийственной скоростью.

С пугающим изяществом они опускались в какой-нибудь тупик, где им могли противостоять не больше пяти-шести вооруженных бойцов, и, ворча и роняя от нетерпения слюну, разделывались с ними со свирепой жестокостью: вонзали в горло твердые, как рога, ногти, впивались в противника хищными зубами, пока по подбородку не начинала сочиться кровь. После этого они исчезали, перепрыгивая через распростертые тела и устремляясь на новое место — бетонный блок, мостик, орудийную башню или развалины. Шурша, как ящерицы, они исчезали из виду.

Беллис не могла сказать, сколько их было. Куда бы она ни посмотрела, всюду шло сражение, но отчетливо она видела только бойцов Сарганових вод.

Она поняла, что Утер Доул теперь сосредоточился на вампирах. Она видела, как он, растолкав всех на своем пути, устремился на палубу «Гранд-Оста», чтобы оттуда оценить ситуацию. Он постоянно пребывал в движении, выкрикивал приказы, направлял подкрепления на разные участки. Потом он рванулся на корму древнего военного тримарана сбоку от «Гранд-Оста», застроенную кирпичными зданиями, где за висящим на веревках драным бельем Беллис увидела

жестокую схватку.

Это происходило всего в двух сотнях футов от нее, и Беллис видела там Доула. Она видела, как он соскользнул вниз по крутым мосткам и побежал, выхватив из ножен Меч возможного, который засверкал, став тысячью мечей-призраков. Она видела, как Доул исчез за раздуваемой ветром простыней, словно та поглотила его. Простыня раскачивалась на ветру, и из-за нее внезапно донеслись звуки.

Белоснежная простыня с противоположной стороны окрасилась в красное. Белая материя судорожно дернулась два раза, словно получив рану, а потом ее сорвало вниз — рухнувшее тело потянуло простыню за собой, ухватив мертвой хваткой, пятная кровью, превращая на ходу в подобие савана. Перед Беллис открылась жестокая сцена: Доул стоял среди множества раненых, которые с радостными криками пинали завернутое в простыню тело вампира.

Торжество было кратким. Магическая энергия расползалась по «Ходдлингу», как расплавленный жир по сковородке, и дерево и металл вокруг людей начали плавиться. Доул острием окровавленного меча направил обессиленных бойцов прочь с корабля.

Вампир, оставшийся лежать на палубе, был не единственным из павших. Большая часть боя оставалась вне поля зрения Беллис — мощеные улицы, строения, краны, аллеи приземистых деревьев перекрывали ей видимость. Но все же ей казалось, что там и здесь она видит погибающих вампиров. Они были ужасающе быстры и сильны, за ними оставался след поверженных тел, раненых и мертвых, но им противостояли превосходящие силы.

Они брали себе в союзники строения и тени, но не в силах были избежать всех пуль и ударов мечей, направленных на них. И хотя некоторые раны не могли убить их, как убили бы обычных мужчин и женщин, они причиняли им боль и замедляли движения. И конечно, были такие случаи, когда охваченные ужасом пираты окружали рычащего, огрызающегося вампира и обезглавливали его или рубили и кололи, уродуя кости и внутренности с таким остервенением, что даже необыкновенная способность вампиров к регенерации не могла им помочь.

Если бы вампиры были одни, то удержать их не составило бы особого труда, однако многие бойцы из Саргановых вод сражались с невидимым врагом на «Ходдлинге».

На воду спустили маленькие, низкие суденышки длиной до сорока футов, с пушками и огнеметами. Они понеслись через маленькую бухточку к кораблю-фабрике, чтобы прикрыть его с незащищенных сторон, окружить и защитить.

Но из воды вокруг «Ходдлинга» поднимались какие-то фигуры.

Море освещалось отблеском пламени и артиллерийского огня, и Беллис сквозь толщу воды в несколько футов видела очертания подводных тварей — пухлые тела, трясущиеся, как мешки с гнилым мясом, маленькие злобные свинячьи глазки, недоразвитые плавники-обрубки. Широко разинутые пасти были усажены неправильной формы футовыми зубами из полупрозрачной хрящевой ткани.

Они с сумасшедшей скоростью выскакивали из воды. «*Кто они такие, Джаббер милостивый?* — У Беллис от этого вопроса кружилась голова. — *Как это Бруколак управляет ими?*» Наступавшие на них бойцы дали залп, и твари снова исчезли в море.

Но когда маленькие суда приблизились и сидевшие в них бойцы перевесились через борт, чтобы прицелиться и выстрелить еще раз, произошло какое-то быстрое движение и стрелки

оказались за бортом. Ошеломленные, они тут же наглотались воды; мелькнули огромные зубы, и бойцы ушли под воду.

Армада раздиралась на части. Беллис слышала выстрелы и видела пламя на границе Сargановых вод и Сухой осени. К Сargановым водам приближалась толпа людей, и теперь происходили схватки между ними и подданными Любовников. Теперь уже шло сражение не между вампирами и городом, потому что известие о мятеже быстро распространилось среди армадцев и противники плана Любовников сражались заодно с вампирами. Хотчи бились своими хребтами о врагов, великаны-кактусы сходились друг с другом в уродливых схватках.

Сражение происходило без всякого плана. Город горел. Дирижабли в панике зигзагами метались по небу. Над схваткой возвышался «Гранд-Ост». Его темный металлический корпус был безмолвен, пуст и необитаем.

Беллис вдруг осознала странность происходящего. Она посмотрела на тримерму под собой и увидела, что канатный мостик, соединявший ее с «Гранд-Остом», был перерезан, как и другой мостик, который вел на соседнее судно.

Беллис изо всех сил вжалась в стену, чуть по-

далась вперед и выглянула из самой густой тени на главную палубу. Она увидела три нечеткие фигуры, двигающиеся с вампирской скоростью, — немертвые перерубали цепи и канаты, крепившие мостки к кораблю. Вот они перерубили крепление одного мостка и сбросили его в воду; конец мостка ударил в борт судна, к которому был прикреплен другим концом. После этого вампиры переместились к следующему мостку и проделали с ним то же самое.

У Беллис внутри все похолодело. Вампиры отрезали ее от города, ей грозила опасность остаться с ними на корабле. Она прижалась к стене, не в силах пошевелиться, словно примерзла ко льду.

Утер Доул на старом траулере под изъеденными плесенью свесами крыш разрубил мечом голову противнику и, отвернувшись от дела рук своих — рассеченного надвое визжащего существа, — возвысил свой голос над шумом схватки.

— *Где* этот треклятый Бруколак? — проревел он.

С этими словами он повернулся в сторону «Гранд-Оста» замер на мгновение, словно прислушиваясь к сказанному, и кинул взгляд в сторону парохода, его невидимой палубы, лабиринта коридоров, где он оставил Любовников, собравших

чрезвычайный совет с участием ученых, и глаза его расширились.

— *Боги милостивые!* — прокричал он и припустил со всех ног.

Беллис услышала чей-то голос.

Он прозвучал совсем близко от нее, за углом стены, к которой она прижималась, стоя у дверей надстройки. Она задержала дыхание, сердце у нее сжалось от страха.

— Вы понимаете? — услышала она. Голос был хрипловатый, гортанный. Бруколак. — Он где-то здесь — где точно, я не знаю, но у меня нет сомнений — вы его найдете.

— *Мы понимаем*. — Беллис закрыла глаза, услышав второй жуткий голос. Звучал он так, словно произносимые шепотом слова были случайным эхом, отраженным от липкой слизи. — *Мы его найдем,* — продолжал голос, — *и заберем то, что он украл, а потом уйдем, и аванк сможет плыть дальше*.

— Что ж, тогда я потороплюсь, — сказал Бруколак. — Мне еще нужно убить двоих.

Звук шагов стих. Беллис, преодолев страх, открыла глаза и чуть повернула голову. Она увидела Бруколака, ровным и быстрым шагом идущего к надстройке, под которой размещались

залы заседания «Гранд-Оста».

Беллис услышала, как открылась дверь, а потом раздались быстрые хлюпающие звуки. Пришельцы перевалили через порог и вошли внутрь.

Она вдруг поняла, что происходит, и от изумления чуть не потеряла равновесия. Прозрение наступило — она теперь знала, что это за пришельцы и что — кого — они ищут.

«*Так далеко?..* — подумала она, и голова у нее закружилась. — *Так далеко?*» Но сомнений у нее не было.

Сдерживая дыхание, чтобы бешеной гипервентиляцией не выдать себя, Беллис заглянула за угол, но никого не увидела.

Отчаянно пытаясь сообразить, что ей делать, Беллис услышала шуршание и множество страшных криков на кораблях внизу. Она не могла сдержаться и тоже испустила тихий крик при виде того, что совершила магия пришельцев, что теперь происходит с обитателями Армады. Она потрясла головой и застонала, видя кровь и искалеченные тела.

Еще один поток энергии с «Ходдлинга» пронесся по воздуху, и Беллис вдруг загорелась такой яростью, что ее всю затрясло. Страх никуда не делся, но это новое чувство было гораздо сильнее.

Оно было направлено на Сайласа Фенека.

«*Ах ты, сволочь!* — думала она. — *Ты проклятая глупая эгоистичная свинья! Посмотри, что ты натворил! Посмотри, что тут произошло по твоей милости!*» Она смотрела на бойню вокруг, так сжимая пальцы, что кровь совершенно отлила от них.

«*Я должна остановить это*».

И она вдруг поняла, как это можно сделать.

Она знала, что украдено, и знала, где оно находится.

Вампиры допиливали потертые канаты последнего мостка, соединявшего «Гранд-Ост» с другими судами, когда на ступеньках появился человек — он размахивал мечом. Вампиры в удивлении отступили назад и потянулись к своему оружию.

Утер Доул прыгнул на палубу. Ближайшая к нему вампиресса направила на него кремневое ружье, щелкнула языком и заворчала; клыки ее обнажились наподобие змеиных. Доул с презрительной легкостью обезглавил ее.

Два товарища убитой уставились на ее подошвы, отбивающие последнюю чечетку на настиле. Доул без колебаний направился к вампирам, и те бросились наутек.

— *Где Бруколак?!* — прокричал им вслед Утер

Доул.

Испуская при каждом ударе крик, Беллис со всей силы колотила по ручке и замку подсвечником, подобранным по дороге. Потом она засунула его в образовавшуюся трещину и стала действовать им как рычагом. Дерево трескалось, ломалось, но дверь была толстой и прочной, и, прежде чем замок поддался, прошло несколько шумных минут. Дверь распахнулась, роняя деревянную щепу, и Беллис издала победный клич.

В поисках статуэтки она распахнула шкафы Доула, пошарила под кроватью, обстучала паркетины. Статуэтки не оказалось ни в оружейном сундуке, ни в странном инструменте, который, по словам Доула, был изготовлен Призрачниками. Шли минуты, и Беллис едва не впала в отчаяние, представляя себе кровопролитие, происходящее снаружи.

Беллис нашла статуэтку неожиданно — она оказалась завернутой в тряпицу и покоилась на дне цилиндрической коробки, в которой Доул держал стрелы лука и арбалета. С неожиданным почтительным трепетом она прижала тяжелую фигурку к себе и понеслась по коридорам «Гранд-Оста», пытаясь сориентироваться на ходу. В поисках безопасного крыла старого корабля

она припоминала, где располагалась ее камера, и со своей ношей была похожа на мать, несущую ребенка.

Любовники находились в зале совещаний с теми немногими советниками, которых им удалось найти. Сражение началось всего час назад.

Любовница бессмысленно кричала на испуганных ученых, сообщая им, что Аум и Тиарфлай *мертвы*, и что-то *разрывает их город на части*, и они должны ответить, что *это* такое, *вступить в схватку*, и тут задвижка с дверей упала и дверь открылась.

В помещении воцарилось испуганное молчание; все головы повернулись — на пороге стоял Бруколак.

Он тяжело дышал в дверях; из широко раскрытого рта торчали страшные зубы. Бруколак попробовал воздух своим змеиным языком и обвел собравшихся желтоватыми глазами, потом махнул рукой, отделяя всех от Любовников.

— Уходите, — прошептал он.

Исход занял всего несколько секунд, и Бруколак остался с Любовниками наедине.

Они смотрели на вампира без страха, но настороженно, а он шел к ним.

— Эта история заканчивается сейчас, — про-

шептал он. Любовники, не произнеся ни слова, медленно разошлись, и теперь перед вампиром было две цели. Оба молча вытащили пистолеты. Бруколак встал так, чтобы ни один из них не смог пройти к двери.

— Я не хочу править, — сказал он, и в его голосе была слышна искренняя нотка отчаяния, — но эта история заканчивается сейчас. Это не план, это какое-то идиотское безумие. Я не позволю вам уничтожить город.

Он оскалился и присел, чтобы прыгнуть. Любовники подняли оружие, зная, что от него не будет никакого толку. Они мельком взглянули друг на друга, но тут же снова повернулись к Бруколаку, готовому атаковать.

— *Отойди в сторону!*

Это был Утер Доул. Он появился в дверях. Меч цвета кости сверкал в его руке.

Бруколак не повернулся, не отвел взгляда от Любовников.

— Я знаю о тебе кое-что, Утер, — сказал он. — Одно теперь точно знаю. Армада — твой дом, и этот дом нужен тебе. И я знаю, как бы ты там ни врал, говоря о *преданности* — на секунду его голос стал резким, — единственное, чего ты не предашь, это город. Но ты знаешь: *они* его уничтожат.

Он замолчал, словно в ожидании ответа.

— Сдавайся. — Больше Доул ничего не сказал.

— Если этот сраный Шрам и в самом деле *существует*, — прошептал Бруколак, все еще не поворачиваясь, — и если они доберутся туда, а мы каким-нибудь чудом доживем до этого дня, тогда они уничтожат нас. Мы не какой-нибудь экспедиционный отряд и не *поисковая партия*. Это город, Утер. Мы живем, мы покупаем и продаем, мы крадем, мы торгуем. Мы — *порт*. Мы *не* ищем *приключений*. — Он повернулся к Утеру Доулу и язвительно посмотрел на него. — Ты это знаешь. Поэтому-то ты и прибыл сюда, будь я проклят, Утер. Потому что устал от *приключений*… Давай разумно порассуждаем… Нам ни к чему этот долбаный зверь. Нам не нужно тащиться на край света — никогда не требовалось. Не в том дело, что какой-то хер сто лет назад создал эти цепи. Дело в том, что они *не использовались*. И если мы останемся в живых, то, пока мы пристегнуты к этому треклятому аванку, эта парочка затеет еще какое-нибудь путешествие, а потом еще, пока не погубит всех. Это не наша логика, Доул, Армада живет по другим правилам. Не для этого мы пришли сюда. Я не позволю им завершить начатое.

— Бруколак, — сказал Доул, — это будешь ре-

шать не ты.

Глаза вампира медленно расширились, на лице проступили резкие морщины.

— Боги!.. Ты же знаешь, что я прав, Утер, ведь знаешь? Я же вижу по тебе. Так что же ты делаешь? — прошипел он. — Что ты задумал?

— Немертвый, — тихо сказал Доул. — Тебе *придется* отойти.

— Ты так думаешь, живец Доул? — прошептал Бруколак. Голос его осип от едва сдерживаемого гнева. С его торчащих зубов стекали вязкие струйки слюны. Он сжал кулаки, раздался хруст костей. — Ты так думаешь? Ты превосходный солдат, живец Доул. Я видел, как ты сражаешься. Я и сам *сражался бок о бок с тобой*… Но мне больше трехсот лет, Доул. Ты убил двоих-троих моих помощников и уже решил, что можешь справиться и *со мной*? Я убийством проложил себе тропу в этот город, когда тебя еще и на свете не было. Я завоевал мой квартал огнем и мечом. Я пролил столько крови, что ни один живец и не видел… Я Бруколак, и твой меч не спасет тебя. Неужели ты в самом деле думаешь, что можешь совладать *со мной*!

Коридоры «Гранд-Оста» были совершенно пусты. Беллис петляла по этим проходам, потом по

лестнице бросилась к тюрьме — ее шаги возвращались к ней эхом.

Даже помещение перед камерой Фенека было пустым — охранники, как и все другие, были призваны на защиту Саргановых вод. Беллис внезапно поняла, что в этом и состояли условия сделки. Условия договора. Пустые коридоры — вот что обеспечил Бруколак для пришельцев.

У камеры Фенека оставались только два мага, но они были мертвы. Беллис, приблизившись к телам, увидела, что кровь все еще сочится по полу. Мужчина пытался прибегнуть к магии, и из его пальцев, сведенных предсмертной судорогой, исходили и затем рассеивались энергетические дуги. Женщина рядом с ним была рассечена надвое.

Беллис от страха, подступавшего к горлу тошнотой, стала двигаться неуклюже. Она помедлила перед входом в камеру, стоя в луже крови, рука ее замерла на полпути к двери. Она боролась с собой, не зная, что делать дальше.

«*Брось ее здесь — и все дела,* — говорила какая-то ее часть. — *Оставь у двери и беги, уноси отсюда ноги*». И в эту секунду она услышала крик изнутри, жуткий вопль, исполненный ужаса и отчаяния. Беллис откликнулась на него, вскрикнув

в испуге, потом толкнула дверь и вошла внутрь.

— *Вот она!* — воскликнула Беллис, сдергивая тряпку с гаденькой статуэтки и протягивая ее, как подношение. — *Прекратите! Вот она — у меня. Хватит! Забирайте ее и уходите!*

В дальнем конце комнаты, отделенной от нее решеткой, она увидела Сайласа Фенека, который отползал назад, снова испуская вопли и пытаясь забраться в угол камеры. Он даже не посмотрел на нее. Он перебирал ногами и руками, как ребенок, застыв в ужасе, вперившись в то, что явилось к нему.

С жуткой неторопливостью, повернув голову в вязком воздухе, Беллис проследила за взглядом Фенека, и ноги ее чуть не подкосились, по телу прошла судорога — она увидела гриндилоу.

Их было трое, и они смотрели на нее.

Их выступающие челюсти с торчащими зубами замерли в бессмысленных гримасах, большие глаза были совершенно черны и смотрели, не мигая. Руки и грудь были похожи на человеческие; под серо-зеленой и черной кожей, отливающей так, словно она была смазана слизью, ходили мощные мускулы. Сужаясь к талии, тела гриндилоу переходили в плоские хвосты — в несколько раз длиннее туловища, что делало их похожими

на огромных угрей.

Гриндилоу плавали в воздухе, извиваясь всем телом, а их длинные хвосты закручивались по-змеиному. Как ныряльщики, они двигали руками в каком-то беспорядочном танце, сжимали и разжимали перепончатые когти, управляя таким образом своей плавучестью.

Они были абсолютно спокойны. Жуткие лица их были повернуты к Беллис, которая стояла, словно загипнотизированная их неторопливым постоянным беззвучным движением. Тела гриндилоу находились на одном уровне с ней, а хвосты молотили по воздуху, поддерживая туловища над полом.

Один из них, заляпанный пятнами человеческой крови, был украшен множеством ожерелий с камнями и костями.

«*О, боги и Джаббер, вы только посмотрите на них,* — подумала Беллис в каком-то оцепенелом неистовстве. — *Вы только посмотрите на них. Забрались так далеко…*»

Гриндилоу ждали.

— Вот… — сказала Беллис дрожащим от страха голосом. Она протянула им статуэтку, цепко сжимая ее, чтобы та не выпала из дрожащих рук. — Это то, что вам нужно, — прошептала

она. — Я ее принесла. Так что теперь можете оставить Армаду. Вы можете уходить.

Холодные и спокойные, как глубоководные рыбы, гриндилоу только смотрели на нее, размахивая своими хвостами.

— Пожалуйста, возьмите ее, — сказала Беллис — Я принесла то, что у вас украли. Возьмите ее и уходите. Возвращайтесь в Дженгрис.

«*Оставьте нас в покое,* — молила она. — *Не трогайте нас*». Статуэтка оттягивала ее вытянутые руки.

Резко взмахнув хвостом, гриндилоу с ожерельями подплыл к ней по воздуху. Теперь он мог дотянуться до нее рукой.

Беллис вздрогнула всем телом, услышав крик Сайласа Фенека:

— Беллис, убирайся!

Гриндилоу повернул к ней свою удивительную голову: кровь, опровергая силу тяжести, растекалась по ней во всех направлениях. Неторопливо зевнув, гриндилоу открыл пасть.

Беллис вздрогнула, издав крик. Но тут из горла гриндилоу донесся низкий, хрипловатый кашель. Капельки крови с его зубов падали на статуэтку в руках Беллис. Потом снова раздался кашель, потом снова, в точно выверенном ритме: *ахм*…

ахм… ахм…

Гриндилоу смеялся.

Жуткая, неумелая пародия на человеческий смех.

Гриндилоу смотрел на Беллис не мигая, и она опустила трясущиеся руки. Гриндилоу щелкнул зубами, издав каменный звук, потом снова раздвинул губы и заговорил с раскрытым и неподвижным ртом — горло его шевелилось с точностью человеческих губ.

— *Ты думаешь, это?* — раздался ровный, абсолютно бесстрастный шепот. — *Ты, женщина, думаешь, что было украдено это? Ты, женщина, думаешь, что ради этого мы пересекли мир?.. Мы, сестробратья, пересекли мир, начав путь из холодных темных глубин озера, из пищевых башен и кадок, из водорослевого дворца, из Дженгриса. Мы нашли это место за два четыре восемь много тысяч миль, много тысяч. Усталые и голодные и очень злые. Много месяцев. Мы, сестробратья, сидели и ждали под вашим городом, и охотились, и наконец дознались и все время искали этого человека. Этого грабителя, вора. Ради этого?*

Гриндилоу стал раскачивался перед Беллис вперед-назад, наблюдая за ней и продолжая указывать на фигурку.

— Ты думаешь, ради этого мы пришли? Ради этой каменной штуки? Нашего волшебного плавника? Ты думаешь, что мы, как недоумки, пресмыкаемся перед каменными идолами? Перед всякими глупыми безделушками? — Гриндилоу сделал хватательное движение, и Беллис испуганно отдернула руку, отпустив статуэтку, словно та жгла ей пальцы. Гриндилоу подхватил фигурку, прежде чем она начала падать. Он взвесил ее в руке, поднес к лицу, погладил свою щеку кожистым плавником.

— В этом есть своя правда, но чтобы ради нее? — Из горла вырвался выдох. — *Ты думаешь, мы, дети, мы, сестробратья, пересекли мир ради этой могущественной игрушки?*

Преувеличенно размашистым, замедленным движением гриндилоу завел руку за спину и демонстративным жестом раздраженно швырнул статуэтку. Летела она, вероятно, очень быстро, но Беллис четко видела ее полет в направлении решетки — ручки обхватили подвернутый хвост, с отталкивающей затейливостью высеченный из камня, вульгарный рот сморщился в готовности, единственный глаз смотрит на Беллис с холодной насмешкой.

Фигурка с громким звуком ударилась о металл

и разбилась.

По комнате разлетелись осколки и холодные капли чего-то похожего на масло.

Беллис ошарашенно смотрела. Она видела, как упали обломки, и почувствовала, как что-то завибрировало в воздухе и вылетело прочь.

Гриндилоу, не обращая внимания на разлетевшиеся осколки, заработали хвостами и приблизились к Сайласу Фенеку за решеткой.

— *Мы нашли то, что было украдено у нас,* — прошептал гриндилоу, продолжая двигаться — с трудом, будто воздух оказывал ему сопротивление.

Добравшись до решетки, он раздвинул прутья, словно стебли водорослей, развел их так, что они чуть не разорвались на отдельные волокна. Но прутья выдержали, и, когда гриндилоу прошел сквозь брешь на другую сторону, они сошлись и опять стали прочными и прямыми. Гринднилоу замер над Сайласом Фенеком, и тот забился в его тени.

Беллис не могла смотреть на такое унижение Фенека.

Она и представить себе не могла, что он способен испытывать такой страх.

— *Мы нашли то, что у нас взяли,* — пробормо-

тал гриндилоу и, заведя наверх свои острые, как ножи, когти, с силой опустил их вниз.

Беллис не услышала ни крика, ни характерного звука рвущейся плоти, открыла глаза и увидела, что гриндилоу разодрал тряпки, лежащие на полу, словно сброшенная шкура, и из-под них вытащил записную книжку Фенека.

Беллис хорошо помнила ее — толстая, в черном переплете, распухшая от закладок. Ей пришли на память листы, исчерченные непонятными линиями, гелиотипы, неумелые наброски, записи, вопросы, заметки.

Гриндилоу медленно перелистывал страницы. Время от времени он поворачивался и подносил к решетке страницу, показывая Беллис что-то, ничего ей не говорившее.

— *Салповые кадки. Фермы оружия. Замок. Наша анатомия. План-справочник по второму городу. А вот здесь,* — сказал он со смутным торжеством, — *карты побережья. Горы между океаном и морем Холодный Коготь. Где наша оборона. Где трещины, где горы слабее всего.*

И тут что-то шевельнулось в мозгу Беллис, забрезжило понимание.

— *Ты, вор, хотел сказать своим хозяевам, где лучше всего копать?* — спросил гриндилоу.

Оберегая свою культю, Фенек попытался отодвинуться подальше.

Беллис смотрела на страницу, открытую гриндилоу. Она уже видела ее несколько месяцев назад — в своей комнате, в Крум-парке. Какие-то каракули, похожие на схематические изображения механизмов, красные силовые линии, полоски, заштрихованные чернилами и изображающие различные типы породы. Секретные позиции Дженгриса в районе Холодного Когтя, тыльные траверсы и защитные сооружения. Ловушки.

Беллис, словно холодной водой, обдало пониманием. Она вспомнила разговор, состоявшийся у нее с Фенеком, когда они только стали близки. Вспомнила его рассказы, необычайные повествования о его путешествиях. Вспомнила, что он ей говорил.

Если вам удастся пересечь Холодный Коготь, добраться до островов и дальних берегов, если вам удастся пересечь эти мили невыносимого ландшафта и добраться до копей Шаттерджекса и Хинтера, найти этих существ, жадных до товаров, и эти нетронутые пространства, полные ресурсов, то вам повезло. Но большинству это не по силам, потому что этот маршрут ужасен, потому что вам

не подойти туда с юга, потому что Дженгрис контролирует южную оконечность моря Холодный Коготь и не пропустит никаких чужаков.

«*Но что, если вам все же удастся добраться туда с юга,* — подумала Беллис, — *добраться, идя напрямик? Не с черепашьим задроченным пешим караваном, который оставляет за собой в горах и полях, как помет, товары, машины и людей, а на корабле. Что, если бы можно было безопасно проплыть из Нью-Кробюзона через Дженгрис и прямо на север?*»

— Боги милостивые, — пробормотала она, уставясь на Фенека. — Канал. Они планируют прорыть канал.

Тогда все обретало смысл. Перемычка между пресноводьем Холодного Когтя и Вздувшимся океаном местами не превышала в ширину тридцати — сорока миль, а ее хребты перемежались долинами. Беллис представила себе масштаб работ. Да, проект громадный, но игра стоила свеч.

Корабли плывут на север из Железного залива, огибают неприветливую береговую линию Зарослей Луббока и Бежека, потом направляются в море, чтобы обойти развалины Суроша и остатки Вихревого потока, затем идут по проливам между Пиратскими островами и материком, а

там в неделе пути на север от Нью-Кробюзона, по левому борту на западе поднимаются кремневые хребты, что защищают море Холодный Коготь.

Но теперь они уже не непроходимы. Проломлены.

Широкий туннель пробит от подножия горной долины. Высокие корабли и пароходы величественно проходят ущельями и горами.

И на нем будут шлюзы. Огромные шлюзы по всей длине канала, которые будут поэтапно поднимать соленую воду; массивные деревянные ворота; точный инженерный расчет. Корабли по этим громадным ступеням будут постепенно подниматься к Холодному Когтю. Они будут восходить по каналу, и океанские ракушки, прилепившиеся к их днищам, будут слабеть и погибнут, когда вода станет пресной.

И до каких пор будут идти?

Пока не выйдут на простор.

Скальные массивы расступаются перед кораблями, и те оказываются на глубоководье пресноводного моря — моря Холодный Коготь.

Возможно, бумаги Фенека, его исследования предусматривали сооружение прохода, который начинался бы к северу от Дженгриса в широкой его части. И торговцы, натуралисты и солдаты

Нью-Кробюзона могли бы игнорировать гриндилоу, беспечно плыть мимо гриндилоу, не обращая на них внимания, а те бесились бы, жалкие и никчемные, в своем закутке на юге.

Но этого, безусловно, было мало. В книжке Фенека хватало тайно и тщательно собранных подробностей о стратегии гриндилоу, об их оружии и планах. Возможно, любое проникновение кробюзонцев в эти края привело бы к войне, и Фенек собрал информацию, которая гарантировала его хозяевам победу.

Для Нью-Кробюзона открылась бы целая россыпь мест, которые до недавнего времени оставались всего лишь легендой. А дальше — рост торговли, приобретение колоний и все, что из этого вытекает. Беллис вспомнила слышанные ею рассказы о Нова-Эспериуме, о богатствах и жестокости.

Что бы ни случилось, но монополия гриндилоу на страх в море Холодный Коготь была бы нарушена. Кробюзонский канал стал бы прологом к свободному соревнованию держав, а из него победителем, скорее всего, вышел бы Ньо-Кробюзон.

Беллис в удивлении покачала головой. Значит, это была не театральная романтическая выходка. Кража Фенека была тщательно спланирована,

был проведен профессиональный кропотливый анализ всех «за» и «против». И насколько яснее стало все, что касалось гриндилоу. Теперь они предстали перед ней не мстительными страшилами из тех рассказиков, что она читала Шекелю, нет. Их мотивы теперь становились понятными. Они защищали источник всей своей мощи, свои интересы, свое существование.

— Так эта статуэтка была просто игрушкой, верно? — спросила Беллис, и, хотя ужас обуял Фенека, он на миг поднял глаза и встретился взглядом с Беллис. — Маленькой наградой для тебя? Нью-Кробюзон не за ней тебя посылал, и не за ней сюда заявились гриндилоу… Ты проводил исследование *выполнимости проекта*…

Он мог бы отправить этот блокнот домой. Он мог бы спрятать эти бумаги в посылку, которую вручил Беллис, чтобы она, идиотка, послужила для него курьером, но тогда его хозяева не отправились бы спасать его. Поэтому он хранил свои записи, зная их истинную цену, зная, что за этими каракулями Нью-Кробюзон пошлет свой флот на другой конец света.

Но им не удалось спасти ни его, ни его драгоценные записки. Теперь не будет никакого канала, подумала Беллис, наблюдая за гриндилоу. Пока

не будет.

Фенек бормотал что-то нечленораздельное. На мгновение Беллис показалось, что у него приступ и он бредит, но потом она поняла, что он говорит на некой облегченной, человеческой разновидности языка гриндилоу. Он прижался к стене, ища в ней опору, и предлагал что-то, сдерживая панику. Умолял, подумала Беллис, сохранить ему жизнь.

Но гриндилоу теперь получили то, что искали, а ему нечего было им предложить.

Существо, нависавшее над ним в камере, подняло когти и заговорило медленно и громко на своем языке, и Сайлас Фенек издал вопль.

Беллис почувствовала струю воздуха у себя на лице — тела двух других гриндилоу начали извиваться, от их плеч пошел импульс через плотные животы к удлиненным хвостам. С такой же морской внезапностью, что и первый гриндилоу, они направились к решетке. Их главарь сделал магические пассы руками, и металл брусьев снова стал плавким, и они просочились на другую сторону.

Когда трое гриндилоу окружили его, Фенек начал визжать громче.

Жуткая тошнота подступила к горлу Беллис

— она была уверена, что сейчас с Фенеком расправятся на ее глазах, она услышала свой слабый протест. «Хватит», — подумала она.

Но гриндилоу схватили его, и он закричал, колотя руками и ногами, но они легко сграбастали его своими замысловатыми, жестокими пальцами и, соединившись в какой-то беспокойный, бесформенный клубок, скрутили его узлом и начали поднимать.

Они висели в воздухе. Крики Фенека становились все глуше. Ноги его не касались пола. Гриндилоу несли его по маленькой камере, оплетя собственными конечностями и толстыми угреобразными хвостами.

Старший гриндилоу крепко держал одной рукой записную книжку. Другую руку он высвободил на мгновение, разъединившись со своими товарищами и пленником, и сделал пасс в направлении самого большого иллюминатора в стене маленькой тюрьмы. Беллис услышала, как зловеще загремели кости, висевшие у него на шее.

Стекло в иллюминаторе покрылось рябью так, словно было жидким, словно то был спокойный прудик, в который бросили камень, и, когда стекло начало плавиться, Беллис поняла, что на уме

у гриндилоу. Она заставила себя выйти из оцепенения — бесчувственного отвращения, шока и ужаса — и, метнувшись к двери, поскользнулась на крови.

Она услышала крик Фенека, а потом слюнявое восклицание и хлюпающий звук — старший гриндилоу приложил свой большой рот ко рту Фенека, разрывая кожу его лица острыми зубами и вдыхая в Фенека воздух; в этот момент взорвалось стекло в иллюминаторе, и море хлынуло внутрь.

Через несколько секунд воды на полу было по щиколотку, и она продолжала прибывать. Беллис онемевшими пальцами вцепилась в ручку двери — чтобы ее открыть, нужно было преодолеть напор воды. Беллис потащила дверь на себя и на полсекунды обернулась, стоя на пороге; юбка влажно обволакивала ее ноги, холодная вода, леденя кожу, потоком лилась мимо нее в коридор.

Гриндилоу всплыли и замерли в этом океанском фонтане. Рука Фенека высунулась из этой плотной кучи, пальцы на ней сжимались и разжимались. Уровень воды под ними повышался, и, выбрав момент, троица гриндилоу, тесно, невероятно тесно переплетясь, резко и синхронно махнула хвостами и с головокружительной ско-

ростью метнулась по воздуху к иллюминатору, затем без остановки проскочила сквозь него, унося в море Фенека и то, что было похищено у них, — информацию, тайны.

Беллис повернула замок на двери, отсекая от остального корабля комнату, в которой был выбит иллюминатор, а в коридоре уже плескалась вода. Тонким слоем ходила туда-сюда, в соответствии с качкой «Гранд-Оста».

Беллис прислонилась к стене, потом сползла на пол; вода омывала ее бедра и ягодицы, но она ничего не чувствовала, потому что ее трясло. Она не плакала, но, по мере того как адреналин растворялся в ее теле, непроизвольно испускала какие-то звериные хрипловатые крики, а потом ее вырвало — весь накопившийся в ней страх гейзером вырвался наружу.

Она долго просидела так.

Где-то там в ночи, в холодных и темных водных глубинах, был Сайлас Фенек. Унесенный для допроса или жестокого наказания. Живой.

Беллис долго выбиралась из тюремного отсека «Гранд-Оста». Она упрямо искала обратный путь, а мокрая просоленная юбка натирала ей кожу. Она изо всех сил старалась ни о чем не думать.

Она никогда не чувствовала себя такой усталой, такой замерзшей.

Выйдя наконец на ночной воздух и оказавшись под неторопливо покачивающимся старинным рангоутом, под огромными металлическими мачтами, она испытала какое-то тупое удивление — здесь царила тишина, прежняя тишина.

Беллис была одна. Все еще слышались крики и треск огня, но доносились они откуда-то издалека.

Тяжело дыша и медленно ступая, Беллис дошла до борта, села, прислонилась головой к перилам, потерлась о них щекой, закрыла глаза. Когда она снова открыла их, то поняла, что перед ней «Ходдлинг». Очертания пузатого корабля в ее глазах стали четкими. Пожар на нем прекратился.

От его стен больше не исходили потоки странной энергии. Морские уродины больше не перекрывали доступ к «Ходдлингу» наподобие крепостного рва. На его палубах находились люди: двигались они без горячечной спешки — как-то устало и обреченно.

Беллис увидела волны, бьющиеся о борта города, и своим бессознательно обострившимся чутьем поняла, что Армада снова движется.

Очень медленно, пока что не быстрее, чем

силой множества буксиров. Но Армада снова пришла в движение. Аванк поплыл, боль в его ране отступила.

Гриндилоу исчезли.

(*И Сайлас жив.*)

Цепляясь за перила, Беллис пошла в направлении громадного носа «Гранд-Оста», а когда обогнула ряд низких кают, до нее донеслись звуки. Впереди были люди.

Она окинула взглядом Сарганову воды, Сухую осень, Джхур, Книжный город. Звуки сражения стихали. Уже не слышно было, как перемещаются большие скопления народа, как барабанным боем гремят ружейные выстрелы. Лишь изредка — резкие крики и звуки одиночных схваток.

Сражение шло на убыль. Мятеж был подавлен.

Она не слышала победных речей мятежников или властей: ничто не говорило о том, какая сторона взяла верх. И все же, обогнув последнюю стену и увидев сцену на баке «Гранд-Оста», она не испытала удивления.

По краям палубы с мрачными лицами стояли горожане всех рас, раненные и заляпанные кровью. Оружие они держали наготове.

Перед ними лежала гора трупов. Многие убитые были обезображены, их грудные клетки

вскрыты, внутренности выжжены или выпотрошены. Большинство было обезглавлено, головы валялись повсюду на палубе — все с открытым ртом, клыкастые, с раздвоенными длинными языками.

Вампиры. Десятки вампиров. Побежденные. Поверженные и наказанные. Когда с исчезновением их таинственных союзников дела приняли иной оборот, вампиры оказались перед превосходящими силами противника, и спонтанные выступления в их поддержку сошли на нет. Без поддержки граждан их квартала, без широкого заговора они были обречены. Бойцы Сарганових вод утратили страх перед нападавшими, и оказалось, что в отсутствие своей истинной причины ужас обречен.

Беллис услышала какое-то слабое движение наверху. Подняв взгляд на переднюю мачту корабля, она испытала шок. «*Ох… вот что произошло, когда все закончилось*», — подумала она.

Вот тогда-то бруколаковские подручные и проиграли. После этого они не могли победить. Когда там, наверху, взметнулся этот жуткий вымпел, страх, который они навевали на всех, рассеялся, как туман.

С запястьями и лодыжками, крепко стянутыми

прочным канатом, издавая жалкое рычание, вывесив наружу, словно мертвое животное, длинный язык, измазанный собственной кровью, которая испачкала его зубы и губы, в десяти футах от палубы на рее был распят Бруколак.

ГЛАВА 45

Когда забрезжил рассвет, Бруколак нашел в себе силы закричать.

Солнце обожгло его. Он закрыл глаза и тщетно потряс головой, пытаясь спрятать глаза от света. Кожа его начала покрываться пятнами, словно облитая едким хемическим веществом. Лицо вампира, прежде смертельно бледное, покраснело и покрылось пузырями, загноившимися на дневном свету.

Он трепыхался на мачте, уродливо дергаясь, как выброшенная на берег рыба. Силы покидали его; время от времени он издавал тихие мучительные стоны.

Он был настолько силен, что солнце не могло убить его сразу, однако оно понемногу калечило его тело и, самое главное, причиняло жестокие страдания. По прошествии двух часов после восхода он потерял сознание и замолк. Слюна и яд капали из его рта, разъедая палубу.

Солнечный свет обжег и плоть его убитых помощников. С приходом дня десятки бездвижных тел покрылись пузырями, обесформились. С наступлением темноты их сгребли в одну кучу и

выбросили в море.

Вечер был для вампира как бальзам. Боль очень медленно стала уходить, и он с трудом открыл глаза, залитые слизью и гноем. Тело его стало восстанавливаться, однако повреждения, причиненные солнцем, были велики, и только к полуночи он смог заговорить.

На его жалкие хрипы никто не обратил внимания. Никто не подошел к нему, никто не покормил. Конечности его были скованы судорогой и болью. Целую ночь он молил о помощи или жалости, пытался угрожать. Но слова его разносились вокруг отчаянным звериным воем, а время неторопливо шло, и Бруколак увидел, как тьма на востоке рассеивается.

Его раны только стали залечиваться, но все еще кровоточили, когда выглянуло солнце и запустило в них свои палаческие лучи-пальцы — снова взошел день, будто провернулась шестеренка в каком-то безжалостном механизме.

Началась несуетливая уборка. Ремонтные бригады поднялись на охлаждающийся «Ходдлинг», чтобы оценить ущерб и понять, что еще можно сохранить.

Жар изменил форму целых помещений и коридоров, края которых стали текучими. Повсюду

лежали мертвые тела — целые и изуродованные.

В Саргановых водах и в граничащих с ними частях соседних кварталов последствия сражения заявляли о себе битым стеклом, отверстиями от пуль, пятнами крови на улицах. Весь мусор был собран и отправлен на переработку или измельчение.

Сторонники Саргановых вод патрулировали улицы. В Баске и Дворняжнике стояла тишина. Их власти ничего не знали о мятеже и, парализованные страхом, выжидали, наблюдали за ходом сражения, тщательно оценивая силы противников, и были готовы присоединиться к восстанию, если Сарганова воды станут терпеть поражение. Но поражение потерпели вампиры. И теперь власти Баска и Дворняжника в страхе перед Любовниками были тише воды, ниже травы. Они смирились.

Генерал Шаддлера был мертв — убит вампирами, взявшими его в заложники; узнав, что их правитель пленен, они запаниковали и прикончили генерала. Их тоже, в свою очередь, убили — ценой немалых потерь для струподелов. Вдоль стен Курганного дома стояли большие изваяния, слепленные из темно-красных напластований: то была застывшая кровь струподелов.

Никто не знал в точности, сколько вампиров входило в отряд Бруколака, и никто не знал в точности, сколько их было убито. Несомненно, кто-то из них остался. Потерпев поражение, они, вероятно, ушли в подполье, стали неотличимыми от других граждан. Они могли осесть в развалинах, поселиться в ночлежках. Их было не выследить.

Теперь при добыче пропитания им нужно было проявлять осторожность. Им нужно было быть избирательными, холодными и жестокими — они теперь не могли оставлять жертву в живых. Потому что если их обнаружат, — а бойцы Сарганових вод дали страшную клятву, что найдут всех вампиров, — то непременно убьют.

Страх перед вампирами исчез.

А тем временем главный предатель, сам Бруколак, висел на своем металлическом кресте, медленно умирая от голода и палящих солнечных лучей.

Аванк бессмысленно и неторопливо продолжил свой путь. Но двигался он по-прежнему медленно, и скорость его стала неустойчивой. Он плыл и тащил за собой город, ускорялся и замедлялся, но никогда не достигал скорости, с которой шел прежде.

Шли часы и дни, и штурманы пришли к выводу,

что раны аванка, полученные при таинственных обстоятельствах, известных только узкому кругу армадцев, не залечиваются. Аванк терял кровь и слабел.

Никаких мер против граждан Сухой осени не предпринималось — Любовники объявили их невиновными в преступлении правителей. Была даже объявлена амнистия для тех, кто участвовал в мятеже. Время настало сумбурное — правили Любовники, и никто давно уже не понимал что происходит; все смешалось в Армаде. Любовники говорили, что настало время объединиться и отыскивать виновных ни к чему.

Тем не менее Сухую осень усиленно патрулировали стражники и вооруженные граждане Саргановых вод. Жители Сухой осени с негодованием смотрели на эти патрули со своих порогов, пряча царапины и раны, полученные в ту ночь; они не очень-то доверяли милосердию Любовников.

В ту ночь, словно дым от пожаров, что-то расползлось по городу, и остались — мучительная неуверенность, ненависть. Заражены этим оказались даже многие из тех, кто, не жалея жизни, сражался с Бруколаком.

Кровь, насилие и страх — вот к чему привел

план Любовников. После столетий мира Армада пережила две войны в течение тридцати дней, и одну из них — гражданскую. Под неистовым напором Любовников рухнули дипломатические традиции Армады, порвалось полотно взаимных обязательств и интересов, и город оказался разорванным на части.

Любовники всё подчиняли своим поискам неведомой силы Шрама. Это был разрыв с прежними традициями Армады — торгового города; решимость такого рода, поход такого рода подчинялись другой, более древней логике. Граждане Армады были пиратами, и, по мере того как они осознавали план Любовников, росло их недовольство. Любовники предлагали им не грабеж или ростовщичество и даже не тактику выживания. Это было что-то совершенно новое.

Пока Армада переживала хорошие времена, пока росла ее мощь, пока одна невероятная победа следовала за другой, Любовникам удавалось поддерживать энтузиазм граждан своей риторикой и упорством.

Похищение «Сорго» стало величайшей военной победой в недавней истории города, и все видели, что мощь Армады после этого возросла, что их корабли и двигатели теперь были лучше

обеспечены топливом. Когда был вызван аванк, Любовники говорили о древних цепях, о выполнении тайных заветов Армады, о ее исторической миссии, о том, что теперь можно быстро перемещаться от порта к порту, об успешных поисках добычи по всему миру.

Но теперь оказалось, что все это обман. Настоящей целью был этот малопонятный поход. И хотя это предприятие все еще приводило в восторг тысячи армадцев, тысячи других, превосходившие их числом, не проявляли никакого энтузиазма, и все больше граждан чувствовали себя обманутыми.

Теперь, когда аванк был так слаб (а это видели все), даже истинная цель всего затеянного — поиски Шрама — становилась более чем сомнительной. Если аванк и дальше будет терять скорость, то кто знает, чем все это кончится?

После мятежа Бруколака, гибели граждан и, как следствие, утраты доверия к Любовникам атмосфера в Армаде была неважной и продолжала ухудшаться. Преданные властям патрули Саргановых вод чувствовали растущую враждебность, ненаправленную злость даже в своем квартале.

Убиты были сотни армадцев — кто раскроен пополам, кто попал под перекрестный огонь, кто

был укушен, парализован и обескровлен вампирами, кто похоронен под обломками зданий, сгорел в огне, был забит до смерти. Убитых было гораздо меньше, чем в сражении против Нью-Кробюзона, однако скорбь по этим погибшим была гораздо сильнее. Эта война была гражданской, в которой сосед убивал соседа, и теперь люди впали в оцепенелое негодование.

Некоторые мельком видели гриндилоу, некоторые понимали, что Бруколаку было не по силам остановить аванка или деформировать реальность магическими взрывами. Но во всей Армаде только горстка граждан знала правду о заключенной сделке. По большей части люди неопределенно и немногословно говорили о странной магии вампиров, предпочитая не входить в подробности.

Гриндилоу появились и ушли, а те, кто их видел, понятия не имели, что они собой представляют. Их появление осталось необъяснимым, к тому же гражданская война вытеснила воспоминания об этих пришельцах.

Сотни армадцев были мертвы, убиты своими же.

Круах Аум погиб. Беллис не переживала из-за этой смерти — Аум выводил ее из себя своим

мизантропическим спокойствием и своими мозгами, работавшими, как разностная машина, — Беллис даже находила какой-то смысл в его гибели.

Беглец с острова-тюрьмы, отгороженного от мира собственной историей, он оказался в самом необычном из городов Бас-Лага, где его использовали так же безжалостно, как до этого власти Кеттая, и убит он был при исследовании того существа, которое сам же помог вызвать. Что за странная, беспросветная жизнь.

Иоганнес Тиарфлай погиб. Беллис удивилась, настолько эта смерть ошеломила ее. Она была воистину опечалена, воистину скорбела в связи с его гибелью. Она вспоминала Иоганнеса, и у нее начинало першить в горле. Смерть его была такой жуткой; как это, наверно, было страшно — холод, мрак, теснота, немыслимая глубина. Она вспоминала, как он готовился к спуску, вспоминала его волнение и нетерпение. Что ж, для труса он вел себя вовсе неплохо.

Шекель погиб.

Это потрясло Беллис.

На следующий день после мятежа она в каком-то ступоре бродила по местам схваток — ноги немного окрепли, и она смогла двигаться.

Никто не препятствовал этим ее прогулкам среди развалин и трупов; она шла, оставляя за собой кровавые следы.

На одном из рыболовных судов рядом с полуразрушенным «Ходдлингом», у деревянного складского сооружения, нависавшего над залитой кровью мостовой, Беллис увидела Флорина Сака. Он стоял, сложившись чуть не пополам, у стены. Рядом с ним была Анжевина, переделанная: на ее грязном лице слезы проложили светлые бороздки.

Беллис все сразу поняла, но уже не смогла остановиться — подбежала, прижав руки ко рту, переживая вместе с Флорином Саком его горе. Как она и предполагала, на коленях у него лежало тело Шекеля. Выпотрошенное. Шекель выглядел ошеломленным, пораженным тем, что с ним случилось.

Воспоминания о нем одолевали Беллис. Она ненавидела их. Она ненавидела печаль. Она ненавидела это чувство горя, *удивление*, которое испытывала, представляя его мертвым. Мальчишка был очень симпатичен Беллис.

Но больше всего ненавидела она чувство вины, овладевшее ею. Она использовала его. Конечно, без всякого злого умысла, но все же использовала.

Она подспудно чувствовала, что, если бы не она, Шекель был бы жив, и это терзало ее. Если бы она не взяла у него эту книгу и не воспользовалась ею, если бы она выкинула ее в жопу…

Аум умер, Иоганнес умер, Шекель умер.

(*Сайлас Фенек жив.*)

Спустя какое-то время Беллис нашла Карриан-ну — та, словно оглушенная, бродила по улицам близ своего дома. Всю ночь она пряталась у себя, заперев дверь на замок, а когда вышла, то обна-ружила, что стала гражданкой несуществующего квартала.

Она не могла поверить, что Бруколак пытался захватить власть, не могла поверить, что его взя-ли в плен. В этом потоке непонятных ей событий Каррианна запуталась, как ребенок.

Беллис не могла рассказать Каррианне ничего из того, что она сама сделала и видела в камере «Гранд-Оста». Она только сказала, что Шекель погиб.

Они вместе отправились послушать выступле-ние Любовников.

После мятежа прошло уже два дня, и правители Саргановых вод созвали жителей на собрание на палубе «Гранд-Оста». Сначала Каррианна сказала,

что никуда не пойдет. Она слышала о том, что сделали с Бруколаком, и не хотела видеть его в таком положении. Он не заслужил такого издевательства над собой. Каррианна утверждала: что бы он ни сделал, такого он не заслужил.

Но все-таки Беллис без особого труда уговорила ее. Каррианна должна пойти и выслушать, что будут говорить. Любовники знали, что поставлено на карту. Любовники знали, что происходит в их городе. Это была их попытка снова взять бразды правления в свои руки.

На баке негде было ступить — люди стояли плотными рядами, исцарапанные, раненые, все изможденные, неулыбчивые. Ждали.

Сверху над ними скулил на солнце Бруколак, что-то неразборчиво бормоча. Его кожа покрылась ожогами и напоминала карту.

Увидев его, Каррианна вскрикнула от ужаса и горя, затем отвернулась и сказала Беллис, что сейчас же уйдет. Но прошла минута, и она снова посмотрела на Бруколака. Она никак не могла поверить, что это жалкое, разлагающееся тело, что этот слюнявый рот, отвисшая челюсть, жалкий лепет — и есть Бруколак. Эта лопочущая оболочка не вызывала других чувств, кроме жалости.

Любовники обращались к толпе, стоя на под-

мостках вместе с Утером Доулом. Вид у них был измученный и ужасно усталый, и собравшиеся граждане смотрели на них со странным чувством уважения — и с вызовом.

«*Ну,* — словно говорили они, глядя на Любовников, — *расскажите же нам. Убедите нас всех еще раз. Скажите нам, что игра стоит свеч*».

И Любовники не обманули их ожиданий. Беллис смотрела и слушала, и настроение ее менялось к лучшему.

Любовники были умны. Они не стали начинать с напыщенных речей, не стали похваляться силой и отвагой, говорить, что уничтожили предателей, угрожавших городу.

— Многие из тех, кто теперь мертв, — начал Любовник, — многие из тех, *кого убили наши бойцы*… были преданными гражданами. Они были хорошими людьми и действовали, по их мнению, на благо города. — Так он и продолжал — в уважительном тоне, не забывая о трагедии.

Они говорили по очереди, упрашивая собравшихся не отчаиваться.

— Мы подошли очень близко, — сказала Любовница, и голос ее торжественно зазвенел. — Очень близко к обретению энергии, какую прежде и представить себе не могли. Очень близко к тому,

чтобы сделать Армаду по-настоящему великой, генератором возможностей, способной совершать что угодно, — совершать одновременно несовместимые вещи… Мятеж — это не выход, — сказала Любовница. — Если все не проникнутся ощущением важности этого проекта, то осуществить его будет невозможно.

— *Вы привели нас сюда,* — сказала она толпе. — *Это сделали вы и это было великое свершение.*

Сейчас не время для вражды, сказали Любовники: единство означает единство цели, а цель сейчас в том, чтобы найти Шрам.

Вознаграждение последует. И это будет немыслимое, невероятное вознаграждение.

Риторика Любовников становилась все более изощренной, по мере того как они, сменяя друг друга, продолжали свою речь. Воздав должное мертвым, они перешли к детям, соблазняя собравшихся обещаниями о том, какими будут юные жизни их отпрысков, каким станет город, когда они добудут возможности из Шрама.

Речь была хорошая, чувственная и искренняя. Одержимость Любовников Шрамом впечатляла. И когда последние слова были сказаны, уважение толпы, хотя и сдержанное, было несомненным и весомым. Настроение пусть немного, но из-

менилось к лучшему. Любовники получили передышку — спор еще не был закончен.

«*Да им всего-то нужно вызвать противников на возражения — пусть себе болтают,* — подумала Беллис. — *Шрам, судя по всему, уже близко. Если они правы, если этот Шрам существует, то мы наверняка скоро будем там*».

Стоявший чуть позади Любовников Утер Доул встретился взглядом с Беллис, и только теперь она поняла, что сделала в ночь мятежа, чем рисковала. Она вломилась в его комнату и украла вещицу пришельцев, а потом отдала ее прямо в руки этим убийцам. Но она просто слишком устала от страха и теперь уже не чувствовала его.

Когда речь закончилась и толпа разошлась, Доул подошел к Беллис, не выказывая никаких чувств — ни враждебности, ни дружелюбия.

— Что случилось? — тихо спросил он. — Вы были в моей комнате, вы взяли ее. Я нашел ее осколки на полу в тюрьме. Там же был и плавник мага, полусгнивший. Я сжег его. Значит, им не это было нужно?

Беллис покачала головой.

— Они пришли не за этим. Я думала, что все дело в этой фигурке, что из-за нее они… Извините, что сломала замок. Я хотела избавиться от них.

Они говорили, что уйдут, когда получат то, что было у них украдено. Это они… Фенека…

Доул кивнул.

— Он жив, — прошептала Беллис, спрашивая себя — а жив ли он все еще?

Глаза Доула на миг распахнулись.

Беллис ждала. Она с усталым волнением задавала себе вопрос: что он сейчас сделает? У Доула было немало поводов, чтобы наказать ее. Она лишила Армаду волшебной фигурки, ничего не получив взамен. Без всякой на то нужды. Или между ними все же оставалось подобие прежней близости?

Но в его поведении, казалось, не было ничего, кроме прямоты и смирения перед фактом, и Беллис ничуть не удивилась, когда он наконец кивнул, развернулся и пошел прочь по палубе. Глядя на него, она чувствовала себя униженной. Что об этом думают Любовники? Беллис не могла себе представить, что Любовники вот так запросто откажутся от волшебного плавника. Неужели им все равно?

«*А может, они и не знают?* — вдруг подумала она. — *А если они знают, что фигурка исчезла, то знают ли, что по моей вине?*»

В тот вечер к ее дверям пришел Флорин Сак.

Беллис была удивлена.

Он стоял на пороге и смотрел на нее. Глаза у него так налились кровью, кожа так посерела, что он был похож на наркомана. Флорин с неприязнью смотрел на нее несколько секунд, потом сунул ей пачку листов.

— Вот, возьмите, — сказал он.

Листы были вдоль и поперек исчирканы каракулями: Беллис узнала лихой, корявый почерк Шекеля. Список слов, которые он хотел запомнить, ссылки на рассказы в украденных книгах.

— Вы научили парнишку читать, — сказал Флорин. — И ему это нравилось. — Он встретился с ней взглядом; на лице застыло выражение безразличия. — Может, вы хотите это сохранить, чтобы вспоминать его.

Беллис смотрела на него, потрясенная и смущенная. Она была человеком совсем другого склада. Хранить сентиментальные, идиотские напоминания о покойниках вовсе не отвечало ее нраву. Даже после смерти отца и матери у нее не осталось ничего такого. С какой стати она должна хранить то, что напоминает об этом парнишке, которого она почти не знала, — независимо от того, как она переживала его смерть?

Беллис почти что отказалась взять эти бумаги.

Она почти сформулировала отказ — она, мол, не заслуживает их (*словно можно заслужить драные листы бумаги*), но два соображения остановили ее.

Одним было чувство вины. «*Не убегай от него — это трусость*», — подумала она. Она не хотела разрешить себе спрятаться от этого чувства. Ее личное отношение к смерти не имеет значения, сказала она себе, какие бы удобные доводы оно не подсказывало ей, чтобы отвергнуть этот дар. А кроме чувства вины было еще и уважение, которое Беллис питала к Флорину Саку.

Он стоял перед ней, держа эти листы, которые, видимо, были дороги ему, и предлагал их той, которая принесла ему столько боли. И не потому, что они разделяли одно и то же горе. Он принес ей эти бумаги, потому что был хорошим человеком и думал, что и ей будет не хватать Шекеля.

Пристыженная Беллис взяла бумаги со словами благодарности.

— И вот еще что, — сказал Флорин. — Мы его хороним завтра. — Голос его на слове «хороним» сорвался. — В Крум-парке.

— Как?.. — начала было удивленная Беллис. Армадцы устраивали своим мертвецам морские похороны. Флорин движением руки отвел этот

вопрос.

— Шек в душе вовсе не был… морским животным, — тщательно подбирая слова, сказал он. — Он был прежде всего городским парнишкой, и, потом, есть ведь традиции, от которых, как я думал, я уже успел отречься… Я хочу знать, где он лежит. Когда они сказали, что не позволят мне это сделать, я им ответил: пусть попробуют меня остановить.

— Флорин Сак, — окликнула его Беллис, когда он повернулся и хотел было идти. — Почему Крум-парк?

— Вы когда-то ему рассказывали об этом парке, — сказал он. — И он сам туда ходил, и ему там нравилось. Я думаю, Крум-парк напоминал ему Строевой лес.

Когда он ушел, Беллис расплакалась и никак не могла остановиться. Она свирепо предупредила себя: чтобы это было в последний раз.

Служба была короткая, неловкая и мучительная. Теологическая смесь, смиренное обращение к богам Нью-Кробюзона и Армады с просьбой присмотреть за душой Шекеля.

Никто не знал, каких богов чтил Шекель и чтил ли вообще.

Беллис принесла цветы, украденные с красоч-

ной клумбы в другом углу парка.

Аванк тащил город курсом на восток-северо-восток, постепенно замедляя свой ход. Никто не знал, насколько тяжело он ранен. А рисковать еще одним глубоководным аппаратом и экипажем власти не хотели.

В дни после войны, а в особенности после похорон Шекеля Беллис никак не могла сосредоточиться. Много времени она проводила с Каррианной, которая была так же подавлена и категорически отказывалась обсуждать, куда движется город. Сосредоточиться на их путешествии было нелегко, а представить, что произойдет, когда они прибудут на место, — вообще невозможно.

Если ученые Сарганових вод не ошибались, то город приближался к месту назначения. Еще две недели, а может, одна — такие слухи передавались из уст в уста. Еще два-три дня, и Армада достигнет раны в этом пустом море, и тогда вступят в дело скрытые двигатели и тайная наука, и все возможности, что существуют вокруг Шрама, будут добыты.

Атмосфера была насыщена ожиданием и страхом.

Когда Беллис открывала утром глаза, ей иногда

казалось, что воздух стал колючим, словно вокруг нее пробудились силы, которых она не понимает. Начали распространяться странные слухи.

Поначалу это были игроки, шулеры в ночных игорных заведениях квартала Ты-и-твой. Рассказывались истории о том, как карты менялись еще до того, как их успевали объявить, цветные наряды той или иной масти мелькали, как в калейдоскопе, на одно мгновение тускнели, а затем карты образовывали ту или иную комбинацию *после* сдачи.

Рассказывались истории о навязчивых духах, браунерах и келкинах, невидимо носящихся по городу, перемещающих вещи с места на место. Предметы обнаруживались в нескольких дюймах от того места, где они были оставлены, в местах, где они вполне могли быть оставлены, но не были. Случалось, что кто-то ронял вещицу и она разбивалась, а потом оказывалась целой, и выяснялось, что, может, никуда она не падала, а лежала с краю и ждала.

«*Шрам,* — думала Беллис, впадая в тупое недоумение. — *Он сочится*».

Море и небо совсем неожиданно стали опасными. Появились дождевые тучи, пролились страшным дождем и совсем неожиданно сно-

ва исчезли, почти не задев города, обойдя его стороной. На пути Армады стали встречаться полосы, где буйствовали стихии. Волны на узком, ограниченном участке внезапно становились пенистыми, высокими, хотя рядом воды были спокойными и прозрачными.

Флорин перестал плавать, он лишь окунался каждый день. Он боялся долго оставаться в воде. Звук и свет, исходившие из морских глубин, — эманации чего-то невидимого — теперь были настолько сильны, что их видели и слышали даже наверху, в городе.

Иногда Армада проплывала мимо скоплений разумных водорослей, а случалось, в волнах были видны какие-то другие создания — они двигались и не поддавались идентификации, потому что выглядели одновременно живыми, произвольными и искусственными.

Бруколак по-прежнему мучился на мачте и не умирал. Палуба под ним была изгваздана выделениями.

Бродя по палубам и коридорам «Гранд-Оста», Беллис за тихими городскими шумами различала слабые звуки загадочной музыки. Проследить ее источник было затруднительно — звуки были мимолетными и в разное время раздавались

непредсказуемо в разных местах. Беллис напрягалась, ловя отдельные отрывки. Музыка была уродливой и пугающей — комбинация полутонов, минорных аккордов, изменчивых ритмов. Похоронный марш, заглушаемый резкими струнными пассажами. Услышав эту музыку во второй раз, Беллис поняла, что она идет из комнаты Утера Доула.

Чем дальше плыл аванк, тем больше появлялось плавучего мусора, усиливались странные морские течения, необычные события в Армаде становились все более частыми и отчетливыми. Когда на шестое утро после мятежа милях в двух от города в море заметили какой-то предмет, никто не удивился. Но когда на него навели подзорные трубы, раздался хор восторженных голосов. Впередсмотрящие на «Гранд-Осте» криками созывали народ, тут же по всем каютам пустились искать Любовников.

Это известие распространилось по городу, по всем кварталам, с пугающей скоростью, и в кормовой части Джхура собралась огромная толпа. К предмету, который раскачивался на воде и приближался с каждой минутой, направился — над предательскими потоками — небольшой аэростат. Собравшиеся глазели на предмет, пере-

давали друг дружке подзорные трубы, и по мере того как очертания его становились все отчетливее, обменивались недоуменными замечаниями.

За остатки плотика из дерева и красноватой парусины, изможденно поглядывая в сторону своего дома, цеплялся какт-отступник Хедригалл.

«Вытащите его сюда!» — «Да что же эта за херня приключилась?» — «*Где* ты шлялся, Хед? *Где* пропадал?» — «Да вытащите его *сюда* поскорей!»

Как только стало ясно, что посланный за Хедригаллом дирижабль возвращается на «Гранд-Ост», раздались сердитые крики. Группы людей пытались поскорее пробраться по заваленным улицам с того корабля, на котором они стояли, туда, куда направлялся дирижабль. Беспорядочные людские потоки сталкивались между собой.

Беллис наблюдала за происходящим из окна своей комнаты, а сердце ее колотилось от дурного предчувствия. Потом она, сама не понимая, что ею движет, присоединилась к толпе, стремящейся на флагман. Беллис добралась до бака парохода еще до того, как дирижабль опустился на высоту, с которой пассажиры могли сойти на палубу. Толпа сторонников Утера Доула и Любовников стояла, окружив их, в нетерпеливом ожидании.

Беллис присоединилась к растущей толпе,

которая толкалась и напирала на стражников, пытаясь увидеть вернувшегося Хедригала.

— Хедригалл! — кричали они. — Что за херня с тобой приключилась?

Когда он, высокий и изможденный, спустился, раздался громогласный рев, но вооруженные люди быстро окружили его. Эта маленькая группа с Доулом и Любовниками во главе направилась к дверям, ведущим на нижние палубы.

— *Расскажи, что случилось!* — Настойчивые крики становились угрожающими. — Он один из нас, оставьте его здесь.

Стражники нервничали, они взяли на изготовку свои ружья, направляя их на напирающих армадцев. В первых рядах толпы Беллис увидела Флорина Сака и Анжевину.

Ей была видна голова Хедригалла — склоненная, выбеленная солнцем, колючки подвяли, а многие были обломаны. Он обвел взглядом толпу граждан, тянущихся к нему, взволнованно его окликающих, потом закинул назад голову и завыл.

— *Как вы можете быть здесь?* — проревел он. — *Вы мертвы. Я видел, как все вы умерли…*

Сначала наступила ошарашенная тишина, а потом — заговорили, заверещали все сразу. Толпа

снова стала напирать, стражники отталкивали людей, и тогда собравшиеся погрузились в зловещее молчание.

Беллис увидела, как Утер Доул отвел Любовников в сторону, что-то резко им прошептал и указал на дверь. Любовник кивнул, потом вышел вперед и распростер руки.

— Армадцы! — прокричал он. — Ради богов, проявите *терпение*. — В его голосе слышался неподдельный гнев.

За его спиной, словно впав в бред, снова закричал Хедригалл (*Вы мертвы, вы все мертвы*), но его стали подталкивать к двери. Стражники вскрикнули — его колючки все еще оставались остры.

— Никто из нас не знает, что здесь произошло, — сказал Любовник. — Но Крумом заклинаю, *посмотрите* на него. Он болен. Он едва жив. Мы отведем его вниз, в нашу собственную каюту, подальше от всего. Пусть отдохнет, придет в себя.

Кипя от негодования, он направился назад, туда, где Хедригалл нетвердо стоял на ногах, покачиваясь в руках стражников, а Утер Доул быстрым внимательным взглядом обшаривал толпу.

— Это неправильно! — вдруг выкрикнул кто-то. Это кричал Флорин Сак. — Хед! — позвал он. — Он

мой приятель, а что вы собираетесь с ним делать, одному Джабберу известно.

Раздались одобрительные крики, но порыв толпы уже сходил на нет, и, хотя вслед Любовникам еще неслись проклятия, никто не попытался перехватить Хедригалла. Слишком уж все было неопределенно.

Беллис почувствовала, что Утер Доул отыскал ее взглядом и теперь внимательно разглядывает.

— Это неправильно! — снова выкрикнул Флорин; от злости у него вздулись вены, когда Любовники и Хедригалл вошли в дверь, а стражники прикрыли их.

Утер Доул не отрывал от Беллис глаз, и она, чувствуя, как у нее бегут мурашки от его взгляда, ничего не могла с собой поделать и тоже смотрела на него.

— Он мой *корешок,* — сказал Флорин. — Я в *своем* праве. *Я вправе услышать, что он собирается рассказать…*

И когда были сказаны эти слова, произошло нечто чрезвычайное.

В тот момент, когда Флорин провозгласил свое право услышать Хедригалла, Беллис, которая по-прежнему не могла отвести свой взгляд от немигающего взгляда Доула, увидела, что его

глаза судорожно раскрылись — чуть ли не с сексуальной чувственностью. Беллис ошеломленно смотрела, как его голова слегка наклонилась, словно зовя ее или соглашаясь с ней.

Доул все еще смотрел на нее, даже когда Любовники со стражниками исчезли в коридоре, а он, пятясь, пошел за ними; он приковал к себе ее внимание, двусмысленно глядя на нее и чуть приподняв брови. Потом он исчез.

О, боги.

Беллис показалось, будто ее изо всех сил ударили в солнечное сплетение.

Ее вдруг осенило — волна понимания нахлынула на нее, ее оглушило внезапное прозрение, она разглядела все эти многочисленные наслоения манипуляций, игрушкой которых стала, она теперь видела, что ее заманили, поймали, обманули, что ею управляли, ее эксплуатировали, использовали, поддерживали, а потом предали.

На самом деле она еще не поняла, что происходит вокруг нее, что делается, что было запланировано и что из этого может получиться.

Но кое-что она поняла — внезапно и со смирением.

Ее собственное место. Столько всего, столько планов, столько усилий было затрачено, чтобы

она в этот миг оказалась в этом месте и услышала те слова, что она услышала. Все теперь сошлось здесь и сейчас, все срослось и стало ясным.

И в своем удивлении и страхе, в своем унижении, невзирая на свой гнев, на чувство, что ее самым недостойным образом обвели вокруг пальца, заставили плясать под чужую дудку, Беллис наклонила голову и подготовилась, понимая, что ей предстоит еще одно дело, если она хочет добиться нужных для нее перемен, понимая, что она не будет корить себя за месть и что непременно сделает это.

— Флорин, — сказала Беллис. Он бесился, сыпал проклятиями и возражал большинству которое пыталось убедить его, что он хватил через край, а Любовники, мол, знают, что делают. Он замолчал, уставившись на нее в сердитом недоумении. Она поманила его, чтобы он подошел поближе.

— Флорин, — сказала она так, чтобы, кроме него, никто ее не услышал. — Я согласна с вами, Флорин, — прошептала она. — Я думаю, вы имеете право услышать то, что будет рассказывать Хедригалл там, в каюте Любовников… Идемте со мной.

Она без труда нашла путь по пустым коридорам

«Гранд-Оста». Преданные властям охранники расположились в точках, через которые можно было пройти к покоям Любовников в нижних частях судна. Но они никого не пускали только туда, а Беллис и Флорин направлялись совсем в другое место.

Она повела его по другим проходам, которые очень неплохо изучила за те недели, когда ею владело то, что она теперь определенно считала извращением.

Они проходили мимо кладовок, машинных отделений, складов оружия. Беллис шла быстро, но не таясь, ведя Флорина все ниже и ниже — в тускло освещенную зону.

Беллис не знала, что они шли мимо горномолочных двигателей, которые урчали и искрили, погоняя аванка.

И наконец, в темном и узком коридоре, где старые обои давно опали со стен, где не было ни гелиотипов, ни гравюр — одни трубопроводы, напоминавшие узловатые вены, Беллис повернулась к Флорину и жестом подозвала его. Она стояла в своем любимом тесном помещении, повернув к Флорину голову и поднятым пальцем призывая его к молчанию.

Некоторое время они стояли без движения,

Флорин оглядывался, смотрел то на потолок, на который уставилась Беллис, то на саму Беллис.

Когда наконец до них донесся звук открывшейся и закрывшейся двери, он прозвучал так громко и четко, что Флорин напрягся, как пружина. Беллис никогда не бывала в комнате наверху, но прекрасно разбиралась в ее звуках. Она знала, где над ней располагаются стулья, столы, кровать. Она проследила взглядом за шагами четырех пар ног — легкие, потяжелее, еще тяжелее и наконец массивные и медленные, — словно видела их сквозь потолок: Любовница, Любовник, Доул, Хедригалл.

Флорин последовал ее примеру; глаза его расширились. Они с Беллис могли следить за движениями наверху. Один из вошедших остался у двери, двое подошли к кровати и опустились на стулья, четвертый, самый большой, принялся шаркающей походкой бродить между дверью и дальней стеной, потягивая ноги, как делают актеры во сне или от изнеможения. Под его тяжестью прогибались доски пола.

— Ну, — сказал Доул на удивление отчетливым голосом, — рассказывай, Хедригалл. — Говорил он жестко. — Расскажи нам, почему ты убежал. И как сумел вернуться.

— *О, боги.* — Хедригалл говорил глухим, опустошенным голосом, совсем не похожим на его прежний.

Флорин недоуменно потряс головой.

— Боги милостивые, пожалуйста, не надо все это повторять с самого начала, — говорил Хедригалл так, словно собирался заплакать. — Я тебя не понимаю. Я в жизни не убегал из Армады. И никогда не убегу… Кто *вы?* — взвизгнул он вдруг. — *Что* вам надо? Неужели я в *аду? Я видел, как вы умерли…*

— Что с ним случилось? — в ужасе прошептал Флорин.

— Ты мне это дерьмо в уши не суй, предатель ты вонючий, — воскликнул Любовник. — Ну-ка, посмотри на меня, собака. Ты испугался, сволочь, да? Так испугался, что потихоньку залатал «Высокомерие» и был таков. Ну, куда ты слинял и как смог вернуться обратно?

— Я никогда не предавал Армаду, — воскликнул Хедригалл, — и никогда не предам. Крум великий, да что это я разговариваю с мертвецом! Откуда вы все здесь? Кто вы? Я же видел, как вы умерли. — Голос его дрожал — то ли от горя, то ли от потрясения.

— Когда, Хедригалл? — Это уже говорил Доул

— голос резкий, угрожающий. — И где? Где мы умерли?

Хедригалл прошептал ответ, и что-то в его голосе заставило Беллис вздрогнуть, хотя именно такого ответа она ждала. Она кивнула, услышав эти два слова:

— В Шраме.

Успокоив Хедригалла, Утер Доул и Любовники о чем-то тихо совещались, отойдя от него.

— ...спятил... — послышался не очень разборчивый голос Любовницы. — Либо спятил... странно...

— Мы должны знать. — Голос Доула. — Если он не сошел с ума, то он опасный лжец.

— Это бессмысленно, — с яростью сказал Любовник. — Кому это он лжет? И почему?

— Он либо лжец, либо... — сказала Любовница.

Флорин и Беллис не разобрали, произнесла ли она еще что-то тихим голосом, или слова замерли у нее на языке.

Как это случилось?

— Мы уже целый месяц были в Скрытом океане, больше месяца.

Бежали минуты, одна за другой. Хедригалл долго молчал, пока Любовники обсуждали, что им

делать, шепчась так тихо, что Беллис и Флорин не слышали ни слова. И вдруг Хедригалл заговорил, без всякого побуждения, голос его звучал низко и ровно, будто он накачался наркотиков.

Любовники и Утер Доул ждали.

Хедригалл заговорил так, словно знал, что от него ждут этого.

Он говорил долго, и никто его не прерывал. Говорил с неестественным изяществом, с красноречием настоящего оратора, но в его осторожном речитативе слышалась неуверенность, а еще глубже — боль, прикоснуться к которой было страшно.

Хедригалл вдруг спотыкался и неожиданно замолкал, делая несколько торопливых вдохов; но говорил он долго. Его слушатели — те, кто был с ним в комнате, и те, кто был под нею, — хранили полное молчание и внимательно слушали.

— Мы уже целый месяц были в Скрытом океане.

ГЛАВА 46

— Мы уже целый месяц были в Скрытом океане, и в море воцарился хаос. Мы не могли проложить маршрут, не могли следовать на север, куда показывали компасы, не могли управлять судном. Каждый день смотрел я с «Высокомерия», искал какой-нибудь признак Шрама, Треснутой земли, чего угодно. Но ничего не было.

Вы заставляли нас двигаться.

Вы настаивали, вы подгоняли нас. Вы говорили нам, что мы будем делать, когда доберемся до Шрама. Какую силу даст нам этот Шрам. Вы говорили, что для нас не будет ничего невозможного.

Не стану делать вида, будто не было несогласных. Мы плыли все дальше и дальше, и людей все больше и больше одолевал страх. Пошли разговоры, что, может, Бруколак был прав, когда поднял мятеж. Что, может, не было ничего плохого в том, как город жил прежде.

Они пришли к вам… мы пришли к вам и попросили повернуть назад. Мы сказали, что нас устраивало, как обстояли дела прежде. Что не нужно нам этого, что и без того уже многое пошло наперекосяк, и мы боимся, как бы не было хуже.

Кое-кого стали посещать страшные сны.

Весь город пребывал в ужасном… напряжении. Как кот, у которого шкура искрит и встает дыбом.

Мы просили вас повернуть назад, пока еще не поздно. Нам было страшно.

Не знаю, как вам это удавалось, но вам удавалось… довольно долго… удавалось сделать так, что мы были… не скажу, счастливы. Не скажу, полны энтузиазма. Мы были послушны вам, мы ждали и, несмотря на страх, позволяли вам вести нас все дальше и дальше.

Я думаю, мы дошли до предела и не выдержали бы больше ни недели. Я думаю, мы повернули бы, и тогда вы все не *умерли* бы.

Но все оказалось не так. Было уже поздно.

В шесть часов утра в девятый шутди плоти я увидел с «Высокомерия» что-то милях в сорока впереди, у самого горизонта. Какие-то помехи в воздухе, очень слабые, очень пугающие. И было там что-то еще.

Горизонт был слишком близко.

Через час, когда мы прошли еще пять миль, я определенно знал, что мы к чему-то приближаемся. А горизонт по-прежнему был слишком близко и продолжал приближаться.

Я подавал вниз сигналы. И я видел, что все готовились. Я смотрел вниз и видел, как корабли собираются в кучу — все цвета, все виды. Я видел, как экипажи устанавливают подъемные краны на окраинах города, заводят двигатели и делают еще боги знают что. Они готовились, используя все свои научные достижения. Маленькие аэростаты перемещались из одного конца города в другой. Далеко внизу подо мной.

Я смотрел туда, где небо встречалось с морем. Долго не мог я в это поверить, все думал, что, наверное, что-то путаю и вот-вот увижу все правильно, как оно и должно быть, но ничего такого не происходило. И наконец я уже не мог не верить тому, что вижу.

Горизонт был всего в двадцати милях. Я четко видел его, неровные очертания, возникающие из моря, — Шрам.

Это все равно что увидеть бога.

Вы не сказали нам почти ничего, описывая Шрам.

Это большая рана в реальности, вспоротой Призрачниками, — так вы нам говорили. Она, мол, наполнена пластами того, что может произойти, наполнена всеми возможностями. Большая рана в реальности, и мне казалось, вы

говорили… поэтически.

Когда Призрачники приземлились на этом континенте, их энергия расколола мир пополам, образовала трещину в Бас-Лаге. Раскол. С поверхности мира она уходила на глубину более чем в две тысячи миль, разделяя континент.

Вот он — Шрам. Трещина. Чреватая возможностями, которые не были реализованы, хотя и могли быть.

Мы находились от нее в нескольких милях.

Это была расщелина в море.

Она была неровной и наклонялась по мере нашего приближения к ней, наклонялся, казалось, и горизонт. Он был неправильной формы — не ровно обрезанный, а *рваный*, с зубцами, то понижался, то поднимался, — и я мог местами видеть, что там, за краями. Я видел боковины разлома, его стенки. Отвесные.

Океан волновался, сильные течения стремились к северу, хотя ветер дул на юг. Волны бились о город, несли его с собой, а достигая кромки Шрама, превращались в стену, прозрачную стену. Вода поднималась под прямым углом и падала вертикально, и поверхность ее была идеально ровной, как стекло. Темная, подвижная вода упиралась в ничто и затвердевала. А потом…

Пустота.

Бездна.

А далеко-далеко за ней, в десятках, сотнях миль, едва видимая с другой стороны этого пустого пространства, — такая же кромка. Подернутая дымкой из-за расстояния. Другая боковина трещины.

А между ними — пустота, и я чувствовал, что она чревата самой разнообразной мощнейшей энергией. И этот сволочной разлом, Шрам, так и фонтанировал ею.

— Я даже представить себе не могу, как это все виделось из города. Вероятно, они тоже видели. Возникла ли паника? Чувствовали ли вы волнение?

Любовники, конечно же, не ответили.

— Я знал, в чем суть плана. Увидев Шрам, мы должны были остановиться в пяти милях от него. И оттуда должен был подняться дирижабль и попытаться преодолеть это короткое расстояние до Шрама. А я был впередсмотрящим. При малейшей опасности я должен был выстрелить из ракетницы, вывесить мои вымпела, отозвать воздушный корабль.

Я не знаю, какие, по-вашему, опасности могли

нам грозить. Вы об этом понятия не имели. Не думаю, что вы знали, что такое Шрам. Что, по-вашему, могло произойти? Может, вы думали, что Шрам кишит зверями возможного? Что его охраняют те существа, которые могли бы развиться, но не развились?

Ничего подобного.

Его масштаб. Масштаб всей этой херовины. Перед ней чувствуешь свое ничтожество.

Город не замедлил хода.

Сказав это, Хедригалл помолчал несколько секунд. Свое последнее предложение он произнес тем же своим гипнотическим речитативом, каким говорил уже долгое время, и Беллис лишь через несколько секунд поняла, что он имеет в виду.

Сердце ее судорожно вздрогнуло, а потом бешено заколотилось.

— Город не замедлил хода, — сказал Хедригалл. — Аванк вовсе не снизил скорость. Наоборот, стал двигаться быстрее.

Мы были в десяти милях от Шрама, потом в пяти, потом в четырех, а город не остановился, не снизил скорость.

Перспектива мира изменилась… Горизонт был в нескольких тысячах ярдов от нас и становился

все ближе, а Армада набирала ход.

— И тут я запаниковал. — Голос Хедригалла звучал совершенно ровно, словно все его эмоции впитало в себя море. — Я стал стрелять из своей ракетницы, пытаясь предупредить вас о том, чего вы, видимо, не знали.

— Возможно… возможно, тогда-то и возникла паника, — сказал он. — Я не знаю. Мне не было видно. Может, вы все были загипнотизированы, может, у вас остекленели глаза и вы поглупели. Но я думаю — нет. Я думаю, по мере того как приближался конец мира, возникла паника и на мои ракеты никто не обращал внимания.

Три мили. Две.

Я долгое время не двигался. Замер.

Южный ветер был силен, а потому «Высокомерие» стремилось прочь от Шрама, словно боясь его, как боялся я. Это и привело меня в чувство.

— Кто знает, что произошло? Может, вы и знали, прежде чем вам умереть. Меня там не было.

Может, дело было в аванке. Может, после нескольких недель покорности он перестал повиноваться посылаемым импульсам. Может, обломался какой-то шип, который слал сигналы в его мозг, и животное очнулось, недоумевая, как оно оказалось в узде. И вот оно устремилось впе-

ред и стало набирать ход, надеясь освободиться.

Может быть, отказали горномолочные двигатели. Может, какая-то вероятность возникла из Шрама, *вероятность*, которая нарушила работу двигателей. Одни боги знают, что случилось.

Взглянув вниз, я увидел целую флотилию лодок, спускаемых с города на воду: их пассажиры в отчаянии хватались за весла, ставили паруса, чтобы убраться подальше. Но море было сильнее их, и я видел, как их паруса надуваются то в одну, то в другую сторону. Спасательные лодки, яхты, плоскодонки начинали крутиться в этих водах, их понесло вокруг города, и они обогнули его с северной стороны, хотя и пытались плыть в другую сторону. Течения и волны тащили их, как голодный хищник — жертву.

Через несколько минут первые из них уже были у Шрама. Я видел, как маленькая лодчонка приблизилась к краю, видел пятнышки внутри нее — вероятно, людей, которые попрыгали за борт, — а потом корма лодки внезапно задралась, и та исчезла внизу. Исчезла в этой пустоте.

Они тянулись длинной линией, испещрив море между городом и Шрамом, скользя на север по пути к бездне. То же и с дирижаблями. Целая их стая пыталась подняться в воздух. Горожане

набились в них под завязку, цеплялись за канаты, чтобы подняться наверх. Перегруженные дирижабли переваливали за границы города и устремлялись в море, где их подхватывали потоки и они вертелись, как мертвые киты, а потом, роняя пассажиров, устремлялись к Шраму.

Армада начала медленно поворачиваться. Горизонт наклонялся, вставал на дыбы, по мере того как город закручивало по часовой стрелке в воде.

До Шрама теперь оставалось полмили, и мой мозг отупел, но вдруг я понял, что нужно делать. Я побежал в нижний отсек и посмотрел вниз сквозь открытый люк. Потом я взял свой дискомет, устроился на краю люка, прицелился хорошенько и выстрелил в канат, привязанный к палубе.

Канат был толстый, туго натянутый. Он был закреплен на аэростате в тридцати футах от меня и раскачивался, как питон. У меня было шесть чакри. Три из них ушли в никуда. Четвертый зацепил канат, но не очень точно — перерезал половину. Пятый тоже ушел мимо цели, так что у меня оставался последний шанс.

Но хотя я хорошо оперся и прицелился — все равно промахнулся.

И тогда я понял, что мне конец. Дискомет выпал из моих рук, пальцы стали неловкими, непослушными. Я ухватился за решетки у края люка — мне оставалось только смотреть. Я чувствовал, как ветер треплет меня, врываясь через отверстие, и видел, как в месте разрыва расползается канат. Но слишком медленно — меня это уже не сможет спасти.

— Крыши, черепица, башни, аэротакси, флаги, обезьяны, помешавшиеся от страха, причин которого они не понимали, горожане, без толку носящиеся туда-сюда, — словно где-то на Армаде можно было спастись.

Я наблюдал за ними в мой телескоп. Не знаю, что происходило под поверхностью моря. Не знаю, как себя вели креи, рыболюди и Сукин Джон. Может, они все еще живы, кто знает? Может, они могут жить сами по себе. Может, они оставили город, когда поняли, что он движется к своему концу.

— Сначала конец должен был наступить для «Сорго», Крум-парка и «Гранд-Оста» вместе со мной.

Ветер на мгновение переменился, и «Высокомерие» перевалило за водяной утес и оказалось

над бездной.

Время текло очень медленно, и «Высокомерие» проплыло над Шрамом. Это продолжалось всего несколько секунд, но секунды там тянулись долго.

— Я пересек край моря, заглянул вниз через свои колени, которые свешивались в люк, и увидел кромку воды. От этого голова шла кругом.

Солнце пробивало поверхность моря своими лучами, которые фильтровались и отражались волнами, а потом снова пронзали вертикальную поверхность. Я видел, как рыбы размером больше меня тыкаются носом в границу между водой и воздухом на глубине в сотню футов под поверхностью. Туда проникал свет. Вдоль краев шрама, видимо, существовал целый мир. Даже на глубине в две, три мили, там, где давление губительно, в воду проникал солнечный свет.

И вот эта водная поверхность воды с ее красками и водоворотами в каждом слое уходила на глубину в несколько *миль*. От этого можно было свихнуться.

А еще ил. Я видел его — мощная полоса слоистого ила, черного ила на дне моря. А еще твердь. Твердь, уходящая вниз на столько миль, что и толща воды перед ней казалась игрушечной.

Красная, черная и серая твердь, расколотая надвое, словно отшлифованная. И на много миль вниз — сияние, которое шевелилось и пламенело, смутно мерцая сквозь воздух. Магма. Реки расплавленного камня, геотермальные приливы.

А что за ними? Еще ниже?

А там — пустота.

Голос Хедригалла звучал глухо, испуганно.

— Я видел его, наверно, считанные секунды, — сказал он. — Но я помню каждый слой: цветом похоже на песок, насыпанный в бутылку. Смотреть на это было невозможно. Оно было слишком громадным для глаз.

Армада остановилась, замерла на несколько секунд на краю пропасти, а потом аванк сделал последний рывок. Сначала я видел его сквозь воду. Я видел его на глубине в четыре мили, чуть выше темного дна. Я видел, как появились его очертания, поначалу расплывчатые, потом он неожиданно приблизился, контуры его становились четче по мере движения вперед. А потом с таким звуком, как при всемирной катастрофе, аванк начал прорываться, проталкиваться сквозь скалу морской воды.

Миля плоти.

Вот он просунул голову, расщепляя, сотрясая

вокруг себя воду. Глыбы воды высотой в тысячи ярдов откалывались и падали, капли размером с дом раскручивались и дробились, устремлялись в пустоту, в Шрам.

Я видел концы первых громадных цепей, — они прорвались сквозь воду четырехмильной натянутой тетивой, разрезавшей море между аванком и городом наверху. Потом за ним показались и другие цепи: они словно когтистой лапой располосовали море параллельными вертикальными линиями.

Тело аванка, неописуемое тело, продолжало двигаться вперед — плавники и шипы, реснички, и когда оно оказалось в воздухе, сила тяжести увлекла его, и аванк стал наклоняться — головой вниз. Цепи еще сильнее натянулись, и оконечность Армады достигла края, и город начал переваливаться.

Аванк испустил звук, от которого треснуло все стекло вокруг меня.

Я увидел, как погружные элементы, на которых покоилось «Сорго», устремились к вертикальной плоской поверхности воды и прорвались сквозь нее, а вокруг по обе стороны, на сотни футов от «Сорго», кормовая часть Саргановых вод, Баска и Дворняжника достигла границы моря, перевали-

лась через нее, задрожала и пошла вниз.

— В Армаде так много кораблей.

Пароходы достигали кромки воды и с жутким грохотом медленно переползали за нее, дома и башни скатывались с них, как бильярдные шары со стола, дождь кирпича и тел, сотни тел падали в конвульсиях и судорогах, неслись вниз на многие и многие мили, минуя все внутренние слои мира.

Я даже не молился. У меня не было сил. Я мог только наблюдать.

Мосты и канаты рвались. Рыболовные суда, падая, распадались на части. Баржи и спасательные шлюпы, буксиры и деревянные боевые корабли. Все они разлетались в щепы. Взлетали на воздух, разламывались, загорались, когда разрывались котлы и из них разлетался раскаленный уголь. Шестисотфутовые суда, построенные столетия назад, кувыркались в воздухе, падая в бездну.

И вот над Шрамом оказалась корма «Гранд-Оста» и повисла в воздухе.

Армада перевалила через край океана и устремилась вниз хаотическим ливнем отдельных частей; живое и мертвое неслось в лавине кирпичей и мачт. Я не слышал ничего, кроме треска воды и криков аванка.

И вот уже три сотни футов «Гранд-Оста» нависли над бездной, а вокруг сыпались вниз малые корабли. И внезапно тяжесть корабля сделала свое дело, и я услышал хруст, будто сломались кости какого-то божества, и треть кормовой части корабля, к которой был прикреплен мой дирижабль, отломилась и пошла вниз, таща меня за собой. И вот я, обхватив руками обтекатель, полетел в бездну, в Шрам.

Вам интересно, как вы будете умирать? Храбро, с воплями, потеряв сознание или как-то еще? Что до меня, то, когда корма «Гранд-Оста» увлекла меня за собой, я встретил смерть в ступоре, челюсть моя по-идиотски отвисла.

Кромка воды уходила мимо меня вверх, а я устремлился вдоль стены Шрама вниз, в пустоту ниже уровня моря.

Несколько мгновений я видел сквозь воду кили кораблей надо мной, смотрел, как они движутся к своей гибели. Я летел вниз, а на меня падала остальная часть «Гранд-Оста» и все прочие суда города.

Раз или два на секунду-другую в поле моего зрения попадали дирижабли. Маленькие такси, люди среди ремней под баллонами, которым удалось спрыгнуть с палуб своих упавших в бездну

кораблей, — они надеялись подняться к небу, но увлекались вихревыми потоками от падающих кораблей и погибали: корабельные корпуса или их обломки разбивали баллоны.

«Высокомерие» падало все быстрее. Я закрыл глаза и попытался умереть.

И тут в четырех милях ниже меня дернулся аванк.

Наверно, он агонизировал: тело его на воздухе покрылось пузырями и кровоточило, оно сложилось пополам, когда пробило стену воды и полмили его спины оказались внутри Шрама. Может быть, он корчился в судорогах от боли. Внезапно аванк рванулся, весь оказался внутри Шрама и тут же полетел вниз.

Аванк снова закричал, когда все его тело повисло в пустоте, и рывок увлек его вниз быстрее, чем сила тяжести. Аванк дернулся, цепи его внезапно натянулись и потащили к краю остальную часть города. Теперь «Гранд-Ост» целиком оказался в Шраме и устремился вниз, но тут канат, удерживавший «Высокомерие», от резкого натяжения лопнул.

— Он лопнул.

Мои глаза открылись, когда аэростат устремился вверх, мимо падающего города, ввысь, мимо

этой стены океана, вдоль которой летел металл и деревянные щепы, из Шрама в небеса.

Меня с ревом вынесло из трещины, и я устремился в небо. Руками я крепко цеплялся за перила, понимая, что теперь буду жить.

Подо мной остатки Армады соскальзывали в Шрам. Сенной рынок в ливне малых лодочек, «Юрок», «Териантроп», лечебница, старые, обветшавшие суда Заколдованного квартала — все это превращалось в ничто. Переваливалось через край в пелене брызг, переворачивалось и скрывалось в Шраме, пока на поверхности Скрытого океана не осталось ничего.

Поднимаясь вверх, я смотрел прямо в Шрам и видел туман, дымку, похожую на пыль; Армада падала, далеко под ней — аванк, он вращался на ходу, наворачивая на себя двадцать миль цепей, дергаясь из стороны в сторону в попытке выплыть из этого бесконечного падения. Даже аванк казался маленьким и немощным.

Наконец я в изнеможении, все еще не веря, что остался в живых, упал на спину, а когда снова посмотрел вниз, то не увидел ничего.

Голос Хедригалла замер. Он заговорил снова после нескольких секунд тишины.

— Я поднялся так высоко, как еще никогда

не поднимался. Так высоко, что можно было взглянуть вниз и увидеть, что такое Шрам на самом деле. Трещина — только и всего. Трещина в мире.

Не знаю, смог ли спастись кто-нибудь еще из аэронавтов. Но я был на высоте около мили и не видел никого.

На этой высоте дул сильный ветер, который несколько часов тащил меня на юг. Меня унесло прочь оттуда, от этого страшного места в океане, где потоки направлялись к Шраму. В «Высокомерии» появилась течь. Аэростат был пробит во время падения, и я терял высоту.

Я соорудил из досок кабины и обшивки что-то вроде плота — я понимал, что меня ждет. Я ждал у люка, пока аэростат не опустился достаточно низко, после чего выкинул плотик и сам прыгнул на него.

И тогда наконец, только тогда, свернувшись на своем маленьком плотике, я позволил себе вспомнить, что видел.

Два дня пробыл я наедине со своими воспоминаниями. Я думал, что умру.

На мгновение мне показалось, что если я сумею продержаться достаточно долго, то, может быть, меня вынесет во Вздувшийся океан, где ждут

другие корабли. Но я не настолько глуп. Я знал, что у меня нет ни малейшего шанса.

А потом — это.

В первый раз за все время своего необычайного рассказа Хедригалл, казалось, снова был готов потерять самообладание.

— Что это? Что это? — Истерические нотки в его голосе становились громче. — Я думал, что умираю. Я думал, что вы — это бред умирающего. *Я видел, как вы умерли...* — Последние слова он произнес шепотом. — Я видел, как вы умерли. Кто вы? Что это за город? Что происходит со мной?

После этого Хедригалл стал буянить, он нес какой-то бред, в ужасе кричал. Любовники пытались успокоить его, но далеко не сразу причитания какта стали стихать. Наконец он впал в тревожный сон.

Последовало долгое молчание — долгая, напряженная тишина, и, по мере того как впечатление от рассказа Хедригалла стало понемногу ослабевать, Беллис снова почувствовала себя в своей тарелке. Она застыла в напряжении, кожа ее стала как наиликтризованная. Она словно опьянела от ужаса — от услышанного.

— *Что же произошло?* — ровным, хотя и озабоченным голосом прошептал Любовник.

— Это Шрам, — прошептал Флорин на ухо Беллис. — Я знаю, в чем дело. Мы вблизи Шрама, и он дает *утечку*. А Хед там, наверху…

Он замолчал, покачав головой, лицо у него было усталое, бледное от недоумения. Беллис знала, что он скажет.

— Это не настоящий Хедригалл, — сказал Флорин. — Не *подлинный*, не тот, что был здесь. Наш Хедригалл убежал. А этот Хедригалл возник из другой возможности. В этом варианте он остался с нами, а мы двигались чуть быстрее и раньше добрались до Шрама. Он то, что произошло… что *произойдет*… Джаббер, помилуй и спаси, о Джаббер милостивый, дерьмо собачье.

Над ними спорили Утер Доул и Любовники. Кто-то (Беллис не разобрала — кто) сказал то же самое, что сейчас сказал Флорин. Любовница реагировала довольно бурно.

— Говно это! — выдохнула она. — *Говно* вонючее! Нет, так не будет! Никогда такого не случится. Ты что же, думаешь, мы *случайно* натолкнулись на него во всем этом безбрежном океане, даже если он и не *настоящий*? Это все, на хрен, подстроено! Это и *есть* Хедригалл. Это наш Хедригалл, и он *никогда* не покидал Армаду! Это все подстроено, чтобы мы повернули назад.

Никакой он не выброс из Шрама.

Она была в бешенстве, не давала никому говорить. К изумлению Беллис, она набрасывалась на Утера Доула и даже на Любовника. Тот просил ее успокоиться, все *обдумать*… Но Любовница была так близко к вожделенному предмету ее поисков, что теперь просто сходила с ума.

— Вот что я вам скажу, — бесилась она. — Это все дерьмо, и мы запрем этого подлого вруна, пока он не признается во всем. Мы скажем, что он выздоравливает. Мы будем ждать. Мы узнаем, что произошло на самом деле. Мы не станем верить в этот *бред*, которым он нас тут кормил.

— Она что, *спятила?* — прошептал Флорин Сак. — Что она такое несет?

— Это явно призвано устроить панику, — продолжала Любовница. — Это план, которым пытаются все разрушить Этот ублюдок снюхался боги знают с кем, но мы не позволим им победить. Утер, уведи его. Поговори с охранниками и отбери самых надежных, в которых ты не сомневаешься. Расскажи им о вранье, которым он, возможно, будет их потчевать. Мы пресечем это в самом зародыше, — жестко сказала она. — Мы не дадим этому подлому подстрекателю взять верх. Дальше этих стен его вранье не пойдет. Мы

похороним эту историю здесь и сейчас. А сами поплывем дальше. Решено?

Видимо, Любовник и Утер Доул кивнули ей в ответ — Беллис больше ничего не услышала.

Еще до того, как Любовница закончила говорить, Беллис повернулась к Флорину. Она смотрела, как он слушает свою правительницу (ту, которой был до конца предан, которой обязался беспрекословно подчиняться), объявляющую о намерении обмануть всех жителей города. Держать под спудом то, что ей стало известно. И продолжать движение к Шраму.

Беллис видела, как на лице Флорина застывает холодное, решительное и пугающее выражение. Рот его плотно сжался, и Беллис поняла, что он думает о Шекеле.

Может быть, он вспоминал собственные слова о том, что все это (то, что случилось с ними, то, что они оказались в Армаде) — настоящий дар богов? Беллис не знала этого. Но что-то проявилось на лице Флорина, когда он посмотрел на нее убийственным взглядом.

— *Ничего она не похоронит*, — прошептал он Беллис.

ГЛАВА 47

Флорина Сака знали в Армаде. Он был одним из тех, кто, спасая умирающего, бросился на костерыбу. Он подверг себя переделке, превратился в своего рода рыбочеловека, чтобы лучше приспособиться к жизни в Армаде. Он потерял своего мальчика.

Флорина знали и уважали. Флорину верили.

От Беллис было мало толку. Ее не слушали. Чтобы распространить тот или иной слух, ей нужно было прибегать к чужой помощи. Флорина Сака знали все.

Если бы Беллис попыталась рассказывать то, что услышала в той малоприятной клетушке, попыталась поведать другим открывшиеся ей тайны, ей бы не поверили. Но она пригласила туда другого, чтобы он сам мог все услышать и передать услышанное другим.

Она не могла сдержать переполнявших ее чувств и безрадостно улыбалась. «*Отличная работа*», — думала Беллис, кивая головой, воздавая должное великолепному замыслу. Она чувствовала, как ее оплетают клубком причины, следствия, усилия и взаимодействия. Она чувствовала, все

становится на свои места, как она, Беллис, оказывается там, где нужно, и в нужное время, чтобы случилось то, что должно случиться.

«*Отличная работа*».

Это началось почти сразу же, как только они с Флорином поднялись с нижней палубы.

Беллис моргнула и поглядела вокруг — на флаги, выстиранное белье, мосты, башни, все еще прочные, спаянные цементом. Ее преследовали образы рассказа Хедригалла. Она так ясно представляла себе, как город, сотрясаясь, падает в бездну, что испытала истинное облегчение, увидев: он все еще цел и никуда не делся.

Флорин начал выполнять задуманное. Любовники все еще оставались внизу, давали распоряжения, пытались спрятать Хедригалла. Пока они совещались там, внизу, плели свои интриги, Флорин начал выполнять задуманное.

Прежде всего он стал выискивать тех, кого хорошо знал. Говорил он быстро и с напором. Одной из первых он нашел Анжевину и познакомил ее с группой докеров, которых теперь агитировал.

Его страсть была искренней и совершенно безыскусной. Он не ораторствовал.

Беллис смотрела, как он двигается сквозь толпу, которая все еще толклась на палубе «Гранд-Оста»,

пересказывая гневным голосом то, что они слышали, сообщая о том, что видел Хедригалл, как и почему вернулся. На огромном древнем корабле все еще находилось немало пиратов, и Флорин говорил для них всех.

Его трясло от ярости. Беллис следовала за ним зигзагообразным, прерывистым путем, наблюдала за ним — напор Флорина впечатлял ее. Она видела, как по толпе, словно болезнь, распространяется недоумение. Она видела, как недоверие быстро превращается в уверенность и гневный испуг, а потом — в решимость.

Флорин настаивал — Беллис слышала его — на том, что они имеют право знать правду, и перед Беллис что-то забрезжило. Она не знала, что стоит за необыкновенным рассказом Хедригалла. Существовало несколько возможностей. Но это не имело значения. Она не хотела думать об этом сейчас. Ее доставили в это место, и она сделает то, что от нее требуется, и доведет дело до конца.

Беллис смотрела, как те, кому Флорин рассказал историю Хедригалла, пересказывали ее другим, но вскоре уследить за этим было уже невозможно. История приобрела собственную инерцию. Очень скоро большинство из тех, кто рассказывал многократно переиначенную историю спасения

Хедригалла из Шрама, не могли ответить, откуда узнали ее.

Любовники в доступной всем форме рассказали о Шраме много верного — так, как они это понимали. Большинство армадцев знали, что из Шрама возникают возможности и в этом — источник его силы. Некоторые видели меч Утера Доула включенным, и они понимали, что дает добыча возможностей. И теперь здесь, в глубинах Скрытого океана, вблизи самого Шрама с его утечками, с вероятностями, которые сочились из него, как плазма, было совсем нетрудно поверить, что Хедригалл (этот Хедригалл, сходящий с ума где-то в трюме парохода) говорит правду.

И хотя подлинный их Хедригалл, убежав несколько недель назад, возможно, находился в тысячах миль от них — плыл над океаном, или разбился, или высадился на какой-нибудь неизвестной земле, или утонул в море, Армада согласилась с тем, что тот, которого они сейчас подобрали, был двойник Хедригалла, спасшийся из жуткого Бас-Лага, в котором погибла Армада.

— Два дня назад, — слышала Беллис, как одна женщина говорит с беспробудной тоской. — Все мы. Мы уже два дня как мертвецы.

Это было предупреждение. Никто не мог прой-

ти мимо него.

Солнце склонялось к горизонту, а история Хедригалла расползалась по Армаде, по всем ее кварталам. Вся атмосфера города была пропитана этим рассказом.

Хедригалла спрятали, а Любовники совершили глупейшую ошибку, оставшись внизу для того, чтобы выработать план. А над их головами взбешенный Флорин носился с корабля на корабль, сообщая то, что ему стало известно.

На «Гранд-Осте» ждала Беллис, вспоминая рассказ Хедригалла, вспоминая его так, что он наполнял все ее мысли, и снова перед ее глазами вставали сцены ужасающей катастрофы. Она не пыталась оценить то, что сказал какт. Это была история, от которой кровь застывала в жилах и рассказанная так, что кровь застывала в жилах. Остальное не имело значения.

Беллис смотрела на водоворот армадцев, обсуждающих услышанное, мрачно совещавшихся. Они строили планы — это было видно; происходило какое-то движение. Что-то близилось к завершению.

Время бежало быстро. Солнце склонялось к горизонту. По всем Саргановым водам закрывались

мастерские, их работники толпами устремлялись на «Гранд-Ост».

В шесть часов появились Любовники. Они каким-то образом почувствовали, что происходит, прониклись смутным ощущением, что их квартал и весь город переживают кризис.

Они вышли на свет в сопровождении Утера Доула, с напряженными и взволнованными лицами. Беллис видела, как они изумленно моргают, глядя на собравшихся горожан. Перед ними, выстроившись в неровные ряды, стояли армадцы — хотчи, какты вперемежку с людьми и даже ллоргиссы Саргановых вод.

Над ними, корчась под убивавшими его нервы лучами солнца, висел Бруколак. А во главе собравшихся, решительно выпятив подбородок, лицом к Любовникам стоял Флорин Сак.

Любовники посмотрели на своих подданных, и Беллис четко различила страх в глазах правителей. Она мельком посмотрела на них, но тут же перевела глаза на их наемника, однако Утер Доул избегал ее взгляда.

— Мы говорили с Хедригаллом, — начала Любовница, умело скрывая тревогу.

Флорин Сак самым резким образом перебил ее:

— Избавьте нас от этого вранья.

Вокруг него люди поглядывали друг на друга, воодушевленные его уверенностью.

Любовники смотрели на Флорина, глаза их чуть расширились, лица оставались непроницаемыми.

— Хватит лгать, — продолжил Флорин. — Мы знаем правду. Мы знаем, где был Хедригалл — этот самый возможный Хедригалл, которого вы заперли, спрятали от нас. Мы знаем, *откуда* он.

Он двинулся вперед, и толпа, зашевелившись, решительно последовала за ним.

— Джаддок, — прокричал Флорин, — Корсалл, Гуддрунн, идите, ребята, найдите Хедригалла. Приведите его сюда.

Группа кактов вышла вперед, неуверенно направляясь к Любовникам, Утеру Доулу и двери за их спиной.

— *Стойте!* — выкрикнула Любовница.

Какты остановились и посмотрели на Флорина. Он двинулся вперед — толпа за ним. Приободренные какты пошли дальше.

— Доул… — сказала Любовница угрожающим голосом.

Все мгновенно замерли.

Утер Доул вышел вперед, встал между Любовниками и наступающими армадцами.

Несколько секунд спустя к нему навстречу вышел Флорин Сак.

— Против всех нас, Утер Доул? — громко сказал он, чтобы слышали окружающие. — Ты хочешь убить всех нас? По-твоему, сможешь? И только потому, что мы хотим привести Хедригалла. Но если ты грозишь им, — он указал на кактов, — то все мы пойдем с ними, и тебе придется грозить всем нам. Думаешь, сможешь справиться со всеми нами? Черт побери, может, и справишься, а может, и нет. Но если ты пойдешь на это, к херам собачьим… что тогда? Кем тогда будут править твои хозяева?

За ним стояли сотни армадцев и согласно кивали. Некоторые криками подбадривали Флорина.

Утер Доул переводил взгляд с Флорина на толпу за его спиной, потом снова на Флорина. И тут он дал слабину: его уверенность пошатнулась, он заколебался и повернул голову. Он повернулся к своим хозяевам, чтобы получить от них разъяснение, при этом слегка пожав плечами и вопросительно наклонив голову, словно говоря: «*Он прав. Что я должен сделать — убить их всех?..*»

Когда он вот так повернулся, когда выразил сомнение, Флорин победил. Доул снова дал знак

рукой, и какты прошли мимо него и Любовников в коридор, исполненные решимости найти Хедригалла; чувствовали они себя не в своей тарелке, но уже не боялись, зная, что теперь они в безопасности.

Любовники даже не посмотрели на них. Они во все глаза смотрели на Флорина Сака.

— Что еще вам надо от нас? — жестким голосом сказал Флорин Сак. — Вам рассказали, что случится с нами. Но вы так одержимы этой своей дурацкой идеей, что просто стали слепы, не хотите *этого* видеть! Вы все еще хотите двигаться дальше… И скрываете правду. Вы *лжете* нам. Хотите, чтобы мы молча тупо шли дальше, как бараны на бойню, и вместе с вашим дурацким аванком сверзились через край в пропасть. Нет уж — *хватит*! У нас остановка. Дальше мы не пойдем. Мы поворачиваем.

— Будь ты проклят! — Любовница ткнула рукой в Флорина, вперилась в него взглядом и плюнула перед ним на палубу. — Ты вонючий трус! *Кретин*! Ты что же, и правда веришь в его россказни? Да ты пораскинь *мозгами*, чтоб тебе пропасть! Ты думаешь, Шрам — это то, что наврал этот твой Хедригалл? И ты думаешь, что мы во всем огромном Скрытом *океане* так вот совершенно

случайно наткнулись на Хедригалла — да такого быть просто не может. Ты думаешь, это такое совпадение — наш Хедригалл убегает, а мы встречаем *другого*, из какого-то другого места, и он рассказывает нам такую страшную историю, что мы тут все от страха обделались?.. *Да это тот же самый Хедригалл!* Он давно вынашивал этот план. Вы пошевелите своими тухлыми мозгами. Мы думали, что он бежал, но он оставался здесь. Куда бы он мог бежать? Он перерубил канат «Высокомерия» и спрятался где-то тут. И вот когда мы приблизились к Шраму, оказались в двух шагах от самого удивительного места в нашем мире, он появляется, чтобы напугать нас и сбить с толку. Почему? Да потому что он такой же трус, как ты, как все вы… Такой у него был план. У него даже не хватило смелости бежать с позором. Он выждал момент, чтобы и вас забрать с собой.

Некоторые, услышав эти доводы Любовницы, заколебались. Даже в бешенстве она умела находить слова, бьющие точно в цель.

Но Флорин не оставил ей ни одного шанса.

— Вы собирались скрыть это от нас, — сказал он. — Вы собирались обмануть нас. Мы пошли за вами так далеко, а вы собирались обманывать нас. Вы так ослеплены вашим наваждением,

что боялись рисковать, рассказав нам правду. Вы ничего не знаете о Шраме! — прокричал он. — Ничего. Не надо нам этого вранья про совпадения. Не рассказывайте нам сказок. Может быть, этот ваш Шрам как раз такой, как о нем говорит Хедригалл. Вы ничего об этом не знаете… Нам известно только, что один из лучших граждан Саргановых вод, каких я только знал, заперт там, в вашей тюрьме. И он предупреждает нас: если мы доберемся до Шрама, то погибнем. И я ему верю. Дальше мы не идем. Теперь мы решаем, что будет дальше. Мы берем управление в свои руки. Мы поворачиваем. Мы возвращаемся домой. Ваш приказ двигаться дальше отменяется *к херам собачьим*! Всех в тюрьму не посадите и не убьете.

За этими словами последовал одобрительный рев, хвалебные выкрики, а потом люди начали скандировать: «*Сак, Сак, Сак*».

Беллис не обращала на это внимания. Происходило что-то чрезвычайное, что-то почти не слышное за одобрительными выкриками.

За спиной Утера Доула смотрел и слушал Любовник, глаза его горели ужасающей неуверенностью. Он протянул руку, прикоснулся к Любовнице и развернул ее, потом сказал ей что-то важное тихим голосом, что-то неслышное; она

пришла в недоумение и бешенство.

Любовники спорили между собой.

Над толпой повисла тишина, когда собравшиеся поняли, что происходит. Беллис задержала дыхание. Она была потрясена. Оказывается, они могли укоризненно перешептываться: лица их покраснели, шрамы побелели от гнева, голоса стали похожи на змеиное шипение, Любовники обменивались отрывистыми словами, все громче и громче, и наконец перешли на крик, не замечая людей, которые смотрели на них в глуповатом недоумении.

— …*Он прав!* — услышала Беллис крик Любовника. — Он прав. Мы не знаем.

— Не знаем *чего*?! — кричала ему в ответ Любовница. Лицо ее перекосило от бешенства и злости. — Не знаем *чего*?!

Небольшая стайка городских птиц испуганно вспорхнула в небо и быстро снова села где-то, исчезнув из виду. Армада заскрипела. Толпа погрузилась в молчание. Флорин Сак и бунтовщики замерли. Они следили за спором между Любовниками с трепетом, точно стали свидетелями геологического катаклизма.

Беллис, провожая глазами отлетевших птиц, задержалась взглядом на распятой фигуре Бруко-

лака, хотя вампир и вызывал у нее отвращение. Его судороги пошли на убыль, тело успокаивалось. Он открыл глаза, затянутые молочно-белой слизью и ослепленные дневным светом, и медленно повернул голову.

Беллис была уверена: он прислушивается.

Любовники ничего не замечали вокруг. Утер Доул молча отошел в сторону, словно не желая загораживать их от взглядов собравшихся.

Никаких других звуков не было слышно.

— Мы не знаем, — снова сказал Любовник. Беллис казалось, что глаза обоих испускают тепловые или иликтрические разряды.

— Мы не знаем, что впереди. Возможно, он прав. Как мы можем быть уверены? Как мы можем рисковать?

— О-о… — ответила Любовница раздраженным вздохом. Она смотрела на своего любовника с чувством страшного разочарования и потери. — Проклятье, — тихо выдохнула она. — Чтоб тебя боги задрочили до смерти.

Толпа безмолвствовала, но пережитый ею шок был вполне ощутим. Любовники вперились друг в друга взглядами.

— Мы не можем их заставлять, — сказал наконец Любовник. Голос его отчаянно дрожал. — Мы

не можем властвовать без согласия. Это же не война. Ты не можешь приказать Доулу сражаться с *ними*.

— Не отворачивайся от нашего дела сейчас, — сказала Любовница срывающимся голосом. — Ты отворачиваешься и от меня. И это после всего, чего мы достигли. После того, как я сделала тебя. После того, как мы сделали друг друга. Не предавай меня…

Любовник оглянулся, посмотрел на окружающие их лица. На лице его нарисовалась паника. Он протянул Любовнице руки.

— Пойдем внутрь.

Любовница стояла неподвижно, шрамы ее налились кровью. Ей с трудом удавалось держать себя в руках. Она в ответ покачала головой; бешенство кипело в ней.

— Да плевать, слышат нас или нет, — мы выше этого! Что тут происходит? Что с тобой случилось? Ты что — так же глуп, как и эти кретины? Ты полагаешь, что этот сукин сын, вернувшись, сказал нам хоть слово правды? Да? Ты ему веришь?

— Я — все еще *ты*, — прокричал в ответ Любовник, — а ты — все еще я? Или уже нет? Только это важно!

Он терял что-то. Что-то ускользало от него.

Беллис видела, что некая связь, не менее важная, чем пуповина, разрывалась в нем, истончалась, рвалась. Он недоумевал, бесился, неожиданно испытывал страх, впервые за много лет оказавшись в одиночестве. Он попытался сказать что-то еще.

— Мы не можем сделать это, не можем. Ты потеряешь *все*…

Любовница посмотрела на него, и на ее лице застыла гримаса отвращения.

— Я была о тебе лучшего мнения, — медленно произнесла она. — Я думала, что исцелила свою душу.

— Ты исцелила, да, исцелила, — услужливо проговорил Любовник.

Вид у него был такой жалкий, что Беллис смущенно отвернулась.

Из трюма «Гранд-Оста» привели Хедригалла — он шел, опираясь на плечи посланных за ним кактов, и был встречен радостными воплями.

Все выкрикивали вопросы, но он уклонялся от них и не мог отвечать. Люди плясали, орали, выкрикивали его имя, а он смотрел на них безумно и испуганно, словно не понимая, где находится. Какты, которых не пугали его шипы, подняли его и понесли. Хедригалл неустойчиво покачивался на их плечах, недоуменно поглядывая вокруг.

— Поворачиваем! — закричал Флорин Сак. — Мы поворачиваем город! Позовите Любовника! Позовите кого-нибудь, кто знает, как это делается. Зовите лебедочников, управляющих уздой. Мы посылаем сигнал этому чертову аванку — мы *поворачиваем*!

Толпа в воодушевлении повернулась к Любовникам, собираясь потребовать, чтобы те сказали, как это делается, но они уже исчезли.

Во время всеобщей давки, вызванной появлением Хедригалла, Любовница развернулась и бросилась в свою каюту. Любовник пустился за ней.

А следом, не спуская с них глаз, чуть поотстав и готовая в любую минуту свернуть в сторону, шествовала Беллис Хладовин и жаждала наконец понять, что же сделала она и что сделали с ней.

Ступив в коридор, она услышала продолжение диалога.

— Властвую здесь я, — услышала она голос Любовника — невнятный, осторожный. — В этом месте властвую я. *Мы*! Вот что мы здесь делаем. И вот кто мы *такие*, будь я проклят… Не делай этого. Иначе мы из-за тебя потеряем все.

Любовница повернулась к нему, и Беллис внезапно оказалась в ее поле зрения. Но Любовница

лишь скользнула по ней взглядом, а потом безразлично отвернула свое иссеченное шрамами лицо. Ей было наплевать — слушают ее или нет.

— Ты… — сказала она, прикасаясь к лицу Любовника. Она покачала головой, а когда снова заговорила, голос ее зазвучал печально и решительно. — Ты прав. Мы больше здесь не властвуем. Не для этого я появилась здесь… Я не стану просить тебя присоединиться ко мне. — На мгновение ее голос почти сорвался. — Ты украл себя у меня.

Она повернулась и пошла прочь, не обращая внимания на Любовника, который тщетно умолял ее, убеждал не отталкивать его, прислушаться к разумным словам, понять.

Для Беллис этого было достаточно. Она долго стояла одна между бессмысленными старыми гелиотипами, а потом вернулась к торжествующей толпе: Флорин пытался отдавать распоряжения, пытался повернуть город.

Крикливые группки, у которых голова пошла кругом от собственной смелости, встали за лебедки и принялись разворачивать аванка, натягивая его узду. И аванк, бездумно подчиняясь, медленно заложил вираж в несколько миль, таща за собой и город, и вот Армада изменила курс.

Кривая поворота была очень длинной, очень пологой, и разворот был закончен лишь к исходу дня. И пока город менял курс в уныло-однообразном море, пираты-чиновники Саргановых вод носились по своему кварталу, пытаясь выяснить, кто теперь правит.

Истина ужаснула их: в эти несколько безвластных часов никто не отдавал никаких распоряжений. Не было ни приводных ремней власти, ни установленного порядка управления, ни иерархии — ничего, кроме грубой безалаберной демократии, учрежденной армадцами, — такой, какая им была нужна. Для чиновников это было неприемлемо, и они видели вождей во Флорине Саке и Хедригалле. Но эти двое были всего лишь участниками событий: один — активный, другой — недоуменно восседающий на плечах кактов, словно талисман.

«*Неужели это все?*»

Беллис от волнения забыла обо всем на свете. Она утратила собственную волю. Сейчас ночь, а она с толпой смеющихся горожан бежит вдоль границы Джхура, чтобы увидеть, как поднимаются бригады лебедочников. Она понимает, что смеется вместе со всеми. Она не знает, когда это началось.

«*Неужели все закончилось?*
Неужели это все?»

Власти, которая держала в подчинении Саргановы воды и распространила свое влияние на всю Армаду, больше нет. Она была такой сильной, такой мощной, но вдруг взяла да и рухнула так бесшумно и так быстро, что Беллис оставалось только недоумевать. «*Куда они все делись?*» — спрашивает она себя. Правители исчезли, и все их атрибуты — законы, аппарат, стражники, влияние ушли в небытие вместе с ними.

Правители других кварталов попрятались и благоразумно помалкивали. Они бы все равно не смогли овладеть ситуацией, справиться с народным гневом и всеобщим опьянением. Они не настолько глупы, чтобы попытаться сделать это. Они выжидают.

Все страхи, все негодование и неуверенность, все, что накипело у горожан за последние недели и месяцы, осадок от всех проглоченных сомнений, — вот что движет этим порывом. Этим мятежом. Необыкновенная, невероятная история Хедригалла освободила их, придала уверенности, которой им не хватало.

Они разворачивают город.

Беллис не видит ни мародерства, ни насилия,

ни пожаров, не слышит оружейной стрельбы. Все, что произошло, имело одну цель. И эта цель — не погибнуть, выбраться из этого страшного моря живыми. Аванк все еще болен, но он двигается, и Беллис, глядя на звезды, понимает, что они держат путь к Вздувшемуся океану.

Она этого хотела. Каждая миля, отдалявшая Беллис от Нью-Кробюзона, была ее поражением. Она испробовала все, чтобы развернуть этот долбаный город, чтобы вернуться домой, и вдруг ее усилия совершенно неожиданно увенчались успехом.

«*Как это произошло?*» — думает она, чувствуя себя так, точно праздновала собственную победу, а не оставалась недоуменным и счастливым наблюдателем.

Она знает, что ее беспокоит. У нее есть вопросы и обиды. Она помнит, что видела в глазах Доула. «*Опять меня использовали*, — думает она с ужасом и удивлением. — *Опять меня использовали*».

Она запуталась в этом сложном клубке манипуляций, жертвой которых стала. Ей не распутать этот клубок. Еще не пришло время.

Из ракет, которыми сигналили штурманам на лебедках, устроили шумный безвкусный фей-

ерверк. Это было празднование, это был вызов — мятежники словно говорили: нам они больше не понадобятся, эти ракеты.

Небеса на востоке стали проясняться, но еще не для всех закончилось исступленное веселье.

Беллис стояла на «Гранд-Осте» неподалеку от входа в коридор, где находились покои Любовников. Она ждала — уже какое-то время. Она помнила, что сказала Любовница: «*Я не стану просить тебя присоединиться ко мне*». Что-то подходило к концу, и Беллис хотела быть свидетелем этого.

На палубе были другие люди, в большинстве уже усталые и пьяные. Они распевали песни и смотрели на море, но, когда на палубе появилась Любовница в сопровождении Утера Доула, все смолкли. Был один миг, угрожающий миг, когда присутствовавшие вспомнили о своем гневе, — боги знают, что могло бы случиться. Но это настроение быстро улетучилось.

Любовница несла туго набитые тюки. Она не смотрела ни на кого, кроме Доула. Беллис увидела, что в одном из тюков — случайница, этот необычный инструмент Доула.

— Это все? — спросила Любовница.

— Все, что я собрал, кроме моего меча, — кив-

нул он.

Лицо Любовницы хранило мрачное выражение. Спокойное и решительное.

— Лодка готова? — спросила она. Доул кивнул в ответ.

Они шли вместе под взглядами пиратов, и никто не остановил их. Они шли к правому борту «Гранд-Оста» и улочек, петлявших по притиснутым друг к другу судам, к гавани Базилио за ними. Беллис не отрывала взгляда от дверей. Она ожидала, что следом появится Любовник, позовет назад свою любовницу или подбежит к ней и скажет, что идет с нею, что ничто не может их разделить, но он так и не появился.

Они никогда не были друг другом. Они никогда не стремились к одной цели. Видимо, лишь волею случая зашли они вместе так далеко.

У борта «Гранд-Оста» Любовница остановила Утера Доула и оглянулась, чтобы в последний раз взглянуть на корабль. Солнце еще не взошло, но небо посветлело, и Беллис ясно увидела лицо Любовницы.

По правой щеке, от виска до подбородка, тянулся новый шрам. Он отливал едва заметным слоем бальзама, похожего на лак. Он был глубоким, темно-красным и пересекал несколько

прежних, старых шрамов, словно зачеркивая, отбрасывая их.

Беллис ни разу не слышала никаких рассказов об этом последнем путешествии, что удивляло ее. Все последующие дни и недели, когда только и говорили, что о ночи мятежа, она ни разу не слышала о Любовнице и Утере Доуле, спокойно прошедших по городу, который утомился и пресытился своим бунтом.

Но она могла представить себе их путь. Она видела, как невозмутимо идут они вперед — Любовница, печальная и задумчивая, оглядывается, запоминает черты города, которым она соуправляла столько лет. Вот она поудобнее перехватывает тюк, ощущая вес всех книг, содержащих тайную науку, брошюр о добыче возможностей, о древних машинах, подаренных ей Доулом.

Доул идет рядом с ней. Рука его лежит на эфесе меча, он готов защитить Любовницу в последние ее минуты пребывания в Армаде. Была в этом какая-то необходимость? Нужно ли было ему вмешиваться? Беллис никогда не слышала, чтобы он убивал армадцев.

И осталась ли Любовница действительно в одиночестве?

Трудно было поверить, что после стольких лет

пребывания в Армаде не нашлось никого, готового последовать за ней. Ее убеждения расходились с грубым меркантилизмом, который управлял Армадой, но наверняка среди граждан города нашлись бы и такие, кому вовсе не чужда была ее логика. Сама по себе она не могла бы управлять кораблем, даже самым маленьким. Беллис проще было представить себе, как, идя по городу, Любовница увлекает за собой людей, которые прятались до поры до времени, а теперь, почуяв ее приближение, решили присоединиться к ней. Чуждые своим соседям и подчиняющиеся другим порывам, они идут следом за Любовницей и Утером Доулом, Шагают с ней в ногу, уже собрав вещи, готовые оставить свой город.

Романтики, выдумщики, неудачники и сумасшедшие. Беллис воображала, как они идут за Любовницей.

Она не могла не представлять себе, что, когда Любовница появилась из-под свесов крыш и пересекла пустующие склады порта, ее уже ждала небольшая группа приверженцев. Беллис воображала, как они присоединяются к Любовнице на палубе заранее подготовленного судна, как прощаются, как помогают ей запустить двигатели, отдать концы.

Но Беллис ничего не знала наверняка — возможно, Любовница отбыла в одиночестве.

Беллис знала только, что почти час спустя, когда солнце едва взошло и почти не успело рассеять темноту, из узкого входа в гавань Базилио вышел корабль и направился в море. Корабль был невелик. Его палубу загромождали краны и лебедки, всевозможные механизмы и котлы, о назначении которых Беллис даже не догадывалась. Суденышко выглядело хорошо оснащенным и чистым.

Беллис видела его не очень отчетливо. Она смотрела на него над неправильными контурами городских крыш, над этими плоскими и наклонными, серыми и красными листами металла, черепицы, бетона. Она видела, как движется суденышко сквозь подсвеченный солнцем утренний туман, мимо других судов, надежно причаленных в порту, как движется сквозь промоину в корабельной ткани города.

Она видела, как повалил черный дым из трубы судна, когда непонятные и сильные течения Скрытого океана подхватили его и понесли прочь.

Неподалеку от Беллис за уплывающим кораблем наблюдал Любовник.

Глаза его были так красны от слез, что казалось, будто он натер их песком. На его щеке были, конечно, только старые шрамы.

Кораблик уходил все дальше и дальше. Он двигался с неизменной скоростью — такого Беллис в Скрытом океане еще не видела. Без всякой суеты, без пальбы из ракетниц он взял курс на север, в направлении, противоположном движению города. Он шел к горизонту и Шраму.

Спустя немало времени после того, как судно исчезло из виду, на палубе «Гранд-Оста» появился Утер Доул — один.

Доул стоял под мачтой, на которой был распят Бруколак: с восходом солнца вампир снова начал жалобно поскуливать.

— Снимите его, — властно приказал Утер Доул ближайшей к нему кучке людей.

Те испуганно подняли на него глаза, но возражать не осмелились.

— Снимите его и отнесите домой.

И в это необычайное утро, когда город нащупывал путь к новым правилам и никто не знал, что разрешено, что нормально, что приемлемо, что верно, милосердный приказ Утера Доула был выполнен.

«*Больше уже не Любовница*», — подумала вдруг Беллис. Она смотрела на кромку горизонта, за которой исчезло маленькое суденышко. Она думала о споре Любовников, о новой ране — новоприобретенном шраме, рассекшем лицо Любовницы, воссоздавшем ее заново, отделившем от Любовника. «*Ты уже больше не Любовница*».

Беллис попыталась заново представить себе Любовницу у штурвала ее корабля, который направляется к самому необычному месту в мире. Беллис попыталась переосмыслить ее, получить четкий образ, по справедливости признать ее заслуги или вину; Беллис пыталась думать о том, как эта женщина не по чьему-то, а по своему собственному плану или желанию направляет крохотный кораблик к оконечности мира.

Но Беллис продолжала думать о ней как о *Любовнице Любовнице Любовнице*, хотя и пыталась не делать этого.

Она не знала имени этой женщины.

КОДА

ФЛОРИН САК

Ну и заварушка была. Ты и не поверишь, чем я тут занимался.

Мы больше не плывем к Шраму. Мы направляемся назад, в те воды, откуда пришли. И все у нас будет по-прежнему.

Странно. Говорю так, но ведь я не знал этого города до того, как он помешался на Скрытом океане. И ты не знал. Все, что произошло, все было направлено на то, чтобы мы попали к Шраму. Я ведь не жил здесь, когда Армада была просто пиратским городом.

И ты тоже не жил.

Я тут проводил время с твоей Анжевиной. Я бы солгал тебе, если бы сказал, что мы с ней лучшие друзья. Мы того… робковаты, как бы ты сказал. Но мы встречаемся и разговариваем. По большей части о тебе.

Нас обманывали, и мы наелись этим враньем. А они готовы были рисковать нашими жизнями, чтоб им было пусто, и вот мы заставили их повернуть назад.

Не проходит это — то, что тебя нет.

Я больше здесь не живу. Я нигде не живу. Это место убило тебя.

Не знаю, что это было там в воде. Я только знаю, что в тот день мы в воде сражались не с вампирами. Никто не говорит о них. Никто не знает, кто они такие. Только то, что они помогли нам повернуть.

Сукин Джон их видел. Я вижу это по его поросячьим глазкам. Но он ничего не говорит.

Это я повернул город. Те существа, что забрали тебя, которые сражались заодно с вампирами, они проиграли.

Я закончил дело за них. Развернул город.

Не знаю, смешно ли это. Я только знаю, что не могу больше жить здесь и не могу уйти отсюда.

Я ведь теперь морское животное. Дурная шутка. Мы оба знаем, что такое настоящие морские животные, как они двигаются, с какой скоростью. Не то что я — тяжело, неловко, украденные плавники трепыхаются, пот, точно слизь. Одно слово — переделанный.

А теперь мне страшно. Я ныряю в море и начинаю потеть. Теперь каждая морская собачка для меня похожа на тех тварей, что забрали тебя.

Но на воздухе я больше жить не могу. Такой возможности теперь у меня нет.

Что я буду делать? В Нью-Кробюзон вернуться я не могу, а если бы и мог, то без моря быстро бы там загнулся.

Буду заставлять себя плавать. Со временем все снова придет в норму. Привыкну.

Им меня не удержать. Я могу уйти. Может случиться, мы подойдем к какому-нибудь берегу, и тогда я ускользну. И буду жить в одиночестве на мелководье, чтобы можно было видеть дно внизу, там, где в воде встречаются камень и растительность. Я вполне смогу жить один. Поверь мне, я уже наелся всего.

Мне ничего не нужно, и у меня ничего нет.

Мне говорят, что со временем все это пройдет и я почувствую себя лучше. Я не хочу, чтобы время лечило меня. Я такой, какой я есть, и на то имеются свои причины.

Я хочу, чтобы время оставило меня навсегда таким вот уродливым и согбенным — я стал таким после того, как твоя смерть оставила на мне отметину. Я не забуду тебя.

Я не могу сказать тебе «пока».

БЕЛЛИС ХЛАДОВИН

Пыледельник, 2 тэтиса, 1780. Армада.

Аванк снова замедляет ход, теперь уже окончательно.

После атаки гриндилоу он так и не выздоровел. Рубец не образуется, рана не залечивается — остается живой и омерзительной. Время от времени мы снова проходим мимо озер аванкового гноя.

Мне кажется, что сердце у него останавливается.

Мы все знаем, что аванк умирает.

Может, он ищет свой дом. Может, он пытается найти путь в темную вселенную морской воды, откуда мы его выманили. И все это время болезнь его усугубляется, он слабеет, кровь его сгущается, загнивает и сворачивается, его огромные плавники двигаются все медленнее.

Ну да ничего. Мы уже недалеко от границы Скрытого океана. Скоро мы выйдем из него (может, через два-три дня, а то и

часа), и нас встретит армадский флот. До этого времени аванк дотянет.

Однако город может остановиться в любой день.

Мы будем застопорены, прикреплены к органическому якорю, к миллионам тонн плоти, гниющей на дне моря.

Пять цепей — значит, нужно будет перерезать пять звеньев. Одно звено — два распила. Каждое звено имеет в ширину много футов, к тому же оно закалено при помощи магии. На это уйдет какое-то время, но в конечном счете эти мили металла одна за другой упадут на дно.

Катастрофа это будет для донных жителей — почище божественного гнева. Тонны металла станут падать, ускоряясь, — четыре, пять миль, — пока не рухнут на илистое дно, не врежутся в твердую подложку. Окажутся на теле бедняги аванка, может, вспорют его и мили аванковых кишок вывернутся в темную жижу.

Может быть, со временем на этом невероятном удобрении разовьются целые экосистемы.

Но нас там уже не будет.

Мы уже к тому времени доберемся до нашего флота, они возьмут нас на буксир, и Армада будет такой, какой и была. Конечно буксиров стало меньше после Кробюзонской войны, но город к тому времени избавится от бессчетных тысяч тонн цепей. Так что вытянут.

Армада будет такой, какой и была.

Назад по Вздувшемуся океану, назад, туда, где густая сеть морских путей, где порты и торговцы. Армадские пираты, много месяцев пытавшиеся отыскать город с помощью странных устройств, снова смогут найти его. Мы вернемся в Господское море, к Гебдомаду, Гнурр-Кетту, каналу Василиска.

Назад к Нью-Кробюзону.

Уже прошло несколько месяцев с того дня, когда исчезла женщина, чьего имени я не знаю. Многое с тех пор переменилось.

Бунтовщики не сумели долго удерживать власть. У них не было ни программы, ни партии. Они были только разрознен-

ными группками, узнавшими, что их обманывают, и не пожелавшими умирать. Они захватили власть, спонтанно учинив скоротечный мятеж, а потом легко отдали ее.

Прошло несколько дней, и снова появился Любовник. Он вышел из «Гранд-Оста» и стал отдавать приказы. Люди были рады выполнить их. Никто на него не в обиде.

Но при всем том он проиграл. И все это знают. Смотрит он рассеянным взглядом, а приказы его какие-то неопределенные. Утер Доул что-то нашептывает ему, и тогда Любовник кивает и отдает какой-нибудь осмысленный приказ — слова Доула исходят из уст Любовника.

Доул не позволит, чтобы это продолжалось. Он наемник — работает за деньги, продает свою преданность. Если он собирается взять бразды правления в свои руки, то вряд ли он хочет, чтобы это выглядело так неприкрыто. Если он будет править, то тайно, чтобы пользоваться свободой наемника. Уж что-что, а это я про него поняла.

Не знаю, что с ним произошло, почему он бежит от реальной власти.

Я не знаю человека более сложного или, как я подозреваю, с более трагической судьбой. Его собственная история породила идеи, которые привели всех нас сюда, так далеко от того, что он сам искал в Армаде. Трудно сказать, какие его действия были преднамеренными, а какие — откликом на события. Не могу поверить, что ему нравится, как все идет сейчас, что, глядя на свое положение и на положение Любовника, он кивает и говорит: «Именно этого я и хотел».

Не знаю — он либо контролирует все, либо пребывает в постоянном страхе. Он либо скрупулезнейшим образом спланировал все, либо безысходно ведет нас от кризиса к кризису, не зная, чего хочет, надев на лицо маску бесстрастия.

Любовник безутешно смотрит за горизонт. Хотя под конец эта женщина стала презренной и опасной лгуньей, жалкой она никогда не была, а вот ее бывший любовник стал именно жалким. Думаю, он не переживет случившегося. Может

быть, в один прекрасный день он обнаружит, что Доул вовсе не на его стороне. В особенности теперь, когда Бруколак снова правит Сухой осенью.

Что касается гриндилоу, то их видели лишь немногие, а еще меньше людей говорит о них. И только я не могу их забыть.

Ночью я видела Бруколака. Он свободно разгуливает по Армаде.

На коже у него остались ожоги от солнца, и они уже никогда не пройдут. Он теперь какой-то подавленный. Каррианна говорит о нем с некой суровой симпатией. Его подданные поддерживают его, а большинство остальных граждан быстро его простили, даже те, кто в ночь мятежа потерял близких. Ведь в конце концов, он повел своих подручных против Сарганових вод, потому что, как он говорил, мы должны развернуть город. И он был прав, и город развернули.

Сухая осень и Сарганови воды теперь сосуществуют мирно, Каррианна говорит, что Доул по ночам наведывается к Бруколаку на «Юрок».

Я много времени провожу с Каррианной. Она помалкивает о прежних взглядах, о том, что поддерживала Любовников. Почти две недели она вообще почти ни о чем не говорила. Может, ей было стыдно оказаться заодно с женщиной, которая так легко лгала и могла привести нас к гибели.

Именно такова общепринятая версия событий. Мы верим тому, что рассказал вернувшийся Хедригалл. Люди ему поверили и потому повернули город.

Флорин Сак и я… мы с ним встречаемся время от времени. Он снова начал работать под городом. Он никогда не вспоминает о том, как я отвела его в тесную каморку на «Гранд-Осте» и тем самым подвигла всех к мятежу.

Неужели я это сделала?

Неужели я была причиной восстания? Город снова движется на юг, к водам, по которым мы плавали прежде, в места, которые кое-что для меня значат. Неужели все это благодаря мне?

И означает ли это, что я выиграла?

Может быть, у нее все получилось, как она хотела, у той женщины. Может, она сумела заякориться на кромке воды, и опустить в пропасть свое оборудование, и получить оттуда все необходимые ей энергии, и теперь она могущественна, как боги.

А может, она упала в бездну.

А может, и падать-то было некуда.

Хедригалл болен, бредит после всех выпавших на его долю испытаний; он отлеживается где-то в глубинах «Гранд-Оста». Слыша об этом, я думаю: нас обманули.

Та женщина была права. Нас заставили поверить в совершенно невероятный, невозможный случай, в цепочку небывалых совпадений, что, мол, наш Хедригалл бежит, а из соседнего мира выходит другой, его будто бы носит по морю, а потом мы случайно наталкиваемся на него в огромном океане. Нет, нас обманули.

Я помню, как посмотрел на меня Доул.

Он искал меня взглядом на палубе «Гранд-Оста» и нашел. Сказал мне глазами, чтобы я пошла, подслушала и положила этому конец. Он так много сказал

мне глазами и так много оставил необъясненным. И так много стало ясно. То, что он сделал. Его игры. Его манипуляции.

Я представляю себе, как он встречался с Хедригаллом, этим верным кактом, которого страшил план Любовников. Доул выдвигает собственный план. Прячет где-то Хедригалла, чтобы его никто не нашел. А сам потихоньку, неслышно, как только он один и умеет, идет и перерезает канат «Высокомерия», потом, спустя время, снова извлекает на свет Хедригалла, чтобы тот до смерти перепугал жителей своей историей о пропасти посреди моря. А Доул при этом остается в стороне. И в его лояльности никто не сомневается.

А может, спрятаться Хедригаллу предложил Фенек, составивший этот план на тот случай, если кробюзонская атака не увенчается успехом и мы не сможем вернуться в родные воды.

Но я видела тот взгляд Доула. И если даже все это замыслил Фенек, то Доул знал о плане и помог ему воплотиться в жизнь.

Я вспоминаю все те случаи, когда Доул рассказывал мне всякое, делал намеки,

сообщал, куда мы направляемся, что собираемся делать, зная, что я знаю Сайласа Фенека, или Саймона Фенча, зная, что я передам эти сведения ему. И разозлился он лишь тогда, когда я передала не ту информацию, на какую он рассчитывал.

Он тратил на меня свое время, наводил меня на нужные ему мысли. И я давала себя наводить. Он использовал меня как проводник.

Я поражена тем, как много он знал и видел. Интересно, когда все это началось, сколько времени меня использовали — много-много месяцев или только в последние дни. Не знаю, какая часть из того, что делает Доул, — стратегический замысел, а какая — реакция на события. Но конечно, он знал гораздо, гораздо больше, чем я полагала.

Я не могу сказать в точности, насколько меня использовали.

Есть и другая версия. И она беспокоит меня. Я от разных людей снова и снова слышу, что Хедригалл не очень-то похож на нашего Хедригалла. У него изменились манеры, голос стал не таким

уверенным. Лицо у него, говорят, сильно (или не очень) иссечено шрамами. Ему удалось спастись из другого мира. Люди верят в это.

Что ж такое возможно. Возможно, он сказал нам правду.

Но даже если это и так, одно везение тут ничего не объясняет. Я видела Доула — он ждал этого Хедригалла и меня. Так что Хедригалл не мог объявиться случайно. Есть этому другое объяснение.

Может, это Доул подстроил. Я слышала музыку. Может быть, это Доул играл вероятностями, сочинял концерт из возможного и невозможного.

Может, он играл на своей случайнице по ночам, когда мы приближались к Шраму и возможные миры вокруг нас становились все более навязчивыми? И вот он нашел тот мир, в котором Хедригалл выжил, извлек оттуда какта и поместил туда, где мы на него наткнулись?

Неужели был расчет на такое маловероятное совпадение: я окажусь там с кем-нибудь, кому поверят, а к тому же Доул сумеет отыскать меня взглядом. Так

много случайностей. Доул, наверно, самый везучий человек в Бас-Лаге. Или же он спланировал непланируемое. Подготовил меня к этому моменту.

Умел ли он разыгрывать возможности, как виртуоз? Мог ли он сделать так, чтобы реализованная возможность включала мое и Флорина присутствие при возвращении Хедригалла, нашу готовность?

А что, если бы настоящей Беллис не оказалось там в нужное время? Он что, воссоздал бы другую? Воссоздал бы меня? Ту, которая в соответствии с его замыслом оказалась бы в нужное время в нужном месте?

И может, я Беллис-двойник?

И если так, то что случилось с той, другой? С настоящей?

Может, он ее убил? Может, ее тело плавает где-то, разлагается, пожирается рыбами? Может, я подмена? Может, меня вызвали к жизни для замены убитой женщины, чтобы я оказалась там, где нужно было Доулу?

И все это для того, чтобы он, постоянно оставаясь в тени, мог развернуть город.

Неужели не было другого способа? Неужели он пошел на все это, чтобы сделать все по-своему, но при этом никак не засветиться?

Я так никогда и не узнаю, что же произошло, насколько меня использовали среди всего этого хаоса, крови и резни.

Но в том, что меня использовали, сомнений нет.

Доул потерял ко мне всякий интерес.

Когда мы были вместе, он играл мною, использовал меня как средство, чтобы развернуть город. Верный наемник, снова превративший город всего лишь в пиратское прибежище.

И теперь, когда я сделала то, что от меня требовалось, я для него не представляю никакого интереса.

Странно обнаружить, что ты пешка в чужой игре. Он меня обошел, но я слишком стара, чтобы сокрушаться из-за чьего-то предательства.

И все же я уже два раза попыталась встретиться с ним, понять, что же он сделал. Дважды я стучалась к нему, и он открывал дверь и молча смотрел на меня

так, будто видит в первый раз. И оба раза слова замирали у меня на губах.

«Нет у нас никаких отношений», — помнится, бросил мне Сайлас Фенек.

Наверное, это лучший совет, какой можно дать.

Сегодня есть всего несколько возможностей, которые могут объяснить, что произошло. И любая из них может оказаться верной. И если бы Доул заявил, что непричастен ни к одной из них, то для меня все запуталось бы еще больше — больше, чем теперь. Мне пришлось бы рассмотреть такую возможность: никакого плана не было и объяснять тут нечего.

Так зачем же мне так рисковать? Зачем отказываться от тех объяснений, что у меня есть?

Ко мне пришел Флорин Сак. Анжевина осталась ждать его внизу на палубе «Хромолита» — ей по моей лестнице не подняться.

Не сомневаюсь, они нужны друг другу. Но насколько мне известно, их отношения очень неопределенные и отчужденные, и я думаю, они не сойдутся. Одной

общей утраты, видимо, недостаточно.

Флорин принес мне найденный им гелиотип — Шекель, стоя рядом с библиотекой, держит в руках две книги и улыбается во весь рот. Флорин решил: все, что относится к Шекелю и книгам, должно принадлежать мне. Я смущена. Я не знаю, как сказать ему, чтобы он больше ничего не приносил.

Когда он ушел, я принялась разглядывать бледную картинку. Печать была неважной. Неясные очертания построек и людей запечатлелись на бумаге, оставили на ней шрамы. Ранили ее и исцелили, придав новую форму. Шрамы — это воспоминания.

Я несу воспоминания об Армаде на моей спине.

Несколько недель назад я разделась и с помощью двух зеркал увидела, что написали на мне Сарганова воды. Послание невообразимо уродливое, почерк грубый.

Линии тянутся поперек моей спины в тех местах, где опустился кнут; они почти параллельны. Они словно появились на одной стороне спины, надорвали кожу и

сошли на нет на другой.

Они похожи на швы. Они пристегивают ко мне прошлое.

Я смотрю на них в удивлении, словно они не имеют ко мне никакого отношения. Армада надежно зашита в моей спине, и я везде буду носить ее с собой.

От меня скрыли столько правд. Это жестокое, бессмысленное путешествие пропитано кровью. Я вся до тошноты измарана ею. И ничего другого — сумбурное и варварское, начисто лишенное смысла путешествие. Здесь ничему не научишься. Никакого исступленного забвения. В море нет искупления.

Я унесу Армаду домой на своей спине.

Дом.

Когда Доул увидел меня у своей двери во второй раз, на моем лице, видимо, было написано что-то необычное, потому что он кивнул, а потом заговорил.

Он сказал:

— Ну, хватит так хватит. Мы доставим вас домой.

Снова оказаться дома.

Я была ошарашена. Я поклонилась и поблагодарила его.

Он подарил мне это. И не ради того, что оставалось между нами, — может, между нами не было ничего.

Он вознаграждает меня. Платит мне.

За проделанную работу. Ведь он же пользовался мной.

Доул через меня передавал послания Фенеку, чтобы Фенек передавал их городу. Но Фенек сделал не то, что от него требовалось, и Любовники перехитрили его, сообщив правду. А поэтому Доул нашел способ использовать меня по-другому.

А теперь он доставит меня домой. Не из теплых чувств ко мне и не из справедливости. Он предлагает мне плату.

Я приму ее.

Он вовсе не глуп. Он знает: что бы я ни сказала в Нью-Кробюзоне, это не будет означать гибель Армады или даже угрозу ей. Если я попытаюсь выступить в Парламенте, меня никто не станет слушать. Да и с какой стати мне выступать там, мне, предательнице?

Видимо, будет послан корабль с задани-

ем пограбить в районе канала Василиска. И меня отправят на этом корабле. Потом на маленькой лодочке меня высадят в этом жутком Ке-Бансса, который я видела с палубы «Терпсихории». А там я дождусь прихода какого-нибудь кробюзонского судна, которое направляется домой, к Железному заливу, к Большому Вару, к городу.

Утер Доул не откажет мне в этом. Это ему ничего не будет стоить.

Много месяцев минуло с того дня, как мы покинули Железный залив. Когда мы дотащимся до него снова, пройдет уже больше года. Я возьму другое имя.

«Терпсихория» пропала. У властей больше нет причин преследовать Беллис Хладовин. И даже если какой-нибудь кробюзонский скот, которому до всего есть дело, вспомнит, узнает меня и доложит какому-нибудь чиновному ублюдку, то с меня хватит — я уже набегалась. И я никак не могу поверить, что я им еще интересна. Та часть моей жизни закончилась. Настали новые времена.

После всех этих событий, после моей

безумной, бесплодной попытки побега, я считаю, что, сама того не ведая, сделала все необходимое для моего возвращения домой. И я унесу воспоминания об Армаде, вшитые в мою плоть.

Я с удивлением обнаружила, что снова пишу тебе это письмо. Рассказав Утеру Доулу правду, я думала, что с этой писаниной покончено. Но, признавшись себе в этом, я почувствовала себя брошенным ребенком. Есть ли что-нибудь более жалкое, чем бумажки, которые я так хотела отправить адресату, хотя так еще и не решила, кто этим адресатом будет?

Тогда я их припрятала.

Но теперь началась новая глава. Армада движется вспять во времени, готовясь вернуться к своему пиратскому промыслу в богатых водах около моего дома. Все переменилось, и я дрожу от возбуждения, выискиваю удобный случай, чтобы закончить это письмо.

Оно меня смущает. Благодаря ему я становлюсь откровеннее.

Это возможное письмо. До последней секунды, пока я не вставлю твое имя по-

сле слова «дорогой», написанного столько листов и месяцев назад, оно остается возможным письмом. Чреватым разными возможностями. Теперь я очень сильна. Я умею добывать возможности и могу одну из них сделать реальностью.

Я не была твоим лучшим другом и прошу у тебя прощения за это. Я вспоминаю моих друзей в Нью-Кробюзоне и спрашиваю себя, кто из них станет тобой.

А если я захочу сделать это письмо воспоминанием, которое скажет «прощай», а не «здравствуй», тогда ты будешь Каррианной. Ты — мой дорогой друг, если так оно и есть, и то, что ты был мне неизвестен, когда я начинала письмо, ничего не значит. Ведь это все же возможное письмо.

Кем бы ты ни был, я не была твоим лучшим другом и сожалею об этом.

Мы приближаемся к флоту, который стоит в ожидании на границе Скрытого океана, напоминая строй беспокойных охранников. И я пишу тебе это письмо, чтобы рассказать обо всем, что случилось со мной. Как я тебе уже говорила, я

поняла, что мной манипулировали, что меня постоянно использовали, и, даже не исполняя функции переводчика, я все равно передавала чужие послания. Но это знание ничуть не обескураживает меня.

И дело не в том, что мне все равно. Не то чтобы я не злюсь за то, что меня использовали (пусть боги и Джаббер будут милостивы ко мне), или за те страшные, кровавые события, причиной которых я по неведению стала.

Но даже когда я говорила за других (осознанно или нет), я действовала ради себя. Я присутствовала при всем происходившем — истинная «я». И потом, хотя я и сижу здесь, за десять тысяч миль от Нью-Кробюзона, на другом конце чужих морей, я знаю, что пусть и медленно, но мы движемся к дому. И хотя печаль и чувство вины прочно пришиты ко мне стежками шрамов, две вещи мне ясны.

Первая состоит в том, что все переменилось. Больше мною уже никто не сможет воспользоваться. Эти дни позади. Я слишком многое знаю. То, что я делаю сейчас, я делаю для себя. И несмотря на все, что

случилось, мне кажется, будто мое путешествие начинается только сейчас, только в эти дни. Мне кажется, будто это (даже все это) было только прологом.

Вторая же состоит в том, что мое желание отправить это письмо кому-нибудь, оставить по себе хоть какой-нибудь след в Нью-Кробюзоне, мой сумасшедший пыл — все это прошло. Та жажда, что обуяла меня в Устье Вара, в Салкрикалторе, — послать письмо, в последнюю минуту решить, кто ты, не исчезнуть бесследно — весь этот безумный ужас кончился.

Он превратился в ничто. В нем больше нет нужды.

Я возвращаюсь домой. Я накоплю по пути назад — а путь этот будет долгим, но когда-нибудь подойдет к концу — гораздо больше новых слов, чтобы и их тоже передать тебе. Мне не нужно отправлять это письмо по почте. Кто бы ты ни был, мой дорогой друг, кого бы я ни выбрала, я вручу тебе это письмо лично.

Передам тебе его из рук в руки.